

Густав
ГИЛБЕРТ

В
А

ВОЕННЫЙ
АРХИВ

Густав
ГИЛБЕРТ

НЮРНБЕРГСКИЙ ДНЕВНИК

НЮРНБЕРГСКИЙ
ДНЕВНИК

Annotation

Густав Марк Гилберт был офицером американской военной разведки, в 1939 г. он получил диплом психолога в Колумбийском университете. По окончании Второй мировой войны Гилберт был привлечен к работе Международного военного трибунала в Нюрнберге в качестве переводчика коменданта тюрьмы и психолога-эксперта. Участвуя в допросах обвиняемых и военнопленных, автор дневника пытался понять их истинное отношение к происходившему в годы войны и определить степень раскаяния в тех или иных преступлениях.

С момента предъявления обвинения и вплоть до приведения приговора в исполнение Гилберт имел свободный доступ к обвиняемым. Его методика заключалась в непринужденных беседах с глазу на глаз. После этих бесед Гилберт садился за свои записи, — впоследствии превратившиеся в дневник, который и стал основой предлагаемого вашему вниманию исследования.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

-
- [Густав Гилберт](#)
 - [Введение](#)
 - [Обвиняемые](#)
 - [Реакция на предъявленное обвинение](#)
 - [Самоубийство Роберта Лея](#)
 - [Юлиус Штрейхер\[2\]](#)
 - [Рудольф Гесс](#)
 - [Герман Геринг](#)
 - [Йоахим фон Риббентроп](#)
 - [Яльмар Шахт](#)
 - [Ганс Франк](#)
 - [Бальдур фон Ширах](#)
 - [Альберт Шпеер](#)
 - [Вильгельм Кейтель](#)
 - [Альфред Йодль](#)
 - [Франц фон Папен](#)
 - [Психологические тесты](#)
 - [Дневник процесса 1945–1946 ГГ](#)

- [Открытие процесса. Англо-американское обвинение](#)
 - [Обвинение Франции](#)
 - [Советское обвинение](#)
 - [Заключительные речи](#)
- [Послесловие](#)
 - [Геринг](#)
 - [Гесс](#)
 - [Риббентроп](#)
 - [Кейтель](#)
 - [Кальтенбруннер](#)
 - [Розенберг](#)
 - [Франк](#)
 - [Фрик](#)
 - [Штрейхер](#)
 - [Функ](#)
 - [Шахт](#)
 - [Дёниц](#)
 - [Редер](#)
 - [Фон Ширах](#)
 - [Заукель](#)
 - [Йодль](#)
 - [Фон Папен](#)
 - [Зейсс-Инкварт](#)
 - [Шпеер](#)
 - [Фон Нейрат](#)
 - [Фриче](#)
 - [Борман](#)
- [Летопись организации и деятельности Международного военного трибунала](#)
- [Пояснение отдельных терминов и сокращений](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

Сделано для
Maxima-Library

Густав Гилберт
НЮРНБЕРГСКИЙ ДНЕВНИК

Введение

Обвиняемые

20 октября 1945 года, то есть в тот день, когда Международный военный трибунал предъявил обвинение 23 главным военным преступникам, я прибыл в Нюрнберг с первой партией военнопленных. Являясь офицером военной разведки, владевшим немецким языком, я своими глазами видел доказательства варварских преступлений нацистов на примере концентрационных лагерей, таких, как Дахау, еще задолго до дня капитуляции. Как психолога меня в первую очередь интересовало выяснить, что же побуждало людей к вступлению в ряды нацистов и на их деяния.

Через допросы военнопленных и беседы с представителями гражданского населения Германии мне это выяснить так и не удалось. Объяснение почти всегда было одним и тем же — мы, дескать, люди маленькие, слепо выполнявшие приказ своего фюрера и тех, кто ниже, которые их впоследствии предали. И вот теперь мне предстояло увидеть некоторых из пресловутых фюреров в следственной тюрьме Нюрнберга, города, куда я мечтал попасть. Мне повезло — я получил возможность заменить переводчика коменданта тюрьмы, после чего был назначен психологом-экспертом на весь период ведения судебного процесса.

Моя основная задача состояла в ежедневных контактах с заключенными и информировании об их душевном состоянии и настроениях коменданта тюрьмы полковника Андраса, а также в участии в подготовке предстоявшего судебного процесса. Моя работа осуществлялась совместно с тюремным психологом, равно как и различными комиссиями психиатров-экспертов.^[1] С момента предъявления обвинения и вплоть до приведения приговора в исполнение мне был обеспечен свободный доступ к обвиняемым. Это позволило мне в течение годичного периода изучить их поведенческую реакцию в контролируемых условиях. Вся методика заключалась в непринужденных беседах с глазу на глаз. В присутствии заключенных я никогда не позволял себе делать какие-либо записи, однако содержание этих бесед и наблюдений тщательно фиксировалось мною позже: покинув камеру или столовую, я тотчас же садился за свои

записи, впоследствии превратившиеся в дневник, который послужил первоосновой предлагаемого вниманию читателя исследования.

Как нетрудно догадаться, чаще всего в беседах с бывшими нацистами звучали всякого рода отговорки, общие фразы, целью которых было самооправдание и взаимные обвинения. Именно их яростные протесты, именно их куда более критичный настрой по отношению к другим своим подельникам, нежели к себе самому, как нельзя лучше раскрывают их характеры и мотивации. Обвиняемые действительно проявили себя весьма словоохотливыми собеседниками, оказавшись в обществе психолога, единственного (за исключением лиц духовного сана) из офицеров американской армии, свободно владевшего немецким. В своих записях я намеренно избегал добавлять к приводимым ими фактам всякого рода психологические умозаключения, оставив эту часть для будущего исследования, куда более объемного и объективного.

В течение месячного срока между предъявлением обвинения и началом процесса нацистские вожди располагались в одиночных камерах. Я использовал это время для установления более близких контактов с ними, описания их реакции на предъявленное обвинение и проведения психологического тестирования, что вносило некоторое разнообразие в их унылый быт, основанный на полной изолированности, а для меня обеспечивало возможность познакомиться с каждым в отдельности обвиняемым. Материал, повествующий о событиях этого месяца, подан в данной вводной главе свободно и вне каких-либо хронологических рамок.

Реакция на предъявленное обвинение

Их реакции выкристаллизовались довольно скоро. Каждый из обвиняемых по моей просьбе должен был снабдить текст предъявленного ему обвинения собственными комментариями на полях. Их спонтанные высказывания, приведенные ниже:

Герман Геринг, рейхсмаршал и имперский министр авиации, имперский президент, ответственный за осуществление четырехлетнего плана и пр., поместил свой излюбленный циничный тезис: «Победитель — всегда судья, а побежденный — обвиняемый!»

Йоахим фон Риббентроп, имперский министр иностранных дел, ограничился уклончивым заявлением: «Обвинение предъявлено не тем людям». И устно добавил: «Мы все были тенью Гитлера», однако в письменном виде эту мысль отразить воздержался.

Рудольф Гесс, пребывавший с момента своего на шумевшего прибытия в Англию в состоянии полного беспамятства, написал лишь следующее: «I can't remember» («Не помню» *(англ.)*. — *Прим. перев.*).

Эрнст Кальтербруннер, начальник гиммлеровского РСХА (Главного управления имперской безопасности), заявил о своей формальной невиновности: «Я не несу никакой ответственности за военные преступления, я лишь выполнял свой долг, как руководитель разведывательных органов, и отказываюсь служить здесь неким эрзацем Гиммлера».

Альфред Розенберг, ведущий нацистский философ и имперский министр по делам оккупированных восточных территорий, также заявил о своей невиновности: «Я отвергаю обвинение в «заговоре». Антисемитизм являлся лишь необходимой оборонительной мерой».

Ганс Франк, гитлеровский прокурор, а впоследствии генерал-губернатор оккупировать» польских территорий, изложил в письменном виде свою точку зрения религиозного неопита: «Я рассматриваю данный процесс, как угодный Богу высший суд, призванный разобраться в ужасном периоде правления Адольфа Гитлера и завершить его».

Вильгельм Фрик, имперский министр внутренних дел, дал изворотливый и юридически грамотный комментарий: «Все обвинение основано на предположении об участии в заговоре».

Фриц Заухель, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы на период осуществления четырехлетнего плана, столкнулся с известными трудностями, пытаясь увязать свою любовь к рабочему люду с предъявленным ему обвинением: «Пропасть между идеалом социалистического общества, вынашиваемым и защищаемым мною, в прошлом моряком и рабочим, и этими ужасными событиями — концентрационными лагерями — глубоко потрясла меня».

Альберт Шнеер, имперский министр вооружения и боеприпасов, без обиняков переложил вину на нацистский режим: «Процесс необходим. Даже авторитарное государство не снимает ответственности с каждого в отдельности за содеянные ужасные преступления».

Яльмар Шахт, президент Имперского Немецкого банка и в довоенный период имперский министр экономики, заявил следующее: «Я вообще не понимаю, почему мне предъявлено обвинение».

Вальтер Функ, имперский министр экономики после Шахта, был более словоохотлив и эмоционален, обосновывая свою невиновность: «Никогда в жизни я ни сознательно, ни по неведению не предпринимал ничего, что давало бы основания для подобных обвинений. Если я по неведению или вследствие заблуждений и совершил деяния, перечисленные в обвинительном заключении, то следует рассматривать мою вину в ракурсе моей личной трагедии, но не как преступление».

Франц фон Папен, рейхсканцлер Германии до Гитлера и посланник в Австрии и Турции в период гитлеровского правления, не скупился на фразы в попытке отгородиться от причастности к нацизму: «Обвинение ужаснуло меня, первое, осознанием безответственности, в результате которой Германия оказалась ввергнута в эту войну, обернувшуюся мировой катастрофой, и, второе, теми преступлениями, которые были совершены некоторыми из моих соотечественников. Последние необъяснимы с психологической точки зрения. Мне кажется, во всем виноваты годы безбожия и тоталитаризма. Именно они и превратили Гитлера в патологического лжеца».

Барон фон Нейрат, в первые годы нацистского режима имперский министр иностранных дел, а впоследствии имперский наместник в протекторате Богемии и Моравии, выхватил один из пунктов нацистского беззакония: «Я всегда был против обвинений без возможности защиты».

Бальдур фон Ширах, имперский вождь молодежи и гауляйтер Вены, хоть и с запозданием, но все же пришел к искреннему прозрению: «Все беды — от расовой политики».

Артур Зейсс-Инкварт, федеральный канцлер Австрии, впоследствии имперский комиссар оккупированной Голландии, не удосужился опровергать свою вину, а с холодным фатализмом написал следующее: «Хочется надеяться, что это — последний акт трагедии Второй мировой войны!»

Юлиус Штрейхер, нацистский обер-убийца евреев, главный редактор журнала «Дер штюрмер» и гауляйтер Франконии, не скрывал своей одержимости даже в преддверии процесса: «Этот процесс — триумф мирового еврейства».

Фельдмаршал Кейтель, стоявший во главе вермахта, дал типичный для офицера-пруссака ответ: «Приказ для солдата — есть всегда приказ!»

Генерал Йодль, начальник штаба оперативного руководства ОКВ (верховного командования вооруженных сил), воспринимал предъявленное ему обвинение со смешанными чувствами: «Вызывает сожаление смесь справедливых обвинений и политической пропаганды».

Гросс-адмирал Дёниц, командующий военно-морскими силами Германии и преемник Гитлера после самоубийства последнего, предпринял попытку отместить предъявленное ему обвинение, как изначально не имеющее к нему отношения: «Ни один из пунктов данного обвинения ни в малейшей степени не имеет ко мне отношения. — Выдумки американцев!»

Ганс Фриче, руководитель радиовещания и отдела печати в геббельсовском имперском министерстве пропаганды, счел своим долгом говорить от имени немецкого народа: «Это ужасное обвинение всех времен. Ужаснее может быть лишь одно: грядущее обвинение, которое предъявит нам немецкий народ за злоупотребление его идеализмом».

Записанные от руки ответы адмирала Редера и Роберта Лея здесь отсутствуют. Адмирал Редер, доставленный в нюрнбергскую камеру прямо из советского плена, отказался как от устных, так и от письменных высказываний. Экцентричный и неуравновешенный вождь Германского трудового фронта Роберт Лей дал внятный и

решительный ответ на предъявленное ему, как военному преступнику, обвинение сведением счетов с жизнью.

Самоубийство Роберта Лея

Вместе с судебным психиатром мы посетили Роберта Лея в его камере за день до его самоубийства. Он был в крайне возбужденном состоянии, беспрестанно ходил взад и вперед по камере. Он, как и некоторые другие заключенные, был одет в американскую форменную блузу, на ногах — войлочные шлепанцы. На вопрос, как он думает организовать свою защиту в ответ на выдвинутое против него обвинение, он разразился целой тирадой:

23 октября. Камера Лея

— Как я могу подготовить какую-то защиту? Защищать себя от обвинений в преступлениях, о которых я не имел ни малейшего понятия? Если после всего ужасного кровопролития, которое повлекла эта война, требуется еще парочка ж-жертв для удовлетворения чувства м-мести победителя — тогда все понятно! Они нашлись, — заикаясь, произнес Лей. И тут же, расставив руки в стороны и привалившись к стене камеры в позе распятого Христа, он ударился в театральную декламацию: — Поставьте нас к стенке и расстреляйте — вы ведь победители! Но к чему тащить меня на этот суд, как п..., как п... — Лей так и не смог договорить слово «преступника», мне пришлось сделать это за него, после чего он добавил: — Видите, у меня даже язык не поворачивается выговорить это.

Эту мысль он повторил еще несколько раз, в возбуждении продолжая мерить шагами камеру, сопровождая брошенные фразы темпераментной жестикуляцией и постоянно заикаясь.

Следующей ночью его обнаружили повешенным в своей камере. Разорвав на узкие полосы солдатский носовой платок и связав из них веревку, он изготовил из нес петлю, прикрепил ее к водосливной трубе и на ней удавился.

Из оставленной им записки явствовало, что он не в состоянии вынести позора.

Самоубийство Лея вызвало переполох в администрации тюрьмы. Число охранников было решено увеличить в четыре раза — теперь у

двери каждой камеры круглые сутки дежурил охранник. Из опасений, что примеру Лея последуют и другие заключенные, комендант тюрьмы полковник Андрас не сразу сообщил о данном инциденте, а лишь несколько дней спустя, распространив среди заключенных скупое письменное извещение о смерти Лея.

Я как раз находился в камере Геринга, когда доставили это извещение. Это было 29 октября. Геринг с безучастным видом пробежал глазами бумагу, ни один мускул не дрогнул на его лице. После того как служащий покинул камеру, он обратился ко мне:

29 октября. Камера Геринга

— Что он мертв, так это к лучшему, поскольку у меня были сомнения на счет его поведения на процессе. Он всегда был какой-то рассеянный, эти его вечные необъяснимые, выпренные монологи. Не сомневаюсь, что и на допросах он не раз выставлял себя на посмеище. Могу сказать, что для меня его самоубийство — не сюрприз, потому как он рано или поздно допился бы до смерти...

Сходные мнения высказывались и остальными обвиняемыми. Единственный, кто скорбел по поводу смерти Роберта Лея, так это ограниченный фанатик Юлиус Штрейхер. Этот эксцентричный предводитель Трудового фронта, обязывавший каждого немецкого рабочего выписывать свой пакостный листок под названием «Дер штюрмер», был единственным, кто во время их совместного содержания под стражей в лагере военнопленных в Мондорфе мог общаться со Штрейхером. И все же даже Штрейхер считал самоубийство Лея и его «политическое завещание», в котором Лей осудил нацистскую политику антисемитизма как «тяжелейшую ошибку», проявлением малодушия.

Юлиус Штрейхер^[2]

Авторитет Штрейхера был в среде других военных преступников угрожающе близок к нулю. Его нечистоплотная, извращенная натура отразилась и на результатах психологического тестирования — коэффициент интеллекта IQ был один из самых низких. Даже его адвокат высказывал мысль в том, что одержимость антисемита, скорее всего, продукт больной психики. В результате было решено подвергнуть Штрейхера психиатрической экспертизе в составе комиссии врачей — доктора Делэ из Парижа, доктора Краснушкина из Москвы и полковника Шредера из Чикаго. Штрейхер воспользовался этим обследованием, чтобы в очередной раз развернуть перед свежей аудиторией свои бредовые антисемитские идеи — он даже пытался доказать обследовавшим его специалистам, что, дескать, он, который посвятил изучению этой «проблемы» четверть века, самый что ни на есть компетентный специалист в этой области, равного которому в мире нет и быть не может. Когда врачи предложили ему раздеться перед медицинским осмотром, русская переводчица, отойдя к дверям, отвернулась, на что Штрейхер с глумливой ухмылкой дал следующий комментарий: «Отчего же так? Бойтесь увидеть что-нибудь любопытное?» Стоявшую к нему спиной девушку даже передернуло от этой фразы.

В результате проведенного обследования было установлено, что Штрейхер, хоть и одержим навязчивой идеей, однако психически невменяемым быть признан не может.

Вышеупомянутая навязчивая идея давала знать о себе почти в каждой из бесед с ним в камере еще до начала процесса. Штрейхер считал своим долгом убеждать на предмет его компетентности в области антисемитизма каждого посетителя своей камеры, причем помимо своей воли скатываясь при этом на похабно-эротическую или богохульную тематику, по-видимому, более всего вдохновлявшую его. Его дневниковые записи пестрят высказываниями в подобном духе.

14 ноября. Камера Штрейхера

— Я единственный в мире, кто рассматривает еврейскую угрозу в качестве исторической проблемы. Я антисемит не по субъективным причинам — с евреями у меня нет каких-либо негативных ассоциаций — отнюдь! Я *призван* к этому свыше! Осознание опасности еврейства имело своим источником *Талмуд* — так называемое Святое писание, которым евреи опорочили христианство, почему и называли его Священной книгой. Знаете, все эти разговоры о том, что, мол, и у христиан, и у иудеев один и тот же бог — ерундистика. Сам Талмуд доказывает, что евреи правили, опираясь на расовые законы. И вот что главное — только будьте внимательны. Разве не дьявольщину предлагает тот самый Талмуд: «Вы должны быть обрезанными и иметь детей только с иудейками»? О чем это говорит? О том, что именно так они добивались расовой чистоты, поэтому и сумели пережить столетия. Следовательно, нужна вам расовая чистота, так добивайтесь ее. Я не против. Но от немецкой, нордической расы, держитесь подальше — нам ведь тоже нужно думать и о собственной расовой чистоте. Да, да, — добавил он, с видом всезнайки прикрыв глаза и в назидательном жесте гимназического учителя подняв палец вверх, — в Талмуде мною чего можно вычитать. Евреи знали толк в подобных вещах. Но не им, а нам предначертано быть повелителями.

— Но ведь Геринг, да и другие тоже, готовы признать все это ужасной ошибкой, не говоря уж об остальном.

— Ах этот Геринг! Он и в брак-то вступить, как подобает, не смог. Да, мне известно, что именно по милости Геринга и никого другого я в 1940 году вылетел из гауляйтеров только из-за того, что во всеуслышание заявил, что его ребенок зачат в реторте. А в чем моя вина — я только высказал то, что считаю правдой.

— Мне приходилось слышать, что многие пытались помешать вам издавать ваш «Штюрмер», но Гитлер неизменно поддерживал вас. В чем причина такого отношения к вам фюрера?

— Ну, понимаете, я ведь во время мюнхенского путча шел плечом к плечу с ним в первых рядах, и он всегда помнил об этом. Он тогда в тюрьме сказал мне, что никогда мне этого не забудет. И не забыл. И я оставался верен ему. Даже когда меня несколько лет назад сместили с моего поста, он присылал ко мне от себя Лея и Геббельса, чтобы те выслушали меня на предмет того, нет ли у меня каких-либо пожеланий. Я им сказал (театральный жест): «Доложите моему фюреру, что у меня

нет других пожеланий, кроме одного — умереть рядом с ним, постигни нашу отчизну катастрофа!» — Выдержав соответствующую паузу, Штрейхер добавил: — Не могу описать, как это его впечатлило.

Рудольф Гесс

Главным кандидатом для психиатрической экспертизы был Рудольф Гесс, заместитель фюрера в НСДАП, чей полет в Англию в 1941 году стал настоящей сенсацией. Незадолго до начала процесса он был доставлен из Англии в нюрнбергскую тюрьму в состоянии полнейшей амнезии. Среди его личных вещей были обнаружены маленькие заклеенные пакетики с пробами пищи, собранные им в Англии в пору обуявшей его параноидальной идеи о пищевых отравлениях. Гесс целыми днями в состоянии апатии сидел в своей камере, уставясь в одну точку, не в состоянии вспомнить ровным счетом ничего из прошедших событий, в том числе и о причинах, побудивших его совершить этот прыжок в Англию. Временами казалось, что он сознательно пытается вытеснить из своей затуманенной памяти то или иное событие прошлого, однако в целом не было сомнений в том, что его амнезия носила характер абсолютной.

Во время очной ставки с Герингом и Папеном он не узнал никого из них. Никак не реагировал Гесс и на фильм из нацистской хроники, где были кадры, участником которых был и он сам.

Со времени его неудавшейся попытки самоубийства в Англии прогулки по тюремному двору ему приходилось совершать в наручниках.

Психологическое тестирование, которому Гесс был подвергнут в своей камере, показало заметную ограниченность, хотя его IQ был чуть выше среднего. Реакции — типично истероидного типа.

За несколько дней до начала процесса Гесса обследовала комиссия американских психиатров в составе доктора Нолана Д.С. Льюиса из Колумбийского университета, доктора Дональда Э. Камерона из Макгильского университета и полковника Пола Шредера из Чикаго. Я исполнял роль переводчика в этой комиссии. Большое количество заданных Гессу вопросов свидетельствовало о том, что о симуляции амнезии не может быть речи, хотя психиатры пришли к заключению, что в юридическом смысле Гесс вменяем.

Герман Геринг

За исключением покончившего жизнь самоубийством Роберта Лея, а также Юлиуса Штрейхера и Рудольфа Гесса, которым потребовалась психиатрическая экспертиза, психическая вменяемость остальных заключенных нюрнбергской тюрьмы сомнений не вызывала.

Врачам доктору Миллеру и доктору Келли уже удалось избавить Геринга от наркозависимости. Ему давали постоянно уменьшавшиеся дозы паракодеина. Начальник тюрьмы полковник Андрас вспоминал: «Когда Геринга доставили ко мне в Мондорф, он представлял собой моллюск с идиотической ухмылкой и чемоданом паракодеина. Я сначала принял его за торговца лекарственными средствами. Но мы его отучили от наркотиков, сделали из него человека».

Во время наших с ним бесед в его камере Геринг пытался произвести впечатление неунываемого реалиста, поставившего все на карту и вчистую проигравшегося, но воспринимавшего свой проигрыш как искусственный спортсмен, привыкший не только к победам, но и к поражениям. Все обвинения неизменно отменялись им одним и тем же циничным доводом о пресловутом «праве победителя». Геринг приводил массу весьма правдоподобных отговорок, ничего, по его мнению, не знал и не ведал о массовых преступлениях нацистов, постоянно пытаясь «уличить» союзные державы. Его юмор, вероятно, должен был служить одним из средств убедить собеседника, что тот имеет дело с человеком, по природе своей добродушным и не способным ни на какие зверства. Однако то и дело прорывавшееся нескрываемое презрение Геринга к остальным нацистским предводителям свидетельствовало о его патологическом тщеславии.

29 октября. Камера Геринга

(Дав комментарий к самоубийству Роберта Лея.)

— ...надеюсь, Риббентроп не сломается. За военных не волнуюсь — эти знают, как себя вести. Но Гесс — он же безумец. Он уже давно безумный. Мы поняли это, когда он полетел в Англию. Думаете, Гитлер мог отправить в Англию с такой важнейшей миссией третьего по

значению человека в Рейхе наобум? Гитлер осатанел, когда ему доложили. Вы что же, думаете, это легко и приятно давать публичные объяснения в том, что один из ведущих лиц в твоём государстве — не в себе? Если ему приспичило вступить в переговоры с англичанами, надо было воспользоваться надёжными полудипломатическими каналами через нейтральные страны. Мои отношения с Англией были таковы, что я мог договориться с ними в течение двух суток. Но нет, Гесс исчез, никому ни словом не обмолвившись, не имея при себе никаких договоров, вообще ничего, с пустыми руками. Какую-то дурацкую записку оставил, только и всего.

Когда в разговоре мы коснулись Гитлера, я заметил:

— Сейчас в народе только и говорят, что покушение от 20 июля 1944 года, к великому сожалению, не удалось. Наверное, пришло отрезвление насчет нацистского руководства.

Упоминание о немецком народе возмутило Геринга.

— Поменьше прислушивайтесь к тому, что сейчас болтают! Что-то, но уж на это мне в высшей степени наплевать! Я помню, что они говорили *тогда!* Помню, как они обожали и боготворили нас. Пока все шло как по маслу. Я наш народ знаю!

11 ноября. Камера Геринга

— Что касается этого процесса, — рассуждал Геринг, — то это политическая затея с заранее предрешенным исходом, и я готов к последствиям. Не сомневаюсь в том, что при вынесении приговора пресса сыграет куда более важную роль, чем судьи. Уверен, что, как минимум, русские и французские судьи уже получили соответствующие наставления. За то, что на моей совести, я готов нести ответственность, но уж никак не за то, что на совести других. Но победитель — он же и всегда судья... Я знаю, что меня ждет. И готов хоть сегодня отписать моей супруге прощальное письмо...

Досадно видеть, как падает духом Риббентроп. Будь я министром иностранных дел, я просто бы заявил им: «Такова была проводимая мною внешняя политика, на том я и стою. В ранге министра иностранных дел суверенного Германского рейха она целиком и полностью являлась моей прерогативой. Если желаете меня за это

судить, судите. У вас есть на то власть — вы — победители». Но я твердо бы стоял на своем. Сил нет смотреть, как он мечется из стороны в сторону, пытаюсь заслониться какими-то бесконечными меморандумами и многоречивыми заявлениями. Я не настроен против него лично, но как министр иностранных дел он всегда был для меня ничтожеством. Вот фон Нейрат, это был человек твердых принципов, проницательный. Если требовалось, мог и возразить Гитлеру, поспорить с ним... А Риббентроп только и знал — я, я, я — и ничего кроме своего я. Удачливый виноторговец, не имевший для дипломатической деятельности ни способностей, ни врожденного такта. Я уговаривал Гитлера убрать его. По двум причинам. Первое: для англичан Риббентроп был персоной нон грата, а даже Гитлер не желал вконец рассориться с бригами. Они терпеть не могли Риббентропа за его полнейшую бестактность. Не успев выйти из вагона в Лондоне, он сразу же принимался направо и налево раздавать указания относительно того, как им, британцам, удерживать под контролем равновесие сил с Россией, даже не удосужившись понять, что англичане в этой области считали и считают себя непревзойденными экспертами и сами кому хочешь совет дадут, в том числе и нам, как нам получше заслониться на Востоке. Представляясь королю, он приветствовал его «Хайль Гитлер!», что британцы, естественно, восприняли как выпад против короны. В этом со мной даже Гитлер не спорил. Представьте себе, к вам из России является посланник для переговоров и вместо приветствия выпаливает вам «Да здравствует коммунистическая революция!» Ха-ха-ха!

Подняв вверх сжатую в кулаке руку в коммунистическом приветствии, Геринг от души расхохотался.

— А второй причиной было то, что у Риббентропа отсутствовало чутье в вопросах международной дипломатии. Гитлеру об этом не судить, он сам нигде за пределами Рейха не бывал. Гитлер пришел к выводу, что если в среде торговцев вином, где вращался Риббентроп, и попадалась время от времени парочка английских графов, то это уже повод для того, чтобы считать Риббентропа «человеком со связями». Я говорил Гитлеру, если он хочет вести переговоры с англичанами, пусть тогда уж воспользуется моими каналами — лордом Галифаксом, к примеру. Но вдобавок, не считая его тупости, Риббентроп был и тщеславным, как павлин.

Ну, сами подумайте — когда шло подписание соглашения государств «оси» — ну, когда всю процедуру снимали для кинохроники и газет, он все время силился меня собой загородить перед камерами, меня — второго человека в Рейхе — поставить *позади себя*! Можно ли вообразить себе большее бесстыдство? Я ему тогда заявил, что если вам, мол, так уж хочется влезть под объективы, тогда я лучше присяду, а вы стойте *позади меня*. Но мне вообще не хотелось во все это влезать, я ведь и договор этот толком тогда и не прочел. Это потом у меня возникли возражения, а тогда что я мог решить?

Тогда Риббентроп вел себя наглее некуда. Сегодня он уже не тот. В Мондорфе он настроил документ на 85 страниц и бегал к каждому с просьбой прочесть его. Кое-кто тогда у него поинтересовался, отчего же он раньше к ним за советом не обратился? Неужели спесь не позволяла? Так что теперь пусть он возьмет свое послание и сунет сам знает куда.

Геринг снова от души рассмеялся.

— Нет, нет, против него лично я ничего не имею, — повторил он.

12 ноября. Камера Геринга

Самоубийство Гитлера Геринг считает естественным и закономерным. Он своими ушами слышал, как Ева Браун еще 22 апреля сказала Шпееру, что они с Гитлером намерены добровольно уйти из жизни. В тот день Гитлер должен был назначить Геринга своим преемником, но потом передумал и вместо этого отдал приказ арестовать его и расстрелять. Самоубийство Гитлера Геринг трусостью не считает.

— Ведь он был фюрером Германского рейха. И для меня совершенно немыслимо представить себе Гитлера вот в такой же камере в ожидании суда над ним, как над военным преступником, вершить который будут зарубежные судьи. И пусть он даже возненавидел меня перед самым концом, это ничего не меняет. Он был символом Германии. Это все равно что после завершения прошлой войны устроить процесс над кайзером. Даже японцы добились того, что их император не был отдан под суд. Неважно, пусть это будет для меня тяжелее, я готов взять все на себя, лишь бы не видеть живого

Гитлера перед судом, нет, нет, такое совершенно немыслимо для меня. Вот Гиммлер — дело другое. Тому следовало бы ответить хотя бы за себя и за своих подручных. Он смог бы своим словом очень многих избавить от обвинения в соучастии в массовых убийствах. Никогда мне не понять, как он творил такое, оставаясь в ясном уме.

— Неужели вам не было известно обо всех этих ужасах, о которых говорил весь мир? — спросил я его.

— О, слышать приходилось массу домыслов, разумеется, никто ни во что подобное не верил. Но некоторые эсэсовские генералы, которым было поручено исполнение этих приказов, наверняка-то уж знали. Как они могли оставаться в ладах со своей совестью? Непонятно.

15 ноября. Камера Геринга

Мною в его камере было проведено тестирование интеллектуальных способностей. Геринг был несколько подавлен к моему приходу, но пару минут спустя приободрился. Он проявил живейший интерес к требованиям теста и после предварительного тестирования (памяти) превратился в возбужденного, самодовольного подростка, изо всех сил пытавшегося произвести впечатление на своего педагога. Когда я отмечал его успехи при запоминании представленных ему по принципу нарастания сложности рядов цифр, он довольно усмехнулся. Допустив во время одного из цифровых тестов ошибку, он с досады шлепнул себя по ляжке, после чего нетерпеливо стал похлопывать по одеялу койки, а затем попросил предоставить ему третью, а потом и четвертую попытку. «Нет, дайте я ещё раз попробую, я смогу, непременно смогу!»

И когда он, к моему нескрываемому удивлению, все-таки выдержал тест, Геринг, видя мою реакцию, не смог сдержать своей радости. Его прямо-таки распирала гордость. И в этом состоянии он пребывал до завершения тестирования; мои замечания о том, что, дескать, мало кому из его коллег удавалось подобное, привели его в неопикуемый восторг, как какого-нибудь первоклашку. Я дал ему понять, что пока что никто лучших результатов не добивался. Геринг даже признал, что, дескать, все же эти американские психологи кое-что смыслят.

— Методика хороша — куда лучше, чем вся та дребедень, с которой носятся наши психологи.

— Может, вам было бы лучше податься в академики, а не в политики? — предположил я.

— Вероятно. Я убежден, что смог бы куда больше среднего человека, независимо от избранного направления. Но против судьбы не пойдешь. Она ведь от такой ерунды зависит. Вот вам пример того, как одно незначительное обстоятельство удержало меня от того, чтобы стать масоном! В 1919 году я договорился о встрече кое с кем из моих друзей вместе податься в «свободные каменщики». И пока я их дожидался, мимо прошествовала симпатичная блондинка, с которой мне удалось завязать знакомство. После этого у меня больше не было okazji стать масоном. Не подцепи я в тот день эту блондинку, я бы ни за что не смог вступить в партию и не сидел бы вот здесь.

Йоахим фон Риббентроп

Как можно было понять из высказываний Геринга, Риббентроп из камеры № 7 мало чем напоминал того высокомерного нацистского посланника на Сент-Джеймс Корт, ни на того гитлеровского министра иностранных дел, размахивавшего плетью над головами его европейских коллег, ни на того, кто ковал зловещую «ось» Рим — Берлин — Токио. Крушение системы, удерживаемой проводимой им политикой с позиции силы, сломало и без того хилый хребет германского министра иностранных дел. Теперь это был обанкротившийся, дезориентированный и морально падший оппортунист, который бы не в состоянии привести ни единого для себя мало-мальски внятного аргумента.

Его внешняя и внутренняя неряшливость выдавали в нем пережившего крах и банкротство немецкого предпринимателя средней руки, у которого в этом мире уже не оставалось собственности, включая и собственное мнение. Если когда-то и имелась некая внятная мотивация его поступков, то ныне Риббентроп, казалось, уже и не помнил, в чем она заключалась, как бы надеясь на то, что ему о ней напомнят. На первых допросах членами обвинительного комитета Риббентроп нередко сетовал на провалы в памяти, осведомляясь у остальных, что они думают по тому или иному поводу. Находясь в камере, он коротал время за составлением бесконечных меморандумов и каждому, кто находился в пределах досягаемости, докучал вопросами относительно деталей своей защиты — тюремных врачей, охранников у дверей камеры, приносивших еду надзирателей, парикмахеров и т. д. Один из тюремных врачей высказал мысль, что, будь в этой тюрьме тюремный сторож, Риббентроп и его не обошел бы вниманием, посвятив в консультанты по поводу разработки оправдательных актов внешней политики нацистов.

В такой обстановке все попытки добиться от него высказываний, которые бы недвусмысленно свидетельствовали о занимаемой им позиции, были обречены на провал. Казалось, у Риббентропа уже не оставалось никаких точек зрения или мнений ни о чем, в состоянии ни о чем нет своего мнения, одна только пассивность и отсутствие целостности личности — в качестве оправдания он привел то

обстоятельство, что, мол, всегда повиновался одному только Гитлеру. С одной стороны, если верить Риббентропу, он при поддержке Гитлера лишь выполнял свой долг, с другой — постоянно предостерегал французов и англичан насчет Гитлера. К тому же, припомнил Риббентроп, однажды — это было в 1940 году — Гитлер так накричал на него, что после этого он утратил всякую способность возражать ему.

Предстоящий процесс вселял в него ужас.

Риббентроп постоянно жаловался на то, что ему, дескать, вовсе не оставляют времени на подготовку своей защиты, и надеялся на перенесение процесса на более поздний срок. Казалось, он страшится того дня, когда его прошлое станет всеобщим достоянием, когда он вынужден будет публично представлять оправдание своей деятельности в нацистский период. Он предполагал, что многие из обвиняемых, в особенности политики со стажем, такие, как Папен и фон Нейрат, которые не без его участия были оттеснены далеко на задний план, примутся яростно порицать его лично и Гитлера за безответственную внешнюю политику, ввергшую Германию в военную катастрофу. И без конца повторял: «Нет, правда, этот процесс — великая ошибка. Требовать от немцев обвинять немцев — игра нечистая». Он подумывал и о том, как избежать публичного выступления на суде, загодя и без вникания в детали признав свою вину, сдать на милость американским властям. Но ничего из этого не вышло, и Риббентропу приходилось преодолевать свои страхи составлением бесчисленных меморандумов и глотанием снотворных таблеток.

Яльмар Шахт

Шахт разделял презрительное отношение Геринга к Риббентропу, презирал Геринга, как и Геринг его самого, и, как и Геринг, был склонен к самолюбованию. Ни о какой взаимной симпатии в среде бывших самозванных вершителей судеб Третьего рейха речи не было и быть не могло. И ненасытное стремление Геринга к первенству и лидерству во всех областях не могло не войти в конфликт с подобными же проявлениями Шахта. Это наглядно продемонстрировало даже тестирование на IQ.

В действительности Герингу, к его великому неудовольствию, так и не суждено было оказаться на первом месте (см. соотв. табл.). Первое место досталось его извечному сопернику и противнику, этому «финансовому колдуну» Яльмару Шахту. Это оказалось полной неожиданностью для Геринга, но не для Шахта, предпочитавшего не делать секрета из того, что он из всех обвиняемых этой тюрьмы действительно невиновен. И к тому же самый умный. Стоит упомянуть, что его возмущение по поводу того, что он оказался в одной упряжке со сторонниками Гитлера в подобной же ипостаси, не было совсем уж безосновательным, ибо Шахт ко дню доставки в эту тюрьму в день капитуляции 10 месяцев успел провести в нацистском концлагере, куда был брошен по обвинению в саботаже. И всех, кто посещал его, Шахт немедленно ставил в известность о том, что нынешний его статус — досадное недоразумение, что он надеется на скорое завершение процесса и скорое повешение всех истинных преступников, а также на скорое возвращение в родные стены.

23 октября. Камера Шахта

— Я полностью доверяю судьям и не опасаюсь исхода этого процесса. Кое-кто из обвиняемых невиновен, но большинство — самые настоящие преступники. Даже Риббентропа, и того следует вздернуть — за его глупость, нет на свете преступления хуже, чем глупость.

Не скрывая своего возмущения тем, что его содержат здесь наряду с настоящими преступниками, Шахт рассчитывает, что процесс не затянется надолго. Я высказал мнение, что, мол, исход его в значительной мере зависит от того, как поведут себя обвиняемые и что станут говорить.

— Что касается меня, то мне потребуется от силы полчаса, поскольку всем и каждому известен факт моей оппозиционности агрессивной политике Гитлера. Именно за это он заточил меня в концентрационный лагерь, где я пробыл 10 месяцев, и после этого меня тащат сюда как военного преступника. Вот что меня больше всего возмущает.

— Но вы же должны понять, что правительству Рейха за многое придется держать ответ, — пытаюсь вразумить его. — И, разумеется, никто из действительно невиновных не будет осужден.

— В этом я не сомневаюсь. Поэтому я со спокойной совестью и оцениваю происходящее здесь, чего другие господа сказать о себе не могут. Каждому известно, что я был противником войны. Это упомянуто даже в книге посла Дэвиса «Московская миссия». Я лишь стремился поднять германскую промышленность. И пресловутое «финансовое колдовство» состояло лишь в действенном сосредоточении и использовании финансовых механизмов и средств Германии. Единственное, в чем меня действительно можно обвинить, так это в нарушении Версальского договора. Но если это считать преступлением, то и самим судьям неплохо бы в нем покаяться. Англия не только молча взидала, как мы вооружались, а даже в 1935 году заключила с нами пакт, согласно которому численность наших военно-морских сил ограничивалась одной третью от военно-морских сил Великобритании. Когда мы вводили всеобщую воинскую обязанность, никто из мировых держав и не пикнул. Их военные атташе присутствовали на наших военных парадах и видели все своими глазами. И даже наши агрессивные методы находили понимание. После попытки применения санкций к Италии захват Эфиопии все же был признан. Когда русские напали на Финляндию, никто и пальцем не шевельнул. Нет, трудноато им будет выстроить обвинение на несоблюдении Версальского договора. Даже американские банкиры

давали нам деньги взаймы, чему я всегда противился, поскольку речь шла о том, чтобы выполнять их поручения и поддерживать искусственное состояние, которое долго сохраняться не могло.

Признаюсь, у меня хватило глупости на первых порах поверить в мирные намерения Гитлера. Я лишь в той степени поддерживал ремилитаризацию, в какой она могла способствовать безопасности Германии. Но мое недоверие росло по мере того, как все больше средств выделялось исключительно на вооружение. А пелена с глаз упала тогда, когда он сместил с должности начальника штаба генерала фон Фрича, тот всегда был противником агрессивной войны, а на его место сунул своего лакея Кейтеля. Я пытался попридержать деньги, не позволить транжирить их на дальнейшее вооружение, в результате чего меня просто вышвырнули. По мере роста его агрессивности, мои позиции слабели. Кончилось все тем, что он в 1944 году упрятал меня в концлагерь.

Что до антисемитизма, то еще в 1934 году я сумел добиться от него заверения, что на промышленность это не распространится, и пока я находился на посту, никакой дискриминации не было. Истинную причину следует искать не в расовой чистоте — это нонсенс. Речь шла о том, чтобы потеснить евреев среди представителей свободных профессий. А об ужасах и злодеяниях я впервые услышал во Флоссенбурге, где был интернирован. Мне рассказывали о том, как людей в каком-нибудь лесу раздевали догола и потом вели на расстрел. Кошмар. Меня в ужас приводила мысль о том, что живым из этого лагеря выбраться никому еще не удавалось. А меня они решили не трогать только потому, что я потенциально мог сгодиться в качестве предмета каких-нибудь торгов, как заложник.

Ганс Франк

Не все обвиняемые разделяли цинизм Геринга или чувство попранной невинности Шахта. Двое, может быть, трое из них обнаруживали некоторые признаки раскаяния. Одним из таких был Ганс Франк, бывший генерал-губернатор оккупированных районов Польши, незадолго до описываемых событий перешедший в католичество. Обычно он сидел в своей камере, углубившись в Библию или какое-нибудь произведение немецкой классической литературы и мизинцем перелистывая страницы (во время неудавшейся попытки самоубийства после ареста Франк серьезно повредил сухожилия обеих кистей. Пальцы рук практически утратили подвижность, и иногда он держал левую руку в перчатке). Зажившая рана имела и в области шеи — еще одно свидетельство попытки самоубийства. Те, кому пришлось допрашивать Франка, характеризовали его как человека, склонного к брюзжанию и уходу от ответов на поставленные вопросы. Рассказывают даже, что Франк, покидая кабинет следователя, в гневе выругался («Свинство!»). Тем большее удивление у меня вызвало то, что бывший генерал-губернатор Польши был сама любезность и предупредительность и не скрывал испытываемого им раскаяния, в то же время отчаянно и не без стилистических достоинств кляня во все тяжкие Гитлера.

7 ноября. Камера Франка

— Да, многое для меня прояснилось в тиши этой камеры. И дело не в процессе. Но каковы же ирония судьбы и божественная справедливость! Знаете, есть суд Божий, куда более разрушительный в своей иронии всех иных судов, придуманных человеком! Гитлер олицетворял абсолютное зло на земле, не признавая на ней власти Божьей, а лишь свою. Бог, созерцая это стадо язычников, раздувшихся от сознания своего ничтожного могущества, в один прекрасный момент в радостном гневе просто смел их прочь с пути своего.

Соответствующий жест рукой в перчатке.

— Одно скажу — гневная усмешка Божья куда страшнее любой людской жажды отмщения! Когда я вижу, как Геринг без формы, без орденов покорно отгуливает положенные ему 10 минут по тюремному двору под насмешливыми взорами охранников-американцев, я вспоминаю, как он, будучи на пике своей славы, царил в статусе рейхспрезидента! Гротеск, да и только! Здесь собраны те, кто стремился урвать себе побольше власти над страной, и теперь каждый в своей камере — четыре стены да санузел — и в них они дожидаются процесса как заурядные преступники. Это ли не доказательство насмешки Божьей над богохульным властолюбием людским?

Его улыбка постепенно застыла, глаза превратились в узенькие щелочки.

— Но разве эти люди преисполнены чувства благодарности за эти последние недели, дарованные им для осознания грехов тщеславия и равнодушия и покаяния в них? Для раскаяния в том, что вступили в союз с дьяволом во плоти, во всем ему повинуюсь? Сподобились ли они преклонить колено, испрашивая милости Господней? О нет, они обуяны страхом за свою жизнь, они цепляются за любые смехотворные оправдания, чтобы отделаться от вины своей! Неужели не понимают, что все это страшнейшая в истории человечества трагедия, что мы есть символы злых стихий, напроць отметаемые Господом? — Гневно возвысив голос, Франк тут же извинился перед охранником, бросившим недоумевающий взор внутрь камеры.

Франк продолжал все в том же гневно-гневно-патетическом тоне:

— Если бы хоть один из нас нашел в себе мужество пристрелить его! Вот единственное, в чем я себя упрекаю! Скольким смертям, горестям и разрушениям не суждено было бы произойти! В 1942 году я постепенно стал приходить в себя, признавать, какой демон воплотился в нем. Когда я выразил протест против тогдашних террористических мер, он лишил меня воинского звания и должности, спровадив меня в качестве болванчика на место генерал-губернатора Польши, чтобы навеки сделать из меня символ тех преступлений, что выпали на долю этой исстрадавшейся страны. Это все присущая ему сатанинская злоба. А теперь я здесь — и поделом — сначала я тоже был в союзе с этим дьяволом. Позже по прошествии лет я осознал, какой это хладнокровный, жестокий и бесчувственный психопат.

Этот его пресловутый «завораживающий взгляд» — да это всего лишь взор исподлобья одеревенелого от бесчувствия психопата! Движим он был заурядным тщеславием, не знавшим и не ведавшим никаких общепринятых норм. Отсюда его ненависть ко всем юридическим, дипломатическим и религиозным институтам — ко всей системе социальных ценностей, ко всему, что могло бы обуздать его пещерное стремление любыми средствами утвердить себя. Разыгрывал из себя великого ценителя искусств, не имея ни малейшего понятия об искусстве. Естественно, обожал Вагнера, он ведь и в себе видел его исполнителя. Преисполненное драматического великолепия божество. А это его преклонение перед наготой. Изображение обнаженного человеческого тела вполне приемлемо в искусстве как символ красоты, грации и чувственности, но Гитлер был неспособен этого оценить. Нагота для него — лишь протест против традиции, понять которую он не желал.

Нет, психопатическая ненависть к формально-традиционному определяла весь характер Гитлера. Именно поэтому он питал доверие к пресловутым «людям поступка», таким, как Гиммлер и Борман. Борман был у него за секретаря — мерзким льстецом и безжалостным интриганом, собственно, зеркальным отражением характера самого Гитлера. Я убежден, что все злодеяния замышлялись этой тройкой, каждый из которых не имел ни совести, ни чести...

Мы беседовали об отношении немецкого народа к Гитлеру. Франк предостерегающе поднял вверх перст:

— Бойтесь сказочников, господин доктор! Гиммлер ни за что бы не отважился на осуществление своей программы геноцида без одобрения или приказа Гитлера.

15 ноября. Камера Франка

Франк заявил, что теперь и впервые в жизни ощущает невиданное духовное освобождение. В первую очередь его сновидения — они выносят его далеко за стены этой камеры, он видит раскинувшиеся перед ним пейзажи, необозримые морские дали, высокие горы и небо, и каждый раз пробуждаясь, вновь переживает необычное чувство духовного и физического облегчения. (Незадолго до нашей беседы он

увидел во сне Гитлера, что укрепило в нем чувство признания своей вины.) Франк высказал мысль о том, что внутренняя сила способна раздвинуть стены любой, даже самой тесной камеры.

Бальдур фон Ширах

Бывший вождь германской молодежи, красавец Бальдур фон Ширах в своих раскаяниях не был столь истеричен, но и он смирился со своим скорым концом. Во время нашей беседы в камере он был серьезен и взвинчен, а свои эстетические воззрения изложил в сочиненном им стихотворении «К смерти». Фон Ширах прекрасно понимал, что его ожидает. И еще во время самой первой встречи со своим адвокатом заявил тому: «Пока моя голова не слетела с плеч, я буду носить ее высоко поднятой». Наша первая беседа с ним состоялась неделю спустя после вручения ему обвинительного заключения и позволила мне составить весьма верное представление о нем самом и о переживаемом им чувстве вины.

27 октября. Камера Шираха

По завершении «теста на кляксы» (тест Роршаха, когда определенные черты характера испытуемого определяются по его способности усматривать образы, скрытые в чернильных кляксах) мы затронули темы обвинения и виновности. Поскольку по нескольким пунктам фон Шираху вменялось в вину насаждение расовой ненависти, он попытался объяснить, как стал антисемитом:

— В годы моей молодости, вращаясь в дворянских кругах, мне никогда не доводилось общаться с евреями. И у меня не было причин для антисемитизма, однако в «высшем обществе» я всегда ощущал молчаливую неприязнь к евреям. Я не придавал этому особого значения до той поры, пока кто-то не подсунул мне изданную в Америке книжку «The International Jew» («Космополитизм евреев»), а тогда я пребывал в весьма подверженном разного рода влияниям в возрасте 17 лет. Этот кто-то и не подозревал, как повлияет эта книга на неокрепшее сознание немецкой молодежи. Примерно в тот же период меня увлекли идеи Юлиуса Штрейхера, сумевшего придать антисемитизму псевдонаучный характер.

Поскольку очень многие представители старшего поколения исповедовали сходные идеи, вполне понятно, что молодежь

некритично унаследовала их. В 18 лет у меня произошла встреча с Адольфом Гитлером. Должен признать, он привел меня в восторг; я отправился на учебу в Мюнхен именно потому, что в этом городе жил он, и там стал одним из самых верных его соратников. С тех пор я и стал убежденным антисемитом и был им до тех пор, пока недавние события не доказали полную несостоятельность этой теории. Но почему поколение старших растлило нас? Почему никто не предупредил нас о том, что «The International Jew» — измышление Форда, а «Протоколы сионских мудрецов» — фальсификация? К чему все эти пресловутые «научно-исторические концепции», целью которых было посеять чувство ненависти в наших юных головах? Я не буду отрицать своей вины. Я совершил ошибку, одоблив венскую эвакуацию, и готов за это заплатить жизнью. Но немецкая молодежь не должна быть навечно обвинена в этом преступлении. Немецкую молодежь следует перевоспитать. Я не верю, что после этого ужасающего примера где-то в мире снова прорастет антисемитизм. Но народу необходимо избавиться от того молчаливого общественного неприятия евреев, которое и послужило питательной средой для этого недуга.

Далее Ширах разъяснил свое отношение к фюреру, рассказав о том, как на протяжении лет наблюдал, как менялся Гитлер.

— До 1934 года он еще был человеком, начиная с 1934 года до 1938-го, он превратился в сверхчеловека, после 1938 года — он перестал быть человеком, превратившись в тирана. Мне кажется, власть ему в голову ударила после смерти Гинденбурга в 1934 году, превратившей его в вождя Рейха. А это вселило в него манию величия — он пошел на ликвидацию всех правовых и судебных институтов, а незадолго до войны это был самый настоящий диктатор, одержимый планами завоевания мира.

Впервые он разочаровал меня, нарушив Мюнхенское соглашение, я сразу же усмотрел в этом его шаге всю пагубность для международного авторитета Германии. Но тогда ему еще удалось убедить меня в том, что исход будет благоприятным. Мне кажется, примерно в 1942 году я впервые стал замечать, что он скатывается к безумию. Во время разговора его взгляд внезапно угасал, и он резко менял тему. И в этот момент тебе казалось, что он смотрит куда-то еще,

и ты недоуменно оборачивался. И эта его способность просто не слышать того, чего он слышать не желал.

В 1943 году у нас с ним вышел один спор по принципиальному вопросу. Моя жена видела, как евреев выгоняли из их жилищ, и, будучи яркой идеалисткой, она решила поинтересоваться у фюрера, известно ли тому об этом бесстыдстве. Он не вымолвил ни слова. Тут задал вопрос и я, желая узнать, что же ожидало депортированных евреев. И тут он накинулся на меня с такой яростью, что я уже не сомневался в том, что меня ждет неминуемый арест. С тех пор я оказался в опале.

Скупой свет снаружи померк, и в тусклом освещении тюремной камеры мы с трудом видели друг друга. И в этой полутьме до меня доносился затихающий голос Шираха.

— Когда обо всех этих зверствах стало известно в конце войны, подтвердились мои наихудшие опасения, и я уже тогда знал, что поплачусь за это жизнью. Но я не желаю и никогда не желал наложить на себя руки, как трус. Я ничего не делал, чтобы избежать ареста. Я даже предложил американским властям собрать всех фюреров гитлеровской молодежи в Бухенвальд для перевоспитания, а себя я был готов принести в жертву за все эти ошибки прошлого, совершенные по недомыслию. Надеюсь, что хоть этим я смогу загладить то, что совершил...

Тут Ширах умолк, и в камере повисла тишина.

Альберт Шпеер

Высокий, с кустистыми бровями бывший гитлеровский министр вооружений вначале привлек к своей фигуре всеобщее внимание, но концепции Шпеера относительно вины нацистов, в отличие от остальных его коллег по тюрьме, была присуща прямота и даже некоторая экзальтированность.

23 октября. Камера Шпеера

Из всех, наверное, Шпеер был самым большим реалистом. Он утверждает, что изначально не питал никаких иллюзий относительно своей участи, и поэтому обвинительное заключение ничуть его не шокировало. Он признает, что в связи с тяжестью совершенных преступлений данный процесс исторически обусловлен и в целом Шпеер считает его целесообразным. Он не считает необходимым проливать слезы о судьбе каждого из них в отдельности, хотя его собственная дальнейшая судьба представляется ему весьма туманной, как и судьба остальных.

О перечисленных в обвинительном заключении преступлениях он, по его мнению, не имел представления, поскольку в 1942 году, несмотря на полное отсутствие необходимого опыта, был поставлен во главу совета по вопросам вооружений. О концлагерях он знал не более, чем любой другой министр о ракетах «Фау-2». В марте (1945 года) он заявил Гитлеру, что все пошло крахом и что теперь, невзирая на последствия для себя лично, каждый обязан сделать все, чтобы уберечь Германию от окончательного уничтожения. Гитлер на это ответил, что раз Германия не сумела выиграть эту войну, то не заслуживает права на дальнейшее существование.

Осознание того, что Гитлер был деструктивным безумцем, а не патриотом, стремившимся возвести здание Германии за счет других, по-видимому, разрушило последние иллюзии архитектора Шпеера. В своей камере он — впервые за все существование Третьего рейха — подверг объективному анализу все нацистское руководство, придя к запоздалому признанию полной его несостоятельности. Тем, что он

полностью признавал справедливость выдвинутого обвинения и исходившего из него требования о коллективной ответственности нацистского руководства за свои чудовищные преступления, тем, что он, с другой стороны, не видел оправдания в бездумном повиновении, Шпеер изначально отличался от остальных.

Хотя перед началом судебного процесса Шпеер многоречивостью не отличался, иногда им высказывалась его точка зрения на германское военное командование. Однажды он с горечью заметил: «Да, я понимаю — они всегда так цветасто говорили о героической гибели во славу фатерланда, не рискуя при этом собственной головой. А теперь, когда речь действительно зашла о жизни и смерти, они трясутся от страха, ища любую зацепку, любое оправдание. Вот эти герои и привели Германию к краху!»

Вильгельм Кейтель

В основном критические высказывания Шпеера были направлены против помпезной фигуры Геринга, но досталось и безвольному представителю прусского милитаризма — фельдмаршалу Вильгельму Кейтелю. Несмотря на полученное Кейтелем воспитание в духе прусского офицерства, его поведение во время допросов в камере отличалось чуть ли не подобоострастием. Начальник верховного командования вермахта, оккупировавшего почти всю Европу и разбитого лишь усилиями коалиции ведущих мировых держав, теперь выгибался в поклонах перед каждым лейтенантом, появлявшимся в его камере, всячески стремясь убедить его, какой малозначительной фигурой он был в Рейхе. Лишенный всех знаков отличия, внешне Кейтель все же весьма напоминал прусского офицера старой закалки. Однако вне своих полномочий он превратился просто в некое аморфное создание. Мысль о том, что фельдмаршал может быть отдан под суд за отдачу или выполнение тех или иных приказов, явно никогда не посещала его. Это не могло не найти свое отражение в некоторых наших с ним беседах.

26 октября. Камера Кейтеля

Я поинтересовался у Кейтеля, каково его мнение об обвинительном заключении, с которым он имел возможность в спокойной обстановке ознакомиться. Параграф, в котором шла речь об ответственности всех членов группы заговорщиков, был выделен карандашом, а на полях имелось его замечание об исполнительности как средстве оправдания:

— Ради Бога, разъясните мне, каким образом мне может быть предъявлено обвинение в развязывании захватнической войны, если я служил не более чем рупором для выражения волеизъявления Гитлера? Как начальник штаба я никакими полномочиями не обладал, я не имел командной власти — никакой. Я должен был лишь спускать штабу его исходившие от него приказы и следить за их исполнением. О его планах в целом я не имел понятия, он исключил все сомнения на тот

счет, что в сферу моей компетенции входили исключительно военные вопросы. Предположительно, он стремился, как мне становится теперь понятным, к тому, чтобы все его министры не выходили за рамки своих прерогатив, чтобы никто не имел возможности составить себе цельное представление об его планах. Теперь многое стало мне понятным из того, во что я по глупости своей не вникал, к примеру, вопрос о назначении нового главнокомандующего в 1940 году. Когда генерал фон Бломберг повел себя не лучшим образом в известных всем обстоятельствах (детали милостиво прошу позволить мне опустить), Гитлер потребовал от меня предложить кандидатуру его преемника. Я предложил Геринга, однако он считал его неспособным быть верховным главнокомандующим. И решил сам подобрать кандидата на эту должность. Тогда я не мог понять почему, поскольку полагал, что у него полно забот и по остальным государственным вопросам. Но сейчас понял, что он имел свои собственные планы, которые не рисковал доверить никому.

Обвинения против меня ужасны. Поверьте, стоило мне иногда присмотреться к тому или иному развитию событий, у меня в глазах темнело. Но что я мог предпринять? У меня оставались лишь три возможности: а) отказ выполнять приказы, что было равносильно гибели; б) уйти со своего поста или в) покончить жизнь самоубийством. Трижды я был готов принять решение уйти со своего поста, но Гитлер давал мне понять, что расценит мой уход в военное время как дезертирство. Что я мог поделать?

Преследование евреев? Все, что было в моей власти, так это оградить армию от проведения антисемитизма в жизнь. Когда после принятия «нюрнбергских законов» евреи постепенно лишались собственности, избирательного права, я убеждал фюрера из соображений морального порядка не изгонять из армии заслуженных солдат. Он согласился со мною. Но все, что лежало вне войсковых рамок, естественно, в мою компетенцию не входило. Разумеется, впоследствии мне стало известно, что даже солдаты — герои Первой мировой войны, имевшие награды, подвергались остракизму, но разве я мог что-то изменить?

17 ноября. Камера Кейтеля

Кейтель заявил, что «чувствует себя, как рыба в воде». Перед проведением тестирования IQ он привел в порядок свой стол, прибрал в камере, высказал отдельные замечания по поводу допроса, который незадолго до этого закончился.

— Мне задали дурацкий вопрос: «А вы сами выразили протест против пресловутого решения генштаба, заведомо зная, что оно означает войну?» Разумеется, никаких возможностей протестовать у меня не было. Да и как вообще офицер может протестовать? И, конечно, ответ на все подобные вопросы мог быть лишь один — «нет». Офицер не имеет права подняться с места и выразить свое несогласие с решением вышестоящего начальника! Мы можем лишь получать приказы и их выполнять. Я понимаю, что это вас не волнует, поскольку вам-то на допросы ходить нет нужды, но подумал, что вас это интересует как психолога. Трудновато американцу понять приученного к дисциплине и повиновению пруссака.

После того как Кейтель заявил, что готов, мы приступили к тестированию. Он продемонстрировал свою готовность к сотрудничеству и весьма ревностно прислушивался к моим похвалам. Тест на результативность Кейтель воспринял весьма серьезно. При проведении теста на исключение и выделение существенных признаков он аккуратно откладывал использованные карточки стопкой в одну сторону, каждый раз удаляя ненужные из рабочего поля и освобождая место для следующего задания. Постепенно он начинал верить в объективность тестирования, по его мнению, именно эти методы куда интереснее той «бредятины», используемой соответствующими службами вермахта.

— Нет, поверьте, они даже моего сына провалили при приеме в военное училище из-за какой-то дури в каком-то темном помещении; кроме того, ему предстояло произнести речь, причем они сочли, что его голос слабоват для тех, кому его придется слушать. Я всю эту ерунду прекратил.

После тестирования Кейтель вновь вернулся к теме офицерства и политических взглядов.

— По моему мнению, морские офицеры куда сообразительнее по части политики, чем сухопутные, поскольку им приходится повидать свет. Они и в Англии побывали, и в Вальпараисо, и где угодно, а там поневоле познаешь ментальность других народов, чего сухопутному

офицеру не удастся. Наша большая ошибка в том, что армейские офицеры так и не поднялись над этой традиционной ограниченностью военного.

Альфред Йодль

Дух пруссачества в генерале-баварце Йодле проявился даже сильнее, чем в Кейтеле. Поначалу замкнуто-сдержанный Йодль по прошествии времени все же пожелал выразить свое отношение к обвинительному заключению.

1 ноября. Камера Йодля

— Это обвинение меня словно обухом по голове ударило. Первое: я на 90 % не имел представления, что содержалось в его пунктах. Преступления ужасают, если они действительно были совершены. Второе: я не понимаю, как можно взять да отбросить солдатский долг повиновения. Именно согласно этому кодексу я и прожил всю свою жизнь. Третье: вся ответственность за позорные деяния на Восточном фронте вдруг оказалась перевернутой с ног на голову. Как могут русские судить *нас* после своих собственных деяний по отношению к населению восточных земель? Далее, утверждается, что мы, дескать, обогатились за счет ограбления своих жертв. У меня просто язык отнялся после этого! Пожалуйста, обвиняйте меня за то, что отдавал приказы о начале кампаний в Голландии, Бельгии, Норвегии и Польши, но не надо обвинять меня в том, что я после проведения этих акций разбогател хотя бы на один-единственный несчастный пфенниг. Я и сам, поверьте, не мог взять в толк, как это нашим партийным бонзам удастся урвать себе выгоду от наших побед. Я же был и оставался генералом.

Когда мы в своей беседе вновь коснулись жестоких методов ведения войны, Йода поднял руки вверх:

— Эти ужасы — они совершенно непостижимы для меня! Я просто не в состоянии понять, что за чудовища отвечали за те лагеря и действительно совершили эти деяния.

— Разумеется, немцы; они ведь безоговорочно подчиняются приказам, — бросил я.

— Немцы, это верно, но... Скажите мне как мужчина мужчине, вам когда-либо приходилось слышать о кровожадности и

бесчеловечности немцев? Я не могу в это поверить. Эти черты характера совершенно несвойственны немцам. Это типично азиатские свойства.

— Но ведь принял же немецкий народ такой активный антисемитизм, как «нюрнбергские законы» и штрейхеровский «Штюрмер», — заметил я.

— Уверяю вас, никто и представить себе не мог, что замышлялись именно такие меры. И этот помешанный на сенсационности порнограф-журналист Штрейхер у многих вызывал отвращение. Как вам известно, Геринг в конце концов отстранил его от дел. Нет, единственное, на что попался народ, так это на то, что антисемитизм приравняли к антикоммунизму, что в какой-то степени оправдывалось нашей революцией 1918 года. Но кто мог представить себе такие последствия? Это же просто ужас!

Франц фон Папен

Папен был сама вежливость и обязательность, кроме разве что тех случаев, вводивших его в искреннее недоумение, вот тогда прорывался его взрывной темперамент семидесятилетнего. В наших беседах он признал, что был прекрасно осведомлен о том, что Гитлер был лжецом и предателем. Но так и не смог дать внятного разъяснения, почему он сам продолжал работать в гитлеровском правительстве.

30 октября. Камера Папена

После проведения теста мы говорили о Гитлере.

— Он был патологический лжец — это ясно, — заявил Папен. — Я так и не смог его раскусить. Как я понимаю, сначала он хотел только хорошего для Германии, но превратился в безголового злодея из-за окружавших его льстецов и подхалимов — Гиммлера, Геринга, Риббентропа и остальных. Я неоднократно пытался убедить его в том, что его антисемитская политика неверна в корне. Первое время он прислушивался ко мне, но впоследствии я утратил влияние на него.

Далее Папен рассказывал, как ему приходилось убеждать Гитлера запретить Геббельсу бойкотировать Зальцбургский фестиваль в бытность Папена в Австрии в 1934–1938 годах. (Геббельс пытался бойкотировать фестиваль из-за директора Рейнхардта.)

О роли, которую он играл в нацистской политике, Папен заявил следующее:

— Разумеется, я понимал, что Гитлер тем, что нарушил Мюнхенское соглашение, повинен в потере доверия. Но что я мог сделать? Эмигрировать из Германии? Мне казалось, что с меня хоть какая-то польза будет, именно если я останусь... Меня тут превратили в какого-то дьявола, в интригана, как, например, в этой книжке «Devil in Top Hat». Но мне ничего не стоит доказать, что я всегда стремился к миру. Верю в справедливость американцев и рад, что благодаря этому процессу правда восторжествует. А что произойдет со мной, это не столь важно — я у конца своего жизненного пути. Но на этот суд

возложена высокая миссия утверждения международной
справедливости.

Психологические тесты

Программа психологического тестирования в основном была завершена на период начала допросов. Подследственные находились в своих одиночных камерах, что и гарантировало объективность и достоверность результатов тестирования. Из различных проведенных тестов (на интеллект, тест Роршаха, тест личностных качеств на основе тематической апперцепции) легче всего описанию в общих чертах поддастся тест на интеллект, хоть он и не является самым показательным.

Я воспользуюсь своим собственным переводом американского «Теста на интеллект Векслера-Беллеву для взрослых», в котором я опустил некоторые элементы, обусловленные разницей культур и повлиявшие на тезаурус и общеобразовательный уровень. Тест состоял из:

А. Устные тесты памяти и комбинационных возможностей.

1. Запоминание числового ряда постепенно увеличивающейся длины.

2. Простой счет с нарастающей степенью трудности.

3. Вопросы к здравому рассудку.

4. Словообразование (образование новых словесных понятий посредством создания новых производных слов).

Б. Тесты на восприятие и реакцию.

5. Тест на субституцию (тестируемый должен заменить определенные символы цифрами).

6. Игры-головоломки на составление целого из отдельных элементов (пазлы).

7. Тесты на исследование уровня и течения мыслительных процессов.

8. Определение на рисунках отсутствующих предметов.

Вышеупомянутые тесты тщательно разрабатывались с учетом взрослых испытуемых и являются достоверным способом для определения уровня умственных способностей, которые, как правило, неотъемлемы от полученного испытуемым высшего образования. Уровень IQ рассчитывался в соответствии с методикой Векслера-Беллеву, которая (в отличие от методики Стэнфорда-Бинс)

располагает механизмом компенсации естественного ухудшения показателей пропорционально возрасту испытуемого, что позволяет объективно оценить уровень интеллекта у людей различного возраста. Однако следует принимать во внимание, что фактически уровень интеллекта пожилых людей, таких, как Папен, Редер, Шахт и Штрейхер, на 15–20 % ниже приводимых данных, но полностью соответствует данным для их возрастных групп.

Испытуемый	Уровень интеллекта
Испытуемый	Уровень интеллекта (IQ)
Яльмар Шахт	143
Зейсс-Инкварт	141
Герман Геринг	138
Карл Дёниц	138
Франц фон Папен	134

Данные оценки интеллектуальных способностей показывают, что нацистские бонзы за исключением Штрейхера продемонстрировали интеллектуальные способности выше среднего уровня (IQ 90–110), что лишь подтверждает факт о том, что самые выдающиеся личности в любой области человеческой деятельности — будь то политика, промышленность, армия или преступный мир, — как правило, отличаются более высоким уровнем интеллекта.

При этом не следует забывать, что IQ передает лишь механические способности человеческого мозга, не имеющие ничего общего ни с характером, ни с нравственностью испытуемого, равно как и с остальными неотъемлемыми при оценке той или иной личности признаками. Истинный характер познается прежде всего на основе личной шкалы ценностей каждого индивидуума и его основных мотиваций.

Проективные тесты (как тест Роршаха) указывали на отдельные особенности реактивности, однако глубокое изучение характера и личности требует пролонгированного наблюдения с тем, чтобы достичь подтверждения вышеупомянутых оценок и мотиваций.

И все же такое глобальное и возымевшее катастрофические последствия явление, как национал-социализм, не может быть уяснено

и изучено посредством одного лишь изучения характеров вождей. Психологам необходимо углубиться в личность в целом, во взаимодействии с соответствующими общественно-историческими фактами. Нюрнбергский процесс дал идеальную возможность для такого рода изучения. Записи дневникового характера, вопросы и ответы нацистов в течение года, когда обвинялось все их прошлое, оказались куда достовернее всех тестов. И теперь нам предстоит обратиться к историческим документам и психологическим реалиям, которые и образовали данный дневник.

Дневник процесса 1945–1946 ГГ

Открытие процесса. Англо-американское обвинение

20 ноября

Утреннее заседание. Протоколирование ужасающего списка нацистских преступлений, включенных в обвинительное заключение: *«Пункт первый обвинения — совместный план или заговор... Установление тотального контроля над агрессивным нападением на другие страны... Пункт второй обвинения — преступления против мира... нарушение международных договоров, соглашений и гарантий?»*.

Когда обвиняемые поняли, что открытие судебного заседания включает в себя лишь зачитание обвинительного заключения, с которым они уже ознакомились, напряжение на скамье подсудимых заметно спало. Они сидели безучастно и неподвижно, некоторые поочередно подключали наушники к различным языкам перевода, кое-кто оценивающе приглядывался к присутствовавшим в зале судебных заседаний, к судьям, обвинителям, репортерам и публике.

Перерыв. При первой встрече обвиняемые дали волю чувствам — трясли друг другу руки, впервые с момента ареста разговаривали друг с другом, причем некоторым из них выпала возможность впервые пообщаться друг с другом. После того как зал опустел, они оставались там и с чувством облегчения болтали друг с другом на самые разные темы: от политики до естественных отпращиваний.

Риббентроп попытался обратиться к Гессу, однако из этого ничего не вышло, поскольку Гесс не смог припомнить ни одного из перечисленных в обвинительном заключении пунктов. На что Риббентроп заметил мне:

— К чему поднята вся эта шумиха по поводу нарушенных договоров? Вам не приходилось читать истории Британской империи? Там сплошь нарушенные договора, подавление национальных меньшинств, геноцид, захватнические войны и так далее.

Я осведомился у него, могут ли преступления прошлого служить примером для международного нрава.

— Не могут, но мне кажется, в будущем люди будут вынуждены решать свои разногласия мирным путем, поскольку прибегать к помощи атомной бомбы стало слишком опасно, — ответил он.

Гесс насторожился:

— Атомная бомба? А что это такое?

— Бомба, которая уничтожает все при помощи энергии атома, — попытался объяснить Риббентроп.

— То есть?

Риббентроп снова ударился в разъяснения по поводу атомной бомбы, поинтересовавшись у Гесса, действительно ли тот не может вспомнить ничего из того, что было перечислено сегодня.

Наблюдая за остальными во время обеда, я заметил, что кое-кто высказался относительно улучшения качества пищи.

— Наверное, в день, когда нас вздернут, мы получим по бифштексу, — ухмыльнулся Ширах.

Штрейхер сидел в одиночестве, потому что остальные пока что игнорировали его. Когда я оказался довольно близко от него, Штрейхер поднялся с места, чтобы привлечь мое внимание.

— Знаете, герр доктор, — попытался он завести разговор, — мне уже однажды выносили приговор в этом же зале.

— Правда? Сколько же раз вас отдавали под суд?

— О, раз двенадцать или тринадцать. Так что у меня за спиной не один судебный процесс. Не впервой.

Чуть погодя мною снова попытался завладеть Риббентроп:

— Увидите, несколько лет спустя юристы осудят этот процесс. Нельзя проводить судебное расследование вне закона. Кроме того, не очень-то хорошо заставлять одних немцев осуждать других, как это имеет место на данном процессе.

Полковник дал мне знак снова усадить их на место. Ширах, проходя мимо меня, бросил:

— Неважнецкий день — нет, не для вас, для нас.

Послеобеденное заседание. Зачтение обвинительного заключения продолжилось:

«пункт обвинения третий — военные преступления... зверские убийства и дурное обращение с гражданским населением... и военнопленными... депортации для рабского принудительного труда... казни заложников... пункт обвинения четвертый — преступления против человечности — геноцид, истребление, рабство... преследование по политическим, расовым мотивам...»

После перечисления обвинений согласно п. 4 зачитывались обвинения отдельных обвиняемых и организаций.

У Риббентропа произошел приступ головокружения, сопровождавшийся шумом в ушах, после чего он был выведен из зала. Позже Геринг рассказал мне, что окончательно убедился в ненормальности Гесса после того, как тот на скамье подсудимых шепнул ему следующее:

— Вот увидите, этот кошмар развеется, и месяц спустя вы снова станете фюрером Германии.

21 ноября. Зачтение вступительного решения

Утреннее заседание. Вступительное слово представителя обвинения Джексона:

Все обвиняемые высказались по поводу предъявленных им обвинений «невиновен», причем некоторые с добавкой «по сути обвинения». После этого обвинитель Джексон выступил с вступительной речью как представитель обвинения. В своей речи Джексон обрисовал захват нацистской партией государственной власти при помощи молодчиков из штурмовых отрядов СА, «подавлявших любое проявление оппозиционности и впоследствии сумевших добиться союза с оппортунистами, милитаристами, промышленниками, монархистами и политическими реакционерами».

Месяц спустя после захвата власти Гитлером в качестве повода к оказанию давления на Гинденбурга для отмены всех

гарантий Веймарской конституции и наделения Гитлера диктаторскими полномочиями был использован пожар рейхстага. За считанные месяцы были распущены профсоюзы, и Роберт Лей стал единоличным диктатором всех немецких рабочих.

Нацисты воплощали в жизнь свою антихристианскую идеологию преследованием представителей различных конфессий, в особенности католической церкви, несмотря на подписанный с папой конкордат. Пастор Нимёллер был брошен в концентрационный лагерь ради подавления сопротивления евангелической церкви.

Перерыв. Преступления нацистов против христианства стали центральной темой в беседах обвиняемых друг с другом во время обеденного перерыва.

— Преступления против христианства! — иронично заметил Розенберг. — А преступления против христианства, совершенные русскими, их разве не волнуют?

Я поинтересовался у Риббентропа, верно ли было процитировало его высказывание, в котором он признал свою осведомленность и невмешательство касательно преследования верующих христиан нацистами.

— Да, — ответил он, — все верно. Ватикан многократно выражал протест, но на последнем этапе они просто-напросто игнорировались Гитлером. Ничего нельзя было изменить.

— Но мы же имели на это полное право! — с набитым ртом возмущался Геринг. — Мы представляли собой суверенное государство, это целиком и полностью было нашим внутренним делом!

Как мне доложили, позже Геринг заявил Франку следующее:

— Не бойтесь, они лишь выполняли мои приказы. Я беру на себя всю ответственность за четырехлетний план. — Функ глуповато улыбнулся в знак признательности Герингу.

Послеобеденное заседание. Обвинитель Джексон продолжил описание совершенных по отношению к евреям преступлений:

«Большая часть этих дичайших преступлений, запланированных и совершенных нацистами... Гетто

представляло собой полигон для опробования репрессивных мер.

Принадлежавшая евреям собственность конфисковалась в первую очередь, и эта традиция распространялась, приводя к подобным же мерам по отношению и к обвиненным в «антигосударственной деятельности» немцам, полякам, французам и бельгийцам. Геноцид евреев позволил нацистам использовать уже опробованные на практике методы на поляках, сербах и греках. Трагическая участь евреев представляла собой постоянную угрозу всему остальному оппозиционно настроенному населению Европы — пацифистам, консерваторам, коммунистам, католикам, протестантам, социалистам. По сути, она представляла угрозу любой оппозиции, всем без исключения, не-нацистам».

Результатом этой дискриминационной политики явились гетто и концентрационные лагеря, и последовавший геноцид 60 % всех проживавших на оккупированных нацистами территориях Европы евреев, или 5,7 миллиона евреев. «История до сих пор не знала преступлений, повлекших за собой большие жертвы и совершаемых с подобной жестокостью».

Джексон процитировал Штрейхера, заявлявшего, что, дескать, христианство — лишь препон на пути радикального решения еврейской проблемы и всемерно поддерживавшего гитлеровскую программу уничтожения евреев. Ганс Франк также высказывал подобные утверждения и в своем дневнике, и в своих выступлениях.

Обвинитель Джексон подробно остановился на отдельных стадиях этой, имевшей результатом геноцид, программы:

Позорные «нюрнбергские законы 1935 года; тщательно запланированное «спонтанное восстание» 9–10 ноября 1938 года; спровоцированные в оккупированных районах Восточной Европы еврейские погромы и массовые убийства евреев 1941 года; садистская жестокость, пытки, геноцид и обречение на голодную смерть в концентрационных лагерях — не говоря уже о «научных экспериментах», при которых

жертвы-мужчины сначала подвергались смертельно опасному переохлаждению, а затем их, отогрев, снова возвращали к жизни, о принудительных половых актах с отличавшимися «животным теплом» женщинами-цыганками. «Подобное ознаменовало пик морального падения нацистов. Мне трудно обременять протокол приведением примеров нездоровой жестокости, однако на нас возложена печальная обязанность вершить суд над теми, кто является преступниками... Да, наша доказательная база способна вызвать чувство отвращения, и, возможно, она лишит вас сна. В итоге нацистская Германия вызывает лишь гнев во всех цивилизованных странах».

В перерыве я услышал, как Ширах спросил у Геринга, кто же отдавал приказы об уничтожении Варшавского гетто и на проведение подобных мер.

— Я полагаю, Гиммлер, — с чувством недовольства ответил Геринг.

Покачивая головой, Ширах пробормотал:

— Ужасающе!

И с мрачным видом откинулся на спинку скамьи.

— Действительно, эти вещи ужасают, — высказал свое мнение я, когда Геринг повернулся ко мне.

— Да, понимаю, — ответил он, беспокойным взором обведя зал заседаний. — И я понимаю, что за эти преступления весь немецкий народ обречен на проклятие. Но все эти жестокие преступления были настолько невероятны, причем даже то небольшое, что становилось нам известно, что ничего не стоило переубедить нас в том, что подобные утверждения — лишь пропагандистские уловки. У Гиммлера всегда имелся наготове достаточно большой выбор психопатов, готовых пойти на такое. А от нас их скрывали. Я бы никогда не подумал на него. Он никогда не производил на меня впечатления потенциального убийцы. Вот, вы психолог, вы, должно быть, понимаете лучше. У меня не получается найти объяснение.

Обвинитель Джексон продолжил перечисление обвинений при ведении войны: казни заложников и военнопленных; разграбление сокровищ культуры в оккупированных районах; угон на

принудительные работы и обречение на голодную смерть; война против гражданского населения, опиравшаяся на идеологию «расы господ».

В завершение своего выступления, подводя итог о моральном и юридическом аспекте данного процесса, Джексон произнес следующее:

«Истинный обвинитель находится за стенами этого зала — это цивилизация. Она пока что далека от совершенств, ей еще предстоит борьба во многих странах. Она не утверждает, что Соединенные Штаты или какая-нибудь другая страна не несут ответственности за ту внутривнутриполитическую обстановку в стране, в результате которой немецкий народ пал жертвой заигрываний и угроз нацистских заговорщиков. Она указывает на ужасные последствия агрессий и преступлений, упомянутых здесь мною. Она указывает на нанесенные раны, на иссякшие силы, на все прекрасное или полезное в этом мире, подвергшееся опустошению и разрушению, на то, что и в грядущем деструктивные силы отнюдь не смогут быть устранены...

Обвиняемые могут убаюкивать себя надеждами, что, дескать, международное право настолько отстаёт от моральных критериев человечества, что считающееся в рамках морали преступным с точки зрения закона таковым не является. Мы изначально отвергаем подобные помыслы».

Тюрьма. Вечер.

Камера Фриче. К концу послеобеденного заседания Фриче выглядел настолько бледным, что полковник Эндрюс осведомился о его самочувствии. Но Фриче заявил, что с ним все в порядке.

Когда я вечером появился в его камере, Фриче беспокоился ходил по ней взад и вперед, а причиной его бледности был, скорее всего, гнев.

— Я вне себя от бешенства! — выкрикнул он. — Это проклятое метание между Сциллой и Харибдой! С одной стороны, вопрос об агрессивной войне, а с другой — ужасающие, позорные поступки! Как

можно обвинять нас в участии в каком-то там заговоре, имевшем целью самые низменные намерения и под девизом «Германия, проснись, долой евреев!» Поверьте мне, я не за свою жизнь борюсь; теперь я уже за нее и гроша ломаного не дам! Но этот циклопический судебный процесс, он же не служит только лишь пропагандистским целям! По всем пунктам предъявленного мне обвинения я заявляю «невиновен!» Однако готов признать, что совершил серьезнейшие ошибки, позволил этой гитлеровской системе убийства обвести себя вокруг пальца, даже когда я пытался разобраться в ней... Плевать я хотел на свою жизнь! Но позор, этот жутчайший позор!

— То есть вы хотите сказать, что готовы умереть за промахи Германии, но не как преступник, сознательно совершавший массовые убийства?

— Именно! Именно это я и хочу сказать! И то же самое испытывает весь немецкий народ, для которого моя малозначимая особа — лишь один из символов. Разумеется, кто-то за все это должен ответить. Но дайте нам возможность объяснить миру положение, в котором мы оказались, с тем, чтобы мы хотя бы не ушли из жизни, не избавившись от этого позорного бремени!

Я заверил Фриче, что у него будет достаточно времени для разъяснения своей точки зрения. Он был явно удивлен и успокоен, когда я объявил ему, что, вероятнее всего, между обвинением и защитой будет достигнута некая договоренность и что каждому из них будет предоставлено законное право и возможность высказаться. Фриче склонялся к тому, что, скорее всего, вина целиком и полностью ляжет на них, но не на истинных вдохновителей, и в результате в один прекрасный день их всех без какой-либо возможности защитить себя просто поставят к стенке. Я заверил его, что союзники никогда не потерпят подобные методы, что никто из судей или обвинителей не возьмет на свою совесть перед лицом общественности и истории столь противоправные методы. Было видно, что Фриче испытал облегчение от этого заявления, поскольку уже смирился с мыслью взойти на эшафот еще до Рождества.

Камера Штрейхера. Я задал Штрейхеру доверительный вопрос о том, не испытывает он когда-либо угрызения совести за свою

пропагандистскую травлю, которая проторила путь к описанным им на послеобеденном заседании преследованиям и геноциду.

— Я ничему не проторивал никакого пути! — принялся протестовать он. — Почему же не было никакого геноцида — если уж мы заговорили об этом — в период с 1919 по 1934 год? Да потому что все делалось и замышлялось Гиммлером! Я против убийств! Поэтому я не смог ни наложить руки на себя, ни убить свою жену и детей там, в Тироле, в конце войны. Я понял, что мне предстоит нести свой крест.

— Но отчего же вы вылили на евреев столько этой непотребной грязи?

— Я — грязи? — сверкнув глазами, удивился Штрейхер. — Все на самом деле черным по белому писано в Талмуде. Евреи — раса обрезанных. Разве Иосиф не совершил расовое преступление с дочерью фараона? А как же Лот и его дочери? Да в Талмуде такие вещи встречаешь на каждом шагу. Теперь они меня и распнут, — доверительно сообщил он мне. — Я уже заметил — трое из судей — евреи.

— Каким же образом вы это замечаете?

— Я умею определять *кровь*. Этой троице явно не по себе, когда я на них смотрю. Я это вижу. Я двадцать лет потратил на изучение расовой теории. Характер познается через комплекцию. В этой области я эксперт. Гиммлер вдолбил себе в голову, что он эксперт, но на самом деле он ничего в этом не понимал. В нем самом текла негритянская кровь.

— На самом деле?

— О да, — победно ухмыльнулся Штрейхер, — я заметил это уже по форме его головы и волосам. Я ведь распознаю кровь.

Хотя Штрейхер в общем и целом производил впечатление адекватного человека, меня впервые посетила мысль о том, что его слепой фанатизм граничит с паранойей.

23 ноября. Расовая политика

Утреннее заседание. Майор Уоллис описывал пропагандистские методы Гитлера, Геббельса, при помощи которых они после «завоевания масс» «психологически готовили народ для политических

акций и военной агрессии». Гитлер контролировал все общественные институты, курировал все вопросы образования и воспитания, все средства коммуникации и культурные учреждения. Геббельс отвечал за всю официальную, а также партийную пропаганду. Розенберг специализировался на распространении расово-политической идеологии, а Ширах вбивал в головы членов гитлерюгенда основы национал-социализма.

Обеденный перерыв. Франк рассказал, что получил письмо от своей супруги, которая написала ему, что вынуждена была отправить детей попрошайничать. И вдруг обратился к Розенбергу:

— Скажите, Розенберг, неужели действительно так необходимо было все разрушать и всех ввергать в нищету? Неужели именно в этом и состоял смысл расовой политики?

Розенберг ничего не ответил, а Франк, Фриче и Ширах не скрывали своего отчаяния при виде распада германской нации, указав, что в нем повинна расовая политика. В конце концов, Розенберг все же дал ответ:

— Естественно, мы не могли предполагать, что все это приведет к таким ужасным последствиям, как геноцид и война. Я всего лишь пытался отыскать мирное решение расовой проблемы.

26 ноября. Планы захватнической войны

Утреннее заседание. М-р Олдермен зачитал один из роковых документов, «документ Хосбаха», содержащий секретную речь Гитлера, в которой он 5 ноября 1937 г. знакомил Геринга, Бломберга, Фрича, Редера и Нейрата со своими захватническими планами. Разъясняя принципы различных вариантов запланированного нападения, Гитлер также заявил следующее (записано со слов его адъютанта Хосбаха^[3]):

«Германская политика всегда должна считаться с существованием двух исконных, непримиримых противников — Англии и Франции, которым германский колосс в центре Европы всегда был бельмом на глазу... Для упрочнения нашего военно-политического положения нашей первойшей

целью всегда должна оставаться наша отвлеченность в войну с целью устранения Чехии и одновременно Австрии ради устранения угрозы с флангов в случае нашего предполагаемого наступления на западном направлении... С устранением Чехии и установлением общей границы с Венгрией мы можем рассчитывать на нейтралитет Польши во время германок-французского конфликта. Наши договоренности с Польшей окажутся действенными лишь тогда, если Германия окажется в состоянии продемонстрировать свою мощь... Фюрер высказал мнение, что с высокой долей вероятности можно предполагать, что Англия и Франция втайне уже списали Чехию со счетов... Вполне естественно, что во время проведения нашего наступления на Чехию и Австрию нам необходим заслон на западе... Если Германия использует эту войну для решения чешского и австрийского вопросов, то с большой долей вероятности можно предположить, что Англия — находясь в состоянии войны с Италией — не решится на военный конфликт с Германией... Генерал-полковник Геринг в связи с изложенным фюрером счел целесообразным высказаться за прекращение нашего участия в испанской войне».

Обеденный перерыв. Многие выразили свое удивление после ознакомления с этим документом, бесспорным доказательством намерений Гитлера проводить политику с позиции силы. Йодль заявил, что ни о чем подобном в тот период не имел понятия. В этом документе его удивила явная переоценка значимости Италии. Зейсс-Инкварт также высказал мнение, что никогда не понимал оценки Гитлером роли и значения Италии. Он всегда называл Италию не иначе, как «мелкотой».

Зейсс-Инкварт по «документу Хосбаха» высказался следующим образом:

— Совершенно определенно, что я крепко бы подумал над тем, участвовать ли мне во всем этом, если бы мне в 1937 году вдруг стало известно о существовании подобных намерений!

Ширах оценил этот документ как «сконцентрированное политическое безумие».

Франк выразился так:

— Вот подождите, прочтает немецкий народ этот документ и поймет весь тот дилетантизм, которым фюрер припечатал к стенке весь немецкий народ!

Герингу вообще пришлось не по душе вся тематика обсуждения, вмешавшись, он решил прервать ее:

— Все это чушь! А как же быть с присоединением Техаса и Калифорнии к Америке? Это ведь тоже была самая настоящая захватническая война, имевшая целью расширение территорий!

Риббентроп с виноватым видом медленно покачал головой, когда я задал ему вопрос, было ли ему известно о подобных политических планах.

— Нет, он мне никогда об этом не говорил. Еще раз заявляю вам, герр доктор, если бы только союзники оставили нам в Версальском договоре хоть малейший шанс, то никто о Гитлере никогда бы не услышал.

Фриче признал, что этот документ выставляет процесс в новом свете.

— Теперь я понимаю, почему речь идет о заговоре; и я вынужден изменить свое отношение к обвинительному заключению.

Послеобеденное заседание. М-р Олдермен описал следующий документ, свидетельствующий о намерениях нацистов развязать агрессивную войну после захвата Чехии и Австрии. Речь шла о записях адъютанта Гитлера Шмундта, из которых следует, что Гитлер в присутствии Геринга, Кейтеля и Редера открыто высказывался за начало захватнической войны на еще одном секретном заседании 23 мая 1939 года.

После его слов о жизненном пространстве Гитлер был процитирован дословно: *«Национально-политическое единение Германии практически завершено за небольшим исключением (здесь м-р Олдермен заметил: «Предполагается, что речь идет о концентрационных лагерях»)). Дальнейшие успехи без пролития крови с нашей стороны невозможны. То есть вопрос о том, пощадить ли Польшу, отпадает, остается лишь при первой подходящей возможности напасть на нее... Союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии побуждает меня выступить*

против Англии, нанеся ей несколько мощных ударов. Бельгия и Голландия, хоть и протестуя, но все же уступят давлению...»

Завершив военные приготовления, 22 августа 1939 года Гитлер созвал командный состав армии на совещание в Бертехсгаден, на котором объявил о том, что война должна начаться еще при его жизни и что он уже сейчас готов начать наступление, чему имеется еще одно документальное свидетельство.

«Я дам пропагандистский повод к войне, и неважно, правдоподобно он прозвучит или нет. Победителя потом никто не спросит, лгал ли он, или говорил правду. В начале войны и в ее ходе речь не идет о праве, а о победе».

Ближе к вечеру Франк передал мне записку, в которой описывал «апокалиптическое видение», посетившее его на скамье подсудимых во время зачитания последних документов. Видение это представляло «Гитлера в день 22 августа 1939 г.». «Мы сидим перед судом, — описывал Франк, — а перед нами безмолвно движется бесконечная колоши погибших. Беспрерывно движется. Этот «белый и бескровный» поток горя в тускловатом серо-желтом свете молчаливо устремляется в вечность. Все они, окутанные белесым маревом, гонимые пламенем мук человеческих, движутся вперед — прошли — скрылись, прошли — скрылись — и конца этому шествию не видно... Люди, у которых эта война отняла жизнь, — самый страшный и жестокий трофей смерти, мучимой неутолимой жаждой разрушения всего и вся и не пощадившей никого — ни стариков, ни детей, ни процветавших и горделивых, ни покорных и кротких... Вон они, идут — поляки, евреи, немцы, русские, американцы, итальянцы — все нации и народы, изошедшие кровью, исчезают в небытии. И звучит вопль: *Эта война должна произойти, потому что произойдет лишь, пока я жив!* Что же вам выпало вынести, пока она не достигла конца своего, Боже всемогущий!»

29 ноября. Фильм о концентрационных лагерях

Послеобеденное заседание. Геринг, Риббентроп и Гесс смеялись, когда зачитывалась запись телефонного разговора Геринга с

Риббентропом в день триумфального въезда в Вену, в котором Геринг все происходившее описал, как «дурачество», щебетание птиц и т. п. И внезапно смешливости этой пришел конец, когда командующий Доновэн объявил о демонстрации обнаруженного американскими войсками документального фильма о нацистских концентрационных лагерях.

Мы с Келли стояли у скамьи подсудимых и наблюдали за обвиняемыми во время демонстрации документальной ленты. Далее следуют мои сделанные впопыхах с интервалом в 1–2 минуты записи.

Шахт протестует против принудительного просмотра, когда я прошу его подвинуться; отворачивается, скрестив руки на груди, смотрит вверх на балкон... (начинается фильм). Франк во время первых кадров согласно кивает... Фриче (который до сих пор не видел ни одного кадра из этого фильма) уже бледен и сидит, застыв от ужаса, когда на экране появляются кадры, где заключенных сжигают заживо в каком-то сарае... Кейтель оттирает вспотевший лоб, снимает наушники... Гесс сидит, уставившись на экран своими глубоко посаженными глазами, будто Гул...^[4] Кейтель снимает наушники и искоса поглядывает на экран... Нейрат опустил голову, на экран не смотрит... Функ, закрыв глаза, казалось, отдался во власть своих мук, время от времени потряхивает головой... Риббентроп зажмуривается, смотрит в сторону... Заукель лихорадочно оттирает со лба пот... Франк, судорожно сглотнув, пытается сдержать подступившие слезы... Фриче, вцепившись руками в край стула, напряженно глядит на экран, лоб прорезали морщины, он явно переживает... Геринг оперся на ограждение скамьи подсудимых, он с сонным видом лишь изредка поглядывает на экран... Функ что-то бормочет про себя... Штрейхер продолжает смотреть, он сидит неподвижно, как изваяние, лишь время от времени мигая... По лицу Функа текут слезы, высморкавшись, он трет глаза, смотрит в пол... Фрик трясет головой, когда на экране появляются кадры «насильственной смерти». Франк бормочет «Ужасно!»... Розенберг беспокойно ерзает на своем месте, иногда бросает на экран быстрый взгляд исподлобья, опускает голову, снова поднимает взор, чтобы проверить реакцию остальных... Зейсс-Инкварт принимает все стоически... Шпеер сидит с убитым видом, с трудом сглатывая... Защитники негромко произносят по ходу фильма: «Боже Великий — ужасно!» Редер, оцепенев, смотрит на экран... Папен

обхватил голову руками, сидит, глядя в пол, до сих пор он пока что не позволил себе взглянуть на экран... Гесс растерянно глядит перед собой... на экране горы трупов в трудовых лагерях... Ширах внимательно вглядывается в происходящее на экране, тяжело дыша, он перешептывается с Заукелем... Функ рыдает... Геринг с мрачным видом сидит, опершись на локоть... Дёниц сидит, опустив голову, уже не глядя на экран... Заукель поеживается при виде печи крематория в Бухенвальде... когда показывают абажур из человеческой кожи. Штрейхер произносит: «*Не верю я в это!*»... Геринг откашливается... Адвокаты издают стоны... Теперь Дахау... Шахт продолжает игнорировать экран... Франк горестно кивает: «Ужасно!» Розенберг, продолжая нервно ерзать, наклоняется вперед, оглядывает зал, после чего опускает голову... Фриче, побледнев, кусает губы, чувствуется, что он не на шутку переживает... Дёниц сидит, обхватив голову руками... Опустил голову и Кейтель... Риббентроп поднимает глаза, когда раздается голос английского офицера: 17 000 трупов уже похоронено... Франк грызет ногти... Фрик недоверчиво качает головой, когда женщина-врач начинает описывать эксперименты над женщинами-заключенными в лагере Берген-Бельзен... Когда на экране появляется Крамер, Функ сдавленно произносит: «Мерзкая свинья!»... Риббентроп, поджав губы, с горящими от волнения глазами смотрит в сторону... Функ горько рыдает, при виде обнаженных женских трупов, сбрасываемых в яму, невольно прижимает руки ко рту... Кейтель и Риббентроп поднимают взор на экран при упоминании бульдозера, сгребающего трупы, просмотрев эти кадры, они опускают головы... Штрейхер впервые обнаруживает признаки беспокойства... Конец фильма.

После демонстрации этой ленты Гесс заявил: «Я в это не верю!» Геринг шепотом призвал его к тишине, от его былой развязности следа не осталось. Штрейхер мямлит что-то вроде: «Возможно, только в последние дни», но Фриче озлобленно обрывает его: «Миллионы? В последние дни? — Нет!» Вообще в зале повисла напряженная тишина, когда группу обвиняемых выводили из зала.

Мы сразу же направились по переходу в здание, где располагались камеры подследственных, чтобы побеседовать с каждым из них наедине. Первым на очереди был Фриче. Едва мы закрыли за собой дверь и начали говорить, как он разразился плачем.

— Никакая сила земная или небесная не в силах смыть этот позор с моей страны! Ни за одно поколение, ни за сотни лет!

Сотрясаясь от рыданий, Фриче судорожно прижимал кулаки ко лбу; задыхаясь, он выдавил:

— Простите меня, что утратил над собой контроль — но я просидел здесь целый час, пытаюсь подавить переполнявшее меня!

Мы спросили его, не нужны ли ему снотворные таблетки на ночь, он ответил:

— Нет, какой смысл? Изгнать все это из сознания было бы проявлением малодушия!

Ширах произвел впечатление человека, сумевшего взять себя в руки, но произнес такую фразу:

— Я не понимаю, как немцы оказались способны на такое!

Фрик предпринял жалкие попытки дать внятное объяснение:

— Мне кажется, все дело в том, что связь оказалась в последние месяцы нарушенной — все эти бомбардировки, этот всеобщий хаос — не знаю, в чем дело.

Потом и вовсе поставил точку на обсуждаемом, осведомившись насчет прогулки.

Функ пребывал в подавленном состоянии, разразился слезами, когда мы спросили его, как подействовал на него этот фильм.

— Ужасающе! Ужасающе! — сдавленным голосом повторил он. На вопрос, нужно ли ему снотворное, он в паузе между всхлипываниями ответил:

— Что это даст? Что это даст?

Штрейхер лишенным каких-либо эмоций голосом сообщил, что фильм был «ужасен», после чего попросил, чтобы конвоиры в коридоре вели себя ночью потише, а то ему будет трудно заснуть.

Шпеер внешне не показал признаков будораживших его эмоций, но фильм, как он заявил, лишь укрепил в нем веру в коллективную ответственность партийных вождей и в невиновность немецкого народа.

Франк находился в крайне подавленном состоянии, но когда мы упомянули о фильме, он от душившего его стыда и гнева тут же залился слезами.

— Стоит только подумать, что мы жили, как короли, и верили в это чудовище! И не верьте никому из них, когда они станут вам рассказывать, что, дескать, ничего не знали и не ведали! Все знали, что с этой системой все очень и очень не в порядке, хоть, может быть, деталей и не знали. Не хотели они их знать! Было слишком уж соблазнительно сосать от этой системы, содержать свои семьи в роскоши, веря в то, что все в порядке! Вы еще относитесь к нам по-божески, — добавил он, кивнув на стоявшую на столе еду, к которой он так и не притронулся. — Ваши пленные, да и наши соотечественники гибли от голода в наших лагерях. Да будет Бог милостив к душам нашим! Да, герр доктор, то, что я вам сказал, это так и есть. Этот суд был угоден Богу. При встрече с остальными я пытался понять их — но теперь все это позади. Я знаю, что делать и как поступить...

Произнося последнюю фразу, Франк посерьезнел. Мы спросили его, не надо ли ему снотворного. В ответ он лишь покачал головой.

— Нет, благодарю. Если не засну, я смогу *молиться*... (в искренности Франка сомневаться не приходилось).

Зейсс-Инкварт признался:

— До самых костей пробирает. Но я *вынесу*.

Дёниц продолжал трястись от охватившего его волнения и, местами переходя на английский, сказал:

— Как можете вы обвинять меня в том, что я знал о чем-либо подобном? Вы спрашиваете, почему я не отправился к Гиммлеру и не проверил сам эти концлагеря? Да это же абсурд какой-то! Он бы просто выставил меня, как я выставил его, когда он явился ко мне, чтобы проверить военно-морские силы! Боже правый, какое я могу иметь ко всему этому отношение? Я волею случая оказался на таком ответственном посту и никогда не имел дел с партией. ^[5]

Мы поинтересовались у Папена, почему он отвернулся от экрана во время демонстрации фильма.

— Не хотелось видеть позор Германии, — признался он.

Заукель находился на грани нервного срыва. С дергающимся лицом, трясясь, он, растопырив пальцы, непонимающе уставился на нас:

— Да я бы задушил себя вот этими руками, если бы хоть в малейшей степени был причастен даже к одной из таких смертей! Это позор! Позорное пятно для нас и наших детей и внуков!

Шахт пылал от возмущения.

— Как вы могли пойти на такое, заставив меня сидеть на одной скамье с этими преступниками и смотреть фильм о мерзостях концентрационных лагерей?! Вам же известно, что я был противником Гитлера и сам кончил концентрационным лагерем! Это непростительно!

Нейрат выглядел довольно растерянным и говорил неохотно. Он лишь указал на то, что не обладал достаточным политическим влиянием на момент происходившего.

Редер заявил, что даже слыхом не слыхал ни о каких концентрационных лагерях. Лишь о трех ему стало известно, когда он столкнулся с необходимостью выволить из них некоторых из своих друзей.

Йодль сохранял спокойствие, но чувствовалось, что он до глубины души возмущен.

— Я был потрясен! Поверьте — самое постыдное в этом, что очень многие из нашей молодежи шли в партию из идеализма.

Кейтель, только что вернувшийся в камеру после встречи со своим адвокатом, принимал пищу. Создавалось впечатление, что если бы мы ему не напомнили, он успел бы позабыть о фильме. Кейтель прекратил есть и с набитым ртом ответил мне:

— Это ужасно! Когда я вижу подобные вещи, я стыжусь того, что я немец! Это все эти поганые свиньи из С С! Если бы я знал об этом, я бы сказал моему сыну: «Я лучше застрелю тебя, чем позволю пойти в СС». Но я не знал. Теперь я никогда не смогу посмотреть людям в глаза!

Гесс обнаружил обычную эмоциональную сумятицу и без конца повторял одно и то же:

— Не понимаю я этого — не понимаю!

Риббентроп был крайне удручен увиденным, его руки тряслись:

— Гитлер никогда бы не выдержал подобного фильма, если бы ему показали. Не верится, что и Гиммлер способен был отдавать приказы на подобные вещи. Я этого не могу понять.

Розенберг выглядел более взвинченным, чем обычно.

— Это все равно ужасно, даже если и русские творили нечто подобное. Ужасно — ужасно — ужасно!

Я напомнил ему об его личной ответственности за развитие нацистской расовой политики.

— О, такое на основе расовой политики не объяснишь, — пытался обороняться он, — ведь и много немцев было умерщвлено. Это обесценивает всю нашу защиту.

Геринг чувствовал себя до глубины души задетым этим фильмом — лента явно подпортила его «шоу».

— Такой был приятный день после обеда, все было хорошо, пока не показали этот фильм. Зачитали запись моего телефонного разговора об Австрии, все смеялись от души, в том числе и я сам. А тут это ужасающее кино, оно все испортило.

30 ноября. Выступление Лахузена. Гесс внезапно обретает память

Утреннее заседание.

Сегодня генерал Лахузен, самый высокопоставленный из оставшихся в живых офицеров абвера, давал свидетельские показания, которые заставили корчиться Риббентропа, Йодля и многих других. (Присутствие Лахузена на процессе и его высказывания вызвали шок у всех обвиняемых, для которых оказалось полной неожиданностью наличие оппозиции фюреру в среде армейской разведки и то, как их собственные генералы клеймят позором захватнические войны Гитлера.)

На допросе, проводимом полковником Эйменом, генерал Лахузен рассказал о своем участии в подпольной организации, возникшей в германском абвере с ведома и под руководством его шефа, адмирала Канариса. Целью этой организации было всяческое торможение осуществления планов захватнических войн Гитлера и, в случае неудачи, воспрепятствование благоприятному их исходу, а также физическое устранение Гитлера. Далее генерал Лахузен описал участие Геринга, Кейтеля и Йодля в бомбардировке Варшавы, уничтожении польской интеллигенции, дворянства,

лиц духовного сана и польских евреев. О том, что для создания повода для запланированного нападения на Польшу Гиммлер получил в свое распоряжение польскую военную форму, в которую были одеты заключенные из германских концентрационных лагерей. О том, как эти одетые в польскую форму узники были расстреляны, и трупы их были выданы за таковые участников «нападения» поляков на немецкую радиостанцию в городе Глейвиц.

Обеденный перерыв. Геринг вне себя от ярости.

— Изменник! Этого мы позабыли вздернуть после 20 июля. Гитлер был прав — абвер был гнездом изменников! Как вам это нравится! Неудивительно, что мы проиграли войну. Наша собственная разведслужба продалась врагу!

Витийствовал он довольно громко, обращаясь ко мне, но скорее для того, чтобы дать «партийную оценку» свидетельским показаниям Лахузена.

— Ну, по этому поводу мнения расходятся, — высказался я в ответ, — но мне представляется, что самое главное, верно ли то или иное свидетельское показание или же нет.

— Чего стоят показания предателя? Было бы куда лучше, если бы он снабжал меня верными цифрами о результатах наших налетов, а не работал бы на подрыв наших военных операций. Теперь я понимаю, почему я никогда не мог положиться на него, если речь заходила о получении достоверной информации. Вот подождите, я ему тоже один вопросик подкину: «А почему вы не оставили свой пост, если были так уж убеждены, что победа Германии означала для вас трагедию?» Подождите, я ему устрою кое-что.

Йодль воспринял все более философски.

— Если он так был убежден, тогда следовало высказать свое мнение по этому поводу, а не порочить честь офицера. Я понимаю, меня все время спрашивают, как бы я поступил, знай я о гитлеровских планах. Я бы заявил о своем несогласии, но никогда бы не поступил бесчестно.

— Ну а мне сдается, что этот человек, когда речь зашла о том, что важнее — долг или собственные моральные установки, последовал зову совести, — возразил я.

— Верно, но так не поступают. Офицер обязан либо повиноваться, либо заявить о своей отставке.

Кейтель не противоречил мне, однако был весьма удручен свалившимся на него новым отягчающим его вину доказательством.

— Он зачитал все со специально подготовленного листа. Я сообщу об этом моему адвокату!

Я заявил, что не считаю, что генерал Лахузен считывал свои показания со специально подготовленного листа и что в конечном итоге речь идет лишь о правдивости свидетельских показаний. Кейтель же продолжал апеллировать к «чести офицера», в чем особого смысла не было.

Позже я имел еще одну беседу с Лахузенем, и он заметил:

— Теперь они все горазды рассуждать о чести офицера, и это после того, как они же уничтожили миллионы людей! Сомнений нет, для них малопривлекательно, когда вот так вдруг выискивается тот, кто может высказать им в лицо невкусную правду. А я просто обязан высказать ее от имени тех, кого они погубили. Я ведь один уцелел.

Послеобеденное заседание.

На послеобеденном заседании Лахузен с полной драматизма энергией ответил на все поставленные ему вопросы. Он рассказал о том, как отдавались и исполнялись приказы о массовых убийствах коммунистов и евреев в период войны с Россией, как военнопленные и гражданские лица были казнены СС, гестапо и эйнзатцкомандами СС. Результатом такого бесчеловечного обращения с военнопленными стали вспышки эпидемических заболеваний, гибель людей в результате истощения и каннибализма. Ответственность за происходившее в лагерях военнопленных Лахузен возложил на Кейтеля, в то время как казни попадали под полномочия гиммлеровского РСХА,^[6] руководимого Кальтенбруннером. Был затронут и эпизод, когда Кейтель по настоянию Гитлера отдал распоряжение задержать и казнить совершившего побег генерала Жиро. Лахузен и Канарис саботировали этот приказ, им самим почти чудом удалось избежать за это ответственности лишь

благодаря внезапной гибели Гейдриха в результате покушения.

Во время обеденного перерыва Риббентроп передал своему защитнику записку с вопросами, на что тот ответил Риббентропу:

— Не заставляйте нас задавать столько вопросов, он рикошетом отсылает их к нам, присовокупив при этом кое-какие неприятные для вас обстоятельства.

— Ну, так отбросьте те из них, которые, по вашему мнению, усугубят нашу вину, — нервно ответил Риббентроп.

Сразу же после обеда суд собрался на чрезвычайное заседание для обсуждения вопроса о том, в состоянии ли Гесс обеспечить себе защиту. После того как остальные обвиняемые покинули зал судебных заседаний, я приступил к беседе с Гессом. Я разъяснил ему, что существует вероятность того, что будет объявлено о его недееспособности и он будет освобожден от дачи показаний. И все же я буду периодически навещать его в его камере. У меня создалось впечатление, что эта новость расстроила его, и он заявил, что в состоянии сам обеспечить для себя защиту.

Д-р Роршейдт, адвокат Гесса, стал представлять доказательства того, что его подзащитный вследствие амнезии не в состоянии сам обеспечить себе защиту. Внезапно Гесс написал записку и отдал ее охраннику для передачи своему адвокату, однако охранник проигнорировал его просьбу. Обвинение выразило свое несогласие, считая, что Гесс в состоянии защищать себя, ссылаясь на заключение психиатрической экспертизы о том, что Гесс душевнобольным не является. На обсуждение доводов обвинения и защиты ушло около полутора часов, после чего Гесс сделал сенсационное заявление: «С этого момента моя память в абсолютном порядке и в полном вашем распоряжении. Причины, по которым я симулировал амнезию, тактического порядка. Фактически же речь шла лишь о частичной утрате способности сосредоточиться... До сих пор даже в беседах с моим защитником я создавал иллюзию потери памяти». Под невероятный шум зала суд был вынужден прервать заседание.

Когда я позже встретился в вестибюле с д-ром Роршейдгом, он был в явном недоумении и не мог понять, когда же его клиент говорил неправду, сейчас или же раньше. Когда сначала Келли, а затем и я посетили Гесса в его камере, память его была в прекрасном состоянии, он ответил на все вопросы касательно его пребывания под арестом, полета в Англию, своей роли в партии и даже своей юности.

1 декабря. Дискуссия по вопросу Гесса

Перед началом судебного заседания мы с Келли общались с некоторыми из обвиняемых, мы рассказали им о внезапном исцелении Гесса от амнезии. Геринг вначале не хотел в это верить, потом, удовлетворенно хмыкнув, сообщил о том, что Гессу очень хотелось подшутить таким образом над психиатрами. Геринг не верил в истинность утверждения Гесса о возвращении памяти, но от души пожелал присутствовать на устроенном спектакле и поглядеть на лица судей и представителей обвинения.

Ширах вообще не мог дать внятных комментариев по поводу случившегося. «Это конец психиатрии, как науки», считал он. Мы посоветовали ему не торопиться с выводами — неизвестно, каких еще сюрпризов можно было ожидать от Гесса.

Риббентроп был в полном недоумении.

— То есть вы имеете в виду Рудольфа Гесса — нашего Гесса? Невероятно!

Уже сидя на скамье подсудимых рядом с Гессом, Геринг поинтересовался у него, действительно ли тот помнил обо всех деталях его полета в Англию. Гесс с явным удовольствием перечислил ему отдельные моменты, не удержавшись от того, чтобы не похвастаться своими умениями подняться в воздух, лететь вслепую и выброситься с парашютом.

— А с какой высоты вы прыгнули?

Гесс с гордостью ответил ему, что, мол, было очень низко — всего метров 200.

Оглядев зал, Геринг сразу же отметил, что Гесс стал центром всеобщего внимания, этот факт незамедлительно подпортил ему

удовольствие от шутки с разыгранной амнезией. Гесс же был от нее на седьмом небе.

1–2 декабря. Тюрьма. Выходные дни

Камера Гесса. Гесс находился в великолепном настроении, он был весьма доволен собой, что сумел «провести всех». Он считал, что во время проведения тестирования мог добиться куда лучших результатов, если бы только чуть больше постарался — скажем, если бы заставил себя чуть побыстрее выполнять те или иные операции. Повторный тест на интеллектуальные способности продемонстрировал разительное улучшение в аспекте памяти и некоторое в остальных разделах теста, что, несомненно, следует отнести на счет большей его сосредоточенности и старательности, а также того, что повторно выполнять одни и те же операции куда легче.

И все же Гесс повторил кое-какие из своих прежних ошибок, как и в первый раз дав на отдельные вопросы те же самые, ошибочные ответы, так что все его утверждения о якобы лучших результатах при повторном тестировании оказались голословными. Во время проведения теста я коснулся темы оценки Гитлером его полета в Англию, мне хотелось увидеть реакцию Гесса на утверждение Гитлера о его невменяемости.

— Не знаю, что он там сказал, да и знать не хочу! Он меня уже не интересует! — взорвался Гесс.

Потом, правда, смущенно рассмеялся по поводу своей вспышки эмоций и столь невежливого ответа. Мы продолжили тестирование. Некоторое время спустя я как бы между прочим заметил, что, дескать, до меня дошли слухи о том, что было решено пару улиц назвать его именем.

— Да, — ответил он, — прежнее название убрали — даже одну больницу называли в честь меня.

Я поинтересовался, откуда ему это известно, и явно смущенный Гесс попытался уйти от ответа.

— Ну, я точно этого знать не могу — это лишь предположение, в конце концов, это было бы вполне логично.

Чуть погодя я напомнил ему о том, что говорил ему перед заседанием (о том, что его, возможно, освободят отдачи показаний).

— Да, после этого я подумал, что пришло время кончать с этими забавами (все предыдущее поведение Гесса есть его истерическая реакция на потерю своего «эго». Чтобы как-то справиться с негативными эмоциями от осознания, что фюрер отказался от него, как от душевнобольного, Гесс сбегает в беспамятство, однако как только речь зашла о том, чтобы сохранить лицо в окружении своих бывших коллег и единомышленников, он решает поставить точку на спектакле с амнезией).

Я спросил Гесса, что он думает по поводу разрушения немецких городов. Мне показалось, он не совсем в курсе событий, но реакция его была типично рассудочной и свидетельствовала о том, что он пытается извлечь из этих событий нечто позитивное.

— Знаете, эти старые постройки — что о них жалеть, их все равно собирались сносить, иначе они бы скоро и сами рухнули.

Камера Фриче. Фриче заявил, что несколько отошел от шока, в который поверг его увиденный фильм. В пятницу и субботу он был слишком потрясен, чтобы задумываться о вопросах своей защиты. По его собственному признанию, это были дни, когда он впервые в жизни не мог молиться. Он по-прежнему выглядел удрученным, а когда мы затронули тему фильма, сокрушенно покачал головой:

— Это превзошло мои наихудшие опасения.

Но к тестам на IQ Фриче интереса не утратил. Я сообщил ему, кто занял первые 6 или 8 мест в списке, и объяснил график роста и уменьшения коэффициента интеллекта. Мы говорили и об отпоре «фронту Геринга». Он утверждал, что даже Риббентроп уже не столь решительно поддерживает Геринга, как последнему кажется. Ширах пока что не занял четкой позиции, но Фриче не сомневался, что продемонстрированный им фильм способен привести в чувства даже самых отъявленных циников.

— Хотелось бы знать, каков будет следующий шаг Геринга — что теперь вообще можно сказать в свое оправдание? — размышлял Фриче.

— Фильм явно подпортил ему имидж для выступления в тот день, — ответил я. Но он объявил, что по-прежнему поддерживает

фюрера; по-видимому, до сих пор продолжает играть свою роль мученика и насмешника. На эти слова Фриче лишь покачал головой.

Камера Кейтеля. Кейтель явно страдал от сокрушительного удара по своему авторитету после показаний Лахузена. Выглядел он весьма растерянным.

— Не знаю даже, что и сказать, — было его первой фразой, не успел я даже начать разговор на эту тему.

— Понятно, что это дело с Жиро рано или поздно должно было выплыть. Но что я могу по этому поводу сказать? Я понимаю, что офицер и джентльмен, как вы, может подумать обо мне. Это затрагивает мою честь офицера. Мне все равно, обвинят меня или нет в развязывании войны — я исполнял свой долг, повинаясь приказам. Но эти истории с убийствами — сам не понимаю, как я оказался в них втянут...

(Не отрицая оба деяния, Кейтель куда больше пекся о том, какую роль сыграл в злодейском убийстве двух представителей «почетной касты военных», нежели о своей роли в подготовке к развязыванию войны.)

Камера Франка. Франк выглядел задумчивым, но обрадовался моему приходу. Упомянул и о своем недавнем «видении», описание которого он подсунул мне в зале заседаний.

— Знаете, что было потом? — спросил он меня в каком-то мистическом экстазе. — Все слишком ужасно, чтобы описать. Дело в том, что в видении присутствовал и Гитлер. Стоя посреди зала, он грозно вопрошал: «Вы поклялись мне в вечной верности — идемте!» Разве не фантастика?

Франк столь с такой убежденностью описывал свои видения, что я был готов поверить, что он страдает галлюцинациями.

— То есть вы хотите сказать, что думали об этом в зале заседаний? — допытывался я.

— Да — и там мне и представилась эта картина, она была настолько реальной, что я решил записать свои впечатления. Подумал, что вас она заинтересует в психологическом смысле. (Тип его реакции рассеял все мои сомнения в его адекватности.)

Далее мы заговорили о том, как обвиняемые воспринимали весь этот процесс.

— Знаете, — заявил Франк, — вы просто не в курсе, что здесь происходит. Один пример. Взять хотя бы Геринга. На одной из наших последних прогулок в тюремном дворе он вдруг останавливается и, в упор глядя на меня, дожидается, что я обойду его и займу свое место слева от него, поскольку он старше меня по званию. Можете себе такое представить — здесь, в этой тюрьме? Да он для меня — пустое место.

Камера Шпеера. Шпеер был холоден и собран. Он уже свыкся с мыслью о смертной казни за все коллективные преступления. И, казалось, это его мало трогало, он скорее питал отвращение ко всем попыткам высокопоставленных военных во что бы то ни стало уберечь свои головы, что лишь укрепляло его уверенность в их ответственности за происшедшее.

6 декабря. Мировлюбивые усилия западных держав

Утреннее заседание.

М-р Гриффит-Джоунс, член британской делегации, первым заговорил с трибуны о том, как Гитлер и Риббентроп, рассуждая о мире, втайне готовились к войне. М-р Гриффит-Джоунс зачитал послание Англии и Франции, в последние часы мира 1939 года направленное Гитлеру, в котором правительства вышеупомянутых стран пытались предостеречь Гитлера от вторжения в Польшу.

Когда 23 августа 1939 года Гитлер заключал договор о ненападении с Советским Союзом, втайне поставив в известность военное командование о неизменности его намерений напасть на Польшу, Чемберлен писал ему: «Каким бы по своему характеру ни был заключенный Вами с Советским Союзом договор о ненападении, он не в силах повлиять на обязательства Великобритании по отношению к Польше, и, как уже неоднократно заявлялось правительством Его Величества, Великобритания исполнена решимости

выполнить их. Считаю своим долгом заявить и о том, что если бы правительство Его Величества и в 1914 году яснее выразило бы свою позицию, это дало бы возможность предупредить глобальную катастрофу. Независимо от того, будет ли данное утверждение принято во внимание или же нет, правительство Его Величества готово позаботиться о том, чтобы и в данном случае дело не обернулось уже имевшим место трагическим недоразумением. В случае необходимости правительство Его Величества готово незамедлительно использовать все имеющиеся в его распоряжения силы и средства, и невозможно предвидеть исхода военных действий, если таковые все же будут начаты».

Ради избежания войны Чемберлен вновь призвал к переговорам по вопросу германок-польского конфликта. Ответом Гитлера стало еще более звучное бряцание оружием.

26 августа 1939 года к Гитлеру обратился и премьер-министр Франции Даладье: «...В столь трудный час я искренне верю в то, что любой человек, движимый благородными помыслами, способен понять, что речь идет о развязывании захватнической войны без каких-либо попыток мирного урегулирования разногласий между Германией и Польшей...Как глава правительства Франции, искренне заинтересованный в добрососедских взаимоотношениях французского и германского народов, с одной стороны, и связанный обязательствами дружбы и взаимной помощи с Польшей — с другой, я прямо заявляю, что готов предпринять любые шаги ради благоприятного исхода этого конфликта». Предложив еще раз все трезво взвесить, Даладье добавил: «Ивам, и мне пришлось побывать в окопах последней войны. Вам, как и мне, известно, сколь глубоки в пародах отвращение и осуждение горького наследия той войны... Если вновь, как и 25 лет назад, прольется кровь французского и немецкого народов, но уже в новой, еще более жестокой и опустошительной войне, то каждая нация станет сражаться с верой в свою собственную победу. Самые

же пышные лавры побед этой войны достанутся варварству и разрушению».

Обеденный перерыв. Когда обвиняемых уводили на обед, Франк сдавленным голосом шепнул мне:

— Оказывается, было два письма-послания!

Во время обеда Геринг не выказывал ни малейших признаков того, что тронут усугубляющим его личную вину доказательством решимости Гитлера вопреки всем предупреждениям и уговорам все же развязать войну. Он продолжал брюзжать по поводу того, что, дескать, защите всеми средствами стараются связать руки, добавив следующее:

— Вот подождите — дойдет дело до того, что они лишат нас последнего слова.

Дёниц поинтересовался у меня, почему генерал-штабист Дэнован был исключен Джексонем из состава обвинения.

— Да, — злобно сверкнув глазами, тут же вмешался Геринг, — действительно, почему?

Я ответил, что ничего не знаю об этом. Дёниц хотел было сослаться на какую-то газету, но Геринг не дал ему договорить. Судя по всему, речь шла о заметке в «Старз энд страйпс», ссылавшейся на статью в «Арми энд нэйви джорнэл», в которой автор нападал на Джексона за то, что тот, дескать, обрушился с обвинениями на «достойную почета касту солдат», что Дёниц с Герингом сочли за основание для вывода из состава суда Дэнована.

Далее Геринг продолжил свои циничные нападки, затронув тему социальных отношений в Америке. Указав на сидевших на балконе чернокожих офицеров, он поинтересовался, имеют ли они право отдавать приказы своим подчиненным белым, и тем, можно ли им ездить в одном транспорте с белыми штатскими.

Послеобеденное заседание.

М-р Гриффит-Джоунс зачитал телеграмму президента Рузвельта от 24 августа 1939 года, адресованную Гитлеру, в которой президент США вновь призывал к переговорам ради избежания войны: «Ответа на свое апрельское прошлогоднее послание я так и не получил; однако, твердо осознавая, что дело мира во всем мире является самым важным из всех существующих приоритетов человечества, я вновь

обращаюсь к вам в надежде на то, что угроза войны и связанные с ней людские беды еще могут быть устранены». Президент США вновь настоятельно призвал Гитлера к переговорам. И снова не получил от него ответа на свое послание.

25 августа Рузвельт выступил еще с одним посланием: «В своем ответе на мое послание президент Польши заверил меня, что правительство Польши преисполнено решимости на основе перечисленных в моем послании принципов обсудить все спорные вопросы, возникшие между Польской республикой и Германским рейхом, на переговорах или на основах взаимных уступок. Еще остается возможность уберечь бесчисленные человеческие жизни, еще есть надежда для создания нациями и народами нынешнего мира основ для добрососедского сосуществования, при условии, что Вы лично и Имперское правительство готовы к избранию пути мирного урегулирования по примеру польского правительства. Весь мир призывает к тому, что и Германия изберет именно этот путь...»

М-р Гриффит-Джоунс обратился к суду с такими словами: «Но, господин председательствующий, Германия не пожелала пойти этим путем; не пожелала и принять во внимание предостережения Папы Римского, изложенные в следующих документах!» 31 августа Римский Папа писал: «Папа не спешит расстаться с надеждой на то, что забрезжившая вдалеке перспектива переговоров может привести к справедливому и мирному решению, о котором вот уже столько времени молит весь мир».

Но все призывы оказались тщетными. Гитлер уже принял решение — война должна начаться еще при его жизни. И пока Гитлер, Риббентроп и Геринг разыгрывали фарс псевдопереговоров, вермахт нанес удар.

Камера Йодля. Во время обеда мне бросилось в глаза, что Йодль сидит отдельно от Кейтеля, и вечером я решил навестить его. Сначала темой нашей беседы было сегодняшнее представление доказательств. Йодль внешне оставался спокоен, однако чувствовалось, что он окончательно избавился от иллюзий.

— Сознание того, что нас предали, куда горше всякого поражения. Я сражался в этой войне с верой в неизбежность этой войны, защищая свое отечество. А то, что Гитлер действительно все запланировал заранее и отклонил все мирные инициативы... Теперь легко говорить... Но знай я об этом тогда, результатом бы стал кошмарный конфликт совести и чувства долга. Может быть, и к лучшему, что я ни о чем не знал. Так я хотя бы сражался в твердой убежденности своей правоты. Есть кое-что, чего никак не совместишь с честью офицера.

— Например, злодейское убийство... — вставил я.

Помедлив пару секунд, Йодль спокойно ответил:

— Разумеется, такого в рамки офицерской чести не втиснуть. Кейтель говорил мне, что Жиро постоянно находился под контролем и что дело потом было передано в ведение РСХА — но ни слова об этом зверском убийстве! Нет, тут уже о чести офицера и речи быть не может! Но такое случается в военной истории — как вы помните, мы заявили, что царя Болгарии отравили. Но я никогда бы не мог подумать, что мы могли и нашего собственного генерала...

Не договорив, Кейтель устался в пол.

— Я заметил, вы больше не сидите за командирским столом, — бросил я как бы ненароком.

— Так и вы заметили? — Снова Кейтель попытался не встретиться со мной взглядом.

— Только сегодня.

— Нуда, я не из тех, кто привык бить лежачего — в особенности если мы с ним в одной лодке. И Штрейхер — не исключение. (Эта беседа ликвидировала все сомнения в том, что Кейтель утратил авторитет даже в группировке военных, и даже Йодль решил втихомолку отпихнуть его от себя.)

8–9 декабря. Тюрьма. Выходные дни

Камера Геринга. Геринг осведомился о ходе событий с назначением генерала Мак-Нарни на должность командующего вооруженными силами США в Европе, в явной надежде заглянуть за кулисы, поскольку понимал, что с уходом генерала Дэнована он теряет и своего защитника (в особенности после пресловутого вырванного из контекста выражения «достойная почета каста солдат», которое «Арми энд нэйви джорнэл» связал с уходом с должности Дэнована). Я ответил, что вообще неизвестно, кто такой генерал Мак-Нарни.

Геринг: — Генерал Мак-Нарни совершил одну великую ошибку, заявив о том, что всех нацистов и их пособников следует превратить в обычных рабочих. Это только подогнало бы страну к коммунизму.

Я возразил, что мне это не совсем понятно, но коль мы уж хотим искоренить национал-социализм, сеявший разрушения в Европе и в самой Германии, то следует научить и немецкий народ жить в мире со своими соседями согласно демократическим принципам.

— Но демократия неприемлема для немецкого народа! — убежденно отвечал Геринг. — Они просто поубивают друг друга в припадке ненависти — эти лицемеры. Я рад, что мне уже не придется оказаться там, за стенами этой тюрьмы, где каждый пытается сохранить лицо и спасти собственную башку, обвиняя теперь, когда мы потерпели такое поражение, партию. Возьмите, к примеру, этого фотографа Гофмана. Я в газете увидел его снимок с подписью, что он занимается тем, что отыскивает фотографии, содержащие доказательства против нас. И вспоминаю, сколько же он в свое время получил за снимки одного только меня. Не хочу завышать эту цифру, но это, самое малое, — 1 миллион рейхсмарок, при прибыли, скажем, 5 пфеннигов с одного фотоснимка. А теперь он ищет снимки, которые обличают меня! Нет, все это без толку — никакая демократия в Германии невозможна. Люди слишком эгоистичны и враждебны — не переносят друг друга. Разве может демократия функционировать при 75 политических партиях?

Позже Геринг заметил: — Знаете, а Гесс ненормален. Может, память к нему и вернулась, ладно, но он до сих пор одержим манией преследования. Он все время говорит о какой-то там машине, которая встроена под полом его камеры, чтобы своим гулом довести его до сумасшествия. Я сказал ему, что я слышу такой шум и у себя в камере. А он продолжает стоять на своем. Я даже всего и не припомню, что он

болтает... Выходит — если кофе слишком горяч, он считает, что его хотят ошпарить, если остыл — значит, специально действуют ему на нервы. Хотя вообще-то он такого не говорил, но все равно нечто подобное приходилось от него слышать!

— Трудновато вам приходится поддерживать всю вашу группировку в постоянной боеготовности? — как бы между прочим заметил я.

— Да, приходится следить даже за тем, чтобы они друг другу глотки не перегрызли.

— Ну, что касается доказательств, то материал собран убийственный, вы не находите?

Геринг ушел от прямого ответа:

— Разумеется, не дело обвинителя подыскивать для нас оправдание. Это уж наша забота. Но есть много такого, что они сознательно игнорируют — например, то, как способен видоизмениться приказ, миновав всю исполнительную цепочку. Как уполномоченный по вопросам выполнения четырехлетнего плана я, к примеру, распорядился, чтобы оплата труда иностранных рабочих ничем не отличалась бы от оплаты труда немецких рабочих, но обязал взимать с иностранных рабочих большой налог. И министерство финансов издает соответствующую директиву, эта директива направляется потом в министерство труда... в конце концов, выходит так, что иностранные рабочие выплачивают чуть ли не три четверти своей зарплаты в виде налогов. Я и возразил, что, мол, не должны же иностранные рабочие умирать с голоду.

Я молчал, и Геринг понимал, что уходит от прямого ответа на мой вопрос. Наконец, он все же удосужился ответить мне:

— Я пока что не в состоянии все это оценить. Неужели вы полагаете, что я мог бы всерьез принять того, кто пришел бы однажды ко мне и рассказал о живых людях вместо подопытных кроликов, которых доводили до переохлаждения? Или о том, как людей заставляли рыть для себя могилы, в которые потом их бросали тысячами? Я бы сказал ему: «Отвяжись со своим бредом!»

Он разыграл этот диалог настолько убедительно, что я невольно спросил себя, не имел ли он место в действительности.

— Это просто слишком уж невероятно, чтобы поверить! Если отнять несколько нулей от тех цифр, что приводились в передачах

зарубежных радиостанций, тогда, вероятно, в это еще можно было поверить. Но — Бог мой! — это же *проклятье* какое-то! Такого просто не могло быть. И я просто отметал все — как вражескую *пропаганду*.

Здесь Геринга призвал к себе его защитник.

Вечером капеллан Тереке рассказал мне, что Геринг высказал пожелание участвовать в богослужении, чтобы угодить капеллану.

— Понимаете, если я, как старший группы, появлюсь в часовне, остальные тоже последуют моему примеру.

Камера Франка. В дополнение к разговорам Франка самого с собой: «Сколько же лет нам — сколько лет Европе — сколько лет Германии... Знаете, а варварство, по-видимому, отличительная черта немца. Иначе откуда бы взялись эти приспешники Гиммлера, готовые выполнить любой его приказ? И потом, меня приводит в ужас мысль, что, возможно, Гитлер представлял собой лишь некую промежуточную ступень в развитии нового, антигуманного типа, обреченного на саморазрушение. С Европой покончено. А Гитлер заявил: «Война начнется еще при моей жизни». Вот так — один безумец — и миллион отправлены на тот свет!.. Смерть — самая милостивая форма жизни. Я абсолютно свыкся с этой мыслью».

Затем Франк обратился к доказательствам, предъявленным в течение последних дней, свидетельствующих о том, как Чемберлен, Даладье, Рузвельт и Папа Римский убеждали Гитлера не нападать на Польшу. «Нет такого человеческого существа, которого бы эти послания оставили равнодушным. Как с точки зрения психологии вы можете объяснить такую степень бесчувственности? Можно ли вообще говорить о таком человеке, как способном на какие-то человеческие чувства? Что же это за напасть для Германии! Что за напасть для целого мира! И они еще называют его топко чувствующим. Да любой тонко чувствующий человек никогда бы не остался равнодушным к подобным увещаниям. Освальд Шпенглер сказал мне в 1933 году: «Все продлится 10 лет — и против Германии встанет фронт, а потом Германия, стоявшая во главе подъема западной цивилизации, станет провозвестником заката этой цивилизации». Далее Франк утверждал, что Освальд Шпенглер, Рихард Штраус, Макс Вебер и другие немецкие интеллектуалы были его добрыми друзьями. «Воспоминания о них я возьму с собой в могилу».

В завершение нашей беседы Франк снова вернулся к теме своей личной виновности: «Всех нас погубил яд тщеславия, всех, и меня в том числе. Не передавайте мои слова остальным. Я сам скажу об этом на процессе, только по-другому».

Камера Риббентропа. Риббентроп вернулся к теме, больше всего его волновавшей — к отягчающим его вину доказательствам, приведенным в течение двух последних недель. Его беспокоили показания Лахузена, который процитировал его резкие антисемитские высказывания в поддержку проводимой Гитлером политики.

— Что касается этого еврейского вопроса, то я никогда бы не смог произнести того, что он мне приписывает — в первые годы я даже пытался сблизить евреев из других стран с Гитлером. Лично я всегда считал антисемитскую политику безумием. Разумеется, на людях я был вынужден всегда и во всем поддерживать Гитлера. Но подобные утверждения — это исключено. Разумеется, я отношусь к числу самых верных его соратников. Такое вам понять нелегко. Фюрер представлял собой невероятно притягательную личность. Осмыслить это невозможно, то есть это надо почувствовать самому. Знаете, даже теперь, семь месяцев спустя после его гибели мне так и не удастся окончательно избавиться от его влияния. Не было человека, которого ему бы не удалось околдовать. Даже если самые известные представители интеллектуальной элиты собирались на дискуссии, они без всякого преувеличения на какое-то время переставали существовать, осенённые этой духовной силой личности Гитлера. Даже на переговорах перед заключением Мюнхенского соглашения и Даладье, и Чемберлен не устояли перед его обаянием.

— На самом деле?

— Да, конечно, — я сам был тому свидетелем.

Риббентроп поведал мне затем, что, вероятнее всего, решения о проведении в жизнь тех или иных мер антисемитского характера принимались им под влиянием Гиммлера и Геббельса.

— Знаете, в последние два года стало невозможно даже заговорить на эту тему с Гитлером. Я рассказывал вам, как меня в 1944 году поставили в известность о том, что творилось в Майданеке и как он ответил мне, что это, дескать, вас не касается — это касается лишь его самого и Гиммлера.

— Неужели всего этого мало, чтобы доказать всему миру, что он — отпетый головорез?

Риббентроп покачал головой и невольно воздел вверх руки — жест беспомощности. После тягостной паузы он не совсем внятно пробормотал:

— Этот массовый психоз не пощадил никого из нас — так мне сказал мой адвокат.

10 декабря. Операция «Барбаросса»

Утреннее заседание.

М-р Олдермен на основании документов представил доказательства, что решение о развязывании агрессивной войны против России было принято не позднее 18 декабря 1940 года и получило кодовое название «Операция Барбаросса» Директива Гитлера гласила: «Германский вермахт должен быть готов к тому; чтобы еще до завершения войны с Англией в результате непродолжительной кампании сокрушить Советскую Россию... Подготовку, которая потребует значительного времени — если ничего не изменится, — следует начать уже сейчас и завершить до 15 мая 1941 года... На соблюдение необходимых мер секретности разработки плана нападения следует обратить особое внимание».

Вышеупомянутая директива была подписана лично Гитлером, а также Кейтелем и Йодлем. Другой документ послужил доказательством участия в планировании этой операции в течение последующих месяцев Редера и Геринга. Даже расовый теоретик усмотрел возможность для воплощения своих тезисов в жизнь. За два месяца до нападения им были разработаны свои собственные планы, согласно которым оккупированные территории России должны были стать жизненным пространством для немцев. Именно он назначил себя имперским комиссаром для

осуществления централизованного контроля над восточными областями.

Обеденный перерыв. Когда обвиняемые уже стали собираться в столовую, Розенберг, обратившись ко мне, заметил:

— Вот подождите — пройдет 20 лет, и вам придется заниматься тем же! Вам от этой проблемы не уйти!

Встав в очередь, Фриче затронул тему переселения в восточных областях:

— Волосы встают дыбом, когда сознаешь, как эти дилетанты-теоретики обращались с населением, будто пешки на шахматной доске переставляли.

Съев свой обед, Розенберг подошел ко мне, желая продолжить беседу. Но не успели мы ее начать, как Геринг, стремившийся все разговоры держать под своим контролем, проявляя при этом агрессивность, выкрикнул через всю столовую:

— Разумеется, мы стремились подорвать этот российский блок! А теперь это предстоит сделать вам!

Мы подошли к нему, и я высказал следующее:

— Может быть, именно в этом и состоит ваша основная ошибка.

Когда Фриче и кое-кто из остальных обвиняемых дали понять, что не разделяют точку зрения Геринга, он решил прибегнуть к своему излюбленному приему — замешанному на цинизме юмору:

— Ладно, следующими, с кем вам придется разбираться, будут русские. Мне будет приятно поглядеть, как вы разделаетесь с ними. Мне-то, конечно же, все равно, откуда я буду за этим наблюдать — с небес или из другого места!

И разразился своим обычным смехом. Кое-кто из его группировки из солидарности тоже вполголоса рассмеялся.

Позже Фриче сказал мне:

— Я всегда говорил, что мы лишь на 50 процентов повинны в войне с западными державами, потому что этот Версальский договор сыграл очень большую роль. Но за войну на Востоке мы несем ответственность на все 100 процентов. Эта война была бесчеловечной, беспардонной и безосновательной!

После того как все обвиняемые снова вернулись на скамью подсудимых, Келли впервые ввел в зал заседаний Кальтенбруннера. На

скамью подсудимых будто холодом повеяло, как от внезапного сквозняка.

Судя по всему, Кальтенбруннер, ожидая, что его встретят как важную особу, сразу же перешел к приветствиям своих подельников. Йодль, ближе всех сидевший ко входу, все же сумел заставить себя подать ему руку. Но остальные продолжали демонстративно смотреть в сторону. Я усадил его в первом ряду между Кейтелем и Розенбергом. На лицах обоих соседей Кальтенбруннера отразилось недовольство, казалось, их занимало нечто совсем другое.

Кальтенбруннер попытался завязать разговор, но они сделали вид, что не слышат его.

Кейтель наклонился ко мне и попросил передать от него привет майору Келли — явно выбрав благовидный предлог начать со мной разговор и избежать попытки общения с Кальтенбруннером.

Франк со скрежетом зубовным уткнулся носом в какую-то книгу. Когда я оказался возле него, он, кивнув в сторону Кальтенбруннера, произнес:

— Присмотритесь к его голове. Любопытно, не правда ли?

После нескольких минут столь холодного приема Кальтенбруннер, с трудом взволнованно сглотнув, принялся тереть указательным пальцем глаз.

После того как его адвокат, покончив с обедом, вернулся, Кальтенбруннер протянул ему руку для приветствия, однако защитник демонстративно заложил руки за спину. В разговоре со своим подзащитным адвокат Кальтенбруннера держался вполне дружелюбно, но вот руки подать ему не посмел.

Геринг с явным неодобрением взирал на происходящее — внимание всех фоторепортеров и корреспондентов было приковано к особе Кальтенбруннера. По-видимому, теперь их искренний интерес переместился с нескритичного юмора Геринга к неприятнейшей теме изуверств, творимых в концентрационных лагерях.

— Почему его понадобилось притащить сюда именно сегодня? — мрачно осведомился Геринг.

— Сегодня он впервые хорошо чувствует себя после приступа, — пояснил я.

— Что говорят врачи? Он здоров?

— Вполне здоров для участия в процессе.

— Но если уж он здоров, то я тогда — атлант, никак не меньше. Не вижу причин для сегодняшней доставки его сюда.

Геринг продолжал наблюдение за репортерами, фотографировавшими новичка, обводя взглядом зал заседаний, чтобы оценить реакцию присутствовавших.

Послеобеденное заседание.

М-р Олдермен продолжал изложение того, как Риббентроп выступил с предложением к партнерам по «оси» присоединиться к Германии в деле воплощения в жизнь идей «нового порядка» и объявить союзным державам войну. Результатом стало вероломное нападение Италии на Францию и Японии на США. Риббентроп бомбардировал Японию требованиями немедленно вступить в войну с Советским Союзом, но та все же не рискнула пойти на такой безрассудный шаг.

11 декабря. Национал-социалистические документальные фильмы

Утреннее заседание. Демонстрация нацистских фильмов на тему их прихода к власти вызвала у обвиняемых волну положительных ностальгических воспоминаний о былых днях и событиях — речах Гитлера, Геббельса, Гесса, Розенберга; на экране мелькали кадры, свидетельствовавшие о росте мощи вермахта, о ликвидации безработицы, военных парадов, звучали вопли «Зиг хайль!» и так далее.

Кадры нацистской хроники, изображавшие возрождение германской мощи после прихода Гитлера к власти, выжали слезу умиления даже у Шахта. После он задал мне вопрос:

— Что дурного можно увидеть в ликвидации безработицы?

Фриче признался:

— У меня хотя бы есть чувство удовлетворенности от осознания того, что в один прекрасный день родилась Германия, во славу которой можно было и вкалывать — до 1938 года.

Франка очень тронули кадры, но они же вызвали и муки. В перерыве он попытался что-то шепнуть мне, так, чтобы это не

услышали остальные.

— Смех Божий? — переспросил я.

— Да, да. И этого человека немецкий народ возвысил до божества!

Далее на экране мелькали кадры, показывавшие, как Гитлер сооружал и запускал в действие военную машину. Когда в кадрах впервые замелькали самолеты, Дёниц хихикнул:

— Ого! Летчики!

Геринг, наклонившись вперед, шепнул ему:

— Тише! Помолчите!

Чуть позже, когда стали показывать и военно-морские парады, Дёниц произнес:

— Все видят, что они — лучшие из лучших!

— Неплохо, неплохо, — расщедрился на признание Геринг.

Затем пошли кадры заседания рейхстага, на котором депутаты разразились смехом после зачитания обращения Рузвельта, в котором президент США призывал к миру. Геринг рассмеялся и в этот раз — но уже сидя на скамье подсудимых.

Обеденный перерыв. Голос и образ Гитлера лишили Риббентропа разума. Бывший министр иностранных дел Германии рыдал, как ребенок, будто вдруг увидев восставшего из могилы горячо любимого родителя.

— Неужели вы не ощущаете беспримерного величия этого человека? Не замечаете, как он просто опрокидывал навзничь любого? Не знаю, способны ли вы это почувствовать, но мы-то уж чувствовали. Потрясающе!

Я заметил Гессу, что его, как и весь немецкий народ в те дни, переполнял восторг.

— Да, этого нельзя отрицать, — с ухмылкой ответил он.

— А теперь все по-другому, верно?

— О, это всего лишь промежуточный период — подождите лет 20.

Перед этим Геринг в разговоре с Гессом сказал, что убежден в том, что немецкий народ снова поднимется — его ничто не способно удержать.

К Герингу вернулось кое-что от его былой несгибаемой уверенности. Он высказал мнение, что эти кадры так вдохновляют, что теперь даже сам главный обвинитель Джексон наверняка жалеет, что не вступил в партию. Я заметил, что пресловутый смех в рейхстаге по

поводу мирных инициатив Рузвельта дороговато обошелся Германии — гибелью и разрушением.

— Но это действительно было смешно, — не согласился Геринг. — Какой смысл для нас было завоевывать Палестину?^[7]

Тут и я не сдержался.

Послеобеденное заседание. Демонстрация нацистской хроники продолжалась. Кадры войны и первых побед. (Генералы и адмиралы явно в ударе — это их единственный повод упиваться победой. Когда стали показывать инициаторов покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, Геринг и Риббентроп шепотом стали комментировать Гессу — дескать, вот, присмотришься к ним как следует — вот изменники, стремившиеся погубить нашего фюрера.)

Тюрьма. Вечер

Камера Геринга. Геринг продолжал пребывать в приподнятом настроении, когда вечером мы вместе с Келли зашли в его камеру.

— Я сумел сэкономить массу энергии представителям обвинения, — сообщил он. — Вам нет нужды показывать фильмы и зачитывать документы, чтобы доказать, что мы действительно вооружались для войны. Разумеется, вооружались! Да я лично вооружил Германию до зубов! Жаль вот только, что этого оказалось мало! Надо было больше. Конечно же все эти ваши договоры (но это так, между нами) были для меня не ценнее пипифакса. Разумеется, я стремился сделать Германию великой! Если это получалось мирным путем, ладно, если же нет, то и это меня устраивало!!! А мои планы относительно Англии были куда солиднее, чем они теперь считают.

Дождитесь, пока мне предоставят слово, мне есть что сказать им. Хотелось бы взглянуть на их физиономии! В 1939 году я не хотел войны с Россией, но, разумеется, готов был напасть на них до того, как они бросятся на нас, что так или иначе произошло бы если не в 1943 году, так в 1944-м.

Геринг с видимым удовольствием продолжал свой непринужденный монолог.

— Когда они сказали мне, что я, как только создам люфтваффе, начну военные игры, я им ответил, что уж, конечно, не стану во

главе пансиона для благородных девиц. Я вступил в партию — именно потому вступил, что она была революционной, а не из-за этого идеологического хлама. Другим партиям приходилось совершать революции, подумал я, почему бы и мне не поучаствовать. И что мне понравилось, так это, что только у нацистской партии хватило мужества заявить: «К чертям собачьим этот Версаль!» А другие перед ним пресмыкались. Вот что мне импонировало!

Конечно, Гитлер был рад заполучить меня — я пользовался авторитетом среди молодого офицерства Первой мировой. В конце концов, я командовал этими «воздушными трюкачами», что для партии огромный плюс. Конечно, я скажу, что меня не пугала и не отвращала война, если это во благо возрождения германской мощи. Но мне больше всего хотелось бы защитить себя только по одному пункту, поскольку он задевает мою честь — я никогда не отдал ни одного приказа на проведение этих позорных актов.

Камера Риббентропа. Риббентроп до сих пор чуть не плакал и спросил меня, не ощутил ли я исходившую с экрана необоримую силу личности Гитлера. Я признался ему, что ничего подобного не ощутил. Риббентроп заявил, что он снова подпал под гипнотическое обаяние образа фюрера.

— Знаете, если бы Гитлер сейчас зашел ко мне вот в эту камеру и сказал бы: «Сделай это!», то я даже после всего, что мне довелось узнать, все равно повиновался бы ему. Разве это не удивительно? Неужели вы и правда не чувствуете этой его невероятной притягательной силы?

14 декабря. Польский геноцид

Краткая вспышка энтузиазма нацистов, вызванная просмотром документальной хроники, полностью угасла на вчерашнем и сегодняшнем заседаниях, где приводились неоспоримые и уничтожающие доказательства совершения хладнокровно запланированных массовых убийств.

Перед началом слушаний Ширах пытался ухватиться за соломинку обычного своего и геринговского цинизма и скептицизма.

— Очень сомневаюсь, что какая-нибудь немецкая женщина сознательно заказала бы себе абажур из человеческой кожи, — высказался он.

— Зато немецкие мужчины их делали, а женщины были не против принять их в подарок, — резко ответил я. — В чем разница?

Ширах с помутневшим взглядом откинулся на спинку стула.

Кейтель, перехватив мой взгляд, прошептал:

— Ужас! Ужас! — Закатив глаза, он воздел руки, демонстрируя решительное неприятие подобных вещей.

Утреннее заседание. Майор Уэлш зачитал отрывки из доказательного материала о гибели от голода и умерщвлении евреев.

Из дневника Франка: «То, что мы обрекли на гибель миллион двести тысяч евреев, удостоилось лишь беглой констатации. Само собой разумеется, что если евреи погибнут не от голода, то это, вероятно, ускорит проведение направленных против евреев мер». Из донесения генерала СС Штроонса о полном уничтожении варшавского гетто: «... Поэтому я принял решение... предпринять полное уничтожение еврейского квартала путем сожжения всех жилых домов... Нередко евреи оставались в охваченных огнем домах до тех пор, пока из-за задымления им не приходилось выбрасываться из окон верхних этажей... С многочисленными переломами они пытались поползти до находившихся на противоположной стороне улицы домов, пока не охваченных огнем... После восьмидневного пребывания в подземных канализационных коллекторах они также покидали их. Много евреев погибло от взрывов в подземных бункерах, точное число их не установлено... Лишь в результате настойчиво принимаемых мер удалось схватить и впоследствии устранить 56 065 евреев. К ним следует также добавить и тех, которые погибли в результате подрывов, в огне пожаров и т. п., точное число которых не установлено».

В перерыве Йодль вопил:

— Мерзкая спесивая эсэсовская свинья! Он тут на 75 страницах во всех прелестях расписывает забой евреев, а кампания, в которой солдаты сражались с вооруженным до зубов противником, удостоилась всего двух страниц!

В разговоре с Франком я упомянул о его циничных высказываниях и о том, как с помощью крохотных пищевых рационов уморили голодом один миллион евреев. Франк признал, что в период своего

слепого поклонения идеям национал-социализма поддерживал подобные акции; но все свои дневники и записи, по его словам, он добровольно передал американскому военному командованию с тем, чтобы в конце концов сказать слово правды об этом безнадежном периоде истории, невзирая на возможные последствия для себя лично.

Майор Уэлш продолжил чтение документов, служивших доказательством геноцида евреев в Треблинке и Освенциме. Документ из Польши: «Все жертвы были обязаны раздеться догола, их одежда и обувь затем была собрана. После этого их, включая женщин и детей, затолкали в камеры смерти... Маленьких детей просто швыряли внутрь».

В тот период в дневнике губернатора Франка появилась запись, датированная 16 декабря 1941 года: «Евреи и для нас оказались слишком уж прожорливыми. Таких в генерал-губернаторстве по приблизительным оценкам около двух с половиной миллионов». А вот еще одна запись января 1944 года: «На данный период евреев у нас в генерал-губернаторстве примерно 100 тысяч».

Обеденный перерыв. И за столом Франка, и за столом Геринга Гитлер был центральной темой разговоров. Гесс и Риббентроп, сидевшие за столом Франка, подняли вопрос о том, знал ли Гитлер обо всем этом. Франк, не скрывая злорадства, заявил, что будь это иначе, сложно было бы все организовать. Он твердил, что все делалось по прямому приказу Гитлера.

Между тем Кейтель подбросил Герингу вопрос, а не лучше бы Гитлеру, не полагаясь на свое окружение и не вешая на него ответственность за содеянное, самому взять да и возложить эту ответственность на себя.

— Но не следует забывать, кем он был, — возразил Геринг в отчаянной попытке воспротивиться столь демонстративному разброду в рядах обвиняемых.

— Конечно, не следует — он был главным военным преступником! — бросил я, стоя между двух столов.

— Он был и оставался главой нашего государства. Я бы не перенес, если бы мне довелось увидеть, как его судит иностранный суд! Вы же все знали фюрера. Он бы первым встал и заявил во

всеуслышание: «Приказы отдавал я, и я беру на себя всю полноту ответственности!» Но по мне лучше уж десять раз умереть самому, чем стать свидетелем такого жуткого унижения.

Впрочем, на остальных обвиняемых эта пламенная демонстрация лояльности не произвела никакого впечатления.

Франк бросил резкую реплику:

— Ничего страшного, тиранам уже приходилось отвечать перед судом!

Это был первый вызов Герингу с начала процесса. Бывший рейхсмаршал побагровел.

— По его милости мы сейчас здесь, и единственное, что нам остается, так это рассказать, как все было в действительности!

Кейтель, Дёниц, Функ и Ширах внезапно поднялись и покинули стол Геринга, что было совсем не в их духе, оставив Геринга в одиночестве. Чтобы выйти из этого явно неприятного положения, Геринг тут же встал из-за стола и направился ко мне, сделав вид, что желает продолжить прерванную беседу.

— Знаете, — доверительно начал он, — в мои намерения вовсе не входит преувеличивать мою любовь к фюреру — вам ведь известно, как он отнесся ко мне в финале. Но я не знаю, что мне говорить, — мне кажется, что в последние полтора года он просто почти все передоверил Гиммлеру.

— Но все делалось по их взаимному согласию — иначе разве стали бы возможны эти злодеяния, да еще в таких масштабах?

— Думаю, Гиммлеру так или иначе приходилось ставить фюрера в известность о многих убийствах и тому подобных случаях. А если речь идет о такой войне, где столько жертв с каждой из сторон, — не знаю...

Я отошел.

Ширах присоединился к Фриче, Шпееру и Зейсс-Инкварту. После нескольких шутливых замечаний Ширах по поводу того, как гитлерюгенд старел, умнел и ожесточался, он, вдруг посерьезнев, заявил мне:

— Но жить нам осталось мало, так что не успеть воспользоваться этой вновь обретенной мудростью. Все потеряно безвозвратно. Я не буду в обиде на этот суд, если в один прекрасный день он заявит: «Всем им голову с плеч долой!» И пусть даже среди нашей двадцатки и

отыщется парочка невинных — это же капля в море по сравнению с миллионами безвинно погубленных!

— До меня дошли слухи, что вчера зачитывали вашу «венскую речь»?

— Да, ту самую, которой мы столько времени посвятили во время самой первой нашей с вами беседы. — Ширах пожал плечами. — Теперь уже поздно.

Разговор снова коснулся Гитлера.

— Я ведь говорил вам о том, что в 1943 году у меня сложилось впечатление, что он ненормален, — заметил Ширах Фриче.

Близилось время возвращаться в зал судебных заседаний.

Внизу Франк нравоучительным тоном доводил до сведения остальных, что, дескать, сейчас необходимо, чтобы весь немецкий народ узнал всю правду до конца. Розенберг попытался использовать свою старую тактику, перевести разговор на агрессивность союзных держав, утверждая, что Америка стоит перед той же расовой проблемой. И тут же бросил полный надежды взгляд на Шпеера, явно рассчитывая на моральную поддержку того. Но Шпеер лишь саркастически рассмеялся в лицо Розенбергу, сопроводив свой смех соответствующим жестом.

Послеобеденное заседание.

Капитан Харрис зачитал дальнейшие выдержки из дневника Франка: «С Польшей нам необходимо вести себя как с колонией, поляки станут рабами Великогерманского рейха!»...«Необходимо изничтожать евреев, где бы они нам ни попались и где это возможно».

15–16 декабря. Тюрьма. Выходные дни

Я снова обошел все камеры, чтобы узнать реакцию на растущий объем материала доказательств, отношении к Гитлеру и партии в связи с последними разоблачениями.

Камера Розенберга. Розенберг, как обычно, запутался, когда мы с Келли попросили его высказаться.

— Конечно, вся эта история непостижима для меня, ужас просто. Я никогда себе и вообразить не мог, чем это все обернется. Не знаю. Ужасно! И Гитлер отдавал столько этих приказов. Либо Гиммлер с согласия Гитлера.

— Что вы теперь думаете о Гитлере? — поинтересовались мы. — Как вы думаете, что явилось результатом партийной программы?

Наверное, с минуту Розенберг, сцепив пальцы и уставившись в пол, продолжал хранить молчание. И наконец ответил:

— Я не знаю. Мне кажется, он просто уже не понимал, что делает. В самом начале никто не собирался никого истреблять — могу вас заверить! Я всегда стоял за мирное разрешение. Я выступал с речью перед аудиторией в 100 тысяч человек, речь эта впоследствии была распечатана во множестве экземпляров и роздана. В ней я выступал за мирное решение. Евреи должны были уйти со всех влиятельных должностей, вот и все. Вместо 90 % евреев среди берлинских врачей мы стремились к тому, чтобы их стало 30 %, и это, согласитесь, еще вполне приемлемая цифра. Я не мог предполагать, что это может привести к таким страшным последствиям, как геноцид. Мы стремились разрешить еврейскую проблему мирным путем. 50 000 представителям еврейской интеллигенции было даже разрешено покинуть страну. И поскольку я всегда мечтал о жизненном пространстве для немцев, я считал, что и для евреев тоже будет достаточно жизненного пространства — за пределами Германии. И не было смысла пытаться высылать их в Палестину, потому что для обитавших там 800 тысяч арабов это означало бы изгнание при помощи английских штыков.

— А куда их, по-вашему, следовало переселить?

— Ну, я знал, что их отправляли на восток, и слышал, что размещали в лагерях под их собственным начальством и что они собирались осесть где-то на востоке. Не знаю. Я не мог себе представить, что все это в конечном итоге приведет к устранению в буквальном смысле этого слова. Мы лишь хотели устранить их из политической жизни Германии. Многие из евреев уже с самого начала ждали жестких мер, но, увидев, что ничего подобного не произошло, некоторые из тех, что эмигрировали, вернулись, считая, мол, «даже

оказавшись вне политики, мы все равно сможем заработать там себе на хлеб». Партия вначале воздерживалась от жестких мер. Но потом произошли события, которые просто вырвали у меня из рук контроль над этим. Еврейско-демократическая пресса на Западе начала травлю партии, чем и ускорила события. И потом это убийство фон Рата.^[8] Разумеется, вы можете сказать: «Почему вы не расценили это убийство как единичный случай?» — Я не знаю. Возможно, это и был единичный случай. Но выглядел как ответ евреев на решение еврейской проблемы в Германии. Тогда и последовали меры возмездия... В действительности я не имею отношения к «нюрнбергским законам». Мне они попались на глаза, лишь когда их представили депутатам рейхстага, и, конечно же, я не мог встать в зале рейхстага и сказать: «Я протестую!» Об этом и речи быть не может.

Камера Штрейхера. Штрейхер ни в коей мере не был сбит с толку обилием доказательного материала, он по-прежнему оставался все тем же оголтелым фанатиком в отличие от своих сокамерников, испытывавших стыд или хотя бы пристыженность и инстинктивное желание защитить себя. «Ну, знаете, скажу вам то, во что верю», заявил он, отвечая на мой вопрос о том, как бы он поступил, зная заранее, к каким последствиям приведет избранный им курс. «В конце концов, Талмуд предписывал евреям заботиться о своей расовой чистоте. Сионистский предводитель Теодор Герцль даже говорил, что там, где евреи, всегда есть и антисемитизм. Евреи совершают большую ошибку, делая из меня истязателя, вы еще в этом убедитесь. Не я изобрел эту проблему — ей не один век. Я своими глазами видел, как евреи пробирались во все области жизни в Германии, и сказал, что их необходимо изгнать оттуда. Впрочем, если прочтете Талмуд, сами в этом убедитесь...»

И так далее и тому подобное, что так похоже на бред преследования или органический психоз. В поведении Штрейхера не было и следа садизма, лишь хладнокровная, апатичная одержимость.

Камера Шпеера. Шпеер, как и прежде, оставался спокойным и рассудительным. Когда мы спросили его, что он теперь думает о Гитлере, он ответил:

— То же, что и в последние военные месяцы, даже хуже: самоуспоенная, разрушительная власть, которой и дела не было до немецкого народа. Как я уже вам говорил, он для меня был человеком конченным с тех пор, как отдал приказ к разрушению всего немецкого достояния и когда заявил, что, дескать, немецкий народ заслуживает лишь гибели, поскольку не сумел выиграть эту войну. Но кое-что меня на этом процессе и удивило. Первое, это его речь в 1937 году о том, что «война должна начаться еще при моей жизни». Второе: доказательство того, что польский «инцидент» был действительно спровоцирован СС, представленное Лахузенем. И третье: масштабы и секретность гиммлеровской системы умерщвления.

Далее мы говорили о том, как Германия вооружалась для будущей войны, и Шпеер представил нам цифры невероятного роста производства, наступившего после того, как он занял свой пост. Он упомянул, что после поражения Германии предупредил американское командование силами стратегической авиации от японского окружения. Наши бомбардировки силами стратегической авиации, по словам Шпеера, доставили ему и подчиненному ему министерству немало головной боли, в особенности американские дневные точечные удары. Когда мы коснулись атомной бомбы, он сказал, что знал о наших работах над ней, поскольку в Германии были эксперты-ядерщики и соответствующие ядерные компоненты. Но о нашем прогрессе в этом направлении Шпееру ничего не было известно. Немцы также работали в этом направлении, однако, по его словам, «нас отделяли от цели годы и годы работы».

Я рассказал Шпееру, что, по мнению Геринга, речь шла не о годах, а о считанных месяцах.

— О, Геринг, да он представления не имеет о том, что такое наука. Зато треплется без меры. Я только заикнулся ему о первом испытательном образце реактивного самолета, как он тут же помчался к Гитлеру, чтобы сообщить ему, что, дескать, через три месяца мы изготовим 500 реактивных истребителей — какая чуть! Наверное, подумал, что эта сказочка о 500 самолетах укрепит веру Гитлера в чудо-оружие, которое обеспечит ему победу в войне.

Камера Функа. Функ пребывал в своем обычном подавленном настроении — жалкое зрелище.

— Как все это вынести — Германия опозорена на вечные времена! Поверьте, это куда тяжелее всех последствий этого процесса (стонет). И — поверьте — я не имел ни малейшего представления ни о душегубках на колесах, ни о других зверствах! Клянусь, впервые об этом я узнал в Мондорфе. Я делал все, что мог, ради соблюдения законности. Я воспрепятствовал выдаче находившегося во Франции бельгийского золота в Германию, поскольку вопрос о собственнике оставался невыясненным. Также я не допустил обесценивания франка в период оккупации. Только этим я спас больше денег для Франции, чем стоимость всей отчужденной собственности. Единственное, в чем я могу упрекнуть себя, так это, как я вам уже говорил, в том, что тогда, в 1938 году, не ушел в отставку, когда началось разграбление и уничтожение еврейской собственности. Но даже тогда я считал, что евреи должны получить адекватную компенсацию за все, что у них отобрали.

Камера Шахта. Как и раньше — Шахт излучал уверенность в себе и жизнерадостность:

— Мне кажется, остальные начинают понимать, что их ждет. Мне незачем беспокоиться ни о чем подобном. Надеюсь только, что процесс этот продолжится и вскоре завершится.

Камера Заукеля. Когда я появился в его камере, Заукель трясся всем телом. Заламывая себе руки, он сразу же перешел к защите. Голос его заметно дрожал.

— Хочу сказать вам, что ничего не знал об этом — и уж, конечно, никакого отношения ни к чему подобному не имел! Напротив! Я стремился, по возможности, улучшить условия для иностранных рабочих.

— Что вы теперь думаете о Гитлере?

— Да-а — нелегко ответить. Мнения о том, знал ли он о творимых жестокостях, разделились. Я просто-напросто не знаю об этом. Зато нет никаких сомнений в том, что Гиммлер знал, что делает, и ему нет никакого оправдания. У меня в голове не укладывается, как такое могло произойти. Жестокое обращение с иностранными рабочими... Я действительно не несу за это ответственности! Я был нечто вроде агента по найму моряков. Если я поставляю на корабль людей, я ведь

не отвечаю за то, как там с ними обойдутся. По распоряжению Гитлера я занимался поставками рабочих на заводы Круппа. Но не моя же вина, что с ними там так мерзко обращались. Вы понимаете, что я хочу сказать? А те деяния — они ужасны, можете быть уверены, разумеется.

Камера Нейрата.

— Разумеется, Гитлер был лжецом, разумеется — это прояснялось с каждым днем, — он понятия не имел о том, что происходит. Но вначале этого никто не замечал. Он был — как утверждают — восхитительным демагогом. Очень многих ослепил. А заговоры свои задумывались глубокой ночью в кругу ближайших его приспешников. Я не из тех, кто бодрствует ночи напролет. Бывало, что вызывал меня в час, а то и в два или в три ночи. Именно в это время и происходили его тайные консультации с Гиммлером и Борманом.

Камера Кейтеля. Кейтель сообщил, что пребывает в ужасном душевном состоянии.

— Провалиться бы сквозь землю от стыда! Это позор — такие зверства! Я все же рассчитывал, что вермахт останется в стороне от всего этого, на его достойное поведение, но теперь и на вермахте пятно позора! Слишком уж крепки и многочисленны были эти связи с партийными организациями. Взять хотя бы этот ужас в варшавском гетто! Что пишет этот Штрооп — «Инженерные подразделения поддерживали вермахт и СС при проведении этой операции, руководствуясь пониманием истинного товарищества по оружию». Да я присягнуть могу, что комендант, отправляя на помощь эти инженерные подразделения, ни сном ни духом не ведал об этих грязных затеях, участвовать в которых им пришлось. Жаль, что я так мало бывал в войсках, следовало бы почаще. Приходилось постоянно торчать в ставке Гитлера, а если я и попадал на фронт, то общался исключительно с генералитетом. А надо было бы присмотреться повнимательнее к тому, что делалось на нижних ступенях. Но — какой теперь во всем этом смысл? Время ушло!

— Каково теперь ваше мнение о Гитлере? Есть ли у вас сомнения в том, что он ничего не знал о творимых жестокостях? Или же знал и отдавал на это приказы?

— Он не мог о них не знать! Сомнений в этом быть не может! Теперь мне понятно, почему он всегда приказывал мне не соваться в дела полиции. Когда что-то происходило, он говорил: «Это вас не касается! Вы — солдат!» Естественно, я не знал, что он занимался планированием всего этого кошмара и втянул в это и представителей вермахта. Знай я об этом, я бы сказал ему: «Мой фюрер, в этом я не участвую! Не желаю быть впутанным во что-либо подобное! Лишайте меня моей должности. Иначе в одно прекрасное утро вы обнаружите меня мертвым!» Но он никогда не доверял мне... Нет, он разговаривал на трех разных языках — один для вермахта, другой — для партийных руководителей, с которыми он обсуждал свои истинные планы, и третий — для рейхстага, служившего для него рупором для передачи идей народу.

Его программа включала в себя три основных пункта, которые в конечном итоге и ввергли Германию в хаос поражения и разрушения: подавление церкви под ханжеским девизом «У каждого свой путь в блаженство», второе — жестокое преследование евреев и третье — безграничная власть гестапо. Сегодня это ясно...

Кейтель сделал жест, будто снимая пелену с глаз, и беспомощно пожал плечами.

— Но теперь уже поздно!

Когда я собрался уходить, он, как всегда, встал навытяжку, но голос его звучал наярено:

— Прошу вас, давайте мне время от времени возможность перекинуться с вами словом, я ведь пока что не приговоренный преступник, не презирайте и не отвергайте меня! Заходите, ваши визиты обеспечивают мне определенную моральную поддержку — так мне легче переносить эти муки... Мне бы только с кем-нибудь поговорить.

Камера Геринга. Беседа с Герингом продлилась два с половиной часа. Мы говорили на самые разные темы, начиная отличных и кончая ремовским путчем 1934 года. Как всегда, в выходные дни, когда обвиняемые не находились на публике, его потребность выговориться была непомерной. Геринг стремился всеми доступными средствами обосновать, что, дескать, до последней минуты пытался отвести угрозу войны с Англией.

— Послушайте, Риббентроп был готов нанести удар, если заметил бы, как я действую в обход дипломатических каналов.

Геринг предъявил мне книгу шведского посредника Далеруса, где детально описывались все негласные усилия и переговоры между ним и англичанами. Геринг собирался предъявить эту книгу на процессе.

Говоря о политике с позиции силы в отношении Великобритании, он заявил, что, дескать, в намерения Германии не входило заботиться об усилении мощи Японии в ущерб Великобритании.

— В действительности нас отнюдь не радовал факт оккупации японцами Сингапура — мы понимали, что рано или поздно здесь столкнутся европейские и азиатские интересы. Но война есть война, и среди кого только не приходится вербовать союзников. Дареному коню в зубы не глядят.

Некоторое время спустя мы перешли к обсуждению действенности доказательств, приводимых на процессе за последнюю неделю.

— Да, я понимаю. Дела все хуже и хуже, и так будет продолжаться до тех пор, пока не поднимемся мы и не изложим нашу точку зрения на весь ход истории. Но, знаете, что меня расстроило даже сильнее, чем тот фильм о концентрационных лагерях, — это еще не самое страшное! Этот коротенький эпизод заседания Народного суда, где судили участников заговора 20 июля и где председательствовал этот трепло Фрейслер. Говорю вам, я чуть не умер со стыда! Мне приходилось слышать о том, что за мракобесы заседают в этом суде, но меня корчи одолели, стоило мне услышать, как этот судья рычал на обвиняемых, вина которых пока что не была доказана!

Казалось, Геринга вышеупомянутые кадры впечатлили куда сильнее, чем это следовало ожидать, принимая во внимание его всегдашний пиетет к соблюдению военного этикета и свое собственное положение представшего перед судом обвиняемого. Поскольку меня интересовало, испытывал ли Геринг угрызения совести в связи с покушением, я поинтересовался у него, каково его теперешнее отношение к фюреру.

— После того как приведено столько доказательств вины фюрера Германии в массовых убийствах, я не могу понять, почему вы и сейчас склонны поддерживать его. Мне думается, народ такое вряд ли оценит.

— О, в таком случае вам никогда не понять народ так, как понимаю его я. Стоит мне сейчас унижить того, кого я всегда и во всем

поддерживал, меня ждет всеобщее презрение. Кто знает, как все будет 50 или 100 лет спустя.

— Вероятно, Гитлер так и останется самым кровавым и вероломным из чудовищ XX столетия.

— Да, может быть, он был и жесток и вероломен, но в ином смысле. У меня в голове не укладывается, что он действительно совершал такие деяния. За последние два года он был жесток и вероломен по отношению ко мне, как я вам говорил. И действительно, он столько раз презрительно и уничижительно отзывался о некомпетентности и никчемности люфтваффе, что я краснел, поворачивался и уезжал на фронт, чтобы избежать подобных сцен. Знаете, я ведь фактически остался не у дел после того, как вы сумели обеспечить себе превосходство в воздухе. Но потом он *приказал* мне присутствовать на всех штабных совещаниях, будто желая мне сказать, мол, «стой и проглатывай все это, черт бы тебя побрал!» И так злобно!

Геринг описывал все эти события настолько взволнованно и страстно, что не было сомнений в том, как мучительно переживал он такой удар по своему самолюбию. Его лояльность и преданность фюреру становилась все более сомнительной.

— И йотом, знаете, он додумался до того, что приказал арестовать меня и убить, — рычал Геринг.

— Вероятно, вы попали под подозрение в участии в заговоре 20 июля, — высказал я предположение. — Может, Борман подал ему такую идею.

Геринг очень странно взглянул на меня, и ответ его прозвучал подозрительно быстро, было видно, что подобные идеи не раз приходили ему в голову.

— Да, а почти уверен, что в конце концов именно так все и было. Но я до сих пор не могу взять в толк, как это он смог пойти на организацию таких массовых убийств. Я постоянно размышляю об этом — это для меня сродни какой-то головоломке... все, связанное с этим!

Геринг принялся расхаживать по камере, прижимая кулаки ко лбу, будто в попытке что-то вдолбить себе в голову — на мой взгляд, он чуток переборщил с театральностью.

— Но он, несомненно, был способен на немалую жестокость — это доказывает устроенная Рему кровавая баня, — сказал я.

При упоминании Рема Геринг буквально взорвался:

— *Рем!* Только не напоминайте мне об *этой свинье, этом поганом недерасте!* Это был гнойник, извращенец из этих кровожадных революционеров! Они ответственны за то, что на первом этапе партия представляла собой сборище подонков — они творили чудовищные оргии, избивали евреев на улицах и высаживали стекла витрин! Уже в самом начале они пошли на то, на что после нас вынудила пойти только война. Они устроили нам действо — настоящую кровавую революцию! Они стремились изничтожить весь офицерский корпус, все партийное руководство и, естественно, всех евреев — всем устроить невиданную резню! Что же за свора бандитов-извращенцев были эти СА! И чертовски здорово, что я их всех смел с дороги, а не то они бы нас всех прикончили!

И на смену спавшей маске бравады неунывающего оптимиста наружу вылезла бандитская натура, которую не в силах были затушевать ни галифе, ни блуза, ни домашние туфли, в которых Геринг с горящими от возбуждения глазами, яростно жестикулируя, мерил шагами камеру.

— Я с ними не церемонился! Я пошел к этому гауптману из СА и спросил: «Оружие какое-нибудь есть?» «Нет, нет, герр шеф полиции, — ответила мне эта свинья, — ничего, кроме вот этого пистолета, на который вы лично выдали мне разрешение». А потом я обнаруживаю в подвале целый арсенал, численностью больше, чем арсенал всей прусской полиции! Я приказал своим людям вытащить этого типа и расстрелять. Это же была банда головорезов! Я же предотвратил катастрофу!

— Странно, что Гитлеру пришлось прибегать к помощи таких вот подонков, если он так стремился к правопорядку.

— Э, тогда он просто не видел, кто они есть, как мне представляется. Мы вынуждены были разделаться с ними ради построения рейха и партии.

В камеру зашел надзиратель, чтобы забрать посуду Геринга для ужина. Я собрался уходить.

— У нас еще будет время до вынесения приговора побеседовать об этом, — сказал я на прощание.

— Вы имеете в виду смертный приговор, — ответил он, прибегнув к своему обычному и привычному циничному юморку. — Меня это

ничуть не волнует — вот удастся ли мне сохранить лицо, это меня действительно волнует! — Геринг хитровато рассмеялся. — Поэтому я страшно рад, что капитуляцию подписал Дёниц. Мне никак не хотелось, чтобы потом мое имя связывали бы со всем этим. Ни в одной стране никогда не почитали вождей, которые признавали поражение. А смерть — к чертям се! Я ее уже лет с 12–14 не боюсь.

Камера Гесса. Гесс отказался от своей послеобеденной прогулки, предпочтя «полежать и подумать». Но моему приходу обрадовался. Первым делом он обратился ко мне с просьбой повторить тест на запоминание рядов чисел. Тестирование показало лучшую способность к концентрации, что, в свою очередь, свидетельствовало о восстановлении памяти.

— Теперь вам уже легче следить за ходом процесса?

— Теперь мне уже за всем легче следить. Сначала, когда память снова вернулась ко мне, мне еще много казалось не совсем понятным, но теперь я во всем разобрался.

Гесс не счел необходимым придерживаться прежней версии о «длительной симуляции», а убеждал всех в том, что это была не только симуляция, избегая, впрочем, всяких намеков на умственное расстройство. На мой вопрос, что он думает по поводу собранных доказательств, Гесс ответил:

— Непостижимо, как все это могло произойти.

— Какого мнения вы теперь о Гитлере?

— Не знаю — думаю, в каждом гении присутствует дьявол. Не следует его за это винить, он просто живет в нем, вот и все.

Было видно, что мысль эта захватила его, но Гесс явно не торопился распространяться далее на эту тему, сказав лишь:

— все весьма трагично. Но я доволен уже хотя бы тем, что пытался что-то предпринять для прекращения этой войны.

Интерес Гесса вызывала форма правления США. Я кратко описал ему избирательную систему законодательной, исполнительной властей и судопроизводства, разъяснив их функционирование и упомянув о мерах сдерживания и контроля. Ему хотелось знать, наделен ли американский президент правом роспуска Конгресса по своему усмотрению. Я ответил, что такого права у него нет. Конгресс находится под постоянным контролем избирателей через систему

выборов и институты выражения общественного мнения, и об ответственности членов Конгресса перед своими избирателями.

— Национал-социализм содержал не совсем плохую идею, — высказался он. — Уничтожение классовых различий и национальное единение народа!

— Вероятно, это была изначальная идея, однако впоследствии ее заменили искаженным расизмом, что было намного хуже.

Гесс из своей подверженности чужому влиянию согласился, но это было скорее сиюминутным согласием.

— Да, верно. Результат был как раз противоположным.

Затем мы перешли к обсуждению вопросов расовой психологии, в которой я доказал ему, что американские психологи и антропологи занимались и занимаются изучением проблем различий, обусловленных различием рас, что в этом направлении имеются и подтверждения тому, что так называемые расово-психологические различия на деле обусловлены социальным окружением и что теория «господствующей расы» просто смешна. Гесс признал, что нацисты, скорее всего, совершили «ошибку», проводя в жизнь свою расовую политику. Так Гесс считал в воскресенье

16 декабря.

Когда подошло время идти на молитву в часовню, Гесс снова не пожелал в этом участвовать. По его словам, он и прежде не испытывал никакого религиозного рвения и теперь не позволял себе размягчаться только по причине того, что предстал перед судом, которому предстояло решить, оставаться ему на этом свете или нет.

17 декабря. Преследование христиан

Послеобеденное заседание.

Полковник Стори привел описание партийных мероприятий, направленных на подавление христианства. Сменивший Гесса на его посту Борман довел до сведения

гауляйтеров в секретном циркуляре основополагающие партийные принципы. В этом циркуляре говорилось: «Национал-социалистические и христианские воззрения несовместимы... Наше национал-социалистическое мировоззрение куда выше христианской концепции, которая в основе своей позаимствована у иудеев... Влияние, оказываемое или же могущее навредить народной политике фюрера, проводимой им при помощи НСДАП, должно быть устранено...» Давление оказывалось на все конфессии, тысячи церковных служителей были брошены в концлагеря.

В 1937 году папа Пий XI назвал национал-социализм тем, чем тот являлся: «Обусловленный гордыней отход от Иисуса Христа, отрицание его искупительного подвига, культ насилия, обожествление расы и крови, подавление свободы личности и человеческого достоинства».

22 декабря. Тюремное Рождество. Раскаianie Франка

Камера Франка. Франк неторопливо покурил трубку и приветливо улыбнулся, когда я ступил в его камеру.

— У нас с Риббентропом только что состоялась дискуссия. Нет смысла спорить с ними — эти люди просто не в силах уяснить себе значимости этого процесса. Он пытается вдолбить мне, что, дескать, война была необходима и неизбежна. Воображаете себе — и это после всех представленных доказательств, что Гитлер к ней стремился! И *толстяк* взбешен из-за того, что я передал суду свои дневники, эти 40 тетрадей. «Что это вы? Почему вы их не сожгли?» — набросился он на меня. Разве он способен попятить истину и высшие ценности? Я прекрасно помню, что принял это решение, когда мы были уже в кольце врага. Они умоляли меня сжечь эти дневники до того, как я окажусь с ними в плену. Я как раз тогда слушал музыку. Это была оратория Баха, «Страсти по Матфею». Когда я услышал Христа, голос внутри произнес: «Что? Предстать перед врагом в фальшивом обличье? От Бога тебе правду все равно не скрыть!» Нет, правда должна быть высказана раз и навсегда. Знаете, а у меня с «толстяком» произошла ссора по поводу того, следовало ли Гитлеру предстать перед судом за

все свои деяния (смотри 14 декабря). Кажется, никто из них, кроме разве что Зейсс-Инкварта, так и не уяснил себе, что остается лишь одно — говорить всю правду без утайки.

— А Фриче и Шпеер?

— Да, еще Фриче и Шпеер. Какая же все-таки мука мученическая этот процесс! Нам и всему миру сдержанно сообщают о таких ужасах — ужасах, о которых мы все знали. И о которых не знали. О которых мы *не желали знать*. Ей-богу, хочется *провалиться сквозь землю от стыда!*

Я вопросительно посмотрел на него, и Франк продолжил:

— О да, да — стыд просто уничтожающий! Такие люди, судьи, представители обвинения — такие фигуры — воплощение достоинства — англичане — американцы, в особенности англичане. Но они все там, по ту сторону той скамьи, на которой приходится сидеть мне в компании таких мерзких типов — Штрейхера, Геринга и Риббентропа. Да, да, — вздохнул он, — ничего не попишешь... Меня уже то радует, что хоть вы и пастор Сикстус заходите ко мне переброситься словом. Знаете, пастор Сикстус — чудесный человек. Если бы применительно к мужчине можно было сказать «дева», то я бы его именно так и назвал — столько такта, умения сопереживать, такая непорочность. Вы понимаете, что я имею в виду. Религия — великое утешение, а теперь — мое единственное. Сегодня я как ребенок радуюсь предстоящему Рождеству. Знаете, иногда я себя спрашиваю, на самом что ни на сеть глубоко подсознательном уровне: а, может, вся эта вера в потустороннее бытие и не просто фантазия, а, может, жизнь и не кончается стылой могилой. Бац! *Все! Finis!* И все же хорошо, что вот так, до самого конца будешь верить в эту иллюзию. Кто знает?

(Теперь мне впервые за два месяца стали понятны причины, заставившие Франка перейти в католичество и которые в период изоляции его в камере до начала процесса свидетельствовали об его искреннем раскаянии.)

— Меня посещают такие отчетливые сны, — продолжал он. — Иногда я словно наяву слышу музыку. Недавно в одну из ночей я слышал во сне отрывок из скрипичного концерта Баха. Так внятно, так явственно! Чудесный сон!

— А эротические сны вас не посещают?

— Нет — с тех пор, как я увидел тот сон, о котором говорил вам, эти горы и морс. Мне кажется, они потому и исчезли, что нет возможности удовлетворить эту потребность.

Я снова вернулся к чувству вины.

— Я вот размышлял о ваших этих речах и строках в вашем дневнике. Как вы могли говорить и писать такое, заведомо зная, что все не так?

— Не знаю. Я и сам понять этого не могу. Видимо, во мне есть нечто порочное, злое — как и во всех людях. Я позже вам это как следует разьясню. Дайте мне немного времени — я все подробно запишу для вас, чтобы вам было понятно. Одним массовым гипнозом этого не объяснишь. Тщеславие — вот это уже ближе к истине. Оно свою роль сыграло. Вы только представьте себе — тебе 30, а ты уже министр, на лимузине разъезжаешь, целая свора секретарей у тебя на побегушках. Видимо, мне захотелось утереть нос этим эсэсовским руководителям, посоревноваться с ними по части прилежания. А Гитлер поощрял в людях злое начало. Это ведь на самом деле было нечто *феноменальной* Я как увидел его на экране в зале заседаний, так снова на мгновение, не дольше, но все-таки будто окрылился. Я ведь очень подвержен чужому влиянию. Странно. Сидишь перед судом, на твоей совести столько постыдного, позорного. Исступленно думаешь, голову себе ломаешь над тем, как подыскать оправдание, за каждую соломинку цепляешься. А тут на экране появляется Гитлер. И ты выбрасываешь руку вперед...

Франк выбросил руку вперед, закрыл глаза и стал хватать ртом воздух как утопающий, судорожно пытающийся ухватиться за соломинку.

— На мгновение на тебя снова накатывает одурь, и ты думаешь... может быть. Но тут все проходит — раскрываешь ладонь, а в ней пусто, в ней ничего! Башня голой правды твоего позора с каждым днем все выше и выше, а зал суда безучастен. Боже, какие же мы тупые дураки! Всем нам досталось. *Теперь* мы на фоне трезвого рассудка и по шкале отсчета общечеловеческих ценностей постигаем, насколько же бессодержателен тот былой восторг. Но тогда мы этого не замечали. Восторг был везде. Как только он проходил, он сменялся другим ярким событием, новой речью или очередной иллюзорной победой. Но теперь, теперь-то поздно, теперь отсчет моего бытия ведется по часам.

И мне необходимы эти часы, чтобы освободиться от своих грехов перед Богом. Та полька спросила меня, что бы я делал, если бы меня не приговорили к смертной казни. Ей я не стал этого говорить, но вам скажу — я бы покончил собой. Дальше так продолжаться не может.

Я вам рассказывал, что мне предсказала одна цыганка в 1934 году? То, что я не доживу до пятидесяти лет? Видите эту линию у меня на ладони? Она внезапно обрывается, видите? Та цыганка тогда сказала, что это будет связано с каким-то процессом, с каким-то судом. Меня это не насторожило, поскольку я был адвокатом, ничего странного в этом нет. А потом она сказала, что до своего пятидесятилетия я не доживу. Любопытно, не правда ли?

— А вообще, почему вы предприняли попытку самоубийства при аресте?

— Ах, это... Да, я резанул себя вот здесь и там, поглядите. Вначале со мной обращались довольно плохо. А потом эта катастрофа, Гитлер, который бросил всех своих, все рухнуло в один миг. Просто не смог этого перенести.

23 декабря. Политика с позиции силы

Камера Геринга. Геринг был настроен философски и строил догадки относительно будущего Германии и Европы. Он несколько раз повторил мысль о том, что в секторе международной политики с позиции силы разгорается неизбежная борьба противоположных интересов. Америка, у которой интересов в Европе нет, в конце концов, ретируется, и европейский континент станет ареной бескомпромиссной борьбы между Великобританией и Россией.

— К чему эта бесконечная ненависть и эти конфликты? — полюбопытствовал я. — Вам не кажется, что люди, в конце концов, осияют науку переносить друг друга — хотя бы из чистой заинтересованности в дальнейшем существовании человечества?

— Нет, этот мир просто перенаселен, — таков был незамедлительный ответ. Полушутя-полусерьезно Геринг добавил: — Если только, конечно, современная наука не додумается до того, что обеспечит всем пропитание при помощи особых пиллюль или чего-нибудь в этом духе. — И снова, уже вполне серьезно, продолжил: —

Англия обязана заботиться о сохранности своего политического равновесия на континенте или о своем непосредственном влиянии на Европу. От этого никуда не уйти. С населением всего-то в 45 миллионов человек ей приходится удерживать в повиновении целую империю, насчитывающую полмиллиарда. Англичанам придется удерживать за собой жизненно необходимый путь через Средиземное море, препятствуя любому, кто попытается оспорить право Британии на этот регион. Я хотел убедить Англию, что в ее интересах позволить нам стать сверхдержавой на нашем континенте. Тогда мы могли бы не мешать Англии вершить дела в своей империи. В наших интересах было и сохранение Англии в роли противовеса русской и японской угрозам. Как я уже вам говорил, нас отнюдь не обрадовало взятие японцами Сингапура. Но англичане не пожелали видеть нас в роли хозяев континента. Вот мы и ввязались в битву с русским колоссом. Боюсь, британцы хоть и с запозданием, но уяснили себе ситуацию, а между тем Россия уже начинает грезить о создании евразийской империи. Англия полагается на этот истончившийся путь, удерживаемый ею, как великой морской державой, к тому же существенно ослабленной. Россия же, напротив, опирается исключительно на свои неисчерпаемые людские резервы. Теперь господство на воде уже ничего не решает, все решает господство в воздухе. Подумайте, ведь русским в высшей степени наплевать, обстреляют ли англичане с моря парочку портовых городов, или нет. Это никак не мешает русским удерживать в повиновении евразийскую империю, раскинувшуюся от Франции до Китая. Задумайтесь: это ведь почти миллиардное население! Чуть ли не половина Земли!

И русские, скорее всего, обойдутся без очередной революции для обретения такого господства. Германия теперь обнищала настолько, что социализма в ней не избежать. Сталин на длительный срок заручился возможностью влиять на коммунистические революции. Это даже фюрер признавал. Но кто с определенностью может сказать, что за радикал придет к власти после смерти Сталина. Я не могу. Все еще может пойти и мирным путем. Уже наличествует некая прослойка логически мыслящих кандидатов, наделенных властью и влиянием. Это и Молотов, и другие ребята. Знаете, — со смехом сказал Геринг, — прослойка всегда найдется, и неважно, какую она выберет форму

правления, коммунистическую или же что-то еще. Лишь способнейшие и сильнейшие приходят к руководству страной — уж меня в этом смысле обмануть трудно.

Концовкой фразы Геринг явно намекал на себя — непомерное тщеславие давало знать о себе. Я заметил, что взаимопонимание с Россией было бы более чем кстати. Геринг, задумавшись на мгновение, все же со мной не согласился — идея такого взаимопонимания пришлась ему не по вкусу.

— Не забывайте, что Россия до сих пор представляет собой неограниченную диктатуру, в точности такую же, какой была Германия. И вам в этом случае предстоит столкнуться с вечной проблемой политики с позиции силы. Ее ведь не объехать и не обойти!

— Возможно, нам и удастся чего-то добиться, если только разумные люди в правительстве попытаются урегулировать все вопросы мирным путем, а не ставить всех перед свершившимся фактом по примеру Гитлера. Результат вам известен.

— Но фюрера, если он действительно что-то решил, уже никаким способом от этого отговорить было невозможно. Можно было приводить какие угодно, самые разумные доводы — без толку. Он оставался неумолим. Так и с русской проблемой. После того как он принял решение напасть, его уже ничто не могло заставить отказаться от этого...

Меня спрашивают, почему я не порвал с ним, если он не поддавался моим уговорам избрать более разумный курс. Да потому, что он тут же велел бы расстрелять меня. И, кроме того, этого мне никогда бы не простил и немецкий народ! Как я уже говорил вам, речь идет не о моей жизни или смерти, а о моей роли в истории. И если мне суждено умереть, то пусть это будет смерть мученика, но не изменника. Никто и никогда не сохранит уважение к тому, кто изменил своему вождю. Вы думаете, у русских осталась хоть крупица уважения к Паулюсу? Вы думаете, у меня осталась хоть крупица уважения к тем русским генералам, которые служили нам? Нет, история рассматривает события под другим углом. Не забывайте о том, что величайших в истории захватчиков никто и никогда не назовет убийцами — ни Чингиз-хана, ни Петра Великого, ни Фридриха Великого. Не бойтесь, настанет день, когда мир по-иному взглянет на нас, и немецкий народ изменит свою оценку. Сейчас уж, конечно, его будут рвать на куски.

Возможно даже, что он в отчаянии припечатает нам клеймо убийц. Но все изменится. Пусть только ваше военное управление наберется терпения. Жестокое обращение, нищета, преступность, безработица. В конце концов, вы поймете, кто есть ваш истинный враг. Через пять лет вспомните мои слова и задумаетесь над ними.

Знаете, американцы ведь в подобных играх — дилетанты. Они ведь так спесивы и наивны. И мы, немцы, грешили тем же. Англичане сообразительнее в подобных вещах — у них куда больше практики. Есть такая пословица — «У немца мягкое сердце и твердая рука. У англичанина твердое сердце и мягкая рука». Вот этой самой «мягкой рукой» они и сумели удержать власть. Сначала били этих буров, потом в ход пошла мягкая рука, и десять лет спустя буры сражались уже на их стороне. И сейчас британцы действуют точно так же. Они сказали себе: «Дадер, пусть американцы поиграют в тюремщиков и обвинителей. А мы ограничимся тем, что предъявим наше обвинение — у нас есть главный судья, он вне всякой идеологии и иной раз даже готов вступить за права обвиняемых. Пусть американцы возьмут на себя самую агрессивную часть работы, и пусть немцы их за это возненавидят».

— Мне кажется, вы и сами были бы не против податься в англичане, если бы вам представилась возможность прожить вашу жизнь заново?

— Если не считать соотечественников, на втором месте у меня англичане. В них есть что-то, чего недостает американцам. Например, уважение к статусу. Они никогда не обратятся ни к генералу, ни к маршалу, как вы — то есть «мистер такой-то». Генерал для них остается генералом, титул титулом. Вы, американцы, просто не понимаете этого. А вот британцы понимают. И еще: британцы никогда не станут пытаться в один день насадить демократию в только что отвоеванной стране. Они скажут: «Ну что же — в одной стране демократия работает, в другой не хочет». А вы — у вас демократия — это какая-то навязчивая идея. Мы совершили ту же ошибку — попытались в один день насадить национал-социализм в оккупированных странах.

И одно для нас ясно — Германии предстоит объединяться либо с англичанами, либо с русскими, если она снова хочет подняться. И, видимо, приоритет на стороне русских. И они не дремлют! Фриче

говорил мне, что они все время справляются обо мне. Я и знать не знал, что они так мною заинтересовались. Может, к лучшему было бы, если бы меня арестовали они.

— Вы действительно в это верите?

— Как знать? Это только одна из возможностей. Впрочем, они бы меня сразу ликвидировали. Хотя, с другой стороны... И все же я ни за что бы не принял коммунизм — слишком уж долго я с ним сражался. Вероятно, это зависело бы от того, сумели бы мы достичь какой-то договоренности.

Камера Риббентропа. Мне бросился в глаза ворох бумаг на столе в камере Риббентропа, обитатель камеры сосредоточенно и нервно копался в них. Стоило мне оказаться на пороге, как он сразу же обрушил на меня нескончаемый поток оправданий. Риббентроп говорил настолько быстро, будто рассчитывал тем самым замедлить ход времени, чтобы успеть вымолить себе прощение.

— Вы верите в то, что я *действительно* планировал агрессивную войну, герр доктор? Обвинение представило совершенно необъективную картину! Я не сомневаюсь, что в распоряжении представителей обвинения имеется и масса документов, которые доказывают как раз обратное. Сначала они утверждали, что это я вбил в голову Гитлеру идею о невмешательстве Англии. Теперь же утверждают диаметрально противоположные вещи. Все можно рассматривать с очень многих сторон. Поймите, я действительно перенес сроки нападения на Польшу, когда Англия выступила с гарантиями ее суверенитета. И потом, это обвинение в антисемитизме. Это совершенно вопреки моей натуре! Ни одному слову Лахузена верить нельзя! Если принимать во внимание тот всеобщий психоз и ту ненависть, возобладавшие в мире, то не составит труда отыскать какое угодно высказывание. Сила на вашей стороне, и мы уже ничего не в состоянии изменить. Но насколько же неумно обвинять нас за то, что было сказано в порыве, под воздействием эмоций и всеобщего военного психоза! И со стороны евреев не очень-то умно столь открыто выражать свою ненависть к нам. Поймите, я на них не в обиде, но это ведь так неумно...

— А какова, по-вашему, роль евреев в этом процессе?

— О, я прекрасно понимаю, что они обладают и силой и немалым влиянием. Ведь в Нью-Йорке столько банкиров-евреев. Вам не приходилось слышать о Кун-Лёбе и Феликсе Варбурге? Но я не антисемит, ни в коей мере не антисемит! Не следует прислушиваться к тому, что говорит этот Лахузен! Мне всегда приходилось иметь дело с евреями-предпринимателями. Вы просто попытайтесь представить себе человека — я имею в виду Лахузена, — который 6 лет просидел на своем посту... И этот человек утверждает, что все это время работал против нацистов. Если он был против, тогда ему следовало сразу уйти со своего поста... А потом он выдает устное показание, основанное на личных воспоминаниях периода военного психоза. Вы ведь психолог. И без сомнения помните тот эксперимент Ломброзо относительно достоверности свидетельских показаний. От двенадцати разных людей он получил двенадцать совершенно различных описаний одного и того же происшествия!

Голос Риббентропа стал тихим и жалостливым:

— Почему победители не могут рассматривать все это как одну из неотвратимых исторических трагедий, почему бы им не попытаться отыскать миролюбивое решение? — молил он. — Нет смысла громоздить ненависть на ненависть! В конечном итоге это ударит рикошетом и по вам, поверьте!

— А почему ни вы, ни Гитлер раньше об этом не задумывались? Бог тому свидетель — союзники войны не желали! Это Гитлер, подстегивая в народах скрытую ненависть и агрессивность, денонсировал международные договоры, нарушал принципы нейтралитета, отказывался от выдвинутых мирных предложений.

— Вы знаете о том, что он никогда не информировал меня обо всех этих сопутствующих обстоятельствах? На самом деле! Большинство из того, что вы здесь перечислили, стало мне известно лишь на этом процессе. И я не уверен, что тот документ от 1937 года — не фальшивка.^[9] Мне об этом ничего не известно. Я, во всяком случае, там не присутствовал. Присутствовали Нейрат и Фрич. Но могу вас заверить, нас всех возмущают эти преследования и жестокости! Все это просто не по-немецки! Можете себе представить, что я способен кого-то убить? Вы же психолог. Признайтесь честно, похож кто-нибудь из нас на убийцу? Я не могу себе вообразить, что Гитлер отдавал такие приказы. Я не могу поверить, что он об этом знал. Я знаю, что он мог

порой поступать жестко. Но я всем сердцем верил в него! Он мог быть и очень добрым! Я все для него делал!

Эти приказы отдавал Гиммлер. Но сомневаюсь, что Гиммлер — настоящий немец. У него было такое странное лицо! Мы с ним не ладили.

— Вы допускаете, что Гиммлер совершал все эти деяния без позволения на то Гитлера и без четко сформулированного приказа последнего?

— Мне это неизвестно. Мне это действительно неизвестно. Но не забывают, итоги последней войны поставили нас в безвыходное положение. Такая нищета и безработица. Германии требовалось жизненное пространство. Если бы только нам оставили одну-единственную колонию, никто и никогда не услышал бы о Гитлере!

Затем беседа коснулась атомной бомбы и как раз проходившей в Москве конференции по вопросам контроля над атомным оружием. Я рассказал Риббентропу о небывалой разрушительной мощи этого оружия, о мирном использовании атомной энергии, а также возможностях с ее помощью как уничтожить, так и освободить человечество.

— Боже мой! — вырвалось у Риббентропа, — это же означает тотальную революцию в развитии цивилизации, верно? Полную ревизию всех нынешних представлений?

— Да, все прежние представления о промышленности, о международной экономике и политике с позиции силы отныне не имеют хождения. Представьте себе, если бы Гитлер не был столь нетерпелив, можно было бы постепенно внедрить использование атомной энергии в мирных целях на благо промышленности, а не первым делом ударяться в экспериментирование со страшнейшим оружием. Германия получила бы его ничуть не позже остальных. И в свете этого вопрос о жизненном пространстве отпал бы сам собою.

— Вы считаете? Боже праведный! Вот это мысль! Больше и не скажешь! Вы рассказали мне нечто в высшей степени любопытное, герр доктор! Все это весьма и весьма удивительно! Мне кажется, бессонная ночь мне сегодня обеспечена!

Камера Штрейхера. В канун Рождества христианские постулаты волновали Штрейхера ничуть не больше обычного.

— Пастор оставил тут мне брошюры, но мне до них дела нет. Знаете, я и сам в некотором роде философ. И немало передумал насчет сотворения мира Богом. И при этом всегда задавал себе один и тот же вопрос: коль мир этот создан Богом, кто же в таком случае создал самого Бога? Как видите, если слишком над этим задумываться, недолго и в дурдом угодить. И вся эта тягомотина о еврее Христе, сыне Божьем, не знаю, уж очень это все смахивает на *пропаганду*.

Штрейхер осведомился о последних событиях в мире. Я сообщил ему о состоявшейся в Москве конференции по вопросам контроля над атомным оружием. Далее я рассказал ему о том, что атомная энергия означает коренной переворот в экономике, политике и даже философии, так что вопрос о жизненном пространстве утрачивает свою актуальность.

— Что вы говорите? — изумился Штрейхер, выпучив от удивления глаза. — А как же изготовить все эти атомы?

Я объяснил ему, что изготавливать атомы нет нужды, речь идет просто об использовании уже имеющейся в природе энергии. Но, судя по всему, такое объяснение показалось Штрейхеру заумным. Он попросил меня снабдить его литературой и иллюстрациями на данную тематику.

25 декабря. Причины войны

Камера Геринга. И даже сегодня настроение Геринга никак не назовешь рождественским. Он настаивал на том, что своекорыстие отдельного человека и наций в целом — единственная реальность. Так мы перешли к мюнхенскому соглашению.

— Все произошло в соответствии со схемой F! — начал Гериш; — Ни Чемберлен, ни Даладьё ни в малейшей степени не были заинтересованы пожертвовать чем-либо ради спасения Чехии. Это было ясно, как божий день. Участь Чехии решилась за какие-то три часа. После этого они еще четыре рассуждали о таком понятии, как «гарантии». Чемберлен и дальше продолжал увиливать. Даладьё вообще витал в облаках. Присутствовал, только и всего.

Опустившись на нары, Геринг вытянул ноги и со скучающим видом склонил голову.

— Даладье лишь время от времени кивал в знак согласия. Ни разу не возразил ни по одному вопросу! Я был просто поражен, с какой легкостью Гитлер все это обстряпал. Им же было известно о наличии в Судетской области Чехии заводов «Шкода» и предприятий по выпуску боеприпасов, они же понимали, что сдают нам Чехию. И когда Гитлер внес предложение перебросить в Судеты кое-что из наших вооружений по нашу сторону границы, как только немецкая часть Судетов перейдет к нам, я ожидал взрыва негодования. Но нет — *и не пикнули!* Мы получили все, что желали! Вот так! — при этих словах Геринг выразительно щелкнул пальцами. — Они не настаивали на том, чтобы хотя бы проформы ради согласовать все эти вопросы с самой Чехией — ничего подобного! Французский посланник в Чехии впоследствии высказался так: «Теперь мне предстоит огласить осужденным приговор». И все. Вопрос о гарантиях свелся к тому, что гарантом по оставшейся части Чехии выступал Гитлер. Ну, вы же прекрасно понимаете, что это означало.

Камера Кейтеля. Кейтель был мне благодарен за мой рождественский визит и в благодарность был со мной предельно откровенен:

— Пожалуйста, никому об этом не говорите, пока это все не завершится, но я убежден, что решение Гитлера напасть на Россию было равнозначно признанию своей собственной слабости, а воевать с Польшей вообще не было нужды!

— В самом деле?

— Абсолютно! Сейчас я твердо в этом убежден, и никому меня не переубедить — ни Риббентропу, ни Герингу. Но, прошу вас, остальным об этом ни слова, или я вообще ничего вам не скажу. Когда мы отказались от намерения напасть на Англию, да это было нам и не под силу — слишком малочислен был наш флот, — нужно было хоть как-то, но действовать. А что он мог предпринять? Забрать Гибралтар? Мы были не против, а вот Франко сдрейфил. Сидеть сложа руки? Невозможно! Этого только и нужно было Англии, чтобы рано или поздно уморить нас голодом. А ведь все это время в жилы вермахта

вливался живительный сок из нефтяных скважин Румынии. Не следует этого забывать, *профессор*.

Нефть! Она была ключом ко всему. Без румынской нефти мы не протянули бы и недели. А рядом с ними Россия — тем ничего не стоило взять да перерубить перекачку. Мне кажется, Гитлер не мог не понимать того отчаянного положения, в каком мы оказались. Ежемесячно из Румынии мы получали приблизительно 150 тысяч тонн нефти. Для ведения войны нам был необходим абсолютный минимум в 300–350 тысяч тонн. Те 100 тысяч тонн, которые мы производили внутри Рейха, включая и синтетический бензин — капля в море. Одним только люфтваффе требовалось 100 тысяч тонн в месяц. И потеряй мы румынские месторождения — нам конец! И Гитлер понимал, что мы никак не можем позволить себе сидеть сложа руки. Что до стратегии, тут он куда опытнее и Риббентропа, и Геринга. Нападение на Россию действительно было шагом отчаявшегося, поскольку он понимал проходящий характер всех наших побед и всю малозначительность этой успешной операции Роммеля в Африке. Естественно, он вел себя так, будто русская кампания — дело верное, наше предназначение и почетный долг. Но теперь, задним числом, я не сомневаюсь в том, что это был весьма рискованный шаг отчаявшегося человека.

— Вы действительно так считаете?

Кейтель, приложив указательный палец ко лбу, зажмурился.

— Да! Мне не кажется, что он сам был в этом так уж уверен. Но внешне все было в порядке — внешне не подкопаться. Это был поступок отчаявшегося! И никому меня в этом не переубедить. Ни Герингу, ни Риббентропу. Но только, прошу вас, вы им не рассказывайте то, что я вам говорил. Наступление на Россию было безумием, а нападение на Польшу спровоцировали мы сами.

— Да, припоминаю — показания, где упоминались польская военная форма и радиостанция в Глейвице.

Этой фразой я наступил на любимую мозоль, потому что Кейтель тут же оживился:

— Но я же *говорил* Канарису: «Не лезьте в это!» Говорил ему, что не дело вермахта ввязываться в подобные дела. Ему лишь стоило сказать им, что у него никакой польской военной формы нет. Поверьте мне, герр доктор, в ту пору и подумать не мог о том, что именно замышлялось. Мы представления не имели о том, что в 1939 году

Чемберлен и Рузвельт пытались предотвратить войну. Я действительно ничего не знал! Гитлер и не намекнул на то, что этой войны вполне можно было избежать.

Стало быть, судьба! Я всегда мечтал жить в имении. Но одно я вам скажу, профессор, американцу ни за что не понять то безвыходное положение, в которое нас поставил Версальский договор. Только подумайте: безработица, национальный позор. Позвольте мне заявить во всеуслышание: Версальский договор был *большим свинством!* И именно так он и был воспринят каждым порядочным немцем. Только представьте себе вырвать у Пруссии сердце и дать полякам коридор! Неудивительно, что на таком фоне ничего не составляло убедить всех и каждого, что поляки, дескать, действовали своевольно и эгоистично, отказав нам в Данциге. Каждый порядочный немец должен был сказать: «Долой Версальский договор, всеми правдами и неправдами, но — долой!»

— Я считаю, союзные державы были вполне готовы пойти на разумные уступки. Если бы только Гитлер с таким железным упорством не настаивал на войне.

— Да, я знаю. Что ж, теперь все позади. — Кейтель испустил печальный вздох. — Мы все так верили в него. И обязаны взять вину на себя. А какой позор! Он раздавал нам приказы. Он всегда твердил, что, дескать, он один за все отвечает. В таком случае ему следовало бы проявить выдержку и взять вину на себя. Но, пожалуйста, ни слова остальным из того, что я вам здесь рассказал. Я однажды в присутствии Геринга заикнулся об этом, так тот взъерепенился. Вы помните.

— Хотя в Гитлере было много от демона, — я решил пустить пробный шар.

— Да, и в начале ему несказанно везло во всем! Лучше бы не везло. Вы только представьте себе: мы оккупируем Рейнскую область силами *трех батальонов!* Всего трех! Я спрашиваю Бломберга: «Как мы будем обходиться тремя батальонами? Предположим, французы вздумают сопротивляться?» «Ах, — ответил Бломберг, — не беспокойтесь! Попытка — не пытка!» И попытался. И получилось!

— Мне кажется, одному полку французов ничего не стоило вышвырнуть вас оттуда, — заметил я вскользь, уже поднимаясь, чтобы уйти.

Кейтель сделал жест пальцами, будто схватывая муху на лету.

— Они с нами вот так могли обойтись, и меня бы это ничуть не удивило. Конечно, когда Гитлер увидел, что все оказалось настолько просто... А йотом аншлюс Австрии, без единого выстрела! И пошло одно за другим. Я от всего сердца благодарю вас за этот рождественский приход ко мне. Вы единственный, с кем я могу говорить открыто. Веселого вам Рождества!

Отдав честь, Кейтель отвесил мне низкий поклон.

26 декабря. Состояние духа Гесса

Камера Гесса. Гесс корпел над своей защитой и попросил меня перенести повторное проведение теста Роршаха на начало слушаний. Его результаты в целом удовлетворили Гесса. Я попытался добыть новые детали относительно возвращения памяти, начав разговор на наши прежние темы.

— Как я понимаю, когда ваш адвокат сказал вам, что ждет объявления вас недееспособным, к вам сразу же вернулась память? Как вы чувствовали себя на следующее утро? Проснулись с ощущением ясности в голове и тут же приняли решение заявить суду о том, что отныне ваша память в порядке?

— Нет, все это произошло довольно неожиданно незадолго до начала моего допроса на суде.

— В таком случае эффект следует приписать моим словам непосредственно перед началом допроса. Я же вас предупредил тогда, что вас обязательно объявят недееспособным.

— Несомненно. Да, именно это... И вот что я вам еще хотел сказать, вероятно, вы сочтете это навязчивой идеей, но от этого печенья у меня вчера снова разболелась голова. — Гесс извлек небольшую целлофановую упаковку американских армейских галет и предложил мне. — Не попробуете ли вы одну, а потом, если у вас заболит голова, скажете мне? И еще, вот. — С этими словами он достал еще одну упаковку печенья, тоже американского армейского довольствия — дал мне одно печенье. После того как я съел то и другое, Гесс почувствовал себя явно смущенным.

— Разумеется, может быть, все дело в моих желудочных коликах. Я не стал был на этом заострять внимание, но такое происходило уже дважды.

— Справляетесь со своей защитой? Вам не трудно сосредоточиться?

— Да, я все еще довольно быстро утомляюсь. Не могу долго напряженно работать; время от времени мне необходим отдых. Либо прилечь, либо просто сделать паузу. Поэтому я вынужден накапливать всю энергию, необходимую для подготовки защиты, в перерывах.

27 декабря. Финансовый теоретик Шахт

Камера Гесса. Гесс отдыхал, лежа в постели. Я заверил его, что ни головной боли, ни дурноты после съеденных у него кексов у меня не было. Он решил поставить точку на данной теме: «Тогда это, наверное, от чего-то еще».

Мы немного поговорили о процессе. Гесс признался, что кое-какие из приведенных фактов отрезвили его. В период заключения в Англии его о них не ставили в известность. Я высказал предположение о том, что его, должно быть, немало беспокоило развитие событий после вступления в войну США.

— Да, шок был внушительный. Я вылетел в Англию, будучи твердо убежден в том, что войну мы выиграем, — задумчиво произнес Гесс, но было видно, что это его уже не трогает.

— Но Гитлеру следовало рассчитывать на вмешательство американцев даже еще до нападения на Польшу.

— С какой стати? Ввязываться в войну из-за какого-то там Данцига?

— Нет, в качестве необходимого шага для того, чтобы остановить оккупацию всей Европы. В конце концов, мир не мог сидеть и пассивно взирать на то, как Гитлер проглатывает одну страну за другой. Сначала мы пытались апеллировать к договорам, короче говоря, к мирным средствам, но не военным. Ему следовало также знать, что не со всеми ему удастся так быстро и беспрепятственно покончить, как с Австрией и Чехией. Вы утверждаете, что желали мира. А его вы переубедить не пытались?

После паузы Гесс медленно произнес:

— Не хотелось бы сейчас рассуждать об этом.

Вскоре после этого у него снова случился припадок судорог. Гесс некоторое время ничего не говорил, лишь постанывал от боли, потом припадок миновал. Придя в себя, Гесс поинтересовался, читал ли я отклики в прессе относительно мотивации его вылета в Англию. Я сказал, что нет, но заверил его, что непременно дам ему знать, если прочту.

Камера Шахта. Шахт пребывал в своем обычном приподнятом настроении и рассматривал свое пребывание в тюрьме как факт, который по мере сил и возможностей следовало воспринимать с юмором, всячески делая вид, что данный процесс не имеет к нему ни малейшего отношения.

— Я хотя бы пытался притормозить Гитлера, узнав о его намерениях... Геринга я считаю прирожденным преступником. Я даже видеть его не могу. Знаете, воровство иногда бывает хуже убийства. Оно свидетельствует о характере человека. Можно представить себе преступление из ревности, но воровать — это ведь такая низость!

Лицо Шахта исказила гримаса презрения.

— Расхищать ценности, захваченные на оккупированных территориях! О-о-о! Это же отвратительно. Я никогда не мог с ним общаться, мы с ним совершенно разные люди. Мне известно, что это за человек. Штрейхер, тот просто дурак. О нем и говорить не стоит. Кейтель — живое орудие в чужих руках. Поделом ему! Взять Фрича. Это был человек! И он готов был помериться силами с Гитлером по вопросу ведения захватнической войны! То, что его отправили в отставку три месяца спустя после их знаменитого спора 5 ноября 1937 года, — документальный факт.^[10]

— Вы думаете, его гибель на поле боя была подстроена?

— Ни к какому другому выводу я прийти не могу, — ответил Шахт.

Далее мы говорили о торговле и Версальском договоре.

— Не забывайте, что ничего дурного в попытках, предпринятых нами вначале, не было. В конце концов, речь шла о создании основ для нашего выживания. Займы в действительности не могли служить решением наших проблем. Ради галочки вашим банкирам. Даже

аншлюс Австрии был скорее финансовым бременем, а не облегчением. Они не располагали государственными средствами. Другое дело Чехия и Норвегия. Но мне только и требовалось, что торгового соглашения! Этого было вполне достаточно. Все, что мы имели в избытке, пошло бы на обмен, каждому была бы обеспечена часть выгоды. Меня всегда обвиняли в том, что я хватался за отжившую свой век меновую торговлю. А чего они, собственно, ожидали? Америка складировать свой золотой запас где-то в Кентукки. Вот что есть истинная бессмыслица! Никому от этого выгоды нет, даже правительство уже ни в чем подобном не заинтересовано.

— Мне кажется, что в накоплении золотого запаса все же есть смысл, — возразил я.

— В военное время, вероятно, есть. Но если накапливать и накапливать его в мирное время, это совершеннейшая бессмыслица. Мы ведь все равно не могли осуществлять торговлю на основе золота как платежного средства. И займы, предоставляемые нам тогда, мы все равно не были в состоянии оплатить, как, впрочем, и те, которые вы предоставляете нам сейчас. Только Моргану работа. А что до займов в рамках плана Дэйвса и Янга, такте были еще хуже. Они предоставлялись нам Бейкером, Диллон-Ридом, Ли Хиггинсоном и некоторыми другими нью-йоркскими банкирами. Это были просто никуда не годные займы, которые нам были ни к чему и которые мы йотом не могли вернуть. И для вас теперь самое главное, чтобы банкиры получали галочку, а наши политики — очередную игрушку.

Шахт выразил озабоченность своим будущим после освобождения из тюрьмы, в котором он не сомневался, ибо вся его собственность сразу же после его ареста считалась собственностью военного преступника и была разворована немцами. Он сомневался, что теперь Германии вообще понадобятся банкиры.

— И все же, как бы то ни было, — на оптимистичной ноте добавил он, — мне всего-то осталось на этом свете двенадцать лет. Я ведь умру в возрасте 81 года.

— То есть? — Я не смог скрыть удивления, поскольку готов был начисто отрицать, что Шахт — человек суеверный.

— Мы же вырожденцы. Мой дед умер в возрасте 85 лет, отец — в 83 года, мне предстоит умереть в 81 год, а моему сыну — в 79.

Камера Розенберга.

Дискутируя на тему принципа фюрерства, Розенберг привел еще один пример из своей типично розенбергской теории. Принцип фюрерства, как это уже не раз случалось в истории, как и другие великие идеи прошлого, был извращен.

— Французская революция основывалась на идеях братства, но осуществить ее пришлось, только прибегнув к кровавой резне — но сегодня-то об этом никто не вспоминает. Католическая церковь провозглашала идеи мирового братства и доброй воли. Но вспомните, скольких отправила на костер инквизиция. Лютер желал просвещенной реформации, но следует вспомнить кровавую Тридцатилетнюю войну, в которой столкнулись насмерть католики с протестантами. И что же теперь, обвинять Лютера в развязывании этой войны? У вас нет права обвинять нас в имевших место позорных деяниях. Они — не первоначальная идея. Признаю, признаю, на нас лежит ответственность за создание партии, что было явно неудачной попыткой, и партии этой не должно быть места. Но вина, виновность, в смысле ответственности за уголовно наказуемые проступки — заговоры и так далее... В крайнем случае, Гитлер, Гиммлер, Борман и, вероятно, Геббельс. Но они — мертвы. На *нас* вины нет! Гиммлер — тот действительно виновен. Он воспользовался законами военного времени для того, чтобы распространить свою власть на все, руководствуясь мотивами сохранения безопасности, и слишком далеко в этом зашел.

— А как вообще Гитлер пришел к вопросу о расе?

— О, к этому его подтолкнул личный опыт, история и, как мне кажется, в некоторой степени и мистицизм. Сомневаюсь в его верном видении данной проблемы. Наша главнейшая ошибка: мы предоставили слишком много полномочий главе полиции! Тем самым исказили принцип фюрерства. Он задумывался для тех примерно 200 тысяч, кто отвечал в стране за политику, но никак не для всей нации, численностью в 80 миллионов. И народ не удержался от того, чтобы не сделать из Гитлера идола, которому можно было бы слепо поклоняться. Не это было первоначальным замыслом. Я неоднократно упоминал в своих речах о том, что сосредоточение власти в одних руках

продиктовано исключительно военной необходимостью. Но это не означает, что принцип фюрерства должен пониматься превратно.

В связи с отъездом майора Келли в Америку Розенберг дал ему записку, в которой разъяснял причины, которые заставят Америку столкнуться с теми же самыми проблемами.

29–31 декабря. Военные преступники Дахау

Я посетил тюрьму в Ландсберге, расположенную неподалеку от Мюнхена, где дожидались казни приговоренные к смерти судом в Дахау 38 военных преступников. Та самая тюрьма, где Гитлер писал свой «Майн кампф», служит теперь камерами смертников, где дожидаются расплаты те, кто систематически убивал ради воплощения изложенной в книге Гитлера теории в практику. Хотя тюрьма в Ландсберге мало чем отличается от тюрьмы в Нюрнберге, тюремный коридор, куда выходят двери камер, представлял собой весьма любопытное зрелище — из люков дверей камер торчат головы их обитателей. Заключение переговариваются и пересмеиваются друг с другом, и невольно создается впечатление, что все они уже у гильотины, причем это обстоятельство превратилось в неиссякаемый источник всякого рода специфических шуток. И все это на глазах у скучающих «джи-ай», бесконечно рассуждающих о скорой демобилизации.

Мне удалось кратко побеседовать примерно с половиной из приговоренных, а двух из них подвергнуть тестированию. Результаты охватили всю шкалу — от слабоумия Виктора Кирша до незаурядных дарований Клауса Шиллинга, врача, отправившего на тот свет в результате чудовищных экспериментов с заражением малярией несколько сотен узников Дахау. Как уверяет д-р Шиллинг, он вел работы по получению противомаларийной сыворотки, однако не может с точностью утверждать, оказались ли они успешными, поскольку не имел возможности получить точных данных по причинам смерти. Гиммлер поддерживал такие опыты, ибо «надеялся в случае их успеха повысить престиж СС». Д-р Шиллинг утверждает, что, дескать, «тогда не знал, что речь шла всего лишь о столь неблагоприятных мотивах — желании выставить себя не убийцей, а покровителем науки».

Доктор Шиллинг вспоминает, что ему приходилось своими глазами видеть, как обнаженные женщины-цыганки лежали, укрытые одеялами, в ожидании того, когда им придется отогревать подвергнутых опасному для жизни переохлаждению узников-мужчин. «Это же надо — самый настоящий сексуальный садизм!» — высказался по этому поводу доктор Шиллинг. По его словам, его эксперименты проводились исключительно в научных целях.

Немногие информированные преступники утверждают, что умертвление узников лагеря Дахау осуществлялось только с санкции свыше, и крайне возмущены тем, что теперь союзники пытаются переложить вину на них. И когда заключенных морили голодом — это также было санкционировано на правительственном уровне. Вот некоторые типичные объяснения:

Йозеф Зойс, представитель управленческого аппарата: «Да, я видел трупы мужчин, погибших во время транспортировки сюда в 1942 году... Что я мог сделать? Дело солдата — выполнять приказ... Мы не знали, что Гиммлер был таким негодяем — это ж надо — сам смылся, а мы теперь за него отвечаем!» (всхлипывания, слезы жалости к себе).

Вальтер Лангсляйст, командир батальона, узкогубос, неприятное лицо, преувеличенно вежлив, отчаянно пытается несмотря на лохмотья и успевшую отрасти бороду корчить из себя офицера:

— Что я мог сделать? Я — фигура малозначительная. И ко всему этому почти не имевшая отношения. Все делалось по приказу свыше... Я очень разочарован таким приговором (уходя, приглядывается к окурку сигареты на полу, но не поднимает его).

Антон Эндрес, бывший надсмотрщик — психопат-садист, отталкивающее, костистое лицо, бесчувственный холодный взгляд:

— Приказы отдавал Гиммлер, а тех, кто не подчинялся, ставили к стенке. Теперь эти шишки в Нюрнберге и знать ничего не желают. Утверждают, что, мол, не отдавали таких приказов. Кто из нашей мелкоты отважится сделать хоть что-то без приказа? Они говорят, дескать, все делалось без их ведома. Если эти шишки улизнут от ответственности, это будет самое настоящее свинство.

Франк Тренкле, бывший охранник и исполнитель казней. Поведение: попытки вызвать сочувствие, покорность, беспомощность, сердитая гримаса на лице:

— Я занимался только расстрелами по приказу гауляйтера Гислера. Я не имел возможности помешать творимым безобразиям. Я мог только исполнять приказы, иначе и меня бы расстреляли. Фюрер и рейхсфюрер СС — они всю эту кашу заварили, а теперь — где они? Глюке получал распоряжения от Кальтенбруннера, потом приказы на проведение расстрелов стал получать я. Они готовы все на меня свалить, и теперь говорят, что это я — убийца, когда я был несчастным гауптшарфюрером, последним из цепочки, и нет никого, кто стоял бы ниже меня, чтобы я мог свалить на него вину... На одно лишь надеюсь, что никому из этих бандитов в Нюрнберге не удастся облапошить судей! Это было чудовищной несправедливостью. Они и только они отдавали приказы и все прекрасно знали. Они могли помешать этому. Жаль вот только, что я не в Нюрнберге — я бы им кое-что сказал (пыхгя, подбирает окурок в тот момент, когда его уводит охранник).

Да, изложенный Розенбергом принцип фюрерства понимается здесь явно превратно!

Завершение предъявления англо-американского обвинения

3 января 1946 года. Шнеер против Геринга

Утреннее заседание.

Полковник Эймен вызвал к свидетельской стойке бывшего высокопоставленного сотрудника аппарата СД Олендорфа. Олендорф рассказал о том, как получал и исполнял приказы на проведение массовых убийств и как возглавил проводимую силами эйнзатцгрупп акцию по умерщвлению 90 тысяч евреев. Он описал леденящие душу подробности массовых расстрелов евреев-мужчин и отравление газом женщин-евреек во время транспортировки их в так называемых газвагенах (от нем. *der Gaswagen* — автофургон, специально оборудованный для отравления выхлопными газами двигателя перевозимых в нем жертв. — Примеч. перев.). Все приказы поступали от Гиммлера, получавшего соответствующие указания от Гитлера, в связи с чем Олендорф, по его словам, вынужден был повиноваться.

Выступление немецкого сотрудника, достоверность показаний которого сомнений вызывать не могла и которые окончательно подтвердили факт и преступный характер массовых казней, непосредственным участником которых он был, весьма удручающе подействовало на обвиняемых.

Обеденный перерыв. Сразу же после заседания Геринг попытался свести на нет правдивость показаний Олендорфа.

— Ага, еще один, запродавший душу врагу! И что же эта свинья рассчитывает вымолить таким образом? Все равно ему висеть!

Функ выразил вялый протест, пытаясь вступить за Олендорфа, он считал его одним из самых достойных и добросовестных работников своего министерства; но мнению Функа, нет никаких оснований сомневаться в том, что этот человек решил честно во всем признаться ради достижения истины. И кое-кто из остальных обвиняемых также считал, что достоверность показаний Олендорфа вряд ли можно оспаривать. Франк даже высказал уважение к тому, кто готов подписать свой смертный приговор ради установления правды. Позже Функ обратился ко мне:

— Я не считаю, что после всего этого его можно считать плохим немцем; моя позиция вам известна.

В столовой Фриче был подавлен настолько, что у него пропал аппетит. Фрик же заметил, что, дескать, в такую солнечную зимнюю погоду неплохо было бы прокатиться на лыжах. Отложив вилку в сторону, Фриче бросил мне полный отчаяния взгляд, после чего выразительно посмотрел на Фрика.

Когда обвиняемые направлялись в зал на послеобеденное заседание, побелевший от ярости Фриче саркастически бросил мне:

— Отпустите нас побегать на лыжах, герр доктор!

Послеобеденное заседание.

Во время перекрестного допроса Олендорфа.

Шпеер через своего адвоката сделал заявление, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Он спросил, известно ли свидетелю, что в феврале Шпеер предпринимал попытки устранить Гитлера, а Гиммлера за все его преступления выдать неприятелю.

Это заявление буквально огорошило всех обвиняемых, сидевший в своем углу Геринг стал бурно выражать свое негодование.

В перерыве Геринг бросился через всю скамью подсудимых к Шпееру и, кипя от злости, осведомился у него, как он мог отважиться на свое изменническое заявление на открытом судебном заседании?! Как он посмел нарушить единство фронта?! Между обвиняемыми возникла словесная перепалка, и Шпеер произнес буквально следующее: «Убирайся к чертям!» Геринг от такого поворота лишился дара речи.

В поисках единомышленника он наклонился к Функу и сказал:

— Между прочим, но поводу Олендорфа вы были правы.

После этого Геринг, вернувшись на свое место, продолжал громким шепотом клясть Шпеера и его «измену», сидевшие рядом с ним Гесс, Риббентроп и Кейтель всем своим видом выражали ему явную поддержку.

Затем полковник Брукхарт вызвал к свидетельской стойке сотрудника гестапо Висличены; последний рассказал о том, как собственными глазами видел приказ Гиммлера, в котором тот распоряжался об «окончательном решении» еврейского вопроса и из которого явствовало, что автором этого документа был Гитлер. Начальник подразделения гестапо Эйхман, руководивший пресловутым отделом IV В4, занимавшимся евреями, заявил, что «в этом приказе под словосочетанием «окончательное решение» подразумевалось планомерное, физическое истребление лиц еврейской национальности восточных оккупированных областей... Я сказал Эйхману: «Дай ты Бог, чтобы у наших врагов не было возможности поступить подобным образом с немецким народом», на что Эйхман ответил, что нечего впадать в сантименты; это приказ фюрера, и должен быть исполнен». Программа уничтожения евреев была начата еще при Гейдрихе и продолжалась при Кальтенбруннере.

Тюрьма. Вечер

Камера Геринга. В этот вечер у Геринга был измученный и подавленный вид.

— Плохой был сегодня день, — произнес он. — Этот проклятый кретин Шпеер! Видели, как он унизился на сегодняшнем заседании? *Боже милостивый! Черт бы его побрал!* Как он мог пойти на такую низость и все ради того, чтобы спасти от петли свою поганую шею! Я чуть было не умер от стыда! Подумать только — немец идет на такую низость, ради нескольких лет мерзкой жизни — ради того, чтобы еще несколько лет хлеб на дерьмо переводить, простите за такую откровенность! *Боже ты мой! Черт возьми!* Вы думаете, я способен на такое ради продления своей жизни? — Геринг впился в меня горящим взором. — Да мне наплевать с высокой башни, вздернут ли меня, утону ли я, погибну ли в авиакатастрофе или обопьюсь до смерти! Но должно же существовать в этом треклятом мире хоть какое-то представление о чести! Покушение на Гитлера! Ха-ха! *Боже милостивый!!!* Я готов был сквозь землю провалиться! И вы думаете, я стал бы выдавать кому-то Гиммлера, даже если он хоть сто раз виновен? Черт возьми, да я его собственными руками прикончил бы! И если уж говорить о суде, суд этот должен быть немецким! Американцам ведь как-то не приходит в голову выдавать нам своих преступников, чтобы мы им здесь выносили приговоры!

Вскоре Геринг был вызван на встречу с адвокатом; когда мы выходили из камеры, он снова вернулся к своей излюбленной бравade, явно из расчета произвести эффект на присутствовавших вокруг охранников и остальных обвиняемых, если они, конечно, его услышат сквозь двери своих камер.

Камера Шпеера. Шпеер встретил меня нервозным смешком:

— Ну как? Подкинул я бомбочку! Рад вашему приходу — да, теперь мне придется туговато! Нелегко было отважиться на такой шаг, я имею в виду, что я уже давно принял это решение, и все же ох как тяжело было заявить об этом.

Он лишь сожалеет о том, продолжал Шпеер, что так и не заявил о своей готовности взять на себя часть вины за свою принадлежность к партийному руководству и за оказанную Гитлеру поддержку.

— Вот я сейчас вам кое-что покажу — это пока что наброски, но мы должны заявить либо о своей виновности, либо о невинности, и по приведенным здесь пунктам обвинения я заявляю о своей невинности.

Шпеер продолжал перебирать разложенные на столе бумага.

— Само собой разумеется, я сейчас несколько взволнован. Геринг набросился на меня — я, видите ли, нарушил единство. Даже Дёниц, и тот наговорил мне резкостей, а вы знаете, что мы с ним были очень дружны. Вот, вторая страница.

Я прочел заявление Шпеера, подготовленное им для адвоката, в котором он признавал себя виновным за руководство всем вплоть до финальной катастрофы. Далее Шпеер детально разъяснял свой план, суть которого заключалась в похищении десяти ведущих партийных деятелей, в частности, Гитлера, Гиммлера, Геббельса, Бормана, Кейтеля и Геринга, и доставке их на самолете в Англию, однако в последнюю минуту осуществлению этого замысла помешало малодушие заговорщиков.

— Конечно, сейчас все на меня ополчились, — констатировал Шпеер. — Это лишь доказывает необходимость того, что *хоть кто-нибудь* должен был попытаться свалить этого безумца, а не до последней минуты плясать под его дудку. Опасаюсь только, что теперь найдется какой-нибудь ненормальный, который будет мстить моей семье. Вам с самого начала была известна моя позиция. И у меня нет никаких иллюзий насчет своей собственной участи. Но вот судьба немецкого народа и моей семьи мне не безразличны.

Я заверил его, что и на немецкий народ снизошло отрезвление, и что его семье ничего не грозит.

4 января. Геринг против Шпеера

Утреннее заседание. *Обвинение против генерального штаба и ОКВ.*

В перерыве я услышал, как Йодль, впервые побагровев от возмущения, сказал своему адвокату:

— Тогда пусть эти генералы-свидетели, которые поносят нас ради того, чтобы уберечь от петли свою окаянную шею, уяснят себе, что они такие же преступники, как и мы, и что им тоже полагается болтаться на виселице! Пусть не думают, что им удастся откупиться, свидетельствуя против нас и утверждая, что они, дескать, мелкие сошки!

Обеденный перерыв. Внезапно Геринг во время обычной непринужденной беседы с обвиняемыми в бешенстве грохнул кулаком по столу:

— Черт возьми! Да мне в высшей степени наплевать на то, что враг сделает с нами, но мне не по себе, когда я вижу, как немцы предают друг друга!

Ширах поднялся и кивком головы заверил его, будто бы собирается выполнить его распоряжение.

— Пойдите к этому идиоту и поговорите с ним! — бросил Геринг.

Я увидел, как Ширах и Шпеер, расхаживая взад-вперед по коридору, оживленно о чем-то дискутируют. О теме их беседы я мог заключить по брошенной на ходу Шпеером реплики: «...для этого он оказался трусоват».

Тюрьма. Вечер

Камера Шпеера. Шпеер передал мне состоявшийся у них с Ширахом разговор.

— Он пытался убедить меня в том, что я покрыл позором себя и свое доброе имя в Германии, о том, что Геринг рассвирепел и так далее. Я ответил ему, что не удивлен таким оборотом, и что Герингу следовало свирепеть, когда Гитлер тащил за собой весь народ навстречу гибели! Будучи вторым человеком в Рейхе, он обязан был предпринять что-то, но оказался трусоват! Вместо этого он предпочитал одурманивать себя морфием и стаскивать к себе наворованные со всей Европы предметы искусства. Я не церемонился и выложил все начистоту. Их всех бесит, что я доказал им, что они не должны были сидеть и молчать. Понимаете, Геринг до сих пор корчит из себя «великую личность», веря в то, что ему, военному преступнику, пристало рулить здесь всем и всеми. Знаете, что он мне вчера сказал? «Вы не предупредили меня, что собираетесь об этом заявить!» Как вам это нравится? — Шпеер нервно усмехнулся.

5–6 января. Тюрьма. Выходные дни

Камера Шахта. Шахт сидел за столом в шубе — в камере было довольно холодно. Как обычно, он раскладывал свой любимый пасьянс. Я поинтересовался у него, что думает он по поводу последних событий.

— Ну, — со смехом ответил он, — думаю, что настала очередь Кальтенбруннера. Знаете, я никогда не считал его способным на такое. То же относится и к Олендорфу. Вам когда-нибудь приходилось встречать человека, излучающего такую уверенность в себе? Такую порядочность и респектабельность? Он в первую очередь был деловым человеком, коммерсантом — и вдруг он, оказывается, командует эйнзатцкомандой, имея на руках приказ уничтожить 90 тысяч человек. Да, но как порядочный человек может дойти до такого? Я часто задавал себе вопрос, как поступил бы я, окажись я в подобных обстоятельствах. Предположим, они явились бы ко мне с таким приказом. Я бы сказал им: «На самом деле... — Шахт, запнувшись, судорожно сглатывает, видимо, от волнения, — ...я на самом деле потрясен до глубины души, я не ожидал, что мне придется делать такое!» Потом бы я часок все обдумывал, а затем сказал бы им, что такое просто не в моих силах, и пусть они меня расстреляют, если им угодно, или сунут на фронт, короче говоря, пусть поступят со мной как сочтут необходимым, но только не это!

— Вообще-то Шпеер тоже отказывался участвовать в этом, пытался устранить Гитлера, как он заявил в четверг. Это доказывает, что и вам нельзя было все проглатывать. Как вы думаете?

— О, Шпеер пошел на такой шаг из-за того, что Гитлер слишком затянул войну. Это я первым увидел в Гитлере преступника! А свою первую попытку спихнуть его я предпринял еще в 1938 году.

Шахту явно не хотелось уступать Шпееру все лавры борца с фашизмом.

— Я понял, что для него в принципе не существовало такого понятия, как честь, и что избранная им политика неминуемо приведет к катастрофе. Я как раз об этом сегодня утром во время прогулки говорил Гессу. Кстати, Гесс — сумасшедший! Он составил обо всем процессе некую замешанную на мистицизме концепцию. Я упомянул, что иногда мне куда легче понять даже убийцу, но вот вора или коррумпированного типа — никогда. И то, и другое безошибочно указывает на подлость. Помните, что я говорил вам о Геринге? Я и ему

сказал, что до 1938 года поддерживал фюрера, а потом вдруг распознал в нем преступника. И о том, что уже тогда, сразу после этой истории с Фричем предпринял первую попытку убрать его. Это нас вывело на тему — Гесс мне с таинственным видом вдруг заявил: «Да, я все это смогу объяснить!» Но не забывайте — ведь он обо всем этом слышал впервые. А мне заявляет, что, дескать, он все это может объяснить — и обогащение Геринга, и дело Вицлебена, короче говоря — все сразу, только дайте ему время! Представляете себе? Какой же это будет спектакль, когда он в конце концов встанет и представит свое объяснение!

Камера Геринга. Геринг продолжает сознательно игнорировать обвинения в геноциде и ведении агрессивной войны, погрязнув в мелочных придирках к юридическому аспекту процесса.

— Представленные по обвинению генштаба доказательства ужасающе убоги, — высказал мнение Геринг. — Хотелось бы знать, как по этому поводу выскажется «Арми энд нэйви джорнэл». Версия заговора явно не выдерживает критики. У нас было государство с фюрером во главе. И мы получали все распоряжения от главы государства, которому мы были обязаны подчиняться. Мы не были бандой преступников, выходивших по ночам на большую дорогу, какими изобилуют грошовые книжонки... Четыре главных заговорщика отсутствуют. Фюрер, Гиммлер, Борман и Геббельс — добавьте сюда еще и Гейдриха, всего, значит, их пятеро. Висличены — мелкая тварь, но виду только крупная, а все потому, что здесь нет Эйхмана...

Помедлив, Геринг продолжил:

— Этот Гиммлер! Жалею только, что теперь уже не удастся поговорить с ним с глазу на глаз, уж я бы расспросил его кое о чем. Скажу вам сейчас такое, что говорю лишь своим ближайшим соратникам: будь я фюрером, я бы первым делом устранил Бормана и Гиммлера. Бормана — в пять минут! С Гиммлером пришлось бы возиться дольше — возможно, неделю, другую. Я задумал два способа — либо пригласить его вместе с его бандой на ужин и обложить их бомбами, чтобы они все скопом благополучно взлетели бы на воздух, или же, воспользовавшись прорехами в его же системе, просто перехватить у него власть, а его, наплевав на его кучу титулов и званий,

просто отодвинуть подальше. Первым делом я бы разделил СС и полицию. Знаете, Борман ведь, по сути своей, был ничтожеством, которого один только фюрер поддерживал и никто другой. Вот Гиммлер отхватил себе столько власти, что с ним в один присест разделаться было нельзя.

Я снова спросил его, что он думает о высказывании, согласно которому Гитлер самолично отдавал приказы на проведение массовых убийств. Ответ его представлял собой любопытное саморазоблачение — он невольно выдал свою точку зрения на весь процесс:

— Ах, эти массовые убийства! Все это стыд и срам! Лучше бы об этом не говорить и даже не думать! Но обвинение в заговоре! Ого! Подождите, когда я доберусь до этого! Это будет для них фейерверк!

Камера Риббентропа. Отложив бумаги в сторону, Риббентроп заверил меня, что, дескать, ему все равно не успеть подготовить их, так что я ему не помешал. Что касалось последних приведенных доказательств, бывший министр иностранных дел признался:

— В отношении этого позора и преследования евреев вина нас, как немцев, настолько чудовищна, что просто лишаешься дара речи — этому нет ни прощения, ни оправдания! Но если отбросить это, в войне действительно повинны и другие государства. Я всегда говорил своим британским и французским друзьям: «Дайте Германии шанс, и никакого Гитлера не будет!» Естественно, это было до его прихода к власти.

— А кто же были эти британские и французские друзья?

— О, это и Корнуэлл-Эванс, и Даладье, Болдуин, лорд Ротермир...

— До прихода Гитлера к власти?

— Ну нет — мне кажется, это было уже потом. Нет, дайте мне подумать! Это был сэр Александр Уокер, мистер Эрнст Теннант, лорд Лосиан, леди Эсквит. Это был маркиз де Полиньяк, графы де Кастильоне, де Бринон — это было в пору моих деловых визитов в Англию и Францию. Но соблюдение Версальского договора с каждым днем становилось все невыносимее. Весь народ прибил к сильному фюреру, как овцы в бурю. Поскольку я, будучи экспертом по вопросам импорта и экспорта алкогольных напитков, заключал торговые сделки, я был прекрасно осведомлен обо всех экономических проблемах. Я чувствовал, как дышалось Германии в удавке Версальского договора...

Как Гитлер дошел до всего этого — мне это просто-напросто непонятно.

— Знаете, некоторые из обвиняемых утверждают, что им доподлинно известно, что он в последние годы был действительно ненормальным человеком. Мне кажется, ни для кого не секрет, что на протяжении всей своей жизни он страдал сильнейшей неврастенией.

— О нет, такого утверждать нельзя!

— Мне это представляется совершенно очевидным. Ведь для неврастеника не составляет труда вести себя вполне адекватно, пока все вокруг угождают, позволяя убеждать себя в правоте идеи, которой он одержим. Но невротик никогда не потерпит никаких возражений. Именно тогда и прорывается наружу его неврастения, поселившийся в нем злой демон.

Я с любопытством ждал, что же ответит на это такой пылкий почитатель Гитлера.

— Ну да, верно, он действительно не выносил, когда ему перечили. Знаете, я, начиная с 1940 года, если и пытался ему возразить, то у нас уже не могло быть спокойной беседы. Мне кажется, ни у кого никогда не было и не могло быть с ним простого, мужского разговора по душам. Ни у кого! Я многих спрашивал. Не верю и тому, что кому-нибудь могло прийти в голову попытаться раскрыть ему душу. Не знаю. Трудно дать ответ на это. А в своем завещании он распорядился заменить меня на должности министра иностранных дел кем-нибудь другим... Вот этого я понять не могу. История — непостижимый феномен...

Камера Кейтеля. Кейтель вновь призвал на помощь свою старую аргументацию — «приказ есть приказ».

— Но, поймите же, если Гитлер приказывал мне что-то, этого было вполне достаточно. В конце концов, я был всего лишь начальник одной из подчиненных ему структур. В этом-то все свинство!

Кейтель разволновался явно не на шутку.

— Я абсолютно не имел никакой командной власти! Даже Геринг говорит мне сейчас, что он все бумажки, присылаемые мною ему, между нами говоря, использовал, так сказать, по назначению. А что я? — Я был обязан пересылать ему приказы фюрера. И привлекать к ответственности того, кто не наделен командной властью, —

огромнейшая несправедливость, которая вообще существует на этом свете! Таблица, которую мне предъявили в зале заседаний, даст совершенно искаженную картину. Я не был заместителем верховного главнокомандующего. Вот здесь, взгляните — я представил здесь систему отдания приказов, она куда ближе к истине.

Кейтель показал мне нарисованную карандашом схему, согласно которой Гитлер, как верховный главнокомандующий, отдавал распоряжения непосредственно командующим, а Кейтель оставался в стороне, без права отдавать приказы кому-либо из них.

Я высказал мнение, что верить Гитлеру было роковой ошибкой, затем поинтересовался у Кейтеля, что он думает по поводу попытки Шпеера устранить Гитлера. Он резко ответил:

— Нет, такого быть не должно! Это не способ! По крайней мере, не мой способ! Есть вещи, которые офицер делать не вправе.

Он сделал паузу, после чего продолжил:

— Могу только сказать, что я воспитан в духе традиций прусского офицерства. В соответствии с ними приказы должны исполняться беспрекословно. Бог тому свидетель — прусское офицерство испокон веку было честным и неподкупным! Его кодекс чести, начиная с Бисмарка, являл собой гордость нации, уходя корнями в эпоху Фридриха Великого. За невыплату долга в 25 марок офицера могли посадить под арест, и честь его была бы утеряна безвозвратно. Мне и в голову не могло прийти, что Гитлер стал бы действовать по какому-то иному кодексу. Первое, что бросалось в глаза при входе в его рабочий кабинет, это мраморная статуя Фридриха Великого и портреты Бисмарка и Гинденбурга на стене.

— Да, основательно он вас околпачил, — заметил я. — Мне из первых рук известно, что он собирался, но его выражению, «устранить весь этот ископаемый генералитет, помешанный на кодексе офицерской чести и так и не уяснивший сути моих революционных принципов». После победы он собирался вышвырнуть вас вон, а на ваше место сунуть своих головорезов из СС.

Я не стал упоминать Кейтелю, что пресловутыми «первыми руками» был генерал Лахузен, шеф абвера, пару недель назад разоблачавший его своими показаниями.

— Вот оно что! Ну, тогда я не знаю. Он что же, действительно имел такие намерения? Мне в это не хочется верить, но после всего,

что мне довелось увидеть и услышать на этом процессе, я уже готов поверить во что угодно. Могу только сказать, что служил ему не за страх, а за совесть, и теперь, сознавая, чего это мне стоило, могу сказать, что мою веру *предали!*

Ударив себя кулаком по коленке, Кейтель с ненавистью повторил:

— *Предали! Всё, что я могу сказать!*

И тут же, овладев собой, с горечью сказал:

— Ничего не рассказывайте остальным. Мне необходимо все это переварить и забыть. Когда вот так многие оказываются перед судом чужих государств, находится такое, о чем во всеуслышание не заявишь. Такое, о чем вообще никому не рассказать.

Я ведь почти не общаюсь с ними. Поверьте, последние годы стали для меня настоящим адом! И теперь, когда я один в этой камере пытаюсь перебороть отчаяние, мне не лучше, а хуже! Геринг как-то сказал мне, что, дескать, понимает, каково мне пришлось во время войны. Я ему ответил, что в том и его заслуга есть. А он мне заявляет: «Ничего, зато я теперь готов вас поддержать!» Единственный, кто меня действительно понимает, это Йодль. Но вы единственный, кому я могу довериться, высказать все, что наболело, — вы ведь стоите над всем этим, вы — человек со стороны, ни во что не втянутый. И, должен признаться, совесть здорово донимает меня в этой камере — кто бы мог поверить? Я ведь так слепо верил ему! А если бы тогда кто-нибудь набрался смелости и заявил бы мне хоть об одном таком эпизоде, что упомянуты здесь и о которых я теперь знаю, я бы ему сказал: «Вы безумец и предатель, я вас расстреляю!» Вот так он злоупотребил доверием генштаба. Бандюги Рема ему были не нужны — они бы сами его предали. Вот он и использовал нас. А сейчас мы сидим в этой тюрьме как преступники!

Когда я уходил, Кейтель по традиции на прощанье отдал мне честь и низко поклонился.

Камера Гесса. После повтора тестирования мы вели непринужденную беседу о его «концентрации» — термин, по нашему молчаливому согласию, служивший для обозначения его психического состояния и памяти. Гесс упомянул, что иногда его посещают сны на тематику его юности, проведенной в Египте, но каких-либо деталей

припомнить не мог. Единственное, что он помнил, что в снах нашлось место и его родителям.

— Вероятно, все дело в возрасте, — заметил Гесс.

— Как здесь с вами обращаются? — поинтересовался я.

— О, иногда кое-что действует мне на нервы, но я постепенно привыкаю.

По виду Гесса я мог понять, что он настроен на общение, и мы поговорили о его перелете в Англию. Он отрицал, что отправился туда с целью добиться аудиенции у английского короля или же таким способом вызвать его в Германию. По словам Гесса, он лишь желал встречи с герцогом Гамильтоном в надежде, что тот передаст королю его предложения. Гесс признался, что пытался покончить жизнь самоубийством, не отрицал и то, что ему не давали покоя подозрения в том, что его могут отравить.

— По-видимому, это было навязчивое состояние, но эта идея поразительно прочно засела у меня в голове. Мне и сейчас в голову лезут мысли, что именно так все и было. Но разум подсказывает мне, что такого быть не могло.

Я расспросил Гесса о его «концентрации» во время пребывания в английской тюрьме, поинтересовался, как он воспринимал ход войны. Он довольно непринужденно поведал мне о своей амнезии.

— Первый период потери памяти был реальной ее потерей. Мне кажется, все произошло по причине полной изолированности, сыграло свою роль и прозрение. Но касательно второго периода я кое-что сознательно преувеличил.

Гесс не стал распространяться о том, насколько же его «периода» совпадали с результатами клинического обследования. Ради сохранения нашего с ним хрупкого контакта я всеми силами старался не создать у Гесса впечатления, что все мои расспросы — часть обследования.

— Так продолжалось вплоть до вашей отправки сюда?

— Да.

— Помните врачей, которые обследовали вас здесь?

— Помню, но смутно.

— Мы сидели вот здесь на койке, помните? Я еще переводил ваши слова трем врачам-американцам, они стояли вон там — полковнику и двум гражданским врачам.

— Правда? Я с трудом припоминаю.

— Все так удивились, когда к вам вернулась память.

— На самом деле? — насторожился Гесс. — Они что, говорили вам об этом?

— Разумеется, говорили, мы все не знали, что и думать.

— То есть если бы я раньше не пережил период полной потери памяти, мне бы ни за что не удалось все так правдоподобно разыграть. Я не знал, как это все делается — не за что было зацепиться.

— Понимаю. Сначала самовнушение, а потом и действительная потеря памяти, практически и напрягаться особенно не требуется.

— Верно, верно, — охотно согласился Гесс. — Иногда и не понимаешь, что это — сам ли ты это себе внушил, или нет. Просто не можешь чего-то вспомнить, и все.

— И йотом, содержание в одиночной камере, когда человек явно не перегружен обилием внешних впечатлений, — предположил я.

— И это тоже. Мне кажется, на меня очень подействовало и пребывание в зале, где много народу, и наши ежедневные прогулки. Все это взбодрило меня.

— Так вы уже узнавали и Геринга, и остальных, когда состоялось то самое особое заседание?

— Тогда еще не совсем, все произошло после нашего с вами послеобеденного разговора. Но я и теперь быстро устаю от долгих размышлений. И даже сейчас и тест, и наша беседа понемногу утомили меня, поэтому мне лучше прилечь.

Я ответил, что он может прилечь, и в завершите беседы заверил Гесса в том, что он может в любое время обращаться ко мне за любой психологической помощью.

7 января. Партизанская война

Утреннее заседание.

Полковник Тэйлор говорил о репрессивных мерах, принимавшихся для расправы с военнопленными и партизанами на оккупированных территориях. Далее Тэйлор заострил внимание на том, «что борьба вооруженных сил с

партизанами и другими представителями населения была не чем иным, как средством проведения в жизнь нацистской расовой политики и лишь служила прикрытием кровавой резни, учиненной над евреями и большей частью славянского населения, рассматриваемых нацистами как нежелательные элементы».

Подписанный Кейтелем приказ Гитлера от 16 сентября 1941 года гласил: «...при этом следует не забывать, что человеческая жизнь в оккупированных районах не стоит ничего и устрашающего воздействия можно добиться лишь жестокими мерами. В подобных случаях смерть одного германского солдата должна быть оплачена смертной казнью 50–100 коммунистов».

В своих недавних показаниях генерал Хойзингер под присягой заявил: «Лично я всегда считал, что обращение с гражданским населением оккупированных территорий и методы борьбы с бандами на оккупированных территориях давали высшему политическому руководству и военному командованию желанную возможность воплотить в жизнь их цель: систематическое сокращение численности славян и евреев. Независимо от этого я всегда рассматривал эти бесчеловечные методы, как проявление военной неадекватности, поскольку они лишь усложняли проведение военных операций против неприятеля».

Обеденный перерыв. С каждым днем растет возмущение Геринга даваемыми под присягой свидетелями-нацистами показаний.

— Мне не по себе, когда я вижу, как немцы продают душу врагу! — шипел он в столовой во время обеда. Потом он стал подыскивать убедительное объяснение, которым он втоптал в грязь очередное, вполне достоверное свидетельское показание, после чего Геринг принялся позёрски протестовать:

— У меня вызывает отвращение все, что недостойно! Я ничего не говорил под присягой на допросах, поэтому они не смогут ничем воспользоваться, привода свои доказательства.

И тут же рассмеялся собственной хитрости.

— Ни одного показания! Ничего! Ха-ха-ха! К чему давать присягу, пока тебя не призовут к свидетельской стойке в зале? Гесс, тот еще лучше поступил! Он «просто ничего не помнил». Ха-ха! Блестяще это у него прошло! И память вернулась к нему тогда, когда он почувствовал себя вооруженным против них!

И хотя за его столом раздался смех, чувствовалось, что смеялись там ради проформы — каждый из сидящих понимал, что психическое состояние Гесса на самом деле внушает сомнения. Такого мнения придерживалось подавляющее большинство тех, с кем мне довелось говорить на эту тему.

— Сегодня после обеда они потащат сюда и Бах-Зелевски, — саркастически напомнил Геринг немного погодя. Функ заявил, что этот Бах — самая настоящая свинья.

— Ну, хотя бы послушаем перекрестный допрос — тоже любопытно, — вставил я.

— Не дождетесь, что я стану тратить силы на вопросы этой свинье! — отрезал Геринг. И, обращаясь к остальным, во весь голос продолжал, стуча по столу: — Черт побери! Хотелось бы мне, чтобы все мы набрались смелости и ограничились лишь четырьмя словами в свою защиту: «Поцелуйте меня в жопу!» Первым был Гетц, а я стану последним!

Он снова с видимым удовольствием повторил свою весьма краткую защитительную речь, тут же присовокупив байку о том, как эту фразу произнес Гетц, потом какой-то другой генерал повторил, и в финале заверил всех, что и он скажет то же самое. Розенбергу и другим шутка показалась удачной, рассмеялись и немецкие военнопленные — рабочие столовой.

Тут я заметил:

— Конечно, какой хохмой была бы война, если бы только на ней не гибло столько людей!

— *А это мне до фонаря!* — резюмировал Геринг, продолжая хохотать.

А вот немецкие военнопленные — рабочие столовой — как по команде смолкли...

Послеобеденное заседание.

Эсэсовскому генералу Бах-Зелевски, командовавшему подразделениями для борьбы с партизанами на восточных оккупированных территориях, полковником Покровским был задан вопрос о том, как объяснить тот факт, что для борьбы с партизанами в немецких частях вермахта не гнушались использовать даже уголовных преступников. Бах-Зелевски заявил, что в этом усматривается связь с речью Гиммлера начала 1941 года. Гиммлер заявил тогда, «что целью русской кампании должно стать сокращение славянского населения на 30 миллионов человек». И борьба с партизанами была лишь «экспериментом», когда решено было обойтись силами «именно вот таких второсортных подразделений».

На проведенном перекрестном допросе Бах-Зелевски также подтвердил, что эти массовые убийства были прямым следствием привитой нацистской идеологии: «Если годами тебе вбивают в голову, что славяне — неполноценная раса, что евреи — вообще нелюди, это неизбежно выразится в подобных взрывах ненависти».

В перерыве Геринг распалился настолько, что даже не мог усидеть на своем месте на скамье подсудимых.

— Нет, он и вправду *мерзкая, поганая свинья*, этот изменник! Подлый ублюдок! *Боже мой, черт его подери!* Засраный, безмозглый сукин сын! Он был самым *отъявленным душегубом* из всего этого их *отвратительного, вонючего сброда*. *Мерзкая, поганая свинья собачья!* Запродал свою душу ради того, чтобы уберечь свою поганую башку!

Многие из остальных потребовали от своих защитников подвергнуть перекрестному допросу самого Геринга, чтобы доказать, каков на самом деле этот «*кровожадный кабан*». Йодль побагровел от гнева:

— Спросите его, как Гитлер всегда ставил его нам в пример, называя его образцовым борцом с партизанами! — выкрикнул он своему адвокату. — Спросите, спросите эту *грязную свинью!*

Сидевший с расстроенным видом Риббентроп, подняв на меня взор, усталым-преусталым голосом сказал, обращаясь ко мне:

— Впишите и поймете, что я имею в виду.

И, прибегнув к искусству жестикуляции, он обеими руками разломал воображаемый предмет, чем дал мне понять, что думает об этом жалком действе — когда немцы поносят немцев.

8 января. Теория террора

Утреннее заседание.

Полковник Уилер остановился на некоторых деталях преследования христиан и представителей других конфессий; преследованиях и убийствах пасторов и священников, фактах подавления церковных организаций, школ и запрет на публикацию религиозных материалов в печати. В этой связи Розенберг был назван главным проповедником язычества.

М-р Элвин Джоунс, перед тем как перейти к обобщению выдвинутых обвинений, привел несколько цитат из «Майн кампф». Именно от «Майн кампф», по его словам, пролегла дорога к крематориям Освенцима и газовым камерам Майданека.

Гитлер писал: «Германия превратится либо в ведущую мировую державу, либо станет ничем. И для того, чтобы стать мировой державой, ей необходима территория, которая обеспечила бы ей соответствующую величину, а ее гражданам — жизнь».

Ради достижения этой цели он поддерживал порабощение «неполноценных рас» ради обеспечения арийского господства, высмеивая «пальмовые ветви плаксивых пацифистских кликуш».

«Кровь и горе миллионов людей — мужчин, женщин и детей — доказали, — в завершение сказал м-р Элвин Джоунс, — что «Майн кампф» не была лишь литературной прихотью, как она в довоенные годы легкомысленно-снисходительно воспринималась теми, кого эта война в первую очередь затронула. Скорее, выражением фанатичной веры в насилие и обман, как средства для достижения

нацистского господства над всей Европой, да и над всем миром».

Обеденный перерыв. Перед началом послеобеденного заседания Розенберг снова затронул тему русских и их отношения к церкви.

— И у русских хватило наглости заседать в суде над нами! На их совести 30 миллионов человек! А они рассуждают о гонениях, которым подвергалась церковь! Но истинные эксперты в этом они! Они тысячами ликвидировали священников во время своей революции. Обливали их водой на морозе... да все что угодно творили. Царским генералам срезали кожу с ног, чтобы потом делать свои красные звездочки...

Преследования церкви — слишком серьезная проблема, которой не одна сотня лет. И рассматривать ее можно по-разному. Одному Богу известно, сколько крови было пролито самой церковью и от ее имени. С чего бы поднимать такой переполох по поводу парочки каких-то писем от парочки отживших свой век баб и подсовывать их в качестве доказательства? Только потому, что где-то прикрыли церковную газетенку или нанесли ущерб церковному имуществу? Да сотни газет сотен издателей перестали существовать из-за того, что здания их редакций рухнули под бомбами. И ничего. Миллионы в Европе погибли — и ничего. Половина ценностей Европы погребена под развалинами — и ничего. А вот старая добрая церковь — что вы! Она ведь святая! Так продолжается уже тысячу лет.

А что, разве католическая церковь не плела интриги, где были замешаны и короли, и кардиналы, и папы? Разве не отправляла на убой миллионы людей? Разве можно допустить, чтобы церковь платила налоги — ну что вы, — она должна оставаться сильной! Вот так ей ее могущество и досталось. И предлагает она свои товары на рынке по бросовым ценам — она такое может себе позволить, чего там — налоги-то платить нет нужды. И при покупке новой собственности она тоже кого хочешь обскачет — налоги-то не платит. Вот отсюда и сила, и могущество.

Розенберг продолжал:

— Нет, нет, я не в обиде на русских за то, что они это клерикальное чудище приструнили, не дали надеть на себя эту удавку. Я всегда был противником католицизма. Но я не могу понять, как у них

хватило наглости осуждать за это нас? Только и всего. К чему вообще этот спектакль по поводу того, что вот уже сотни лет творится повсюду в Европе? Ну, перегнула нацистская партия палку, ладно. Так с нею покончено, добейте ее. Но к чему к нам цепляться, будто мы преступники. Вот против чего я настроен!

10 января. Франк и Штрейхер

Защитник Франка задал один, весьма неожиданный для всех, кто знал Франка, вопрос, поддерживает ли Ватикан обвинение. Если да, то его клиент готов выйти из католической церкви. Сегодня утром перед судебным заседанием я поинтересовался у Франка, что он имел в виду, делая такое заявление. Франк объяснил, что его адвокат неверно его понял. Ему только хотелось узнать, поддерживает ли представителей обвинения католическая церковь, традиционно стоявшая выше всех мирских разногласий и конфликтов. Но о своем намерении выйти из католической церкви Франк и не заикался, заметив, что такой поступок поставил бы в нелегкое положение всех католиков Германии.

— Просто это был один из тех моментов, когда я пугаюсь (и в подтверждение этому мой собеседник делает вид, что судорожно хватается ртом воздух) и действую не совсем обдуманно...

Любопытно фиксировать свою реакцию на различные события. Во мне будто живут два человека. Я сам, Франк, которого вы видите перед собой. И другой Франк — нацистский фюрер. Иногда я задаю себе вопрос, как мог тот Франк совершать такие поступки. Один Франк, приглядевшись к другому, говорит: «Гм, что ты за дрянь такая, Франк! Как мог ты совершить такое?! Наверняка дал волю своим эмоциям, я прав?» Разве это не любопытно? Я считаю, что да, очень, и что вас как психолога это тоже заинтересует. Как будто во мне присутствуют два разных человека. Я — тот, который находится здесь перед вами, и тот, кто произносил все эти нацистские речи и которым занимается суд. Захватывающе, да? (Очень, если рассматривать в аспекте шизоидного состояния.)

Утреннее заседание. Полковник Болдуин суммировал все пункты обвинения против Франка на его посту генерал-губернатора Польши, зачитав при этом выдержки из его дневника:

«Прежде чем германский народ окажется перед лицом всеобщего голода, пусть голод коснется оккупированных территорий и тех, кто их населяет... Эти районы — военный трофей Германского рейха... Я не побоялся заявить о том, что в случае гибели одного немца должна быть расстреляна сотня поляков... Рад официально сообщить вам, партайгеноссе Заукель, что теперь мы можем направить в Рейх свыше 800 тысяч работников».

М-р Гриффит-Джоунс привел цитаты из статей и речей Штрейхера в качестве доказательств его моральной вины за подстрекательство к массовым убийствам (из речи 1926 года):

«Вот уже на протяжении тысяч лет еврейство изничтожает народы... Стоит нам только начать, и мы уничтожим евреев!». Порнографический характер псевдонауки: «При соитии мужское семя полностью или частично поглощается стенкой женской матки, всасываясь таким образом в кровь. Одного лишь совокупления еврея и арийской женщины вполне достаточно, чтобы на вечные времена осквернить ее кровь. Вместе с чужеродным белком она впитывает в себя и чужеродную душу. И уже никогда не сможет произвести на свет чистокровных арийцев даже в браке с женщиной-арийцем... Теперь становится понятным, отчего еврей, призвав к себе на помощь все искусство совращения и соблазна, стремится обесчестить немецких девушек как можно раньше, почему врач-еврей насирует находящихся под наркозом пациенток... немецкая женщина, девушка должна вобрать в себя чужеродное семя еврея».

В штрейхеровском «Штюрмере» появлялись и фантастические измышления насчет ритуальных убийств.

Обеденный перерыв. За обедом Франк просто сиял.

— Это было великолепно, когда судья указал на то, что цитата была вырвана из контекста, просто изумительно! Честность и благородство! Он укрепляет во мне веру в природную доброту. Подобные вещи действительно восхищают меня! Вы же знаете, как на меня иногда находят эмоции.

Франк снова разыграл уже знакомое мне судорожное хватание ртом воздуха. Я помнил его реакцию на портрет Гитлера, на мое упоминание Ватикана. Это была некая смесь боязни и восторга, любви и ненависти к авторитарной фигуре отца.

— Я до сих пор задаю себе вопрос, как я мог говорить и творить такое. Наверное, все дело в моей излишней возбудимости. Тут извечная склонность немцев все описать и записать пошла явно на пользу — теперь у вас с лихвой наберется доказательств для процесса. Ха-ха-ха!

— Вы не раскаиваетесь в том, что решили передать дневники? — поинтересовался я.

— Отнюдь! Нет, нет, ни в коем случае! Одному Богу ведомо, что я натворил. Атак человечество узнает всю правду. И хорошее, и плохое. Как я уже говорил, у меня нет никаких иллюзий насчет своей участи. Сейчас главное — правда!

Затем разговор коснулся Штрейхера, которого все обвиняемые стали избегать, будто прокаженного — в памяти всех были еще свежи приведенные на процессе непристойные цитаты. Неоднократно прозвучало мнение, что если бы Штрейхера, как издателя, не поддержал Гитлер, он так и остался бы никем. Даже у Розенберга вызывали смех попытки этого неуча облечь антисемитизм в мантию псевдонауки.

В зале Штрейхер заявил мне:

— Эту статью о выведении германской расы написал один врач, а животноводы подтвердили, что именно так все и происходит. Я не стремился никого оскорблять.

Послеобеденное заседание.

М-р Гриффит-Джоунс доказал, что для травли евреев Штрейхер использовал не только порнографию, газетные статейки о ритуальных убийствах и изнасилованиях, но, находясь на посту гауляйтера Франконии, считал антисемитизм и весьма прибыльным делом. Большая часть прибыли от отобранной у евреев «аризированной» собственности так и не добралась до имперского министерства финансов. По-видимому, это и послужило причиной для отстранения Штрейхера в 1940 году от

должности, но его «Штюрмер» и дальше продолжал повествовать в том же духе.

В перерыве Геринг сказал Гессу:

— Мы хоть одно доброе дело сделали — спихнули этого подстрекателя с его поста!

Гесс счел эти слова верными и высказал мнение, что было нелегко заручиться поддержкой остальных гауляйтеров.

— Тяжелее всего пришлось с фюрером, — сказал Геринг. — И за это вы меня должны благодарить!

(При этом Геринг не упомянул истинной причины своей неприязни к Штрейхеру, которая носила сугубо личный характер — Геринг обвинял Штрейхера в распространении слухов о том, что ребенок Геринга — дитя из пробирки, поскольку толстяк оказался никудышным производителем. Начальник полиции Нюрнберга Бенно Мартин и генерал Боденшатц рассказали мне о том, как все произошло на самом деле, а Штрейхер сам подтвердил это.)

12–13 января. Тюрьма. Выходные дни

Камера Папена. (Кокетливый белый платочек в нагрудном кармане как-то не вязался с темно-оливковой рубашкой и брюками, которые Папен надевал по выходным.) Папен стал расспрашивать меня о конференции ООН, но я вынужден был признаться, что почти ничего по этому вопросу не знаю. После этого наша беседа коснулась Гитлера.

— Вначале еще можно было иногда настоять на своем мнении. Мы с Шахтом как раз говорили об этом. Тогда еще не создавалось впечатления, что имеешь дело с умалишенным... Я хочу сказать, что потом стало вообще невозможно что-то обсудить с ним. Взять хотя бы вопрос о нашем выходе из Лиги Наций. Мы с Нейратом пытались убедить его не делать этого. Так как мы не верили, что сможем переубедить Гитлера, я прибыл на его мюнхенскую квартиру и несколько часов кряду пытался воздействовать на него. И, в конце концов, мне показалось, что я все же сумел его убедить. Но уже на следующее утро он, будто его осенило, заявляет мне: «Нет! Я всю ночь об этом думал и теперь абсолютно уверен, что Германия должна идти

своим путем!» После этого он вообще отказался говорить на эту тему. Со временем он превратился в человека, с которым вообще ни на одну тему не заговоришь. Тем не менее ему удалось не так уж и мало, причем бескровным путем. Даже Черчилль в 1937 году писал: «Если нам суждено проиграть войну, надеюсь, что и у нас найдется тот, кто сумеет поднять нашу страну». И, если уже сам Черчилль признавал его, чего в таком случае ожидать от немцев?

— Но неужели вы, прочитав его «Майн кампф», так и не смогли распознать его намерений? Его антисемитизма, его агрессивных намерений, его ненависти — там найдешь все из перечисленного мною.

— Но, мой дорогой профессор, кто, скажите на милость, мог принимать «Майн кампф» всерьез? Чего только не напишешь ради достижения политической цели. У меня имелись с ним расхождения, но я никогда не думал, что он желает войны — до тех пор, пока он не разорвал Мюнхенское соглашение. За пять недель до аншлюса Австрии я ушел со своего поста, поскольку он принял решение отказаться проводить в жизнь мою прогрессивную политику. Австрияки же явно возрадовались моему уходу!

— Почему же вы в таком случае вообще не ушли из политической жизни при нацистах, если, как утверждаете, поняли его агрессивные замыслы после разрыва им Мюнхенского соглашения?

— Интересный вопрос! Что я мог сделать? Эмигрировать? Жить за границей в статусе немецкого эмигранта? Такое меня не устраивало. Офицером отправиться на фронт? Для этого я был староват, да и стрельба мне не по нраву. Критиковать Гитлера? Это могло означать лишь одно — меня тут же поставили бы к стенке. К тому же подобный расклад ничегошеньки бы не изменил! И произошло вот что: после аншлюса Австрии я в течение года вообще не появлялся на политической сцене.

И вот однажды мне вдруг звонит Риббентроп и говорит: «Герр фон Папен, вы должны занять место нашего посла в Турции!» Приезжаю я в Берлин, и Риббентроп разъясняет мне, что, дескать, сейчас Германии грозит опасность оказаться в полной изоляции. И, если нам не удастся склонить турок к нейтралитету, это выльется в войну. Ну, я и подумал, что смогу насалить мир хотя бы в том отдаленном уголке Европы. Что

мне в конечном итоге и удалось. А что мне еще оставалось делать — в Европе разразилась война!

Камера Розенберга. Я сказал Розенбергу, что пришел посмотреть на него в его день рождения, и мы снова углубились в философские проблемы.

— Национал-социализм не выбирал расовые предрассудки своей основой. Мы стремились лишь к сохранению своего расового и национального единства. Я никогда не утверждал, что евреи — это неполноценная раса. Я никогда не утверждал, что евреи — другая раса. Я лишь считал, что смешение различных культур никогда до добра не доводит. Именно от такого взаимопроникновения и перестали существовать и римская, и греческая культуры. Евреи стремились не только сохранить свою самобытность, но и заполучить в руки как можно больше власти. Но и мы тоже к этому стремимся. Присмотритесь к тому, сколько евреев за последние столетия перешло в христианство. И этому способствовали расовое высокомерие и невероятная гордыня, отличавшие нашу церковь и подтолкнувшие ее на такой риск! Это совсем как миссионерство наших дней. Какая-нибудь секта отряжает одну группу миссионеров в Китай, другую — в Сиам, третью — в Тимбукту или Свазиленд. Это просто бешеная гордыня и полное нежелание считаться с правом любой этнической группы на сохранение своей собственной культуры. И что же происходит? Бедные китайцы вежливо выслушивают миссионера (сунув руки в рукава своего френча, Розенберг изображает вежливо кланяющегося китайского кули), они, конечно же, буддисты и приверженцы конфуцианства, но про себя думают: ладно, черт с вами — чуточку христианства нам тоже не повредит, если только с ним не переборщить. И это вы называете демократией?

А как же было с пресловутыми «открытыми воротами в Китай»? Это что, тоже была демократия — навязать войну, чтобы англичане получили возможность отправить на тот свет при помощи опиума 30 миллионов китайцев? Вам когда-нибудь доводилось видеть эти опиумные курильни? Куда до них концлагеря! И, таким образом, миллионы китайцев оказались принесенными в жертву политике открытых дверей, свободной торговле с другими странами и

возможности для попадания в страну миссионеров различных сект. Это я называю мстительной расистской спесью!

— А как же быть с демократическим принципом умения сосуществовать в мире с остальными народами, соблюдая их права и уважая их обычаи? Новые культуры всегда возникают из смешения старых, и в условиях современной цивилизации их невозможно отделить друг от друга искусственно возведенными заборами.

— Может, такое и удастся в Америке, но сомневаюсь. Лишь членам какой-то определенной группы доступно, ощутив связь друг с другом, отстоять себя и свою самобытность.

Камера Шпеера. Шпеер торжествующе поведал мне, что остальные успокоились, свыкнувшись с мыслью о его былых намерениях совершить покушение на Гитлера.

— Вполне типичная для нашей вконец изолгавшейся системы картина. Все обязаны демонстрировать всяческое доброжелательство друг к другу, и неважно, что все готовы слопать друг друга с потрохами. В этом смысле я мало чем отличался от других. Например, я пришел к Герингу на его день рождения, хотя изо всех сил старался противостоять его жестокой и несуразной политике. И здесь все обязаны демонстрировать свою беззаветную преданность фюреру, и какую же бурю возмущения вызвало мое заявление. А теперь все опять мои друзья, в том числе и те, кто меня возненавидел за мое заявление. У них не хватает мужества подняться и сказать правду. Они стремятся создать у суда впечатление единства, хоть и не переносят друг друга. Как было бы здорово, если разом спали бы все маски, и тогда бы вся Германия увидела, до какой степени прошила эта система!

— Я знаю, Геринг пользуется своим влиянием для того, чтобы создать видимость некоей общей линии противостояния суду.

— Верно. Знаете, изначально было не очень хорошей идеей позволить всем обвиняемым вместе обедать и выходить на прогулки. Это и дало Герингу возможность гнуть свою линию. Было бы куда лучше, если бы у него не было возможностей для запугивания остальных, тогда многие говорили бы без утайки то, что думают. С тем, чтобы народ раз и навсегда похоронил прогнившие останки своих иллюзий относительно национал-социализма! Есть же немцы, уехавшие в Америку и ставшие там вполне достойными демократами.

Так почему этого нельзя добиться здесь? Естественно, это займет какое-то время.

— На это и вечности не хватит, если они будут продолжать цепляться за свою иллюзию о том, что Гитлер, дескать, желал только хорошего для Германии.

— Именно! Они подумают, что все их нынешние беды произошли лишь по милости победителей и что при Гитлере все же было лучше. Именно в этом и заинтересован Геринг — в этом случае он предстанет героем в глазах всех. Но я разъясню народу, что все его нынешние невзгоды, все это бессмысленное разрушение — исключительно вина Гитлера. Скажу и о том, что еще в январе 1945 года я открыто заявил Гитлеру о том, что эта война проиграна окончательно и бесповоротно и что дальнейшее сопротивление — преступление против народа.

Шпеер предъявил мне вопросы, которые собирался задать генералу Гудериану.

— Даже тогда я считал, что наш народ в течение последующего десятилетия, а возможно, и дольше может рассчитывать лишь на великодушные победителей, которое позволит ему едва-едва сводить концы с концами. Вот что предстоит осознать нашему народу.

— Вы и до сих пор верите в коллективную вину партийного руководства?

— Абсолютно! Об этом я еще скажу в своем последнем слове. Мы с Фриче пришли к мысли показать друг другу наши записи, чтобы высказанные нами мысли не повторялись. Но и кроме нас кое-кому также следует высказаться за эту идею ради того, чтобы убедить народ. Тому, к кому народ питает уважение. Ко мне проявляли уважение, обо мне говорили: «Он живет скромно». Это и системе на пользу. Но случаи, когда ведущие члены правительства жили бы скромно, были чудом из чудес.

Что касается Франка, он мелкий лицемер! Такие высокопарные, мистические речения после его скоропалительного перехода в католичество. Он всегда шел на поводу у своих чувств. И репутация у него не из лучших. Фриче тоже не баловали уважением в среде интеллектуалов из-за его пропагандистской трескотни — хотя он милый и приятный человек и я знаю, что лгал он по принуждению.

Обвинение Франции

17 января. Вступительное слово

Утреннее заседание.

Господин Франсуа де Ментон, главный обвинитель от Франции (г-н Франсуа де Ментон уехал из Нюрнберга в Париж сразу же после своего вступительного слова на заседании трибунала. Отъезд был связан с назначением его на ответственный пост в политическом руководстве страны. — *Примеч. авт.*), начал свое выступление страстным осуждением нацистской агрессии, которая нанесла стране не только невозполнимый материальный урон, но и затронула чувство национальной гордости французов.

«Франция, подвергавшаяся систематическому разграблению и опустошению, Франция, столько сынов которой было замучено и казнено в застенках гестапо и концентрационных лагерях, наконец, Франция, которая перенесла нечто более ужасное — ужасы деморализации и возврат к варварству, принуждение, осуществлявшееся нацистской Германией с сатанинской настойчивостью, — Франция требует от вас и требует прежде всего от имени героически пожертвовавших собой участников движения Сопротивления, которых она причисляет к наиболее светлым образам национальной героики, Франция требует — да будет совершенно правосудие! Обвинитель Джексон охарактеризовал стадии заговора, сэр Хартли Шоукросс привел примеры нарушения международных соглашений. Сегодня я намереваюсь показать вам, что это организованное и преступное сообщество, как я его называю, выросло из антидуховного начала, доктрины, отрицающей и сводящей на нет все духовные, опирающиеся на разум и мораль ценности, тысячелетиями служившие человечеству фундаментом, на котором оно возводило здание цивилизации и прогресса. Это преступное сообщество ставило своей задачей отбросить

человека к варварству, но не к природному, первозданному варварству древнейших времен, а к варварству демоническому, самодостаточному и не гнушающемуся никакими средствами из предоставленных человеку современной наукой. Это преступление против духовного и есть изначальное заблуждение национал-социализма, исходная тонка всех его преступных деяний. Это изуверское учение получило название расовой теории.

Германская раса, основу которой составляют арийцы, есть первоначальная природная данность. Люди, принадлежащие к германской расе, являются таковыми уже потому, что принадлежат к расе или народности, людской массе, представляющей и связывавшей всех немцев... Идеи и зримое воплощение расовой теории суть составные части этой политической системы, получившей название авторитарной или диктаторской биологии. Понятие «кровь», которым пестрят опусы нацистских идеологов, служит для обозначения потока истинной жизни, она есть живительный, алый сок, текущий по жилам всех рас и всех истинных культур, подобно крови, омывающей сосуды человеческого тела. Быть арийцем — значит ощущать и осознавать в себе этот живительный кровоток нации... Обратившись внутрь себя, человек осеняем откровением «заповедей крови»...

В нацистских ежемесячных периодических изданиях (издаваемых Розенбергом) в сентябре 1938-го утверждалось следующее: «Тело более не принадлежит государству, а душа — церкви или Богу, отныне человек без остатка, душой и телом принадлежит германскому народу и Рейху!» Эта эрзац-религия отнюдь не отказывает рассудочным средствам технократического порядка в праве на существование, а безоговорочно подчиняет их мифу о расе и этому же мифу их приписывает... Те, кто исповедует отличные от официального учения взгляды, либо асоциалы, либо больные люди. Они больны, поскольку, если исходить из нацистского учения, нация равнозначна расе, а расовые признаки четко определены. То или иное отклонение от формы как в духовном, так и в моральном аспекте есть явление

нездоровое, уродливое, подобно косолапости или заячьей губе...

Как видно из вышеизложенного, мы возвращаемся к древнейшему понятийному аппарату варварских племен. Все ценности, по крупницам собиравшиеся цивилизацией на протяжении сотен лет, отброшены, все понятия о примате морали, справедливости и права ниспровергнуты приматом расы, ее инстинктивного начала, ее потребностей и интересов. Человеческая личность, ее свободы, права и устремления уже не являются изначальной данностью...

Нет и не может быть некоего универсального мерила для германской народной общности и остальных народов-бастардов. Братство людей, как главенствующий принцип, отброшено, причем отброшено первоочередно... Иудаизм и христианство, как вероучения, проповедующие любовь к ближнему и всеобщее братство, преданы анафеме, поскольку сводят на нет здоровое brutальное начало человека. Подвергнуты ostracism идеалы демократии современности, интернационализм, как понятие... Подобное учение не могло не привести Германию к захватнической войне, к преступлению, как средству ведения этой войны...»

Сидя на скамье подсудимых, Франк восторженно комментировал обвинительную речь:

— Это так *захватывает!* Это так характерно для менталитета европейца! Было бы очень приятно поговорить с этим человеком! Но, знаете, по иронии судьбы, оказывается, основателем расового учения был француз — де Гобино!

19–20 января. Тюрьма. Выходные дни

Камера Штрейхера. Я выслушал его к моменту, когда Штрейхер несколько изменил свои воззрения, поскольку изложение его дела британской стороной и обвинение Франции его расовой теории возымели весьма негативные результаты. Штрейхер, как и прежде, ничуть не изменил своему антисемитизму, но его былая

невозмутимость была поколеблена, в нем отчетливо проступило презрение к остальным обвиняемым.

— Разумеется, евреи были и остаются силой в мировом масштабе... Даже католическая церковь превратилась в послушный инструмент в руках международного еврейства, — продолжал витийствовать он.

Штрейхер заявил, что еврейство полностью дезориентировало христианство, а то, что Христос не был иудеем, в этом он, Штрейхер, не сомневается. Далее он принялся наглядно доказывать, как проецировал свои собственные, первейшие потребности на евреев:

— Знаете, что в Талмуде говорится о Христе? Там говорится, что он появился на свет на навозной куче — да, да — он сын шлюхи.

Отталкивающая физиономия расового теоретика растянулась в широкой и похотливой ухмылке.

— Это уж точно — все так и было. Она не состояла в законном браке, а эта история, что она, дескать, понесла ребенка от Бога... Знаете, если уж быть до конца честным, все верно — она, если верить этой байке, действительно была непотребной бабой.

Ухмылка превратилась в самодовольный смех. Штрейхер продолжал:

— Я тоже такого мнения на этот счет. Но, разумеется, я такого никогда не утверждал в своих пропагандистских целях... Я говорил вот что: «Подумайте, христиане, над тем, что евреи заявляют о непорочном зачатии!»

И тут Штрейхер ехидным смешком воздал хвалу своей хитрой проницательности. Естественно, он снова затронул тему обрезания.

— Обрезание было поразительной, гениальной идеей в истории! Вы только представьте себе! И они при этом преследовали не только гигиенические и тому подобные цели, в этом можете быть уверены! Речь шла о сохранении расистского сознания! «Вы обязаны никогда не забывать, что вы — иудеи, дело которых зачинать иудеев-детей в чреве только иудеек!» Помните, что об обрезании говорил Гейне? Он говорил, что можно упразднить крещение, но не обрезание. Дьявольщина, не правда ли?

Больше четверти часа этих проповедей извращенца нормальному человеку не выдержать — их тема всегда одна: мировое еврейство и обрезание, служащие Штрейхеру для перенесения своего непотребства

на антисемитизм, придавая последнему откровенно порнографический характер, официализированный и канонизированный в единственной стране мира — в Германии.

Камера Франка. Медленно, но верно готовность Франка к страстному обвинению нацизма и признанию своей сопричастности тает на глазах, обнаруживая его прежнюю слабохарактерность, ту, что в свое время подтолкнула его к вступлению в нацистское движение.

— Я спрашиваю себя, — говорил он, словно размышляя вслух, когда наша беседа достигла точки непринужденности, — что именно требуется сейчас от меня? Выразить в своем последнем слове точку зрения остальных или же заклеить их позором, подтолкнуть к разверстой могиле? Не так-то просто дать на это ответ.

Я не скрывал своего изумления сомнениями Франка в виновности Гитлера и всей нацистской системы и том позоре, который по их милости переживает сейчас Германия, о чем он столько говорил. И привел ему его же высказывание после увиденного им фильма о зверствах нацистов.

— Нет, нет, этого я не забыл! — поспешил заверить меня Франк. — Поверьте, все это потрясло меня до глубины души! Такого мне ни за что не забыть! Но уйти нужно достойно. Разве могу я взять да предать своих товарищей? Не знаю. Нет, правда, я так легко поддаюсь чужому влиянию — так быстро реагирую на то, что происходит в моем окружении.

Угадав мои мысли, Франк добавил:

— Я заметил, что вы уже не беседуете с нами подолгу, а только наблюдаете. Это куда лучше. Все равно вы сделаете для себя выводы и так.

Все отчетливее проявлялось отсутствие цельности натуры Франка. Сначала он безоговорочно признает, что его конфессиональный переход по сути есть истероидная реакция, симптом сменяемого комплексом вины перебежчика, потом выясняется, что его отход от нацизма — не более, чем поза, способ лишний раз пролить бальзам на свое эго и систему ценностей. Я спросил у него, не повлияло ли как-то на его враждебность по отношению к Гитлеру примесь еврейской крови в нем. Но и на этот вопрос я внятного ответа получить так и не смог.

Камера Гесса. Повторный тест продемонстрировал сужение познавательных способностей и расстройство чувствительности, характерные для периода амнезии. Неспособность вспомнить события прошлого, припомнить уже виденные им карточки, а также заметное сужение диапазона памяти, проявившееся в неспособности к запоминанию цифр, указывали на вероятный спад. Это подтверждалось и его собственными высказываниями о неспособности сосредоточиться. В непринужденной беседе с Гессом обнаруживались провалы в памяти — он не помнил даже недавних событий, связанных с процессом. Так, он не помнил недавних показаний Бах-Зелевского, Олендорфа, Шелленберга, звучавшие на суде почти одновременно, о которых прекрасно помнили остальные обвиняемые. Показания Бах-Зелевского Гесс еще припоминал — они ассоциировались у него с бранью Геринга. Не забыл он и фильм о зверствах нацистов, виденный им незадолго до того, как к нему вернулась память и, несомненно, глубоко впечатливший его.

Вот так выглядели результаты тестирования по запоминанию числового ряда:

1 ноября — 5 по возрастанию, 4 по убыванию — всего 9.

1 декабря — 8 по возрастанию, 4 по убыванию — всего 12.

16 декабря — 8 по возрастанию, 7 по убыванию — всего 15.

20 декабря — 5 по возрастанию, 4 по убыванию — всего 9.

В конце сегодняшнего судебного заседания я сказал Гессу, что ему уже приходилось видеть эти карточки. Он был поражен и испуган этим.

— Что вы говорите! Действительно, показывали? — прошептал он. Я поспешил успокоить его, заверив, что и не ожидал, что он их непременно запомнит, поскольку они были показаны ему еще в период амнезии, что вовсе не обязательно, чтобы он запоминал такие мелочи. Гесс с энтузиазмом принял такое объяснение, заметив при этом:

— Сегодня и впрямь особенно дурной день. Я почти не могу заставить себя сосредоточиться поработать над подготовкой защиты. Думаю, это скоро пройдет.

— Вполне естественно, что связанный с процессом стресс ослабляет вашу способность сосредоточиться. Но не следует тревожиться по поводу кратковременных нарушений. И не следует преувеличивать их!

— Нет, преувеличивать их я, конечно, не буду! Если их преувеличивать, то мне никто не поверит, что это я сам приучил себя все забывать. Надеюсь, вечно так продолжаться не будет!

После этих слов Гесс снова привычно замкнулся в себе, приняв, однако, во внимание мои заверения, что я и впредь буду помогать ему тренировать память.

22 января. Американская пресса

Обеденный перерыв. И снова за столом Геринга главной темой стали пропаганда и власть прессы. И Геринг, и Розенберг придерживались мнения, что нет такого американца, который бы не трепетал от страха при упоминании о всемогущей прессе. Розенберг выразил свое сочувствие «бедняге Херсту»:

— Стоило ему только поместить у себя парочку моих статей и снимок, где мы вместе с ним, как вся его газетная империя чуть было не рухнула — как следствие бойкотов и угроз!

Я обратил его внимание на то, что этот факт как раз говорит в пользу того, насколько сильно общественное мнение Америки способно повлиять на прессу, и наоборот, и что это неоспоримое свидетельство тому, как претят американцам любые попытки нацистов заявить о себе. Геринг выступил с нападка на бульварные, антисемитские журнальчики Америки, на что я заметил, что ни один из них не пал так низко, как пресловутый «Штюрмер». Геринг не знал, что возразить, поскольку в его планы явно не входило обелять Штрейхера.

Послеобеденное заседание.

Господин Гертофер перечислил длинный и детальный список предъявленных Германии претензий — свидетельств экономической эксплуатации Франции в период оккупации, следствием которого стал голод и крушение страны. «Это, — заявил господин Гертофер, — живое применение теорий, получивших свое развитие в «Майн кампф», суть которых заключалась в порабощении, а следствием — физическое уничтожение населения оккупированных и захваченных

территорий... Геринг заявил тогда: *Пусть кто угодно голодает, но только не Германия

26–27 января. Тюрьма. Выходные дни

Камера Папена.

— Сегодня я во время прогулки на тюремном дворе случайно оказался вместе с Розенбергом. Обычно я с ним не разговариваю, поскольку у меня с ним не может быть ничего общего, но тут пришлось. В разговоре мы затронули тему представленных вчера французами доказательств — пыток и других ужасов. И он мне невинно заявляет: «Просто понять не могу, что заставило немцев творить такое!» И, знаете, что я ему на это ответил? «Зато я прекрасно понимаю! Вы своей нацистской философией, своим язычеством и нападка на церковь и мораль разрушили все этические масштабы! Неудивительно, что это выродилось в такое варварство!»

Камера Риббентропа. Я представил Риббентропу нового судебного эксперта-психолога, майора Гольдензона. Первым делом Риббентроп принялся расспрашивать майора о его послужном списке, потом постепенно перешел к изложению своего невнятного, неустойчивого и путаного отношения к Гитлеру.

Риббентроп поведал, как после того как разразилась Первая мировая война, ему пришлось возвращаться в Германию из Канады в угольном контейнере парохода, как он стал офицером, как после войны женился на наследнице производителя шампанских вин. Ностальгическую грусть бывшего министра иностранных дел Германии вызывали воспоминания о том, как некогда ему пришлось вращаться в космополитических светских кругах, весной встречавшихся в Париже, зиму проводивших в Санкт-Морице, а лето — на французской Ривьере или в Биарритце. Лишь в 1932 году его захватила политика — тогда в связи с инфляцией и безработицей деловая жизнь практически замерла. Он привел и свои другие мотивы — кроме высокомерия, тщеславия и карьеризма. Дело в том, что благодаря Гитлеру Риббентроп мог и дальше заниматься торговлей

алкогольными напитками даже будучи политиканом, после того как он представил себя Гитлеру как сторонник «разумного капитализма».

В последний раз Риббентроп видел Гитлера 23 апреля 1945 года. Когда я спросил его, не заметил ли он каких-либо внешних признаков того, что Гитлер готовился покончить жизнь самоубийством, Риббентроп ответил, что уже тогда он был почти уверен, что Гитлер намеревается умереть в Берлине.

— Нет, напрямую ничего такого заявлено не было, но это было ясно каждому. Впервые он вслух высказал возможность поражения. Еще за полтора месяца до этого он утверждал, что «мы хоть с незначительным перевесом, но победим». До этого он ни единым словом не давал понять, что мы можем проиграть эту войну. Но в этот раз мне было позволено спросить, как мне быть в случае капитуляции. Он ответил, что я должен предпринять попытку «не ссориться с Англией». Ссориться с Англией он никогда не хотел.

Гитлер для Риббентропа по-прежнему оставался загадкой, и свою растерянность и непонимание (растерянность и непонимание разочаровавшегося оппортуниста, который не в состоянии ни логически оценить свое положение, ни осознать свою вину) он выразил крайне бездарно: «Я не могу этого понять. Знаете, он же был вегетарианцем. Поедание животных вызывало у него отвращение, и всех, кто ел мясо, называл трупоедами. Я даже вынужден был скрывать от него, что иногда люблю побродить с ружьишком в лесу. Такое он никогда бы не одобрил. Ну как такой человек мог отдать приказ на проведение массовых убийств?»

По мнению Риббентропа, перед самым концом Гитлер окончательно заикнулся на своих идеях. Один его глаз после покушения плохо видел, и он слегка косил. В последние годы его лицо и руки отличала мертвенная бледность, временами казалось, что в нем ни капли крови не осталось. Его донимала бессонница, и жил он лишь на уколах, которые ему делал доктор Морель.

Объясняя причины того, что он не решался перечить Гитлеру, Риббентроп в качестве примера привел эпизод 1940 года, когда он стал объектом безудержной ярости фюрера.

— Знаете, я пережил нечто странное, когда в 1940 году отважился возразить Гитлеру. С тех пор я уже не мог решиться ни на какие возражения. Я уже и не припомню, что так возмутило его, по-

видимому, какая-то мелочь. Я тогда отчаянно возражал ему и грозил отставкой. Он покраснел, как рак, и взревел на меня, а после у него случился приступ. Он, пошатываясь, сидел в своем кресле и повторял мне: «Вот видите, до чего вы меня довели! Вы меня до безумия довели! У меня сейчас такой звон в ушах, мне так нехорошо! А если сейчас со мной случится удар? Вы что же, хотите погубить Германию? Я единственный, кто может сейчас в эти опасные времена вести Германию, а вы стремитесь погубить ее, когда доводите меня до такого состояния!» И я пообещал ему никогда впредь не возражать ему и не грозить отставкой.

Камера Гесса. Гесс до сих пор апатичен, замкнут и несколько загадочен... Что до процесса, заявил он, то он не очень внимательно слушал, потому что французы так много говорили и так часто повторяли одно и то же. Он признал, что помнит не все, но другие сказали, что почти все было повторением уже известного. Гесс, по его словам, до сих пор не разобрался, что же послужило причиной этих позорных деяний. Из его поведения я заключил, что его нынешняя отстраненность и отдельные признаки несомненно подлинной амнезии отчасти вызваны крушением его идеологии, служившей опорой его эго. Это и обусловило постановку Гесса перед неприемлемым для него выбором — либо взять на себя часть вины нацистов, либо полностью покориться фюреру. Вероятно, он и впредь будет истерически бежать от действительности, что чревато труднопредсказуемыми функциональными расстройствами (либо амнезия, либо паранойя, либо и то, и другое одновременно).

2 февраля. «Верховный вдохновитель борьбы против коммунистов»

Камера Геринга. Мы с Гольдензоном посетили его сразу же после обеда. Геринг был по своему обыкновению многословен и не знал удержу. Теперь, когда французы завершили предъявление обвинения, он ожидал, что будет выдвинуто русскими, которые — как он ожидал — в особенности негативно настроены против него.

Геринг не сомневался, что русским есть за что ополчиться на него — ведь он был и остается ярым противником большевизма.

— О, что до этого, Розенберг оспорит этот титул, — попытался не согласиться я. Но Геринг упорно стоял на том, что именно ему принадлежит репутация «верховного вдохновителя борьбы против коммунистов», поскольку он подкреплял его делами, не ограничиваясь пустыми словами. Он понимал и то, что многое наделал из того, чего русские ему ни за что не простят. С явным удовольствием Геринг ударился в воспоминания о том, как он сразу же после захвата власти Гитлером начал преследования коммунистов.

— Да я, будучи главой прусской полиции, тысячами их заперал под замок! Именно для коммунистов и были задуманы концлагеря — там их можно было держать под контролем. Я перехватывал денежки, которые они отсюда перегоняли испанским лоялистам, а потом не позволил им отправить морем оружие в Барселону — вот так-то! Такого мне они никогда не простят!

И будто мальчишка, подложивший кнопки на стул учителю, залился злорадным смехом.

— Они уже и деньги за оружие для испанских лоялистов перевели в нейтральную страну. Но у меня были доверенные лица среди портовых грузчиков, так что я отправил в Испанию черепицу, а поверх ее положил чуточку оружия. Ха-ха! Этого они мне не простят!

Громкий смех Геринга эхом отдавался от голых стен камеры. Я ничего не стал больше говорить, да и подходило время идти на службу в часовню. Когда мы уходили из его камеры, я высказался, что, мол, не хочу мешать ему молиться. Геринг снова расхохотался и удостоил меня полного сарказма ответа:

— Молиться! К чертям! Это только предлог, чтобы хоть на полчаса покинуть эти проклятые стены.

После службы я заметил, что в камеру Геринга направился капеллан Тереке, этот человек не оставлял попыток пробудить в Геринге чувство раскаяния. (Как он позже рассказал мне, Геринг признался ему, что просто не в состоянии усвоить все эти религиозные учения, и надеется лишь на то, что у его супруги хватит мужества убить себя и их ребенка, чтобы не жить этой постылой жизнью.)

7 февраля. «Миф крови». Полет Гесса в Англию

Утреннее заседание.

Господин Мунье завершил обвинение от Франции резюме, посвященным роли, которую Розенберг сыграл в нацистском заговоре. Мунье подверг критике «псевдонаучные, путанные термины, посредством которых психологические особенности человека смешивались с понятием нации, это неоязычество, претендовавшее упразднить нравственные законы справедливости и любви к ближнему, в течение двух тысячелетий проповедуемые христианством, этот миф крови» пытающийся оправдать расовые различия и их последствия — порабощение, ограбление, нанесение увечий живым людям... Я не собираюсь увязать в этой бессмыслице, хвастливо претендующей на звание философии, ибо мировоззрение Розенберга вполне адекватно отразилось в его делах, включая разграбление культурных ценностей Ротшильдов во Франции».

Далее господин Мунье ознакомил суд с тем, какую роль сыграли Заукель и Шпеер в насильственном угоне французов на принудительные работы, он говорил о разграблении Герингом французских собраний предметов искусства, о его отказе не допустить расстрелов взятых в плен летчиков союзных держав, в то время как его люфтваффе получили санкцию на проведение экспериментов с человеческим мозгом.

Обеденный перерыв. Фриче и Шпеер заявили, что разграбление культурных ценностей в глазах немцев является уничтожающим обвинением.

— Пока что речь на заходила о самом главном, — заявил Фриче, — о том, что он *продавал* эти предметы искусства! Но этот француз, который выступал с обвинением, отлично знает свое дело — факты бьют куда сильнее оскорблений! У него хватило ума предоставить изобретение терминов судьям.

— Вы видите, — добавил Шпеер, — о каком едином фронте в поддержку линии этого человека может идти речь, когда этот человек запятнал себя такими деяниями?

Закончив прием пищи, ко мне подошел Геринг. Я в тот момент зачитывал несколько обвиняемым вслух выдержки из газеты. Геринг заглянул мне через плечо. И тут же начал рассказывать шуточные истории, свидетельствующие о его непочтительном отношении к психиатрам. Остальные обвиняемые отошли, чтобы у меня не создалось впечатления, что и они разделяют специфический юмор Геринга. А Геринг проявил повышенный интерес к новостям.

Послеобеденное заседание.

Мистер Гриффит-Джоунс (Великобритания) предъявил обвинение Гессу. Именно Гессу, и никому другому, Гитлер продиктовал свой «Майн кампф» во время своего пребывания в 1924 году в ландсбергской тюрьме. Впоследствии Гесс занял должность заместителя фюрера — одну из самых влиятельных в Рейхе. Он подписывал распоряжения о преследовании евреев и церкви, поддерживал ремилитаризацию Германии, с помощью зарубежных филиалов создавал пятую колонну за границей, участвовал в разработке планов агрессивного нападения на Чехию и Польшу. 10 мая 1941 года он вылетел в Англию для заключения мира на условиях нацистов. «В качестве причины (этого визита) он привел... то, что ему претила мысль о затяжной войне, что Англии войны не выиграть, что лучше сейчас заключить мир. Гесс утверждал, что у фюрера нет намерений нападать на Англию, что он не рвался и к мировому господству, и что крушение Британской империи он воспринял бы с великим сожалением». Гесс стремился обеспечить британцам благоприятный выход из войны при условии, что у Германии были развязаны руки в Европе и против России, но за это они непременно должны отправить в отставку Черчилля.

Остальных обвиняемых этот наивно-высокомерный жест Гесса, имевший целью навязать на подобных условиях мир, или развеселил, или устыдил. Во время допроса Гесса Геринг неоднократно задавал ему вопросы, среди прочего поинтересовавшись, на самом ли деле тот говорил все это. Гесс утвердительно кивнул.

После завершения допроса Гесса Геринг уже не смог сдерживать свое возмущение тем, что Гесс позволил себе совать нос в дела дипломатов. Он ядовито выразил свое признание его заслуг и поздравил за его продиктованный честностью шаг. После того как обвиняемых отправили на лифте на первый этаж, остальные обвиняемые высказали свое мнение. Папен, Нейрат, Фриче, Шахт и Функ размахивали руками — так возмутила их «эта глупость... эта детская наивность... И его Гитлер называл политическим фюрером Германии...»

Все, кроме Шахта, верили, что не Гитлер отправил Гесса с этой миссией в Англию и что этот театральный и безответственный поступок был от начала и до конца инициативой самого Гесса. Фриче упомянул тогда высказывание Удета о том, что машину «Me-110» вообще нельзя было посадить при таких условиях в Англии, и что Гесс, скорее всего, шлепнулся в воды Ла-Манша.

— Да, — сухо заметил Функ, — безумных, пьяниц и тупиц благосклонно охраняет Господь!

К какой именно группе относился Гесс, он, однако, уточнять не стал.

— Но если уж говорить серьезно, ничего смешного в этом нет — это позор! Лишнее доказательство того, какие безответственные люди стояли во главе Германии. Есть точка, когда смешное перестает быть таковым, становясь позором.

Тюрьма. Вечер

Камера Папена. Папен вновь повторил свои слова о неумном жесте Гесса, решившегося на эту миссию, и едко высмеял подобную «дипломатию». Как и Геринг, Папен клялся, что сумел бы в мгновение ока установить контакт с англичанами через нейтральную державу, если бы действительно имелся предмет переговоров. Если суммировать мнение Папена, то оно свелось к следующему — куда не отваживаются ангелы, туда лезут дурни. Это относилось к дурню по фамилии Риббентроп.

Советское обвинение

8 февраля. Вступительное слово

Геринг выглядел чрезвычайно подавленным после того, как я проинформировал его, что сегодня впервые за несколько недель зал судебных заседаний переполнен, что, скорее всего, вызвано предстоящим вступительным словом советского главного обвинителя генерала Руденко.

— Да, уж всем не терпится увидеть спектакль, — презрительно ответил Геринг. — Вот увидите, лет через 15 этот процесс объявят позорным!

Утреннее заседание.

Генерал Руденко приступил к зачитанию обвинительного заключения советской делегации, начав со страстного осуждения фашистских агрессоров: «Подсудимые знали, что циничное глумление над законами и обычаями войны является тягчайшим преступлением, знали, но надеялись, что тотальная война, обеспечив победу, принесет безнаказанность. Победа не пришла по стопам злодеяний. Пришла полная безоговорочная капитуляция Германии. Пришел час сурового ответа за все совершенные злодеяния...

Когда цветущие области превращались в зоны пустыни и кровью казненных пропитывалась земля, то это было делом их рук, их организации, их подстрекательства, их руководства. И от того, что в эти злодеяния были вовлечены массы немцев, что прежде чем натравливать своры собак и палачей на миллионы невинных, подсудимые годами отравляли совесть и разум целого поколения немцев, воспитывая в них чванство «избранных», мораль людоедов и алчность грабителей, стала ли вина гитлеровских заговорщиков слабее или меньше?...

Целью преступного заговора являлось установление разбойничьего «нового порядка» в Европе. Этот «новый

порядок» представлял собою террористический режим, при помощи которого в захваченных гитлеровцами странах были уничтожены все демократические учреждения и гражданские права населения, а самые эти страны хищнически эксплуатировались и подвергались разграблению. Население этих стран, и в первую очередь славянских стран, особенно русские, украинцы, белоруссы, поляки, чехи, сербы, словены, евреи, подвергались беспощадным преследованиям и массовому физическому уничтожению.

Осуществить эти планы заговорщикам не удалось. Мужественная борьба народов демократических стран во главе с коалицией трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — привела к освобождению европейских стран от гитлеровского гнета. Победа советских армий и армий союзников разрушила преступные планы фашистских заговорщиков и освободила народы Европы от страшной угрозы господства гитлеризма...»

Обеденный перерыв. Когда стал выступать Руденко, Геринг и Гесс демонстративно сняли наушники, заявив таким образом, что эту речь и слушать не стоит. Когда я спросил у Геринга, почему он отказался слушать, Геринг ответил, что заранее знал, что скажут русские; тем не менее его поразило упоминание Польши. Эту часть выступления советского обвинителя Геринг успел услышать — генерал Руденко перечислил страны, подвергшиеся агрессивному нападению Германии.

— Вот уж не думал, что они настолько бессовестны, еще и Польшу сюда приплетать, — комментировал он.

— Отчего это кажется вам бессовестным? — спросил я.

— Да потому что они вслед за нами сами напали на них. Все было заранее оговорено!

На тот же вопрос Гесс ответил, что даже не считал необходимым слушать, как какие-то иностранцы порочат его страну. (Весьма примечательный для амнезии повтор — он уже заявлял подобное на второй день слушаний.) Я обратил внимание Гесса, что, несмотря на свое несогласие с обвинением, ему все же не мешало бы прислушаться

к тому, что скажут русские — это непременно пригодится ему при подготовке своей же защиты.

— Ну, это касается только меня, — отпарировал он.

Покончив с обедом, Геринг снова принялся рассуждать о бесстыдстве русских, приводя доказательства нарушений ими прав человека.

— Хотелось бы знать, хватит ли у них смелости опубликовать это в своей печати, — сказал он, обращаясь к Фриче.

— Нет, такое они вряд ли у себя станут публиковать!

— Нет, правда, я думал, меня хватит удар, когда речь зашла о Польше, — рассмеялся Ширах.

Я присоединился к общей беседе, и Фриче сообщил, что русские привели один факт, о котором он и понятия не имел — о лагерях смерти за немецкой линией фронта, где тела расстрелянных русских женщин и детей просто сваливали в какую-то яму. Геринг принялся энергично возражать, мол, сейчас русские все жуткие преступления, в том числе и те, которые они совершили сами, норовят свалить на немцев.

— Тяжеловато вам придется доказывать, что русские решились на убийство своих же соотечественников исключительно ради того, чтобы потом обвинить в этом вас, — возразил я.

— Откуда вам известно, что мне тяжело доказать, а что легко? — ядовито спросил Геринг.

И тут от Геринга потребовал пояснений и Фриче.

— А то, что я сам видел официальные отчеты и фотографии! — рявкнул Геринг в ответ.

— И где же они? — допытывался Фриче.

— В Женеве! — Геринг, чувствуя, что загнан в угол, свирепел все больше.

— Так этот женевский отчет — совсем другое дело, — откликнулся Фриче, будто Геринг и сам этого не знал.

Взбешенный Геринг направо и налево стал раздавать угрозы и проклятья.

На выручку бывшему рейхсмаршалу подоспел Розенберг:

— Все, что они тут наговорили о зверствах нацистов, в той же мере относится и к коммунистам.

Тем временем Геринг, чуть унявшись, снова пошел в атаку.

— Хорошо, хорошо, пусть — земля круглая, она вертится, как я уже много раз говорил. Но в один прекрасный день роли поменяются!

Я высказал мнение, что пока что ни о каком подъеме Германии речи быть не может, что теперь главная забота — сохранить мир и отстроить все то, что по милости Гитлера было обращено в руины. Так что лучше перестать грезить о мировом господстве!

— Что вы имеете в виду? — насторожился Геринг.

— Я имею в виду, что для Германии эра мировой державы и агрессивный миновала.

— Надеюсь, вам этого не дожидаться, — с угрозой отпарировал он.

Вмешался Фриче:

— Нет, мне тоже кажется, что сильная Германия исчезла навеки. Мало того, я бы никому сейчас не советовал снова подбивать немецкий народ на созидание мировой державы!

Ширах робко согласился.

— Но так уж вышло, что я — патриот! — с вызовом отвечивал Геринг.

— Думаю, что и во мне отыщутся патриотические чувства, а вместе с ними — и сострадание к немецкому народу, — отчеканил Фриче. — Именно поэтому я и не желаю, чтобы когда-нибудь мой народ снова втянули в очередную опаснейшую авантюру!

Ширах кивнул.

— Ха! Трусихи вы! Что вы знаете о патриотизме? *Трусые*, вот вы кто! Тьфу!

Геринг, высказав напоследок, что о них думает, умолк. И тут подошло время возвращаться в зал заседаний. Проходя мимо меня, Геринг на прощание бросил:

— А я все же верю, что немецкий народ снова поднимется!

Послеобеденное заседание. Геринг снова напустил на себя скучающий вид, когда Советы продолжили представление доказательств развязывания Германией агрессивной войны и других ее позорных деяний.

Генерал Руденко:

Вместе с главными обвинителями Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции я обвиняю подсудимых в том, что они подготовили и осуществили

вероломное нападение на народы моей страны и все свободолюбивые народы.

Я обвиняю их в том, что, развязав мировую войну в нарушение основных начал международного права и ими заключенных договоров, они превратили войну в орудие массового истребления мирных граждан, в орудие грабежа, насилий и разбоя.

Я обвиняю подсудимых в том, что, объявив себя представителями ими измышленной расы господ, они всюду, куда проникала их власть, создавали режим произвола и тирании, режим, основанный на попрании элементарных основ человечности.

Теперь, когда в результате героической борьбы Красной Армии и союзных войск гитлеровская Германия сломлена и подавлена, мы не вправе забыть о понесенных жертвах, не вправе оставить без наказания виновников и организаторов чудовищных преступлений.

Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем — мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счет. Это — счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов. Пусть же свершится правосудие!

Тюрьма. Вечер

Камера Фриче. Вечером я заглянул к Фриче. В процессе разговора я упомянул о том, что Геринг пытается обвинить Рузвельта в развязывании войны Германией. К великому моему удивлению, Фриче сообщил, что говорил на эту тему с Герингом и Риббентропом. Я полюбопытствовал, каким образом они вышли на эту тему.

— Я единственно разъяснил, почему упомянул об этом в своей речи по радио. Конечно же, мне ничего не было известно о планах Гитлера начать агрессивную войну. Мне было лишь известно, что посланники Буллит и Биддл заверили другие страны в том, что им со стороны Америки будет оказана помощь.

— То есть вы имеете в виду, что Америка не останется в стороне и не будет взирать на то, как Гитлер перекраивает карту Европы на свой лад. Если бы Рузвельт отважился на такое, поверьте, это была бы еще одна, отчаянная попытка *предотвратить войну*. Боже праведный, да он все перепробовал — просьбы, увещевания, угрозы... Просто Гитлера было уже не удержать. Рузвельт должен был признать, что угроза применения силы — единственный доступный пониманию Гитлера язык. Всем ведь известны намерения Гитлера сначала заключать договоры, а потом денонсировать их, захватывая одно за другим малые государства Европы до тех пор, пока он уже не окреп настолько, чтобы напасть и на государства покрупнее.

— Теперь я это понимаю! Но тогда не понимал, не мог. Я считал, что Рузвельт угрожает Германии. Но Геринг, по-видимому, не так понял меня. Надо бы у него об этом спросить.

9–10 февраля. Тюрьма. Выходные дни

Камера Шираха. Готовности к покаянию, которую демонстрировал Ширах до начала процесса, пришел конец — с первых недель судебных заседаний он снова под влиянием Геринга. Слабохарактерность Шираха, его склонность к самолюбованию со всей отчетливостью проявились в том, как его возмущение фактом предательства Гитлером «гитлерюгенда» постепенно сходило на нет под натиском агрессивного цинизма, национализма Геринга, вставшего в позу романтического героя.

Все мои попытки изучить его реакцию на материал доказательств последних двух месяцев оказались тщетными — дальше невразумительных и изворотливых отговорок Ширах не шел. Его первоначальное намерение представить в письменном виде обвинение Гитлера в предательстве и передать мне после оглашения приговора так и остались благими пожеланиями, хотя мы с майором Келли чего только не предприняли, чтобы усадить Шираха за написание такого документа. Ширах принял навязанную ему Герингом роль мальчика на побегушках, в обязанности которого входило доносить «мнение партии» до бунтарей вроде Шпеера, что же касалось дискуссий,

обычно разговарившихся за обеденным столом Геринга, то Ширах в присутствии последнего и рта не раскрывал.

Арест членов его семьи в немалой мере способствовал тому, что Ширах неоправданно много внимания стал уделять «вине» союзников, что послужило идеальным предлогом позабыть о своей собственной и что всеми силами поощрялось Герингом. И после вчерашней перепалки, когда Геринг обвинил Фриче и Шираха в трусости и малодушии, я счел необходимым предпринять еще одну попытку разговорить Шираха.

Когда я оказался в его камере, Ширах, как обычно, предложил мне усестся в «кресло», подобие которого соорудил из одеял на своей тюремной койке, и с места в карьер заговорил об аресте своих родных. Он предъявил мне адресованное трибуналу письмо генерала Траскотта, явно написанное в ответ на мое ходатайство. В нем генерал привел причины ареста семьи Шираха. Сам Ширах вышеупомянутые причины всерьез принимать не собирался, пытаясь обвинить оккупационные власти союзников в якобы неуважительном отношении к немцам. Ознакомившись с содержанием письма, я заявил, что, по моему мнению, в нем не было ничего такого, что могло бы вызвать опасения Шираха, добавив, что подобные меры вполне оправдывать в первые послевоенные месяцы, тем более в период заседания трибунала, и что он и сам прекрасно понимает, что никто из членов его семьи не пострадает, тем паче не погибнет, как это имело бы место, начини союзники действовать методами гестапо.

По-видимому, взятый мною решительный тон привел Шираха в чувство. Он, бесспорно, не был склонен нещадно критиковать американцев, как критиковал русских. (Я посоветовал ему лучше прислушиваться к тому, о чем говорилось на процессе — тогда ему, вероятно, стала бы понятнее, откуда взялась пресловутая «бесцеремонность» русских.) Ширах явно не одобрял агрессии против России и никогда не придерживался мнения Геринга о неизбежности войны с ней. Они лишь считал, что нападению Германии на Польшу предшествовал некий тайный сговор лидеров Советской России и Германии, целью которого был раздел этой страны. Ширах критиковал Риббентропа за его двуличие — сначала договор о ненападении с Россией, а потом война с ней. Так темой разговора стал Риббентроп.

— Я недавно сказал ему, — продолжал Ширах, — что сейчас не желаю с ним спорить и что всегда был против проводимой им внешней политики, не согласен с ней и сейчас. Я заявил ему: «Если вы всегда выступали за взаимное согласие с Россией, то как вы могли поддерживать агрессивную политику по отношению к ней?» Он ответил, что, дескать, Гитлер опасался, что русские нападут на нас.

— Мне кажется, Риббентроп был соглашателем, законченным оппортунистом, готовым выполнить любую прихоть Гитлера.

— Ну, такого в тот период о нем сказать было нельзя. Он всегда был надут, как индюк, — эти бесконечные напыщенные речи о *его* внешней политике, *его* умном и дальновидном руководстве государством, о его (и Гитлера) заслугах в деле превращения Германии в великую державу. А теперь он утверждает, что ни за что не несет никакой ответственности. Он, дескать, всего лишь выполнял волю фюрера, его приказы и распоряжения. Не сомневаюсь, что в частных беседах с Гитлером Риббентроп получал от него распоряжения, а потом с гордым видом выдавал их за свои собственные блестящие внешнеполитические инициативы. Я никогда не был о нем высокого мнения, но спрашиваю себя, не был ли я к нему несправедлив, когда он успешно протасил этот договор с Россией о ненападении.

Странно и непонятно, как он вообще попал в дипломаты. Никто никогда о нем и слыхом не слыхал, и вдруг он становится важной персоной в министерстве иностранных дел — буквально в один день. Когда он стал вести переговоры с представителями зарубежных стран, я попытался навести о нем справки, разузнать, кто он такой. Мне было сказано: «Это Риббентроп, очень важная птица!» Но кто такой Риббентроп? Кто это? Каким образом оказался здесь? Чьим влиянием заручился? Все это оставалось тайной. Единственно, что мне удалось узнать, так это то, что он в свое время предоставил свои мюнхенские апартаменты для ведения переговоров с кем-то из-за рубежа, вероятно, это и обеспечило ему столь стремительную дипломатическую карьеру.

— Но он ведь не из дворянского сословия, как я понимаю? — задал вопрос я. — По-моему, с этим его «фон» дело темное.

Ширах недобро усмехнулся.

— Ну, разумеется. Темнее некуда! Мы всегда язвили по этому поводу.

Ухватившись за это, я высказал мнение, что и мне эта его бесконечная похвальба своими связями в якобы весьма высоких сферах и в самых что ни на есть аристократических кругах запада Европы особого доверия не внушала.

Теперь на лице Шираха было искреннее восхищение:

— Стало быть, и вы раскусили Риббентропа, как пустышку! Да, да, он действительно фальшивый дворянин, так и есть. После первой мировой войны он позаимствовал от каких-то там своих сверхдальних родственников звучную приставку «фон». Это были даже и не родственники, а вовсе тезки. А его отец был обыкновенным подполковником Риббентропом. Когда кто-то однажды обратился к нему «фон Риббентроп», он тут же отрезал — «Моя фамилия Риббентроп». Не желал потворствовать сынку, когда тот решил податься в дворяне. Поэтому мне и было любопытно узнать, кто он есть и из какого рода происходит — мы ведь всегда все друг о друге знали, даже полки, в которых довелось служить нашим родителям, и так далее. Я все разузнал, но в открытую мы об этом, естественно, не говорили, в общем-то, особого криминала в этом не было, к тому же сам Гитлер выдвинул его, хотя всем нам было ясно, что он — грубо говоря, приبلуда. Общим достоянием это, впрочем, не стало. Но вы-то сами эту нестыковку все же узрели, верно? Очень забавная история!

История, без сомнения, забавная. Тем более что и Ширах — тоже «фон». Сомнений нет, у Шираха не мог не вызывать неприязни чванливый выскочка Риббентроп, но источником ее была отнюдь не проводимая им агрессивная политика. Невзирая на то что Ширах при любом удобном и неудобном случае хвастался тем, что, дескать, всегда стремился ликвидировать классовые различия в среде германской молодежи, все же осознание своей принадлежности к представителям «голубой крови» проливало бальзам на душу — самим происхождением он был призван повелевать. Но, будучи по своему характеру человеком пассивным, Ширах нуждался в лидере, которому мог бы поклоняться и с которым мог бы себя идентифицировать. Таковой отыскан в лице Гитлера. А юнкерско-офицерская ментальность Геринга служила довеском к Гитлеру, аристократов типа Шираха всегда тянуло к подобного рода субъектам. Неудивительно* что когда на процессе были получены неоспоримые доказательства предательского отношения к нему со стороны Гитлера, готовность

Шираха отмежеваться от своего фюрера куда в большей степени определялась сиюминутным влиянием на него конкретных лиц, нежели собственными моральными установками.

Я поднялся, собираясь уходить. И что весьма примечательно, на прощание Ширах стал уговаривать меня никому не рассказывать того, что мне довелось узнать от него о Риббентропе.

Камера Шпеера. Я показал Шпееру книгу о Шпеере — фюрере всех архитекторов фюрера. Это вызвало дискуссию о вкусах Гитлера и его архитектурных проектах грядущего. Как и о его роли в разрушении наследия прошлого. Шпеер подтвердил мнение врача Гитлера, доктора Брандта, о том, что, мол, архитектурные планы возведения грандиозных зданий восходят к временам пивного путча. Он сравнивал вкус Гитлера со вкусами Наполеона. У того они пережили несколько стадий — якобинскую, времен Директории, времен Империи (стиль «ампир») (*фр. empire* — империя. — *Примеч. перев*)... Стиль «ампир» переживал свой пик как раз в период падения наполеоновской империи — все эти вычурные украшения, завитушки. «Ампир» был и оставался любимым стилем Гитлера, но Шпееру в первые годы еще как-то удавалось умерить его вычурность, поскольку сам он тяготел к строгости классических форм. Но по мере стремления Гитлера к ставшему для него губительным могуществу самоуверенная претенциозность и помпезность в его вкусах приобретали все большую значимость. То, что этот архитектурный стиль стал насаждаться после падения Франции, лишнее тому доказательство. Я высказал мысль о том, что если страсть к вычурности и обилию декоративных элементов может в какой-то степени свидетельствовать о разрушительном тщеславии, которым всегда был одержим Гитлер, то можно констатировать, что его архитектурные пристрастия на протяжении жизни не изменились. Шпеер со мной согласился.

Листая книгу, рассматривая фотографии Имперской канцелярии, улиц Берлина, проект циклопического амфитеатра, который по замыслу творца должен был затмить афинский, мосты развязок автобанов, стадион в Нюрнберге и другие завершенные и незавершенные постройки, в том числе и те, которым уже было не суждено завершиться, Шпеер горестно вздохнул.

— И все же как жаль, что многое из этого превратилось в руины!

Я разделял его чувства.

— За этой манией Гитлера к архитектурным проектам, в которой он стремился убедить всех и каждого, скрывалась мания разрушителя, проявившаяся в его стремлении разрушить все, что было создано до него.

— И это еще не все! — Было видно, что Шпеер старается подавить горечь. — В конце концов, он разрушил не только то, что возводилось по его воле, но и очень многое из того, что ценой таких усилий было построено в Германии за последние 800 лет!

— А когда вы впервые поняли, что имеете дело с демоном-разрушителем?

— После неудавшегося наступления Рушптедта в декабре 1944 года. Я тогда сказал ему, что нужно прекратить сопротивление. Знаете, я ведь довольно долго старался подавить в себе сомнения. Я из кожи вон лез, чтобы давать фронту все необходимое. В конце концов, мне было сказано, что, мол, наступление Рунштедта — наша последняя попытка добиться коренного перелома. Я, разумеется, усомнился в ее успехе, но про себя подумал: «Ладно, я со своей стороны готов предпринять все, чтобы выжать из нашей промышленности максимум возможного, чтобы поддержать эту инициативу. И если наступление провалится, мы хотя бы заполучим возможность покончить с этим раз и навсегда». И когда оно действительно провалилось и в январе я сказал ему, что, мол, дальше все наши потуги бессмысленны, Гитлер заявил мне, что невзирая ни на что мы будем бороться. И тут я понял, что он готов на все, даже на полное уничтожение немецкой нации, но не на добровольный отказ от власти. Конец этой истории вам известен.

Я показал Шпееру несколько снимков, красивых пейзажей в районе Гармиш-Партенкирхена. Германия до Гитлера! И для контраста — ряды немецких пленных, развалины Мюнхена, других городов, взорванные мосты, трупы зверски убитых узников Дахау — зримое свидетельство уничтоженной культуры и попранной национальной гордости. Разглядывая эти снимки, Шпеер мрачнел.

В конце концов он с размаху хлопнул по койке и в приливе чувств (что с ним случалось нечасто) воскликнул:

— В один прекрасный день я освобожу себя от всего этого и выскажу то, что *я думаю*. И буду предельно откровенен! Просто, знаете, хочется сесть и черным по белому выразить свое последнее

проклятье всему этому нацистскому безобразию, со всеми фамилиями, со всеми деталями, чтобы немецкий народ раз и навсегда уяснил себе, на какой коррупции, подхалимаже и безумии стояла вся эта система! Я никому спуска не дам, и себе в том числе! Мы все виноваты! Я тоже не замечал этой плохо скрытой правды!

Я поинтересовался, не хочет ли он кратко изложить то, о чем собирается писать. Однако Шпеер заявил, что пока что не совсем готов, вот завершится этот процесс, тогда он почувствует себя свободнее.

Камера Франка. Франк по-прежнему нерешителен, ему самому пока что не ясно, как относиться к Герингу.

— Не знаю даже, что думать о Геринге. Иногда чувствуешь, что в нем есть что-то от гипнотизера — нет, правда! Но как он мог в военное время красть эти произведения искусства, когда народ был в таком отчаянном положении?! Вот этого мне никак не понять!

Мы поговорили об эгоизме и себялюбии некоторых нацистских бонз. Я начал приводить цитату из «Фауста» Гете: «В груди моей как бы две души!..» Он закончил за меня этот отрывок и тут же углубился в свою излюбленную тему раздвоения личности; ударившись в эти высокопарные рассуждения, Франк вещал больше для себя:

— Но не забывайте, Мефистофель, он в случае чего тут как тут. Он скажет тебе: «Взгляни! Мир так велик и полон таких соблазнов! Я покажу тебе его! А ты мне за это дашь самую малость — свою душу!»

Чувство меры мало-помалу изменяло Франку, он усиливал речь соответствующей жестикуляцией — раскидывал руки в стороны, совсем как тот мифологический ростовщик, желающий предложить тебе всю неисчерпаемость и загадочность мира в обмен на сущую безделицу — твою душу.

— Так это и было — Гитлер был дьяволом. Он всех нас сбил с пути.

Эта сценка со сбиванием с пути истинного, по-видимому, затронула нечто глубинное в психике Франка, она не покидала его, и он постоянно на нее ссылаясь.

— Знаете, народ в действительности женственен. В совокупности он — женщина. Он настолько падок на чувства, настолько непостоянен, настолько зависим от отношения к нему, от окружения,

настолько легко поддается внушению. Он поклоняется силе, как идолу, вот в чем дело!

Самое удивительное, что для описания народа Франк использовал те же выражения, которыми во время нашей прошлой беседы описывал самого себя.

— И он так жаждет подчинения! — Я пояснил, что Франк рассуждал, имея в виду немецкий народ.

— Да, да! Но не только покорность... Желание и готовность отдаться, как у женщины, вы меня понимаете? Разве это не удивительно?

И тут же разразился внезапным приступом хохота, будто уразумев соль похабного анекдота. Это сравнение могло быть истолковано лишь однозначно.

— В этом и состояла загадка могущества Гитлера. Он встал, сжал кулаки и завопил: «Я — мужчина!» И взревел от сознания своей силы и решимости. И обуреваемое истерическим восторгом большинство тут же легло под него. Нельзя утверждать, что Гитлер *изнасиловал* немецкий народ — нет, он *совратил* его! Он следовал за Гитлером с безумной радостью, такой, какой вам еще и видеть не приходилось! Жаль, доктор, что вам не выпало пожить здесь в те горячечные денечки. Тогда вы куда лучше представляли бы себе все то, что на нас нашло. Это было безумие, сумасшествие — как пьяный угар!

Позже, наговорившись вдоволь о «злом Франке», он вернулся к теме своих дневников.

— Я передал эти дневники для того, чтобы раз и навсегда покончить с тем, другим Франком. Три дня после самоубийства Гитлера стали для меня решающими — это был поворотный пункт в моей жизни. Сначала он увлек нас за собой, взбаламутил весь остальной мир, а потом просто исчез — оставил нас расхлебывать нашу горе, отвечать за все, что происходило. Можно ли вот так взять да исчезнуть без следа? В такие моменты начинаешь понимать, что ты — песчинка. Одна из «бацилл планеты» — как именовал Гитлер человечество.

Это была самая содержательная и показательная беседа из всех, что мне пришлось вести с Франком. Невольно он раскрыл свою глубоко упрятанную гомосексуальность, которая наряду со слепым тщеславием и полнейшей беспринципностью понудила его примкнуть

к фюреру и в атмосфере всеобщего психоза, поставившего с ног на голову все правовые и общечеловеческие ценности, идентифицировать себя с ним. Подобно злему демону, который в поисках оправдания своего существования погряз в разрушительных, непотребных и кровавых оргиях, он дистанцировался от невыносимого портрета своего эго, сбежал в религиозный экстаз и отделил себя от мира и от некогда совратившего его, недоброго идола. Правда, оставив дневники, записи — полное уничтожение и забвение своего эго стали бы для Франка непомерным грузом; факт представления доказательств своей собственной виновности ублажил и его мазохизм.

11 февраля. Генерал-фельдмаршал фон Паулюс

Обеденный перерыв. За обедом я принес обвиняемым газеты. Пробежав глазами заголовок в «Нюрнбергер цайтунг» — «Гесс вылетел в Англию по приказу Гитлера», — Йодль взвился:

— Это подлая ложь! Да мне в жизни не приходилось никого видеть в таком бешенстве, в какое тогда пришел Гитлер, когда узнал о том, что Гесс в Англии. Он бушевал так, что на него впору было смирительную рубашку натянуть.

— Почему?

— Потому, что испугался итальянцев. Что скажут итальянцы? Они подумают, что мы за их спиной ведем тайные переговоры с англичанами о заключении мира, а их бросаем. Он просто исходил злобой.

После этого Йодль и Кейтель заговорили о назначенном на вторую половину дня заслушивании свидетельских показаний Паулюса.

— Конечно, теперь эти генералы говорят только ради спасения собственной шкуры, — высказался Йодль.

— Вы полагаете, их заставили давать показания?

— Не думаю. Но они поняли, что им никогда не вернуться в Германию, независимо от того, кто победил в этой войне, и что им нужно серьезно задуматься о том, как бы не разозлить русских.

— Но разве Паулюс не видел, что Гитлер ведет Германию к окончательной катастрофе? Вероятно, поэтому он счел возможным освободить себя от присяги на верность фюреру.

Кейтель взорвался.

— Тогда ему следовало высказать эту точку зрения *до своего пленения!* Тогда не надо было принимать Железный крест! Звание генерал-полковника, а йотом и фельдмаршала! Мечи к Кресту и другие награды! Не надо было посылать к Гитлеру своих мальчиков на побегушках! Вот что я по этому поводу думаю! Я всегда заступался за него в ставке! Ему бы впору со стыда сгореть, свидетельствуя против нас!

— До последней минуты он клялся и божился фюреру в своей верности ему, — вставил Йодль, — даже тогда, когда стало ясно, что его положение безнадежно.

Неожиданно прорвало и Дёница:

— Их подстрекательская работа обошлась Германии в тысячи погибших женщин и детей!

Я не понял ход мыслей Дёница:

— По-моему, как раз бессмысленное затягивание войны привело ко многим жертвам, которых вполне можно было избежать.

— Нет, в этом повинен подрыв боевого духа их разлагающей пропагандой. Если бы мы сломались в январе, жертв с нашей стороны было бы куда больше. Я хотя бы успел заключить более-менее достойный мир.

Дёниц явно был неправ, и Шпеер невольно взглянул на меня, поскольку знал, что я разделяю его взгляды на ту бессмысленную бойню, которой стала война начиная с января 1945 года. Однако Шпеер не желал на глазах у всех одернуть Дёница.

Фриче вступился за Паулюса:

— Ну, в конце концов, не сам же Паулюс организовал всю эту пропагандистскую кампанию!

— Я не о Паулюсе говорю. Я имею в виду эту группу Зейдлица. Тех, которые проповедовали чистейшее предательство, — упрямо пояснил Дёниц.

Послеобеденное заседание.

Паулюс заявил, что уже к 3 сентября 1940 года Германия подготовила план агрессивного нападения на Россию, чем нарушила договор о ненападении. Кроме того, он резко

осудил *безответственную политику» Гитлера, обвинив Кейтеля, Йодля и Геринга в участии в планировании агрессивных войн и бессмысленных человеческих жертвах.

В перерыве в группе обвиняемых из числа военных разгорелась острейшая дискуссия — в голос раздавались гневные упреки и обвинения в адрес Паулюса, не обошлось и без бурных выяснений отношений между самими обвиняемыми и их адвокатами.

— Спросите у этой грязной свиньи, понимает ли он, что он — изменник! Спросите его, дали ли ему русское гражданство? — буйствовал Геринг, обращаясь к своему адвокату.

Редер, заметив, что я прислушиваюсь, решил тут же остеречь Геринга:

— Осторожно! Враг подслушивает!

Но Геринг продолжал вопить своему защитнику, скамья подсудимых уподобилась палате буйнопомешанных.

— Мы обязаны разоблачить этого изменника! — ревел Геринг.

Кейтель спорил о чем-то со своим адвокатом, и Редер сунул и ему записку с предупреждением о том, что я все слышу.

На другом конце скамьи подсудимых Паулюс пользовался куда большей симпатией.

— Понимаете, — говорил Фриче, — ведь это действительно трагедия немецкого народа — он оказался между молотом и наковальней.

Нейрат, Зейсс-Инкварт и Шахт также выразили сочувствие Паулюсу.

— Военные считают его предателем, — высказался я.

— Ничего подобного, — мрачно выразил свое несогласие с военными Функ, — это самая настоящая человеческая трагедия.

12 февраля. Нападение на Россию.

Перед началом утреннего заседания и перекрестного допроса Паулюса скамья подсудимых замерла в напряженном ожидании. Гесс, улыбнувшись, подал мне сигнал, что отошел после вчерашнего спора. И на фоне всех сидевших с мрачным видом обвиняемых Кейтель

внезапно громко расхохотался. Перехватив мой вопросительный взгляд, он пояснил:

— Мне тут одна мысль пришла в голову: если бы та задумка удалась — дело в том, что Паулюса должны были назначить на должность Йодля, — в этом случае он бы сидел здесь, с нами.

Утреннее заседание.

Перекрестный допрос проходил на глазах у битком набитого зала — такого стечения публики не было вот уже несколько недель.

Как я и предполагал, задаваемые защитником Кейтеля вопросы должны были служить доказательством того, что Гитлер и никто другой был верховным главнокомандующим. Весьма неожиданным стало то, что вопросы, затрагивавшие честь Паулюса, исходили от доктора Заутера, защитника Шахта и Функа, то есть обвиняемых, в куда меньшей степени вовлеченных в русскую кампанию. Вероятно, Герингу удалось склонить обоих своих соседей по обеденному столу взять на себя руководство клеветнической кампанией, направленной против немецкого генерала, самому же остаться как бы в стороне.

Паулюс вынужден был признать, что, несмотря на существовавший договор о ненападении, он также принимал участие в разработке планов нападения на Россию. Йодль, воспользовавшись его признанием, попытался поймать Паулюса на том, что тот, участвуя в планировании, мол, не мог не знать о сосредоточении крупных сил Советов вблизи германской границы, на что Паулюс заявил, что деталей не помнит.

В перерыве утреннего заседания Геринг в голос издевался:

— Он не помнит! Гесс, вы не в курсе, что у вас теперь есть конкурент? — И тут же крикнул Йодлю: — Генерал-полковник, вы слышали? У Гесса появился конкурент. Свидетель не помнит. Ха-ха-ха! Делает вид, что ничего не знал. Как он может увиливать? Он же был экспертом по численности русских войск.

— Верно, был, — подтвердил Йодль. — Он был экспертом по разработке планов. Но в мои силки не попался. Он не утверждал, что русские были слабы, потому что в таком случае я ткнул бы его носом в его собственный отчет. Он не стал утверждать и то, что они были сильны, тогда он оказал бы медвежью услугу русским. Поэтому он просто сказал, что, мол, не помнит. Зато я помню. Погодите, вот только дойдет очередь до меня. Тогда я расскажу всю историю — от начала и до конца.

Риббентроп, сидевший тихо и незаметно, позже заметил Герингу, а потом и Йодлю:

— Этот Паулюс — человек конченный, он сам себя унизил!

— Конечно, — с готовностью подтвердил Йодль, — с ним все кончено, но я все же не стану утверждать, что так уж виню его за это — в конце концов, пытаться спасти себя законное его право.

Насколько же все это гротескно — разгромленные, покрывшие себя позором нацистские военные преступники, которых ждет виселица, пытаются судить Паулюса, будто уже решили между собой, что, дескать, этого человека с собой на следующую войну не берем.

Обеденный перерыв. На утреннем заседании Шпеер, Фриче и Ширах поддержали Паулюса, если не считать того, что Ширах по наущению Геринга все же повторил аргументы последнего об участии Паулюса в разработке планов нападения на Россию и осведомленности относительно численности русских сил.

Фриче рассказал, как следил за развитием оперативной обстановки, за тем отчаянным положением, в котором оказался Паулюс — либо бросить свои скудные резервы на север, откуда наседали противник, либо оставить их для противодействия попыткам окружения с юга.

— Я понимаю, в каком жутком положении он тогда оказался. Вы только представьте себе, какое это было положение — у тебя на руках приказ бросить 200 тысяч своих подчиненных в пасть льву, а ты потом еще спрашиваешь себя, а имело ли все это смысл.

Камера Риббентропа. В тот вечер я навестил Риббентроппа в его камере, чтобы узнать его мнение относительно нападения на Россию. Поняв, что Паулюс своим заявлением о том, что война с Россией была не чем иным, как «преступной агрессией», произвел на него сильное впечатление, я без обиняков спросил Риббентропа, что он думает по этому поводу. После некоторых колебаний он все же заявил следующее:

— Возможно, история еще покажет, что Гитлер был прав, а я — нет.

— То есть?

— Я всегда стоял за *rapprochement* с Россией.^[11] Гитлер же считал, что рано или поздно на них придется нападать. Может быть, он и был прав.

— Но у вас с ними был договор о ненападении. Разве нападение на Россию не означало вероломного нарушения этого договора с вашей стороны, даже если оставить в стороне ту преступную легкость, с какой Гитлер пошел на человеческие жертвы?

— Эта проблема далеко не проста, она весьма сложна; тут все решит история. При рассмотрении этих проблем необходим выбор верной перспективы. Нелегко их осмыслить. Я стремился к достижению мира с русскими. Знаете, что я планировал? Я хотел включения России в наше трехстороннее соглашение, в этом случае оно превратилось бы в четырехстороннее.

— Четырехстороннего соглашения, в которое вошла бы и Россия? — перепросил я.

— А-а... Нет, нет. Антикоминтерновский пакт сразу же утратил бы силу, как только мы заключили бы наш договор с Россией. Но я стремился к тому, чтобы у нас по отношению к Англии на всякий случай были бы развязаны руки.

— На случай войны с англичанами?

— Нет, мы стремились к отысканию мирного решения, некий противовес к британской политике политического равновесия. Они в течение длительного времени оказывали на нас давление. Вы только представьте себе — начинать войну из-за Данцига! Отважиться на мировую катастрофу только ради того, чтобы помешать немцам получить то, что когда-то им принадлежало по праву, и все потому, что

англичане испугались превращения Германии в действительно сильную державу.

— Но вам ведь доподлинно известно, что война разгорелась не из-за крохотного лоскутка территории. Просто он стал последней каплей, переполнившей чашу терпения, этому ведь предшествовала целая серия агрессий и нарушений существовавших договоренностей, в результате чего под угрозой оказался мир в Европе и суверенитет ряда миролюбивых стран. Если вы так желали мира, к чему было разрывать Мюнхенское соглашение? Ведь Англия не скупилась на уступки ради выполнения требования немцев. Что же, Гитлер собирался нарушить Мюнхенское соглашение еще до того, как подписал его? Или это позже пришло ему в голову?

— Но Гитлер не нарушал Мюнхенского соглашения!

Я недоверчиво посмотрел на Риббентропа. А он ведь всерьез верил в такое!

— Да Бог с вами — вы и правда так считаете? Даже после того, как вы заполучили Судеты, вам этого показалось мало, и вы решили отхватить всю Чехию, заявив, таким образом, миру, что слово Гитлера — пустяк и что агрессивным устремлениям Германии пределы не поставлены.

— Да, но Чехия представляла собой государство, возникшее лишь благодаря Версальскому договору. Все равно Гитлер превратил ее в протекторат. Признаю, он пошел на оказание определенного давления на Гаху... В юридическом же смысле мы Мюнхенское соглашение не нарушили.

Бесстыдство этого человека воистину не знает границ!

15 февраля. Гесс терпит издевки

Утреннее заседание.

Советский Союз продолжил перечислять позорные деяния Германии, приводя выдержки из дневника Франка и другие высказывания, служившие доказательством его непосредственного участия в творимых на территории оккупированной Польши зверствах.

Обеденный перерыв. Когда я после обеда спросил Фриче, в чем причина его подавленности и почему он за столом в одиночестве, в то время как остальные общаются друг с другом, как обычно, он ответил, что физически разбит совершенно, что, по его мнению, является психосоматической реакцией на откровения Франка о том, что, мол, Гитлер бы возрадовался, узнав, что погибло еще 150 тысяч поляков.

— И ведь люди искренне верили в свое дело, шли на такие акты самопожертвования, проявляя невиданную стойкость и самоотречение. А всем рулили такие отпетые бестии — эти... да что там...

И снова со скамьи подсудимых стали поступать указания Геринга: следует, мол, настоять на полном зачитании документа, упомянутого среди доказательств.

— Что? Всего документа? — переспросил Редер, вероятно, речь шла об очень длинном документе.

— А почему бы и нет? — Создавалось впечатление, что Геринг стремится всячески осложнить работу трибунала.

— Времени у нас целый воз. Либо мы вообще не станем тратить силы на свою защиту, против чего я бы возражать не стал, поскольку это одни только унижения, либо...

— Ну, вот видите, — перебил его Гесс, вдруг оторвавший взор от своей книжки, — вот и вы пришли к тому, о чем я всегда говорил.

— Ага, — усмехнулся Геринг, — Гесс, оказывается, человек принципов! Он не желает ничего говорить. Даже нам. Между прочим, Гесс, когда вы откроете нам вашу великую тайну?

Эта слова Геринга вызвали довольную усмешку Дёница и Редера. Их, вероятно, не смущало мое присутствие до тех пор, пока объектом подначек оставался Гесс.

— Да, Гесс, когда? — присоединился к шутникам и Риббентроп.

— Не хотите поведать нам ее во время перерыва? — продолжал в том же тоне Геринг. — У меня есть предложение: Гесс в перерыве открывает нам свою великую тайну. Что вы на это скажете, Гесс?

— Гм-м... Я со всем согласен, — буркнул Гесс, снова уткнувшись в книгу. Было видно, что он никак не собирается объяснять свое загадочное поведение.

Я упомянул, что на понедельник русские назначили показ фильма о зверствах нацистов.

— Ах вот, значит, что собрались показать нам эти русские! — издевательски воскликнул Геринг. Но было заметно, что ему не по себе от этой новости.

Риббентроп незамедлительно выдал аргумент Розенберга:

— А вам никогда не приходилось слышать о том, что творили американцы по отношению к индейцам? Разве те не были для них неполноценной расой? Знаете, кто первым изобрел концлагеря? Британцы! И знаете, почему? Чтобы заставить буров сложить оружие!

— Все эти киноужасы! — недовольно бурчал Геринг. — Кто угодно может снять такой фильм — подумаешь, выволочь трупы из ямы, а потом снова запихнуть их туда трактором.

— Нет, вот уж от этого вам так просто не отвертеться, — вмешался я. — Когда мы обнаружили ваши концлагеря, там было столько трупов и массовых захоронений. Я видел это собственными глазами в Дахау! И в Хадамаре!

— Но ведь не тысячи их лежали там, не штабеля же трупов...

— Вы тут мне, пожалуйста, не указывайте — я это собственными глазами видел! Я целые вагоны трупов видел! И в крематории они лежали именно штабелями. Видел и истощенных узников, и эти превращенные в скелеты люди рассказали мне о том, что эта бойня продолжалась не один год. А Дахау, не забывайте, это еще отнюдь не самое страшное место! Так что от 6 миллионов убитых вам так просто не отмахнуться!

— Я сомневаюсь, что речь может идти о 6 миллионах, — неуверенным тоном произнес Геринг. Он явно сожалел, что затронул столь щекотливую тему. — И все же вполне хватило бы даже 5 процентов от этого числа.

Наступила тягостная тишина.

Вечером, перед тем как обвиняемым предстояло вернуться в свои камеры, я зачитал им новое распоряжение, согласно которому всякие контакты между обвиняемыми, кроме как в зале заседаний, воспрещались, и о восстановлении одиночного содержания.

Сообщение было встречено молчаливой яростью.

16–17 февраля. Тюрьма. Выходные дни

Камера Шахта. Шахт был взбешен нововведениями тюремной администрации. Распекая распоряжение, он сорвался чуть ли не на крик:

— Это позор! Мерзость! Этот полковник делает с нами, что пожелает! Но я его полномочиям не завидую! Это лишь говорит о том, что те, кто так обходится с людьми, понятия не имеет о культуре и традициях. Отвратительно!

Все говорило в пользу того, что я сейчас выслушивал из его уст мнение Геринга, донесенное до Шахта за обедом его соседом по столу Редером. Бешенство Шахта свидетельствовало о его затаенной злобе, до поры до времени умело скрываемой за маской попранной невинности.

— Уверяю вас, у меня нет ни малейшего желания общаться с большинством из этих людей! Но среди них все же отыщется несколько порядочных, с которыми я готов беседовать: это такие вполне достойные люди, как Папен и Нейрат. Но как можно позволить себе высокомерно решать за нас, кому с кем общаться! Прошу вас не забывать, что у нас за плечами солидные культурные традиции. И то, что совершил Гитлер — преступление против *нашей* культуры! Но не следует забывать и о том, в каком отчаянном положении мы оказались по милости союзных держав. Они обложили нас со всех сторон — они же буквально удушили нас! Попытайтесь себе представить, что же пришлось вынести немецкому народу, носителю таких культурных традиций, чтобы попасться на удочку демагогу типа Гитлера! Попытайтесь представить себе: народ, со времен раннего Средневековья флагман европейской культуры, подаривший миру таких личностей, как Гете, Шиллер, Кант, Бетховен — выдающихся личностей во всех областях — в музыке, литературе, искусстве, философии...

— А разве французы внесли меньший вклад в культуру? — вставил я.

— Ах, французы, французы! — презрительно воскликнул Шахт. — На уровне крохотного королевского двора — вероятно! Но и здесь чувствуется влияние Германии! Вы только задумайтесь, что должно было выпасть на долю такого культурного народа, как наш, чтобы он погрузился в такое беспросветное отчаяние. Подумайте и о том, каким дьяволом должен быть этот человек, чтобы,

воспользовавшись этим беспросветным отчаянием, втереться этому народу в доверие и так преступно этим доверием злоупотребить.

Не беспокойтесь, у меня есть что сказать по этому поводу. А ведь немецкий народ был готов на все ради мира! И нужно было нам не так уж и много. Единственное, что нам было нужно, так это возможность вывозить свои товары, торговать, чтобы хоть как-то свести концы с концами...

— Вы имеете в виду Веймарскую республику?

— Да, разумеется. И на любые наши просьбы, даже на самые, казалось бы, невинные, союзники отвечали своим непреклонным «нет»! Мы требовали одну-две колонии, хоть что-то, что позволило бы вести торговлю, — исключено! Мы требовали создания торговой организации, союза с Австрией и Чехословакией — нет! Мы апеллировали к тому, что подавляющее большинство населения Австрии за союз с Германией. Они сказали — нет, исключено!

А когда у власти оказывается такой бандит, как Гитлер, — вот тогда да! Можно! Тогда — милости просим! Хочешь Австрию? Да забирай ее всю! Хочешь ремилитаризации Рейнской области — ради Бога! Бери себе и Судеты! И всю Чехословакию в придачу! Бери все, что пожелаешь, — мы и слова не скажем.

До Мюнхенского соглашения Гитлер и мечтать не мог о том, чтобы взять да присовокупить Судеты к Рейху. Все, на что он мог рассчитывать, это, *может быть*, на чуточку автономии для Судетской области. А потом эти два дурака Даладье с Чемберленом сунули ему в лапы все без остатка. Почему же они в таком случае не продемонстрировали и десятой доли подобной щедрости по отношению к Веймарской республике? Почему пожалели для нее каких-то жалких крох? А за то, что я во избежание катастрофы, презрев рамки Версальского договора, попытался обеспечить Германии определенную экономическую стабильность, за то, что саботировал ее милитаризацию, и за то, что я, в конце концов, попытался убрать этого недоумка — за это союзники меня упрятали в эту тюрьму как *преступника!*

Шахт уже вопил на все здание.

— И здесь мне приходится мириться с таким бесчестным, недостойным человека, *бесстыжим* обращением!!! Даже в концлагере

меня не заставляли делать уборку в своей камере и поворачиваться то на правый, то на левый бок, чтобы не мог уснуть!

Шахт сидел передо мной с покрасневшим лицом, кусая губы и трясясь от возбуждения. Некоторое время спустя он примирительно произнес:

— Мне жаль, что вот так пришлось все излагать, но это моя точка зрения, и я ее не изменю. Я не желаю иметь ничего общего со всеми этими американскими причудами. Даже на церковную службу больше не пойду.

Камера Геринга. Подавленный и обиженный Геринг, дрожа, как наказанный за провинность ребенок, спросил меня, за что его так наказали. Он не ошибся, предположив, что всему виной его вызывающее поведение на суде.

— Неужели вы не понимаете, что все эти шуточки, все эти штучки-дрючки — юмор висельника, не более того. Вы думаете, мне приятно сидеть тут и выслушивать все эти сыплющиеся на нас со всех сторон обвинения? Нам необходима какая-то отдушина. Если бы я их время от времени не встряхивал своими хохмами, то очень скоро кое-кто из них сломался бы окончательно.

Все это говорилось вполголоса и с искренней обидой.

Я сказал Герингу, что, насколько я понимаю, ему представляется, что, находясь вне своей камеры и общаясь с остальными обвиняемыми, он должен вести себя по-другому, чем в ее стенах. Сказал и о том, что почти уверен, что за всей его бравадой скрывалась и солидная доля пристыженности. На сей раз Геринг не возражал мне и вообще всячески демонстрировал свое послушание, чего я не мог припомнить за весь период своих с ним встреч, хотя не сомневался в том, что его нынешняя линия поведения была продиктована в значительной степени голым расчетом.

— Естественно — психолог такое в состоянии понять, — признал он. — Но полковник — не психолог. Вы думаете, я в тиши этой камеры не корю себя постоянно и не сожалею о том, что не избрал в жизни другой путь, который бы не привел вот к такому концу?

Это было очень схоже с тем, что он писал своей жене в письме от 28 октября. И эти излияния чувств весьма существенно отличались от того самодовольства и демонстраций героической преданности своему

фюреру, которые Геринг столь охотно навязывал публике, в особенности представителям прессы.

Я сказал ему, что обвиняемым, скорее всего, и обедать придется в одиночестве. Он попросил меня обратиться от его имени к полковнику с просьбой хотя бы за едой дать возможность обвиняемым перекинуться словом, и не скрывал своей озабоченности тем, что теперь окажется полностью отрезанным от остальных своих коллег, что в свою очередь лишит его возможности, как прежде, воздействовать на них.

Камера Шпеера. Шпеер выразил удовлетворение новыми правилами для обвиняемых, в соответствии с которыми им даже на прогулках воспрещалось общение между собой.

— Это распоряжение появилось именно тогда, когда очень многие стали выражать свою обеспокоенность усиливавшимся диктатом Геринга и когда его давление на остальных стало очевидным. Так, пару дней назад он, подойдя к Функу во время прогулки на тюремном дворе, заявил последнему, что, дескать, его участь предreshена, посему отныне все обязаны поддерживать его, Геринга, и обеспечить ему достойную смерть мученика. Функу, по мнению Геринга, сожалеть не о чем, ибо со временем — и неважно, когда это произойдет, пусть даже полвека спустя — Германия поднимется, и благодарные потомки захоронят их останки в мраморных гробах в склепах национального мемориала.

Мы оба невольно рассмеялись.

— Мне кажется, что перспектива мраморного склепа вряд ли была привлекательна для нашего коротышки Функа, — высказал свое мнение я.

— Нет, тот явно не из прирожденных мучеников. А потом Геринг подошел к Шираху и повторил ему то же самое, но уже во весь голос, с таким расчетом, чтобы и я услышал. В мраморных гробах, а? Вы можете себе такое представить? Отныне мраморные гробы — объект всех наших шуток. (Незадолго до этого аналогичный эпизод мне пересказал и Фриче, снабдив его весьма схожими комментариями, по его словам, он заявил Герингу, что мир в Европе куда важнее мраморных гробов.)

— Бедняга Функ весьма удручен по этому поводу. Даже Ширах, приглядевшись, и тот с прохладцей отнесся к перспективе стать такого рода мучеником. Но Герингу ясно, что его участь предрешена, и ему необходима свита для торжественного восшествия в Валгаллу, то есть как минимум пара десятков героев разрядом пониже.

— Вы думаете, Геринг действительно не желает, чтобы хоть кто-нибудь, кому известно, каким грабителем он был, сумел бы пережить его и кто развеял бы миф о его героизме? — поинтересовался я.

— Несомненно. Он знает, что большинство из нас думает о нем, даже если и не все способны заявить ему об этом в открытую. Ужас, как он тиранит остальных. Недавно Папен обратился к своему адвокату с просьбой подыскать что-то такое, что позволило бы слегка обвинить Гитлера. И Геринг тут же накинулся на него: «Да как вы смеете!» И так далее в том же духе — в точности по тому же сценарию, когда он однажды попытался воздействовать на меня. Этот горемыка, наш малютка-Папен и вправду растерялся и задрожал как осиновый лист. Очень хорошо, что нас разлучили. Даже я теперь смогу сказать больше из того, что намеревался.

Поразмыслив, Шпеер снова заговорил на тему мраморных гробов:

— Эта поза мученика, собственно говоря, полностью отрицает его прежнюю позицию. Сначала он уверял всех нас, что, мол, нам ничего не грозит, что самое худшее, что они смогут с нами сделать, так это сослать на какой-нибудь затерявшийся в океане островок. Потом, испугавшись, что мы станем слишком уж много говорить и ради спасения собственных голов попытаемся возложить основную тяжесть вины на ведущих нацистов, Геринг тут же переключился на версию с мраморными гробами, чтобы мы все подумали, что, дескать, мы все равно ничего не выиграем от того, что станем говорить правду. В особенности если она касается его!

Камера Франка. Франк заявил, что нововведения его вообще не затрагивают, и он даже рад тому, что теперь хоть можно будет отдохнуть от этой бесконечной *чуши*, которую приходится выслушивать за обедом и на прогулке. Франк выглядел несколько отрезвевшим, было заметно, что к нему возвращается его прежнее стремление к аскетизму и что он раскаивается за содеянное. Отягчающие вину Франка цитаты из его дневника пока что были свежи

в памяти, и он, несомненно, готов был предпочесть одиночество необходимости давать бесконечные объяснения о причинах, побудивших его передать свои дневники, хотя, судя по всему, его не особенно докучали вопросами по поводу того, что именно подвигло его на написание вышеупомянутых дневников. Франк вновь, в своей обычной, непринужденной манере, впал в свое рутинное самокопание:

— Я — неповторимый характер, я — неповторимая, единственная в своем роде личность. Ха-ха-ха! — визгливо рассмеялся он. — Вам когда-нибудь попадались экземпляры, подобные мне? Необычно, когда вам говорят такое, верно? Но мы, немцы, мы ведь все разбойники. Не забывайте, что немецкая литература начинается именно с шиллеровских «Разбойников». Вам это никогда не бросалось в глаза?

То, что в этот момент Франк действительно беседовал сам с собой, не нуждаясь ни в каких ответах с моей стороны, мне было ясно. И он завершил свою тираду резюме о злой человеческой натуре. Я попросил его откровенно признаться мне, кого он имел в виду, записав в дневнике, что Гитлер выразил бы ему благодарность, если бы Франк отправил на тот свет еще 150 тысяч поляков. Франк ответил, что такой вывод — следствие его знания натуры Гитлера.

— Представьте себе — человек, который может сказать «Хорошо сработано!» после того, как вы сообщите ему, что избавились от 150 человек.

Разумеется, это никак не говорит в пользу того, что именно я погубил этих людей.

Вы должны верить мне, доктор, — это исповедь на смертном одре — я гляжу смерти прямо в глаза и могу сказать об этом лишь вам и священнику: я не отдал ни одного приказа о проведениях массовых казней или о расстреле заложников. Даже обвинение не связывает меня ни с одним убийством. Но то, что я *написал!* Этого хватит. И я рад, что собственноручно вручил свои дневники, поскольку мне хотелось всем доказать, как человек абсолютно вопреки своей воле и своему характеру может высказывать, находясь под дьявольским воздействием Гитлера. Ужасно! Отвратительно!

Франк произнес несколько слов по поводу своего неудавшегося брака, утверждая, что его супруга и психологически, и духовно была слишком стара для него, однако предпочел не вдаваться в эту тему.

Камера Шираха. Ширах не переставал дивиться выдержкам из дневника Франка. По мнению Шираха, Франк был блестящим оратором и адвокатом — он мастерски защищал Гитлера на процессе по делу газеты «Фёлькишер беобахтер», кроме того, он был тонким ценителем и знатоком музыки, литературы и искусства. И Ширах был поражен, как такой человек мог в столь безоговорочной форме заявлять о своем одобрении массовых убийств.

Говоря о нововведенных ограничениях, Ширах с готовностью признал, что вина за принятие подобных мер целиком лежит на Геринге. Я заметил ему среди прочего, что даже и он сам, и Дёниц переняли у Геринга эту неуместность поведения, в связи с чем Ширах счел необходимым принести мне свои извинения за Геринга.

— Понимаете, его же не переделать. Общеизвестный факт, что летчики — нередко народ импульсивный, эмоциональный. А он эмоционален и импульсивен сверх всякой меры — и отзывы о нем были сплошь положительными. Он сам считает себя крупной фигурой в истории, полагая, что его значимость будет зависеть именно от того, сумеет ли он сыграть до конца возложенную на него роль.

В процессе нашей беседы Ширах упомянул, что постепенно пришел к заключению, что пресловутая чистка после так называемого «путча Рема» была не чем иным, как сговором между Гитлером и Гиммлером, направленным на устранение Рема как главного препятствия на пути Гитлера к власти. В те времена Ширах, по его словам, верил в намерения Рема разжечь революционный бунт. Но теперь, осознав жестокость и агрессивность натур Гитлера и Гиммлера, он убежден, что эти два отъявленных бандита, Рем и Гитлер, были связаны некоей мрачной тайной, которая и объясняет тот факт, что Гиммлер держал Гитлера в кулаке. Казнь Рема стала обычным политическим убийством соперника, гомосексуальность была лишь предлогом! Гомосексуальность Рема была секретом Полишинеля, кроме того, только из-за нее не стали бы столь жестоким способом избавляться от него — число казненных тогда членов СА составило 60 человек, однако позже выяснилось, что всего их было около 200.

Геринг теряет аудиторию

Полковник Эндрюс попросил меня составить новый план размещения обвиняемых за обедом. Помещение столовой для обвиняемых предполагалось поделить на 5 отсеков, причем в четырех из них должны были разместиться все, кроме Геринга, которому было решено отвести для приема пищи отдельный, пятый отсек. С учетом психологической восприимчивости и характера отдельных обвиняемых, а также в целях воспрепятствования Герингу влиять на них мною был предложен следующий план размещения:

1-й отсек — «молодые обвиняемые»: Шпеер, Фриче, Ширах, Функ (что обеспечивало изъятие Фриче и Шпеера из-под опеки Геринга и обеспечение возможности для Шираха убедить остальных в обмане Гитлером молодого поколения немцев и пагубности расовой политики для Германии в целом).

2-й отсек — «пожилые обвиняемые»: Папен, Нейрат, Шахт, Дёниц (находясь в этой группе, пожилые обвиняемые консервативных убеждений при поддержке Шахта обретали возможность прийти к осознанию вины Гитлера и Риббентропа и, кроме того, повлиять на Дёница, помочь ему избавиться от раздиравшего его внутреннего конфликта — «чести офицера» и собственных моральных установок).

3-й отсек — Франк, Зейсс-Инкварт, Кейтель, Заукель (Кейтеля необходимо было отделить от Геринга и предоставить ему возможность прислушаться к страстным упрекам Франка в адрес Гитлера, воспрепятствовать сознательному вытеснению своей вины и дозреть до готовности к ее признанию. В общем и целом рассчитывать на особую общительность членов данной группы между собой было бы наивно, однако здесь хотя бы отпадала проблема агрессивного непризнания ими своей вины).

4-я отсек — Редер, Штрейхер, Гесс, Риббентроп (группа самых упрямых и убежденных нацистов, в которой, однако, вследствие присутствия Штрейхера, склонного из всего делать тайну Гесса, осмотнительного и не склонного распускать язык Редера и утратившего всякую надежду на избавление Риббентропа всякие беседы на запретные темы вряд ли могли бы стать обычаем — обвиняемые просто психически нейтрализовали бы друг друга).

5-й отсек — Йодль, Фрик, Кальтенбруннер, Розенберг.

6-й отсек — Геринг.

18 февраля. Геринг взбешен

Обеденный перерыв. Обвиняемые не скрывали недовольства, когда им было указано занять свои места за обедом в соответствии с выработанным планом. Особенно негодовал Геринг, вынужденный сидеть в одиночестве в крохотном отсеке. Формально он сетовал на недостаток дневного света и холод в помещении, хотя всем и каждому было ясно, что истинной причиной его возмущения была потеря аудитории. Франк выразил свое согласие с новым распорядком. Шахт хоть и был раздражен, однако подчеркнул, что ко мне лично антипатии не питает. Шпеер, судя по его виду, был даже доволен нововведениями. Другие из его отсека протестов не выражали. Риббентроп и Редер сидели с оскорбленным видом — им было явно не по душе принимать пищу в обществе такой фигуры, как Штрейхер. Гесс был даже горд тем, что его «угнетали» — вышагивал по пути в столовую как на параде. Но большинство обвиняемых были склонны винить во всем Геринга.

Когда они поодиночке спускались в столовую, Геринг, встав у входных дверей, пытался заглянуть каждому из них в глаза, как бы приглашая их высмеять новые американские порядки, однако все, за исключением Гесса и Редера, упорно отводили взгляд. Когда его привели к скамье подсудимых последним, он снова попытался вызвать в своих коллегах по обвинению жалость к самим себе по поводу «угнетения». Но никто из них на эту уловку не поддался.

Послеобеденное заседание. Когда обвинитель от Советского Союза стал приводить факты и детали зверских убийств женщин и детей и нанесения им тяжких увечий, Геринг моментально сник и продолжал сидеть с удрученным видом, хотя большую часть обвинений предпочел не слушать.

Тюрьма. Вечер

Вечером я навестил обвиняемых самых разных психологических типов с целью узнать их первую реакцию на нововведения тюремной администрации.

Камера Шпеера.

— Значит, вы подсунули ко мне Функа и Шираха, — веселился Шпеер. — Рано или поздно мы все же склоним эту парочку к однозначно негативной оценке Гитлера.

— Поскольку именно на меня было возложено решать, кому с кем сидеть за обедом, — ответил я, — я выбрал путь, который бы способствовал восторжествованию истины и устранению влияния Геринга, лишения его возможности оказывать давление и запугивать людей слабохарактерных.

— Это абсолютно верное решение. Геринг действительно насаждал моральный террор среди обвиняемых. Он даже пытался решать, что и когда им говорить. Я не рассказывал вам, что в самом начале процесса он подошел к Шахту и попросил его заявить судьям, что Гитлер был крайне недоволен его, Геринга, деятельностью на попрание ремилитаризации Германии? Но когда в ходе процесса Шахт заявил, что Геринг — болван по части экономики и не годится на должность «уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана», то Геринг вдруг заявляет Шахту, что теперь подобные высказывания последнего ни к чему. Он везде совал свой нос, каждого поучал.

— Мне кажется, и Шираху, и Функу удалось бы с большей пользой для себя организовать свою защиту, окажись они за одним столом с вами и Фриче, а не с Герингом, — высказал мнение я. — Я хотел посадить к вам и Дёница.

— Нет, так лучше, потому что в присутствии Дёница даже я ощущаю некоторую скованность.

Камера Франка. Франк снова заявил мне, что рад тому, что эра общих прогулок и общего приема пищи, неизбежно связанная с вещанием во весь голос и выслушиванием глупостей, миновала, и он теперь обрел наконец покой.

— Нам не дано заглянуть судьбе в глаза и при этом пытаться сохранить прежние дружеские отношения. Сначала я радовался знакомству с многими из тех, кого прежде не имел возможности знать. Но если переживаешь такую полосу, тебе необходим покой и тишина для медитации. Теперь я хотя бы прогуливаюсь в одиночестве, могу помолиться, сосредоточиться для медитации. А эти вечно несли свой вздор. Защита, защита...

И никогда ни слова о нашей *вине*. Они не имеют представления о трагедии человечества. Вы не читали последнюю речь пастора Нимёллера? Его слова очень многих лишили покоя. А сказал он, что люди склонны бесконечно говорить о своем *горе*, но умалчивать о своей *вине*. Он прав. Кое-кто из нас, может, и недоволен новым распорядком, но лично я воспринимаю его, как благо. Я так успел привыкнуть к этой монашеской жизни, что действительно считаю эти меры благом. Спокойно обедаешь, спокойно гуляешь, у тебя есть возможность сосредоточиться для медитации — это же чудесно!

19 февраля. Советский документальный фильм

Обеденный перерыв. Большинство обвиняемых быстро смирились с новыми порядками. Один Геринг продолжает возмущаться ими, причем происходит это по мере осознания того, что у большинства коллег факт его отделения от всех вызывает либо равнодушие, либо антипатию, но никак не сочувствие. Эра геринговской тирании завершилась, это ни у кого не вызывает сомнения. Самому же Герингу это ох как не по душе. Он продолжает непрерывно жаловаться на холод и искусственный свет в своем помещении.

Послеобеденное заседание. *Представители Советского Союза показали документальный фильм, ужасающий протокол геноцида, еще более страшный, чем тот, который показывали американцы.*

Я смотрел фильм, стоя у скамьи подсудимых вблизи места Геринга. Геринг хихикнул, когда по ошибке киномеханика первые кадры фильма пошли в перевернутом виде. Шутливо спохватившись, Геринг приложил ладонь ко рту и стал озираться, ища тех, кому бы это тоже показалось смешным... Демонстрацию прекратили и после паузы, необходимой для перезарядки пленки, продолжили.

На экране появлялись горы трупов советских военнопленных, либо зверски умерщвленных, либо умерших от голода в полевых условиях неподалеку от мест боевых действий, где и были взяты в плен. Были показаны орудия пыток, изуродованные трупы, снабженные корзинами для улавливания отрубленных голов гильотины, раскачивавшиеся на фонарных столбах повешенные, которых обнаруживали войска после овладения населенными пунктами, —

следы бесчинств гестапо. На экране проплывали руины Лидице, женщины, оплакивавшие своих потерянных близких. Братские могилы. Подвергшиеся надругательствам и убитые женщины. Дети с проломленными черепами. Печи крематориев концлагерей и газовые камеры. Сваленная в кучи одежда, огромные кучи остриженных женских волос в Освенциме и Майданеке...

Все время, пока шел фильм, Геринг делал вид, что занят чтением книги; он сидел, периодически позевывая и отпуская адресованные Гессу и Риббентропу саркастические комментарии по поводу содержания фильма.

Тюрьма. Вечер

Камера Геринга. Вместе с майором Гольдензоном мы обходили камеры, желая удостовериться в том, какой была реакция обвиняемых. Геринг с готовностью представил объяснение того, почему, по его мнению, этот фильм не стоило смотреть.

— Первое: этот фильм был снят *ими*, с правовой точки зрения он доказательством служить не может. Им ничего не стоило прикончить сотню-другую немецких военнопленных, а потом натянуть на них русскую военную форму. Вы, в отличие от меня, просто не знаете русских.

Второе — вероятнее всего, многие из этих кадров были сняты еще в период их революции, к примеру, эти корзины, куда сваливаются отрубленные ножом головы.

Третье — эти усеянные трупами поля. В общем и целом это типичные пейзажи войны. Их можно где угодно запечатлеть на пленку. Мне самому приходилось видеть тысячи трупов. А откуда вообще взялись *свежие* трупы для киносъемок? Не могли же русские со своими кинокамерами прибыть как раз вовремя туда, где скопилось столько трупов. Скорее всего, эти трупы — их рук дело.

Герингу приходилось делать над собой усилие, чтобы его словоизлияния звучали правдоподобно, чтобы все увиденное спокойно можно было отместить в сторону, причислив к разряду «пропаганды», глупой и рассчитанной на простаков, но в конце концов он все же признался.

— Естественно, как я уже говорил вам, вполне достаточно даже и 5 процентов от всех приведенных цифр убитых. Тем не менее, что бы ни говорили и ни показывали русские, я им не верю и верить не собираюсь. Они пытаются теперь спихнуть на нас творимые ими зверства.

Впрочем, тема ограничений тюремного распорядка волновала Геринга куда больше — он быстро переменял тему разговора.

— То, что я «наци № 1» в этой группе обвиняемых, еще вовсе не означает, что я самый опасный из них. И полковнику не следует забывать, что ему приходится иметь дело с какими-никакими, а все же личностями, вошедшими в историю. Верно ли мы действовали, или нет, мы — личности исторические, а он — никто.

Геринг снова указал мне на историческую аналогию, повторив историю тюремщика Наполеона, тому в свое время пришлось исписать добрых два фолианта, чтобы оправдаться в своем обращении с бывшим императором. И тем не менее даже сами англичане засадили его в тюрьму.

Камера Франка. Франк до сих пор склонен перекладывать вину на Гитлера и все оставшееся человечество.

— Можете себе представить человека, который хладнокровно планирует такое? В один прекрасный день Гитлер с Гиммлером просто уселись за стол, и Гитлер отдал ему приказ, в соответствии с которым должны были перестать существовать целые народности и расы. Я просто пытаюсь вообразить себе эту сцену. И не могу! Это был поворотный пункт в истории человечества. Было ли это началом или же концом некоей завершающей фазы в развитии человечества? Ужасно. И что они только думали в те минуты?

Я поинтересовался у него, что думал *лично он*, когда эшелонами гнал евреев в концентрационные лагеря на верную смерть. Франк ответил, что ни о чем не думал, в том числе и о последствиях.

Камера Шахта. Шахт сообщил мне, что играет в «солитер» — эта игра успокаивает нервы. Он отказался смотреть фильм о немецких концлагерях, потому что там были показаны зверства на Востоке. Я так и не понял, а в чем, собственно, разница... Шахт пояснил, что подобные зверства — позор не только для немцев, но и для всего

человечества. Он снова решил напомнить нам, что и ему самому пришлось побывать в концентрационном лагере.

— Когда этот процесс завершится, было бы куда умнее, если бы вы предоставили возможность нам, немцам, судить и выносить приговоры. Уверяю вас, эти наши приговоры будут куда жестче, чем ваши.

Это позор Германии. Вы имеете возможность осудить лишь самых главных фюреров. Но сами немцы отыскиали бы всех до единого виновных, отдававших или исполнявших подобные приказы.

21 февраля. Надлом Фриче

Обеденный перерыв. За обедом Фриче с подавленным видом сидел на своем конце «отсека для младших», воздерживаясь от участия в общем разговоре — мое присутствие снимало запрет на беседу во время приема пищи. Когда обвиняемые возвращались на скамью подсудимых, я заметил, что Фриче отчаянно пытается удержаться от слез и даже надел свои темные очки, несмотря на то что юпитеры не зажигали.

Я хотел было подойти к нему, но Фриче, тряхнув головой, дал мне понять, что не расположен сейчас говорить со мной. Наблюдая за ним в обеденный перерыв, я заметил, что он усилием воли пытается сдержать рыдания.

Я передал ему записку с советом обратиться к суду с просьбой разрешить ему покинуть зал заседаний в связи с плохим самочувствием. В ответ Фриче написал мне: «Это только вызвало бы никому не нужный переполох. Все со мной в порядке. Я обязан сегодня выдержать все до конца».

Тюрьма. Вечер

Камера Фриче. После демонстрации фильма о разрушениях советских городов и памятников культуры я спустился вниз навестить Фриче в его камере. Обвиняемый был бледен и жалок, подергивания

мимических мышц свидетельствовали о его попытках сдержать слезы. Фриче говорить мог с трудом, постоянно запинаясь:

— Я... я... у меня такое... чувство, что... я в куче грязи... что я тону в куче грязи... вашей или... нашей — безразлично. Я захлебываюсь в ней...

Я поинтересовался у него, не было ли это следствием увиденного им советского документального фильма, чувствуя, как дрожь моего собеседника передается его тюремной койке.

— Да, это и стало последней каплей. У меня возникло чувство, что меня заживо хоронят в куче дерьма, навоза... Эта куча с каждой неделей становится все выше... И вот... я уже сижу в этом навозе по самую шею... И вот я уже в нем захлебываюсь...

Я сослался на Геринга, которому все эти разбирательства нипочем, который просто и без церемоний начисто отмел кинодокументы русских, отнеся их к разряду сфабрикованной пропаганды. Фриче обозвал Геринга «толстошкурый носорогом» и позорищем немецкого народа.

— Я больше не могу. Мне кажется, что меня ежедневно подвергают казни.

Я успокоил его, пообещав прислать к нему врача-немца, который даст ему снотворное, и поговорить с майором Гольдензоном насчет того, чтобы тот освободил его на следующий день от участия в судебном заседании.

22 февраля. Антигеринговский бунт

Обеденный перерыв. В отсеке «пожилых обвиняемых» я снова открыл дискуссию о вине за развязывание захватнической войны и конкретно вине нацистских фюреров, желая увидеть, каким образом нововведения повлияли на отделение Нейрага, Папена, Шахта и Дёница в формировании их мнения о Гитлере и Геринге. (Ибо они сами ни за что не хотели рассматривать себя как «нацистских фюреров».) Шахт сразу же ухватился за эту тему и, как я и ожидал, возглавил атаку.

— Это были бандиты! Я понял это еще в 1937 году. Единственным из ведущих государственных деятелей, кто еще раньше понял исходившую от них опасность, был Рузвельт!

В это время Геринг отшагивал свой положенный восьмиминутный моцион, проходя мимо двери в отсек, он насторожился и намеренно задержался там, якобы желая потянуться, размять затекшие члены. Это заметил и сам Шахт, и остальные обвиняемые, однако близкое присутствие Геринга лишь раззадорило оратора. Шахт с присущим ему сарказмом продолжал:

— Устроить кавардак европейской экономике, развалить всю мирную экономику Германии, созданную мной, очертя голову ринуться в эту войну, в разграбление, в коррупцию, в бессмысленное разрушение всего и вся — вот в чем состояло их руководство, которое заполучила наша страна, мой дорогой доктор Джильберт.

Этот предварительный прогон защитительной речи Шахта был тем более любопытен, что в нем была объявлена война обоим фюрерам — мертвому и живому — Гитлеру и Герингу. Сидевший рядом Дёниц молча вбирал в себя услышанное, наблюдая за демонстративно замершим у входной двери Герингом — бывшего рейхсмаршала нельзя было не заметить.

И у Папена, и у Нейрата все-таки хватило мужества обвинить Геринга в том же, в чем обвиняли их самих. И хотя сказано это было вполголоса, и Геринг не мог расслышать их слов, однако достаточно громко, чтобы расслышал Дёниц.

— Знаете, это насильственное присоединение Австрии на самом деле и его вина, — констатировал Папен.

Нейрат усмехнулся.

— То же самое относится и к Чехословакии. Толстяк несет за это ответственность. Он в этом виновен.

И все трое пожилых обвиняемых удовлетворенно засопели, подивившись своей сплоченности, приписывая вину «кому следовало» и тому, что все же сумели выскочить из-под опеки Геринга, норовившего поддержать Гитлера и переложить вину за все на союзные державы.

23–24 февраля. Тюрьма. Выходные дни

Камера Шпеера. Шпеер повторил, что после нововведений тюремной администрации чувствует себя куда непринужденнее для

подготовки своей защиты в соответствии со своими первоначальными замыслами. Совершенно ясно, что с изоляцией Геринга и крушением его «единого фронта» для Папена исчезли все препоны, чтобы и Гитлера, и нацистское государство в целом заклеить, как одурачивание нации, чем они, собственно, и были.

Шпеер заявил, что немецкому народу предстоит признать, что именно Гитлер, а не союзные державы повинны в его нынешнем бедственном положении.

— Вспоминая о том, каким безнадежным казалось мне все в марте-апреле прошлого года, когда мне стало окончательно ясно, что, если каждому немцу в течение последующего десятилетия удастся хоть как-то сводить концы с концами, тогда можно будет говорить о счастливой участи Германии... Сейчас же все выглядит относительно спокойно.

Голод не стал бедствием, восстанавливаются мосты. Все, на что я смел надеяться, так это на то, чтобы немецкий народ не вымер от голода. Я даже говорил Дёницу после капитуляции, когда он стал перечить союзникам, что мы должны радоваться, чтобы не нам придется взваливать на себя ответственность за то отчаянное положение, в котором оказалась сейчас Германия.

— Геринг стремится внушить всем, что нацистские фюреры пытались спасти Германию, а вот ее враги, дескать, жаждали только ее уничтожения. Думаю, этот последний героический жест станет последним зернышком для посева того, что окончательно уничтожит Германию.

— Поэтому я и сказал Шираху, если уже Герингу так не терпится стать героем, лучше было бы взять на себя подобную роль раньше, а не посвящать себя наркотикам и стяжательству. Что же касается нацистских фюреров, так они должны быть благодарны союзникам хотя бы за то, что те сумели предотвратить вымирание и окончательное уничтожение Германии, на которые обрек ее Гитлер. Знаете, чтобы смогло бы выбить почву из-под ног нацистов? Надо было просто оставить их у кормила власти в Германии. Сказать им одно: «Давайте, продолжайте в том же духе, попытайтесь управлять собой сами; назвались груздем — так ползайте в кузов. А мы вмешиваться не станем, но что вы будете есть — ваши проблемы. Вы заварили всю эту

кашу, так расхлебывайте ее!» Тогда бы это стоило жизни не одному миллиону немцев.

— Ничто вам не мешает заявить об этом на процессе, — посоветовал я.

— А я заявлю, и, будучи специалистом в области производства, сумею это доказать, и мне думается, мои доводы будут приняты во внимание.

Шпеер упомянул, что намеки Геринга своему адвокату по поводу защиты отнюдь не свидетельствовали о героическом настрое бывшего рейхсмаршала, который и сам толком не верил в то, что сумеет ввести всех в заблуждение, прибегнув к актерским ужимкам. Рекомендованные Герингом в качестве свидетелей защиты бывшие его подчиненные по работе в министерстве авиации Мильх и Боденшатц прекрасно знали своего бывшего шефа, чтобы слишком уж распространяться в его поддержку.

Я заметил, что все военные, пытаясь оправдать себя, прибегают к одному и тому же приему, то есть упорно стараются прикрыться одной и той же формулировкой — «приказ есть приказ!» И происходившее вне их должностных рамок, мол, к ним отношения иметь не должно.

— Не знаю, что вы об этом думаете, — сказал я, — но лично я убежден, что когда в Европе воцарится мир, с германским милитаризмом должно быть покончено.

Шпеер со мной согласился. По-видимому, его нынешние антимилитаристские и антигитлеровские убеждения были искренними, этот человек хоть и с запозданием, хоть и не без определенной доли оппортунизма, но все же пришел к ним.

— Как могли вы на протяжении стольких лет сотрудничать с монстром, каким был Гитлер? — поинтересовался я у Шпеера.

— Должен признаться, что это проявление слабости с моей стороны, — ответил Шпеер. — Я не хочу казаться лучше, чем я есть. Мне следовало бы раньше это понять, я, собственно, это и понял раньше. Тем не менее продолжал участвовать в этой преступной игре, пока не стало слишком поздно... Так было проще... Я-то прекрасно понимаю, что 20 июля 1944 года я мог и должен был присоединиться к заговорщикам.

И хотя я даже стоял в списке будущих министров на случай, если заговор окажется успешным, фактически я не имел к нему никакого

отношения. А когда покушение обернулось неудачей, когда выяснилось, что и моя фамилия в списке заговорщиков, тогда мне следовало сказать: «Мне кажется, мы ведем легкомысленную политику!» Мне следовало настоять ни принятии решения, настоять хоть на чем-то, что изменило бы существовавшее тогда положение, или же заняться подготовкой нового покушения, на что, собственно, я и решился впоследствии. Но я предпочел просто тихо самоустраниться от всего, заявив, что меня, мол, не касается, что я включен в будущий кабинет и что и впредь буду поддерживать Гитлера. Это было проявлением малодушия и двуличия, которые я себе не могу простить с тех пор, как осознал, что Гитлер затеял смертельную игру, поставив на карту жизнь и благополучие всех немцев. Но я гнал от себя подобные мысли. Слишком уж опасны были они. К тому же наготове было гладкое объяснение — патриотизм, война и так далее и тому подобное. Но я виновен и этого не собираюсь отрицать.

В процессе беседы Шпеер упомянул, что Геринг в апреле 1945 года предпринимал попытки встать во главе Рейха. Я поинтересовался у Шпеера, не тогда ли, когда Герингу было предложено взять на себя правление Германией. Дело в том, что мы не совсем поняли друг друга — выяснилось, что Геринг лгал мне, утверждая, что ему «предложили» возглавить государство. Шпеер был у Гитлера, там же присутствовал и Борман, когда пришла телеграмма Геринга.

Шпеер точно помнит, что ни о каких телеграммах, в которых черным по белому было бы сказано, что Геринг назначается главой правительства, речи не было и быть не могло. Поэтому Гитлер и рассвирепел, прознав о несанкционированном шаге Геринга. Геринг исходил из чистой теории, что, дескать, у Гитлера просто нет возможности для исполнения в полной мере обязанностей главы государства. И пожелал сам пробиться в шефы.

— В таком случае у Гитлера были все основания полагать, что Геринг старается отпихнуть его, — размышлял я.

— Разумеется. И в Мوندорфе я упросил Геринга, поскольку не хотелось раскрывать карты относительно своих собственных планов устранения Гитлера. Потом он разозлился на меня, что, дескать, я обвинял его в измене, а сам тайком готовил устранение Гитлера.

Самым любопытным из всего, что мне довелось узнать от Шпеера, было то, с какой легкостью Геринг сумел обдурить нас, американцев,

не грешивших знанием деталей всех подковерных интриг гитлеровских бонз, и зажимать рот обвиняемым с тем, чтобы не вышла наружу правда о том, как все было.

Камера Риббентропа. Войдя в камеру Риббентропа, я начал беседу с того, что невзначай заметил, каких сил и времени ему стоит подготовка собственной защиты.

— Крайне трудно в таких условиях подготовить защиту, — ответил бывший глава внешнеполитического ведомства Рейха. — Действительно, очень сложно. Знаете, нам ведь и тех трех недель не дали, которые мы для себя попросили. Очень трудно. Столько документов.

— А вообще, как появился на свет этот договор о ненападении с русскими? Что же это было? Внезапное озарение, так сказать, или же плод долгих размышлений? Не могу себе представить, чтобы вы на протяжении длительного времени вели политику сближения с Советской Россией — вспомнить хотя бы антикоминтерновский пакт.

— Ну, можно сказать, что это решение действительно было довольно неожиданным; все решилось за каких-то пару месяцев. И, знаете, это была моя идея. Я ведь всегда стремился к сотрудничеству между Россией и Германией.

Риббентропу было явно невдомек, что оба утверждения плохо сочетаются друг с другом.

— Знаете, я не принадлежал к числу фанатиков от идеологии, к таким, как Розенберг, Штрейхер или Геббельс. Я был купцом, космополитом, привыкшим решать экономические вопросы, поддерживать благосостояние нации и думать о том, как с ним лучше обойтись. Если мною бы не побрезговали коммунисты — что ж, неплохо. Если национал-социалисты — тоже хорошо.

Этот человек, мягко выражаясь, не скрывал своего вполне меркантильного оппортунизма. Вот, смотрите все, какой я, Риббентроп, открытый для любых идей и направлений, к тому же и мыслю по-государственному. Вот только у Риббентропа что ни фраза, то ложь или двуличие.

— К войнам ведь ведут социальная напряженность и экономические кризисы — дело было не в Данциге (сравните его высказывания от 12 февраля). Но ведь Англии ничего не стоило

предотвратить эту войну, скажи они слово — и все, никакой войны бы не было.

— Какое именно?

— Слово «пожалуйста!» Только и всего. Если бы они сказали так полякам — никакой бы войны не было. Наши требования были вполне разумны и умеренны. И незачем было из-за них развязывать войну.

Снова старая песня. Я поинтересовался у Риббентропа, не был ли договор о ненападении с Россией продиктован всего лишь стремлением развязать себе руки для войны с Польшей.

— Нет, этого утверждать нельзя, все не так просто. Мы желали достичь мирного решения с Польшей. Не следует забывать, что в дипломатии простых ходов не бывает. Все очень и очень сложно, трудно и тяжело.

— Несомненно, это так. И тем не менее, почему вы все же решили пренебречь договором о ненападении с Россией? Мне кажется, это был ваш последний, фатальный неверный ход, я уже не говорю о моральных последствиях.

— О, я всегда был за сохранение мира с Россией. В конце концов, именно я подписался под этим договором. Да, я всегда выступал за мир с Россией, так было до марта 1941 года. Я верил, что с русскими *можно было* вести дела... Когда я впервые оказался в Зимнем дворце — что же я там увидел? Картину, на которой был изображен царь Николай с крестьянами. Это говорит о том, что даже коммунисты почитали царя, трудившегося на благо народа. Я рассказал об этом Гитлеру, добавив, что коммунистическая революция вошла в фазу разумной эволюции, и у нас есть все возможности для достижения взаимопонимания с ними.

— Если все обстояло именно так, почему вы напали?

Мы уже однажды затрагивали эту тему, но на сей раз я чуть изменил направление.

— Ну, вина за развязывание этой войны лежит не только на нас. Мне кажется, Гитлер просто боялся того, что действительно произошло впоследствии.

Вроде Риббентроп уже на пути к истине.

— Что именно? — попросил его уточнить я.

— Разрушения Германии, — произнеся это, Риббентроп прямо-таки просиял, будто абсурдным образом сумев доказать верность своей

точки зрения.

— А разве это не служило еще одной причиной, чтобы попытаться все же избежать войны, а не очертя голову кидаться воевать?

Риббентроп держал паузу, лихорадочно подыскивая подходящий аргумент. В конце концов тихо вздохнул.

— Да, истории еще предстоит в этом разобраться.

— Разобраться в том, что Гитлер — самый деструктивный, самый жуткий безумец в новейшей истории?

— О, его, вероятно, можно назвать жестким, требовательным, но ни в коем случае не жестоким. Жестоким был Гиммлер. А в последние годы он, по-видимому, просто лишился рассудка. Мне кажется, это он сумел убедить Гитлера сделать этот шаг.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, Гиммлер отличался жестокостью школьного учителя-педанта, принимающего решения вне влияния каких бы то ни было человеческих переживаний.

— Большинству ныне живущих на этой земле понятно, что это в той же мере приложимо и к Гитлеру. Оба, судя по всему, прекрасно понимали друг друга.

Риббентроп явно вздохнул с облегчением, когда постовой объявил о скором начале церковной службы.

Камера Заукеля. Заукель продолжал трястись от страха, что казалось выработки им линии своей защиты, то она не претерпела существенных изменений: в период войны он ограничивался исполнением своего долга по отношению к фатерланду. Заукель в ту пору был убежден, что навязанная Германии война — дело рук большевиков, евреев и капиталистов, но теперь ему, разумеется, ясно, что все это — пропаганда. Он рассуждал об идеале добросовестной работы, об ужасах инфляции и безработицы, о том, как пытался достойно обходиться с пригнанными в Германию на принудительные работы иностранцами, и о том, какой он добрый христианин.

— Что-то я никак не пойму, как способны ужиться с христианской и любой иной моралью, с уважением к правам личности насильственное перемещение иностранных граждан со своей родины и принудительный труд их на благо Германии?

— Знаете, — Заукель нервно запнулся, — вы должны понимать — шла война, и мы уже успели понять, что это означало. Мне была предложена должность, отказаться от которой я не имел права, но я делал все возможное, чтобы с ними обращались достойно. Вот, здесь у меня книги, где говорится, какую политику я проводил (читает): «Сытый рабочий — хороший рабочий». А ко всем этим ужасам, творимым в концентрационных лагерях, я вообще не имел ни малейшего отношения...

Камера Геринга. После того, как его агрессивный цинизм и влияние, оказываемое на окружение, потерпели фиаско, Геринг встал в позу неверно понятого и приветливого радетеля за все человечество. Вытирая после еды свою миску коркой хлеба и дожевывая, Геринг оправдывался:

— Нет, на самом деле, профессор, поймите — никакого я не бесчувственное чудовище, для которого человеческая жизнь — ничто. И все эти творимые ужасы и меня не оставили равнодушным.

Но мне уже пришлось на своем веку повидать и тысячи обгорелых, изуродованных трупов первой мировой войны, и познать, что такое голод. И тысячи обгорелых трупов женщин и детей, погибших в авианалетах этой войны. Конечно, хорошо, что Фриче сломался, насмотревшись на то, что было показано на экране, его даже освободили от участия в процессе. Но ему за всю войну только и приходилось, что сообщить по радио о том, что Берлин или Дрезден стали объектом очередного террористического налета, при котором погибло столько-то человек. А я ехал сам взглянуть на трупы, иногда заставал и догоравшие, потому что я был *министром авиации*. И мне нет нужды смотреть фильмы, чтобы понять, как выглядит ужас войны.

— Мне казалось, что вы сыты по горло ужасами и разрушениями Первой мировой, причем настолько, чтобы ни в коем случае не допустите их повторения.

— Да, все это так, но не забывайте, что это не от меня зависело. Я предпринимал все, чтобы не допустить ничего подобного. Я ведь уже говорил вам, что даже за спиной Гитлера пытался вести переговоры.

И убежден, что Гитлер смог бы получить все, что желал, и без всякой войны, стоило ему только, так сказать, захотеть по-настоящему.

— Неужели вы действительно предприняли все, что в ваших силах? Вы что же, взбунтовались? Попытались убить его? Или подали в отставку? Все ваши действия можно было бы оправдать, если бы вы действительно предприняли хоть одну попытку предотвратить катастрофу.

— Ладно, предположим, я бы решил уйти со своего поста — решился на нечто такое, что абсолютно несовместимо ни с честью офицера, ни с любовью к фатерланду. Предположим, я бы даже ушел. Вы думаете, это бы что-то могло изменить? Ничего подобного! Тогда министром авиации стал бы Кессельринг, Мильх, или Боденшатц, или кто-нибудь еще, и все бы разыгрывалось по тому же сценарию. Или вообразим себе, что он отдает приказ, а я его не выполняю. Вы думаете, что кто-нибудь подчинился бы мне? Прислушался ко мне? Да Гитлеру не было бы нужды даже расстреливать меня. Он просто сказал бы: «Бедняга Геринг, вы его не слушайте, у него с головой не в порядке». Неужели вы этого не понимаете? Такие вещи были невозможны в принципе.

Я ответил, что в таком случае все прекрасно, и он может занять любую позицию перед судьями, но ведь и у остальных ничуть не меньше прав защищать себя так, как они сочтут необходимым. И тут Геринга занесло — снова из него так и прыскал героизм.

— Знаете, не следует переоценивать значение человеческой жизни, мой дорогой профессор. Рано или поздно все мы умрем. И если мне предоставляется возможность избрать смерть мученика, тем лучше. Вы думаете, всем открывается подобная возможность? То, что существует перспектива того, что мои кости уложат для погребения в мраморный гроб, поверьте, это уже намного больше, чем может рассчитывать большинство смертных.

Разумеется, дело не столько в том, что это непременно будут мои личные косточки. Это как с Наполеоном или Фридрихом Великим... Сколько раз французы подвергали разграблению места их захоронения! Или взять, к примеру, щепки от Креста Господня. Я всегда говорил, что если бы собрать все щепки от Креста Господня, то можно было бы возвести целый лес таких крестов, ха-ха-ха! Нет, пусть это будут и не мои личные кости — а сама идея.

Камера Гесса. Гесс продолжает жаловаться на желудочные колики и на то, что охрана у дверей камеры мешает ему заснуть. Правда, он не знает, *умышленно* ли ему мешают спать. (Гесс запнулся на слове «умышленно», будто из боязни, что снова вылезут наружу его параноидальные идеи касательно намеренно дурного с ним обращения.) Он, по его словам, не уверен, исходит ли это от самого полковника, или же от кого-нибудь рангом повыше. Желудочные колики и бессонница донимают его так, что он не может сосредоточиться. Гесс заявил, что вопрос о защите не слишком занимает его, но так как он готовит текст своего последнего слова, то это требует сосредоточенности. Я любопытствовал, не рассматривает ли он это как помехи, чинимые подготовке им своей защиты.

— Вероятно, противная сторона считает необходимым чинить подобные препятствия с целью повлиять на мою способность сосредоточиться. Никаких иных причин я не вижу.

Это было произнесено в его обычном, апатично-серьезном тоне и сопровождалось едва заметной жестикуляцией и пожатием плеч, чтобы не показаться собеседнику излишне категоричным в своих суждениях. Так что пока с чувством реальности Гесса все было в порядке.

Я стал расспрашивать его об Олендорфе, Бах-Зелевски, Лахузене — о свидетелях, чьи выступления на суде были еще свежи в памяти обвиняемых и которые открыто заявляли о нацистской программе геноцида. Гесс попытался вспомнить о них, но чувствовалось, что перечисленные мною фамилии мало что могут сказать ему, по-видимому, он вообще путался в событиях, связанных с процессом. Он вспомнил советский документальный фильм, виденный им три дня назад, а вот об аналогичном американском фильме, показанном три месяца назад, имел лишь отрывочные воспоминания. Он в целом помнил Паулюса, дававшего показания две недели назад. Я снова задал Гессу вопрос о том, сколько уже продлился процесс, он до сих пор был уверен, что процесс продолжается уже 6 месяцев. Я возразил ему, указав на то, что первое заседание трибунала состоялось 20 ноября, после чего он прикинул, что с тех пор миновало четыре месяца (хотя в действительности всего три).

Если суммировать нынешнее состояние его памяти, то его можно охарактеризовать так: относительно неплохое запоминание событий

одно-двухнедельной давности, но значительное помутнение памяти даже при попытке вспомнить о значительных и ярких событиях двухмесячной давности и более ранних.

В конце нашей беседы Гесс вновь пожаловался на желудочные колики и постоянные помехи сну в ночное время.

— Я не могу понять, какой смысл может иметь поднимаемый по ночам шум, разве что лишь для того, чтобы помешать мне сосредоточиться. Другого быть не может!

Я пообещал ему, что займусь этим вопросом.

27 февраля. Свидетели уничтожения

Утреннее заседание.

Оставшийся в живых житель г. Вильнюса, по национальности еврей, рассказал о том, как в городе Вильнюсе личным составом зондеркоманды СС было зверски умерщвлено около 80 000 евреев, в том числе грудных младенцев, включая и ребенка самого потерпевшего. Затем полковник Смирнов продолжил доклад о проводимых в концентрационных лагерях экспериментах над заключенными, о массовых убийствах больных в госпиталях.

Были заслушаны свидетельские показания одной женщины, бывшей заключенной лагеря Освенцим Северины Шмаглевской, рассказавшей о жестоком обращении с женщинами и детьми. Появившихся на свет в лагере детей немедленно отнимали у матерей, и те их больше никогда не видели. Свидетельница обратилась с горестным вопросом к залу: «От имени всех женщин Европы, ставших матерями в концентрационных лагерях, я спрашиваю у немецких матерей: «Где сейчас наши дети?»»

При этих словах некоторым из адвокатов пришлось закусить губу. Свидетельница рассказала о чудовищных фактах того, как в 1944 году еврейских детей живьем бросали в печи крематория. При этих словах свидетельницы большинство обвиняемых опустили голову. Функ демонстративно повернулся спиной к Штрейхеру и продолжал сидеть,

обессиленно откинувшись на спинку стула; Розенберг беспокойно ерзал на своем месте. Геринг и с этой проблемой справился в своей обычной манере — снял наушники. Гесс выступление свидетельницы не слушал.

Обеденный перерыв. В конце утреннего заседания перед обедом адвокат Дёница обратился к своему клиенту с вопросом:

— Так что же, *никто* и ничего не знал о том, что происходило? — В ответ Дёниц лишь покачал головой и грустно пожал плечами.

Обернувшись, Геринг бросил через плечо:

— Разумеется, никто! Вы же знаете, как это бывает даже в самом обычном батальоне — командиру батальона неизвестно, что творится на фронте. Чем выше ранг, тем меньше вам известно из того, что творится.

Мне даже трудно было вообразить более убедительного аргумента, который говорил против военной иерархии. Обратившись к извращенной логике милитариста, Геринг нисколько не сомневался, что дает наиболее понятное объяснение.

Когда обвиняемые отправились наверх обедать, Геринг снова стал жаловаться мне, что вынужден сидеть в неотапливаемом помещении. Я изо всех сил старался не сорваться.

— Почему вы не слушаете свидетельские показания? — спросил я его.

— Потому что не хочу слушать, как тысячу раз повторяется одно и то же, — раздраженно буркнул он в ответ.

Обвиняемые спокойно обедали в отведенных для них пяти отсеках; увидев меня, они ничем не обнаружили своего стремления побеседовать друг с другом. Подойдя к Йодлю, я поинтересовался у него, считает ли он действительно возможным, что никто не знал об упомянутых событиях. Тут же в углу расположился и Кальтенбруннер.

— Конечно, кто-то об этом знал, — невозмутимо ответил он. — Существовала целая командная цепочка от начальника РСХА до тех, кто непосредственно выполнял эти приказы.

Затем я подошел к Кальтенбруннеру.

— Как я понимаю, и вам не было ничего известно об этом?

— Нет, конечно, — прошептал в ответ он. — Те, кто это делал, сейчас мертвы. Гитлер, Гиммлер, Борман, Эйхман.

— Что же, выходит, кроме этих нескольких человек, которые обо всем знали, нет никого, кто отвечал бы за убийство миллионов людей, за сожженных в печах заживо детей?

— Нет, нет — такие есть. Это те, кто непосредственно участвовал в этом. Но я к этому не имею никакого отношения.

— Но разве не вы были начальником РСХА?

— За концентрационные лагеря я не отвечал. Мне вообще о них ничего не известно.

В отсеке, где обедали пожилые, несколько обвиняемых только покачали головой. Дёниц еще глубже уткнулся в свою газету. Лишь Шахт имел мужество нарушить затянувшееся до неприличия молчание и положить конец этим рассуждениям оголтелых нацистов. Шахт заявил, что протестовал против гестаповских методов, против преследования евреев и т. д., всегда прикрываясь идеей, что, дескать, «это вредит коммерции», поскольку иных доводов для Гитлера не существовало. Посол США в Германии довел до сведения Шахта предложение Рузвельта о том, чтобы вооружение ограничивалось полной выкладкой солдата. Шахт пытался нажать на Гитлера, уговорить его поддержать это предложение, но Гитлер назвал его неприемлемым и недвусмысленно указал Шахту на то, чтобы тот занимался своими делами и не совал нос куда не следует.

В отсеке младших обвиняемых я чуть дольше остановился на том, что сейчас никто ни о чем не знает и не ведает. Пропагандисты, которые как только не изощрялись, чтобы поскорее избавиться от евреев, утверждают теперь, что ни к преследованиям евреев, ни к их уничтожению не имели никакого отношения. Фриче попытался объяснить, что пропаганда, насколько он может о ней судить, имела задачей всего-навсего изолировать евреев. Я указал на то, что именно это и послужило первым шагом на пути к их геноциду. Покраснев, Фриче снова впал в депрессивное состояние.

Послеобеденное заседание.

Бывший заключенный лагеря смерти Трешлинка рассказал, как осуществлялся отбор жертв для последующего уничтожения — в течение 10 минут после прибытия в лагерь мужчин и 15 минут для женщин. Добавка этих пяти минут

диктовалась необходимостью остричь у женщин волосы. Имитация железнодорожной станции должна была создавать у узников впечатление, что здесь их выгружали лишь для пересадки и отправки дальше.

28 февраля. Признания обвиняемых

Обеденный перерыв. В обеденном отсеке пожилых Дёниц настаивал на том, что немцы должны твердо уяснить себе, что данный процесс законен и оправдан, если действительно хотят сотрудничать с союзниками и завоевать их доверие.

— Не забывайте, что именно немцам принадлежит право первыми предъявить счет своим фюрерам за предательство их интересов.

Любопытно отметить, что Дёниц в конце концов в условиях свободы дискуссий все же пришел к мысли о предательстве нацистскими бонзами интересов немецкого народа, что, вне всякого сомнения, стало возможным лишь с изоляцией Геринга.

— Должен сказать, вначале сама мысль, что меня отдадут под суд, вызвала во мне бешенство — я ведь ничего не знал о творимых бесчинствах. Но теперь, когда я выслушал столько свидетельских показаний, столько узнал о двуличии, об этих грязных делах на Востоке — теперь я доволен. Теперь есть возможность до всего докопаться.

Эти слова Дёница разительно отличались от того, что тот же Дёниц утверждал сразу же после ознакомления с предъявленным ему обвинением, назвав его «выдумками американцев».

Потом обвиняемые стали пытаться перещеголять друг друга в том, кто раньше осознал правомерность и необходимость данного трибунала. Отчасти это произошло вследствие моего присутствия, дескать, он — американский офицер, в конце концов, и к его мнению тоже прислушаются. Как бы то ни было — данный спор работал на самовнушение и коллективное внушение, он обнажил скрытое недовольство Гитлером и Герингом.

— Я ничего не имею против этого процесса, — заявил Шахт. — Против чего я возражаю, так это против того, что со мной обращаются,

будто я заключенный. Нет, действительно, я не против этого процесса. Я считаю, что нацистская верхушка должна быть разоблачена!

— И я готов принять этот год тюремной изоляции в качестве моего личного вклада в дело разоблачения гитлеровского режима перед немецким народом, — вставил Папен. — Пусть немецкий народ увидит, как его обманули, ему тоже предстоит внести свой вклад в искоренение нацизма.

— Мы должны об этом заявить во всеуслышание, — настаивал Шахт.

— Да, да, конечно, — поддержали его трое остальных обвиняемых.

— Ведь порядочные немцы настроены судить куда строже союзников, — продолжал Шахт. — Но должен сказать, Рузвельт был единственным, кто сумел сразу же распознать намерения нацистов. И только он один никогда не посылал своих представителей на всякие там партийные съезды, никогда.

Дёниц извлек из кармана газету, где были опубликованы отрывки из бесед Рузвельта у камина 17 апреля 1938 года.

— Вот, даже Рузвельт понял, что немцы отказались от демократии вследствие того отчаянного положения, в котором оказались.

Дёниц зачитал слова Рузвельта, где президент США говорил о том, что растерянность, невозможность справиться со сложной ситуацией в экономике, отсутствие надлежащего руководства заставили некоторые нации отвернуться от демократических принципов управления.

— Да, Рузвельт был единственным, кто действительно понимал, куда мы несемся, — повторил Шахт.

Я упомянул одно высказывание Геринга, утверждавшего как раз диаметрально противоположное.

— Ах, чего этот толстяк ни наговорит! — воскликнул Шахт. — Уж к кому-кому, но к нему прислушиваться нечего! Этот языкастый хвостун способен кого угодно выставить виноватым, кроме себя самого!

— Верно, — согласился Папен, — он только и знает, что по поводу и без повода разевать рот, но это ему не поможет.

— Все, на что он способен, так это разбивать витрины, — презрительно усмехнувшись, добавил Нейрат.

Камера Риббентроп. Риббентроп, как обычно, сидел за составлением конспекта своей защиты. Вид у него был неряшливый, чувствовалось, что этот человек запутался. Я решил продолжить обсуждение договора о ненападении с Советской Россией и его нарушение.

Я высказал мнение, что некоторые носят с теорией, что русские и немцы уже заранее сговорились о разделе Польши при подписании германок-советского договора о ненападении.

— Нет, это не так, — не согласился Риббентроп, как обычно, без особой убежденности. — Поймите, дипломатия — вещь не такая простая, какой иногда может показаться. Естественно, мы брали в расчет возможность войны с Польшей, такая возможность обсуждалась с русскими. Но данный договор был подписан мною и Гитлером на принципе свободного волеизъявления. Конечно, найдутся и такие, кто склонен утверждать, что русские заключали этот договор с учетом своих агрессивных устремлений. Мне об этом ничего не известно, но кое-кто утверждает подобное.

— Но, насколько я могу понять, этот договор был *вашей* идеей?

— В общем, да... — Риббентроп затянулся трубкой, раздумывая над подходящим контрдоводом. — Но русские предприняли первый шаг, это неоспоримо. — Некоторое время он молча курил. — Да, у них всегда своя манера решать что-либо, это уж точно. (Выражение Риббентропа «это уж точно» служило несомненным признаком его лжи.) Отчего все так верят, что все было оговорено заранее? — спросил он у меня.

— Потому что им кажется подозрительным, что Германия и Россия без каких-либо серьезных разногласий быстро поделили между собой Польшу.

— Да, но русские отхватили себе часть Польши после окончания войны — это уж точно. — Риббентроп снова затянулся дымом и уже не стал предпринимать очередной попытки показать, что это должно было служить подтверждением его лжи. Во мне крепла уверенность, что этот человек деморализован окончательно, что ему сейчас невдомек, звучит ли его ложь убедительно и есть ли смысл вообще в его утверждениях.

Риббентроп продолжал расписывать могущество русских. Тито — человек Коминтерна, утверждал он, Франко столкнулся у себя в Испании с проблемами, и это означает, что к власти придет Хуан Негрин — еще один человек Москвы. Россия, без сомнения, воцарится и в Европе, и в Азии. А может, это и к лучшему, то есть я хочу сказать, что не так уж это было бы и неправильно. Такого рода перемены должны происходить — это уж точно. Россия — огромная мощь. И я не знаю, как Англия будет от нее обороняться. И Америка.

Камера Папена. Папен как раз читал перевод статьи о милитаризме из «Сэтердсй ивнинг пост», перепечатанный одной из немецких газет. Он был весьма удручен, что я не принес ему газет, ибо ему, рассчитывал Папен, после освобождения необходимо быть в курсе всего.

— Да, особенно если вы собрались просветить народ на тему прегрешений нацистских фюреров, — заметил я.

— Вот именно. Это самое главное. Как говорится в этой статье, милитаризм подрывает независимость каждого в отдельности. Он находится в противоречии с христианским учением о человеческом достоинстве.

— И заиклен на ложных идеалах героизма, на в корне неверном представлении о чести и достоинстве — как расстрельные приказы Кейтеля, как расхищение ценностей Геринга. Это по своей сути аморальная позиция, не признающая никаких прав, сводящая все к одной-единственной краткой формулировке — «приказ есть приказ!»

— Вы абсолютно правы, герр доктор, — с нажимом произнес Папен. — Вам не кажется, что будет куда действеннее, если немецкий народ услышит это из уст немца?

Я стал замечать, как Папена охватывала самая настоящая ярость по отношению к милитаризму и его приверженцам — лицо приобретало мефистофельские черты, так было всегда, стоило ему оскалиться и взметнуть вверх брови.

— Это подлое подавление всякого инакомыслия, это презрение всего, что не вписывается в милитаристскую концепцию стойки смиренно перед начальством! Это попираание человеческого достоинства! Растление молодежи! Этот народ предстоит перевоспитывать — фундаментально перевоспитывать! Мне кажется, пропагандисты,

распространявшие это обожествление милитаризма, виноваты больше всех остальных!

Геббельс вещал: «Мы должны взять на вооружение тактику католической церкви для того, чтобы впечатать наши идеи в голову немецкой молодежи». Да, но как можно вообще ставить на одну доску эту идеологию растлителей с христианским вероучением? Нацистская идеология была противопоставлением всей морали и человеческому достоинству.

Затем мы перешли к обсуждению общих вопросов, в частности, того, как поставить решение экономических проблем под контроль общества, не нарушая прав личности, как это имело место при диктатуре, а, наоборот, как расширить рамки свобод отдельного гражданина с тем, чтобы он получил возможность строить свою жизнь в соответствии со своими способностями и индивидуальными склонностями. Папен пообещал кое-что из этих мыслей обнародовать на процессе, однако он опасался, что суд не даст ему такой возможности, ограничив его предоставлением прямых ответов на поставленные вопросы.

Чуть позже я принес ему вчерашние газеты, указав на статью, где была приведена одна цитата из «Правды», содержащая обвинение в адрес Ватикана в якобы пронацистской позиции. Там было упомянуто и о том, что конкордат Папена с главой католической церкви и положил начало пронацистской политике.

— Разумеется, чего еще можно ожидать от этих русских? Должны же они и впредь проводить свою враждебную церкви политику, но в действительности Римский Папа никогда не поддерживал нацистов. С приходом к власти радикальных элементов я понял, что самое время в законодательном порядке определить права церкви. В этом Папа был со мной согласен. Но мы достигли договоренности лишь по вопросу воспитания молодежи, о церковной собственности и т. п. Я был за подобную же договоренность с протестантами — но фактически по-настоящему нацистам оппонировали католики. Протестанты так и не смогли преодолеть раскол в своих рядах и не выступили единым фронтом против нацистов, не считая пастора Нимёллера и еще нескольких лиц. Я вовсе не хочу сказать, что они вообще не оказывали *никакого* сопротивления, но уж католики явно были не за Гитлера.

— Нет, они друг друга не переносили. И Гиммлер, и Гитлер, и Борман не скрывали своей ненависти к церкви и, насколько мне известно, после победы собирались устранить церковную иерархию. (В данном случае я ссылаюсь на слова Лахузена.)

Папен с готовностью кивнул.

— И Геринг так разочаровал меня. Мне казалось — потому что он все же выходец из иных кругов, его отец был одним из высокопоставленных чиновников во времена кайзера, — так вот, мне казалось, что полученное им воспитание предполагало наличие каких-то моральных установок, что он не даст себя увлечь радикализмом Гитлера. Вместо этого он во время своих выступлений в рейхстаге каждый раз возносил Гитлера до небес и даже не подумал выразить протест по поводу творимых беззаконий.

Геринг явно не ошибался, утверждая, что Гитлер охотно прибегал к его услугам, поскольку у Геринга была тьма почитателей среди юнкерства и офицерства.

— Я делал все, что мог, — продолжал Папен. — Я даже заявил королю Швеции, чтобы тот использовал свое влияние, чтобы убедить Гитлера в ошибочности его антисемитской политики. Я требовал дать ему вопросник, чтобы он это подтвердил.

Камера Нейрата. Нейрат докуривал вторую из двух сигарет, преподнесенных ему мною ко дню его рождения. Подготавливая свою защиту, он приводил свои разногласия с Гитлером согласно документу Хосбаха, затем объяснил свою роль в Мюнхенском соглашении и в чехословацких событиях.

Когда Чемберлен заявил о своей готовности ради предотвращения войны прибыть в Мюнхен и обсудить вопрос о Судетах, Нейрат встретился с Гитлером, желая переубедить его, хотя к тому времени уже не был главой внешнеполитического ведомства. Нейрат был вынужден буквально уговаривать Гитлера, и в конце концов он сумел его убедить, что Муссолини будет лишь приветствовать заключение такого соглашения. Гитлер заявил Нейрату следующее: «Ладно, если Муссолини за, я согласен выслушать».

Нейрат сумел организовать телефонный разговор Гитлера и Муссолини, тот не протестовал. По прибытии Чемберлена и Даладье он приветствовал обоих глав государств, а позже поинтересовался у

Даладье, не желает ли Франция предварительно проконсультироваться с Чехией по вопросу о Судетах (я спросил у Нейрата, почему же все-таки никаких консультаций не было).

— Знаете, что мне ответил Даладье? Это даже как-то неудобно повторять вслух. Он мне сказал: «Чехи поступят в точности так, как мы скажем». Так и сказал. Но после подписания соглашения он все же забеспокоился: «По возвращении домой меня ждет побитие камнями». Я успокоил его, что по возвращении его встретят с ликованием — ведь он предотвратил войну. Так и случилось. И его, и Чемберлена встречали ликующие толпы англичан и французов — все верили, что мир в Европе спасен.

Камера Гесса. Гесс снова принялся жаловаться о том, что желудочные колики и шум, производимый по ночам охранниками, никак не дают ему сосредоточиться.

— А что, другие разве не жалуются на них? — спросил он.

Я ответил, что подобные претензии выдвигал Риббентроп и некоторые другие обвиняемые. Гесс заметно заикался, было видно, что он с трудом подбирает нужные слова, чтобы выразить свои мысли; иногда он вовсе не заканчивал фразы — не мог подобрать нужного слова. Слова, на которых он спотыкался, не относились к разряду эмоционально-окрашенных или сложных для запоминания. Он сказал, что ему стало тяжело следить за ходом процесса, поскольку абстрактное юридическое приведение доказательств (о вине партийных организаций) непосильно для его понимания. Гесс утверждал, что временами ход его мыслей внезапно меняется, и он внезапно понимает, что не слушает.

Я проверил его память, предложив ему перечислить главных свидетелей, и установил, что он забыл не только тех свидетелей, которых заслушивали всего неделю назад, но и Паулюса, что говорило о прогрессирующей частичной потере памяти о событиях более чем двухнедельной давности. При упоминании Паулюса он переспросил меня, не выступал ли тот в качестве свидетеля, поскольку имя ему кажется знакомым.

— Вы можете припомнить какое-нибудь связанное с ним событие? — спросил я Гесса.

— Не знаю — мне кажется, что его имя связано со свидетельскими показаниями.

— Вы не помните, о чем он говорил?

— Нет. Этого я не помню.

— Вы помните, как вы полетели на самолете в Англию и все, что связано с этим полетом?

— Я помню, *почему* я полетел в Англию, но деталей не помню. А что, раньше я об этом помнил?

— Да, когда к вам вернулась память, в течение двух недель она отличалась полной ясностью. Ну, видите, герр Гесс, — я придаю своей речи оттенок серьезности, — я должен помочь вам освежить память. Попрошу вас описать все, что вы помните о своем полете в Англию. Потом мы сравним записанное вами с тем, что вы приводили в вашем письменном интервью для прессы. Помните о нем?

Гесс интервью не помнил.

— Я помогу вам вспомнить о вашем полете в Англию. И о свидетелях. Вы же не хотите, чтобы на процессе, когда вас спросят о чем-либо, вы встали и просто сказали, нет, ничего не помню, в особенности после вашего признания в том, что вы лишь симулировали потерю памяти.

— Нет... нет...

Я заверил Гесса, что еще зайду к нему сегодня. Не успел я покинуть его камеру, как Гесс тут же стал усаживаться за описание своего полета в Англию. Я заметил, что в процессе описания своей одиссеи Гесс ненадолго ложился на койку подумать, после чего поднимался и продолжал записи.

Примерно три часа спустя я снова был в его камере — к тому времени Гесс, уложившись в 300 слов, завершил описание своего полета, приведя и некоторые сопутствующие обстоятельства, опустив, однако, кое-что из деталей, которые помнил раньше. Я пообещал ему прийти еще раз и принести с собой записанные на листке бумаги вопросы, чтобы понять, что же он помнил, а что нет, и что в дальнейшем буду раз в неделю приходить к нему для освежения его памяти.

— Разумеется, все это останется между нами, — добавил я на прощание.

Идея пришла Гессу по душе.

6 марта. Речь Черчилля

Когда обвиняемые утром один за другим входили в зал заседаний, интерес к делу о поджоге рейхстага еще не успел остыть (в выходные дни в одной из газет появился очерк, в котором вина за поджог рейхстага в 1933 году приписывалась Геббельсу и Герингу). Риббентроп расспрашивал других обвиняемых, слышали ли они об этом, и все заговорили о пожаре рейхстага еще до того, как на скамью подсудимых уселся Геринг. Шахт повторил, что с самого начала знал об этом. Фриче заявил, что в свое время ему было сказано, что это — дело рук коммунистов, в чем он никогда не сомневался. Ухмылки Йодля свидетельствовали о том, что он не имел ничего против того, чтобы лишний раз увидеть, как бывший командующий люфтваффе садится в лужу, а Папен грустно качал головой. Фрик, наверное, был единственным, который не верил этой басне, да и вообще не желал вникать в ее правдоподобность. Он утверждал, что партия нацистов не нуждалась в таких пропагандистских уловках, как пожар рейхстага, она и так обладала большинством в рейхстаге, и посему вся идея никуда не годилась.

Обеденный перерыв. Сегодняшние заголовки газет явно работали на Геринга: ««Объединяйтесь против дальнейшего продвижения русских», — призвал Черчилль в Фултоне».

— Разумеется, я же об этом давно говорю, — торжествовал Геринг, поднявшись наверх во время обеденного перерыва. — Так было, есть и будет. Вы еще убедитесь, что я был прав. Снова на повестке дня старое доброе *равновесие сил*.

И когда я подошел к нему во время еды, Геринг снова начал свои разглагольствования.

— Это им за попытку сравнить нас с Востоком. Они никогда не могли решить, с кем нас сравнивать, с Западом или с Востоком. А теперь, видите ли, Россия кажется им слишком уж сильной, поэтому срочно нужно отыскать ей противовес.

Я спросил Геринга, верит ли он, что Англия пошла на подписание Мюнхенского соглашения ради того, чтобы, используя в качестве стимула Чехословакию, подстегнуть Германию к агрессии против России.

— Ну, разумеется, — ответил он, будто речь шла и действительно о чем-то само собою разумеющемся. — Но потом они убоялись, что Германия станет слишком сильной. Теперь их головная боль — Россия.

Он не скрывал того, что, мол, поделом этому Черчиллю, который не желал позволить Германии выступить на Восток, поскольку это сразу же отразилось бы на Англии.

В отсеке, где обедали пожилые обвиняемые, Папен, пробежав глазами заголовок, констатировал:

— Черт побери, а он режет напрямую!

Обвиняемые, встав из-за стола, окружили Папена, который стал вслух читать статью.

— Ну вот, пожалуйста! — Дёниц не скрывал удовлетворения. — Он снова в своей стихии.

— Разумеется, он приветствовал помощь России, когда без нее нельзя было обойтись, — заметил Нейрат, — но ведь теперь интересы Британской империи куда важнее. Не следовало ему делать русским столько уступок в Тегеране и Касабланке.

— В Ялте, в Ялте, — поправил его Дёниц. — Именно там все и происходило. Когда стало ясно, что война Германией проиграна, не было нужды идти на такие серьезные уступки русским. И теперь они осели в Тюрингии. Именно об этом я и писал Эйзенхауэру до своего ареста. Если вас так привлекает пророссийская политика, хорошо, но если нет, тогда срочно меняйте курс.

— Пока что это только слова, — скептически отозвался Папен. — Возможно, это всего лишь предостережение.

— Да, — высказал свое мнение Шахт, все время пристально слушавший. — Мне кажется, британским лейбористам не очень-то к лицу делать подобные заявления, вот поэтому они и обратились к Черчиллю сделать это за них.

Остальные обвиняемые сочли это за окончательное разъяснение, сойдясь на том, — что Британская империя должна быть сохранена, даже если вследствие этого репутация партии окажется чуточку подмоченной. Просто лейбористам захотелось дать русским предупреждающий сигнал, дескать, решая свои вопросы на Востоке, не прыгайте через голову англичан.

Свидетель: адъютант Боденшатц. Сегодня утром Геринга разбудили пораньше — ему предстояло позировать перед фотографом. Бывший рейхсмаршал заметно нервничал и снимался явно без обычного удовольствия. По мере того как заполнялся зал судебных заседаний, я заметил Герингу, что ему хотя бы не придется жаловаться на невнимание публики. Оглядевшись, Геринг убедился, что народу довольно много, однако он был слишком взвинчен, чтобы демонстрировать эйфорию от сознания того, что он вновь в центре внимания внушительной аудитории, к тому же понимая, что я имел в виду отнюдь не его почитателей. Гесс заявил, что его секретарша отказалась выступать в качестве свидетельницы.

— Разумеется, — констатировал Геринг, — с чего бы женщине желать окунуться во враждебную атмосферу? Я бы ни одну женщину к этому не стал принуждать.

Утреннее заседание. Когда доктор Штамер начал защитительную речь, Геринг беспокойно заерзал на своем месте; он попытался сделать какие-то записи, и я заметил, как сильно у него тряслись руки, затем он оставил эти попытки и, подбоченившись, уселся. Но и усидеть на месте оказалось для него непосильным бременем — каждую минуту бывший рейхсмаршал менял позу. Было видно, что он натянут, будто струна, — неудивительно, он видел перед собой тех, кого эта война ожесточила настолько, что эти люди вряд ли могли воздать должное его самодовольному бахвальству или солдафонскому юмору, разве что жестоким голым фактам.

Первый свидетель, бывший адъютант Геринга Боденшатц заявил, что в 1939 году люфтваффе не были готовы к войне и что Геринг за спиной Гитлера и Риббентропа пытался начать переговоры с Англией ради избежания войны с ней. В своих показаниях Боденшатц также упомянул и тот факт, что Геринг вызволил многих своих друзей из концентрационных лагерей. Свидетель Боденшатц силился представить своего начальника человеком миролюбивым. Обвинитель Джексон во время перекрестного допроса возразил, что Геринг действовал отнюдь не из лучших побуждений, как это пытается изобразить свидетель, подчеркнув, что Геринг был

осведомлен и о противозаконных заключениях в концентрационные лагеря, и о подготовке планов захватнических войн. Обвинитель Джексон сумел поймать свидетеля на неточностях и противоречиях показаний.

Обеденный перерыв. В опустевшем после завершения утреннего заседания зале ко мне обратился адвокат Зейсс-Инкварта:

— У американских судей солидный опыт проведения перекрестных допросов, а этот мистер Джексон наверняка один из самых квалифицированных.

Многие из обвиняемых отпускали полные злорадства комментарии по поводу взбучки, устроенной обвинителем Джексонем первому свидетелю Геринга. Йодль, который отнюдь не питал симпатий к Герингу, не скрывал своего удовлетворения.

— Забавное было представление, — посмеивался он. — Этот Боденшатц никогда звезд с неба не хватал. А Джексон — толковый обвинитель, я бы не прочь с ним скрестить шпаги.

В отсеке для пожилых Шахт тоже забавлялся над тем, что свидетеля Геринга посадили в лужу.

— Горьковата эта пилюля для толстяка! — хихикал он. — Ваш обвинитель Джексон вне сомнения дока по части перекрестных допросов. Даже если он не совсем уверен, что под кустиком схоронился кролик, он все равно тряхнет его на всякий случай, и бывает, что угадывает. (Позже Фриче приписывал себе авторство этого образного сравнения.) Любопытно было бы сразиться с ним.

По мнению Фриче, счет стал 1:0 в пользу обвинения.

Но главное состояло в том, что обвиняемые всерьез забеспокоились относительно исхода перекрестных допросов их самих. Папен, Дёниц и Шахт были едины в том, что при даче показаний лучше будет обходиться без бумажки и отвечать на все вопросы без запинки, и говорить одну только правду, и ничего кроме правды, ибо такой обвинитель пригвоздит любого, кто только попытается солгать.

Гесс по-прежнему жаловался на боли в животе, а Риббентроп — на то, что ему в любом случае не удастся завершить подготовку своей защиты.

Геринг был расстроен ходом утреннего заседания.

— Да, этот несчастный идиот действительно нагородил. Я с самого начала колебался, брать ли мне его в свидетели, но он всегда был мне предан и ничего не имел против того, чтобы замолвить словечко за своего шефа. Ничего, подождем, пока этот Джексон начнет допрашивать меня — я не этот неврастеник Боденшатц... Должен сказать, что я даже польщен — первый обвинитель самолично подвергает перекрестному допросу моего свидетеля.

И раздраженно вытер миску куском хлеба. По нему было видно, что бывший рейхсмаршал отнюдь не польщен. Достав сигарету, я предложил ему, хотя знал, что Геринг редко курил сигареты.

— Да, пожалуй, сегодня можно одну себе позволить, — согласился он и дрожащими пальцами взял у меня сигарету. Закурив, Геринг снова вяло запротестовал по поводу того, что, дескать, ему вечно ставят в вину высказывания, которые были допущены, так сказать, «в пылу битвы», охарактеризовав заявления генерала Дулитла и лорда Фишера как «безответственные».

9–10 марта. Тюрьма. Выходные дни

Камера Геринга. Геринг лежал на койке одетым в ожидании прихода своего адвоката. Я сообщил ему, что в дни, когда проходит его защита, он обязан появиться в зале заранее, с тем, чтобы, в соответствии со своими же пожеланиями, получить возможность спокойно проконсультироваться с защитой. Мне очень хотелось знать, что сами обвиняемые думали по поводу совершенных ими преступлений. Опершись локтями на койку, Геринг спокойным и серьезным тоном ответил мне:

— Есть кое-что, что вам следовало бы знать — на самом деле! Хотите верьте, хотите нет — но я это утверждаю с полной ответственностью: *жестоким я не был никогда!* Признаю, я мог действовать *жестко*, не отрицаю и того, что я далеко не всегда колебался, если речь шла о расстреле, скажем, 1000 человек — заложников в качестве акции возмездия или кого-нибудь еще. Но допускать жестокости — подвергать пыткам женщин и детей — Боже избави! Это вообще не в моем характере. Вероятно, вам это покажется патологией — но я до сих пор не могу понять, как Гитлер мог знать обо

всех этих мерзких деталях и мириться с ними. Когда я узнал об этом, мне страшно захотелось, чтобы здесь минут на 10 оказался Гиммлер. Уж я бы расспросил его о том о сем. Если бы хоть кто-нибудь из генералов СС выразил свой протест...

— Как же вы тогда можете обвинять в измене такого человека, как Лахузен? Он ведь понимал, что происходило, и делал все, что мог, для подрыва изнутри этой тирании!

И снова в Геринге ожил националист, и этот последний вопил куда громче неверно понятого и приветливого радетеля за все человечество, в тогу которого Геринг пытался рядиться.

— Позвольте, позвольте, это совершенно другое! Это предательство! Пособничество противнику! Можно устроить революцию, можно даже пойти на убийство, на все пойти — естественно, в этом случае не стоит забывать, что ты рискуешь головой. Каждый волен присвоить себе любое право. Даже я сам шел на подобный риск во время нашего путча 1923 года. И меня вполне могли убить, а не то что ранить. Но прошу не забывать — существует различие между изменой родине и государственной изменой.

Я попросил его пояснить эту разницу.

— Измена родине — это измена Отечеству в пользу зарубежного государства — самое постыдное, что может быть. А государственная измена — это просто измена правящему режиму, главе государства. Нечто совсем другое.

— Если только представить себе, что эта ваша, с позволения сказать, революция, или, точнее, «пивной путч», действительно измена, то я крайне удивлен, что вы с Гитлером еще так легко отделались.

Геринг снова хитровато рассмеялся.

— Да, конечно, но не забывайте, что это был баварский суд, а баварцы действовали заодно с нами, потому что хотели своей, баварской революции. К чему они стремились, так это к автономии, к отделению Баварии от северной части Германии и создания своего рода католического союза с Австрией, мы же, великогерманские патриоты, хотели как раз противоположного. И когда мы предложили им сначала спихнуть существовавший режим и воцариться самим, они согласились выступить на нашей стороне. Разумеется, мы и не думали ни о каком расколе Германии ради какого-то там их католического союза. И они не

могли себе позволить никакой бесцеремонности по отношению к нам, они ведь тоже желали крушения Веймарской республики.

В этот момент охранник принес послеобеденный кофе. Геринг, усевшись, сунул в кофе хлеб, после чего бесшумно проглотил свою мешанину.

— Богатая событиями жизнь выпала на вашу долю, — заметил я.

— Да, верно. Я вот думаю, если бы представилась возможность прожить жизнь снова, я не совершил бы некоторых ошибок. Впрочем, теперь-то какая разница? Тут уж о своей участи долго не порассуждаешь. Колеса истории, политики с позиции силы и экономики направлять их как тяжело. Вполне логично предположить, что Англия мечтала столкнуть нас с Россией лбами, это было бы только на пользу Британской империи. Вполне логично и то, что Россия, по той же самой причине, не имела бы ничего против, если бы мы увязли в войне с западными державами.

Геринг снова хитро усмехнулся.

— Знаете, если бы выдалась такая возможность усесться подле камина за стаканчиком виски с сэром Максвеллом-Файфом и в открытую с ним побеседовать, могу на что угодно спорить, что британцы всем сердцем желали, чтобы мы начали войну с Россией. Да, все именно так — силы истории, перенаселение — вот что определяет ход событий. И неважно, кто приходит к власти, все равно цепь неминуемых событий была и остается.

Такой исторический фатализм Геринга — явно искусный прием, с помощью которого он надеется защититься, сознательно и с выгодой для себя подчиняя моральные последствия неким геополитическим силам.

Камера Франка. Франка настолько поглотили выведенные им же абстракции, что он понемногу стал терять интерес к процессу. В ответ на мой вопрос, что он думает по поводу защиты Геринга, Франк просто отмахнулся от меня, бросив невзначай, что, дескать, все идет своим чередом.

— Однако этот суд — уже не тот Божий суд, — заверил он меня таким тоном, будто все пресловутые отличия носят объективный, но не субъективный характер. — Если вы снова начнете подвергать этим тестам и определять быстроту моей реакции, я здорово усомнюсь в

том, что этот суд действительно ниспослан нам Богом. Русским вообще на этом процессе делать нечего. И как только у них хватило наглости восседать здесь перед нами и судить нас?!

Франк кивком указал на книгу, которую читал.

— Я только что прочел о Тридцатилетней войне, когда католики и протестанты делали друг другу кровопускание, пока в это уничтожение коренного населения Германии не оказалась вовлеченной вся Европа. В конце концов, и до протестантов, и до католиков дошло, что проповедовать Слово Божье можно и вместе.

Франк залился истерическим смехом.

— А теперь Германии пришлось снова пережить кровавую резню по причине фанатизма нового пошиба, — заметил я. — Думаете, люди извлекут из этого урок?

— Что вы — нет, — тяжело вздохнул Франк. — На человечестве лежит проклятье. Жажда власти и агрессивность пересиливают все.

Таково было мнение эксперта в данной области.

Камера Риббентропа. Риббентроп по-прежнему был утомлен и не мог сосредоточиться, и мало что мог сказать по поводу эпизода со свидетелем Геринга. Я поинтересовался у него, что он думал об утверждении Геринга о том, как он, по его словам, за спиной Риббентропа пытался договориться с англичанами. В ответ бывший министр иностранных дел лишь пожал плечами.

— Много было такого, о чем я не знал.

И тут же безучастно посетовал на то, что, вероятно, так и не сможет вовремя подготовить свою защиту.

Камера Папена. Папена развеселил эпизод со свидетелем Геринга.

— Он может защищаться до Страшного суда, но никогда не объяснит, ради чего пошел на все это. Суду следовало бы положить конец этой бесполезной трате времени, сказав: «Переходим к следующему!»

Камера Гесса. Гесс, в послеобеденное время предававшийся мечтам, лежа в постели, сперва вообще не мог понять, о чем речь, когда я объявил ему, что пришел просмотреть его записи, которые он на прошлой неделе обещал подготовить для меня. Лишь после моей

подсказки он вспомнил, что должен был описать свой полет в Англию. Но на мой вопрос, что же конкретно он написал, Гесс ответить уже не мог — он не помнил, что предпринял этот полет ради достижения соглашения с Англией, ради предотвращения кровопролития. Он не помнил даже о том, что при посадке повредил ногу. Я не отставал от него, и Гесс наконец припомнил, что имел беседу с сэром Джоном Саймоном. Больше он уже ничего сказать не мог. Я спросил его, не помнит ли он о том, как сломал ногу еще раз. Об этом Гесс забыл. Тогда я описал ему инцидент с его неудавшейся попыткой самоубийства, но, судя по всему, и это ему ничего не говорило. Я любопытствовал, не помнит ли он, как у него возникли проблемы, связанные с сдой. Гесс не помнил. А те самые запечатанные пакетики? Нет. Вызывала ли сегодня у него недоверие еда? Да, иногда ему кажется, что к ней подмешано что-то, отчего у него случаются желудочные колики. А о том, что и в Англии еда вызывала у него недоверие, он не припоминает. Испытывал ли он уже тогда провалы в памяти? По этому поводу Гесс не мог ничего сказать.

Затем я приступил к проверке его памяти в отношении главных свидетелей этого процесса, задавая свои вопросы как бы невзначай, чтобы не создать у подсудимого впечатления о проводимом мною тестировании. Результаты были следующие:

Генерал Лахузен, Олендорф и Шелленберг — Гесс не помнит, кто они. Генерал фон Паулюс — эта фамилия ассоциируется у Гесса с процессом. Генерал Боденшатц — так звали свидетеля по делу Геринга, выступавшего «в последние дни» перед судом и утверждавшего, что ожоги рук получены им во время попытки покушения на Гитлера, и что при тех же обстоятельствах у него частично потерян слух. Гесс не помнил содержания его выступления на суде и был искренне удивлен, узнав от меня, что Боденшатц давал показания вчера.

Камера Шираха. Ширах, болезненно воспринявший провал Боденшатца как свидетеля ломал голову над тем, что предстоит доказывать ему самому. Он спросил у меня, допрашивали ли Геринга по делу его «трофеев», потому что в этой связи неизбежно возникнет масса малоприятных вопросов. Я ответил, что не в курсе дела.

И тут он же задал довольно неожиданный вопрос:

— А вообще, что происходит с Гессом?

— Почему вы спросили об этом?

— Должен вам кое-что рассказать. Примерно две недели назад мы обсуждали два вопроса, на которые ему предстояло ответить как моему свидетелю. На следующий день он заявляет мне, что у него уже готовы ответы, что он знает, что нужно говорить и что даже помнит соответствующие даты. Позавчера я решил напомнить ему об этих двух вопросах, но он даже не понял, о чем речь... Я был немало удивлен и сказал: «Но, герр Гесс, мы ведь всего 8 дней назад обсудили все детали, вы еще даже дату помнили!» — «Сожалею, — ответил он, — но я просто забыл. Ничего не могу поделать со своей памятью, сколько ни пытаюсь». Ну и что вы по этому поводу думаете?

Я ответил, что ожидал нечто подобное.

— Нет, теперь уж увольте, я ни о чем не буду его просить. Выберешь его своим свидетелем, а он в критический момент возьмет и заявит, что, мол, ничего не помнит. Воображаю себе, как по-дурацки все будет выглядеть.

12 марта. Черчилль, Россия и Риббентрон

Утреннее заседание.

Заслушивались показания адъютанта Геринга, фон Браухича-мл., Пауля Кернера, его статс-секретаря в Пруссии, и фельдмаршала Кессельринга.

Куда больший интерес обвиняемых и живое обсуждение за обедом вызвали газетные заголовки типа «Москва называет Черчилля поджигателем войны и обвиняет его в саботаже ООН». Геринг, потирая руки от удовольствия, хихикал:

— Единственные оставшиеся союзники — это четверо обвинителей, объединившихся против двух десятков обвиняемых.

— Верно, — сказал Дёниц. — Черчилль всегда был настроен антисоветски — я всегда это говорил.

— Я тоже знал это, разумеется, — ответил ему Геринг.

На мгновение даже с Риббентропа спала его депрессивная скорлупа, он, казалось, пробудился от своего летаргического сна.

— Все в точности так, как я и говорил, разве нет? — констатировал бывший министр иностранных дел Рейха.

Обеденный перерыв. За обедом Риббентроп попросил меня еще раз дать ему газету. Перечитав статью о Черчилле, он подытожил:

— Видите, все так, как я всегда говорил вам. Русские — мощная сила, очень мощная. Теперь англичане забеспокоятся, а американцы потеряют всякий интерес к Европе и уберутся отсюда. Вы не замечаете, что они готовы отдать Германию русским на растерзание? И зачем США вообще было вступать в эту войну?

— А зачем вам было ее начинать? — вопросом на вопрос ответил я. — Если вы так боялись русских, зачем же в таком случае разрывать договор с ними о ненападении? Зачем было нарушать и Мюнхенское соглашение? Почему Гитлер оказался таким лжецом?

В этот момент в своем углу на ноги вскочил Гесс, подтянув брюки (обвиняемые не имели права носить брючных ремней), он с воинственным видом направился ко мне. Его глубоко посаженные глаза зажглись недобрым огнем:

— Герр доктор, *американский офицер* мог бы стерпеть, если кто-то из немцев отважился бы назвать его покойного главу государства лжецом?

— Разумеется, нет — потому что он лжецом не был.

— И все же, я просил бы вас воздержаться от подобных высказываний в адрес нашего главы государства, — резко произнес он.

— Я просто цитирую высказывания ваших же дипломатов, — отпарировал я.

Гесс вернулся в свой угол и уселся на место. Редер, ходивший взад и вперед, остановился рядом с ним и похлопал Гесса по плечу.

— Вы совершенно правы. Я, правда, ничего не расслышал, но вы совершенно правы.

В отсеке пожилых обвиняемых дискуссия на предмет высказываний Черчилля приняла иное направление. Папен умиротворяюще излагал точку зрения по этому вопросу:

— Ничего, ничего, скоро волны улягутся. И все же неплохо, что нашлись те, кто смог дать окорот русским, — пусть знают, что им не все дозволено.

Когда я высказался, что главным просчетом Гитлера было нападение на Россию, Шахт решил подкорректировать меня:

— Отнюдь. Самый главный его просчет — это нападение на Польшу.

— Да, — согласился Дёниц, — главная вина в том, что эта война все же была начата. А стоит се начать, так офицеру ничего не остается, кроме как исполнять свой долг. (Дёниц уже успел отыскать позицию, примирявшую честь и послушание Гитлеру — несмотря на преступления последнего.)

— Коль речь зашла о главном просчете, — продолжал Шахт, — объявление войны Америке представляло собой катастрофическое безумие, на которое только может пойти государственный деятель. А я ведь предостерегал его о колоссальном экономическом потенциале этой страны.

— Одному «государственному деятелю» из соседнего отсека, по-видимому, неизвестно, что это Германия объявила войну *нам*. Он только что спросил у меня, зачем мы вообще ввязались в эту войну, — заметил я.

— Тоже мне — государственный деятель! Безмозглый идиот!!! — злобно хихикнул Шахт. — Еще одно доказательство безграмотности Гитлера в вопросах внешней политики.

— Деятель государственного масштаба! — отозвался и Папен. — Невежда!

Затем беседа перешла к вопросу, каким образом проблемы мировой экономики могут быть решены мирным путем. Шахт возражал против государственного социализма, ибо тот ущемляет свободы, конкуренцию и частную инициативу отдельного индивидуума. К социализму же вообще у него претензий нет. Как я мог понять из сказанного им, он готов поддерживать «капиталистический социализм».

13 марта. Показания Геринга

Спустившись вниз, я направился в камеру Геринга, решив увидеться с ним до его ухода в зал заседаний, поскольку в этот день предстояло услышать, что же заявит он на этом процессе.

Его подрагивавшие руки и неестественное выражение лица говорили о внутреннем напряжении; Геринг тут же приступил к

генеральной репетиции своей защитительной речи — в роли подвергавшегося пыткам и гонениям благородного рыцаря, который вот-вот вступит на театральные подмостки для участия в последнем акте драмы.

— Я до сих пор не признал компетентности этого суда — могу привести здесь слова Марии Стюарт о подсудности лишь пэрам. — Произнеся эту тираду, Геринг скромно улыбнулся.

— Да, — ответил я, — такое было бы вполне уместно в эру королей и их суверенов, но вопросы, затрагиваемые здесь, уходят куда дальше, к заре цивилизованного существования.

— И все же, что бы ни происходило в нашей стране, ни в малейшей степени не должно касаться вас. Если погибли 5 миллионов немцев, то с этим предстоит разбираться самим немцам. Наша государственная политика — наше суверенное право.

— Если ведение захватнических войн и геноцид преступлениями не являются и ничьи интересы не затрагивают, в таком случае ничего не стоит смириться и с уничтожением всей цивилизации на планете.

Геринг пожал плечами.

— Во всяком случае, речь идет о единственном в истории присвоении себе иностранным судом права осудить глав суверенных государств.

Послеобеденное заседание.

На послеобеденном заседании Геринг у свидетельской стойки приступил к оглашению своей защитительной речи. Он начал ее детальным описанием своей карьеры и перечислением наград, упоминаниями о встречах с Гитлером, описанием своей роли и мотивов при создании и укреплении рядов нацистской партии. Геринг рассказал о том, как возглавил и усилил штурмовые отряды (СА), о своем участии в «пивном путче». О том, как был депутатом рейхстага от нацистской партии в 1938 году, президентом рейхстага в 1933 году и как поддержал Гитлера в том же 1933 году, когда тот стал рейхсканцлером. О том, как и в Пруссии организовывал концентрационные лагеря для интернирования коммунистов.

Камера Геринга. Геринг не притронулся к ужину, сидя на койке, он покуривал свою внушительную баварскую трубку. По его словам, он в этот вечер слишком взволнован, тут уж не до еды.

— Вы должны понять, после почти годичного сидения взаперти и после пяти месяцев судебного разбирательства, без права и слова сказать в зале заседаний, сегодняшнее выступление оказалось для меня ощутимой нагрузкой — в особенности первые 10 минут. Что меня больше всего бесит, так это проклятое дрожание рук — никак не могу с ним совладать.

Геринг вытянул вперед руку.

— Вот полюбуйтесь, хотя сейчас вроде дрожь и не такая сильная.

В этот вечер Геринг был настроен на серьезный лад, лишь изредка прибегая к своему утешительному, циничному фатализму. Человека он охарактеризовал, как злейшего и самого крупного из всех хищников, подкрепляя свои выкладки тем, что человек наделен разумом, позволяющим ему уничтожать своих собратьев сотнями и тысячами забавы ради, в то время как хищный зверь убивает свои жертвы исключительно ради пропитания. Геринг не сомневался, что в будущем войны станут еще более разрушительными — такова участь мира. Мне почудилось, что в этой тонущей в полумраке камере и впрямь начинали сгущаться «Сумерки богов». (Геринг упросил охрану выключить свет.) Недоставало лишь вагнеровских аккордов, на которые прекрасно ложились сентенции Геринга.

Камера Шпеера. Заглянув к Шпееру, я к своему удивлению обнаружил, что обитатель этой камеры (как он уверял, абсолютно помимо своей воли) до сих пор пребывал под впечатлением защитительной речи Геринга. По мнению Шпеера, ее можно считать лебединой песней бывшего рейхсмаршала и, кроме того, в определенной степени символом трагедии немецкого народа.

— Когда я его увидел перед судом без его роскошного мундира, без его драгоценностей и орденов в статусе пытавшегося защититься обвиняемого — это действительно потрясло меня до глубины души!

Примечание: Днем адвокат Риббентропа, отведя меня в сторону, спросил у меня, не замечал ли я в последнее время в поведении его

подзащитного каких-либо странностей. На это я ответил, что, по моему мнению, речь идет о медленно прогрессирующем нервном срыве. Адвокат Риббентропа доверительно рассказал мне, что за истекшие две недели он установил, что у его подзащитного в результате самовнушения появились совершенно иные, совершенно нехарактерные для него мысли и мотивы. Риббентроп принялся отрицать свое участие в тех совещаниях, на которых он действительно присутствовал, и, по мнению адвоката, половина материалов его защиты более чем сомнительна. Кроме того, им допускались и вовсе необъяснимые вещи, например, адресованное трибуналу письмо, в котором обвиняемый Риббентроп просит подвергнуть его пыткам и, таким образом, довести до гибели, поскольку он, обвиняемый Риббентроп, когда-то по неведению допустил творимые нацистами бесчинства. Я высказал мнение, что такое поведение суть следствие уязвленного тщеславия и укоры совести слабого и подверженного чужому влиянию характера. В ответ адвокат заявил, что не сомневается в том, что Риббентроп был послушным инструментом в руках Гитлера.

Защитник Риббентропа пообещал мне и впредь предоставлять любопытные с психологической точки зрения детали. Судя по всему, он изыскивал возможность настоять на недееспособности своего подзащитного, хотя признался мне, что не может быть и речи о том, что Риббентроп не мог отвечать за свои поступки.

14 марта. Смерть Бломберга. Гесс снова теряет память.

Перед началом утреннего заседания я сообщил обвиняемым о наступившей прошлой ночью кончине Бломберга. Кейтель скорбно покачал головой. Геринг, который в этот момент беседовал со своим защитником, осекся на полуслове и обратился к Кейтелю:

— Мы все считаем, что в его лице потеряли человека чести.

И тут же продолжил прерванный разговор с адвокатом. Вот такого пятисекундного некролога удостоился бывший генерал-фельдмаршал фон Бломберг, в свое время верховный главнокомандующий германского вермахта.

Я рассказал Гессу о смерти Бломберга. До него это дошло не сразу.

— Вот как?

Я спросил его, говорит ли ему что-нибудь фамилия Бломберг.

— Это один из наших генералов, — нерешительно ответил он.

Затем я рассказал ему о самоубийстве Хаусхофера и его супруги. Гесс вспомнил, что Хаусхофер был одним из свидетелей его защиты, но больше ничего об этом человеке сказать не мог, ни словом, ни жестом не дав понять, что знал этого известнейшего геополитика. Некоторое время спустя Гесс, что с ним случалось нечасто, по собственной инициативе позволил себе высказывание:

— Надеюсь, остальные свидетели моей защиты не поставят меня впросак из-за того, что предпочтут свести счеты с жизнью.

И, оглядев зал заседаний, отметил, что в зале довольно много народу. Я пообещал ему, что в зале его будет еще больше, когда выступать придется ему, Гессу. Так и не поняв, что я имел в виду, Гесс потребовал разъяснений.

— Да потому, что вы однажды уже стали причиной сенсации, это было в самом начале процесса, — пояснил я.

Я видел, что он так и не понял меня.

— Правда? И каким же образом? — оживился он.

— Вы что, вообще не помните, что в начале процесса столько говорилось о потере вами памяти?

В ответ Гесс лишь покачал головой.

Риббентроп сегодня вышел в зал без галстука и с расстегнутой верхней пуговицей сорочки. Он сидел, опустив взор, левая щека нервно дергивалась, с застывшей маской еще большей растерянности на лице — зримое воплощение запутанности и депрессии. Очень многие в этом зале недоуменно подняли брови, услышав публичное замечание в адрес подсудимого Риббентропа о том, что он, подсудимый, явился в зал заседаний без галстука. Риббентроп усталым голосом сообщил, что галстук стесняет его. Когда принесли галстук, я велел повязать его, но верхнюю пуговицу рубашки разрешил не застегивать. Такой поступок объяснялся отнюдь не тем, что Риббентроп был профаном по части этикета — посланники при дворе Сент-Джеймс протокол знают твердо. Возможно, на уровне подсознания обвиняемый стал воспринимать галстук, как петлю виселицы, все ту же затягивавшуюся на его шее. У Риббентропа изначально явно не доставало психологической готовности предстать

перед трибуналом, а после того как ему пришлось лицеизреть пытавшегося оправдаться «наци № 1», она и вовсе сошла на нет.

Утреннее заседание.

Геринг, снова заняв место у свидетельской стойки, продолжал говорить о том, как способствовал росту военного и политического могущества нацистской партии. Геринг представил собственную версию кровавого подавления путча Рема и исключения церкви из политической и военной жизни, хотя некоторые из церковных деятелей, к сожалению, были заключены в концентрационные лагеря.

Когда Геринг попытался оправдать антисемитские законы тем, что лица еврейской национальности якобы были настроены оппозиционно по отношению к нацистскому режиму, многие из обвиняемых опустили головы. Функ, прикрыв глаза рукой, плакал. Однако все обвиняемые напряженно вслушивались в то, что говорил бывший рейхсмаршал, время от времени кивая в знак согласия.

Далее он сообщил о том, что партия сумеет разрешить проблему безработицы, провести ремилитаризацию, присоединить к Германии Австрию; Геринг признал, что принимал непосредственное участие в проведении в жизнь вышеупомянутых мероприятий и в полной мере несет за них ответственность.

Обеденный перерыв. За обедом Геринг с надеждой спросил меня:

— Ну и как? Не станете же вы утверждать, что я вел себя как трус?

— Нет, не стану. Вы взяли на себя ответственность за то, за что вы действительно отвечали. Но это всего лишь начало. А как обстоит дело с захватническими войнами?

— Ну, об этом у меня тоже есть что сказать, и предостаточно.

— А об ужасах и бесчинствах?

Геринг опустил глаза.

— Скажу только, что я, не воспринимая всерьез всякого рода слухи, не считал необходимым перепроверять их!

Последние слова он проглотил. Я зачитал Герингу некоторые из заголовков сегодняшних газет, после чего, как и было предусмотрено, направил его на встречу с адвокатом, ожидавшим своего подзащитного внизу.

Обедавшие в других помещениях обвиняемые были настроены довольно благосклонно к выступлению Геринга. Даже Шахт заявил, что все сказанное Герингом, за исключением попытки оправдать антисемитизм, верно. Дениц высказал удивление, что Геринг, оказывается, вполне может, если потребуется, владеть собой.

— Таким он был когда-то, — констатировал Папен, — когда ему еще не изменил разум. Это ведь ему принадлежит фраза: «Кроме своей обаятельной внешности Папен ничего партии не дал». Я заявлю суду, что не только ничего не дал партии, но даже пытался вообще устранить ее.

Фриче считал, что Геринг в точности описал первые годы существования партии, и он, Фриче, непременно сошлется на мысли, высказанные Герингом, когда настанет его очередь защищаться.

Ширах не скрывал, что речь Геринга вызвала у него сильное сердцебиение — так она его взволновала. Я сообщил ему, что это было заметно даже со стороны — Ширах сидел, непрерывно сглатывая и отрывая воздух, как человек, у которого пошаливает желудок.

Гесс заявил, что понял, что попытался разъяснить Геринг. Но уследить за речью мог с трудом, поскольку сосредоточиться для него — мука. В конечном итоге он не запомнил ничего из сказанного Герингом.

Розенберг и Йодль в общем и целом согласились с Герингом, однако выразили бы его мысли несколько по-иному. Розенберг попытался развернуть целый доклад на тему расы, культуры и жизненного пространства, взяв на сей раз на вооружение тезис о стремлении китайцев осесть в Австралии...

Когда после обеда все обвиняемые заняли места на скамье подсудимых, Дёниц отметил:

— Биддл всегда очень внимателен. Видно, что он приглядывается и к оборотной стороне медали. Хотелось бы мне познакомиться с ним поближе по завершении процесса.

Послеобеденное заседание.

Геринг охарактеризовал свою роль во время чехословацких событий, а также норвежской и польской кампаний, среди прочего отметив, что независимость суждений — нечто немислимое в среде высшего командного состава. «Возможно, именно такой принцип — спросить каждого отдельного солдата, не хочется ли ему домой — и помог бы избежать войн в будущем. Вполне возможно, но не в фюрерском государстве, вот что мне хотелось бы подчеркнуть особо. В каждом государстве мира существует абсолютно четко выраженная военная формулировка».

Во время обеденного перерыва Дёниц подбадривал Геринга, заявив ему, что бывший рейхсмаршал своим поведением и тоном высказываний являл собой «пример чести и достоинства», чем и «пристыдил» обвинение.

Геринг огляделся.

— Да, я был действительно рад раз и навсегда привязать понятие честности к Чехословакии. [\[12\]](#)

Дёниц вновь повторил свои слова в целях окончательного разъяснения своей точки зрения — обвинение пристыжено честью и достоинством.

— И моей цепкой памятью, — уже поднимаясь с места и направляясь к свидетельской стойке, добавил Геринг, наградив Гесса презрительным взглядом.

Кто-то полюбопытствовал у Гесса, действительно ли тот испытывал затруднения при попытках вспомнить те или иные обстоятельства. Гесс ответил, что да, испытывал. Ему пожелали *заставить* себя вспомнить.

— Я бы и рад, только вот не получается, — едва слышно вздохнул Гесс.

Тюрьма. Вечер

Камера Геринга. Вечером Геринг отдыхал, покуривая свою баварскую трубку.

— Да, довольно утомительно, — признался он. — И я выжму из памяти все. Они удивятся, что я записал для себя всего несколько опорных слов, чтобы не сбиться. Что до Гесса, должен сказать, вы меня победили. Его память действительно пострадала. Пару недель назад он даже признался мне, что его памяти пришел конец еще в Англии, и здесь он не прикидывался — все в точности так, как вы говорили. Я не сомневаюсь, что он еще устроит здесь настоящий спектакль, когда очередь дойдет до него!

15 марта. Геринг и Гиммлер

Обеденный перерыв. С утра Геринг покинул свою камеру несколько раньше — ему предстояла встреча со своим адвокатом доктором Штамером. Беседа обвиняемого с защитником проходила под контролем охраны.^[13] Доктор Штамер желал знать, следовало ли ему упоминать о встречах или установлении контактов с Гиммлером. Геринг энергично протестовал.

— Нет, нет, слава Богу, пока что до этого не докопались — ничего не желаю об этом слышать.

Геринг упомянул о своей перепалке с Розенбергом, который явно желал услышать от Геринга больше по вопросу об антисемитизме и конфискации культурных ценностей.

— Я посоветовал ему самому об этом рассказать; а мне в это нелегкое для меня время неплохо подумать бы и о себе.

В отношении судей Геринг высказал следующее: судья Лоуренс успел за этот процесс притомиться, ему пора возвращаться в Лондон пить виски. Судью Паркера он считал человеком разумным и джентльменом, Геринг даже удостоил его благодарственного взора, покидая сегодня зал заседаний.

В отношении проводимой Гитлером политики Геринг повторил, что Гитлер пытался заполучить все слишком быстро; он пытался за какой-то десяток лет завладеть тем, на что и столетия не хватило бы, ибо опасался, что у его преемника не будет присущей ему выдержки и энергии для воплощения в жизнь его планов. По мнению Геринга, проблему Данцигского коридора, например, вполне можно было решить и мирным путем, прояви Гитлер чуточку больше терпения.

Послеобеденное заседание.

Геринг попытался «объяснить», чем были нападение на Югославию и воздушные налеты на Варшаву, Роттердам и Ковентри. Признав, что планы нападения на Россию стали известны ему еще осенью 1940 года, он тем не менее склонял Гитлера перенести сроки нападения, привязав их к атаке Гибралтара, после чего следовало попытаться натравить Россию на Англию.

16–17 марта. Тюрьма. Выходные дни

Камера Франка. Отношения Франка и Геринга переживали позитивную фазу.

— Что мне нравится в Геринге, так это его готовность взять на себя ответственность за все, что он делал. Конечно, обо всех этих картинах ему говорить не хочется, ха-ха-ха! Он всеми способами старается обойти эту тему. Я ему из Полыни ни одной не выслал... Вот будет интересно, когда Джексон подвергнет его перекрестному допросу. Ха-ха! Представитель западной демократии и Геринг, этот «ценитель эпохи Возрождения». Но все же, надо отдать ему должное, как он держится! Эх, если бы он всегда был таким! Сегодня я в шутку сказал ему: «Очень жаль, что вас пару лет назад не упекли на годик в тюрьму!» Ха-ха! — Франк то и дело истерически похохатывал — нечто новое в его манере говорить. — Ха-ха! Наконец-то Геринг добился, чего хотел — он выступает в статусе оратора № 1 за национал-социализм и за то, что от него осталось. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Камера Шираха. Ширах был очень доволен поведением своего образца для подражания. Он полагал, что с точки зрения политики глупо было бы осудить Геринга — ведь он так популярен, даже в самой Америке.

— И вы поймете, почему, — убеждал Ширах.

По его мнению, в развязывании войны вина Риббентропа куда значительнее. Ширах привел мне заявление Геринга о том, что его даже

не было в Берлине на момент нарушения Мюнхенского соглашения и что именно Риббентроп убедил тогда Гитлера пойти на этот шаг.

Камера Нейрата. Нейрата, по его словам, приятно удивила манера Геринга вести свою защиту, и в особенности его готовность взять на себя ответственность за очень многое. По мнению Нейрата, здесь предстал прежний Геринг, а не чванливый и раздувшийся от снеси, отупевший от жадности и тщеславия субъект, каким он стал в последние годы. Нейрат заметил, как же бледно и отвратительно выглядит на фоне Геринга Риббентроп. Причина была, но его мнению, ясна. Риббентроп никогда не принадлежал к благородному сословию. Все, что Нейрату было известно о «дворянском происхождении» Риббентропа, сводилось к эпизоду, когда к нему пришел один адвокат и поинтересовался, как провести через бухгалтерию сумму, выплаченную Риббентропом за присвоение себе дворянского титула. Нейрат считал бывшего министра иностранных дел патологическим лжецом, наподобие его хозяина — Гитлера. От главного врача одного из санаториев (в Дрездене) Нейрату довелось узнать, что Риббентроп в 1934 году был там в качестве пациента. Врач рассказал Нейрату, что вынужден был выписать Риббентропа, поскольку считал его психопатом — лжецом, неспособным отвечать за свои поступки; кроме того, врач поделился и своими подозрениями по поводу возможных сексуальных отклонений Риббентропа. По мнению Нейрата, у Гитлера Риббентроп ходил в «жополизах».

Камера Шпеера. Шпеер вынужден был признать, что Геринг своей защитительной речью у большинства обвиняемых оставил хорошее впечатление, но обвинитель Джексон, несомненно, сумеет вывести бывшего рейхсмаршала на чистую воду во время перекрестного допроса. Шпеер попытался развенчать Геринга, считая, что его героическая поза и кажущаяся цельность — лишь наносное, то, за чем скрывается его истинная порочная натура.

— Когда я в последний раз был у Гитлера и когда всплыл вопрос о Геринге, как его преемнике в связи с поступившей телеграммой, Гитлер, не скрывая отвращения, заявил, что всегда знал о порочности и вероломстве Геринга. Вообразите себе, он *всегда знал* и тем не менее продолжал лицемерить, во всеуслышание заявляя о том, что, мол,

Геринг — один из вернейших его соратников! И вот теперь этот трус и разложенец Геринг — я еще расскажу вам о его личном бомбоубежище и том комфортном житие-бытие, которое он вел, в то время как Германия вела смертельную битву, — так вот, этот трус норовит сейчас пролезть в герои. Вот что больше всего меня бесит!

И все же Шпеер был удовлетворен тем, что Герингу предоставили немалую свободу для защиты и что теперь ни один немец не скажет, что, дескать, на него давили во время этого процесса, а наоборот, все признают, что ничего на этом процессе не трактовалось однобоко.

Камера Функа. Функ признал, что и Геринг, и Шахт — личности сильные.

— Но мы — не такие — уверяю вас, во мне нет ничего героического. Никогда не было, нет и сейчас. Вероятно, в этом-то вся проблема. Я часто задаю себе вопрос, как бы я поступил, знай я обо всем этом раньше, не думаю, чтобы смог все пережить.

И тут разрыдался.

— Все эти дикости, жестокости — они навек останутся нашим позором. Неважно, что сейчас скажет Геринг или кто-нибудь еще, неважно, какими будут приговоры — этот систематический геноцид евреев останется на совести немецкого народа. Его не забыть многим поколениям!

Камера Геринга. Геринг выглядел очень усталым — давали о себе знать три крайне напряженных для него дня, на протяжении которых суд заслушивал его показания. Поскольку его защита была в основном завершена, он предавался нелегким думам о своей участи и роли в истории. И императив всегда и во всем оставаться человеком ужасно мешал ему, Геринг яростно и цинично отрицал его, видя в нем угрозу своему грядущему величию. Империя Чингиз-хана, Римская империя и даже Британская империя возводились без необходимого уважения принципа гуманности, с горечью констатировал Геринг. Однако все они достигли процветания, что обеспечило им достойное место в истории. Я напомнил ему, что мир в XX столетии стал чуть разборчивее в вопросах гуманности и уже не склонен рассматривать войны и геноцид в качестве неопременного признака величия. Беспокойно заерзав и сопя, Геринг отбросил эту идею, назвав ее сентиментальным идеализмом

американца, который мог позволить себе роскошь подобным образом заблуждаться, — ведь Америка уже отвоевала себе жизненное пространство революциями, войнами и геноцидом. Геринг заявил, что просто не желает, чтобы подобная слезливая дребедень портила ему его торжественное восшествие на Валгаллу.

Камера Розенберга. Розенберга не оставила равнодушным защитительная речь Геринга, но, по его словам, еще многое предстоит прояснить в отношении захваченных культурных ценностей. Сегодняшний девиз Розенберга: русские стравливают представителей всех цветных рас и белой расы, вот поэтому Черчилль и забеспокоился о судьбе Британской империи.

19 марта. Главный свидетель Геринга

Утреннее заседание.

Главный свидетель Геринга, шведский инженер Далерус приступил к изложению своей роли посредника в попытках Геринга достичь взаимопонимания с Англией «ради предотвращения» войны с Польшей. Доктор Штамер попытался доказать, что речь шла лишь о том, чтобы прийти к единому мнению по вопросу о Данциге и данцигском коридоре. Вскоре выяснилось, что показания этого свидетеля в очередной раз пролили свет на то, что Гитлер был одержим идеей войны с Польшей — над Герингом зловеще замаячил гигантский вопросительный знак: если Германия действительно желала предпринять серьезную попытку избежать войны, почему в таком случае переговоры не велись главой внешнеполитического ведомства?

Обеденный перерыв. За обедом отсек для пожилых в полном составе не скрывал своего раздражения ходом утреннего заседания. Шахт снова ополчился на Геринга, предварительно заверив меня, что, мол, счет игры подобрался к ничьей. Нейрат окрестил эту любительскую дипломатию «дилетантизмом, которому нет аналогов».

Папен напористо выражал свое полное согласие с мнением Шахта.

— Именно дилетантизм. Именно им и стала дипломатия при Гитлере. Какой-то шведский коммерсант! Теперь вы убедились, как прислушивался этот режим к мнению нас, дипломатов старой школы!

Как водится, нетрудно было понять, что Шахт был задет за живое.

— Я тогда как раз вернулся из Индии. И предложил себя для участия в переговорах, но услышал от Риббентропа следующее: «Большое спасибо за ваше письмо». Вот вам, пожалуйста! Человек, обладающий знаниями и опытом — в конце концов, я все же понимал, что к чему, — и такой человек остается в стороне. А какому-то мелкому коммерсанту из-за рубежа наш всезнающий эксперт по вопросам внешней политики доверяет, оказывается, настолько, что поручает ему вести переговоры с Англией от нашего имени.

Зейсс-Инкварт оценил ситуацию следующим образом:

— Просто чудо, что англичане вообще стали с ним разговаривать. После того как он вступил с ними в контакт, они сказали ему: «Ладно, связь установлена, теперь нам хотелось бы встретиться с кем-нибудь из представителей германского правительства». Но, видя, что никаких ответных шагов не последовало, они убедились, что никаких серьезных намерений у германского правительства нет. Да, просто удивительно, как лорд Галифакс вообще мог воспринимать это всерьез.

Риббентроп уныло сидел в углу отсека для приема пищи. Когда я спросил у него, что он думает по поводу высказываний Далеруса, он лишь ответил следующее:

— Да, я о многом не знал.

Когда после обеда обвиняемые один за другим спускались в зал заседаний, Фриче сказал мне:

— Вот увидите, скоро этот свидетель защиты превратится в свидетеля обвинения.

Послеобеденное заседание. Фриче оказался прав.

На весьма умело проведенном сэром Максуэллом-Файфом перекрестном допросе свидетельские показания Далеруса в пользу защиты рассыпались в пух и прах, и свидетель в заключение заявил, что осознает всю лживость предпринятого жеста. Входе перекрестного допроса Далерус признал, что Геринг предупреждал его о том, что Риббентроп

может попытаться саботировать переговорный процесс и не погнушается даже устроить ему авиакатастрофу.

Услышав слово «авиакатастрофа» Риббентроп буквально взлетел со своего места на скамье подсудимых. Геринг не сомневался, что высказывание выведет Риббентропа из себя, но никак не мог ожидать, что достанется и ему.

Обвинение предъявило новые доказательства, содержащиеся в книге Далеруса (той, которую читал Геринг в камере), а именно того, что Гитлер будто безумный требовал: «Подводных лодок! Подводных лодок!» или «Я построю самолеты! Самолеты! Самолеты! И сокрушу своих врагов!» И все это на фоне якобы имевших место переговоров о мире, Геринг же, видя это все, и пальцем не шевельнул.

Геринг на скамье подсудимых исходил злобой, в пылу он даже затеребил шнур от наушников, чуть не оборвав его, и офицер-охранник, призвав его к спокойствию, отобрал у него шнур.

Выяснилось, что у Далеруса сложилось впечатление о ненормальном Гитлере, неизвестно чем одурманенном Геринге и жаждавшем крови Риббентропе. А если говорить о германском правительстве в целом, включая Геринга, то оно не предпринимало никаких серьезных попыток избежать войны, а лишь стремилось унять Англию, обеспокоенную жесткой позицией Германии в отношении Польши. Далерус опознал и врученную ему Герингом карту с обозначенными на ней районами Польши, которые нацисты желали получить в качестве дополнительной оплаты за мирный исход. Наконец, Далерус — вопреки требованию защиты не позволить ему заявить об этом (которое было отклонено) — все же произнес такую фразу: «Если бы я тогда знал все то, что знаю сейчас, еще тогда мне стало бы ясно, что все мои попытки заранее обречены на провал».

Когда суд объявлял о своем следующем заседании, уже никто из обвиняемых не сомневался, что Геринг окончательно разоблачен. Комментарии были таковы:

Фрик:

— Глупо было с его стороны приглашать этого свидетеля, следовало бы предусмотреть, что обвинение заинтересуется его книгой.

Шпеер (усмехаясь):

— Фортуна отвернулась от Геринга — все, хватит.

Функ:

— Стыд и позор — стыд и позор!

Риббентроп (Кальтенбруннеру):

— Уж и не знаю, кому доверять.

Когда я собрался к Фриче, чтобы сказать ему о том, что он оказался прав, Шпеер высказал мнение о том, что данному процессу уготована роль «белой книги» для будущих правительств Германии, в которой будут собраны все преступления нацистского режима. Нейрат не скрывал своего презрения к «толстяку», возмнившему себя фюрером и готовому пресмыкаться перед Гитлером. Шахт объявил итоговый счет — 2:1 в пользу обвинения.

20 марта. Перекрестный допрос Геринга

Утреннее заседание.

Словесный поединок между Герингом и обвинителем Джексон. Несмотря на все уловки Геринга, удалось доказать, что Геринг виновен в том, что поддержал антисемитские законы. Вопреки его утверждению о своей якобы незначительной роли в «окончательном решении еврейского вопроса», Геринг вынужден был признать, что, находясь на посту ответственного за осуществление четырехлетнего плана, он принимал непосредственное участие в ликвидации принадлежащих евреям фирм и присвоении их собственности, находясь на посту президента рейхстага, непосредственно доводил до сведения

«нюрнбергские законы», предусматривавшие наложение на лиц еврейской национальности общего штрафа в размере одного миллиарда рейхсмарок, а также и то, что лично отдавал приказы Гиммлеру и Гейдриху на отстранение лиц еврейской национальности от участия в экономической жизни германского государства. После погромов 9–10 ноября 1938 года он заявил Гейдриху: «По мне, куда лучше было бы прикончить пару сотен этих евреев, чем уничтожать такие ценности!» Нанесенный евреям урон Геринг сумел обернуть к выгоде страховых компаний и правительства.

Обеденный перерыв. За обедом Фриче заявил, что ошеломлен тем, что Геринг действовал к выгоде Геббельса, когда тот из-за своих любовных походов впал в немилость Гитлера, в связи с чем даже встал вопрос о его смещении с должности министра пропаганды. Эпизод, приведший к конфликту Геринга с Геббельсом и побудивший Геринга перейти в жесткую оппозицию к министру пропаганды, произошел всего за два месяца до того, как Геринг взял на себя роль посредника в улаживании проблем Геббельса. С присущей ему наивностью Фриче сделал из этого вывод, что Геринг был движим великодушием истинного рыцаря. Куда ближе к истине более трезвое объяснение: Герингу явно не хотелось терять убежденного антисемита, весьма полезного нацистам для претворения в жизнь планов разграбления принадлежавшей евреям собственности. Наивному Фриче, разумеется, подобное не могло прийти в голову.

Функ попытался объяснить, почему возникла необходимость придания правового базиса «аризации» принадлежавшей евреям собственности после того, как в результате безответственных эксцессов асоциальных элементов и спровоцированных Геббельсом «спонтанных выступлений народа» были разбиты тысячи витрин магазинов, владельцами которых были евреи.

— Позорнее некуда, — заметил я, — это все равно, что попытаться официально санкционировать разбой, придав ему законный характер.

— Нет, нет, я ни в коей мере не собираюсь ничего оправдывать. Вся эта политика была сплошь неверной, вот что я хочу сказать! Никакого оправдания ей нет и быть не может.

Послеобеденное заседание.

Озабоченность Функа наличием легальных основ для конфискации принадлежавшей евреям собственности стала понятной после представления обвинителем Джексоном документальных доказательств того, что и Функ, и Гейдрих участвовали в плане Геринга, направленном на изъятие евреев из экономической и общественной жизни с дальнейшим сосредоточением их в гетто. Затем на очереди были факты, как Геринг целыми вагонами вывозил культурные ценности из оккупированных стран. Геринг утверждал, что исходил при этом исключительно из интересов государства и действовал на благо государства ради, стремясь внести свой вклад в создание сокровищницы культуры. Подобные же объяснения он представил и относительно использования военнопленных и пригнанных в Германию на принудительные работы гражданских лиц, а также вывоза продовольствия из оккупированных стран.

В перерыве обвиняемые полностью сошлись во мнении, что попытки одного из бывших крупных государственных деятелей объяснить, каким образом к нему попали ценности общей стоимостью в 50 миллионов рейхсмарок, тогда как немцев призывали идти на жертвы и лишения ради достижения «идеалов», представляли весьма жалкое зрелище.

Тем не менее Геринг в конце дня, судя по всему, был весьма горд своим выступлением на процессе и хвастался перед своими коллегами-обвиняемыми:

— Если вы проведете свою защиту даже в два раза хуже меня, это уже будет превосходно. Не следует забывать об осторожности — любое ваше слово они могут передернуть.

Когда Геринг спустился вниз, Шпеер в беседе с Зейсс-Инквартом иронически заметил:

— Ну-ну, даже Герман пару раз неудачно высунул язык, так что теперь наверняка зол на себя.

— Вся эта говорильня ничего ему не даст, — холодно ответил Зейсс-Инкварт. — У них все черным по белому написано.

21 марта. Геринг увильивает

Утреннее заседание.

Сэр Дональд Максуэлл-Файф обвинил Геринга в убийстве офицеров британских Королевских ВВС, совершивших побег из лагеря для военнопленных Саган и в выдаче гестапо русских военнопленных. Геринг попытался отделаться отговорками и отклонил это обвинение.

(Фриче в перерыве указал на то, что отягчающее обстоятельство заключается в том, что после инцидента с побегом британцев Геринг передал управление лагерем Саган другому лицу, но не настоял на том, чтобы изменить саму систему управления.)

Суд несколько раз указывал Герингу на то, чтобы он давал ясные и недвусмысленные ответы на поставленные ему вопросы. Сэр Дэвид немало смутил Геринга, упомянув его лицемерную попытку, пойдя на переговоры за спиной Гитлера, «избежать войны», хотя на деле Геринг открыто поддерживал гитлеровские агрессивные планы.

Послеобеденное заседание.

В самом начале заседания сэр Дэвид спросил Геринга, сохранил ли тот лояльность фюреру даже теперь, когда ему открылись новые обстоятельства. Геринг ответил, что лично он не одобряет убийств, но лояльность его и в благие, и в недобрые времена никаких изменений не претерпела. Будучи загнанным в угол неоспоримыми доказательствами своего соучастия в творимых зверствах, Геринг утверждал, что фюрер представлял себе их масштабы, что же касается его самого, то он их представить себе не мог. По его словам, ему было известно лишь о нескольких казнях и «некоторых подготовительных мероприятиях».

22 марта. «Верность Нибелунгов» по Герингу

Утреннее заседание.

Защита Геринга иссякла, так и не достигнув кульминации; генерал Руденко чрезвычайно быстро завершил перекрестный допрос, а французский обвинитель заявил, что ему нечего добавить. После повторной проверки суд объявил, что не заинтересован в дальнейших прениях по данному вопросу. Защитник также внезапно поставил точку на заслушивании свидетелей.

Тюрьма. Вечер

Камера Геринга. Придя в камеру Геринга, я захотел узнать, что же он скажет после того, когда защита его была завершена. Бывший рейхсмаршал чуть ли без обиняков заявил мне, что ждет от меня рукоплесканий по поводу его выступления на суде.

— Ну и как, по-вашему? Смешно я выглядел? — Геринг уже в третий раз задавал мне этот вопрос.

— Нет, этого я утверждать не могу.

— Не забывайте о том, что я противостоял лучшим юридическим умам Англии, Америки, Франции, России вкупе с их правовыми механизмами — в одиночку, один, как перст!

Геринг, конечно же, не упустил возможности лишний раз воспеть себя и свои достоинства. Затем он выразил удовлетворение решением суда освободить остальных обвиняемых от изложения истории возникновения и программы нацистской партии, посчитав, что эта тема исчерпана в ходе заслушивания его защитительной речи. Да, он был весьма доволен собой в статусе исторической фигуры.

— Могу спорить на что угодно, что обвинение вынуждено было признать, что я сделал это как подобало, разве не так? Вы хоть кусочек из моего выступления помните?

Видимо, в доказательство своего героизма средневекового пошиба Герингу требовалось еще и одобрение неприятеля. Я в ответ лишь пожал плечами.

После этого Геринг перешел к деталям обеих стадий защиты. То, что ему не дали произнести речь в финале, слегка удручило его. Геринг

заявил, что хотел сообщить суду о своем стремлении взять на себя формальную ответственность за антисемитские выступления, хотя он и предполагать не мог о столь разрушительных их последствиях. Я уверил его в том, что еще не поздно заявить об этом в своем заключительном заявлении, однако куда важнее то, считает ли он такую политику правильной.

— *Нет, Боже упаси и помилуй!* После того, что мне стало известно? Боже упаси, вы что же, считаете, что я дал бы согласие на ту или иную акцию, заведомо зная, что ее результатом станет геноцид? Уверяю вас, мы никогда не задумывали ничего подобного. Я лили» рассчитывал отстранить евреев от занимаемых ими должностей в экономике и правительстве, и ничего больше. Но не забывайте, они ведь раздули против нас ужасающую кампанию во всем мире.

— Вы что же, в обиду на них за это? Не могли же подобные издевательства происходить втихомолку.

— Вот в чем беда. Вот та ошибка, которую мы совершили, — признал Геринг.

Он согласился со мной, что было бы куда лучше вообще не начинать преследование евреев. Он лично вообще никогда не считал их Бог весть чем.

Геринг снова вернулся к приятной для него теме единоборства с обвинителями.

— Этот Руденко нервничал больше меня, это точно. Хо-хо! Но он допустил ошибку, когда я сумел вставить, что русские пригнали в Советский Союз 1 680 000 поляков и украинцев. Вместо того чтобы сказать: «Мы не собираемся выслушивать здесь ваши обвинения», он сказал: «Вам не дано право приводить здесь в качестве примера советские *акции*». Именно «акции», он так и сказал. Хо-хо! Спорить могу, старик Сталин прислал ему по этому поводу такую телеграмму, что... Он наверняка проговорился. Еще один удар я ему нанес, когда он спросил меня, почему это я не отказался подчиняться приказам Гитлера. Я ответил: «Тогда мне сегодня не пришлось бы печься о своем здоровье». Это технический термин диктаторского государства, означающий ликвидацию. Он-то уж понял меня.

Затем я затронул вопрос о верности Гитлеру, стремясь получить окончательный ответ на вопрос о том, какое же место занимало это понятие в шкале ценностей Геринга.

— Между прочим, я обратил внимание на то, что вы дали сэру Дэвиду тот же самый ответ, что и мне относительно верности вашему фюреру. Хотя прямого ответа на свой вопрос сэр Дэвид так и не получил от вас.

— Я понимаю, что это был весьма опасный вопрос. Кто-нибудь на моем месте непременно дал бы себя поймать на нем. Он спросил меня: «Вы до сих пор пытаетесь оправдать Гитлера и обелить его, даже узнав, что он — убийца?» Вопрос был очень хитрый — и опасный. Я сказал ему, что его не оправдываю, но присяга, данная ему мною, стерпит и дурные, и благие времена.

— Да, и мне при этом вспомнились ваши слова об исторических личностях, вызывавших ваше уважение тем, что они продолжали хранить верность и в плохие, и в нехорошие времена. Может, напомните мне какие-нибудь примеры?

— Да, да, на меня это производило впечатление всегда, даже когда я был еще мальчишкой. Вам известная история Нибелунгов и то, как Хаген убил Зигфрида, потому что так пожелал Гунтер? И потом Кримхильда потребовала от своих трех братьев отомстить ему. Они сказали Хагену: «Хотя ты и наш враг, мы склоняем головы перед твоей верностью своему королю». Передо мной эта картина будто живая — они выставляют перед ним свои щиты, йотом говорят ему, что защитят его от всех, кто помешает ему сохранить верность своему королю.

Я не совсем понял, какое отношение имеет приведенная здесь история к его верности своему фюреру, если только Геринг не желал тем самым выразить, что все его недруги были обязаны неизменно почитать его верность фюреру, даже если пресловутая верность предполагала молчаливое одобрение санкционированных фюрером убийств.

После этого он разразился гневной тирадой в адрес гомосексуализма, который, по его мнению, пропитал католические круги — Геринг из кожи вон лез, силясь доказать, что его ненависть к представителям духовного сана была не так уж и безосновательна.

— Вам когда-нибудь приходилось видеть их семинарии? Туда со всего мира стекаются 14-ти, 15-ти, 16-ти и 17-летние мальчишки, и ты невооруженным глазом видишь, что это — отъявленные и законченные педерасты. Это вполне логично. Против природы не возразишь. И когда мы судили их пасторов за гомосексуализм, то они сразу же

поднимали крик, что, дескать, мы преследуем церковь. Преследуем церковь! Как бы то ни было, а почти миллиард марок в год они от нас получали в виде налогов. Но это католическое благочестие! Вы думаете, мне неизвестно, что творится при задернутых шторах во время исповеди? Или где-нибудь еще, где наедине оказываются пастор и какая-нибудь монашка? Монахини ведь — «христовы невесты», как вы помните. Что же это за спектакль!

В его словах отчетливо прослеживался фанатизм по подобию штрейхеровского, ранее своего выражения не получавший. Это было для меня тем более интересно, что вчера во время ужина Геринга посетил капеллан-католик, и бывший рейхсмаршал вел себя с ним так, будто никогда ничего кроме симпатии к католической церкви не питал.

Геринг, как бы мимоходом, бросил фразу о том, что и Америке так просто расовую проблему не разрешить. Вне сомнения, эта идея была позаимствована им у Розенберга и говорила об озабоченности нацистов тем, что им придется перейти в мир иной, так и не оставив зловещего наследия в виде очередной человеконенавистнической догмы, которая бы чудовищным образом не подтвердила их конечной правоты.

Камера Шпеера. Я намеревался узнать реакцию оппозиции на защитительную речь Геринга.

Шпеер считал, что обвинению в общем и целом удалось пробить броню героизма Геринга.

— Ему ох как нравилось высокопарно заверять всех в его вечной верности фюреру, но стоило им прижать его, заставить взять на себя ответственность за часть преступлений, как он сразу идет на попятный. Он тут же начинает утверждать, что, мол, плел интриги за спиной Гитлера, что ни о чем не знал, а если бы и знал, то ни за что бы не согласился. Смех, да и только. Он утверждал, что возглавлял антигитлеровскую оппозицию, совсем, как я, но на меня-то он именно за это наорал! И тут же снова становится в позу все того же верного паладина. Все это только слова, и ничего больше. Он ведь прекрасно понимает, что его никогда не повесят за одни только *утверждения* о верности Гитлеру, а от ответственности он старается уйти при любой возможности, стоит им только попытаться пригвоздить его фактами. А когда игнорировать эти факты уже не удастся, тогда он спешно

натягивает на себя маску храбреца и заявляет: «Да, я беру на себя всю полноту ответственности за это».

Понимаете, стоит Джексону подвергнуть его перекрестному допросу, как сразу же становится ясно — оба олицетворяют два совершенно разных мира. Они же просто не понимают друг друга. Джексон спрашивает его, участвовал ли он в разработке планов оккупации Голландии, Бельгии и Норвегии, ожидая, что Геринг станет защищаться от предъявленного ему обвинения в совершении этого преступления, а Геринг вместо этого заявляет: да, конечно, все было так и так, тогда-то и тогда-то, будто речь идет о чем-то вполне приемлемом и само собой разумеющемся, если войска одной страны маршем входят в другую, нейтральную страну лишь потому, что эта нейтральная страна прекрасно вписывается в стратегические планы первой.

Во всяком случае, знаменательно, как он справился с этой свалившейся на него нагрузкой. Ваш тюремный распорядок, без сомнения, подействовал на него весьма благотворно. Посмотрели бы вы на него раньше. Погрязший в лени, эгоистичный, продажный, безответственный наркоман. А теперь строит из себя блестящую фигуру, кое-кто дивится его мужеству. Я слышал от своего адвоката, что они называют его: «Этот молодчина Геринг!» Жаль, что им не довелось видеть его чуть раньше. В критическую для фатерланда минуту они все проявили себя малодушными трусами. Почему, скажите мне, Геринг находился не в Берлине, где ему следовало быть, бок о бок со своим обожаемым фюрером? Да потому что в Берлине стало слишком опасно, после того как русские взяли его в кольцо. То же самое относится и к Гиммлеру. И никто из них не удосужился понять, что ради блага народа им следовало немедленно прекратить это безумие. Знаете, до сих пор, стоит мне только об этом подумать, как во мне вскипает бешенство. Нет, никому из них не удастся войти в историю под славным именем. Пусть вся эта проклятая нацистская система и все, кто к ней причастен — включая и меня, — рухнет с позором! И народ забудет ее и станет строить новую жизнь на разумной демократической основе.

23 марта. Фрау Геринг

Я посетил фрау Эмми Геринг, которая вместе со своей дочерью и племянницей перебралась после освобождения из-под ареста в домик, приютившийся в лесах Закдиллинга вблизи Нойхауза. Условия жизни там весьма скромные (ни отопления, ни горячей воды). Это весьма симпатичная особа лет 45, правда, несколько сентиментальная, что легко отнести к переживаемому ею в настоящий момент. Маленькой Эдде я вручил шоколад, после чего фрау Геринг отправила дочь поиграть на время нашей беседы. Когда ребенок ушел, она сказала:

— Вы можете себе представить, что этот безумец приказал расстрелять эту девочку?

Потом она с горечью поведала мне о том, как они по приказу Гитлера были арестованы и приговорены к расстрелу по причине потери доверия Геринга у Гитлера. Фрау Геринг до глубины души возмутила подобная несправедливость.

— Эти семь недель под вашим арестом были, конечно же, мукой, но, уверяю вас, то, что мне пришлось пережить в последние месяцы, не идут ни в какое сравнение с тем, что свалилось на нас, когда Гитлер велел арестовать и расстрелять Германа и всю нашу семью. Мой муж был вне себя от ярости оттого, что Гитлер мог заподозрить его в неверности. Он так разошелся и в таких жутких выражениях честил Гитлера, что я даже испугалась, что охрана его пристрелит на месте. Я попросила охранника забыть о том, что он слышал. Этот солдат ответил мне, что да, он позабудет, но он считает, что мой муж нрав. Неверность! Бог знает, на какие жертвы пришлось пойти моему мужу только из верности фюреру! Он потерял и здоровье, и состояние, и свою первую жену в результате этого путча 1923 года. Он во всем поддерживал Гитлера. Он помог ему прийти к власти. И в благодарность за это он получил ордер на арест и приказ о расстреле. Кроме того, они хотели расстрелять даже моего ребенка! Когда мы узнали о самоубийстве Гитлера, Герман с горечью заметил, что самое тяжелое для него то, что он уже никогда не сможет высказать Гитлеру в лицо, как несправедливо тот с ним обошелся.

— Я немало удивлен, — сказал я, — что и теперь он держится за свою преданность Гитлеру, прекрасно помня о том, что произошло, и о том, что всему миру доподлинно известно, что Гитлер — убийца. Неужели это не освобождает его от присяги на верность?

— Конечно! Конечно! — Фрау Геринг заломила руки. — О, если бы мне позволили хоть 5 минут поговорить с ним! Хотя бы 5 минут!

— Единственное объясните этому — то, что он продолжает это утверждать только из неприязни к иностранному суду.

— Да, да, верно! Именно поэтому! Я знаю, что он по этому поводу думает... И если бы хоть кто-нибудь поступил по-мужски, встал и сказал бы: «Да, я поддерживал фюрера, вот я стою перед вами — делайте со мной, что хотите». Как стыдно теперь слышать, как многие немцы сегодня бьют себя в грудь, утверждая, что, мол, никогда не поддерживали Гитлера и что в партию их загоняли силой. Кругом сплошное лицемерие, это отвратительно! А он хочет показать, что хотя бы он, один, не желает идти на попятный как какой-нибудь трус.

(Племянница принялась разливать чай.)

— Но ведь это ставит его в сомнительное положение. Даже сейчас он готов оправдать политику Гитлера. Есть вообще пределы этой «верности Нибелунгов»? И по отношению к себе самому, и по отношению к немецкому народу он обязан признать свою вину.

— Конечно! Немецкий народ должен об этом знать! — в унисон воскликнули обе женщины. Глаза фрау Геринг снова заблестели.

— О, Боже мой, мне бы хоть раз увидеть его! Хоть на 10 минут.

В голосе ее слышалось отчаяние и осознание бессмысленности его героических жестов, хотя она, безусловно, могла понять и мотивацию своего супруга.

— Мне теперь ясно, что он, увидев, как многие немцы отвернулись от Гитлера, стремясь затушевать свои дела с ним, убоявшись победителей, решил стать в позу. Он ненавидел Гитлера за все, что тот натворил. Но что касается верности ему — тут Герман просто фанатик. В этом мы с ним расходились. Как можно оставаться верным тому, кто хотел убить моего ребенка!

Фрау Геринг умолкла, глаза ее зажглись ненавистью.

— Гитлер, скорее всего, просто душевнобольной! — выдавила фрау Геринг после паузы. — Вы разговаривали с доктором Морелем? Тот должен знать. Он ежедневно осматривал его.

— Я говорил с доктором Морелем. Он был весьма озабочен утверждениями о том, что его инъекции оказывали неблагоприятное воздействие на Гитлера. Но он — не психиатр, а скорее смахивает на

знахаря. Мне показалось, что он в смысле ненормальности сам недалеко ушел от своего пациента.

— Могу в это поверить! Врач, который ежедневно осматривает своего пациента, должен определить, что с ним что-то не так. Я это смогла определить! Он был ненормальный!

— Если бы отыскался такой психиатр, который бы рискнул объявить Гитлера ненормальным, его расстреляли бы на месте.

— Тогда бы мой муж занял его пост. И освободился бы от этой никому не нужной присяги на верность. Он бы ни за что не позволил вершить судьбу немецкого народа такому человеку. Но его преданность — его верность...

Фрау Геринг не закончила фразы.

— Боже, насколько другой могла бы быть участь Германии, если бы он еще до войны стал фюрером. Войны бы вообще не было, не было бы и преследований. Вы знаете моего мужа. Он не из тех, кто снедаем ненавистью. Он и сам жил, и давал жить другим.

У Гитлера же совершенно другой характер. Одна только эта железная решимость, только это бесконечное стремление идти напролом к своей цели. Никаких компромиссов, никакой передышки. Вначале он таким не был. К концу он явно повредился умом. Доктор Морель должен об этом знать. Потому что, если человек не в состоянии отдыхать, не в состоянии смеяться, если все время держит руку вот так, — Фрау Геринг, согнув руку в локте, прижала ее к животу, как бы возложив ее на невидимую повязку. Частичный паралич руки Гитлера доктор Морель объяснял как один из симптомов истерии.

После чаепития, когда Эдда ушла, фрау Геринг снова заговорила о бесчинствах. Она рассказала, как обратилась к Гиммлеру с просьбой организовать ей поездку в Освенцим для того, чтобы осмотреть концентрационный лагерь, после того как ей стали приходить многочисленные письма, авторы которых сообщали, что в этом лагере творятся странные дела. Будучи первой дамой Рейха, она пожелала сама убедиться в том, что там все в порядке. Гиммлер ответил ей вежливым письмом, в котором дал ей понять, что ей не пристало вмешиваться в дела, ее не касавшиеся. Фрау Геринг добавила, что ни в одном из нескольких тысяч полученных ею писем речи о каких-либо массовых убийствах не шло, что натолкнуло ее на мысль, что корреспонденция перлюстрировалась гестапо.

Потом она снова заговорила о Геринге:

— Мне так досадно, что я ничего не могу для него сделать. Он был так добр со мной. А сейчас я бессильна что-либо изменить. Меня не хватает даже на то, чтобы достать все то, без чего сейчас нам не обойтись. Он всегда меня ограждал от всех проблем.

Созвонившись с представителями оккупационной администрации, я попытался договориться с ними о том, чтобы фрау Геринг была возвращена одежда, конфискованная при аресте.

Я расстался с ней с ощущением, что оберегаемая *Дама Сердца* Геринга до сих пор горячо любила своего сиятельного рыцаря, поместившего ее в башню из слоновой кости, чтобы там было удобнее взирать на деяния ее героя и чтить его шумную натуру. И даже суровое осознание того, что ее герой был в прислужниках у обер-убийцы, не развеяло ее иллюзий относительно своего супруга. Возвращаясь в Нюрнберг, я обдумал способ, каким довести до его понимания настоятельную просьбу его жены покончить с порочной верностью. К тому же мне предстояло убедиться, каково будет воздействие ее пробудившегося материнского и человеческого инстинкта на его средневеково-героические представления.

24 марта. Кодекс чести Геринга

Камера Геринга. Я передал Герингу письмо от его жены и открытку от его ребенка. Он не пожелал читать их в моем присутствии, но поинтересовался у меня, как у них идут дела и что с ними. Я передал ему наш разговор и описал условия, в которых они живут.

— Мы много говорили о вашей верности Гитлеру, о его приказе арестовать и расстрелять вас и вашу семью, включая маленькую Эдду, — сообщил я.

— О, я уже не верю в то, что такой приказ мог исходить от самого Гитлера. Это было делом рук Бормана, этой мерзкой свиньи.

Внезапно лицо Геринга исказила злоба.

— Говорю вам, герр доктор, если бы эта дрянь на пять минут оказалась бы вот в этой камере при запертой двери, то после этого уже не было бы нужды отдавать его под суд, это я вам гарантирую!

Скрипнув зубами, он сжал кулаки.

— Я бы этого подонка удушил голыми руками! И не только за те гадости, которые он делал мне, нет, а за все его вероломные уловки, которые он творил, пользуясь тем, что сумел втереться в доверие фюрера!

И хотя Геринг очень быстро отошел от гнева, я заметил, что во время нашей разговора правая рука его помимо воли оставалась сжатой в кулак целых пять минут.

— Да, вопрос, который задал мне сэр Дэвид, — продолжал он, — это был очень опасный вопрос — самый опасный за весь процесс!

Геринг снова повторил вопрос сэра Дэвида, желает ли Геринг по-прежнему хранить верность убийце, тут же присовокупив и свой ответ на него.

— Знаете, я никогда не прославлял и не осуждал его. Не хочу осуждать его и сейчас.

— Я ожидал этого. Вам никак не хотелось высказать иностранному суду то, что у вас накопело.

— Разумеется, кроме того, мне хотелось показать своему народу пример того, что еще существует такое понятие, как верность.

Вот за это я и ухватился.

— Дело в том, что ваша жена весьма расстроена этой вашей слепой верностью к фюреру, в особенности после всех этих передрыг и приказа расстрелять вас. Вот ее слова: «Мне бы хоть раз увидеть его. Хоть на пять минут!»

Геринг очень внимательно смотрел на меня, когда я передавал ему сказанное его супругой, стараясь интонацией передать и ее душевное состояние. Геринг понял, чего я хочу от него.

И отреагировал снисходительной улыбкой — он прощал и понимал меня.

— Да, да, понимаю. Она может влиять на меня в отношении очень многих вещей, но вот что касается моего кодекса чести — тут уж нет. Тут уж меня не поколеблет никто. Я позволял ей распоряжаться в доме, как ей заблагорассудится, я делал для нее все, что она ни пожелала, но если речь заходила о принципиальных для мужчины вещах, тут уж позвольте — женщинам сюда доступ закрыт.

Это и был его ответ на мой вопрос. К средневековой, эгоцентрической системе ценностей Геринга относилось и «рыцарское» восприятие женщины, скрывавшее свои истинные

нарциссические цели за фасадом презрительно-покровительственного снисхождения, не позволявшего женской концепции гуманности стать на пути к осуществлению этих целей.

Опершись локтем на койку, Геринг негромко, больше для себя, произнес:

— Нет, моему народу уже приходилось терпеть унижения. Верность и ненависть еще сплотят его. Кто знает, может, как раз в эту минуту рождается тот из плоти и крови, кому суждено сплотить мой народ и отомстить за все унижения, которые мы терпим сейчас!

24 марта. Защита Гесса. Отказ Гесса давать показания

Камера Гесса. Гесс заявил, что решил не давать показания в пользу своей защиты из-за нежелания оказаться в неловком положении, когда он не сумеет дать ответы на поставленные обвинением вопросы. Он заверил, что это целиком и полностью его личное решение, но мне доподлинно известно, что его склонили к этому Геринг и доктор Зейдль.

В ходе непринужденной беседы с Гессом мы вновь коснулись затронутых еще на прошлой неделе вопросов. Он не смог припомнить ни прихода к власти нацистской партии, ни своего полета в Англию, ни психиатрической экспертизы, ни фильмов об ужасах концлагерей, ни даже главных свидетелей, таких, как генерал Лахузен, Олендорф, генерал фон Паулюс. Гесс помнит, что Геринг «о чем-то говорил и говорил — но в данный момент я не могу сказать о чем, хоть убейте».

Я попытался узнать его реакцию на мнение о том, что он симулирует потерю памяти.

— Предположим, кто-то спросит у вас: «Откуда нам знать, а может, вы симулируете потерю памяти?» Что вы в таком случае ответите?

— Симулирую? Тогда я скажу им: «С какой стати мне симулировать?»

Когда я продолжил задавать вопросы на эту же тему, его ответы, мимика, жестикуляция ни в коей мере не говорили за то, что он прекрасно понимал суть проблемы или попытался увильнуть от ее обсуждения.

25 марта. Свидетели Гесса

Узнав перед началом процесса об отказе Гесса давать показания и об отсутствии Риббентропа вследствие болезни, Геринг тщеславно заметил:

— Ну не могу же взять на себя защиту всех их; меня лишь на свою хватит. Не могу же я каждому раздать по кусочку своего мужества и энергии — или же дать пинка под зад, чтобы они наконец очухались. Ха-ха-ха!

Бывший адвокат Риббентропа доктор Заутер саркастически заявил Шираху:

— Разве это не странно? Именно в день начала своей защиты Риббентроп вдруг заболевает. [\[14\]](#)

Послеобеденное заседание.

Перекрестный допрос Боле завершился, после чего начался перекрестный допрос единственного оставшегося свидетеля Штрёлина. Послеобеденное заседание ничего нового не внесло.

Тюрьма. Вечер

Камера Риббентропа. Риббентроп находился в подавленном состоянии, жаловался на замутненность сознания и паралич воли. Говорил он свободнее, хотя довольно невнятно, как тот, кого ждет виселица и чьи эмоции задавлены продолжительным страхом.

— Да, я понимаю, что этот процесс уже никого не интересует. Расстреляют нас или сошлют куда-нибудь — ни в Америке, ни в Англии или Франции никто и внимания на это не обратит. Может, еще в Германии пару человек и обратят. Я не хотел этого процесса. Просил их не устраивать его. Даже написал Джексону, что готов признать любой приговор американского суда, что я и еще несколько человек готовы взять на себя всю полноту вины, но только не этот процесс, на котором немцы свидетельствуют против немцев. Это некрасиво, поверьте, герр доктор, очень некрасиво.

26 марта. Дискуссии по поводу Версальского договора

Утреннее заседание.

Защита Гесса продолжилась зачитанием документов. Суд объявил перерыв для совещания по вопросу стоит ли приобщать к делу высказывания относительно Версальского договора.

Обеденный перерыв. Обойдя помещения для приема пищи, я понял, что обсуждение Версальского договора идет полным ходом. Шахт и Папен указывали на то, что Америка так и не ратифицировала Версальский договор, поскольку он представлял собой отрицание 14 пунктов Вильсона. Дёниц в очередной раз решил польстить Биддлу:

— Он очень хорошо во всем разбирается, он — умница. Очень сообразительный.

Шахт повторил свою мысль о том, что если бы не было Версальского договора, не было бы и Гитлера. Йодль высказывал схожие идеи.

— Это был единственный пункт, не вызывавший разногласий у вермахта и нацистской партии. А по остальным они готовы были друг другу глаза выцарапать.

Розенберг вел огонь из своего угла, Кальтенбруннер — из своего.

— Еще бы, — высказывался Розенберг, — конечно, они не желают обсуждения Версальского договора. Даже американцы, и те не подписали его, потому что он был никудышным. Вильсон так вдумчиво проработал свои 14 пунктов. И когда пришло время заключать мирный договор, французы выложили на стол свои тайные договоренности с Польшей и все остальное — мол, они за это сражались, посему тому и быть. А 14 пунктов — в мусорный ящик.

— Разве это может служить оправданием агрессивных войн и преступлений против человечества?

— Нет, нет — это всего лишь объяснение, отчего все так вышло.

— Без Версальского договора не было бы и Гитлера, — повторил Кальтенбруннер, а Розенберг согласился с ним.

Послеобеденное заседание.

Дебаты по Версальскому договору были отклонены судом, как не относящиеся к делу, и доктор Зейдль завершил защиту Гесса, сообщив суду; что вследствие своего отношения к суду (компетентность которого он не признавал) его подзащитный отказывается от дачи показаний.

(Мало кому известно, что за два дня до этого Гесс был готов давать показания и струсил лишь по причине своей амнезии. Сегодня я убедился, что Гесс из вчерашнего заседания помнил лишь показания Боле, показания же Штрелина успел забыть.)

26 марта. Защита Риббентропа. Министерство иностранных дел

Послеобеденное заседание.

Первым свидетелем Риббентропа был статс-секретарь внешнеполитического ведомства Рейха доктор Штеенграхт. В защиту Риббентропа он заявил о том, что существовало около 30 различных ведомств и организаций, занимавшихся решением вопросов, относившихся к сфере внешней политики, функции которых нередко пересекались с таковыми министерства иностранных дел. Свидетель заявил также и о том, что любой, кому выпало позавтракать в соседней стране, в глазах Гитлера был специалистом в области внешней политики; о том, что министерство иностранных дел оказывалось ареной борьбы за полномочия, вследствие чего Риббентроп тратил до 60 % своего времени на нудные бюрократические разбирательства; о том, что Гитлер игнорировал советы специалистов и вообще людей, сведущих в том или ином вопросе; о том, что высшие чиновники правительства постоянно враждовали, о том, что весь аппарат управления находился на грани упадка.

По прошествии этого дня и сам Риббентроп, и организация его защиты стали объектом презрительных подзуживаний всех, кто занимал места на скамье подсудимых. Геринг спросил доктора Хорна, имеет ли тот еще вопросы к этим пустоголовым свидетелям. Доктор

Хорн отметил, что свидетель отвечает невольно. Риббентроп заявил, что не поручал свидетелю во всеуслышание заявлять обо всех этих малоприятных вещах касательно Гитлера и правительства.

На другом конце скамьи подсудимых не скрывали своего презрения.

Папен и Шахт, не удержавшись, всплеснули руками.

— Ну вы только посмотрите! И это было министерством иностранных дел!

Фриче сказал следующее:

— Теперь представьте себе, германские солдаты в полной уверенности, что у них самый лучший министр иностранных дел и самое серьезное и ответственное правительство, отправлялись на войну, свято веря в то, что такие люди зря воевать их не пошлют.

Функ бормотал:

— Стыд! Стыд! Все — сплошной стыд!

27 марта. Свидетель доктор Штеенграхт

Утреннее заседание.

Полковник Эймен расставил все возможные силки во время своего перекрестного допроса, и в конечном итоге свидетель представлял собой жалкое зрелище, а с ним — и его бывший шеф, и нацистское правительство в целом.

Тюрьма. Вечер

Камера Шахта. Вечером я зашел к Шахту — необходимо было узнать его реакцию. Он не собирался скрывать се от меня.

— Тьфу! Тряпка, а не министр иностранных дел! И кем только окружил себя! Такой слабак, глупый, безынициативный! Гитлер и Геринг — те кроважанные преступники, по крайней мере, хоть что-то собой представляли. Но этот Риббентроп, из него бы не вышло даже чистильщика обуви! Теперь пытается всем доказать, что он, дескать, не типичный нацист. Нет, конечно; он лишь действовал по указке Гитлера,

но нацистом не был. Тьфу! Прямо стыдно, что ты немец, стоит только задуматься над тем, какие люди нами управляли. Что же это были за типы — Франк, Розенберг, Штрейхер, Кейтель.

Шахт произносил эти фамилии, будто отплевываясь.

— Ведь Кейтель и Йодль — близнецы-братья! Генералы, вот кто виновен больше всех. Никогда не мог понять этой милитаристской ментальности. Гитлер скажет: «Всё, начинаем войну!», а они — щелк каблуками! «Войну? Яволь! Конечно, начинаем войну!» Взять хотя бы того же генерала Гальдера. Он же терпеть не мог Гитлера. В 1938 году мы вместе с ним даже подумывали о том, как бы его убрать. И вот Гитлер объявляет, что мы начинаем войну, и тот прикусывает язык и соглашается: «Войну? Прекрасно, войну так войну, по вашему хотению». И не задумывался ни о ее причинах, ни об альтернативах этой войне — ни о чем!

Камера Риббентропа. Риббентроп превратился в усталого, пожилого человека, ожидавшего смерти. Речь была бесцветной и монотонной:

— Ах, теперь уже все равно. Мы всего лишь живые тени, призраки, осколки погибшего вместе с Гитлером времени. И проживет кто-нибудь из нас еще 10 или там 20 лет, это уже ничего не изменит. Что мне делать, даже если предположить, что меня выпустят, чего, конечно, не произойдет. Прежние времена ушли вместе с Гитлером. А до мира сегодняшнего нам дела нет. 30 апреля я должен был сделать выводы. Да, это трагедия, великая трагедия, это несомненно. Что теперь сделаешь?

По мнению Риббентропа, утверждения мистера Додда о том, что он вчера всего лишь перенервничал, прозвучали бестактно. (Как он мне сам сказал, речь шла всего лишь о «параличе воли».)

28 марта. Тайное соглашение

Утреннее заседание.

Бывшая секретарша Риббентропа фройляйн Бланк выступала свидетельницей его защиты. Суд удалился на

совещание по вопросу, стоит ли выносить на обсуждение секретное соглашение с Россией.

Пока суд занимался обсуждением этого вопроса, Геринг заявил Риббентропу:

— Все в порядке, вы можете положиться на свою свидетельницу. Женщина всегда смелее мужчины.

— Уж не в мой ли огород камешек? — с улыбкой спросил Риббентроп.

— Нет, нет, я имел в виду вообще.

Все обсуждали секретный протокол, представлявший собой приложение к германок-советскому пакту о ненападении. Практически никто из обвиняемых не сомневался, что пресловутый секретный протокол касался раздела Польши после нападения на нее Германии. Шпеер, который никогда не сомневался в существовании вышеупомянутого документа, сказал:

— История есть история, и нет смысла скрывать ее.

Большинство обвиняемых придерживались того же мнения.

Йодль хитровато, по-лисьи усмехнулся:

— А теперь они пытаются скрыть сам факт существования секретного протокола. Это им не удастся. Я лично проводил на своих планах демаркационную линию, соответственно подготавливая и кампанию... Гитлер, наверное, никогда бы не решился на войну, не имея в кармане подобного соглашения. Но, заполучив это соглашение, он сказал: «Ну а теперь рискнем». На восточном фланге угрозы не было.

Франк и Розенберг обсуждали, как же досадовали русские. Франк хохотал:

— Ха-ха! Вот вам самый настоящий заговор. Если уж и был заговор, то между Гитлером и русскими. Русских следовало бы посадить на эту скамью рядом с нами!

Зейсс-Инкварт заметил:

— Наконец я разобрался, кто же стоял во главе министерства иностранных дел. Это фройляйн Бланк.

Это вызвало всеобщий смех.

Наконец было принято решение о выносе на обсуждение вопроса о секретном протоколе.

Обеденный перерыв.

За обедом Фриче, находясь в великолепном настроении, представил на суд своих слушателей-обвиняемых сочиненный им радиокомментарий: «Адвокат спрашивает свидетельницу, известно ли ей о секретном соглашении. Свидетельнице известно о секретном соглашении с Россией. Зал судебных заседаний настораживается. Советское обвинение возражает против постановки такого вопроса. Суд удаляется на совещание. Возвращается в зал — вопрос *может* быть задан. Напряжение достигает пика. Наконец вопрос *задан*. Наконец мир узнает и о существовании секретного соглашения с Россией. Да, она знает о нем, он еще был вложен в такой, знаете, конверт, с надписью «секретно». И все. Жаль, что слушатели не видят, как вытягивается лицо судьи Биддла. Какое же разочарование для всего состава суда! Великолепно!»

Безусловно, это стало разочарованием, причем не только для суда. Дениц, фиксировавший каждый жест и каждое движение Биддла, отмстил:

— Было видно, что Биддл стремился прояснить эту историю, и как же он расстроился, когда из этого ничего не вышло... Но чувства юмора ему не занимать. Вы не заметили, как он толкнул Паркера локтем в бок после слов секретарши, что, мол, ее шеф за все 10 лет к ней ни разу не приблизился?

Шахт заметил.

— Да, это пример доброго, старого американского юмора.

Риббентроп недоумевал по тому поводу, что обвинение не стало подвергать его свидетельницу перекрестному допросу.

— Это хорошо или плохо? — спросил он своего адвоката.

Тот заверил его, что тревожиться не о чем.

Геринг верно понял этот жест.

— Конечно, обвинение желало продемонстрировать, что высказывания его секретарши всерьез не принимает. С одной стороны, это хитрость, с другой — рыцарский жест. Я бы на их месте поступил точно также.

— Риббентропа разозлила ваша фраза о том, что женщины смелее мужчин, — заметил я.

— Да, он сообразил, что я имел в виду. Он не решался заговорить об этом секретном протоколе, в соответствии с которым демаркационная линия была проложена заранее. *В случае* нападения, понимаете? Потому что тогда еще не было ясно, состоится ли нападение. Я все об этом знаю. Йодль знает обо всем по карте, а нам с Риббентропом известны все детали. Я предоставил ему возможность сказать об этом. А если у него не хватило на это пороку, то я об этом еще скажу в своем последнем слове, приберегу это на самый конец, можете быть уверены.

29 марта. Риббентроп дает показания

Утреннее заседание.

Усталым голосом Риббентроп изложил обстановку в предвоенные годы, рассказал о том, как партия шла к власти, о трудностях, вызванных Версальским договором, о ремилитаризации, об антикоминтерновском пакте, о Мюнхенском соглашении и так далее. В общем и целом — ничего нового. Суд неоднократно вынужден был напоминать ему о том, чтобы он продолжал говорить.

Обеденный перерыв. За обедом Шахт взялся его передразнивать. Опустив плечи, сгорбившись, он сонным, бесцветным голосом стал излагать:

— И вот я отправился в Лондон. Мистер Х. встретил меня на вокзале. А потом я поехал переодеться! — Распрявившись, Шахт презрительно заметил: — И это речь министра иностранных дел Германии.

Не скрывал своего презрительного отношения и Нейрат.

— Уже по его манере речи можно было сразу определить, что этот пришедший в министерство иностранных дел человек понятия не имеет о том, что представляет собой внешняя политика. А тогда он строил из себя великого эксперта.

— Верно, верно, — с кислым видом вставил Папен. — Ни малейшего понятия! Это уже видно из того, что он говорит об

антикоминтерновском пакте и Мюнхенском соглашении. Он просто не понимал, что делает!

Антикоминтерновский пакт был любимой мозолью Нейрата.

— Да, он ни слова не сказал о том, почему именно он отправился на подписание антикоминтерновского пакта.^[15] Да потому что я от этого отказался! Я сразу понял всю опасность этой затеи. Но он порабски исполнял все, что хотел от него Гитлер, и совал нос даже в такие вещи, которые его совершенно не касались. Как послу в Англии ему вообще следовало держаться подальше от этого. Он же, будучи всего лишь нашим послом, очертя голову бросился подписывать этот договор, чем окончательно сбил с толку британцев. Это же такой афронт! Естественно, после этого британцы поспешили от него отделаться.

— Это было самым грубейшим нарушением дипломатического этикета, какое только можно себе представить, — нахмурился Папен. — И глупым, опасным дилетантизмом! И еще жалкой попыткой лишний раз пресмыкнуться перед Гитлером и готовностью подписать все, что только Гитлеру заблагорассудится — а, по возможности, даже упредить его очередную прихоть.

Он вспомнил историю с угрожающим посланием, которое Риббентроп намеревался направить Турции только потому, что с этим предложением выступил Гитлер. Риббентроп утверждал, что совершенно бесполезно пытаться отговорить Гитлера от этого, однако Папену не составило труда склонить Гитлера изменить мнение.

Вмешался и Дениц, до сих пор остававшийся лишь слушателем:

— У меня до сих пор не укладывается в голове, как Гитлер мог быть таким глупцом, что не сумел раскусить Риббентропа. Мне все же кажется, что он сознательно держал этого человека в статусе министра иностранных дел, чтобы самому поступать по своему усмотрению.

— Да — Риббентроп и его «связи», — включился в беседу Шахт. — Подписывает антикоминтерновский пакт с Японией, потому что у него связи с японцами, и заручается связями с ними через подписание этого пакта. Вот так и действовал этот аферист. Ни малейшего представления не имел о том, что творит.

Выступление Риббентропа со своей защитительной речью Геринг расценил не иначе, как шоу.

— Он заставил весь суд помирать со скуки, — не скрывая злорадства, заявил Геринг в разговоре со мной. — Я предупреждал его, если он собирается произнести пространную тираду, то она должна хоть чуточку захватывать. Вот как, например, моя. В конце концов, и судьям, и журналистам хочется услышать нечто любопытное, в противном случае они просто утрачивают ко всему интерес.

Риббентропа окончательно сбили с толку бесконечные напоминания о том, чтобы он продолжал.

— К чему эта травля со стороны мистера Биддла? — недоумевал он. — Он что, такой нервный?

Я решил раньше отправить его вниз, чтобы он мог переговорить со своим адвокатом. Охранники подслушали, как он делал упреки доктору Хорну, который жестами и знаками давал ему понять, что его подзащитному не следует увязать в разного рода мелочах, а больше говорить по существу.

— Так не перебивайте меня! Дайте мне сказать все, что я считаю необходимым! — настаивал Риббентроп.

— Я лишь пытаюсь услышать от вас изложения по существу, — объяснял доктор Хорн. — Вы же сами видите, что терпение судей на исходе.

— Да, но почему этот Биддл так нетерпелив?

— Он ждет не дождется, когда вы наконец перейдете к секретному протоколу к договору с русскими. И все этого ждут.

Риббентроп ответил, что, мол, в этом секретном протоколе ничего сверхважного нет, и поэтому не видит причины столь повышенного интереса к нему. Он вообще надеялся, что сегодня на послеобеденном заседании этот вопрос подниматься не станет — может, его перенесут на понедельник. Доктор Хорн возразил, сказав, что, скорее всего, этот вопрос все же будет затронут именно сегодня, обратив внимание Риббентропа на то, как он должен выражаться: простыми, краткими фразами; необходимо просто сказать о том, что в результате получали немцы, а что русские.

— Хорошо, хорошо! Нечего мне все разжевывать! — нетерпеливо повторял Риббентроп.

Доктор Хорн в качестве последнего напутствия пожелал своему подзащитному не рассуждать слишком много о Гитлере — и вообще не

упоминать о Рузвельте. И говорить без бумажки, ибо какой прок от его записей, если обвинение возьмет его в оборот.

Послеобеденное заседание. (Как только Риббентроп начал свою речь, Геринг заметил своим соседям, что защита Риббентропа — явная неудача. Когда же Риббентроп в перерыве на пару минут вернулся на скамью подсудимых, Геринг заверил его в том, что, мол, все идет прекрасно. Стоило бывшему министру иностранных дел вернуться к свидетельской стойке, как Геринг принялся недоумевать:

— И как это Гитлер сподобился присвоить ему звание группенфюрера СС — этому слабаку!)

Наконец был представлен предусмотренный секретным протоколом к договору о ненападении с Россией заранее согласованный план раздела Польши. Но сенсацией он уже стать не мог. Затем Риббентроп описал небольшую задержку с нападением на Польшу, возникшую вследствие обещанных Польше Англией гарантий, перечислил «инициативы» фюрера, лишь устно предложенные вниманию сэра Гендерсона, но так и не переданные ему в письменной форме, упомянул о нападении, спровоцированном «бесстыдством» Польши, и готовности фюрера к переговорам после победы над Польшей.

30 марта. Суммированное оправдание

Утреннее заседание.

Риббентроп, завершив изложение основной части своей обвинительной речи, подчеркнул, что ни он, ни Гитлер любви к войне не питали, что шли на нарушение договоров лишь скрепя сердце, и о том, что лично ему, Риббентропу, оккупация нейтральной Голландии стоила многих бессонных ночей.

30–31 марта. Тюрьма. Вечер

Камера Риббентропа. Когда я во второй половине дня пришел к Риббентропу в его камеру, он пожаловался на полное психическое и физическое истощение.

— Есть предел тому, что человек в состоянии выдержать. Я этой границы фактически достиг в 1943 году. Да, мне действительно следовало еще тогда уйти в отставку. Мой врач обсуждал это с Гитлером. Но тот не хотел об этом и слышать. Сейчас я с трудом мыслю. А конец войны и вовсе доконал меня. Это был ужас. Я продолжал жить в своем доме под Берлином и по дороге туда и обратно видел тысячи раненых, отступавших солдат, беженцев, устремлявшихся на запад от стремительно продвигавшихся вперед русских.

Риббентроп рассказал мне, что с крушением Рейха его нервы просто лопнули, и когда в мае месяце его поместили в Мондорф, он уже тогда испытывал серьезные затруднения с памятью. И теперь ему крайне тяжело сосредоточиться, чтобы объяснить то или иное событие. Почему ему не дали говорить? Почему все время перебивали? Он должен был разъяснить им свою точку зрения на эти события, а чтобы ее разъяснить, ему необходимо провести исторические параллели и... Ах да, они ведь дали ему сказать лишь треть из того, что он намеревался, и этой трети, по их мнению, было вполне достаточно.

Я напомнил ему, что месяц назад в одной из наших бесед он отрицал существование секретного протокола к договору о ненападении с Россией, предусматривавшего раздел Польши. Вместо того чтобы возразить мне, сославшись, скажем, на то, что он умолчал об этом сознательно, исходя из дипломатических соображений, не желая предвосхищать события, поскольку собирался заявить об этом с трибуны свидетелей, как это мог сделать, скажем, Папен, или же вежливо и без обиняков указать мне на то, что это, в общем, меня не касается, как вполне мог поступить Геринг, Риббентроп сначала принялся отрицать факт отрицания, потом же стал убеждать меня, что все, мол, вообще было не так, как я пытаюсь изобразить.

— Понимаете, Россия и Германия считали, что им должна принадлежать часть территории, утерянной в результате последней войны, — вот и все. Все было вполне логично. Россия — великая держава. Гитлер очень уважал Сталина. Единственное, чего он боялся, так это того, что ему на смену придет какой-нибудь радикал.

Он, по его словам, никак не мог взять в толк, отчего обвинению понадобилось так поливать его грязью, представлять его в совершенно неверном свете.

— Почему им так хочется сделать из меня антисемита? Вы же знаете, что я ничего такого сказать не мог.

Я напомнил ему, что главный переводчик министерства иностранных дел Пауль Шмидт подтвердил высказывание Риббентропа главе Венгрии Хорти о том, что, мол, существуют два пути решения еврейского вопроса — искоренение или концентрационный лагерь.

— Нет, нет, такого он подтвердить не мог. Нет, я ничего этого не понимаю. Трудно сосредоточиться. Но я не мог сказать ничего подобного. Это совершенно не в моем характере.

Мне подумалось, что он и действительно может и не помнить — ведь Риббентропу так часто приходилось бездумно цитировать высказывания Гитлера, чаще всего просто не вникая в их смысл, а теперь же, когда эти высказывания стали неопровержимыми уликами, он, разумеется, из всех сил старался от них откреститься.

По мнению Риббентропа, обвинение «замарало» его, посягнув на его неприкосновенность, начав обсуждение шести принадлежавших ему домов.

— Разве для государственного деятеля преступление иметь собственность, денежные средства? Разве ваши государственные деятели не имеют собственности? Разве Рузвельт не занимает огромный Белый дом? Это ведь символ правителя, не так ли? То же самое и в отношении меня. Я занимал солидный дом, в котором раньше жил Гинденбург, содержать его стоило кучу денег. Фюрер пожелал, чтобы так было, и народ тоже. Я даже могу понять Геринга и его стремление собрать коллекцию произведений искусств. Руководитель государства имеет право на определенный уровень жизни, чтобы не становилось стыдно перед иностранцами. Это вполне объяснимо, как вы считаете?

Я считал, что «собрание» Герингом коллекции вполне объяснимо, но отнюдь не простительно.

— И все-таки обвинению не следовало так чернить меня. Впрочем, история вынесет мне иную оценку. Да и немецкий народ вам не поверит. Я знаю, что думает обо мне немецкий народ. Я только попытался помочь ему.

Камера Нейрата. Нейрат был иного мнения о том, что думал немецкий народ о Риббентропе.

— Вам не найти другого такого правительственного чиновника, который снискал бы такую низкую оценку, как этот Риббентроп, — комментировал он. — Некоторые из тех, кто сидит на этой скамье подсудимых, поражены масштабом глупости и поверхностности, которую этот человек демонстрирует суду. Но мне-то все это не в новинку. Мне годами приходилось выслушивать этот бред и разбираться с ним — одна только болтовня и никакого понимания — вот что он собой представлял. И до сих пор продолжает лгать. Он заявил, что, дескать, был у меня статс-секретарем до своего назначения на пост министра иностранных дел. Не было такого. Он ни минуты не был моим статс-секретарем. Гитлеру этого хотелось, но я был категорически против. И вообще, своим глупым встреванием в то, о чем он и понятия не имел, он столько нагородил, сколько этому обвинению И не снилось.

Камера Франка. Франк крайне негативно оценивал этого «несчастливого дурачка»:

— Что от него ждать? Необразован, неразвит, невежествен. Он и по-немецки выразиться грамотно не мог, не говоря уже о том, что ни малейшего понятия не имел о вопросах внешней политики. Нет, правда, его грамматика мне всегда доставляла головную боль. От души надеюсь, что переводчикам все же удастся хоть как-то передать смысл его высказываний. Не перестаю удивляться, как он еще умудрялся сбывать свое шампанское, не говоря уж о национал-социализме. Ха-ха-ха! Нет, действительно, остается лишь посочувствовать ему. Не виноват этот дурачок, что он во внешней политике разбирался, как свинья в апельсинах, не виноват. А вот что касается Гитлера, так это было преступлением посадить такого человека в кресло министра иностранных дел государства с населением в 70 миллионов человек. И тут слабость диктатуры как на ладони — диктатура не терпит критики. Гитлер окружал себя подобными льстецами и лизоблюдами, чтобы убедить себя в своем могуществе.

Камера Геринга. Отсидев вынужденную паузу перед своим последним появлением на сцене в ожидании, пока статисты не уберутся с подмостков, Геринг пребывал в сумрачном настроении. То, как на суде вел себя Риббентроп, очень не нравилось Герингу.

— Что за убогий спектакль? — неодобрительно вопрошал он, качая головой. — Если бы я знал, что кончится этим, я бы непременно серьезнее отнесся бы к внешней политике. И хотя я по мере сил пытался воспрепятствовать назначению его на этот пост, но, поверьте, мне сейчас очень грустно при мысли, что я все-таки оказался прав. Веда всюду только и слышишь — «и где эти нацисты только откопали такого министра иностранных дел»? Вот поэтому наша внешняя политика и кажется всем такой недалекой. Риббентроп не переставая вел эти битвы за полномочия и престиж. И пусть весь мир разлетится на куски, но его авторитету ничто не должно угрожать. Какую же ревность и зависть я вызывал у него! Однажды он не выдержал и даже спросил меня, не хотелось бы мне быть министром иностранных дел. Я сказал ему: «Благодарю покорно, меня вполне устраивает роль второго человека в Рейхе». Я знаю, что он подстроил мне одну гадость, которая, вероятно, сыграла решающую роль в истории.

Я поинтересовался у него, что это было.

— Личная встреча с Черчиллем, которая могла и должна была состояться. А он этому помешал. Мы должны были встретиться за 2 или за 3 дня до начала войны. Я узнал об этом много позже...

Он ведь всегда был глупцом, слабохарактерным глупцом — но теперь я куда лучше понимаю, сколько же глупости скрывалось за этим спесивым лбом... О Боже, как же это все грустно! Мне действительно наплевать, как сейчас Кальтенбруннер пыжится представить свою роль в РСХА или как Розенберг пытается трактовать свою философию. Но наша внешняя политика — она не может не отразиться на всем правительстве в целом! Что же это за беда такая!

Камера Папена. Папен, по своему обыкновению, не скупился на уничижительные характеристики Риббентропа.

— Нет смысла посвящать столько слов этому идиоту. Он уже сам себе вынес приговор. Вам вполне можно переходить к разбору следующего случая... Сами подумайте, от таких сулящих катастрофу событий, как объявление войны Соединенным Штатам, он просто

отмахивался, будто их и нет вовсе! «Ну, раз они стреляют по нашим подлодкам, тогда и мы объявим им войну». И это заявляет министр иностранных дел Гитлера! Преступный дилетантизм этого человека поставил на карту судьбу Рейха!

Папен явно имел в виду Гитлера, прислушивавшегося к тому, что нашептывали ему «умники» типа Риббентропа, вместо того чтобы обращаться к опытным дипломатам.

— Он считал, что, заключив с Россией договор о ненападении и разделив Польшу, перехитрил всех, но, по моему мнению, пресловутая «хитрость» была только на руку Сталину. Когда Сталин убедился, что Гитлер замышляет напасть на Польшу, то подумал: «Ладно, если так, если никто его не в силах остановить, хорошо, почему бы и нам не отрезать себе кусочек от этого пирога». А что же Геринг? Если бы он вместо этой своей глупой и дилетантской затеи с Далерусом явился бы вместе со всем кабинетом министров к Гитлеру и заявил: «Если настаиваете на войне, дело ваше, но мы — вне игры!» Тогда бы Гитлеру ничего не оставалось, как только *уступить!* Но, не имея достойной оппозиции, он уверовал, что может все...

1 апреля. Перекрестный допрос Риббентропа

Утреннее заседание.

Риббентроп был подвергнут перекрестному допросу сэром Максвеллом-Файфом. Уловками, противоречивыми заявлениями, пустой аргументацией и ничего не значившими аналогиями, зависанием на отдельных пунктах, использованием «дипломатического языка», а также отнявшими массу времени заиканиями и откашливаниями Риббентроп попытался отвести отягчающие его вину документальные доказательства: об оказанном им содействии Гитлеру в деле присоединения к Рейху Австрии и Чехословакии, когда тот угрозой и шантажом вынудил эти государства уступить ему, о предпринятых им дипломатических шагах непосредственно перед нападением на Польшу, хотя Риббентроп признавал, что это означало

войну с Англией. Даже в дневнике Йодля появилась запись о том, что министр иностранных дел увлекся смертельно опасной игрой.

Обеденный перерыв.

Во время обсуждения перекрестного допроса Риббентропа в отсеке, где принимали пищу пожилые обвиняемые, Шахт, возбужденно размахивая руками, подчеркнул основное звено вопроса: — все сходится в одном: он знал о предстоящей войне с Польшей, он не предпринял ничего, чтобы ее избежать! Вот ядро, суть всего вопроса, все остальное — пустая болтовня!

Папен вспомнил, как Гитлер оказывал давление на канцлера Австрии Шушнига, угрожая применить силу. Когда совещание в Берхгесгадене 12 февраля 1938 года достигло точки кипения, Гитлер громким криком призвал к себе Кейтеля. На зов Гитлера, который был слышен на все здание, примчался Кейтель. Гитлер велел ему усесться в углу. Этого жеста было вполне достаточно, чтобы нагнать страху на Шушнига. Однако и Папен, и Шахт придерживались единого мнения о том, что не было необходимости прибегать к подобного рода угрозам — Шушниг и без Гитлера понимал, что 80 % населения Австрии стояло за присоединение к Германии. Против чего Шушниг еще мог возразить, так это против всеобщего господства нацистов. Шахт вспомнил, что бывший канцлер Австрии был вообще человеком, на которого надавить ничего не стоило; Шахт познакомился с ним в концлагере.

Зейсс-Инкварт потешался над невежеством Риббентропа в области истории. Когда я направлялся в другой отсек для приема пищи, он, хитровато улыбаясь, шепнул мне:

— Тсс! Вы сейчас ничего не говорите, но мне кажется, что наш министр иностранных дел не знает даже, что болгарский вопрос связан с Трианонским соглашением.

До меня дошли слухи, как доктор Хорн готовил своего подзащитного Риббентропа к послеобеденному заседанию: защитник сказал ему, что если ему будут задавать вопросы о дневнике Йодля, то их следует переадресовывать самому Йодлю, а о приказах Кейтеля за его подписью — самому Кейтелю. Если будет затронут вопрос об антисемитизме, то Риббентропу следует указывать на то, что он

никогда не позволял себе никаких циничных высказываний в геринговском духе о том, что, мол, лучше было расстрелять на две сотни больше евреев, чем позволять нанести такой урон собственности. Этот последний пункт поверг Риббентропа в ужас — нет, нет, он никогда не сможет решиться на подобный выпад против Геринга, поскольку тот по-прежнему человек, способный оказать влияние.

Послеобеденное заседание.

Риббентроп продолжал отрицать все обвинения в агрессивных замыслах. Перекрестный допрос достиг пика комизма, когда Риббентроп стал отрицать, что оказывал на Гаху сильное давление, требуя от него в нарушение Мюнхенского соглашения передачи Рейху Чехословакии. «Какое еще давление вы могли оказать на главу иностранного государства, кроме как угрожать ему тем, что ваша многочисленная армия перейдет границы этого государства, а военно-воздушные силы подвергнут бомбардировке его столицу?» — желал знать сэр Дэвид. «Война, например», — нимало не смущаясь, отвечал Риббентроп, после чего весь зал зашелся хохотом. Риббентроп не соглашался с тем, что в отношении Англии проводилась вероломная политика и, хотя внешне все выглядело весьма благопристойно, в действительности замышлялась коалиция против этой страны. В конце концов, сэром Дэвидом был предъявлен подписанный самим Риббентропом документ, в котором тот рекомендовал Гитлеру именно такую политику.

Бывший министр иностранных дел Рейха попытался оспорить и это документальное доказательство, заявив: «Англичане хладнокровно оставили бы Польшу в беде*. Не хотел он признавать и своего удовлетворения начавшейся войной, поскольку не сомневался, что данная проблема должна быть и будет решена еще при жизни Гитлера. Отрицал Риббентроп и факт оказываемого давления на Японию с тем, чтобы она также участвовала в нападении на Англию.

На обеденном перерыве Кейтель, Геринг и Йодль рассуждали о нападении на Польшу. Начало нападения было намечено на 24 августа, затем 25 августа срок его был перенесен на 30 августа, а потом ещё на сутки, то есть на 31 августа — ожидалось, что требования Германии будут удовлетворены. Требования не были удовлетворены, и нападение произошло в ночь с 31 августа на 1 сентября.

Позже Кейтель заявил мне:

— Понимаете, никто не верит Риббентропу, что он не знал о военных приготовлениях. А ведь он и правда не знал. Ему Гитлер говорил одно, нам совершенно другое. Он всем лгал по-разному.

Йодль слышал слова Кейтеля, слышали и остальные. Такое он никогда и нигде не решился бы заявить, разве что в стенах своей камеры, если бы до сих пор находился под влиянием Геринга.

2 апреля. Поражение Риббентропа

Утреннее заседание.

Обвинитель от Франции М. Фор подверг Риббентропа перекрестному допросу, доказав ему факт высказываний и действий, носивших явно антисемитский характер.

Вскрылась весьма активная роль Риббентропа в одобрении депортации евреев из оккупированных стран и стран-сателлитов Германии в концентрационные лагеря. Риббентроп пытался отрицать предъявленные ему обвинения, как и свою принадлежность к антисемитам, — он всего-навсего выполнял распоряжения фюрера.

В перерыве утреннего заседания Гесс на удивление весьма эмоционально реагировал на высказывания, прозвучавшие в зале заседаний.

— Недостойно и бесчестно так обходиться с человеком, стоящим у свидетельской стойки! Я бы никогда не позволил им такого по отношению к себе!

Гесс явно помнил, что не давал показаний, вот только запомнил, почему он их не давал. Доктор Зейдль с Герингом объяснили ему, что ему нет нужды, стоя у свидетельской стойки, давать показания —

амнезия избавила его от подобной необходимости. Гесс забеспокоился, стал сосредоточенно тереть лоб, беспомощно размахивать руками.

— Так вот оно что! Я забыл, что...

Доктор Зейдль заверил его в том, что представил суду надлежащее объяснение, а именно, что Гесс отказывается давать показания вследствие своей оценки этого суда.

— Да? А что же это за оценка?

Доктор Зейдль пояснил, что Гесс заявил о том, что не признает компетенцию данного суда. Гесс потер лоб.

— Так, значит, я так и сказал?

— Да, да, — нетерпеливо подтвердил Геринг. — Сначала об этом заявил я. А вы потом повторили.

Гесс лишь пожал плечами. Геринг за спиной Гесса раздраженно махнул рукой Дёницу.

Послеобеденное заседание.

Полковник Эймен подверг Риббентропа краткому перекрестному допросу и на основе ранее заданных обвиняемому вопросов сумел подтолкнуть Риббентропа дать противоречивые утверждения. На перекрестном допросе генерала Руденко Риббентроп утверждал, что нападения на Чехословакию, Польшу, Югославию, Грецию и Россию при более пристальном рассмотрении агрессиями считаться не могут.

Среди обвиняемых крепла уверенность в том, что участь Риббентропа решена. Наклонившись к Редеру, Геринг сказал: «Риббентропу конец». Не изменяя своей повседневной лживости, он же после утреннего заседания попытался убедить бывшего министра иностранных дел, что тот, мол, вел себя во время допросов как подобало.

Тюрьма. Вечер

Камера Риббентропа. Когда я вечером заглянул в камеру Риббентропа, он выглядел даже хуже обычного. Застегнутая кое-как

рубашка выехала из брюк, в камере царил беспорядок, да и сам он выглядел неряшливо, сидя у стола и дожевывая кусок хлеба. Риббентроп задавал мне вопрос за вопросом, большей частью они были чисто риторического характера.

— С какой стати французскому обвинителю понадобилось выставить меня антисемитом? Антисемитизм всегда противоречил моей натуре, и им это известно. Будь я и правда антисемит, то я не постеснялся бы прямо об этом заявить. Я спросил у Гесса, что превратило в такого ярого антисемита Гитлера, но он этого не знал... Вы можете понять мою преданность Гитлеру? Мне кажется, не все это способны понять. Скажите мне прямо, как вы расцениваете мои шансы?

— Я расцениваю его так, что вы своей слепой верностью Гитлеру поставили себя в безвыходное положение. И в первую очередь мне непонятно, отчего вы сейчас продолжаете за него цепляться, хотя всему миру ясно, что он — убийца.

— Вам это непонятно? Нет, по-видимому, есть вещи, которые недоступны пониманию американцев. Мы, немцы, народ особый, нас отличает верность. Кое-кто это понять не в состоянии.

— Да это никому не понять.

— Ну, не знаю, не знаю. Что бы я сделал, знай я обо всех этих бесчеловечных убийствах евреев...

— Вы о них не знали, когда весь мир знал о лагере смерти Майданек?

— Да, да! Но тогда уже все равно было слишком поздно. Я спрашиваю себя, как бы я поступил, если бы с самого начала знал обо всем, я это имею в виду. Нет, воспротивиться ему каким бы то ни было образом я не мог. Мне следовало уйти из жизни добровольно. Это был единственный способ. Это вы понимаете?

— Нет, я бы во всеуслышание заявил о том, что Гитлер — убийца, а если такое было бы невозможно, тогда бы я счел своим святым долгом убить его — таков был последний выход.

— Нет, нет! Об этом я и подумать не мог. На такое я бы никогда не смог решиться.

— Почему же? Что же, для вас это было так, как если бы вы подняли руку на отца родного?

— Ну да, примерно так. Он стал для меня символом Германии. Говорю вам, после того как мы посмотрели фильм о нацистских временах, если бы он вот сейчас пришел бы сюда ко мне, я не смог бы просто так *откреститься* от него. Я бы, скорее всего, не пошел за ним, но откреститься от него — нет, этого я бы не смог. И не знаю, почему.

3 апреля. Защита Кейтеля. Показания Кейтеля

Утреннее заседание.

(Когда Кейтель подошел к свидетельской стойке, Йодль, усевшись поудобнее, стал лихорадочно перелистывать свои записи. Дениц нервно постукивал пальцами по скамье.) *Сообщая суду о том, что в течение 44 лет старался выполнить свой долг, будучи убежденным в том, что в своей массе немецкий солдат — преданный и верный, Кейтель часто моргал и вытирал глаза. Заявление об отсутствии у него командных полномочий и исполнении распоряжений Гитлера звучало из его уст заклинанием.*

(Дёниц, Редер и Йодль вышли из состояния безучастного присутствия, в котором пребывали в течение практически всего процесса, включая и моменты упоминания на нем о творимых зверствах, выразив всем своим видом глубочайшую заинтересованность, периодически отвлекаясь лишь на то, чтобы ковырнуть в носу или носовым платком смахнуть со лба пот.)

Обеденный перерыв. За едой Йодль выглядел весьма взвинченным, однако предпочел не рассуждать на эту тему.

— Вас так взволновал факт, что начальник ОКВ стоит перед военным трибуналом и даст показания? — поинтересовался у него я.

— Именно это. И мысли о том, насколько далеко все зашло. Мы явно ничего подобного не заслужили.

— Если вы этого не заслужили, то теперь у вас, по крайней мере, есть возможность назвать миру истинного виновника, — ответил я.

Только это его и утешает, сообщил Йодль. Он уже и раньше говорил мне, что ничего так страстно не желает, как того, чтобы весь мир узнал всю правду без остатка о германском руководстве.

Дёниц ограничился весьма кратким комментарием:

— Он — человек, достойный уважения.

— Да, — вмешался Папен. — Человек, достойный уважения без головы на плечах. Но, несомненно, достойный уважения.

— Ну, ну, — саркастически продолжил Шахт. — Как человек он, возможно, и достоин уважения, а вот как *мужчина* — нет!

Геринг по-прежнему разыгрывал из себя персону номер один на этой скамье подсудимых.

— Я ведь уже говорил суду, что у него действительно не было никаких командных полномочий, но, наверное, нелишне будет и ему самому это повторить. Однако этому бедняге почти нечего сказать. И могу сказать, что почти понимаю, почему он может ляпнуть что-нибудь вроде: «Почему здесь нет Гитлера — он бы ответил на все вопросы?» Да и вообще, многие здесь — люди случайные. О Фриче я вообще до этого ничего не слышал. К чему было тащить сюда этого малютку Функа? Он же только выполнял мои приказы. Не сидеть здесь и Кальтенбруннеру, останься в живых Гиммлер.

— Но вы-то, надеюсь, на своем месте? — решил уточнить я.

— Разумеется, я бы счел за оскорбление, если бы меня обошли вниманием.

4 апреля. Обсуждение вины Кейтеля

Утреннее заседание.

Кейтель продолжил давать показания, заявив о том, что вследствие неподготовленности операции он был против нападения на Польшу, что был поражен невмешательством Запада и что нападение на Францию вызывало у него серьезную озабоченность.

Во время перерыва, объявленного на утреннем заседании, мне сообщили, что Геринг заявил остальным обвиняемым о том, что, мол, Францию ничего не стоило сокрушить в течение двух недель, если бы был принят их с Гитлером план, предусматривавший нападение на Францию непосредственно после захвата польских территорий. Доктор Хорн поинтересовался, почему же такой план все же не был осуществлен. Геринг объяснил это лишь неблагоприятными метеоусловиями — именно они и обрекли люфтваффе на бездействие.

Редер добавил, что в случае успеха зимнего наступления участь Англии была бы решена еще весной 1940 года. Геринг полагал, что в случае победы над Францией Англию можно было поставить на колени, имея в распоряжении всего 5 воздушно-десантных дивизий. В течение зимы Гитлер не раз заявлял ему, что, мол, выбор у Германии один — либо громить англичан на их собственной территории, либо дожидаться, пока они не переберутся во Францию, и громить их уже там.

Обеденный перерыв. Когда Кейтель незадолго до обеденного перерыва вернулся на свое место на скамье подсудимых, к нему обратился Геринг:

— Я готов подтвердить факт того, что нападение на Францию готовилось безалаберно. Почему вы не предупредили меня, что будете говорить об этом? Я бы это подтвердил еще в своей защитительной речи.

— Понимаю, понимаю, — ответил Кейтель, от которого не мог уйти сарказм Геринга, хотя тот, приятельски похлопывая бывшего главу ОКВ по спине, наверняка выражал таким образом свое одобрение его поведением и показаниями. — Я просто изложил факты, все как было.

За обедом Кейтель повторил мне, что он излагал факты, ничего не искажая и не приукрашивая, независимо от того, как на них отреагируют. Обедавшие вместе с ним Зейсс-Инкварт и Франк старались приободрить Кейтеля. Один лишь Заукель сидел в своем углу, как мышь под метлой — по-видимому, строго следуя указаниям Геринга не болтать лишнего в моем присутствии.

В отсеке для пожилых обвиняемых центральной темой высказываний Шахта была избранная Кейтелем линия поведения — дескать, я лишь выполнял приказы Гитлера и всегда старался оставаться порядочным солдатом.

— Звучит, несомненно, красиво, но ни на йоту не уменьшит его вины. И даже если он только выполнял приказы Гитлера, что это меняет? Ни в одной стране мира нет такого закона, который бы обязывал убивать безоружного.

И тут Шахт поведал одну услышанную им в концентрационном лагере историю. Речь шла о племяннике того человека, который и рассказал ее Шахту. Этот племянник в чине гауптмана служил в регулярных частях вермахта. Однажды он получил приказ доставить в штаб корпуса 70 захваченных в плен солдат противника, но кто-то из

высших по званию офицеров заявил, что, мол, эти пленные никому не нужны, что они, дескать, лишь обуза, и посему есть необходимость срочно от них «избавиться». Этот гауптман, наотрез отказавшись «избавляться» от них, заявил, что доставит их по назначению. Прибывший к месту инцидента генерал также приказывает гауптману «избавиться» от пленных. Тот отказывается выполнить такой приказ. Генерал предупреждает его: «Вы сознаете последствия невыполнения прямого приказа начальника?» Гауптман отвечает: «Да, я в полной мере осознаю их и категорически отказываюсь выполнить ваш приказ. Все последствия за это беру на себя».

Затем поворачивается к своему подчиненному лейтенанту и отдает ему приказ следующего содержания: «Приказываю вам доставить группу пленных в штаб корпуса, наделяя вас полномочиями применять оружие против всех, кто попытается воспрепятствовать выполнению вами данного приказа. Вся ответственность за доставку пленных в целости и сохранности в штаб корпуса возложена на вас».

Пленных доставили, и об этом инциденте больше не вспоминали. А наш гауптман отделался легким испугом.

— Вот видите, — торжественно подытожил Шахт. — Не написан пока что закон, согласно которому можно было бы обязать совершить убийство, но у большинства военных просто не хватает духу воспротивиться преступному приказу. А я вот воспротивился. Когда дело дошло до войны, я решил подвести черту. Об этом я и хотел сказать. Жаль, что ничем не могу помочь ни Кейтелю, ни другим, но докажу, что они *имели право не подчиниться* этому умалишенному по фамилии Гитлер!

Папен, углубившийся в чтение свежей газеты, выразил удовлетворение тем, что СССР и Иран пришли к взаимному согласию. По его мнению, здесь явно сыграла роль известная речь Черчилля, по-видимому, русские, получив отпор, поняли, что не следует заходить слишком далеко.

— Вот видите, насколько лучше, когда каждый волен высказать свое мнение. Только представьте себе, если бы у нас в 1938 году хоть иногда можно было бы высказать иную точку зрения. Предположим, Чемберлен и главы других демократических стран, после того как выяснилось, что Мюнхенское соглашение нарушено, категорически заявили бы: «Гитлер не сумел сдержать своих торжественных

заверений. Отныне мы разрываем дипломатические отношения с правительством Гитлера и прекращаем всякие торговые сношения с Германией до тех пор, пока к руководству государством не придет достойное правительство!» Поступи они именно так, с Гитлером было бы покончено за каких-то пару дней. Наступил бы решающий, судьбоносный конфликт, и народ бы уже не поддержал Гитлера. И тогда бы события не стали развиваться в пользу неизбежной войны.

Далее Папен наглядно показал, что, по сути, все строилось на блефе, собственно, это еще раз подтверждают и сегодняшние показания Кейтеля.

Тюрьма. Вечер

Камера Шпеера. Когда я вечером пришел в камеру Шпеера, я обнаружил его в крайне удрученном состоянии. Шпеер выразил озабоченность ходом процесса. Обвиняемые удачно прикрывались ролью бесправных исполнителей приказов и распоряжений, а суд лишал обвинителей возможности задавать обвиняемым любопытные с политической и психологической точек зрения вопросы. Шпеер был категорически не согласен с тем, что отказ Кейтеля и Геринга действительно облегчить трагическую участь немецкого народа так и не нашел подобающей оценки на суде, напротив, суд дал им возможность превратить данный процесс в трибуну, откуда они на весь мир вопят о своей верности национал-социализму.

— И отдельные личности, и политические группы следует судить об их деяниях последнего дня. Куда полезнее заострить внимание именно на атмосфере распада, всеобщего хаоса и позора, типичной для финального этапа войны, а не пытаться вписать еще одну главу, дающую кое-кому из фюреров возможность красиво вещать с трибуны, создавая о себе благоприятное впечатление и заставляя народ вновь поверить в то, что в конечном итоге и национал-социализм был не так уж и плох.

Шпеер был всерьез обеспокоен, что его защитительная речь, в которой он намеревается обвинить нацизм, окажется гласом вопиющего в пустыне. Никогда прежде мне не приходилось видеть его таким расстроенным.

5 апреля. Послушание Кейтеля

Камера Кейтеля. Я посетил Кейтеля в его камере еще до начала утреннего судебного заседания. Он сообщил мне, что ему предстоит излагать вопрос об обращении с военнопленными и представить разъяснения в связи с делом об убийстве Жиро. И хотя дело об убийстве Жиро в контексте всего комплекса деяний, неизбежных при ведении агрессивной войны и связанного с ней геноцида, занимает относительно скромное место по значимости, его трудно переоценить в моральном аспекте, поэтому Кейтель считает своим долгом представить кое-какие разъяснения по этому поводу. Дело об убийстве Жиро в свое время в неверном свете было подано Канарисом, мало чем отличалась и интерпретация свидетеля Лахузена. Во всяком случае, Кейтель полагал, что мнение Канариса — сомнительно. Теперь он не сомневается, что именно Канарис подсказал голландцам схватить германского курьера, доставлявшего германскому послу в Голландии донесение о предстоящем вторжении немецких войск в эту страну. Сотрудники голландской полиции уже на границе подкарауливали курьера, что в конечном итоге обернулось тем, что голландская королева лишилась возможности услышать от германского посла формальное объявление войны Германией Голландии. Другим пунктом касательно его кодекса чести офицера, уже выносимого Кейтелем на обсуждение, был вопрос о его лояльности Гитлеру.

— Я уже заявлял суду, что был верен Гитлеру, но он не доверял мне и никогда не сообщал об истинном положении дел.

Утреннее заседание.

Кейтель сообщил, что в его компетенцию входил лишь общий надзор и руководство лагерями для военнопленных, а также о возникшем серьезном споре с Гитлером о передаче полномочий по приведению в исполнение наказания за побег пленных британских летчиков в ведение Гиммлера, что означало для британцев верную гибель. Затем Кейтелем были представлены объяснения по делу Жиро и по делу Вейгана (после его краткого заявления о том, что он не имел отношения к пресловутым «трофейным» экспедициям

Розенберга и ни на пфенниг не получал для себя лично никаких трофеев — едва ощутимый, но все же пинок в бок Герингу).

(Подавшись вперед, обвиняемые военные пристально наблюдали за дававшим показания Кейтелем, как будто наступил кульминационный момент его защиты.)

Кейтель заявил, что лишь передал приказ — приказ о содержании под стражей Вейгана и поимке или добровольном возвращении Жиро. (Факт разговора с Канарисом, в котором глава абвера, сославшись на то, что казни — вне нашей компетенции, поручил Кейтелю передать исполнение Гейдриху, Кейтелем упомянут не был.)

Обеденный перерыв. Группировка бывших военных осталась довольна разъяснениями, и Кейтель удостоился самого сердечного приема. Честь вермахта, таким образом, была спасена. Зверская расправа с британскими летчиками, «особая обработка» русских пленных — все это отступало на задний план — Кейтель нарушил кодекс чести офицера, но не попыткой убить своего коллегу-генерала. Дёниц, похлопав бывшего начальника ОКВ по плечу, похвалил:

— Великолепно сработано!

На что Кейтель ответил, что был счастлив наконец получить возможность для представления разъяснений по делу Жиро. Геринг, даже позабыв о пресловутом пинке в бок в связи с «трофеями», также не скупился на поздравления.

Уже наверху, в помещении для приема пищи Дёниц распинался:

— Вы же видите, что никто на этом процессе не гарантирован от оскорбления подозрением! Этот Лахузен — ничтожество. Все эти шпионы — ничтожества. В результате Кейтелю потребовалось четыре месяца дожидаться, пока его доброе имя будет восстановлено. Вот что меня больше всего возмущает на этом процессе.

Методику Кейтеля прокомментировал и Геринг.

— У него другой подход. Он отвечает на каждое предъявленное ему обвинение по отдельности, чтобы избежать перекрестного допроса. Я же всего-навсего обрисовывал свою общую линию, после чего окапывался для перехода к решительному нападению.

Я возразил ему, порекомендовав взглянуть фактам в лицо и признать, что Гитлер — убийца. В одной из газет недавно появилось краткое интервью с женой Геринга. Заголовок гласил: *«Фрау Геринг называет своего мужа излишне преданным Гитлеру»*. Я показал ему эту газету и интервью его жены, в котором она заявляла о том, что Гитлер приказал расстрелять их семью.

— Вот это женщина! Таких встречаешь лишь раз в жизни. Такое люди поймут, — считал Геринг. Мы продолжили разговор на эту тему, но стоило мне коснуться того, допустимо ли убивать женщин и детей, как снова наша беседа зашла в тупик. Геринг утверждал, что в какой-то степени еще мог понять мотивы, заставлявшие Гитлера уничтожать русских военнопленных, евреев и политических противников, но у него просто не умещается в голове, что Гитлер вполне осознанно отдавал приказы об уничтожении женщин и детей. Это был, пожалуй, единственный пункт, который мог поколебать его понятие «рыцарского благородства».

Я решил копнуть чуть глубже и высказал ему напрямик, что он, хоть и неплохо разбирается в людях, понятия не имеет о психопатологии. (Этого Геринг отрицать не стал, поскольку амнезия Гесса полностью подтвердила мою правоту.) И Гитлер, и Гиммлер — психопаты, утверждал я, хотя весьма церемонно выражались на приемах и раутах. В отношении Гиммлера Геринг готов был со мной согласиться, но стоило ему попытаться применить эту версию к Гитлеру, как тут же происходил сбой. И снова он шлепал себя по лбу, будто пытаюсь зримо представить себе, как Гитлер совершал все эти деяния. Я предложил ему попытаться вообразить себе следующую ситуацию: Гитлер, одержимый антисемитизмом и абсолютно не терпевший никаких возражений, в конце концов говорит Гиммлеру: «Вот что, ты разберись там с ними, мне наплевать, как именно! И слышать больше о них не желаю!» Минуту поразмышляв и, судя по всему, весьма отчетливо представив своему внутреннему взору подобную картину, все же признал, что, вероятно, все именно так и было.

Я снова заговорил о его позиции на момент крушения нацизма. Он напомнил мне свои слова о том, что предпочел бы сдаться американцам, но не русским и не англичанам, хотя и те, и другие, и третьи были равноудалены от его замка под Берхгесгаденом, где он

обосновался после своего освобождения бойцами его воздушно-десантного полка. Он признал и то, что, будучи в большой обиде на Гитлера, готов был к сотрудничеству с американцами.

— Тогда они могли заполучить Германию задешево. Большинство самых видных функционеров было готово сотрудничать с ними. И процессы по делу военных преступников шли бы куда более гладко, если только мы стали бы сотрудничать... Но после того, как вы взяли в плен и отдали под суд меня как военного преступника, тогда...

Было видно невооруженным глазом, что замысленная им сделка предполагала и рыцарское обращение с поверженным полководцем; да вообще, было просто *неприлично* отдавать его под суд как военного преступника. Он был готов к сотрудничеству в выявлении виновников зверского умерщвления женщин и детей, но в данных обстоятельствах все же предпочитал хранить верность своему фюреру.

6 апреля. Перекрестный допрос Кейтеля

Утреннее заседание.

Сэр Дэвид Максвелл-Файф подверг Кейтеля перекрестному допросу. Им было предъявлено суду письмо Кейтеля полковнику Эймену, в котором бывший начальник ОКВ заявлял, что он — солдат, ответственность же за террористические и противозаконные акции целиком лежит на Гитлере.

(Когда зачитывалось вышеупомянутое письмо, Геринг презрительно сказал Дёницу: «Жалкий слабак». Чуть погодя он произнес еще одну фразу: «Эта мелкая невинная овечка не желает иметь ничего общего с партией! Прояви он хоть чуточку антипатии к национал-социализму, он бы и минуты на своем посту не оставался бы!»)

Входе перекрестного допроса Кейтелю были предъявлены серьезные обвинения в казнях лиц, обвиненных во вредительстве, репрессиях, которым подвергались члены семей лиц, добровольно сражавшихся на стороне союзников,

расстрелах совершивших побег заключенных и других нарушениях прав человека. Кейтель вынужден был признать, что подобные акции действительно имели место и что им, несмотря на его внутреннее несогласие с вышеупомянутыми акциями, подписывались соответствующие приказы.

Когда он вернулся на свое место на скамье подсудимых, Геринг раздраженно спросил его, почему он не дал надлежащего отпора и не сослался на то, что и союзники не церемонились со всякого рода вредителями и саботажниками. Явно расстроенный Кейтель ответил:

— На это еще будет время.

— Но сейчас был самый удобный момент упомянуть об этом, и вы его упустили! — не отставал Геринг.

Раздосадованный Кейтель, откинувшись на спинку стула, не стал отвечать, и не менее раздосадованный Геринг продолжал:

— В этом документе нет ни слова о расстрелянных матерях! Почему вы не читаете передаваемые вам для ознакомления документы?!

Кейтель, не отвечая и даже не глядя в сторону бывшего рейхсмаршала, замкнулся в ледяном молчании. Когда адвокаты продолжили предусмотренное порядком заседания перечисление фамилий свидетелей и документальных доказательств, Геринг разразился проклятиями в адрес тупых адвокатов, недогадливости самого Кейтеля, представителей обвинения, а заодно и всего остального мира.

6–7 апреля. Тюрьма. Выходные дни

С майором Гольдензогом мы зашли к Кейтелю в камеру после утреннего заседания. Кейтель снова был подвергнут перекрестному допросу, повторил многие вопросы и ответы. В конце концов, он заметил: «Я могу вам сказать, как обстоят дела сейчас. Мне просто невозможно сидеть вот здесь и лгать — я просто так не могу. Мне лучше сказать: «Да, я подписывал этот документ». И Кейтель подтвердил сказанное характерным для него жестом, явно отмечая в

сторону подначки бывшего рейхсмаршала по поводу неумения Кейтеля спихнуть с себя вину или хотя бы приуменьшить ее, пойдя на хитрость.

— Как я уже заявлял в самом начале, вина это, либо участь, этого нам знать не дано; но только я не стану сваливать свою личную вину на моих подчиненных, уходя от ответственности.

Было ясно, что это был главный аргумент Кейтеля в пользу того, что и Гитлеру также следовало бы взять на себя вину и самого Кейтеля, и вообще за все, что делалось по приказу Гитлера. Я напрямик спросил его:

— Вы верите в то, что Гитлер действительно убийца?

— Да, несомненно, — решительно заявил Кейтель, рубанув рукой воздух. — Однако это отнюдь не значит, что и меня следует заклеить как убийцу! Могу лишь сказать, что спускал его распоряжения по нижним инстанциям. Сэр Дэвид Максвелл-Файф дал мне возможность обратить внимание всех, что было и такое, чего я не одобрял и одобрить не мог — расстрелы заложников, дурное обращение с советскими военно-плетнями, расстрел совершивших побег британских летчиков... Но что я мог изменить? Мог, конечно, пустить себе пулю в лоб, но тогда кто-нибудь еще пришел бы на мое место. Я рассчитывал, что смогу предотвратить хотя бы *наихудшее*, хотя не могу сказать, что многое мне удалось предотвратить.

Камера Дёница. Дёниц был весьма недоволен ходом перекрестного допроса Кейтеля. В конечном итоге был нанесен урон репутации вермахта.

— Я бы на эти вопросы ответил совершенно по-другому. Он был слишком бесхребетен. Если он уж признал, что подписывал такие приказы, нужно было хотя бы сказать, что и русские действовали подобным же образом.

Я указал на то, что не вижу ничего удивительного в том, что русские после вероломного нападения Гитлера на Россию, воспылав ненавистью к немцам, также прибегали к решительным мерам ради скорейшего освобождения родной земли от оккупантов. В ответ на это Дёниц ухватился за свой излюбленный аргумент:

— Мне кажется, Гитлер не сомневался в том, что рано или поздно Россия нападет на нас.

Камера Риббентропа. Риббентроп мало что мог сказать по поводу показаний Кейтеля, его куда больше заботило, какое впечатление он сам произвел на суд. Его до сих пор раздражало высказывание мистера Додда о том, что Риббентроп не болен, у него только расстроены нервы.

— В протоколе записано, что мистер Додд заявил суду, что у меня нервы не в порядке. Это вы ему посоветовали? Это неприлично.

Я напомнил ему, что здесь я не исполняю функции тюремного врача, наделенного соответствующими полномочиями, что же касается нервозности Риббентропа, то она налицо. Риббентроп поинтересовался у меня, какова была реакция остальных и что я сам думаю по этому поводу.

— Что касается остальных, то они вам сочувствуют из-за того, что вы так по-рабски подчинялись Гитлеру — ответил я.

— Это их дело и их мнение, но я задаю себе такой вопрос: как бы поступили они, появившись вдруг Гитлер в этом зале. Могу на что угодно спорить, они были бы шокированы. И те, кто сегодня напустил на себя важность, моментально бы поблекли в его присутствии, не исключая и сэра Максвелла-Файфа. Можете мне поверить, мне уже не раз и не два приходилось наблюдать подобное на примере и Даладье, и Чемберлена, и многих других. Он обладал поразительным воздействием на людей.

Кроме того, по его мнению, неприлично было ставить ему в вину употребление «дипломатического языка».

— Вам когда-нибудь приходилось играть в покер? Вы же знаете, как там все происходит. С крохотной ставки больших выигрышей не бывает, ради больших выигрышей ползут вверх и ставки. Если бы я знал, что Гитлер захочет начать войну, и моей задачей было бы решить эту проблему дипломатическим путем, в таком случае я не смог бы заявить Чиано, что Гитлер только грозит, потому что это немедленно разнеслось бы по всем европейским столицам и никто бы не пожелал идти ни на какие переговоры, и началась бы война... Как я уже говорил, куда лучше было сказать Гахе, что Гитлер имеет самые серьезные намерения, чем столкнуться с войной.

Хохот в зале, когда Риббентроп произнес тогда эту фразу, до сих пор воспринимался им весьма болезненно.

— То есть вы считаете, что лучше пригрозить войной, чем вести ее, — уповал на логику я.

Риббентроп согласился.

— Но когда на ваш блеф никто поддаться не желает, остается лишь один выход — война. Угроза войной — это ведь, по сути, гангстерский прием, как по-вашему?

В ответ Риббентроп принялся бормотать о том, что дипломатию вообще нелегко понять, но дипломат непременно уловит его мысль.

Камера Йодля. Йодль напомнил о том, что он тоже был против расстрела британских летчиков.

— Чистейшее, преднамеренное, ничем не оправданное преступление! Я знал, что нам за него уже никогда и ничем не оправдаться. Вот тогда я понял, что за человек Гитлер. В подобных вопросах я всегда вставлял ему палки в колеса, поскольку понимал, что Кейтель не тот человек, на кого можно в таком случае опереться. Но этот приказ о расстреле пленных английских летчиков — это было не что иное, как ярость Гитлера, которую он решил выместить на Кейтеле, которого считал виновным в том, что побег не был предотвращен. Я знал, что этот инцидент нам никогда не понять и не разъяснить. И когда англичане после перемирия перво-наперво потребовали к себе Кейтеля, я сразу же сказал ему — это из-за тех самых летчиков.

— Убийство 50 беглых военнопленных и расправа над Жиро, по-моему, куда сильнее волнуют военных, чем вся программа геноцида в целом, жертвой которой пали миллионы ни в чем не повинных евреев и других идеологических противников, — предположил я.

— Да, конечно — ведь здесь затронута наша честь! К тому, о чем вы только что сказали, мы никакого отношения не имели. И будет доказать, что мы действительно не имели к этому никакого отношения.

Йодль продолжал разъяснять мне, как Гитлер похоронил весь вырабатываемый веками кодекс чести офицера. Гитлер, по словам Йодля, олицетворял новый, радикальный произвол, не вписывавший в мир деятелей прежней эпохи — в мир Гинденбурга, Нейрата и других. Даже Геринг, и тот почитал кодекс чести офицера и во многих случаях оказывал влияние на фюрера.

— Как вы расцениваете то, что Геринг до сих пор пребывает в позе верного сторонника фюрера? — поинтересовался я.

Мои слова вызвали у Йодля улыбку.

— Ну, в его случае это вполне естественно — он ведь по самые уши увяз во всем этом, поскольку он именно из тех, кто продвигал эту партию к власти, кто два десятка лет на весь мир провозглашал непоколебимую верность фюреру, поэтому ему только и остается, что продолжать быть верным ему... Но остальные офицеры с самого начала были настроены враждебно к нацизму. И мы подчинились Гитлеру только потому, что был выбран рейхсканцлером. Очень забавно, но ведь Геринг в последние 2–3 года периодически просто исчезал неизвестно куда. Ходил на охоту, вел упорядоченную, комфортную жизнь в своих замках, собирал предметы искусства — в такие периоды добраться до него было невозможно.

Камера Шпеера. Шпеер полагал, что Кейтель честнее Геринга. Он не только заявил о своей готовности взять на себя ответственность за все приказы за его подписью, но и признать, что они — преступны и что он знал, какие последствия возымеют. Геринг же, наоборот, во все горло вопил о своей верности фюреру, прекрасно понимая, что за это его никто не повесит, но всеми способами старается отмахнуться от совершенных им преступлений. У него в ходу целый арсенал средств увернуться, каким-то образом смягчить предъявляемые ему пункт за пунктом обвинения, среди которых не последнюю роль играет его изворотливость в спорах и умение в нужный момент подкинуть верный аргумент. В ответ на обвинение в том, что он в 1938 году произнес свою знаменитую фразу, что, мол, куда лучше уничтожить на 200 евреев больше, чем приводить в негодность столько добра, реакция Геринга была проста — дескать, это «высказывание было допущено мною в запале». В отношении 50 расстрелянных британских летчиков он заявил, что, мол, он на тот период отсутствовал и был резко против подобной меры. На обвинение в соучастии в подготовке захватнической войны он попытался доказать, что всячески желал избежать се, пытался вести переговоры через Далеруса, хотя обвинение очень скоро доказало ему, что эти шаги были им предприняты для отвода глаз. Он пытался обернуть к своей выгоде даже такие, казалось бы, малозначительные события, как, например, его отказ выдать офицера люфтваффе, высказывавшего против того, чтобы над британскими летчиками был устроен суд Линча.

Шпеер до сих пор был обеспокоен тем, что своей позой верного вождю патриота Герингу удалось убедить очень многих, но он верит, что в конце концов этот процесс сумеет доказать виновность нацистских фюреров.

8 апреля. Геринг против Кейтеля

Утреннее заседание.

Сэр Дэвид Максвелл-Файф продолжил перекрестный допрос Кейтеля, предъявив ему вину за казнь 50 британских летчиков и агрессивные намерения по отношению к Польше и Чехословакии.

Перекрестный допрос завершился сделанным Кейтелем заявлением о том, что если бы генералы знали, какова истинная цель Гитлера, они бы устранили его. Затем мистер Додд вынудил Кейтеля к признанию в сознательной передаче преступных приказов Гитлера. При повторном опросе адвокатом Кейтель вновь подтвердил, что его можно упрекнуть в слабости и виновности, но никак не в неверности и непорядочности. (На это высказывание Геринг отреагировал тихой бранью и проклятиями.) На вопрос судьи Лоуренса, пытался ли когда-нибудь Кейтель в письменной форме высказать свое несогласие с каким-нибудь из решений Гитлера, подсудимый ответил отрицательно.

Обеденный перерыв. Когда Кейтель вернулся на скамью подсудимых, стало известно, что Геринг снова высказывал ему упреки за излишнее откровение при ответе на весьма опасные вопросы.

— Черт возьми, с какой стати давать такие до неприличия прямые ответы! Вам следовало бы сказать, что вы были исполнительным солдатом и выполняли все приказы без исключения! А на вопросы типа преступные ли это приказы или нет, вам вообще не следовало отвечать. Дело ведь не столько в вопросе, а в ответе на него. И такие опасные вопросы следует обходить, дожидаясь вопроса, на который вам отвечать легко и удобно, вот тогда и откровенничайте, сколько влезет!

— Но не могу же черное называть белым! — возмутился Кейтель.

Геринг не отставал:

— Вы всегда можете обойти такие вопросы до тех пор, пока не зададут такой вопрос, на который вам удобно ответить. А они, рано или поздно, все же зададут его!

Кейтель промолчал.

После того как обвиняемые направились наверх на обед, Кейтель обратился ко мне:

— Я на все отвечал так, как обещал вам. Я даю искренние ответы — даже если вопросы исходят от мистера Додда. Он спросил меня, признаю ли, что передавал преступные приказы. Я ответил: «Да». А как еще отвечать? Как они это будут оценивать, их дело. Но так было. Конечно, если уж быть предельно точным, необходимо сослаться на статью 47 нашего военного закона, согласно которому исполнение приказов, когда отдававший их руководствовался преступными мотивами, преступлением считаться не может. Такие приказы я не выполнял — я их передавал дальше по инстанции. Но в конце концов, все это юридические тонкости, нет смысла пытаться использовать подобный подход.

9 апреля. Комендант Освенцима

Камера Гесса. В рамках подготовки к защитительной речи Кальтенбруннера я общался с недавно захваченным в плен Рудольфом Францем Фердинандом Гессом, возраст 46 лет, бывшим комендантом концентрационного лагеря Освенцим.

После завершения тестирования у нас состоялась краткая беседа о его деятельности в период с мая 1940 года по декабрь 1943 года на должности коменданта концентрационного лагеря Освенцим, главного лагеря смерти для евреев. Он с готовностью подтвердил, что в под его руководством было умерщвлено приблизительно 2,5 миллиона евреев.

Уничтожение было начато летом 1941 года. Памятуя скепсис Геринга, я решил уточнить у Гесса, каким образом практически вообще можно было уничтожить два с половиной миллиона людей.

— Практически? — переспросил он. — А в этом ничего сложного не было — вполне можно было уничтожить еще больше.

На мой несколько наивный вопрос, сколько людей можно уничтожить за час, Гесс ответил, что, если исходить из 24-часового рабочего цикла, за одни сутки можно умертвить до 10 тысяч человек. Существовало 6 камер уничтожения. В двух больших таких камерах помещалось по 2000 человек, а в каждой из четырех меньших камер — по 1500 человек, что и составляло 10 000 человек. Я попытался вообразить себе, как это все происходило, но бывший комендант лагеря решил внести коррективы.

— Нет, вы рассуждаете неверно. Умерщвление много времени не занимало, это происходило быстрее всего остального. 2000 человек вполне можно умертвить за каких-то полчаса, но вот сжигание трупов — дело хлопотливое и длительное. Убивать было легко, тут вполне можно обойтись силами нескольких охранников — заключенные просто входили в камеру, думая, что им предстоит помывка под душем, но вместо воды мы подавали туда смертельный газ. Все проходило очень быстро.

Говорилось это очень будничным, спокойным тоном.

Мне хотелось в точности выяснить, каким образом отдавался соответствующий приказ и как сам Гесс на него реагировал. Вот что он мне рассказал:

— Летом 1941 года меня вызвал Гиммлер и заявил: «Фюрер приказал перейти к окончательному решению еврейского вопроса — мы обязаны этот приказ выполнить. Местом проведения выбран Освенцим — благодаря транспортным соображениям и его относительной изолированности. Выполнение этой нелегкой задачи возлагается на вас». В качестве причины Гиммлер привел то, что с этим нужно начать немедленно, поскольку, если этого не сделать, в один прекрасный день евреи просто вытеснят немцев из Германии — во всяком случае, смысл сводился именно к этому. И исходя из характера поставленной задачи необходимо было отбросить в сторону все прежние человеческие представления и сосредоточиться исключительно на выполнении задачи. Примерно так он и выразился.

Я спросил у Гесса, не высказал ли он Гиммлеру свою оценку этих планов или каких-либо возражений.

— Нет, что я мог сказать? Я мог сказать лишь: «Яволь!» Довольно странно было все это, я имею в виду, что он решил увидеться со мной лично, такого не бывало прежде. Он мог и переслать мне этот приказ, и

я выполнил бы его, никуда бы не делся. У нас ведь было единственное право — безоговорочно исполнять все поступавшие сверху приказы. Вот так. Часто он требовал от нас невообразимого — в нормальных условиях такое и представить себе трудно. Но как только приказ отдан, сразу же бросаешься его выполнять. И вот, что еще совсем недавно казалось тебе неосуществимым, оказывается вполне осуществимо, если поднапрячься. Вот такой пример. Я рассчитывал соорудить Вислинскую дамбу в Освенциме за три года, а он отпустил нам год, и мы ее соорудили.

Я старался вытянуть из него побольше о том, как он все-таки реагировал на чудовищность своих деяний. Тем же будничным, лишенным эмоций голосом он продолжил:

— Первое время я не мог создать себе общее представление. Но позже представил себе все масштабы этого предприятия. Но всегда думал лишь о необходимости проведения этих мероприятий, о том, как это было сформулировано в приказе Гиммлера.

Я спросил Гесса, а не мог ли он воспротивиться выполнению этого приказа.

— Нет, если принять во внимание все то, чему нас учили, сама мысль о том, что можно отказаться выполнить приказ, просто не могла прийти нам в голову — независимо оттого, какой это был приказ... Мне кажется, вам просто не понять наши устои. Разумеется, я был обязан подчиниться любому приказу. И теперь за это расплачиваюсь.

— Расплачиваетесь? Каким образом?

— Тем, что меня отдали под суд, после которого меня вздернут, разумеется.

Я спросил Гесса, а не могли он уже тогда предвидеть подобные последствия, в момент получения этого приказа.

— Нет, тогда не о чем было задумываться. Мне и в голову не приходило, что кто-то когда-нибудь привлечет меня к ответственности. Понимаете, если где-то что-то не ладится, значит, виноват тот, кому это поручено, такое в Германии — вещь сама по себе разумеющаяся. Поэтому я и не думал, что когда-нибудь мне придется отвечать.

— А человеческие... — Гесс не дал мне закончить фразы.

— Это не имеет отношения, — таков был лаконичный ответ бывшего коменданта Освенцима.

Я спросил его, не возникало ли у него с самого начала предчувствия, что его за это могут повесить.

— Нет, никогда.

— А когда вас впервые посетила мысль, что вас отдадут под суд и повесят?

— После краха. После смерти фюрера.

Обеденный перерыв. Геринг пожелал узнать, каким же это образом стало возможным уничтожить два с половиной миллиона евреев. В обеденный перерыв я разъяснил ему, на основе выслушанного утром объяснения Гесса: каждая газовая камера вмещала от полутора до двух тысяч человек; умерщвление много времени не занимало, но вот сжигание трупов требовало массу времени и сил. Герингу стало явно не по себе, когда он понял, что стало невозможным сетовать на техническую невыполнимость задачи по уничтожению сотен тысяч и миллионов людей и таким образом, отрицать принявший чудовищный размах геноцид. Он поинтересовался, как отдавался приказ. Я рассказал ему, что Гиммлер отдал такой приказ непосредственно Гессу в устной форме, как приказ фюрера.

— Еще одному верному фюреру немцу, — сыронизировал я.

— Нет, нет, это ничего общего с верностью не имеет! Гесс вполне мог попроситься на другую должность, или... — Геринг раздумывал. — Разумеется, в этом случае исполнение поручили бы кому-нибудь еще.

— А что бы произошло, если того, кто отдавал приказ на массовое уничтожение, решили убить?

— Легко сказать — убить, ничего подобного быть не могло. Что же это в таком случае за система, если бы каждый стал убивать своего непосредственного начальника лишь потому, что ему, мол, не нравились отданные тем приказы? Военная система основана на исполнительности.

— Насколько могу судить сейчас, миллионы немцев уже сыты по горло пресловутой исполнительностью и слепой верностью фюреру. Мне кажется, они все же предпочли быть чуточку менее верными, 110 зато избавиться от вечного позора, которым чревата эта верность. Вчера в газете «Нюрнбергер нахрихтен» была опубликована статья о процессе под заголовком: *Слепая верность без совести*. Вы бы прочли

ее и узнали бы, что думает народ о вашей верности, а также верности Риббентропа и Кейтеля.

— Ах, то, что пишут эти лицензированные американцами газеты, значения не имеет.

И все же чувствовалось, что бывшему рейхсмаршалу было явно не по душе, что немецкий народ читает подобное в газетах.

10 апреля. Зимняя война

Утреннее заседание.

Генерал Вестхоф был подвергнут перекрестному допросу в связи с обращением военнопленных союзных армий. В конце допроса ему были заданы вопросы относительно подлинности того или иного документа.

Когда было объявлено о следующем заседании суда, раскрасневшийся от злости Йодль, вскочив, набросился на своего адвоката: «Черт вас возьми, почему вы им не сказали, чтобы они обратились к тому, кто это знает? Почему вы вечно ходите вокруг да около и задаете дилетантам мудреные вопросы? *Разумеется*, тысячи советских шейных погибли при транспортировке — точно так же, как и наши солдаты! Они гибли вагонами, были целые поля, усеянные трупами замерзших или погибших от голода солдат! Почему вы меня об этом не спрашиваете? Я бы достаточно мог вам сказать по этому поводу!»

Обеденный перерыв. За едой Йодль разъяснил мне причины своего бурного возмущения.

— Меня как солдата приводит в бешенство, когда я вижу, как эти окаянные юристы столько времени уделяют деталям документов, в то время как каждый, кому пришлось побывать на Восточном фронте, знает, какой была эта зима 1941/42 годов. *Разумеется*, пленные тысячами гибли от голода и холода! И несмотря на этот голод и холод, русские оказывали бешеное сопротивление, они питались вырытыми из земли корнями и мясом с обмороженных трупов своих погибших товарищей. Могу предъявить вам снимки, на которых они отхватывают ножами куски человечины от бедер. И мерли они, как мухи! Они уже

стояли обеими ногами в гробу, попав к нам в плен! И с нашими солдатами происходило то же самое! Мы вели бои при минус сорока пяти, даже блоки цилиндров автомобильных двигателей рвало на этом морозе, несмотря ни на какие антифризы. Санитарные поезда были забиты до отказа обмороженными и ранеными, причем и немцами, и русскими! Какой же это был кошмар! Ужас! Это был кошмар, который не позабыть никогда! Сражаться на этой доисторической местности — вокруг куда ни глянь снег, на этих бескрайних полях России. А сейчас эти чертовы юристы задают идиотские вопросы, дескать, чья подпись стоит под тем или иным документом. Тут просто лопнешь от злости! Пусть почитают о том, как Наполеон отступал от Москвы, так вот — наше отступление было куда ужаснее!

Йодль в течение еще нескольких минут живописал муки первого зимнего наступления и последовавшего за ним отступления. Кальтенбруннер, Фрик и Розенберг, рассеявшиеся по своим углам, настороженно прислушивались. Я не удержался, чтобы не заметить:

— Видимо, Гитлер представлял себе нечто другое, когда решил разорвать договор о ненападении с Россией.

Бросив на меня многозначительный взгляд, Йодль не сказал ни слова.

Упоминание о русской кампании подтолкнуло Франка на новые обвинения. После того как обвиняемые, спустившись вниз по завершении обеда, расселись на скамье подсудимых, он обратился к ним с торжественной речью:

— Это пример самого преступного безумства за всю историю Германского рейха! Он рассчитывал покончить с Россией одним махом, по примеру Чехословакии. — Соответствующий энергичный жест руки в перчатке. Бросив взгляд на меня, Франк добавил: — Попытаться разыграть судьбу семидесятимиллионного народа на бескрайних просторах России — страны с населением в 180 миллионов человек — и все по милости одного-единственного упрямца, наделенного железной волей!

Мне доложили о том, в каком духе Геринг, Дёниц и Редер обсуждали приводимые на процессе доказательства. Дёниц спросил себя, знал ли Кейтель обо всем, что касалось жесткого обращения с военнопленными. Геринг, наклонившись к нему, прошептал: «Послушайте, ребята, говоря между нами, мне думается, что знал».

Затем он сменил тему и во весь голос заговорил о немецких стенографах, фиксирующих на бумаге весь ход процесса, и о том, насколько безобидно выглядело в переводе произносимое за спиной Кейтеля — тому, мол, и невдомек, что говорилось в его адрес.

Кейтель, понимая, что после показаний Вестхофа о расправе над британскими летчиками ему уже не отвертеться, сказал Йодлю:

— Вам известно, как все было — Гитлер и Гиммлер все оговорили заранее.

11 апреля. Защита Кальтенбруннера. Показания Кальтенбруннера

Камера Кальтенбруннера. Я посетил Кальтенбруннера перед тем, как он отправился в зал судебных заседаний, где ему предстояло произнести свою защитительную речь. Бывший начальник РСХА находился в хорошей форме, если не считать небольших дефектов речи. Как и ожидалось, он дал понять, что его защита построена на отрицании своей ответственности за концентрационные лагеря, которые, как он уверял, были вне его компетенции.

— Я в две минуты представлю вам организационный план РСХА, — убеждал он меня.

— А как же быть с геноцидом?

— Это и его касается. Я могу доказать, что не имел к этому никакого отношения. Я не отдавал и не исполнял никаких приказов. При таком уровне секретности эти вещи предпочитали держать втайне даже от меня.

— Откровенно говоря, сомневаюсь, что кто-то поверит, что вы, будучи начальником РСХЛ, не имели отношения к концентрационными лагерям и не знали о творимом геноциде.

— Это все пропагандистская шумиха в прессе и ничего больше. Я ведь вам уже говорил о том, как, увидев заголовок «Схвачен эксперт по газовым камерам!» в одной из газет, который мне потом перевел один американский лейтенант, удивился до глубины души. Как можно утверждать обо мне подобные вещи? Я же говорил вам, с 1943 года мне была подчинена лишь разведывательная служба. Даже англичане признали, что планировали меня убить отнюдь не из-за бесчеловечности, творимой в концлагерях, уж поверьте.

Я поинтересовался у Кальтенбруннера, не желает ли он взять себе в свидетели Гесса. Он ответил, что пока не решил; все будет зависеть от того, сочтет ли защита Гесса полезным в этой роли и сможет ли он способствовать прояснению вопроса. Его адвокат доктор Кауфман, по мнению Кальтенбруннера, человек честный и порядочный, он перечислил Кальтенбруннеру все обвинения в куда более сдержанной форме, нежели он, Кальтенбруннер, ожидает это от представителей обвинения. У меня сложилось впечатление, что он несколько обеспокоен перспективой отвечать на вопросы своего защитника, при этом Кальтенбруннер ссылается на то, что доктор Кауфман, по его мнению, недостаточно знаком с его делом. (Кальтенбруннер всеми правдами и неправдами силился скрыть то обстоятельство, что его защитника явно не устраивала избранная бывшим шефом РСХА тактика ухода от ответственности.)

Утреннее заседание.

Доктор Кауфман начал допрос Кальтенбруннера, предъявив ему заявления Мильднера и Хёттля, двух бывших сотрудников гестапо, которые принялись уверять суд в том, что Кальтенбруннер — человек порядочный и добрый, что он никогда не был правой рукой Гиммлера, а всего-навсего безликим подручным последнего, поскольку Гиммлер ни за что бы не потерпел рядом сильного соперника, каким был Гейдрих.

После этого Кальтенбруннер, перейдя к свидетельской стойке, начал свою защитительную речь заявлением о своих мотивах австрийца-националиста, намерениях, лояльности, подчеркнув, что понятия не имел ни о каких концентрационных лагерях. Естественно, будучи начальником РСХА, он являлся и первым заместителем Гиммлера, но ему было дозволено исполнять свои обязанности исключительно в рамках руководства разведывательной службой, следовательно, он не мог знать о творимых зверствах. (Как мне доложили, Геринг сказал Дёницу: «Вы только послушайте!» и поцокал языком. Дёниц ответил бывшему рейхсмаршалу следующее: «Постыдился

бы он!») По мнению Кальтенбруннера, в трудовые лагеря для перевоспитания помещали «упрямцев».

Обеденный перерыв. Комментарий Фриче:

— Да, теперь он пытается выдать себя за того, кто и мухи не обидит; я поражен, что его адвокат позволяет ему вести себя подобным образом. Впрочем, у этого доктора Кауфмана и так положение не из легких.

Шахт демонстрировал нетерпение:

— Им нужно задать ему всего один вопрос: «Вы были начальником или же нет?» Какой смысл ходить вокруг да около, выясняя, какой приказ подписывал именно он, а какой — его заместитель за него? В его обязанность входило знать обо всем, что происходило.

Чуть позже Фриче отбросил в сторону все эвфемизмы.

— Он лжет, — заявил он.

Я заметил Шахту, что Кальтенбруннер, видимо, тоже мстит попасть в «лояльные немцы».

— Не тревожьтесь об этом. Мне еще предстоит кое-что сказать по поводу пресловутой верности, вот только дойдет очередь до меня, — настойчиво произнес Шахт.

Шпеер кивнул:

— Да. Можете быть уверены, эта сторона скамьи подсудимых еще свое слово скажет.

Перед началом послеобеденного заседания Франк с улыбкой сообщил мне:

— Знаете, мне кажется, что я — единственный виновный на этой скамье. А все остальные — ни в чем не повинны.

Розенберг возмущался тем, что обвинение чинит ему препятствия, когда он пытается отстоять свою философию. Он всего лишь стремится доказать, что пальма первенства в разработке отдельных положений нацистской идеологии принадлежит не ему, а кое-кому из французских философов. Я напомнил ему, что процесс не должен превращаться в дискуссию по вопросам истории философии или антисемитизма за последнее столетие, на что Розенберг ответил:

— Да, да, конечно, в таком случае это превратится в бездоказательное инквизиторство!

— При чем здесь инквизиция? — не понял я. — Вам же предоставлены все мыслимые возможности защищать себя.

Франк, стиснув зубы, сверлил Розенберга взглядом.

— Под инквизицией он имеет в виду римско-католическую церковь, не так ли, Розенберг? — спросил Франк, обращаясь к Розенбергу. Тот демонстративно смотрел в сторону. И тут же ссора угасла, не успев начаться. До самого начала послеобеденного заседания оба сидели, замкнувшись в ледяном молчании, не глядя друг на друга.

Послеобеденное заседание.

Полковник Эймен опроверг утверждения Мильднера и Хёттля, заявивших на утреннем заседании о доброте и порядочности Кальтенбруннера. Кальтенбруннер нес ответственность за передачу приказов об уничтожении и о расстреле американских коммандос. Кальтенбруннер попытался возразить по поводу очередности приказов, он старался вообще уйти от обсуждения данного вопроса, в конце заседания заявив о том, что, мол, даже высказывал свой протест Гитлеру и Гиммлеру в связи с вышеупомянутыми мерами. Кальтенбруннер отрицал свою ответственность за концентрационные лагеря и за все, что ему ставилось в вину, пытаясь переложить вину на Гитлера, Гиммлера, своего предшественника Гейдриха, а также на своих подчиненных Мюллера и Поля.

12 апреля. Перекрестный допрос Кальтенбруннера

Утреннее заседание.

Полковник Эймен, перейдя к перекрестному допросу Кальтенбруннера, предъявил ему документы, указав на противоречивые заявления самого обвиняемого и прямые обвинения, оспоренные Кальтенбруннером; он даже отрицал подлинность своей собственной подписи на документах, продолжая настаивать на своей прежней точке зрения, что,

дескать, будучи шефом разведывательной службы, не знал ни о каких творимых его организацией зверствах.

(Заукель при этом многократно повторил вполголоса: «Ах, дьявол, вот свинья!»)

Обеденный перерыв. И остальные обвиняемые во время проведения перекрестного допроса не скрывали своего отвращения и скепсиса. За обедом Редер, Дёниц и Зейсс-Инкварт высказали мнение, что со стороны Кальтенбруннера крайне глупо пытаться отрицать все — в конце концов, сама логика подсказывает, что он просто не мог не знать о том, чем занималась подчиненная ему организация. Шпеер пытался объяснить избранный Кальтенбруннером способ защиты «тюремным психозом». По мнению Шпеера, Кальтенбруннер внушил себе в корне неверную идею о своей роли в РСХА, сознательно упустив многие имевшие место события.

— Но, бог ты мой, разве можно действительно поверить в то, что он и правда *ничего* не ведал? — возмущался Фриче. — И в то, что уже начиная с 1943 года у них с Гиммлером возникли серьезные разногласия? Да, но если это так, то разве удержался бы он до самого конца войны? Они бы в одну минуту ликвидировали его.

Адвокат Ширах спросил своего подзащитного, не желал ли тот задать вопросы Кальтенбруннеру.

— Не трудитесь, — остановил его Ширах. — Он и себе-то помочь не в состоянии, чего уж требовать, чтобы он и другим помогал?

Тюрьма. Вторая половина дня

Камера Гесса. После завершения сегодняшнего тестирования Гесс заявил:

— Предположим, вы хотите таким образом узнать, нормальны ли мои мысли и привычки.

— Конечно!

— Я вполне нормален. Даже когда я проводил в жизнь приказ Гиммлера, это никак не отразилось на моей семейной жизни и на всем остальном.

— Как вы думаете, в сравнении с жизнью других людей ваша собственная казалась вам вполне обычной?

— Ну, вероятно, это так, но есть во мне одна особенность — я люблю одиночество. Если у меня неприятности, я предпочитал разбираться с ними наедине с собой. Это и печалило мою жену больше всего. Мне всегда хватало себя самого. У меня никогда не было ни друзей, ни особенно близких приятельских отношений с кем-либо — даже в юности. У меня никогда не было друга. А во всякого рода сборищах я хоть и принимал иногда участие, но никогда на них не стремился. Мне было приятно, что люди были довольны, но активно во всем этом участвовать — увольте.

— А вас это никогда не ввергало в тоску?

— Нет, что вы, никогда! Даже вот недавно, когда я скрывался на том крестьянском подворье, я чувствовал себя лучше всего в поле с лошадьми.

— Когда вы были вынуждены скрываться, это понятно. Но как обстояло дело раньше?

— Да я всегда был один. Конечно, я любил жену, но истинной близости между нами не было.

— Кто это понял, вы или ваша жена?

— Мы оба. Моей жене казалось, что я с ней несчастлив, но я убедил ее, что такова моя натура, и ничего не поделаешь, остается разве что смириться с этим.

Я спросил Гесса, каковы были их сексуальные отношения.

— Да ничего необычного — но как только жена выяснила, чем я там занимался, у нас уже почти не возникало влечения друг к другу. Внешне ничего не изменилось, но мне кажется, между нами наступило отчуждение, я это заметил лишь задним числом... Нет, у меня никогда не было потребности заводить друзей. Да и с родителями у меня доверительных отношений не было. Как и с моими сестрами. А после того как они повыходили замуж, я убедился, что они для меня — люди совершенно чужие. Ребенком я всегда играл один. И моя бабушка вечно твердила, что я не любил играть в компании других детей.

Сексуальная жизнь никогда не занимала значительного места в жизни Гесса. Он мог вести ее, а мог и не вести — никаких настойчивых позывов начать новую или продолжить старую любовную связь он не испытывал, хотя такие связи в его жизни были, и не раз. Не было

страсти в семейной жизни. Гесс убеждал меня, что никогда не прибегал к мастурбации — его просто к этому не тянуло.

Я спросил его, задумывался ли он о том, что евреи, которых он отправлял на гибель, были в чем-то виноваты, и заслуживали ли они подобную участь. И снова он терпеливо разжевывал мне, что подобные вопросы просто нереалистичны сами по себе — он пребывал в совершенно особом мире.

— Поймите, у нас, членов СС, просто не было возможности ни над чем подобным задумываться, такое нам просто не приходило на ум.

И, кроме того, то, что еврей повинен во всем — это было нечто само собой разумеющееся.

Я настаивал, чтобы он все же дал мне объяснение, почему это, по его словам, было нечто само собой разумеющееся.

— Ведь мы ничего другого и не слышали. Это не только печаталось в газетах типа «Штюрмера», мы слышали это повсюду. На всех наших идеологических занятиях в качестве исходной предпосылки выдвигался тезис о том, что нам, немцам, необходимо защитить свою страну от евреев...

Лишь после всеобщего краха мне стало понемногу ясно, что, по-видимому, это было не совсем верно, стоило мне только прислушаться к тому, что говорили люди вокруг. Но прежде никто ничего подобного не говорил, во всяком случае, я ни от кого похожих мыслей не слышал. Теперь мне очень хотелось бы знать, верил ли сам Гиммлер в это или же только вложил в мои руки инструмент для оправдания всего, что делал моими руками. Но вообще-то дело даже не в этом. Нас просто натаскивали на бездумное выполнение приказов. И мысль о том, что приказ можно не выполнить, не могла прийти никому в голову. И кто-нибудь еще на нашем месте поступал бы в точности так же... Гиммлер был настолько требователен и строг даже по мелочам, что вешал членов СС за любой, самый незначительный промах — мы считали само собой разумеющимся такое строгое следование им кодексу чести... Поверьте, не такое уж большое удовольствие видеть перед глазами эти горы трупов и дышать смрадом непрерывно дымившего крематория. Но Гитлер приказал нам и даже разъяснил, почему мы должны это делать. И я действительно не тратил мысли на раздумья о том, прав ж он был, или же нет. Просто воспринимал все как необходимость.

Во время наших бесед Гесс оставался суховато-сдержанным, рационалистом, лишенным каких-либо эмоций. И хотя он обнаруживает симптомы запоздалого переосмысления своих преступных деяний, все же создается впечатление, что, не наступи конец этой войне, он так и продолжал бы заниматься своим жутким делом до скончания века, ровно столько, сколько потребовалось бы его фюрерам. Гесс слишком апатичен, так что вряд ли можно предположить раскаяние, и даже перспектива оказаться на виселице, похоже, не слишком его волнует. Общее впечатление об этом человеке таково: он психически вменяем, однако обнаруживает апатию шизоидного типа, бесчувственность и явный недостаток чуткости, почти такой же, какой типичен для больных, страдающих шизофренией.

13–14 апреля. Тюрьма. Выходные дни

Камера Кальтенбрунера. Факт оспаривания своих подписей под документами Кальтенбруннер объясняет тем, что он в принципе хоть и мог подписать тот или иной приказ или распоряжение, однако теперь не узнает своей подписи. Обвинение, правда, практически не предоставило ему времени на изучение этих документов. Я спросил его, когда ему стало известно о массовых убийствах, о которых он, по его словам, не имел представления вначале. И снова Кальтенбруннер попытался дать уклончивый ответ.

— Типично американский вопрос — все вам нужно знать досконально. Все не так просто. Я не могу утверждать, что узнал об этом в какой-то определенный день; все, что я могу сказать, так это следующее: узнав, что все происходило вне рамок закона — в конце концов, я все же юрист, — я выразил Гиммлеру свой протест.

— Не очень-то действенным оказался ваш протест, как я вижу, — заметил я.

— Вы, американцы, как и полковник Эймен, видимо, считаете все наше РСХА просто гнездом организованного бандитизма, — ответил на это Кальтенбруннер.

— Не спорю, такое создается впечатление.

— Как мне в таком случае перебороть это предубеждение? — желал знать Кальтенбруннер.

Камера Шпеера. Шпеер пришел к заключению, что Кальтенбруннер никаким «тюремным психозом» не страдает, а просто-напросто лжет. Судя по всему, он однажды принял решение отрицать все, по возможности измышляя более или менее правдоподобное объяснение этому. Его больше не волнует, как он при этом будет выглядеть в глазах остальных обвиняемых нацистов. Риббентроп, Кейтель и Кальтенбруннер произвели неважное впечатление, позиция же Геринга на фоне всеобщей безответственности нацистской системы в целом воспринимается лишь как позерство. Шпееру кажется, что Кальтенбруннер оставит о себе в глазах немецкого народа наихудшее впечатление, ибо своими утверждениями о том, что якобы ничего не знал, он перекладывает свою вину на подчиненных. Членам СС это придется явно не по нраву, поскольку сама их традиция, основанная на лояльности к своему начальству, подсказывает им, что каждый начальник должен нести ответственность за все приказы, им отдаваемые.

Камера Розенберга. Розенберг действительно считает Кальтенбруннера куда лучше своего предшественника Гейдриха. Кальтенбруннер, по мнению Розенберга, оказался сейчас в весьма непростом положении.

— И, разумеется, я не в обиде на суд за то, что он ни на грамм не верит тому, что Кальтенбруннер утверждает, — заключил Розенберг.

Предстоящая защита вызывала у Розенберга нервную дрожь, он заявил, что не позволит втянуть себя в дебаты по поводу исповедуемой им философии, поскольку суд в этом отнюдь не заинтересован. Тогда я поинтересовался у него, испытывал ли он дискомфорт от своего антисемитизма, даже если отбросить в сторону все соображения правового характера.

— Это зависит от того, как это рассматривать. Конечно, после всего того, что произошло, я должен сказать, что все развивалось ужаснее некуда. Но ведь никогда ничего наперед не считаешь. Знаете, в 1934 году я выступал за *рыцарское* решение еврейского

вопроса... Уверяю вас, никто и в страшном сне не мог увидеть, что все это выльется в геноцид.

Камера Шахта.

— Нет, окажись я на месте судей, я был бы крайне смущен. Как вообще можно так беззастенчиво лгать под присягой? У меня нет ни малейшего сомнения в том, что никто из судей ему не верит. Ему вообще никто не верит. Он же мог сказать: «Вот что, господа, можете мне верить, можете не верить, я подписывал то и то, не обращая особого внимания на документы и уж, конечно, не задумываясь ни о каких последствиях. В общем и целом я считаю себя ответственным за то, что происходило, и мой долг состоял в том, чтобы знать обстановку. Сколько и чего мне было известно, это сейчас вопрос чисто академический, и я не вижу никаких оснований для споров по этому поводу». Если бы он заявил нечто подобное, это было бы объяснимо. Но эта постоянная ложь, эти увертки — брр! Для всех нас это действительно неприятное зрелище. Ведь по его милости и на нас будут косо смотреть. В чем разница между ним и Кейтелем? Кейтель хотя бы не лгал.

Что же касалось самого Шахта, он считал, что все кончится сенсацией, и что после того как будут заслушаны его свидетели, выдвинутые против него обвинения будут сняты.

Камера Папена. Увидев меня на пороге своей камеры, Папен покачал головой и рассмеялся. Чуть погодя он сказал:

— Думаю, нет сомнений в том, что Кальтенбруннер не так плох, как его предшественник Гейдрих; но кто поверит, что он и действительно ничего не знал? Он отрицает все вплоть до сделанных его рукой подписей на документах!

И тут Папен снова неожиданно расхохотался:

— Я заметил, что даже шеф полиции безопасности напоследок решил поиграть в министра иностранных дел и поискать переговорщиков в нейтральных странах. Все это можно было бы рассматривать как комедию, если бы только это не было трагедией.

Камера Франка. Неотличимая от клятвопреступления защитительная речь Кальтенбруннера стимулировала Франка на

признание собственной виновности и обвинения в адрес Гитлера. Как только я оказался в его камере, он, горестно воздев руки к небесам, воскликнул:

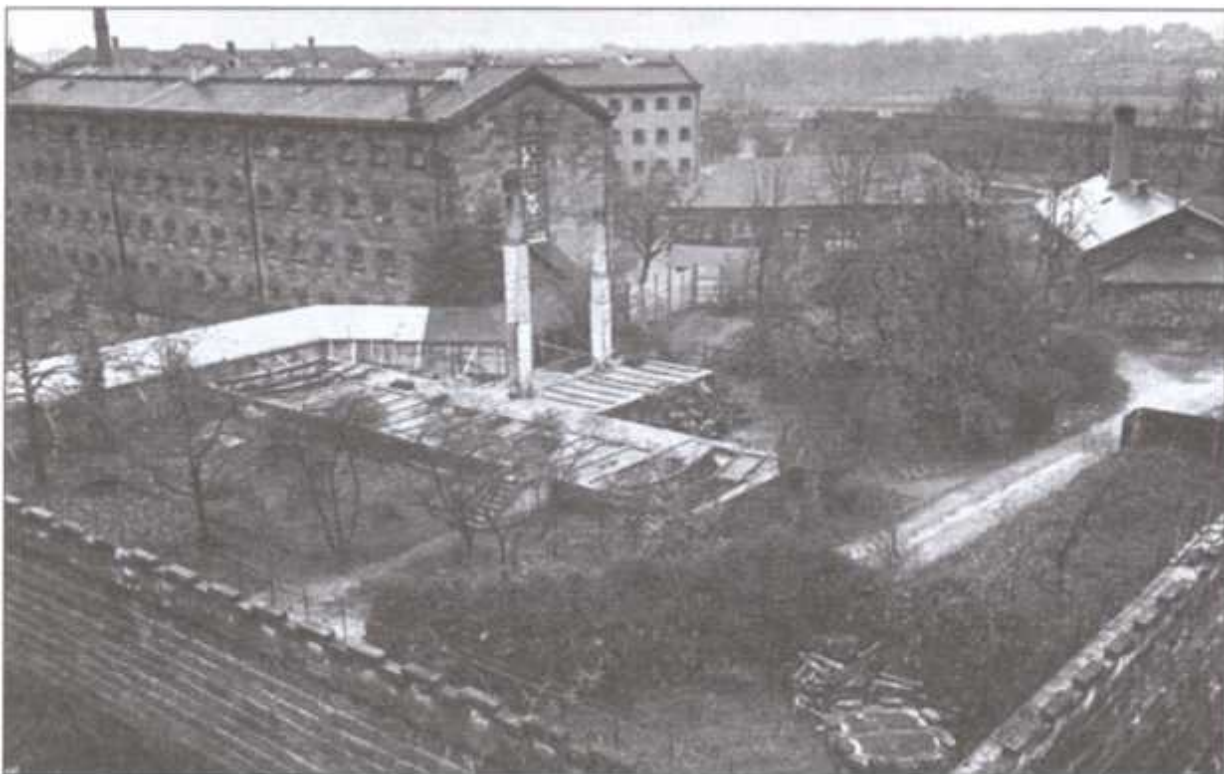
— Ах, Боже праведный! Вы слышали, как он сидел и повторял, что ничего не знает? Вы слышали, герр доктор? Он сидел и *хладнокровно* клялся, что *ни о чем не знал!*

Задавая мне эти вопросы, Франк выделял голосом каждое слово, затем прикрыл глаза, будто не в силах выдержать душившего его стыда.

— Может ли ему поверить хоть кто-то? Я знаю, что судьи ему не верят. Я пошел к самому Гиммлеру и потребовал от него объяснений по поводу этих всех ужасов, о которых твердил весь мир, тот, естественно, налгал мне с три короба. Но Кальтенбруннер наверняка обо всем знал. Он даже дошел до того, что стал утверждать, что, мол, совершил акт предательства — вы слышите? Он заявляет, что пытался договориться с нейтралами, поскольку понимал, что война все равно проиграна, и несмотря на это продолжал тысячами отправлять в концлагеря немцев по обвинению в пораженчестве. Я помню, чего мне стоило вытащить из концлагеря одного моего сотрудника, а этот теперь сам выдает себя за пораженца. Если бы он им был, это стало бы его худшим преступлением — потому что вместе с фюрером до самого конца, пока все не рухнуло, он продолжал гнать на погибель молодых немцев.

Здание, в котором проходили заседания Нюрнбергского трибунала

*Тюрьма, где содержались главные военные преступники, представившие перед
Нюрнбергским трибуналом*

Внутренний зал тюрьмы

Охранник заглядывает в камеру Геринга

Камера для подсудимых

Рейхсюгендфюрер, позже — гауляйтер Вены Бальдур фон Ширах

Фельдмаршал Вильгельм Кейтель во время подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии

*Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами
Германии фельдмаршал Вильгельм Кейтель*

*Герман Геринг, Карл Денниц и Рудольф Гесс на скамье подсудимых
Нюрнбергского трибунала.*

*Рейхсминистр Имперского министерства авиации, рейхсмаршал Герман
Геринг*

Заместитель Гитлера по партии, рейхсминистр без портфеля, рейхсфюрер
Рудольф Гесс

Министр иностранных дел Германии Иохим фон Риббентроп

Главный идеолог НСДАП Альфред Розенберг

Альфред Розенберг дает показания на Нюрнбергском трибунале

Министр экономики в Третьем рейхе, президент Рейхсбанка Вальтер Функ

Главнокомандующий кригсмарине гросс-адмирал Эрих Редер

Альберт Шпеер в Нюрнбергской тюрьме

*Начальник Главного управления имперской безопасности СС Эрнст
Кальтенбруннер*

Эрнст Кальтенбруннер отвечает на вопросы судьи

Генерал — губернатор оккупированной Польши Ганс Франк

Ганс Франк дает показания на Нюрнбергском трибунале

*На заседании Нюрнбергского трибунала (слева направо): Константин Нейрат,
Вальтер Функ, Альберт Шпеер и Ганс Фриче*

Гауляйтер Франконии Юлиус Штрайхер

Рейхскомиссар Нидерландов Артур Зейсс-Инкварт

*Вильгельм Фрик, Артур Зейсс-Инкварт, Юлиус Штрайхер, Константин фон
Нейрат за тюремной трапезой*

Вильгельм Фрик получает тюремный обед

Вильгельм Фрик дает показания на Нюрнбергском трибунале

Альфред Йодль дает показания на Нюрнбергском трибунале

Франц Папен дает показания на Нюрнбергском трибунале

Обеденный рацион для заключенных Нюрнбергской тюрьмы

*Главные военные преступники на скамье подсудимых во время заседания
Нюрнбергского трибунала*

Я спросил у Кейтеля, сколько солдат погибло за эту войну. Он ответил мне:

— Два с половиной миллиона. Вообразите себе эту цифру! А они продолжали проливать молодую немецкую кровь! А теперь каждый утверждает, что уже начиная с 1943 года никто не верил в победу. Боже всемогущий! И потом, когда ему был зачитан отрывок из моего дневника, он нагло отрицает, что являлся непосредственным начальником Крюгера (шефа полиции в Польше). Уставился на меня и говорит, что нет, потом сказал, что вынужден был это отрицать. Но если бы я стал это отрицать, это означало бы для меня одно — клятвопреступление. Ведь это факт. С какой стати пытаться его оспорить?

Нет, сохрани Бог, чтобы я поднялся и начал вот такое лживое представление! Нет, сейчас я рад, как никогда, что все-таки решил передать мои дневники. Сколько мне пришлось выслушать упреков от остальных, но я рад. Миллионы немцев погибли по вине этой системы, и теперь, когда речь зашла об их собственных головах, они сидят и лгут, пытаюсь скрыть правду. Я не верю и в то, что Геринг придерживается правды. А Риббентроп — какой же это убогий спектакль! Кейтель, ну тот хоть не скрывал правды. Но этот Кальтенбруннер — скажите, ну верит ему хоть один человек здесь? Как вы лично считаете?

— Похоже, все придерживаются единого мнения — он лжет, — ответил я.

— Разумеется, лжет, и это ужасно. Меня это чуть с ног не сбило. Говорю вам, сейчас меня ничто не собьет с курса, выбранного мною в самом начале. Сегодня вербное воскресенье, и я поклялся на кресте, что буду говорить правду, одну только правду, ничего не утаивая. Но мне вот о чем хотелось бы вас попросить, поддержите меня, если остальные накинутся на меня. Неважно, конечно, что они там подумают. Я дал клятву и должен сдержать ее, и пусть мои религиозные убеждения всего лишь иллюзия, они необходимы мне, они придают мне силы, и ничто не поколеблет меня. Но вы же знаете остальных, видите, как они ведут себя, когда мы все вместе сидим на этой скамье. Мне очень хотелось бы почувствовать вашу поддержку.

— Как я вижу, вы вернулись к своей первоначальной точке зрения. Я заметил, что вы проявляли колебания.

— Да, вы должны понимать, как это бывает иногда. Очень тяжело месяцами находиться вот здесь, в этой камере, ощущая на плечах бремя вины, когда вокруг тебя такие же виновные, которые тоже страдают, пытаешься отыскать хоть какой-то выход, обрести поддержку ближнего. И потом, я вообще человек слабый...

— Геринг все время пытается запутать вопрос о виновности, разыгрывает из себя германского героя, а все остальные должны ему в этом помогать.

— Я знаю — а *меня* он не поддержал ни разу. Он мог это сделать, чтобы помочь мне, когда Гитлер после моих критических замечаний отказался присвоить мне эсэсовский чин. Но Геринг и пальцем не шевельнул. А теперь ему захотелось, чтобы я поддерживал эту систему.

Нет, я понимаю, что судьба уготовила мне оказаться здесь, чтобы я здесь разоблачил зло, которое во всех нас. И пусть Бог даст мне силы разоблачить его. Вы должны поддержать меня, герр доктор. Я должен исполнить то, что собираюсь, но о чем я вас хочу попросить, это чуточку моральной поддержки. И еще, до того как все закончится, может быть, вы были бы так любезны, что навестили бы мою семью, посмотрели бы, чтобы они не страдали за содеянное мною...

15 апреля. Показания Гесса

Утреннее заседание.

На утреннем заседании Гесс давал показания об уничтожении под его руководством 2,5 миллиона евреев в концентрационном лагере Освенцим. Уничтожение осуществлялось по приказу Гиммлера, который в свою очередь руководствовался указанием Гитлера об окончательном решении еврейского вопроса. (Гесс произносил показания равнодушно-деловым, лишенным эмоций тоном, в точности таким же, как и в беседе со мной у себя в камере.) Доставка евреев осуществлялась железнодорожным транспортом из разных стран. Пригодные к работе распределялись по рабочим отделениям, остальные, в число которых попадала большая часть женщин и детей, сразу же направлялись в газовые камеры. Если матери пытались спрятать на себе маленьких детей, они отбирались и также отправлялись в газовые камеры. Золотые зубы и серьги снимались с трупов отравленных газом заключенных, а переплавленное золото отсылалось в министерство экономики. Женские волосы упаковывались в тюки для последующего промышленного использования.

(Обвиняемые слушали показания Гесса в подавленном молчании. Как мне сообщили, Франк, несмотря на ожившее в нем раскаяние, в котором признавался мне еще вчера, в беседе с Розенбергом использовал чисто нацистские способы приведения доказательств защиты; беседа эта происходила в перерыве утреннего заседания, так

что ее мог слышать Кальтенбруннер: «Вы пытаетесь спихнуть на Кальтенбруннера уничтожение 2000 евреев ежедневно, а куда, позвольте спросить, деть тех 30 тысяч человек, которые за пару часов погибли во время воздушного налета на Гамбург? Куда деть те 80 тысяч человек, которые погибли под атомными бомбами в Японии? Это называется справедливость?» Розенберг усмехнулся. «Да, конечно, — мы ведь проигравшие в этой войне».)

Обеденный перерыв. После того как в конце утреннего заседания при допросе свидетеля Нойбахера был затронут вопрос о преследовании церкви, Франк снова принялся осыпать упреками нацистскую партию. Заукель высказал мнение о том, что, мол, какой смысл привлекать сюда и церковь, ведь, по его мнению, церковь никаким преследованиям не подвергалась, во всяком случае, не в его, Заукеля, округе.

Заявление Заукеля вызвало возмущение Франка:

— Разумеется, церковь подвергалась гонениям!.. В Баварии, и это несомненный факт! Мне точно известно, как эсэсовцы выбрасывали монахинь из монастырей, а в монастырях устраивались казармы. Мне это известно доподлинно, я своими глазами видел подобные факты в Баварии. И не исключено, что и не только в Баварии творилось такое, но и во всей Германии! И виновна в этом нацистская партия! Она преследовала церковь, это очевидный факт!

Бросив взгляд на Розенберга, он, сжав челюсти, отвернулся.

Во время приема пищи во всех отсеках царила гнетущая тишина, каждый из обвиняемых сидел в своем углу, даже, вопреки сложившейся традиции, не воспользовавшись моим присутствием для начала общей беседы. В конце концов мне все же удалось выудить комментарии от Геринга^[16] и Дёница. Комментарии эти были как две капли воды похожи и, скорее всего, родились в результате взаимных обсуждений на скамье подсудимых: Гесс принадлежал не к пруссакам, а явно к уроженцам южной Германии; пруссак бы никогда не отважился на такое.

Франк в порыве чувственности сказал мне:

— Это была низшая точка процесса — слышать, как кто-то хладнокровно заявляет о том, что отправил на тот свет два с половиной миллиона людей. Об этом люди будут говорить и через тысячу лет.

Я сослался на повиновение фюреру и фюрерство как принцип. Кейтель стал защищаться:

— Но я же объяснял, если речь идет о генералах, то если бы мы знали, что за преступления замышлял и совершал Гитлер, о чем мы узнали здесь сегодня, то мы бы в этом не участвовали.

Розенберг, которому на послеобеденном заседании предстояло в этот день давать показания, раздраженно заметил, что заслушивать показания Гесса перед его показаниями — недостойный прием, это автоматически поставит Розенберга в сложное положение, попытайся он отстоять свою философию. Непременно.

15 апреля. Защита Розенберга. Показания Розенберга

Утреннее заседание.

Розенберг, обрушив на судей традиционный вихрь исторических концепций и параллелей, приступил к защите своей философии. И судьи, и обвинение, и даже его адвокат вынуждены были не раз прерывать его, требуя перейти к делу. Розенберг, по его словам, всегда выступал за «рыцарское» решение еврейского вопроса, даже за своего рода эмансипацию — евреев необходимо было переместить из Европы в Азию, где они имели бы возможность развивать свою культуру.

Вечером Розенберг осыпал своего защитника упреками за то, что тот прерывал его, адвокат попытался указать своему подзащитному на то, что суд ничуть не интересуется историей философии. Повернувшись ко мне, Розенберг объявил:

— Ну, если все так заинтересованы в процессе над преступниками, почему бы в таком случае обвинению не заняться рассмотрением действительно преступлений, а не нападками на мою философию?

16 апреля. Пропаганда антисемитизма

Камера Гесса. Чтобы понять источник антисемитизма, того самого, что заставлял Гесса верить в справедливость утверждения Гиммлера о необходимости истребления всех евреев, я поинтересовался у Гесса, как он вообще пришел к воззрениям антисемитского толка. Он ответил мне, что на протяжении нескольких лет раз в неделю прочитывал передовицу Геббельса в «Райхе», а также его книги и речи; далее Гесс сослался на знакомый ему розенберговский «Миф XX столетия» и отдельные речи того же Розенберга; естественно, на «Майн кампф» Гитлера и на большинство гитлеровских речей, прочитанных либо слышанных. Кроме работ перечисленных авторов существовали и идеологические брошюры, а также учебники политпропаганды СС. Штрейхсровский «Штюрмер» Гесс читал урывками, поскольку находил это издание чересчур поверхностным. (Гесс упомянул, что те из его подчиненных, которые регулярно прочитывали «Штюрмер», принадлежали к числу людей с чрезвычайно узким кругозором.) Геббельс, Розенберг и Гитлер куда сильнее воздействовали на его мышление. Во всех перечисленных работах и речах постоянно утверждалась мысль о том, что еврейство — злейший враг Германии.

— Я, будучи старым, фанатичным национал-социалистом, принимал это как данность — в точности так же, как католик свои церковные догмы. Это была просто истина в последней инстанции, никаких сомнений на ее счет у меня не было и быть не могло. Я был абсолютно убежден, что евреи представляли собой антипод немцев, что конфликт между национал-социализмом и мировым еврейством неизбежен. И поверил я в это еще задолго до войны. На основе этих доктрин я пришел к мысли, что и другие народы рано или поздно осознают исходящую от евреев опасность и займут сходную с нашей позицию. В этих книгах, статьях и речах утверждалось, что во всех странах евреи — меньшинство. Но по причине своего богатства они способны оказывать существенное влияние на остальные народы, позволяющее им сохранять свою власть над ними. Разъяснялось и то, как при помощи прессы, кино, радио и системы образования евреи держат под контролем немецкий народ. Можно предположить, что и в других странах обстановка та же, что со временем и в других странах осознают необходимость, последовав нашему примеру раз и навсегда покончить с ними. И если антисемитизм не сумеет положить конец влиянию еврейства, то евреи развяжут войну, которая уничтожит

Германию. *Каждый* был в этом убежден, это буквально витало в воздухе.

Потом, когда началась война, Гитлер заявил, что мировое еврейство вступило в конфликт с национал-социализмом. Он сказал об этом в своей речи в рейхстаге во время французской кампании. Евреи должны быть уничтожены. Разумеется, тогда никто не думал, что он имел в виду, в буквальном смысле. Но Геббельс все резче выступал против евреев. И нашими первейшими врагами изображал даже не Англию, Францию или Голландию, а именно евреев. Он говорил, что и Рузвельт, и Моргантау, и многие другие всячески стремились поддерживать в Германии низкий жизненный уровень. Всегда подчеркивалось, что если Германия хочет остаться в живых, то ей необходимо истребить мировое еврейство, а мы все это считали истиной.

Вот такое творилось у меня в голове. И когда Гиммлер вызвал меня к себе, я взялся исполнять это поручение, как нечто уже давно обдуманное и принятое мною — и не только я, но и каждый из нас. Я считал все это абсолютно верным, несмотря на этот приказ, от которого дрогнули даже самые закаленные из нас, и именно тогда этот жесткий приказ уничтожить тысячи людей (тогда я еще не знал, скольких придется уничтожить) хоть и нагнал на меня страху... тем не менее вполне соотносился с тем, что годами вдалбливалось в наши головы. Сама проблема — искоренение еврейства — была не в новинку, но то, что именно мне предстояло стать тем, кому придется искоренять его, поначалу страшило меня. Но когда я получил прямой и однозначный приказ, да еще с разъяснениями — тут уж мне ничего не оставалось, как только выполнять его.

— Таким образом, это и явилось предпосылкой к тому, что вы все же принимали к исполнению приказы о массовых убийствах?

— Да, когда я теперь думаю обо всем этом, тяжело и представить себе... Но тогда мне это никакой пропагандой не казалось, а чем-то таким, во что я обязан верить беспрекословно.

— Вы говорили, что принимали эту пропаганду, как церковную догму. Вы воспитывались в строгом религиозном духе?

— Да, я вырос в семье, которая строго следовала католическим традициям. Мой отец был самым настоящим ханжой, очень строгим и фанатичным. Я узнал, что когда на свет появилась моя младшая сестра,

он дал торжественное обещание, что сделает из меня пастора; после этого он принял целибат. И все мое воспитание было подчинено одной идее — сделать из меня пастора. Меня без конца заставляли молиться и ходить в церковь; за малейшие провинности на меня налагали епитимьи — я должен был молиться в качестве наказания, например, если я был хотя бы чуточку невежлив со своими сестрами, да и за любую другую ерунду.

— Ваш отец бил вас?

— Нет, меня наказывали молитвами за попытки солгать, за то, что я дразнил сестру, словом, за каждую мелочь. Что меня превратило в такого упряма и, вероятно, впоследствии оттолкнуло от людей, так это то, как он заставлял меня почувствовать, что своими провинностями я поступаю несправедливо по отношению к нему лично и что он, поскольку я куда ниже его по своим духовным качествам, несет ответственность перед Господом за мои грехи. Мне только и оставалось, что молиться ради искупления своих грехов. Отец был для меня чем-то вроде высшего существа, до которого мне ни за что не дотянуться. Вот я и замкнулся в себе — и никогда не мог никому открыться. Мне кажется, все дело в этом ханжеском воспитании, оно виновато в том, что я вырос замкнутым. И моя мать жила под постоянным давлением этого фанатичного благочестия.

Гесс описал мне, как с годами, становясь старше, все больше и больше отдалялся от религии, пока в 1922 году не порвал с церковью окончательно. А потом на смену религии пришла нацистская пропаганда.

Обеденный перерыв. Фриче инициировал дискуссию на тему пропаганды, цитируя кого-то, кто нарек пропаганду «первым шагом на пути в ад». Он утверждал, что Ширах так и не желал признать за Розенбергом роль духовного отца нацистской идеологии. Новый германский антисемитизм, по его мнению, лучше всех изложил некий Фрич, малоизвестный автор, в своей работе «Руководство по еврейскому вопросу».

— Да, верно, все так до тех пор, пока в том же самом издательстве не вышла книга «Еврей-космополит», которая и ознаменовала новый толчок для идеологии Движения, — заметил Ширах.

— А потом Розенберг заделался главным проповедником нацизма, — добавил Фриче. — Пропагандировать можно как угодно, — продолжал он. — Можно даже лгать при помощи правды, просто вырывая отдельные факты из цепочки взаимосвязей — вот тебе и кривда.

Затем Фриче перешел к анализу антисемитизма.

— Кроме традиционного антисемитизма, которому несколько сотен лет, нацистская пропаганда опиралась на немногочисленные факты еврейского национализма и случаи, когда евреи становились коммунистами. (Тем самым он намекнул, что его пропаганда носила умеренно-националистический характер и была направлена против интернационализма евреев.) Но фанатики типа Геббельса, Штрейхера и Розенберга превратили антисемитизм в исчадие, в злобную травлю евреев.

— Как Розенберг, где-то откопавший старую, как мир, фальшивку — «Протоколы сионских мудрецов», — заметил я.

— Да, где ложь на лжи. Я никогда не принимал эти «протоколы» всерьез.

В отсеке, где принимали пищу пожилые обвиняемые, Папен завел разговор об антисемитизме нацистской верхушки, направив острие критики против Розенберга и его языческой философии. Дениц не верил в то, что Розенберг мог оказывать мало-мальски значимое влияние на формирование нацистской идеологии, аргументируя это тем, что его «Миф» прочло менее одного процента морских офицеров.

— Нет, нет, он влиял, и еще как, — вмешался Папен. — Можно и не стать министром по делам идеологии, или как там еще называли бы такого чинушу, и потом утверждать, дескать, нет, я никакого влияния на идеологию не оказывал. Мне доподлинно известно, что Розенберг оказывал влияние на Гитлера и тот всячески распространял эту языческую дребедень. Он не раз встречался с ним, в конце концов, Гитлер дал добро на опубликование его «Мифа». И все же никто и никогда не притрагивался к этой книжонке, пока кардинал Фаульхабер не предал ее анафеме. И вот тогда нацисты набросились на нее, и она стала бестселлером и символом языческого протеста против церкви.

Я напомнил о том, что «мюнхенские законы» стали самой первой манифестацией этой извращенной нацистской философии. Нейрат со

мной согласился, заметив, что не раз предостерегал Гитлера о несправедливости и опасных последствиях этих законов.

— Я так и сказал Гитлеру, что, мол, независимо от правовых аспектов, — утверждал Нейрат, — эти законы вызовут такой переполох за рубежом — и они вызвали переполох, даже если оставить в стороне вопрос о справедливости, никогда Гитлера не волновавший!

— И тут нацисты почувствовали себя задетыми, — добавил я, — когда евреи во всем мире выразили резкий протест против этой откровенной дискриминации. Можно подумать, меньшинство спокойно позволит унижать себя!

Нейрат с Папеном согласились с тем, что первый камень был брошен нацистами, йотом же они, ссылаясь на враждебное отношение к себе за рубежом и со стороны преследуемого меньшинства у себя дома, могли оправдывать любые, даже самые жесткие меры. В ответ на упрек, почему они не поняли этого раньше, Папен в свою защиту заметил:

— О чем я жалею, так это о том, что тогда, в 1938 году, просто не ушел из правительства, не отказался наотрез иметь с ними дело.

Послеобеденное заседание.

Розенберг оправдывал свою деятельность на посту имперского комиссара по делам восточных территорий, утверждая, что не одобрял творимых жестокостей, однако не мог предотвратить их в должной мере. Что касалось концентрационных лагерей, то лично он не видел ни одного; на деле же он просто отказывался посещать подобные места. Розенберг признал, что, высказываясь против евреев, употреблял «весьма сильные выражения», вероятно, оперируя даже такими понятиями, как «уничтожение», однако всю эту пропагандистскую деятельность никак нельзя воспринимать буквально. Он лично никогда не поддерживал идею о том, чтобы «принцип фюрерства» ограничивал свободу личности. Просто развитие событий пошло в совершенно ином направлении, нежели замышлялось.

17 апреля. Перекрестный допрос Розенберга

Утреннее заседание.

Мистер Додд устроил Розенбергу перекрестный допрос, что позволило сдернуть с него маску невинности, в особенности когда речь зашла об отправлении на принудительные работы гражданских лиц и террористического оккупационного режима на восточных территориях. Мистер Додд предъявил суду множество документов, служивших доказательством тому, что Розенберг не ограничивался одним лишь философствованием, а, будучи имперским комиссаром по делам восточных оккупированных территорий, невзирая ни на что, проводил нацистскую политику в жизнь.

(Когда Розенбергу зачитали один документ, из которого явствовало, что в России следует действовать без оглядки на принципы гуманизма, Геринг шепнул Редеру: «Хотел бы я дожить до войны между Америкой и Россией». А когда ответственность Розенберга за творимые бесчинства на восточных территориях была полностью доказана, Геринг признался Дёницу: «Да, этот Додд хитрее, чем я предполагал».)

Документы переписки между Борманом и Розенбергом, предъявленные мистером Доддом, свидетельствовали о единстве взглядов на применение нацистской идеологии к славянским расам: «Славяне обязаны трудиться на наше благо. Если нам это не потребуется, так пусть подышают... Размножение славян — фактор нежелательный. Пусть они пользуются противозачаточными средствами, пусть делают аборты, и чем больше, тем это будет для нас лучше. Всякое образование таит в себе опасность. Вполне достаточно научить их считать до 100... Любой образованный славянин — наш потенциальный враг. Религия может быть оставлена им в качестве отвлекающего средства. Что касается пропитания, здесь речь может идти лишь о самом необходимом. Правители — мы, и мы всегда и во всем должны быть первыми». Розенберг возразил, что, мол, стремился лишь успокоить Бормана. Что же касается его

одобрения искоренения евреев, то Розенберг углубился в дефиниции слова «искоренение».

Обеденный перерыв. Во время обеда Папен высказал следующее:

— Додд задал ему вопрос, знал ли он о том, что Гесс, комендант Освенцима, знаком с его работами. Попятно, это был узловый вопрос. Розенберг отделался уклончивым ответом.

— Да, — вмешался Шахт. — Розенберг слишком много писал.

В отсеке для младших обвиняемых этот вопрос также не обошли вниманием, что вызвало оживленную перепалку о психологических аспектах процесса. Фриче настаивал на том, что данный процесс так и останется серией холостых выстрелов, если к участию в суде над нацистскими фюрерами в статусе главного обвинителя не будет допущен и весь немецкий народ. Он вновь стал уверять меня в том, что при вынесении приговора немцы, в отличие от иностранцев, церемониться не будут, поскольку последних волнуют в основном преступления, совершенные против их государств. Все четверо обвиняемых были едины во мнении, что Гитлер обманул Германию, но совершенно по-разному оценивали возможность признания факта такого обмана в случае победы Германии в войне и перспектив начала революции. Хотя Фриче полагал, что миллионы обманутых немцев готовы были взбунтоваться в конце войны, Ширах не сомневался, что вероятность бунта в стране-победительнице, объектом которого к тому же являются овеянные славой вожди, ничтожно мала.

Как мне доложили, Франк решил следующим образом подготовить аудиторию к своей защитительной речи: «Неважно, отрицаете вы все или же во всем признаетесь, стоя у свидетельской стойки, если у них в руках документ за вашей подписью, он оценивается ими как доказательство не в вашу пользу. И когда вы окажетесь за этой стойкой, вам остается лишь одно — попытаться отделаться малой кровью и предоставить события их естественному ходу. Можно пытаться пробить лбом каменную стену, но это ни в коей мере не избавит вас от фактов. Ваши адвокаты должны говорить за вас, но нет никакого смысла ударяться в отрицание того, что известно всему миру... Да, это был Великий рейх, пока существовал.

Кейтель также не удержался от соблазна погрузиться в воспоминания.

— Да, Гитлер подмял под себя весь Рейх, много было такого, чего он не терпел; он не терпел демократию, а заодно с ней — и дипломатию. Но стоит мне задуматься о том, как Англия с Америкой грабастали все подряд, лишь бы не оказаться обделенными, я не виню его в том, что и ему захотелось проверить, насколько далеко он может зайти в таком грабастании.

Затем Франк зачитал бумагу, полученную им от кого-то из обвиняемых, в которой говорилось следующее: «Ладно, мы свой долг исполнили, теперь уже неважно, что нас повесят!»

Как только Геринг прибыл к своему месту на скамье подсудимых, он, призвав к себе Розенберга, сообщил ему, что тот был нрав, когда развернул дискуссию о значении слова «искоренение»; следовало им объяснить, что в разных диалектах это слово имеет различный смысл. Потом Ширах получил от бывшего рейхсмаршала дальнейшие напутствия, как при помощи уклончивых ответов успешно противостоять обвинению.

— Теперь, когда американцы закончили, самое худшее позади; Руденко вам нечего бояться. Услышав неприятный вопрос, становитесь на дыбы и говорите им, что, мол, перевод неверен или сошлитесь ещё на что-нибудь. Вы же видели, как я менялся ролями с Джексоном. Просто дождитесь, когда вам зададут хороший вопрос, и поддайте им как следует!

Эти натаски профессионала Геринга вызвали улыбку Дёница.

— Вот так и действуй! Ничего, как-нибудь пробьешься! — снисходительно приободрил он Розенберга.

— Ладно, ладно, ребята, вы там занимайтесь своими подводными лодками! — с улыбкой отпарировал Геринг, повернувшись к бывшему gross-адмиралу.

Крохотную реплику вставил и Гесс:

— Вас уж никто не обвинит в том, что вы своими лодками изничтожали евреев.

Собственная острота показалась ему очень удачной, и Гесс, весьма характерно обнажив свои выступавшие вперед зубы, рассмеялся.

Послеобеденное заседание. (В полном соответствии с полученными от Геринга инструкциями Розенберг продолжил ставить палки в колеса советскому обвинителю Руденко во время перекрестного допроса — услышав неприятный для него вопрос,

сетовал на якобы неверный перевод, прибегал к другим приемам для затягивания хода разбирательства.)

Все творимые на восточных оккупированных территориях бесчинства — дело рук ретивых подчиненных Розенберга, пусть они и ответят за все; сам же Розенберг всегда проявлял умеренность. После своей столь удачной попытки насадить свою идеологию на восточных территориях Розенберг предпринял попытку усесться в кресло министра иностранных дел, но ему не хватило влияния на Гитлера. Господин Моннере, представитель обвинения от Франции, обвинил Розенберга в депортации и расстреле французских евреев с последующей конфискацией принадлежавших им ценностей.

Тюрьма. Вечер

Камера Дёница. Вечером я посетил камеру Дёница.

— Этот Розенберг — вот уж самый настоящий мечтатель. Не сомневаюсь, что он и мухи не обидит, но нет никаких сомнений и в том, что именно пропагандисты проторили путь этим жутким антисемитским мерам... Жаль, что нет здесь Гитлера. Он столько наделал из того, что здесь сейчас обсуждается.

Нарисовав на бумаге квадрат, Дёниц заштриховал почти всю его площадь.

— Что до Кальтенбруннера, если бы все, что он утверждает, и было правдой — предположим такое в интересах представления доказательного материала, — то как ему укрыться за ширмой оправданий, что, мол, где-то его подпись оказалась поддельной? Как, если за подделки такого рода отдавали под трибунал? Как, если он нес прямую ответственность за все, что происходило в подчиненной ему организации?

— Вы находите правдоподобным, что кто-то из его подчиненных подделывал его подписи и Кальтенбруннер ни о чем подобном не знал?

— Ну, звучит это весьма сомнительно.

И тут Дёниц пустился в разъяснения своего тезиса о русской угрозе Германии, указывая на то, что отнюдь не в интересах Америки позволять России воцариться в Европе; он также выразил желание по завершении процесса пообщаться с кем-нибудь из разумных представителей американской администрации.

Камера Франка. Франк сидел, спокойно покуривая свою трубку.

— Мы рады тому, что дела Розенберга идут гладко. Хорошо, что они поставили точку на всех рассусоливаниях на философские темы. В конце я спросил его, рад ли этому он сам. Он мне ответил: «Да!» Конечно, вся эта трепотня по поводу значения слова «искоренение», она выглядела никудышным образом. Ему, как и всем нам, приходилось с этим сталкиваться. Я напомнил остальным, что мы все как минимум четверть века так или иначе были связаны с нацистским движением. Так что какой смысл отрицать это сейчас. От фактов не уйдешь. И поэтому я решил для себя: чего тратить время на пустую болтовню, не лучше ли заявить такое, от чего у всех волосы дыбом встанут. И мой адвокат тоже за. Но что теперь сделаешь? Весь этот ужас, о котором рассказал Гесс, до сих пор стоит у меня в ушах. *2000 убитых* в день. Гитлер обесчестил Германию на вечные времена. Обманул и обесчестил народ, который доверился ему, любил его! И как любил! Я первым поднимусь и скажу, что просто не верил СС, когда они попытались отрицать все творимые ими ужасы. И буду первым, кто признает свою вину.

— А в чем вы видите свою вину? — спросил я.

Ответ был более чем лаконичным.

— В том, что я был фанатиком-нацистом и не прибил его! Кто-нибудь из нас должен был его прикончить.

18 апреля. Защита Франка. Признание Франка

Утреннее заседание.

Франк заявил, что в 1926 году, выдержав государственный экзамен, стал советником Гитлера и нацистской партии по правовым вопросам; в 1930 году —

членом рейхстага, в 1933 году — президентом Академии Германского права и в 1939 году — генерал-губернатором Польши. Затем Франку был задан главный вопрос: «Участвовали ли вы в уничтожении евреев?» Франк, набрав в легкие побольше воздуха, ответил: «Да!..Мы на протяжении многих лет вели борьбу с еврейством в самых ужасных формах и проявлениях — мой дневник тому самый главный свидетель... Пройдут тысячи лет, но эта вина будет оставаться на совести Германии».

(Геринг сокрушенно покачал головой — как это обвиняемый дерзнул сказать правду. Стал перешептываться со своими соседями по скамье подсудимых, совать им записки. Когда Франк не без раздражения заметил, что во время войны у него не было времени отовсюду тащить к себе предметы искусства, Геринг и его ближайшие соседи продолжали сидеть с каменными лицами, обвиняемые же на другом конце скамьи подсудимых с улыбкой переглядывались.)

Далее Франк признал, что создавал в Польше гетто, угнетал евреев, угонял в Германию поляков на принудительные работы и т. д.

В перерыве утреннего заседания Франк снова на несколько минут вернулся на скамью подсудимых; было заметно, как он взвинчен и смущен; озираясь по сторонам, Франк, по-видимому, искал поддержки на лицах остальных обвиняемых. Папен и Зейсс-Инкварт бросили ему несколько ободряющих фраз.

Его защитник доктор Зейдль спросил Франка:

— Мне спросить у вас, *какую часть* моральной ответственности?..

— Нет, пусть все идет своим чередом, — перебил его Франк.

Когда Зейдль отошел от своего подзащитного, Франк обратился ко мне:

— Этот малютка Зейдль неоценим! Геринг дал ему кличку «Микки-Маус». Он стремится облегчить мне признание вины. Я рад, что все проясняется, пусть так и будет дальше.

На другом конце скамьи подсудимых Фриче выражал недовольство тем, что Франк пытается идентифицировать свою вину с виной немецкого народа. Но Шахт возразил, указав на то, что Франк

ясно и внятно признал свою вину и был совершенно прав, заявив, что Гитлер обесчестил немецкий народ.

Заукель шепнул Герингу:

— Вы слышали, как он сказал, что Германия обречена на тысячелетия бесчестия?

Тот презрительно ответил:

— Слышал... Думаю, и от Шпеера мы услышим то же самое. Эх, мягкотелые трусы!

Франк продолжил давать показания. Он, как и все в СС, был осведомлен о творимых зверствах, но (укол Риббентропу, Кейтелю и Кальтенбруннеру): «В отличие от окружения фюрера, которое не знало об этом, мы, действовавшие на переднем крае, были куда более независимы, мне кое-что удалось выудить из прессы нейтральных и неприятельских стран».

(Геринг мрачно покачал головой.)

Обеденный перерыв. Многие не скрывали своего удовлетворения уколами Франка в адрес Геринга. Бывший рейхсмаршал с несчастным видом ходил взад-вперед по холлу, держа под наблюдением мою беседу с обвиняемыми из числа тех, кто насмеялся над Герингом. В обоих отсеках — и для пожилых, и для младших обвиняемых — раздавались одобрительные возгласы, что служило несомненным доказательством заметно пошатнувшегося авторитета Геринга.

Франк уже дожидался меня.

— Видите, я сдержал свое обещание. В отличие от окружения фюрера, где все прикидывались ничего не ведавшими, я был осведомлен о том, что творилось. Я думаю, на судей производит благоприятное впечатление, если мы честны, открыты и не пытаемся уйти от ответственности. Верно? Меня действительно порадовало, что моя откровенность не осталась незамеченной.

Мы сошлись во мнениях, что этих судей не так-то легко ввести в заблуждение.

В отсеке младших обвиняемых Шпеер и Фриче были настроены несколько скептически и не были склонны приписывать Франку врожденную правдивость.

— Я задаю себе вопрос, а что бы он говорил, если бы не передал свой дневник, — размышлял Шпеер. — Теперь ему просто ничего другого не остается, как признать то, что уже и так доказывается содержанием его дневника.

Фриче по-прежнему был категорически не согласен с тем, что Франк идентифицировал свою вину и свое предательство с виной немецкого народа. По мнению Фриче, «его вина куда серьезнее, чем любого из нас. Он действительно знал обо всем».

Тюрьма. Вечер

Камера Геринга. В этот вечер Геринг был явно не в своей тарелке, от его обычной агрессивности и следа не осталось, он не возмущался и явно был серьезно разочарован развитием процесса. Заявив о том, что не имеет возможности воздействовать на поведение и методы защиты других обвиняемых, что сам он лично никогда не принадлежал к числу антисемитов, что в творимые зверства верить отказывается и что нашлись такие евреи, которые готовы дать показания в его защиту. Если Франк в 1943 году был осведомлен обо всех чудовищных деяниях, то ему следовало обратиться к нему, к Герингу, чтобы он, Геринг, смог предпринять какие-то разумные шаги для воспрепятствования этому. Возможно, в 1943 году его полномочий и не хватило бы для того, чтобы в корне изменить ситуацию, но если бы кто-нибудь обратился к нему в 1941 или 1942 годах, то решение было бы найдено. (В тот вечер у меня не было охоты уцепиться за это его высказывание и сослаться на сказанное по этому поводу Олендорфом, а именно: что Геринг по причине своего увлечения наркотиками и коррумпированности был давно списан в смысле влияния.) Я лишь указал на то, что он, позволяя себе «запальчивые» высказывания вроде — «лучше прикончить на пару сотен евреев больше, чем уничтожить столько добра», — вряд ли мог претендовать на роль защитника гонимых меньшинств. Геринг заявил, что таким его высказываниям уделяется чрезмерное внимание, добавив при этом, что никогда не превозносил и не защищал Гитлера.

Затем мы снова коснулись темы войны, и я высказал мысль, что, в отличие от него, отнюдь не уверен в том, что простой народ так уж

благодарен фюреру за войну и разруху.

— Естественно, народ войны не хочет, — пожал плечами Геринг. — С какой стати какому-нибудь бедняку-крестьянину ставить на карту свою жизнь, если самое большее, на что он может рассчитывать после войны, так это на возвращение домой целым и невредимым. Простой народ к войне не стремится ни в России, ни в Англии, ни в Америке, и Германия — не исключение. Это ясно. Но в конечном итоге политику страны определяет вождь, и не составляет труда уговорить народ согласиться пойти на войну, причем государственный строй особой роли не играет — то ли это фашистская диктатура, то ли коммунистическая, то ли парламентская демократия.

— Правда, с одним отличием, — возразил я. — В условиях демократии народ наделен правом сказать свое слово через своих избранных, а в США — правом объявления войны наделен лишь Конгресс.

— Все это, конечно, прекрасно, но народ, вне зависимости от того, наделен он избирательным правом или же нет, всегда можно заставить повиноваться фюреру. Это нетрудно. Требуется лишь одно — заявить народу, что на его страну напали, обвинить всех пацифистов в отсутствии чувства патриотизма и утверждать, что они подвергают страну опасности. Такой метод срабатывает в любой стране.

19–22 апреля. Пасха в тюрьме

Камера Франка. Франк сидел в камере, спокойно покуривая трубку. При моем появлении он сразу же ударился в монолог, желая представить пространное описание своей реакции на собственную защитительную речь, помогая себя темпераментной жестикуляцией.

— Да, сегодня Страстная пятница, и в душе моей воцарился мир — я сдержал свою клятву. Еще вчера я стоял перед темными воротами, теперь же я миновал их и стою на другой стороне. Я стоял перед этими темными воротами босым и в дерюжном мешке со свечой в руке, словно кающийся грешник — или весталка, — и снова говорил перед Богом и миром. Теперь мой кредит оплачен, я миновал темные ворота и больше не принадлежу этому миру... Бог — щедрый хозяин. Он предоставляет тебе огромный кредит — бери, сколько хочешь — хочешь каморку,

хочешь замок, вина, женщин, могущество — все, что пожелаешь, но в конце потребует заплатить за все это сполна! И никаких неуплат по счету! Ха-ха! Очень щедрый господин, но требует все оплатить сполна!!!

Франк на мгновение умолк, видимо, исчерпав тему оплаты, после чего перешел к анализу своей защитительной речи.

— Я был первым, кто заявил о том, что все мы — виновны. И Герингу следовало заявить об этом еще в самом начале, а не становиться в позу. Мир *исходил криком*, желая услышать от одного из нас, на кого смерть уже позарилась, признания в том, что мы согрешили! Но Геринг признаваться не хочет. А Риббентроп? Ну, он же слабохарактерный. А Кальтенбруннер — тот просто лжец. Почему Геринг так и не сказал правды? Может, вы понимаете, почему, герр доктор?

— Это самоочевидно. Потому что собирается до самого конца оставаться в позах, — ответил я.

— Но он мог ведь сказать, да, вначале все мы были движимы идеалами, что Гитлер нас обманул, опозорил, что мы поддались тщеславию, злему началу в нас, а посему виновны.

— Он слишком самолюбив, чтобы во всеуслышание признать свою вину. Это подпортило бы его имидж. А вы все же пару раз здорово поддали ему.

Франк рассмеялся.

— Да, после чего его адвокат задал перцу моему. Ничего, ничего, пусть себе ворчит! Но он только уставился на меня, но ни слова не сказал. У меня есть все основания злиться на него. Ему следовало хоть что-то предпринять ради того, чтобы остановить эти чудовищные преступления; он был ближе всех нас к фюреру. Я рад, что мистер Додд дал мне возможность абсолютно недвусмысленно заявить о том, что Геринг обогащался, в то время как в Европе шла схватка не на жизнь, а на смерть... Но такого рода люди ничего подобного уразуметь не способны. Они просто думают, что этот процесс — всего лишь некая юридическая перепалка, соревнование умов, а это ведь решающая точка судьбоносного исторического развития. Розенберг заявил мне, что, мол, мне теперь конец. Ну и что? А ему разве нет? Он что же, думает, что обретет избавление? Ему бы ох как понравилось, если бы я, во имя оправдания нашего антисемитизма, заявил, что, мол, евреи

представляли угрозу в государственном масштабе. Но я стремлюсь искупить свой грех, чтобы быть с Богом в согласии и не стыдиться поднять на него глаза...

Знаете, что привело меня к осознанию необходимости искупления своей вины? Пару дней назад я прочел заметку в какой-то газете о том, что один мюнхенский адвокат, еврей, доктор Якоби, который был одним из самых близких друзей моего отца, погиб в газовой камере Освенцима. И когда йотом Гесс стал рассказывать о том, как уничтожал два с половиной миллиона евреев, я понял, что именно этот человек хладнокровно отправил на смерть лучшего друга моего отца — симпатичного, открытого, доброго и отзывчивого пожилого человека, а вместе с ним и миллионы других безвинных людей. А я палец о палец не ударил ради их спасения! И пусть я не своими руками убил его, зато своими высказываниями и высказываниями Розенберга — именно они и подталкивали людей на такое!

Зги показания Гесса — смертный приговор всей нации! Они засели у меня в голове. Это окончательный приговор системе, и никому из нас от него не отвертеться! Гитлер рассуждал об искоренении еврейской расы, и мы прекрасно понимали, что он имеет в виду — а теперь Розенберг ударяется в споры по поводу точности перевода слова «искоренение»!

— Подобные высказывания на совести каждого из вас.

Франк мрачно тряхнул головой.

— Да, это так, и Бог тому свидетель. Кто станет это отрицать? Но Гитлер с холодной головой отдал этот приказ; Гесс рассказал нам, как получил его и как его выполнял. Герр доктор, скажите, история когда-нибудь сумеет преодолеть последствия урона, нанесенного цивилизации Гитлером? Нет сомнений, что он, этот дьявол, Гитлер, привел нас ко всему этому. Если бы Гиммлер на свой страх и риск попытался бы предпринять нечто подобное, а Гитлер, узнав об этом, вздернул бы его, тогда все было бы по-иному. Но нет, Гитлер сам отдал такой приказ — он намекает на него даже в своем «Завещании».^[17] И этот монстр носил личину человеческого существа! Глава государства! Я еще напишу статью о Гитлере для вас, ту, которую обещал, но, понимаете, сейчас мне не позволяет это сделать омерзение. Теперь, когда он разоблачен, и я понимаю, за каким ужасным, отвратительным типом я шел, мне дурно делается.

Опершись локтями о стол, Франк закрыл лицо руками, взгляд его остекленел, будто он впал в транс.

— Это как будто смерть решила принять облик милого человека, к которому потянулись рабочие, юристы, ученые, женщины и дети, чтобы потом погибнуть! А теперь перед нами его истинная личина, без маски, он такой, каким был на самом деле — череп с двумя скрещенными костями! Герр доктор, как же все это ужасно! Мерзко и отвратительно!

Камера Розенберга. Покаянная речь Франка не произвела особого впечатления на Розенберга.

— Не стану спорить, Франк, как оратор, способен увлечь, я вам уже говорил об этом. Он вещает легко, непринужденно, а проходит пять минут — и он спокоен. На сей раз ему выпало вещать не с судейского места и не в качестве обвинителя, а со скамьи подсудимых. Но эта его чувственность так и лезет наружу, к тому же он не лишен музыкального слуха, а такой тип людей меры не знает! Никогда не знаешь, что он в следующую секунду выдаст. *Германия обречена на тысячелетия бесчестья!* Что-то многовато получается!

— А вы не находите, что пора уже наконец признать свою вину и назвать вещи своими именами? — спросил я. — Ведь этот геноцид — самое ужасное, что пережило человечество за всю свою историю!

Прервав на секунду хождение взад и вперед по камере, Розенберг задумался над моим вопросом и тут же снова решил прибегнуть к своему излюбленному методу защиты — историческим параллелям.

— Да, это, конечно, верно. Но как же быть с тремя тысячами китайцев, погибших в результате опиумной войны? И еще с тремя миллионами, которых по милости англичан отправил на тот свет этот наркотик? А куда причислить 300 тысяч японцев, сожженных атомной бомбой? А кто повинен в гибели тысяч мирных жителей наших городов, подвергавшихся воздушным налетам? Это ведь, насколько известно, тоже геноцид.

— Вся война — один сплошной и никому не нужный геноцид. И войной этой вы обязаны своему фюреру, который, будучи в здравом уме, развязал ее, хотя никто в мире к ней не стремился, в том числе и народ Германии. Даже Геринг признает это. И что лично вам мешает взять на себя часть вины за проводимый вами в жизнь пресловутый

принцип фюрерства, за вашу пропаганду, перманентно изрыгавшую одну только ненависть, но никак уж не призывы к всеобщему примирению?

Розенберг ловчил, протестовал, не соглашался, представлял доказательства, не чураясь и контратак. Он не сомневается в том, что не его вина, что война все-таки разразилась и дело дошло до таких крайностей. Но — в это внесли свою лепту и Версальский мир, и злокозненные французы, алкавшие мести, и имперские замашки британцев, и угрозы коммунистов устроить мировую революцию, и так далее, и тому подобное.

Камера Папена. Папен согласился со мной в том, что вина всех обвиняемых, которым было предоставлено слово, доказана полностью, и их судьба предрешена, за исключением разве что Гесса, дееспособность которого вызывает сомнения.

— ...хуже всех, на мой взгляд, выглядел Риббентроп, — считал Папен. — Какой из него министр иностранных дел? Это же тряпка! Все же помнят, как безответственно он заключал эти договоры, чтобы тут же бессовестно разорвать их, невзирая ни на что — ни на честь страны, ни на мировое общественное мнение.

— Что вы думаете по поводу Кальтенбруннера? — поинтересовался я у Папена. — Другие считают, что именно он оставил о себе наихудшее впечатление.

— Ну, Кальтенбруннер! Тупоголовый полицейский! Он вообще не в счет. Я всегда говорил, что для таких сомнительных типов существуют лишь две профессии — либо в шпионы, либо в ловцы шпионов.

Он спросил меня, что нового в мировой политике, я привел ему один из газетных заголовков, суть которого сводилась к тому, что англичане предложили Франко добровольно сложить с себя полномочия главы государства. Папен, будучи дипломатом, воздержался от высказывания своего одобрения или же недовольства, хотя уже раньше давал понять, что Франко, как человек верный религии, вызывает у него, в отличие от Гитлера, определенную симпатию. Но все же предпочел дистанцироваться от государственного деятеля, столь тесно сотрудничавшего с Гитлером. Папен был убежден,

что Испании следовало бы подыскать для себя другого, авторитетного лидера, не коммуниста и не фашиста.

Камера Риббентропа. Риббентроп был погружен в чтение перевода своего перекрестного допроса. Он выразил претензии в адрес обвинения, что некоторые из вопросов звучали весьма некорректно. Мне показалось, что этот обвиняемый снова впадает в апатично-депрессивное состояние (с нарушением речи).

— Либо я не могу... подыскать нужные слова... либо строить фразы... Мысли есть, но... я не в состоянии выразить их. Понимаете? Столько сил это отнимает — даже смешно. Я могу говорить либо медленно, либо не могу вообще — слова обрушиваются потоком, я не успеваю контролировать сказанное — смешно. И писать тоже трудно. Даже карандаш не слушается, стоит его только поднести к бумаге... И в зале заседаний... те же проблемы...

В адрес Франка:

— Нет, ему не стоило говорить, что Германия обещана на тысячелетие.

Я спросил его, а сам он так не считает?

— Ну, будучи немцем, я такого сказать не могу... Скажите — меня не было на суде в понедельник — что, Гесс действительно говорил, что это Гитлер отдал приказ на массовые убийства?

— Он рассказал, что в 1941 году Гиммлер передал ему личный приказ фюрера об уничтожении евреев.

— Как вы говорите — в 1941 году? Так он и сказал — в 1941 году? Да? Нет, он действительно так и сказал?

— Разумеется, так он и сказал. Не исключено, что и вы сами были в курсе — все партийное руководство только и твердило об «окончательном решении еврейского вопроса» — того самого, который и вопросом-то стал исключительно по его инициативе.

— Да, но Гитлер говорил только о том, чтобы переселить их куда-нибудь на Восток или на Мадагаскар.

— Даже если бы дело обстояло так — как можете вы оправдывать совершенно противоправное насильственное переселение стольких ни в чем не повинных людей?

— Так, значит, Гитлер на самом деле распорядился об их уничтожении? В 1941 году? Именно в 41-м?

— Я же говорю вам, Гесс заявил на суде, что в 1941 году в Освенциме началось уничтожение евреев, а в других лагерях — уже начиная с 1940 года.

Риббентроп, обхватив голову руками, продолжал шепотом повторять:

— В 41-м! В 41-м! В 41-м! Боже мой! Неужели Гесс действительно назвал 1941 год?

— Да, и первые эшелоны прибыли сразу же после получения пресловутого приказа фюрера. Их доставляли со всей оккупированной Европы. Семьями привозили мужчин, женщин, детей, живших спокойно и мирно. Потом их раздевали догола, отводили в газовые камеры и тысячами уничтожали. После этого уже с трупов снимались драгоценности, удалялись золотые зубы, у женщин состригали волосы, после чего трупы сжигались в крематории...

— Стоп! Стоп! Герр доктор — я этого вынести не смогу! Все эти годы — человек, к которому так тянулись дети. Это какое-то безумие. Безумие фанатика — нет, теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что именно Гитлер отдавал подобные приказы. До этой минуты я сомневался, я думал, Гиммлер в конце войны, под каким-нибудь предлогом... Но он ведь назвал 1941 год? Боже мой! Боже мой!

— А чего еще вы от него ожидали? Вы все представили заявления о том, что не несете ответственности за «окончательное решение». Нет пределов человеческой злобе и ненависти, если одних людей натравливать на других, как натравливали вы, фюреры нацизма.

— Но нам подобный конец и присниться не мог. Мы были уверены, что они сосредоточили слишком большое влияние в своих руках, что мы этот вопрос сумеем решить в ограниченном масштабе либо сумеем переместить их на Восток или на Мадагаскар. Поймите, мне ничего не было известно о геноциде — до 1944 года, пока все не узнали о Майданске. Боже мой!

Камера Фрика. Фрик, вопреки обыкновению, был настроен не столь безразлично, набрасывая план своей защитительной речи. Он сообщил мне, что сам выступать не собирается, а выберет свидетеля, бывшего сотрудника гестапо, который согласился свидетельствовать и в пользу Шахта. Фрик полагал, что этому свидетелю не придется много говорить, кроме того, что после 1937 года Фрик ни разу не встречался с

фюрером и никогда не одобрял зверств. Я поинтересовался у него, понимает ли он, что «нюрнбергские законы» ознаменовали начало санкционированной на государственно-правовом уровне расовой дискриминации и расовой ненависти, результат которых предугадать было нетрудно.

В ответ Фрик пожал плечами:

— Каждая раса имеет право защищать себя, как на протяжении тысячелетий защищали себя и евреи.

— Вы не считаете, что в то время как современное общество исповедует принцип расовой терпимости, извлекать из мрака Средневековья принцип соперничества рас было безумием? Неужели вы, как юрист, способны это оправдать?

— С той же проблемой предстоит столкнуться и вам, американцам. Ведь и белые протестуют против смешанных браков. При выработке «нюрнбергских законов» никто не предполагал, что они могут привести к геноциду... Конечно, такое в теории не исключалось, но подобных намерений ни у кого не было.

Камера Штрейхера. Месяцы, проведенные в атмосфере холодного презрения остальных обвиняемых, и множившиеся доказательства махрового антисемитизма свое дело сделали — Штрейхер выглядел подавленным. Когда я пришел к нему в камеру узнать, как проходит подготовка его защиты, он не встретил меня обычной тирадой в антисемитском духе. Штрейхер заявил мне, что подготовка защиты займет не больше одного дня — долго говорить он не собирается. Он считал Розенберга глубоким философом и весьма высоко оценил его защитительную речь. Сам Штрейхер был всегда твердо убежден, что мировое еврейство и большевизм — синонимы и что в один прекрасный день они завоюют весь мир. Но его тону я понял, что сам он уже не рассчитывал обрести единомышленников. То, как действовал Гитлер, навредило в первую очередь самому Гитлеру — с сионизмом следовало бороться не так. Но его жена и его секретарша, как заверил меня Штрейхер, засвидетельствуют, что после 1940 года он, Штрейхер, не занимался ничем, кроме как выпуском своего «Штюмера».

Камера Шираха. Выход из-под опеки Геринга принес свои плоды — Ширах постепенно возвращался к своей прежней позиции — к раскаянию, и признание Франком своей вины, похоже, поставило крест на его колебаниях.

По мнению Шираха, признание вины Франком — переход процесса в новую, важнейшую фазу. Что касается его самого, он также стремится к тому, чтобы никто не усомнился в искренности его раскаяния за свою вину в разжигании антисемитских настроений. Он остановился на тех вопросах, которые должен был задать ему его защитник и которые имели целью выяснить, как он пришел к антисемитизму и какую роль в этом сыграли Юлиус Штрейхер, Гитлер и вся нацистская верхушка. Ширах готов был признать, что германская расовая политика — не что иное, как трагическая ошибка.

В этом его стремлении присутствовала солидная доля эксгибиционизма — Ширах будто узрел новую для себя возможность героического искупления, ведь однажды подобная его попытка уже была отвергнута — если вспомнить его бухенвальдскую инициативу.

— Поймите, одним только выявлением всех зверств ни антисемитизм, ни расовые предрассудки не одолеть, не одолеть его и суровыми наказаниями, позже это все равно отзовется. Единственный, кто в состоянии покончить с антисемитизмом — это сам антисемит. Возможно, мне еще предстоит своего рода историческая миссия заявить во всеуслышание, что я, бывший фюрер германской молодежи, считаю расовую политику заблуждением. Это поможет раз и навсегда положить конец всем этим предрассудкам.

Камера Зейсс-Инкварта. Под впечатлением последних высказываний свидетелей у нас завязалась дискуссия на предмет антисемитизма. Штрейхер с его узколобым фанатизмом даже не был упомянут — для интеллектуала Зейсс-Инкварта люди типа Штрейхера предметом обсуждения быть не могли. Что же касалось антисемитизма самого Зейсс-Инкварта, то теперь это был для него вопрос чисто академического порядка, однако он полагал, что его «квантитативная концепция еврейского вопроса» все же основывается на кое-каких фактах. Зейсс-Инкварт придерживался мнения, что в Германии действительно было слишком много евреев, в связи с чем и возникла

необходимость установления некоего нового порядка, как он выразился.

— Вы не находите, что американская концепция терпимости и мирного сосуществования есть средство решения проблемы меньшинств? — спросил я его.

Ну, что касается Америки, к ней нечто такое вполне применимо, полагал он, поскольку в этой стране представителям многих наций и народностей не пришлось жить в статусе единой национальной общности на протяжении многих столетий, население Америки складывалось из стихийных потоков иммигрантов, которые, впоследствии перемешавшись друг с другом, образовали принципиально новую космополитическую общность. Эта новая концепция скорее социальная, нежели генетическая, была вполне естественной в условиях Америки, вероятно, в будущем она станет повсеместной. В Германии, однако, все происходило несколько по-иному. Здесь неизменно заявляли о себе различия в национальном характере.

Здесь я позволил себе напомнить ему высказывание Дёница и Геринга о том, что Гесс — уроженец южной части Германии, и что уроженец Пруссии никогда не позволил бы себе то, на что оказался способен Гесс. Зейсс-Инкварт своего мнения по этому поводу не высказал, хотя я упомянул расхожее мнение о том, что баварцы и австрийцы — близкие родственники. Зейсс-Иикварт представил следующий анализ немецкого фанатизма:

— Да, как я уже говорил вам, уроженец южной части Германии обладает воображением и пылким темпераментом, он весьма подвержен фанатичной идеологии, однако его природная доброта не позволит ему впасть в крайность. Пруссак, напротив, куда скромнее по части воображения, чтобы впитать в себя абстрактные понятия разного рода расистских и политических теорий. Но, если ему сказано, что он должен сделать что-то, он сделает. Если он получил приказ, то уже не раздумывает. Это категорический императив — приказ есть приказ. Гесс являет собой пример того, как нацизм вобрал в себя оба этих типа. Гитлер никогда бы не зашел столь далеко, если бы его влияние ограничилось одной только Баварией, потому что тамошний народ, если бы даже слепо и фанатично повиновался ему, все равно никогда бы не дошел в своем повиновении до таких ужасных крайностей. Но

эта система вобрала в себя и беспрекословное послушание в духе прусских традиций, и замешанный на эмоциях южно-германский антисемитизм. Между прочим, авторитарный католицизм оказывает то же воздействие, что и прусский милитаризм. Стоит только вспомнить иезуитов. Если фанатичная идеология соединена с авторитарным государственным строем, тогда все пределы перестают существовать и можно ожидать чего угодно — достаточно вспомнить инквизицию.

Что касается Франка, заметил Зейсс-Инкварт, то у него не было иного выбора, как занять позицию, которая не шла бы вразрез с передачей им своего дневника. Вообще я отметил чрезвычайную осмотрительность, которую демонстрировал Зейсс-Инкварт, высказываясь в адрес остальных обвиняемых.

Камера Шахта. Шахт был рад тому, что криминальное прошлое многих обвиняемых проявлялось все отчетливее, и не скрывал своего удовлетворения тем, что Франк бросил камешек в огород Геринга.

— Я говорил Франку, что самое лучшее для него — признать свою вину. В конце концов, все же черным по белому написано в его дневнике. Что ему еще остается, кроме признания своей вины? Чудовищная ложь Кальтенбруннера постыдна. Риббентроп — это же просто жалкое ничтожество! Кейтель, хоть и проявил себя человеком честным и преданным, но он же совершенно бесхребетен. Разве что Геринг выглядел пристойно.

— Но, судя по всему, его единый фронт преданности и презрения ко всем дал трещину и грозит вообще рухнуть. Что же касается вас, то, по моему мнению, вы вполне в состоянии защищать себя.

— Надеюсь. Но меня ничего не стоит вывести из себя дурацкими вопросами.

Он, нимало не смущаясь, заявил мне, что-де очень мало таких, с кем он мог бы общаться на одном уровне; решив польстить мне, он включил в эту немногочисленную группу и меня... Главная проблема бывшего германского правительства, по мнению Шахта, как раз и состояла в том, что это были сплошь невежественные выскочки, включая и Гитлера.

— Между прочим, вот вам интересный с точки зрения психологии пример: в 1933 году — заметьте — в 1933 году Геринг называл Гитлера «бунтовщиком из венской кофейни»! Естественно, потом он присягнул

ему на верность, с которой не может расстаться и по сей день. Неудивительно, что Гитлер терпел его разложение... А что за люди сидят в новом германском гражданском правительстве? Сборище бесцветных, серых посредственностей, необразованных, невоспитанных радикалов, лишенных какого бы то ни было обобщественного авторитета и положения... Хотелось бы мне знать, — решил сменить тему Шахт, — кто же будет устраивать мне перекрестный допрос? Эти молодые люди, разбирающие мое дело, — они же ничего не смыслят! Кто они такие? Студенты юридических факультетов, как мне видится.

Я заверил его в том, что слышал, что им займется самый главный из обвинителей. Это Шахту, с одной стороны, льстило, с другой — вселяло в него тревогу.

— Вот как? Ну что же — я уверен, что готов дать достойный ответ на любой достойный вопрос — независимо от последствий... Я с самого начала встряхну эту систему, я не буду рассусоливать, что изначально ею замышлялось, я скажу о том, во что ее превратили Гитлер и Геринг вместе со своими генералами. Спускаю я им не дам, в особенности если мне предстоит давать показания под присягой и если суд будет настаивать на моем ответе. Главными виновниками я считаю четверых: Геринга, Риббентропа, Кейтеля и Редера. Возможно, им будет не особенно приятно, но это ничего не меняет: щадить я их не собираюсь. Немецкий народ должен воочию убедиться, как нацистские вожди ввергали страну в пучину этой никому не нужной войны.

И вдруг Шахта будто прорвало:

— Как у них вообще хватило наглости ввергнуть страну в войну, не спросив об этом народ? После этой речи Гитлера в Хосбахе в 1937 году святой обязанностью всех фюреров было пойти к Гитлеру и в лицо сказать ему, что он ведет народ к войне! Они могли высказать ему протест и в связи с намечавшимся нападением на Польшу! Но эти проклятые вояки только и знают, что щелкать каблуками и рапортовать: «Яволь, мой фюрер! Есть организовать войну!» Нет, щадить я их не собираюсь... После Штрейхера Геринг самый отвратительный тип на этой скамье подсудимых — вульгарный тип, проворовавшийся разложенец!

Камера Йодля. Йодль посмеивался над признанием Франка.

— Я спрашиваю себя, насколько он искренен. В старые добрые времена это был маленький царек, отгородивший себе кусочек Польши в качестве своего персонального Рейха. Сколько головной боли он мне доставлял! Ему очень хотелось заполучить в свое подчинение и железные дороги, и все остальное.

Когда я упомянул о том, как Франк поддел Геринга, лукавая усмешка Йодля могла свидетельствовать лишь об одном — он был страшно этим доволен.

И тут же потребовал от меня уточнений — действительно ли Гесс получил приказ фюрера об уничтожении евреев в Освенциме в 1941 году — то есть тогда, когда такое решение еще не могло быть оправдано серьезностью положения на фронтах. Я подтвердил, что это действительно имело место в 1941 году, напомнив Йодлю о том, что даже в 1940 году уничтожение евреев полным ходом шло в Тресте, только не такими темпами, однако Гесс сумел должным образом отладить технику умерщвления. Выслушав это, Йодль умолк и некоторое время сидел, опустив голову. Я попытался угадать, о чем он размышлял.

— А этот ваш Гитлер сидел в это время с вами в ставке и рассуждал о том, как уберечь фатерланд и честь германской нации, — попытался я нащупать болевую точку.

Йодль сокрушенно кивнул.

— Все верно. Гитлер не имел понятия о чести и человечности, людей он рассматривал как массу, как сырье для претворения в жизнь своих честолюбивых планов. Это мне стало ясно еще тогда. И оценивались люди только в той мере, в какой они полезны и выгодны для него. Чисто человеческий подход был абсолютно чужд ему. И я постоянно в этом убеждался. Теперь я даже готов усомниться в целесообразности российской кампании, на которой он так настаивал, и в том, что были исчерпаны все дипломатические возможности, то есть я хочу сказать, что сейчас уже не верю во все это. Я скорее готов поверить в то, что ему просто приспичило одолеть русских и что тогда был самый подходящий момент для этого. Тогда мы все ему верили, верили в то, что положение действительно безвыходное, в необходимость войны. Ведь, считали мы, будь это не так, разве стал бы он на ней настаивать? Однако что касалось политического развития в целом, тут нас предпочитали держать в неведении.

— А как обстояло дело с нападением на Польшу? — поинтересовался я.

— А так же. Сегодня понятно, что необходимости в этой войне не было никакой. Мы исходили из того, что все дипломатические средства были испробованы, но это ведь не так.

Йодль рассуждал о вине Гитлера и его пропагандистов в том, что они ни словом не обмолвились ни вермахту, ни немецкому народу о своих истинных намерениях, и снова высказал мнение о том, как Гитлер злоупотребил верой в него и патриотизмом немецкой молодежи. К числу обманутых он относил и самого себя.

— Особенно хитроумно он заговаривал зубы наиболее умной части нации. Это ведь не просто отчаявшиеся от нужды безработные или истеричные дамы. Он апеллировал к пониманию людей поумнее. Никогда бы Движению не заручиться такой мощной поддержкой у народа и не обрести такого престижа, если бы к нему не примкнули те, кого народ знал и кому доверял. В этом смысле пропаганда одержала крупную победу.

Я спросил Йодля, что было бы, если бы солдаты и генералы еще в 1942 году убедились бы, что эта война никому не нужна и что их правительство сделало основным инструментом международной политики хладнокровный геноцид. Тут Йодль на минуту задумался, прежде чем дать ответ.

— Вермахт отреагировал бы ужасно. Не знаю, что бы произошло. Немецкий солдат он ведь не дикий зверь. Он не сомневался, что воюет за правое дело, а офицеры никоим образом не проявляли религиозной нетерпимости. И осознание того, за что же они боролись, возымело бы самые ужасные последствия.

— Вы имеете в виду революцию?

— Трудно сказать. В период войны такие императивы, как послушание и позор предательства, так легко не отбросишь.

Камера Дёница.

— Больше или правильнее Франк сказать не мог, однако ему следовало выступать лишь от своего имени. Он принадлежал к числу самых оголтелых нацистов, ему не следовало пытаться убедить всех, что и остальной народ такой же оголтелый. Но, что касается меня, моя

позиция солдата, как я и прежде заявлял, была совершенно отличной от его.

Затем Дёниц сказал несколько слов по поводу защиты Шахта.

— Этим политикам не следовало бы так уж заноситься. В конце концов, ведь не моряки и не солдаты, а электорат и политики привели Гитлера к власти, и если это дурно кончилось, нашей вины здесь нет. Когда объявлена война, никто не ждет от нас, что мы скажем, от нас ждут лишь одного — чтобы мы воевали.

23 апреля. Защита Фрика. Равнодушие Фрика

Обеденный перерыв.

За едой многие из обвиняемых не скрывали своего разочарования тем, что Фрик отказался выступить на суде лично. Фриче указал на то, что Фрик, будучи высокопоставленным правительственным чиновником, многое мог бы прояснить. Функ намеревался задать Фрику кое-какие вопросы. Я заметил, что Фрик, по-видимому, думает лишь о спасении собственной шкуры. Шпеер на это одобрительно кивнул.

Что касается самого обвиняемого Фрика, то он проявлял удивительную индифферентность. Он считал, что его показания могли лишь прояснить его отношение к полицейской системе, да и в этом аспекте он мог сказать очень немногое.

Внизу на скамье подсудимых Геринг, заметно удрученный разоблачениями в ходе процесса и негативным отношением к нему некоторых обвиняемых, попытался завязать разговор. Однако охотников вступить с ним в беседу не нашлось. Наконец, к нему подошел низкорослый, вечно взвинченный Заукель. Заукель желал уточнить у бывшего рейхсмаршала, верит ли тот, что в Освенциме действительно было уничтожено два с половиной миллиона евреев.

— Нет, нет — нет, конечно, — без промедления ответил Геринг. — Я это обдумал, нет, технически это абсолютно неосуществимо.

— Но вы же своими ушами слышали показания Гесса, — вмешался я, — и должны помнить, что Гесс описал этот способ во всех тонкостях. Это была действительно программа массового истребления.

— А вы сами-то там были? — не скрывал раздражения Геринг.

— А где были *вы*? — отпарировал я. — Теперь вы утверждаете, что это, мол, неправда. Было бы куда лучше, если бы вы действительно не допустили, чтобы такое стало *осуществимым*!

Геринг, беспокойно заерзав на стуле, попытался сменить тему разговора. Я продолжил свои объяснения Заукелю, рассказал ему о том, что слышал от Гесса: отравление газом трудностей не представляло, главная трудность была в сжигании трупов. Печь крематория работала круглосуточно. В концлагере всем этим занимались 3000 человек, все как один верные служаки Гиммлера. Вся геринговская клика слышала мои слова. Сам Геринг затаился в своем углу скамьи подсудимых, довольствуясь тем, что за моей спиной нашептывал что-то про себя.

24 апреля. Гизевиус разоблачает Штрейхера

В зале заседаний (как доложила мне охрана) Штрейхер спросил у Фрика, действительно ли свидетель Гизевиус выступит на суде. Фрик подтвердил это. Штрейхер желал знать, упомянет ли Гизевиус обо всех этих ужасных вещах про Геринга, о которых говорили люди и которые описаны в его книге. Фрик считал, что, скорее всего, упомянет. На вопрос Штрейхера, как это отразится на Геринге, Фрик холодно ответил: «А мне это безразлично, главное для меня уцелеть самому».

Обеденный перерыв. В отсеке, где обедали пожилые обвиняемые, Папен и Нейрат презрительно отзывались о «толстяке», который навязал австрийцам аншлюс, вместо того чтобы дать им возможность выразить свою волю посредством голосования. Возмущившийся Папен ткнул пальцем в сторону прохода, где в одиночестве взад и вперед расхаживал Геринг.

— Вот кто виновник! Этот жирный, вон там. Он был против голосования! Это он убедил Гитлера ввести в Австрию войска.

Когда обвиняемые снова заняли места на скамье подсудимых, напряжение достигло кульминации — все с нетерпением ждали, что же скажет Гизевиус, о книге которого под названием «До горестного конца» они недавно узнали. Охрана слышала, как Розенберг корил Фрика за то, что тот избрал себе в свидетели Гизевиуса, заведомо зная, что его книга содержит уничтожающие разоблачения всей нацистской верхушки.

— Вы уж предоставьте мне самому решать, как организовать собственную защиту! — отбрил его Фрик. — Я не имел привычки совать нос в ваши дела, так что как-нибудь сам разберусь со своими. Если бы я не взял в свидетели его, то непременно взял бы Шахта.

Геринг заявил Дёницу, что не собирается прислушиваться к тому, что скажет этот Гизевиус, поскольку тот в самом начале своей книги сам признает, что изменил отечеству. Дёниц поинтересовался у Геринга, что тот думает по поводу защиты Фрика, и Геринг ответил:

— Фрик никогда не отличался дальновидностью. Не знаю, могу ли я доверять ему.

Послеобеденное заседание.

Свидетель Гизевиус приступил к даче показаний.

(Геринг заметил, что судья Паркер наблюдает за ним, и как потом передал Биддлу записку, после чего за Герингом наблюдали уже оба. И тут бывший рейхсмаршал начал свое обычное шоу. Едва в зале зазвучали показания свидетеля, он принялся качать головой, шептать что-то и возмущенно жестикулировать в сторону Дёница и Гесса. Затем, когда Гизевиус перешел к обвинению Геринга в участии в создании гестапо и вовлеченности в скандальные истории, касавшиеся нацистов, к его словам стала прислушиваться скамья подсудимых в полном составе. В зависимости от отношения того или иного обвиняемого к Герингу оттуда периодически раздавались недружелюбные или же иронично-веселые реплики.)

Свидетель показал, что в действительности «путч Рема» был не чем иным, как путчем Геринга — Гиммлера ради борьбы за власть. На этом адвокат Фрика завершил допрос свидетеля. Разоблачение адвокатом Шахта попытки Геринга оказать давление на свидетеля через адвоката доктора Штамера вызвало бурю возмущения в зале заседаний. Геринг, воспользовавшись в качестве благовидного предлога скандалом с женитьбой Бломберга, попытался воздействовать на доктора Штамера, чтобы тот обратился к адвокату Шахта с просьбой не задавать вопросов, так или иначе связанных с генералом фон Бломбергом. Он грозился «разделаться» с

Шахтом, если тот воспротивится. Свидетель заявил, что Геринг, надев на себя доспехи благородного рыцаря, пытается, таким образом, затушевать свою роль в грязном скандале.

Во время обеденного перерыва обвиняемые решили высказать все, что накипело у них в душе за утреннее заседание. Раскрасневшийся от возмущения Йодль, будучи не в силах усидеть, вскочил и завопил о кровавой расправе над штурмовиками Рема:

— Чем один свинарник лучше другого? Это подлость по отношению к тем честным и порядочным, кто с верой в правоту невольно оказался вместе с этими скотами!!!

Было видно, что Йодль едва сдерживается, чтобы не разразиться слезами, он уже почти не владел собой.

Фрик холодно заметил:

— Может, и так, но я твердо убежден, что никакого путча не планировалось. Просто одна банда ликвидировала другую.

Йодль продолжал бушевать:

— Что это значит — никакого путча? Мы же сидели у себя в кабинетах с пистолетами наготове! Кучка жалких подонков — вот кем они были! И те, и другие!

Фриче, Шахт и Шпеер едва удерживались от того, чтобы в открытую не выразить своего удовлетворения, хотя сенсационный разоблачения и им пришлось явно не по нутру.

— Ну, — обратился ко мне сияющий от удовольствия Шахт, — что я вам говорил? Теперь вся гниль вылезла наружу. Какие же они дураки, что притащили меня на это судилище! Мой свидетель — лучший их свидетель... Что вы думаете об этой неуклюжей попытке запугать моего свидетеля? Теперь вы видите, какой хитрюга этот парень.

Геринг, заметив, что мы разговариваем, вытаращился на нас со своего края скамьи подсудимых. Потом решил снять напряжение, обозвав свидетеля предателем и заявив, что впервые в жизни его видит, без конца повторяя:

— Я в жизни не видел и не слышал этого свидетеля. Он лжет, как зубодер на ярмарке, а Фрик пытается свалить на меня то, что натворил сам. (Должено мне охраной.)

Входе дальнейшей дачи показаний против Геринга было выдвинуто новое обвинение. Наружу выплыли нечистоплотные закулисные гешефты, выяснилось, что Шахт действительно предпринимал попытки сформировать оппозицию Гитлеру.

В конце заседания Геринг попытался обратиться к обвиняемым и их защитникам с поздравлениями и все норовил воспротивиться первым покинуть зал заседаний для препровождения в камеру. Его пришлось буквально втолкнуть в лифт.

Ширах высказался следующим образом:

— Этот свидетель Фрика вряд ли облегчит участь самого Фрика, но вот Герингу напакостит недурно... Но Шахт ведь такой же член этой партии, как и все остальные, в конце концов.

Тюрьма. Вечер

Камера Шахта. Шахт встретил меня свежим и окрыленным.

— Ну, так что я вам говорил? Теперь легенде Геринга пришел конец, не так ли? Должен признаться, что я просто счастлив, что мне после стольких лет удалось разоблачить этого гангстера, этого *преступника*, терроризировавшего миллионы порядочных немцев, доказать, кто он есть на самом деле! Теперь наконец маска сорвана! С его стороны было большой глупостью пытаться обвинить меня. Из меня вышел бы лучший свидетель. Великолепно, что выплыл наружу этот скандал с его адвокатом. Позорнее эпизода на этом процессе еще не было. Теперь все увидят, что это за человек.

Камера Шпеера. Шпеер полностью разделял радость Шахта.

— Теперь вы убедились, как наружу проступает преступная натура этих людей, стоит только к ним пристальнее присмотреться. Мне кажется, теперь есть опасность, что люди клюнут на то, что разыгрывал из себя Геринг — эдакий патриот, превыше всего ставивший интересы фатерланда, честный и неподкупный.

Камера Шираха. Ширах не смог скрыть своего волнения по поводу того, что его герой остался без маски. Я воспользовался этим обстоятельством и указал Шираху, каким откровенным ханжеством оказалось позерство Геринга после того, как стали общеизвестны нелицеприятные факты. Я напомнил ему и о том, что и сам Ширах был твердо убежден в том, что Гитлер с Гиммлером во время пресловутого «ремовского путча» «слишком много знали друг о друге», поэтому как преступники были заодно.

Но после того как было установлено, что и Геринг был вовлечен в эту историю, даже я убедился, что вся эта троица действовала по тайному сговору.

Ширах явно не склонен был со мной соглашаться, пояснив, что когда Геринг героем вернулся с Первой мировой войны, он сам был ребенком. Но это не имеет отношения ни к его защите, ни к его политическим убеждениям. С момента краха Рейха Ширах был твердо убежден, что германская расовая идеология могла означать лишь катастрофу и гибель.

Камера Фрика. Фрик прекрасно понимал, что его свидетель решил участь Геринга, но, казалось, это обстоятельство мало волновало Фрика. Он лишь заметил, что свидетель говорил правду, и теперь пусть общественность узнает, каким путем Гиммлер шел к власти.

— Я бы и сам мог сломать Гиммлеру шею, — сообщил Фрик, — но Гитлер всегда поддерживал его. Гитлер вообще всегда был против моих предложений, чего бы они ни касались. Я стремился достичь всего законным путем. Я же все-таки как-никак юрист.

В словах Фрика явно проступало злорадство — теперь-то он сполна отплатил Герингу за то, что тот, как и планировал, продвинул Гиммлера к власти на его, Фрика, костях.

И то, как ярый сторонник «нюрнбергских законов» примерял к себе личину порядочности, порицая бандитов, от которых некогда потерпел поражение, преследуя свои узкоэгоистические интересы, не могло восприниматься иначе, чем ирония судьбы.

25 апреля. Дело Бломберга

Когда обвиняемые появились в зале перед началом утреннего заседания, они сразу же перешли к обсуждению предпринятой Герингом попытки запугать свидетелей. Шахт, Шпеер и другие обвиняемые из их окружения не скрывали цинизма, распекая недостойное поведение «германского патриота» Геринга перед международным судом. Дёниц заявил Редеру и Шираху, что со стороны Геринга было в высшей степени глупо обращаться к адвокату с подобного рода просьбой. Кейтель, повернувшись к ним, высказал свое мнение:

— Герингу следовало помнить, что они не смолчат, если он попытается говорить с ними на таком языке.

Именно в этот момент появился Геринг. Бывший рейхсмаршал был встречен ледяными взглядами. Дёниц поинтересовался у него, встречался ли Геринг прошлым вечером с доктором Штамером. Геринг, поколебавшись, ударился в объяснения, что все, мол, было на самом деле не так, как могло показаться, в конце концов, речь могла идти о всего лишь частной беседе с его защитником.

В своей попытке сохранить лицо перед адмиралами Геринг повернулся к ним, едва в зал вошел свидетель Гизевиус, которому предстояло продолжить дачу показаний. Геринг заявил Дёницу и Редеру следующее:

— Вот, присмотритесь к этому изменнику! Он, какой-то чиновник из самых низов, каким образом он оказался здесь? С какой стати его выслушивают? Что он вообще может знать? Это самый настоящий предатель. Но ничего, пройдет 10–12 лет, и история распорядится по-другому с подобными изменниками.

Утреннее заседание.

Когда Гизевиус подтвердил факт соучастия Геринга в скандале, связанном с вступлением в брак Бломберга, стала понятна попытка Геринга запугать свидетеля и вынудить его не упоминать о деле Бломберга. Фельдмаршал фон Бломберг с ведома Геринга вступил в законный брак с «женщиной дурной репутации». Этот скандал был затем использован Герингом для оказания давления на Бломберга, имевшего целью вынудить фельдмаршала оставить свой пост

верховного главнокомандующего силами вермахта. Вскрылся и факт соучастия Геринга в скандале, центральной фигурой которого был Фрич. Стало известно о фиктивности выдвинутого против Фрича обвинения в гомосексуальных связях, в результате которого он был смещен с поста главнокомандующего сухопутными войсками. После этого Шахт, Канарис и другие начали подготовку антигитлеровского путча.

Геринг попытался отреагировать на происходящее смешками.

— Ах! Он просто воображала, пытающийся снова пустить в оборот сплетни десятилетней давности, — презрительно отмахнулся Геринг.

Дениц обратился ко мне:

— Пусть себе выскажет все, что пожелает. Из его слов видно, как политики сами загнали себя в тупик, а потом вдруг пожелали, чтобы генералы их оттуда вызволяли.

Кейтель был ошеломлен вскрывшимися на процессе новыми обстоятельствами скандала, причиной которого стала женитьба фон Бломберга.

— Это неслыханный позор вновь вытаскивать такой скандал на свет Божий! Даже это им понадобилось!

Геринг услышал его слова.

— Жалуйся — не жалуйся, все равно делу этим не поможешь, фельдмаршал, — эти люди иного происхождения, чем мы с вами. Они ничего не способны понять. Я же вам не раз это говорил.

— Да, — обратился я к Кейтелю, — это было действительно подло *тогда*, когда из этой грязи кое-кто попытался сколотить себе политический капитал. А то, что общественность узнает, насколько порочны были нацистские бонзы, так это, поверьте, неизбежно и естественно.

— И все же, если вспомнить о приличиях, не следовало бы им начинать с этого, — не желал со мной соглашаться Кейтель. — На протяжении 44 лет я был честным и добросовестным солдатом, а теперь меня пытаются здесь превратить в какого-то мошенника, втоптать в грязь меня и мои традиции.^[18]

Обеденный перерыв. На пути в столовую у Шираха был такой вид, будто его подводят к гильотине — так подействовало на него развенчание его идола, большинство других обвиняемых, шествуя на обед, сосредоточенно молчали.

Даже Шахт, и тот казался встревоженным, говоря со мной, — кое-кто из компании бывших военных косился на него.

— Вот видите, даже порядочные немцы выведены из равновесия из-за своих представлений о любви к фатерланду. Лучше бы Гизевиусу не вбрасывать эту тему *измены родине*, а ограничиться перечислением голых фактов. Но, как бы то ни было, что было — то было, правда всегда отыщет себе дорогу, и ничего с этим не поделать.

Расхаживавший взад и вперед по столовой Дёниц впервые демонстративно самоустранился от нашей беседы.

— Вот перед вами ментальность типичного милитариста. Она оперирует за пределами рассудка, понимания и чисто человеческих категорий. Вот так и дошло до этой войны, стоившей жизни миллионам немцев и принесшей лишь отчаяние и разруху. Но когда речь шла о выработке средств предотвращения се, кое-кто так и не смог побороть химеру своей узколобой исполнительности.

Я попытался вовлечь в беседу и Дёница; тот не пожелал, начав вдруг рассуждать о цветах в саду за окном. Когда накрыли столы, я со всей ясностью понял, что Дёниц на стороне обвиняемых свидетелем военных, которые, по мнению последнего, вместе с Гитлером и есть главные виновники войны. Наконец к нам присоединился Папен.

— Очень жаль, что мы с вами тогда не были близко знакомы. Не хватало тех, кто мог бы противостоять Гитлеру. Даже генералы не могли рассчитывать на поддержку.

— Нет, как раз генералы и проявили себя никуда не годными! — не согласился Шахт.

— Если бы отыскался десяток людей решительных, которые в решающий момент не струсят, этого бы хватило вполне, чтобы покончить с Гитлером. И миллионы людей были бы спасены! Но когда дошло до дела, генералы, как водится, щелк каблуками; добропорядочный Нейрат тихонько отошел в сторону — поймите, я не желаю переходить на личности, но людей, готовых идти до конца, до самого конца, было действительно мало.

Послеобеденное заседание.

Входе послеобеденного заседания свидетель разоблачил детали неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 года и другие интриги и скандалы, в которые был вовлечены Геринг и ряд генералов. Даже генерал-фельдмаршал Роммель принимал участие в антигитлеровском заговоре, поняв начало конца; он стремился и после разгрома Рейха оставаться в числе лидеров.

Во время обеденного перерыва Шахт заявил мне, что это конец легенды о Гитлере, теперь распад всей системы налицо. Фриче снова чуть не плакал, и снова надел свои очки с затемненными стеклами, чтобы никто не видел его глаз.

— Напротив, друзья мои, — считал он, — это скорее как раз начало легенды о Гитлере.

— Вы считаете, что немцы, узнав о продажности гитлеровского режима, его интригах и скандалах, вознесут Гитлера еще выше? — спросил я его.

И тут меня перебил Зейсс-Инкварт:

— Нет, но здесь слишком уж много грубых мазков — масса интриг, покушений. Мне кажется, это только оттолкнет немецкий народ.

Во время перекрестного допроса обвиняемым Джексоном Гизевиус разоблачил соучастие Геринга в поджоге рейхстага. Гитлер дал команду начать «широкомасштабную пропагандистскую кампанию. В связи с ней Геббельс, Геринг и фюрер штурмовых отрядов Карл Эрнст сговорились организовать поджог рейхстага, а ответственность за это возложить на коммунистов. Впоследствии Геринг распорядился ликвидировать большинство из участников поджога рейхстага из членов штурмовых отрядов, а заодно — и группу заранее отобранных им своих недругов.

Камера Шахта. Шахт рассуждал на тему легенды о Гитлере.

— Вы попытались объяснить, что все эти покушения на Гитлера могут стать основой для возникновения новой легенды об ударе кинжалом, как мы это знаем по опыту периода после первой мировой войны. Но все, что мы услышали из свидетельских показаний, наносит сильный ущерб авторитету Гитлера. Задумайтесь над такими фактами: генерал-полковник Фрич приходит к Гитлеру и, дав ему честное слово, заявляет, что выдвинутое против него обвинение в мужеложстве надумано. После этого Гитлер, глава государства, *лично* вводит в кабинет мальчишку с «голубой» панели и устраивает Фричу очную ставку с ним. Вы только задумайтесь над этим — глава германского государства принимает на веру слова какого-то гомосексуалиста, подонка с панели, но не желает верить честному слову верховного главнокомандующего сухопутных войск. Нет, такого ему ни один немец не простит!

Шахт повторил то, что уже говорил за обедом о десятке готовых идти до конца людей.

— А теперь Папен удивляется, почему же я не заручился его поддержкой. Бог мой, как я мог решиться на такое, когда своими глазами видел, как он молча взирает на то, как нацисты предательски убивают одного за другим его подчиненных, а он невзирая ни на что продолжает им подыгрывать? После аншлюса я подумал, что он порвет с ними, но йотом он вдруг *снова* принимает должность посла. И вот хочу спросить вас, можно, взяв в союзники такого человека, решиться на антигитлеровский заговор? Теперь и он против Гитлера. Нет, не было ни одного, кто *тогда* был настроен антигитлеровски!

26 апреля. Попытки Геринга повлиять на свидетелей

Утреннее заседание.

Свидетель Гизевиус на перекрестном допросе, которому подверг его обвинитель Джексон, продолжал утверждать, что именно необузданная жестокость членов штурмовых отрядов СА и проторила путь тем бесчинствам, которые достигли

кульминации в проводимом в концлагерях геноциде. Снова была затронута тема попыток повлиять на свидетелей.

(Геринг попытался краем глаза уследить за реакцией судей и остальных обвиняемых на его разоблачения, одновременно пытаясь продемонстрировать залу свое напускное равнодушие.)

Во время перерыва в утреннем заседании доктор Штамер, явно расстроенный вскрывшимися фактами оказать давление на свидетелей, которые нанесли несомненный ущерб его репутации адвоката, направился к Герингу и, по словам охранников, зачитал ему заявление, которое намеревался передать суду. Он подвергал сомнению правдивость показаний свидетеля и требовал допросить Геринга по вопросу об оказании давления на свидетелей и интригах, в которых участвовал Геринг. Однако бывший рейхсмаршал особого рвения не проявил, явно желая похоронить всю эту историю. Доктор Штамер настаивал на том, что Геринг *обязан* выразить свое отношение к выдвинутым против него обвинениям, чтобы оправдать себя. Геринг посоветовал своему защитнику оставить все как есть до того момента, когда он, тщательно обдумав все обстоятельства, не примет окончательное решение.

После этого Геринг обратился к членам своей группировки, дав разговору иное направление и затронув свои излюбленные темы.

— Не тревожьтесь — англичанам нас не прикончить; даже в союзе с русскими им нас не прикончить; а если к ним даже присоединится и Америка, то все они будут приканчивать нас дьявольски долго. Если мы попытаемся выступить против них вновь, то тогда им нас уже голыми руками не взять!

Милитаристы из окружения Геринга, Риббентроп и сидевший с отсутствующим видом Гесс горячо поддерживали бывшего рейхсмаршала и не скрывали радости, выслушав очередную порцию исторических бредней. Ему, хоть и ненадолго, но все же удалось отвлечь их от его позора.

Обеденный перерыв. За обедом Герингу предстояло окончательно убедиться, что ни один из обвиняемых его стороны не принял. С мрачным видом он торчал в своем углу отсека для приема нищи и даже не отважился на свое рутинное прохаживание, чтобы лишний раз не стать объектом косых взглядов своих подельников. Покончив с едой и

вернувшись в зал, он заявил доктору Штамеру, что обдумал его предложение и пришел к убеждению, что поднимать этот вопрос снова нецелесообразно.

26 апреля. Защита Штрейхера. Показания Штрейхера

Послеобеденное заседание.

Штрейхер начал свою защитительную речь с обвинения своего адвоката в том, что тот, по мнению Штрейхера, неверно действовал, занимаясь рассмотрением его дела. Защитник Штрейхера в качестве оправдания вынужден был заявить суду, что не желал покрывать антисемитизм Штрейхера, одновременно испросив суд о целесообразности и возможности осуществления и в дальнейшем защиты своего клиента. Суд просил его и впредь осуществлять защиту своего клиента. Когда данный вопрос был исчерпан, Штрейхер приступил к изложению своей защитительной речи. В высокопарном штиле он сравнивал себя с избранным самим провидением апостолом антисемитизма. Пылко и вдохновенно Штрейхер описал свой восторг от первой встречи с Гитлером, окруженным словно орлом божественного сияния. (Пока Штрейхер произносил свою речь, с лица судей не исчезало выражение насмешливой иронии. Со скамьи подсудимых то и дело раздавались явственные неодобрительные реплики. Геринг сидел, демонстративно уперев ладони в виски, напоминая тяжелобольного. Дёниц, прикрыв глаза, безрадостно покачивал головой.) Во время допроса Штрейхеру недвусмысленно указали на то, что он назвал допрашиваемого перед ним свидетеля Гизевиуса изменником.

Когда был объявлен перерыв и обвиняемые направлялись к лифту, все, за исключением Фрика, жестами или же вербально выражали свое явное неодобрение. Фрик дал благоприятный отзыв о речи Штрейхера.

Камера Йодля. Йодль пребывал в подавленности. Заверив его, что понимаю его чувства, я попытался затронуть тему его внезапного припадка ярости в зале заседаний за три дня до этого. Очень спокойно и серьезно он заявил мне:

— Да — горько и неприятно, когда ты вынужден раздираться между отвращением ко всем этим нечистоплотным делишкам, от которого я и сейчас не избавился, и присущим тебе естественным чувством патриотизма.

Мы поговорили о событиях прошедшей недели, и Йодль не скрывал злорадства по поводу разоблачения маневров Геринга. Он понимал, что Геринг устранил стоявшего у него на пути соперника Бломберга; Йодль готов был верить, что Геринг намеренно заманил Бломберга в ловушку, поскольку не желал подчиняться ни ему, ни другим высшим офицерам.

— Да, для него и тогда не существовало понятие чести, это был тщеславный, честолюбивый и спесивый негодяй. То, как он воспользовался непростым положением, в котором оказался Бломберг, до глубины души возмутило нас. Мы и так не очень-то жаловали его по причине его кретинического тщеславия. Уверен, что он с самого начала задумал устранить Бломберга. А эта афера с Фричем вообще ни в какие ворота не лезет. Вполне вероятно, что, как об этом сказал Гизевиус, и к этому бесчестью Геринг приложил руку, поскольку Фрич на посту главнокомандующего вермахта был для него костью в горле куда более внушительной, чем даже Бломберг. Фрич был и оставался прямолинейным пруссаком, не терпевшим ни позерства, ни позеров. Вполне допустимо, что Геринг сам был автором сценария этой замешанной на мужеложестве аферы, имевшей целью устранить Фриче.

Штрейхер вызывал у Йодля смех — ну как можно было в самом начале своей защитительной речи накинуться на своего же адвоката. Я напомнил ему, что издатель «Штюрмера» Хирмер также выступит в качестве свидетеля. Йодль ответил на это, что и Штрейхер, и Хирмер — в прошлом школьные учителя.

— Эти учителяшки испокон веку грезили о великом общественном признании и могуществе.

Я поинтересовался у Йодля, действительно ли это столь существенно.

— Вероятно, вам неизвестно, но учитель средней школы — профессия, на которую большинство в нашей стране взирало с презрением, в первую очередь в Баварии. Школьные учителя в городах, где большинство населения исповедовало католицизм, воспринимались как пасторские лакеи: по воскресеньям они должны были играть в костелах на органе, а учили они, как правило, тому, что было угодно пасторам.

Камера Шираха. Ширах не был готов обсуждать положение Геринга после всех разоблачений бывшего рейхсмаршала и свалившегося на его голову позора. Но вот о Фриче на слова не скупился.

— Хорош этот Фрик, нечего сказать — он, видите ли, всегда был ярым противником нацистов. Когда я еще ходил в школу, Фрик был предводителем нацистской фракции в рейхстаге. Именно он был тем, кто помогал Гитлеру прийти к власти.

А когда партия оказалась у кормила власти, он на посту министра внутренних дел принадлежал к числу высших правительственных чиновников — теперь же пытается ухватиться за Шахта и делает вид, что оппонировал Гитлеру. Поэтому и избрал свидетелем Гизевиуса. Он прекрасно понимает, что Шахт снискал добрую репутацию и, вполне возможно, будет оправдан. Он не раз давал показания в пользу кого-нибудь из обвиняемых только из страха, что заговори он по-другому, приоткроются и кое-какие его дела. Он думает только о себе! Должен сказать, я это считаю отвратительным! Стоит только вспомнить, какую важную роль он играл в партии, когда я был еще ребенком, а сейчас играет в незнайку. Я, по крайней мере, ломаю голову над тем, как избавить немецкую молодежь от этого невыносимого бремени безумного антисемитизма, за что и я несу часть ответственности, пытаюсь облегчить ей путь в будущее, что же касается Фрика, то у меня создается впечатление, что он ни о ком и ни о чем, кроме себя, не думает. Уверен, что он опасается откровенно высказаться. Он прекрасно понимает, что ему есть за что ответить в связи с этим антисемитизмом, но этого он никак не желает. Кстати, а что вы думаете о Штрейхере? — спросил меня Ширах.

— Что он ясно и недвусмысленно доказал суду, какой он глупец и фанатик, — ответил я.

— Знаете, мне кажется, он так ничему и не научился и все продолжает оборонять свой антисемитизм, хоть ему и грош цена на сегодняшний день.

Мы продолжили разговор на эту тему. Ширах однозначно дал понять, что в том, что касалось Штрейхера, последний не успокоится никогда. Я придерживался того же мнения и заверил своего собеседника в том, что лишь разумному человеку, попавшемуся в свое время на удочку антисемитизма, однако впоследствии окончательно убедившемуся в безумии расовых предубеждений, доступно в полной мере осознать всю лживость и беспросветность этих догм. Именно это Шираху и хотелось услышать от меня.

Ширах твердо убежден в том, какую роль антисемитизм сыграет в будущей Германии. И если он будет и дальше хранить молчание, то немецкая молодежь расценит это, как молчаливое подтверждение его прежних убеждений; но если он заявит молодежи о том, как ее обманули, то немецкая молодежь на века похоронит идеи антисемитизма. На это я заявил ему, что единственный способ хоть как-то выправить сделанное им раньше — говорить на языке правды с немецкой молодежью, откровенно признавая, что Гитлер предал се. Я подчеркнул, что история и немецкий народ никогда не будут считать политических проходимцев типа Геринга истинными и честными патриотами Германии, в этом смысле куда больше шансов у Шпеера, который, осознав, что Гитлер обманул немецкий народ, ушел в оппозицию Гитлеру. Мои слова, как мне показалось, произвели на Шираха глубокое впечатление.

Камера Риббентропа. Риббентроп поставил меня в известность о том, что до сих пор испытывает затруднения с речью, что, впрочем, не помешало ему обрушить на меня целый водопад своих прежних замусоленных аргументов и объяснений: они совершили большую ошибку, проиграв эту войну; они не нарушали Мюнхенского соглашения; от Гитлера всегда исходила некая магическая сила — он, Риббентроп, хотел бы, чтобы полковник Эймен устроил Гитлеру перекрестный допрос, вот тогда стало бы ясно — кто кого; он, Риббентроп, никакой не антисемит — имел друзей среди евреев; он

был лишь членом правительства, состоявшего из антисемитов, посему не имел ни малейшей возможности проводить просемитскую политику; обвинением был предъявлен ряд документов, доказывающих его вину в раздувании антисемитизма и развязывании захватнической войны, однако он уверен, что при желании обвинение могло бы подыскать и такие документы, которые служили бы доказательством и прямо противоположного.

Потом меня ожидал сюрприз — Риббентроп принялся утверждать, что Америка 150 раз за последние 150 лет применяла вооруженные силы для подавления сопротивления. Где он откопал подобную чушь, так и осталось неясным. После этого Риббентроп поинтересовался реакцией на рассмотрение его дела. Ничего утешительного в этой связи я ему сообщить не мог...

Риббентроп считал со стороны Гизевиуса непорядочным выставлять на всеобщее обозрение столь нелюбезные подробности из жизни других немцев, он желал знать, что было бы, если бы какой-нибудь американец стал бы утверждать подобное о своих собратьях — американцах. Я заверил его, что мне, без всякого сомнения, было бы весьма неприятно, если высказывания одних американцев в отношении других оказались бы горькой правдой, однако отнюдь не убежден, что сознательное замалчивание способно выправить положение дел. Я спросил его, что он думает по поводу скандала. Риббентроп повторил, что не к лицу немцам отзываться о других немцах таким образом.

Камера Шахта. Шахт сообщил мне, что все, кроме Шпеера, озлобились на него, однако он этому особого значения не придает, поскольку все они — кучка преступников.

— Стоит только приглядеться к этому ничтожеству Штрейхеру, и вы поймете, что за люди до последнего момента окружали Гитлера! Боже мой! Этот Гитлер понятия не имел ни о чести, ни о приличиях, ни о достоинстве. Допустил до власти всякую нацию, а порядочные люди вынуждены были сидеть сложа руки, если не желали оказаться в числе ликвидированных.

29 апреля. «Дер штюмер»

Утреннее заседание.

Штрейхер попытался доказать, что отдавал приказы о разрушении синагог, исходя из чисто архитектурных соображений. Он признал, что направленные против евреев выступления 10 ноября 1938 года не были спонтанными, а являлись частью заранее спланированной Геббельсом акции, о которой был поставлен в известность и он сам. Гиммлер, Ширах и другие в письменном виде заверили его в своей поддержке, когда над «Штюрмером» сгустились тучи. Будучи антисемитом, он, разумеется, никак не был заинтересован в том, чтобы писать о талантливых представителях еврейского народа.

В перерыве Штрейхер снова уселся на скамью подсудимых и, словно в ожидании аплодисментов, осмотрелся. Но видел перед собой лишь спины остальных обвиняемых. Наконец к нему обратился Риббентроп, сказав, что если он желает высказаться, то пожалуйста — он, Риббентроп, никогда не был фанатиком-антисемитом.

Позже Розенберг надавил на него, желая добиться от него признаний, как евреи-писатели ополчились на нацистский режим и что разделявшие точку зрения нацистов писатели имели право отплатить евреям той же монетой. (Розенберг безуспешно пытался подобным же образом обработать и других обвиняемых, которых суд уже заслушивал, но Штрейхер был единственным, кто обещал непременно упомянуть об этом.)

В ходе дальнейших показаний Штрейхер признал, что отвечал за все выпуски «Штюрмера», в том числе и спецвыпуски, а также за номера, посвященные якобы имевшим место ритуальным убийствам, совершаемым евреями. Штрейхер, воспользовавшись возможностью, снова атаковал своего адвоката, прибегнув даже к оскорблениям, и суд вынужден был указать ему на то, что всякое неуважительное отношение к адвокату или суду в дальнейшем будет означать конец его выступления.

Обеденный перерыв. Во время приема пищи никто не выразил желания общаться со Штрейхером — остальные обвиняемые так и не смогли преодолеть презрительное отношение к нему.

Послеобеденное заседание.

Штрейхер продолжал отрицать свое отношение к истреблению евреев, утверждая, что он даже и не знал ни о чем подобном. Во время перекрестного допроса, которому его подверг мистер Гриффит-Джоунс, Штрейхер медленно, но неотвратимо стал запутываться, выяснилось, что он все-таки знал о творимых зверствах и делал все для превращения своего издания в рупор для призывов к искоренению евреев даже тогда, когда, по его же признанию, читал о подобных акциях в зарубежных газетах. Штрейхер вновь повторил, что даже читая о творимых жестокостях, он не верил в них. Он утверждал, что евреев следует искоренять, но, по его словам, не в буквальном смысле.

(При этих словах Франк уже не мог больше сдерживаться. В перерыве он, уставившись на Штрейхера, злобно прошипел: «Ты, свинья, ничего не знал об этих убийствах! Выходит, я один знал о них! Как можно так лгать под присягой? Если я поклянусь Всевышнему — как я буду лгать!!! Кажется, я здесь один, кто действительно знал о них!»)

Штрейхер объяснил свое подстрекательство к истреблению евреев свободой творческого человека, литератора и желанием отомстить зарубежной прессе за ее нападки.

В конце супруга Штрейхера фрау Штрейхер заверила присутствующих, что ее муж был порядочным семьянином и вообще хорошим человеком. Обвинение не сочло необходимым подвергать ее перекрестному допросу.

Камера Фриче. Его комментарий был предельно лаконичен:

— Ну вот, после всех его делишек ему надели петлю на шею; так, во всяком случае, считают на нашем конце скамьи подсудимых.

Затем он, едва сдерживая слезы, пожаловался мне, в какое отчаяние приводит его процесс. Хотя речь его отличалась бессвязностью, Фриче выразил разочарование позицией Шахта. Если столько людей с самого начала знали о том, что делал Гитлер, почему в таком случае ни у кого из них не хватило мужества рискнуть своей жизнью и просто пристрелить его во время одной из аудиенций, а не подкладывать бомбы, которые почему-то не взрывались, а всё оттого, что никому не хотелось находиться в критический момент на месте преступления. Он размышлял об опасности появления на свет очередного героического мифа, согласно которому Гитлеру будет уготована роль мученика. С него подобных мифов хватит.

Камера Дёница. Дёниц дал понять, что ничего не знал об этих грязных интригах и распространяться о них не желает. Никто из подчиненных ему морских офицеров к этому грязнуле Штрейхеру и на милю бы не приблизился. Дёниц пожаловался на то, как тяжело отсиживать этот процесс, и он рад, что разбирательства его дела ждать осталось уже недолго. Его защитник — вполне порядочный молодой человек, морской офицер, который исполняет свой адвокатский долг на совесть. Затем Дёниц добавил, что с нетерпением ждет того дня, когда сможет забыть обо всех этих политических кознях и пропагандистских трюках, о которых ему пришлось узнать на этом процессе.

30 апреля. Защита Шахта. Показания Шахта

Утреннее заседание.

Шахт начал свою защитительную речь, набросав своего рода автопортрет, стараясь изобразить себя патриотически настроенным националистом, идеалистом и демократом. К Гитлеру он примкнул потому; что тот возглавлял крупную политическую партию, программа которой в ту пору не представлялась чересчур радикальной. Гитлер удостоился

презрительного ярлыка политического демагога, а его книгу «Майн кампф» Шахт определил как пространную политическую статью на неудобоваримом немецком языке, вышедшую из-под пера невежественного фанатика. Шахт по-прежнему считал, что выход из Версальского договора был оправданным шагом, поскольку даже Америка отказалась ратифицировать его из-за того, что не были приняты 14 пунктов Вильсона.

В перерыве утреннего заседания Геринг из своего угла стал натравливать на Шахта сидевших в центре обвиняемых. Собрав вокруг себя группировку в составе Заукеля, Шираха, Франка, Розенберга и Риббентропа, он принялся живописать, как Шахт с распростертыми объятиями встречал в рейхстаге Гитлера и трясся от нетерпения удостоиться рукопожатия фюрера. Под конец своей тирады он обозвал Шахта перебежчиком и лицемером, от которого немецкому народу следует откреститься — звучало это как серьезное предостережение тем обвиняемым, кому еще предстояло выступить на суде.

Обеденный перерыв. В отсеке, где обедали младшие обвиняемые, разгорелась жаркая дискуссия, во время которой Шпеер пытался привлечь колеблющегося Шираха в ряды антигитлеровской оппозиции. Ширах высказал мнение, что если Гитлер был заурядным невежественным фанатиком, не имевшим понятия о проблемах, в которых увязла промышленность Германии, то ему не совсем понятно, отчего Шахт в свое время оказывал ему поддержку. Шпеер объяснил это тем, что вначале Гитлер держал Шахта за дурачка, «как и всех нас». Но это, похоже, не убедило Шираха, который все же не считал Гитлера таким уж невеждой, каким стремился его представить Шахт. По мнению Шираха, Гитлер, конечно, не мог похвастаться великой образованностью, однако он много читал, обнаруживая солидные знания практически в любой области.

— Вот это хуже некуда, — не соглашался Шпеер. — Как очень многие, кто бессистемно черпает из книг поверхностные знания во многих областях, он возомнил себя экспертом в этих областях. Взять хотя бы, к примеру, архитектуру и производство вооружений — и то, и другое области узкопрофессиональные, о которых я все же имею кое-какое представление. Он же считал себя экспертом в этом, поскольку

все, что бы ни прочел на эту тему, принимал за чистую монету. Вообще этих самоучек отличает трепетное почтение ко всему печатному. В отличие от настоящих ученых, они не способны понять, что профессиональные знания обладают способностью устаревать, что наука не топчется на месте и что само по себе печатное слово — еще не право на вечность. Гитлер же был убежден, что его подход абсолютно применим ко всем областям, поскольку он, видите ли, прочел об этом в книгах.

Я вставил замечание о том, каким опасным может стать человек, если он и дилетант, и одержимый, после чего Ширах вернулся к теме негативной оценки Гитлера.

— Да, он до своего конца был одержим антисемитизмом, и даже в своем завещании он пытается возложить на евреев ответственность за войну и оправдать их уничтожение.

И, уже обращаясь к Шпееру, продолжал:

— Надо будет об этом упомянуть в нашей защите.

Шпеер решил не упускать возможность и попытался окончательно убедить Шираха.

— Обязательно упомянем. Как я вам уже говорил, Гитлер категорически заявил, что ему все равно, если немецкий народ утратит право на существование, поскольку такому народу уготована участь неполноценного. Вы, случаем, не считаете немецкую молодежь неполноценной и не имеющей право на существование?

— Что? — наморщился Ширах. — Вы должны показать мне, где это выражение стоит черным по белому.

Шпеер ответил, что непременно покажет и докажет ему, что Гитлер действительно отдал приказ лишить немецкий народ основ для дальнейшего существования.

Послеобеденное заседание. Геринг продолжал отпускать враждебные реплики в адрес Шахта так, чтобы слышали остальные обвиняемые, пообещав всем, что, мол, Джексон еще покажет Шахту. Оба адмирала и Ширах уже не жаловали его вниманием, посему бывший рейхсмаршал вынужден был избрать в качестве благодарной аудитории пребывавшего в полубеспамятстве Гесса.

Шахт вновь охарактеризовал Гитлера, как предателя всех немцев-идеалистов, к которым причислял и себя; Гитлер принес присягу не нарушать Веймарской конституции, однако нарушил все до единого ее положения; он гарантировал право меньшинства евреям, однако лишил их как гражданства, так и защиты; он давал обещание защищать христианскую веру, но подвергал церковь диффамации; он гарантировал право на свободную торговлю, но разрушил ее до основания. Убедившись, что Гитлер одержим манией воевать и начал устранять со своего пути всех тех, кто мог ему помешать развязать войну; он, Шахт, стал замышлять его свержение, о нем в своих показаниях и упоминал свидетель Гизевиус.

Тюрьма. Вечер

Шахт, сидя за своим пасьянсом, производил впечатление спокойного и уверенного в себе человека.

— Слышали мое сегодняшнее выступление на послеобеденном заседании? Я все им выложил. Я рассказал им, что посулил Гитлер и какие из своих обещаний выполнил. Этим нацистам очень не хотелось меня слушать. Кроме разве что нескольких, которые меня поддерживают — Шпеер, Функ и Папен. Вся остальная скамья ворчала. Этот дурак, коротышка Штрейхер, упрекнул, что, мол, в таком тоне говорить о нашем покойном фюрере — ужасно. Скоты! Они рассуждают об уважении к покойникам, после того как отправили на тот свет 5 миллионов ни в чем не повинных людей и вдобавок погнали на свою бездарную войну миллионы честных немцев, которые домой уже не вернулись!

Но это еще только начало! Я им выложу все, что позволило начать эту войну. Этих вояк еще хватит удар. Они и так вне себя. Из них только Йодль со мной разговаривает, он все пытается выяснить для себя разницу между пацифизмом и миролюбием. Мне она известна. И я изложил ее перед судом. И если профессия офицера действительно претендует на то, чтобы быть почетной, то самоотверженной этой профессии нет на свете, ибо настоящий офицер обязан приложить

максимум усилий, чтобы ему никогда не пришлось демонстрировать свои умения на практике.

Некоторое время мы говорили на тему милитаризма и сошлись во мнении, что, как показывает опыт, германский милитаризм, будучи поставлен перед дилеммой: мир или война, вследствие не рассуждающей исполнительности и тщеславия своих генералов, вследствие всего того, что годами вбивалось в их головы, неизменно выбирал войну.

1 мая. Несогласный

Утреннее заседание. *Шахт заявил о том, что у него всегда было мало общего с нацистами, и о том, что серая и безликая масса ничего, кроме презрения, у него не вызывала.* (Несмотря на то что Геринг утратил большую часть своей аудитории, он, пока Шахт произносил свою защитительную речь, во весь голос отпускал реплики вроде: «И глазом не моргнет утверждать такое! Нет, вы только послушайте, как он лжет!»)

Затем последовали пространные рассуждения Шахта на тему ремилитаризации и разоружения; по его мнению, Германии нельзя было отставать от своих соседей, поскольку те разоружаться явно не торопились.

(После заявления Шахта о том, что если бы знал о намерениях Гитлера израсходовать денежные средства на вооружение, то никогда бы не стал снабжать его ими, Геринг готов был лопнуть от злости, а Редер заметил: «Кто в такое поверит?»)

В ходе утреннего заседания, по словам охранников, Геринг сказал сидевшим перед ним адвокатам: «Он лжет! Он лжет! Он лжет! Я сам присутствовал, когда Гитлер прямо заявил ему, что нам нужно больше денег на вооружение, на что Шахт ответил: «Да, нам без сильной армии, военно-морского флота и авиации не обойтись!»

Согласился с Герингом и Риббентроп: «Да, я тоже это слышал. Это было в 1940 году». Геринг подтвердил, что это действительно было в 1940 году. Гесс спросил у Шираха, слышал ли тот слова Шахта, однако

Ширах сделал вид, что не слышал вопроса, что крайне возмутило Геринга.

Шахт приводил выдержки из книги Дэвиса «Московская миссия», чтобы доказать, как его захватило предложение Рузвельта ограничить все вооружения лишь теми, которые солдат способен носить на себе. Шахт признал, что, будучи президентом Рейхсбанка, использовал в целях финансирования так называемые векселя «Мефо» (ООО «Металлургише форшунгсгезельшафт»), однако в том, что это осуществлялось втайне от всех, его вины нет; всю ответственность за это несло имперское министерство финансов.

Обеденный перерыв. В отсеке, где обедали младшие обвиняемые, Шпеер пытался убедить Шираха и Фриче в незыблемости своих взглядов. Он предъявил им переписку с Гитлером, из которой становилось ясно, что фюрер готов был скорее пойти на уничтожение «уцелевших отбросов немецкого народа», чем на капитуляцию. Ширах с большим интересом прочел эти документы.

— Это ужасно! Ужасно! — стонал он.

— А вот и приказы, так что все это — не только слова, — подчеркнул Шпеер.

Фриче возбужденно расхаживал по отсеку столовой.

— Это навеки похоронит миф о Гитлере! Равно, как и миф о его мученической участи!

— Совершенно верно! Поэтому я и прошу вас подтвердить, что по завершении Ялтинской конференции Гитлер решил развязать широкомасштабную пропагандистскую кампанию под девизом: «Мы никогда не капитулируем!» Он и слышать не желал ни о каких мирных предложениях!

— Ужасно! Ужасно! — продолжал бормотать Ширах.

Когда я прибыл к скамье подсудимых, кое-кто из обвиняемых с ухмылкой признался мне, что прежде, когда сражался на стороне большинства, Шахт не был таким ненавистником Гитлера, каким силится представить себя сейчас. Франк, после признания *собственной вины* гневавшийся на всех, кто пытался утверждать, что невиновен, считал:

— Если бы Гитлер выиграл войну, Шахт лизал бы ему сапоги и громче всех орал бы «Хайль Гитлер!».

Вернувшись в зал заседаний, Йодль и Дёниц иронически заметили, что неплохо было бы взглянуть на такое, из чего следовал вывод, что и они были на стороне Франка.

Послеобеденное заседание.

Шахт продолжал приводить доказательства, что всегда протестовал против несправедливости, жестокости и антисемитизма, утверждая, что всегда был «несогласным», хотя Геринг опровергал подобные факты, считая, что такое невозможно было в принципе, поскольку речь шла о неповиновении Гитлеру. Когда дело коснулось клятвы на верность, Шахт заявил, что давал эту клятву не Гитлеру-человеку, а Гитлеру, как главе государства. «Как можно хранить верность клятве, данной клятвопреступнику? Гитлер же — самый коварный из клятвопреступников!»

(Геринг невольно вздрогнул — явный афронт ему, как апологету верности фюреру; возложив подбородок на сжатые кулаки, он стал сверлить взглядом Шахта.)

2 мая. Перекрестный допрос Шахта

Перед началом утреннего заседания многие из обвиняемых продолжали отпускать колкие замечания по поводу антипатии Шахта к фюреру сразу же после прихода того к власти. В особенности едко бывшие военные комментировали попытку Шахта отрицать явно очевидный факт — свою осведомленность о военных приготовлениях Гитлера. Даже помешанный на секретности и недоверчивый ко мне Редер, и тот разоткровенничался, впервые сообщив мне свое мнение об обвиняемом Шахте, причем явно не тревожась о том, каким образом я распоряжусь полученной от него информацией.

— Этот Шахт — жуткий человек. Что он утверждает, сплошь неправда.

В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что Редер конечно же имел в виду вопрос о вооружениях.

Придя на скамью подсудимых, Геринг с радостью ухватился за возможность вволю позлословить в адрес своего главного недруга. Риббентроп клятвенно утверждал, что Шахт слишком много внимания уделял германской внешней политике. Геринг решил утешить его:

— Если вы желаете предать Германию анафеме, то нет лучшего способа, как начать копать в ее внешней политике.

Когда я ушел из зала заседаний, Геринг обратился к своему защитнику с просьбой передать на волю два его письма, о чем мне незамедлительно сообщила охрана. Я позаботился о том, чтобы ничего подобного не произошло.

Утреннее заседание.

Шахт завершил свою защитительную речь, представив себя человеком, наделенным всеми из возможных добродетелей, не позабыв упомянуть и о своей ведущей роли в подготовке покушения на Гитлера. Он заявил, что ему, к сожалению, не удалось заручиться соответствующей поддержкой немецких интеллектуалов, да и военные в последний момент бросили его в беде.

Обеденный перерыв. Во время обеда на тему Шахта распространялись мало — тема выпячиваемых им добродетелей понемногу утрачивала актуальность. Из всего сказанного обвиняемыми за обедом, из брошенных ими издевательских фраз, подслушанных охраной и переданных мне, становилось ясно, что все ждут не дождутся, когда «ярый антинацист Шахт» будет подвергнут перекрестному допросу. Впервые за все время процесса большинство обвиняемых столь откровенно желали успеха обвинителям.

Послеобеденное заседание.

К началу перекрестного допроса Шахта группировка Геринга выглядела торжествующе веселой, когда обвинитель Джексон перешел к доказательствам того, что участие Шахта в продвижении Гитлера на вершину власти было куда более

деятельным, чем обвиняемый пытается изобразить. В этой связи Джексон привел выдержки из речи Шахта, произнесенной им в ноябре 1938 года и посвященной «финансовому чародейству».

(Геринг, Заукель, Ширах и оба адмирала переглянулись, после чего, удовлетворенно кивнув, стали перемигиваться. Геринг, дав тычка в бок Гессу, посоветовал ему:

— Наденьте наушники, такое стоит послушать.)

Бывшие военные и пропагандисты с удовлетворением наблюдали за явно сконфуженным Шахтом, когда выяснилось, что он после вручения ему золотого значка нацистской партии ежегодно перечислял 1000 рейхсмарок в партийную кассу. (Геринг трясся от смеха.) Затем обвинитель перешел к теме информированности Шахта обо всех вопросах, связанных с ремилитаризацией Германии и создании вермахта, — и то, и другое явно не вязалось с его миролюбивыми установками. (Геринг уже веселился вовсю, повторяя остальным обвиняемым: «Вот, сейчас все и вылезет наружу».)

Сославшись на речь Шахта в Кёнигсберге, Джексон заявил: «Как только я стал проявлять к ней интерес, вы и закончили». Явно довольный Шахт, усмехнувшись, заметил, что, естественно, не стал приводить оставшуюся часть своей речи, чтобы оставить возможность обвинению процитировать ее. (В этот момент Геринг с ухмылкой съязвил: «Хихикает, словно девственница перед первым грешком!» И, мгновение спустя, посчитав, что весьма удачно и к месту сострил, Геринг тут же повторил эту фразу для обвиняемых, сидевших позади него.)

Мистер Джексон цитировал фрагмент речи Шахта, где тот выражал свою поддержку Гитлеру и нацистской партии. Когда Джексон спросил у Шахта, как сочетаются его весьма щедрые дары Гитлеру с его якобы враждебным отношением к нему, банкир дал довольно любопытный ответ, могущий прояснить отдельные черты его характера. Шахт откровенно заявил, что, разумеется, вынужден был играть краплеными картами, иначе ему ни за что бы не пробиться.

Камера Дёница. Стоило мне войти в камеру Дёница, как он проявил необычайную словоохотливость.

— Что я вам говорил? Разве это для вас не интереснейший материал? Я готов уважать любую позицию. Я всегда презирал Геринга, но должен сказать, мне импонирует его твердость. Раньше он никогда не переступил бы порог моего дома, из чего можно заключить, что я его ценил весьма невысоко. Будучи оба командующими, он — военно-воздушными силами, я — военно-морскими, мы никогда не могли договориться. Но он хоть продолжает твердо стоять на своем. Поэтому я изменил о нем мнение. И о Розенберге тоже; если он думает так, это его дело. Шнеер — один из моих лучших друзей, он считает, что имеет право поступать так, поскольку в январе 1945 года вынашивал планы устранения Гитлера. Это его личное убеждение, он свято в это верит. Что никак не отразилось на нашей с ним дружбе, хотя я все же придерживаюсь на этот счет несколько иного мнения...

Но когда Шахт попытался внушить всем, что он с самого начала был противником этого режима, тут уж у меня глаза на лоб полезли! И не у меня одного — у Биддла с Паркером тоже, я это видел по их физиономиям. И у Джексона. Джексон спросил его, почему же он ссылается на то, чего не было, на что Шахт ему ответил, мол, если ты стремишься кого-нибудь в чем-то убедить, тогда поневоле приходится лавировать. Джексон поблагодарил его за «добрый совет». Когда кто-то, горделиво выставив свой золотой партийный значок, шествует надутый, будто павлин, чистейшее лицемерие потом заявлять, что ты носил его лишь в поезде или у билетной кассы, то есть там, где тебя из-за этого значка лучше обслужат. Вы не помните выражений лиц Биддла и Паркера? Они едва удерживались от того, чтобы не расхохотаться...

Нет, я за искренность и верность принципам. Если человек искренний, с ним всегда можно иметь дело, и неважно, каких взглядов он придерживается... Слава Богу, что мне до самого конца войны не пришлось иметь дело с политикой. А сегодня — ровно год с того дня, как я впервые взвалил на свои плечи политическую миссию, прежде ни к чему подобному отношения не имея. Это одна из причин, почему у меня за плечами полноценная и морально безупречная жизнь.

Камера Шпеера. Шпеер считал, что Шахт явно кривил душой, заявляя о своей откровенно враждебной позиции к партии в первые

годы после прихода Гитлера к власти. Он спокойно мог признать, что вначале сотрудничал с Гитлером, позже пришло протрезвление, а за ним — и полный разрыв с нацизмом. Так было бы убедительнее.

— Все это лишь укрепляет мою убежденность в том, что моя линия поведения верна. Свою часть вины я признаю без всяческих уверток, после чего заявлю, с какой целью я планировал покушение на Гитлера.

Шпеер вновь подчеркнул, что идет на это не ради спасения собственной шеи, а лишь стремится раскрыть немецкому народу глаза на вину Гитлера перед ним.

Потом мы коснулись Геринга.

— Он теперь опробует новый трюк. Он распространяет слухи о том, что ему якобы позволят снова выступить после того, как все обвиняемые закончат представлять свою защиту. Он горит желанием отплатить Шахту и Гизевиусу и уверяет всех, что Шахт еще пожалеет о том, что связался с ним, с Герингом. Разумеется, все это исключительно ради того, чтобы авансом нагнать на всех страху на тот случай, если кто-то еще вынашивает планы задеть его. Ведь нет такого нациста на скамье подсудимых, у которого не было бы на совести чего-нибудь такого, о чем он предпочел бы никогда не вспоминать. И Геринг прекрасно понимает, что они его убоятся, поскольку ему ничего не стоит утопить их. Все это опять-таки моральное давление на обвиняемых.

Что же касается мраморных надгробий для Геринга, думаю, ни мне, ни другому архитектору не придется корпеть над их проектами. Об этом позаботился Гизевиус со своими показаниями.

3 мая. Над Шахтом сгущаются тучи

Утреннее заседание. Во время перекрестного допроса Джексона Геринг вновь удостоился оценки «аморального преступника», и вновь всплыла его страсть к накопительству и его непомерное тщеславие. Всеобщее оживление — за исключением самого Геринга — вызвало описание одного из приемов, устроенных в свое время Герингом, на который бывший рейхсмаршал явился в римской тоге и в сандалиях,

как Нерон, вдобавок в гриме, с намянуторенными пальцами и подкрашенными помадой губами.

(Беспокойно заерзав на стуле, Геринг бормотал: «Здесь неуместно упоминать о таких вещах, даже если это и правда. И потом, это ему не поможет. Я понять не могу, к чему он приплел и это». Гесс снова блеюще рассмеялся, да и остальные обвиняемые с великим трудом удерживались от смеха. Геринг мрачно повторил свою угрозу насолить Шахту: «Будьте уверены — только подождите! Будьте уверены!»)

В ходе перекрестного допроса выяснилось, что Шахт действительно финансировал программу ремилитаризации; что он, хотя и не одобрял аншлюс Австрии и аннексию Чехословакии, тем не менее с готовностью взял под свою опеку банки этих стран. Кроме того, он произнес несколько торжественных речей во славу Гитлера. Оккупацию Польши, Норвегии, Голландии, Бельгии, Франции и ряда других стран Шахт однозначно охарактеризовал как акт агрессии.

В перерыве утреннего заседания многие из обвиняемых отметили, что перекрестные допросы вступили в новую фазу, теперь в ходе их суд стремился не только установить истинное положение дел, но и дать моральную оценку того или иного события. Папен выразил свое удовлетворение этим, хотя и ему самому наверняка предстоит ответить на неприятный для него вопрос о том, почему он поддерживал Гитлера, зная, что тот повинен в развязывании захватнической войны. Он не уточнил, каков будет его ответ на данный вопрос, однако дал понять, что считает вопрос некорректным. Он обратился к Шираху:

— Вот вас, к примеру, могут спросить: «Вы одобряли нападение на Польшу, Голландию и Бельгию? Нет! А почему вы в таком случае воспитывали молодое поколение так, что оно было за оккупацию Польши, Голландии и Бельгии?»

Ширах осуждал Шахта за то, что тот требовал лояльного отношения к режиму от чиновников своего министерства, причем это происходило как раз в тот период, который сам Шахт считает оппозиционным. Тут вмешался Розенберг.

— Он требовал *присяги на верность*! — *Присяги...* Ладно, он там боролся с Гитлером — пусть он боролся. А почему бы ему самому не отправиться к Гитлеру да не пристрелить его, невзирая на последствия?

Нет, легче подбить на это кого-нибудь еще, а самому остаться в стороне! Я ни на грош не верю тому, что к моменту аншлюса он был в оппозиции к Гитлеру. Когда он оказывал фюреру всемерную поддержку, тогда у него еще оставалась хоть капля совести. А теперь он, видите ли, умывает руки.

Далее в ходе перекрестного допроса Шахт показал себя самым настоящим буквоедом. Он утверждал, что Чехословакию союзники поднесли немцам на блюде с голубой каемкой, посему ни о какой там «аннексии» речи быть не может. Далее, он утверждал, что своими руками убил бы Гитлера, если бы только представилась подобная возможность.

(Заслышав это, Геринг грозно повернулся на скамье подсудимых, выпучился на Шахта и принялся качать головой, после чего, закрыв лицо руками, стал демонстрировать залу великое душевное потрясение, в которое повергли его эти слова Шахта, равносильные признанию в государственной измене.)

Обеденный перерыв. В отсеке для приема пищи, где расположились младшие обвиняемые, все сходились во мнении, что Шахт в утверждениях о своей невиновности и заявлениях о принадлежности к антигитлеровской оппозиции зашел слишком далеко. Ширах высказал мнение, что больше не верит Шахту и не испытывает к нему прежнего уважения. Что же касается его утверждения о том, что он демократ и никакой не антисемит, то, чем меньше он стал бы распространяться на эту тему, тем было бы лучше для него. Фриче охарактеризовал защитительную речь Шахта как «пропагандистское самоубийство».

Функ привел выражение Штресмана — «самое чистое в Шахте — его белый воротничок».

— Он толкал такие грандиозные речи, с таким упоением превозносил Гитлера, причем уже после всех его агрессий, — заметил Ширах. — Но главное для меня — то, что он своей выжидательной позицией доигрался до того, что угодил-таки в каталажку.

Шпеер был согласен со всем этим, но все же пытался вступить за Шахта, ограничившись, правда, всего лишь указанием на то, что Шахт был одним из тех, кто предпринимал хоть какие-то попытки

предотвратить грядущую катастрофу. На это Геринг лишь вяло махнул рукой, но опровергать ничего не стал, хотя, по сути, имел все основания расценить подобное высказывание как вызов себе.

В другом отсеке, по словам охранников, Кейтель с вздохом сообщил остальным обвиняемым:

— Думаю, они настроены прикончить и Шахта. Нет, быть сегодня немцем — хуже и не придумаешь.

Ему вторил и Заукель, считавший, что так повелось еще с 1920 года — с тех пор для несчастной Германии не было ни мгновения покоя. Франк, оторвавшись от газеты, заявил, что он в ужасе от того, как Россия грабит и обирает Германию. Потом разговор коснулся Второй мировой войны, и Кейтель заметил, что те, кто воевал в Испании, никакие не добровольцы, а насильно пригнанные туда.

Кое-кто из обвиняемых считал, что Джексон превзошел самого себя, разбираясь с Шахтом.

Тюрьма. Вечер

Камера Шахта. До сих непоколебимо убежденный в своей невинности Шахт желал знать, примет ли обвинение решения освободить его как лицо, пострадавшее от нацизма. Я напомнил ему, что подобное судом не предусматривалось. Чтобы окончательно убедиться в том, что Шахт не испытывал ни малейших угрызений совести по поводу своей поддержки Гитлера в первые годы после прихода его к власти, я указал на то, что в ходе допроса были получены неоспоримые доказательства его участия в продвижении Гитлера к вершине власти и в осуществлении программы ремилитаризации Германии.

— Но и другие государства вели себя так же, — протестовал Шахт. — Это ведь никакое не преступление, и меня обвиняют не в этом. Они могут обвинять меня в двуличии, в чем угодно. Но мне предъявлено обвинение в планировании захватнической войны. Доказательств моей вины нет... Они что же, хотят заставить меня сидеть здесь еще три месяца и выслушивать то, что ко мне никакого отношения не имеет?

Шахта явно позабавила реакция Геринга и других обвиняемых, и вообще создавалось впечатление, что нет такого средства, которое бы позволило сокрушить его уверенность в собственной правоте.

Камера Геринга. Геринг мучился головной болью и попросил меня обратиться к врачу-немцу с просьбой, чтобы тот дал ему таблетку от головной боли. Выглядел бывший рейхсмаршал удрученным и подавленным, не составляло труда понять, что причина его головной боли — Шахт.

— Этот дурак! Тьфу! Все время задевает меня, видимо, рассчитывает уберечь таким образом свою шкуру. Теперь вы видите, куда он забрался. Как я веду себя в своем собственном доме, никого не касается. Но мне все же казалось, что человек его ума никогда не опустится до таких средств. Между прочим, губы я не красил! Пусть сколько угодно сравнивает меня с Нероном или кем-нибудь еще, его дело. Но какая связь между этим и его защитой? Его дело сложности не представляет. К чему заходить так далеко?

Геринг, лежа на тюремной койке и бурча слова оправдания, мимикой старался убедить меня в том, что оскорблен до глубины души. Меня бы не удивило, если бы он вдруг разреvelся, как несправедливо наказанный ребенок.

— В общем, трудновато поверить, что вы с Шахтом закадычные друзья, — заметил я, чтобы разговорить его.

— Все так, но известно ли вам, что именно через него я и попал в промышленность? Он выдвинул мою кандидатуру на пост министра сырья и валютного контроля, благодаря чему я, в конце концов, стал уполномоченным по четырехлетнему плану. Естественно, я вынужден был разъяснить ему, что он будет получать необходимые распоряжения от меня, поскольку четырехлетний план включал и промышленность. Но истинной причиной его отстранения от должности были не мои с ним разногласия, а его расхождения по многим вопросам с министром сельского хозяйства Дарре.

Замолчав, Геринг несколько раз мигнул — у него явно болели глаза. И тут же вполголоса, будто про себя, продолжил:

— Такой дурень — когда люди начинают слишком уж дорожить своей шкурой, они выглядят нелепо. Его дело проще простого, к чему было вытаскивать все это?

Если задуматься об этом всерьез, — продолжал бывший рейхсмаршал, — то показания Шахта и Гизвиуса предоставляют великолепную возможность для возвеличения проигранной по милости изменников войны и насаждения легенды о мученической участи фюрера. Теперь мне понятно, почему поляки в 1939 году так нахально отвергали все наши требования. Эти изменники настропалили их на неуступчивость, вбив им в голову, что тогда в Германии грянет революция. Не заручись они поддержкой своей наглой позиции, нам бы удалось уладить все проблемы мирным путем, и никакой войны не понадобилось бы.

Пыхтя от возмущения, Геринг хмуро уставился в пространство — показания Шахта явно вывели бывшего рейхсмаршала из равновесия. Саботаж Шахтом войны, замышляемые им покушения на Гитлера — все это вызывало у него бурю негодования.

— Вы думаете, я смог бы поставить себя в такое положение, когда судья-иностранец задает мне вопрос, есть ли моя заслуга в том, что моя родина проиграла войну? Да по мне лучше подохнуть!

Мы еще некоторое время беседовали, однако Геринг старательно избегал всякого упоминания о своем участии в скандале с Бломбергом и Фричем, как и о своих попытках оказать давление на свидетелей.

Камера Шираха. Приговор Шираха Шахту:

— В моих глазах Шахт потерял лицо. Слишком многое мне о нем известно! Когда он тут рассказывает, каким непримиримым противником был, у меня это вызывает лишь улыбку, и я вспоминаю некоторые сцены, чтобы еще раз убедиться, что все было именно так. Например, помню один из приемов в рейхсканцелярии, на котором присутствовали и фрау Шахт, и моя супруга. Угадайте, что за бижутерия красовалась на груди его супруги? Огромная, усыпанная бриллиантами свастика — подарок мужа. Как же нелепо это смотрелось! Ни одна дама не позволила бы себе, идя на официальный прием, нацепить такое... Даже самые убежденные нацисты никогда бы не преподнесли в подарок своим женам подобную безвкусицу. Мы все смеялись над тем, что Шахту пришлось в голову корчить из себя сверхнаци. Потом его супруга, подойдя к Гитлеру, попросила у него автограф. Есть только одно объяснение, почему Шахт на этом приеме направил ее к Гитлеру — наш сверхнаци страстно желал быть

замеченным Гитлером.... И потом эти речи, в которых он восхвалял фюрера. Я не забыл их. И пусть он не пытается убедить меня, что, дескать, произносил их только для отвода глаз. Стоит только вспомнить подобные сцены или кадры хроники, когда он на Ангальтском вокзале встречает фюрера. А теперь на суде утверждает, что, мол, никогда не принадлежал к числу страстных почитателей Гитлера; всякому видно, что он лжет.

Я предложил Шираху вопрос: к каким доводам прибегнул бы Шахт, если бы Гитлер одержал в этой войне победу и Шахту пришлось бы отвечать за свое предательство. Ширах с величайшим удовольствием принялся импровизировать на тему предполагаемой защиты Шахта.

— Разумеется, он стал бы утверждать, к примеру, что-то в этом роде: «Как можете вы подозревать меня в подготовке какого-то путча против Гитлера? Я всегда был самым верным его сторонником! Только потому, что это утверждает Гизевиус? Так он — предатель, и никто с этим спорить не станет, изменщик, который в годы войны пособничал врагу. Вы что же, не помните кадры «Германского еженедельного обозрения», где я восторженно приветствую Гитлера? И прошу вас не забывать, что именно я позаботился о том, чтобы крупные промышленники выделили средства на его поддержку на выборах 1933 года. А векселя «Мефо»? Ведь ими мы профинансировали ремилитаризацию! Вы что же, считаете, что мы смогли бы выиграть эту войну, если бы среди вас не было меня? Ну а что до контактов с заграницей и польской кампанией — Боже мой, все только ради того, чтобы втянуть их в войну. Вы же помните мои речи в Праге и Вене после аншлюса! Как вы можете подвергать сомнению мою верность и любовь к нашему фюреру!»

Вот как звучала бы его защитительная речь.

Нет, нет, этот человек всегда ставил на двух лошадок. Мне кажется, его просто снедало тщеславие стать рейхспрезидентом. Ему это не удалось в годы Веймарской республики, и он решает попытать счастья при Гитлере. Но и при Гитлере не вышло, и тогда он ради достижения своей цели вступает в сговор с Герделером. Теперь я в нем разобрался — это беззастенчивый, прожженный тип, но на криминале его не поймаешь. Он и свои гешефты обстряпывал в таком же духе. Эти пресловутые векселя «Мефо», вполне вероятно, нечто такое, что и

любой другой банкир вполне смог организовать, но не стал бы из соображений приличия, поскольку эта затея дурно пахнет. Когда-то я уважал его и считал светлой головой, но не теперь.

Затем Ширах перешел к теме своей собственной защитительной речи; до сих пор ни у кого не хватало мужества признать, что антисемитизм и расовая политика — трагическое заблуждение. Он до сих пор считал, что германская молодежь только и ждет, чтобы экс-фюрер втолковал ей это. И даже мощной пропаганде союзников никогда до нее не достучаться, она поверит лишь ему, в прошлом антисемиту. Ширах рассматривал это как свою миссию.

Ознакомившись с материалами защиты Шпеера, Ширах окончательно и бесповоротно убедился, что Гитлер представлял собой демона-разрушителя, обманувшего немецкую молодежь. Он был убежден, что приказ Гитлера об уничтожении неполноценных остатков немецкого народа должен был подействовать отрезвляюще даже на отпетых нацистов.

Ширах раздумывал над тем, предоставят ли ему возможность обратиться к фюрерам немецкой молодежи, чтобы заявить им о своей страшной ошибке и готовности принять на себя ответственность за немецкую молодежь и ее предводителей. Я посоветовал ему мужественно и честно признать свою вину — независимо от того, что подумает или выскажет по этому поводу Геринг, поскольку это — лучшее, что он может сделать для своего народа, ибо любые новые попытки насаждать в Германии фанатизм исключительно вредны и опасны, так как ставят под угрозу сохранение мира во всем мире. Ширах горячо поддержал меня.

— Что же касается Геринга, — сказал он, — он человек великий; но увяз в средневековых представлениях, которые никак не вписываются в наше время. Это проблема особая. Но что касается меня, я всерьез задумываюсь о будущем немецкой молодежи.

4–5 мая. Тюрьма. Выходные дни

Камера Функа. Вот что о защите Шахта думал Функ:

— Я всегда был высокого мнения о Шахте, однако теперь вынужден был усомниться в его моральных качествах. Он отвечал за

переворужение. В этом нет и быть не может никаких сомнений. Не забывайте, он был министром по делам вооружений. Дело в том, что он невзирая ни на что преследует свою цель. Шахт каким был, таким и остался.

Камера Франка.

— По моему мнению, Шахт явно переборщил... Но то, что он сказал о Геринге, угодило в самую точку. Все было действительно так. Жестокий и насквозь коррумпированный тип... А Штрейхер — тот просто слабоумен. У него даже не хватило ума признать, что и он действительно внес ленту в преследование евреев. Сейчас пытается оправдать свой антисемитизм, несет эту околесицу, от которой волосы дыбом встают — он, мол, старался отыскать для евреев прибежище. Бог ты мой! Что за отвратительный субъект! Вы же видите — они все невиновны, один я виновен.

Попытки Штрейхера сослаться на Лютера, у которого он позаимствовал название для своей антисемитской книжонки, вызывали у Франка смех. Вообще попытки увидеть в Лютере первого нациста отнюдь не новы. Сам же Франк считал, что в этом, несомненно, присутствует доля правды, но с очень многими существенными оговорками. И чтобы убедить меня в объективности Лютера при рассмотрении истории церкви, Франк провел аналогию между нацистской иерархией и иерархией католической церкви. И та, и другая, по его мнению, формировались по принципу фюрерства, то есть авторитарной иерархии.

Франк полагал, что именно это в значительной степени повлияло на то, что немцы так трепетно воспринимают всякую иерархию. (Франк явно успел обсудить эту проблему с Зейсс-Инквартом, который пару недель назад излагал мне приблизительно то же самое.) Он силился доказать мне, что немецкий народ вот уже на протяжении многих столетий воспитывался в строгости и послушании. И поэтому он не верит, что немцы по достоинству оценят презрительные высказывания Шахта в адрес Гитлера и его заговорщические планы. Франк считал, что в глазах немцев Шахт — политический труп.

Камера Папена. Папен дипломатично поинтересовался у меня, каково мое мнение о защите Шахта, прежде чем ознакомить меня со

своей точкой зрения на этот счет. Я ответил, что Шахт хватил через край. После этого Папен разговорился. Он вспомнил, как Шахт, будто коммерсант, движимый желанием заключить сделку, в 1932 году явился к нему и без обиняков заявил, что ему, Папену, следует уступить место рейхсканцлера Гитлеру. Папен дал мне понять, что тогда Шахт посчитал его за оппортуниста, поставившего не на того. И хотя в первые годы Шахт во всем поддерживал Гитлера, Папен не сомневался, что после 1938 года он стал ярким его противником. Папен полагал, что в самом начале все говорило за то, что Гитлер действительно стремится преодолеть промышленный и политический кризис мирным путем. И нацизм, по его мнению, потерпел крах не вследствие промышленного планирования, а вследствие некомпетентности Гитлера, непонимания им важности международных связей, его твердолобого упрямства, не позволявшего ему прислушиваться к мнению своих послов в других странах.

Я спросил Папена, что он думает о расовых преследованиях и по какой причине даже он шел на нарушение прав человека. Папен объяснил мне, что одно неотделимо от другого. Я указал ему на то, что члены его правительства повинны в том, что, думая лишь о своих привилегиях, сознательно взирали на тот факт, что нацистские «нюрнбергские законы» попирали права человека, поинтересовавшись у него, как ему, человеку религиозному, удалось смириться с этим. Папен объяснил мне, что тогда был в Австрии и что его в тот период мало интересовали подобные вещи. Лишь после всегерманского погрома 1938 года у многих раскрылись глаза на то, что происходит. Но тогда было уже поздно что-то предпринимать. Страна уже находилась под всевластием гестапо. Папен не пояснил, почему соглашался занять в этом правительстве одну за другой посольские должности.

Камера Йодля. Йодль, разумеется, до сих пор не мог забыть высказанные в его адрес, как генерала, негативные замечания Шахта.

— Какие могут быть планы? Я, что же, должен был отправиться к генералам и потребовать от них: прикончите нашего верховного главнокомандующего, пойдите на государственное преступление, а если ваше покушение удастся, тогда я смогу занять неплохой пост в будущем правительстве — скажем, главы государства. Это неслыханное бесстыдство, просто ни в какие ворота не лезет... Я до

сих пор в себя прийти не могу от этого. По моему мнению, верность за деньги не приобретешь и не продашь, это не акции. Я бы не стал с распростертыми объятиями сперва встречать возвратившегося домой с победой главу государства (явный намек на кадры кинохроники, запечатлевшие встречу на Ангальтском вокзале), а потом всаживать ему в спину нож из-за того, что его акции упали или грозят упасть в цене. Такое могут позволить себе банкиры, но никак не офицеры!

— Значит, здесь, по-вашему, все же присутствует и моральная сторона? — спросил я.

— Несомненно. Из соображений морального порядка я могу чувствовать себя свободным от присяги на верность, но уж никак не из конъюнктурных. И, разумеется, я готов понять и признать, что исполнительности и верности могут быть поставлены определенные моральные пределы.

Мы продолжили разговор на эту тему, и Йодль заметил, что баварец в этом смысле способен проявить куда большую гибкость и свободу, нежели уроженец Пруссии, например Кейтель.

Йодль снова принялся рассказывать мне, как часто ему приходилось спорить с Гитлером из-за того, что он иногда медлил исполнить волю фюрера. Гитлер, по его мнению, продолжал Йодль, закрутил гайки потуже, заметив возле себя всегда готового услужить Кейтеля, которого ничего не стоило заставить исполнить то, чему он, Йодль, решительно воспротивился бы.

Беседа коснулась супруги Штрейхера, затем мы заговорили о роли и положении женщины в Германии. Йодль считал, что фрау Штрейхер слишком обаятельна и мила для такого законченного подонка, каким является ее супруг.

— Отсюда можно заключить, какие странные пути выбирает зачастую любовь.

Йодль сообщил мне, что немецкие женщины вообще весьма зависимы от своих мужей, эта тенденция наиболее сильна в Баварии и Австрии, где католичество сыграло роль в ограничении прав женщин. Там им не дозволяется даже иметь денежные средства без соответствующей подписи мужа, кроме того, существует ряд ограничений права наследования и другие. В противоположность им, уроженки Пруссии куда более властны. Нередко они даже делают внушение женам других офицеров за их поведение (в соответствии с

рангами, разумеется) и ревностно следят за посещением церкви, бывает, что влияют и на возможности продвижения по службе.

Камера Риббентропа. День ото дня Риббентроп выглядит все более взвинченным. Он мерил шагами камеру, садился, нервно пощелкивал пальцами, говоря со мной, сопровождал свои слова нелепыми гримасами. Я объяснял это новыми разоблачениями нацистских заправил показаниями Гизвиуса и защитительной речью Шахта.

— Я до сих пор не могу смириться с теми непостижимыми для меня вещами, о которых услышал. Будущее представляется мне таким безысходным — будущее Европы! Ах, если бы у меня не было детей! Сталин невероятно могущественный — он могущественнее Петра Первого! Я это знаю, сам видел! Я даже побывал на одном авиационном заводе, где выпускается столько самолетов, сколько на всех авиапредприятиях Германии. Мне кажется, именно поэтому Гитлер и решил напасть на него. От него исходила страшная опасность. Я стремился к политике примирения, но верю, что история разберется, что фюрер был прав. Русские — это ужасная сила и мощь. Вы еще в этом убедитесь. Но геноцид евреев — это же просто какой-то кошмар! Здесь моя верность заканчивается — эта жестокость уже ни в какие рамки не укладывается, какие тут могут оставаться сомнения. Но вопросы политики — об этом можно еще очень много говорить. Если бы мне только переговорить с несколькими трезвомыслящими американцами! Вы знаете, я никогда не был антисемитом. В этом вопросе я был убежденным противником Гитлера; но вы себе представить не можете, насколько упрям он был в этом вопросе. Из-за этого в 1941 году и случился этот наш спор — я вам не рассказывал? Когда с ним произошел приступ. Я тогда сказал ему, что неверно было всех евреев мира превращать в наших врагов. Это, по сути, означало еще одного противника: кроме Англии, Франции, России еще и мировое еврейство. Вот после этого с ним и произошел этот припадок. Я бился с ним в этом вопросе. Бог свидетель тому, я боролся, и как боролся. Тут уж требовалось не меньше мужества, чем... чем... ну, я не знаю... чем в десятке сражений лично участвовать или против атомной бомбы сражаться. Вот чего стоила попытка переубедить его в еврейском вопросе. Но я был против этой политики антисемитизма.

Его утверждение о том, что мировое еврейство развязало эту войну — вздор! Чистейший вздор! Мы с ним были из-за этого на ножах.

— Почему вы ни слова не сказали об этом на процессе?

— Да просто не мог вот так взять и начать нападать на фюрера — просто не мог, и все. Я не такой, как некоторые немцы. не хочу говорить ничего дурного о других обвиняемых, но не могу сказать, что был против него. Нет, я заявлю о том, что не мировое еврейство повинно в развязывании этой войны, такова моя точка зрения, и я изложу ее, но считаю невозможным для себя говорить о том, как сражался с фюрером по этому вопросу.

— Вы действительно с ним сражались?

— Ну, иногда, в тех или иных случаях я был солидарен с мнением нашего правительства. В конце концов, я сотрудничал в правительстве антисемитов. Но сам никогда им не был...

8 мая. Защита Дёница. Показания Дёница

Обеденный перерыв. Случаю было угодно, чтобы адмирал Дёниц в статусе преемника Гитлера ровно год назад в этот же день вел переговоры о капитуляции, а сегодня, в годовщину этой капитуляции давал показания у стойки свидетелей. За обедом я напомнил ему об этом, на что он сухо заметил:

— Поэтому я здесь и сижу... Но если бы мне пришлось снова оказаться в подобной же ситуации, я вряд ли мог поступить по-другому.

— Даже знай вы о том, что вам предстоит год спустя?

— О нет, с тех пор я поумнел на 100 тысяч лет. Я просто имел в виду, что, если принимать во внимание то, что знал и думал тогда, я в той ситуации просто не мог действовать по-иному.

Папен вычитал из газет, что де Голль отказался участвовать в правительственных торжествах по поводу дня Победы в Париже, заявив о том, что вместо этого собирается посетить могилу Клемансо. Я спросил Папена, как он расценивает такой жест.

— Этим он дал понять, что не желает иметь ничего общего с нынешним правительством социалистов, подчеркнув свое уважение к Клемансо, как символу французского национализма.

— Французского шовинизма! — поправил его Нейрат.

Эта фраза положила начало дискуссии, в которой Папен и Нейрат настаивали на том, что львиная доля ответственности за политическую ситуацию, позволившую Гитлеру прийти к власти и впоследствии начать Вторую мировую войну, лежит на Америке. И все из-за нежелания США вступить в Лигу Наций.

— Если бы ваша страна стала членом Лиги Наций, эта организация не превратилась бы в полицейское ведомство по контролю исполнения Версальского договора. Не было бы и Гитлера. И весь послевоенный период был бы отмечен совершенно иными тенденциями.

Оба мотивировали это тем, что голоса США вполне хватило бы для того, чтобы пересмотреть Версальский договор в пользу принятия варианта Вильсона. И в таких условиях дело никогда не дошло бы до Мюнхенского соглашения, и, что самое важное, этому выскочке Гитлеру ни за что бы не забраться на вершину власти.

Послеобеденное заседание.

В ходе послеобеденного заседания Дёниц в своей защитительной речи заявил, первое: он, будучи офицером, не имел полномочий решать, является ли война захватнической или же нет, а был обязан подчиняться приказам и распоряжениям свыше. Приказы на начало подводной войны отдавались адмиралом Редером. Дёниц заявил, что установка вооружений на торговых судах вынудила немцев атаковать эти суда без предварительного уведомления. Он зачитал и приказы британского Адмиралтейства, по его мнению, оправдывавшие действия немцев. Дёниц утверждал, что и британцы в той же степени нарушали правила ведения морской войны.

Тюрьма. Вечер

Камера Йодля. В тот вечер Йодль поведал мне о том, как 7 мая 1945 года подписывал капитуляцию с союзными державами в Реймес.

Он утверждал, что заявил начальнику штаба генерала Эйзенхауэра Беделлу Смиту, что он, Йодль, готов отдать приказ о том, чтобы солдаты не удерживали русский фронт в тех случаях, если видели для себя возможность сдаться в плен в американской или британской оккупационных зонах. В связи с заявленным им он попытался испросить четырехдневный срок, прежде чем подписанный им акт вступит в силу, чтобы он мог отдать соответствующий приказ об организованном отходе войск с Восточного фронта. Йодль утверждал, что данная просьба была отклонена Эйзенхауэром, и вместо четырех дней Йодль получил всего 48 часов. Затем шифровка с перечисленными в ней условиями переговоров была отправлена Дёницу. Один из полковников генерального штаба на американском танке был доставлен через зону боевых действий в Чехословакию для передачи приказа об отступлении частям Восточного фронта.

— Таким образом, я спас от русского плена 700 тысяч человек, но имей мы в запасе четыре дня, я мог бы спасти значительно больше.

Йодль, улыбнувшись, добавил, что русские и поныне не могут понять, как могло случиться такое, что все войска и самолеты, с которыми им приходилось сражаться, вдруг враз исчезли.

Камера Кейтеля. Кейтель заверил меня, что прекрасно помнит, какой сегодня день, как помнит и о том, что связано с подписанием акта о капитуляции, однако эти воспоминания особого удовольствия ему не доставляют. Главная причина неудовольствия Кейтеля — то, что капитуляцию подписывал не Гитлер, а он. Ведь именно ему, Гитлеру, следовало взять на себя ответственность за все, что произошло.

— Как я уже говорил Йодлю, Гитлер, если уж так рвался в верховные главнокомандующие, обязан был испить свою горькую чашу до дна. Ведь приказы нам отдавал лично он. И всегда повторял: «Я беру на себя ответственность за это!» А потом, когда действительно настало время взять на себя всю полноту ответственности, его не оказалось, и мы должны были расхлебывать все в одиночку... Это некорректно. Как солдат, он обязан был стоять до самого конца.

Внезапно Кейтель взъерился, и все фразы сопровождались темпераментной жестикуляцией.

— Он надул нас! Он не сказал нам всей правды! Это мое твердое убеждение, и никому меня не переубедить! И если даже он и не лгал

нам напрямую, все равно мы были вынуждены по его милости блуждать во мраке и сражаться за невесть что.

Я снова попытался вернуть тему верности. Однако Кейтель, как и прежде, был убежден, что ему, как офицеру, не оставалось ничего другого, как подчиняться своему верховному главнокомандующему. Он, по его словам, не принадлежал к числу тех политиков (намек на Шахта), которые, распинаясь о верности фюреру и чести, втайне плетут сети заговоров против него.

— Я сорок лет был честным и исполнительным солдатом, и для меня не существует ничего, кроме кодекса чести.

9 мая. Главное — подчиняться!

Утреннее заседание.

Дёниц, сославшись на то, что поскольку Германия со всех сторон была окружена врагами, любая попытка заговора могла расцениваться лишь, как угроза германскому государству, и (тут он бросил на Шахта взгляд искоса) каждый, кто отваживался на подобное, мог расцениваться лишь как изменник (при этих словах Геринг принялся энергично кивать, затем, подавшись вперед, тоже уставился на Шахта). Дёниц снова попытался оправдать отданные им приказы топить суда без предварительного оповещения и не прибегая к спасению оставшихся в живых членов команды и пассажиров, заявив о необходимости принимать во внимание условия ведения боевых действий. В завершение своей оправдательной речи Дёниц пояснил, почему не считал разумным сложить оружие раньше — в этом случае на Восточном фронте погибли бы миллионы людей.

Речь Дёница переместила противников Гитлера в центр всеобщего интереса. В перерыве Геринг, вскочив со стула, потирал руки. «Вот теперь я впервые за последних три недели чувствую себя действительно в своей тарелке! — заявил он к сведению присутствующих. — Вот теперь мы, в порядке исключения, слышали

слова истинного германского солдата. Это придаст мне силы, теперь я даже готов спокойно выслушать очередного изменника».

Фрику и Штрейхеру выступление Дёница понравилось. Даже Франк высказал мнение, что это была речь настоящего офицера; в конце концов, приказ есть приказ.

Шпеера задели откровения Дёница относительно заговоров и заговорщиков, равно как и ссылки на невозможность заключить мир раньше, что заставило бывшего министра по делам вооружений в резкой форме отозваться в адрес Франка, Фрика и Штрейхера.

— Ну конечно — приказ есть приказ. В том числе и тот, который направлен на истребление немецкого народа! Главное — подчиняться! И это все!

Ко мне обратился Франк:

— Я скажу, как солдат. Должен сказать, Дёниц оставил благоприятное впечатление. Я же говорил вам — немецкий народ никогда не одобрит измены.

— По-моему, обман народа куда опаснее вашей так называемой измены, — ответил я на это.

— Да, но разве солдат в силах что-то изменить? Политики — вот кто злоупотребил честью солдата. А солдату только и остается, что повиноваться.

Фрик выдвигал новые аргументы.

— Ну как, по-вашему, поступать тому, чья обязанность исполнять приказы?

— Если воля одного противостоит жизни миллионов людей, то, по моему мнению, из соображений морали как раз следует уничтожить диктатора, а не исполнять подобные приказы, если нет иного выхода.

— Моральное обязательство убивать? Весьма своеобразное обязательство, должен заметить. Это же преступление против общественного порядка.

— Так-так. Значит, устранить кровавого диктатора есть преступление против общественного порядка, а войны и уничтожение десятков миллионов людей в нацистской Германии всегда считались приемлемыми с точки зрения права.

Фрик пожал плечами.

— Ну, знаете, это нечто совершенно другое.

Входе перекрестного допроса сэром Максвеллом-Файфом Дёниц показал, что его не интересовал факт, было ли используемое на кораблях оружие произведено иностранными рабочими или нет. Единственное, что его действительно интересовало, так это объем производства вооружений. Сэру Дэвиду стоило немалых усилий склонить его к прямому ответу на вопрос, одобрял ли он расстрел пленных неприятельских диверсантов. Дёниц признал, что сейчас он его не одобряет. Но на вопрос, одобрял ли тогда, адмирал дал уклончивый ответ.

Тюрьма. Вечер

Камера Шпеера. Шпеер чувствовал себя глубоко задетым словами своего; fuga Дёница, заклеившего заговорщиков как изменников, тем более что Дёниц прекрасно помнил, что и Шпеер вынашивал планы устранения Гитлера. Я заметил, что в последнее время в Дёнице, если дело касалось принципиальных вопросов, все чаще пробуждался милитарист, что объяснялось соответствующим воспитанием.

— Вы верно подметили, — мрачно согласился Шпеер. — Независимо от своей порядочности они способны понять только одно — приказ есть приказ. И пусть себе гибнут люди, главное, чтобы они сами предстали перед всеми истинными героями... Черт бы их всех побрал! Но я все равно готов где угодно и перед кем угодно отстаивать свою точку зрения. Конечно, это будет непросто. Военным, тем куда легче. Только скажи: «Нам оставалось лишь повиноваться». И уже не надо пытаться себя вопросами о совести, морали и благе ближнего. Они не сомневаются в том, что многие, возможно, даже большинство, поддержат их, если они заявят о том, что, мол, строго выполняли приказы и ни на какое предательство не способны. Только так им остается строить свою защиту, что куда проще для них. Рассчитываю лишь на то, что у меня достанет твердости и решимости в самый критический момент. Можете не беспокоиться, я не из колеблющихся, как Франк или Ширах.

Я скажу все, что считаю необходимым, и лишь надеюсь, что не увязну в этом и сумею все достаточно толково изложить. Мне

приходится сражаться со своим адвокатом, чтобы тот смирился наконец с избранной мною формой защиты; он меня даже не раз предостерегал — мол, каждое признание есть лишнее оправдание строгости приговора. Но к чертям все, мне уже все едино! С января 1945 года я думал и действовал так, и не стану теперь из всех сил сражаться за пожизненный срок, чтобы потом весь остаток жизни корить и ненавидеть себя. На моих глазах моя страна впадала в беспросветное отчаяние, во имя одного безумца гибли и гибли миллионы людей, и теперь меня уже ничто не в силах переубедить!

Камера Дёница. Дёниц заявил, что рад, что ему наконец удалось внести порядок во множество мнений относительно этих, якобы имевших место на море зверств. У него сложилось впечатление, что присутствовавшие в зале представители военно-морских сил союзных держав полностью разделяли его мнение о том, что он вел войну на морс так, как вел бы любой на его месте.

Я спросил его, имел ли он в виду Шпеера, говоря об изменниках, замышлявших устранить Гитлера. Дёниц ответил, что лишь высказал точку зрения о том, что те, кто замышляет убийство, должны полностью отдавать себе отчет в том, что это делается действительно ради блага немецкого народа. И в этом смысле он не поддерживал, но и не обвинял Шпеера. Он спросил меня, как я оцениваю его защитительную речь, на что я ответил, что удивлен тем, что военные отчего-то не спешат хоть в чем-нибудь обвинить Гитлера, хотя прекрасно понимают, что он не кто иной, как убийца.

— Но суд даже не предоставил мне такой возможности сказать что-то дурное о Гитлере, — пытался подстраховать себя Дёниц. — Я как раз собрался кое-что сказать и на его счет, как меня прервали. Мне просто не дали сказать обо всем том злом, которое было в нем и с которым голыми руками я совладать не мог.

10 мая. Тотальная война под водой

Утреннее заседание.

Сэр Дэвид заставил Дёница признать некоторые факты, которые он ловко пытался обойти или и о которых предпочитал молчать на первых допросах: на предприятия по выпуску военно-морской техники им было привлечено 12 тысяч иностранных рабочих, но его мало интересовало, откуда они и как с ними обращались. Он вынужден был отдавать приказы на потопление не имевших на борту вооружения судов нейтральных государств в акваториях, где проходили боевые действия, что, по его мнению, диктовалось военной необходимостью. Он высказался против расторжения Женевской конвенции, заявляя при этом, что военно-морские силы имеют право прибегать к любым мерам, которые сочтут целесообразными.

Обеденный перерыв. Во время обеда Дёниц заявил мне, что, по его мнению, потопление судов в акваториях, где ведутся боевые действия, вполне оправдано — их предупреждали заранее, чтобы они держались от таких мест подальше. Даже Рузвельт, продолжал Дёниц, считал, что торговые суда, из экономических соображений входившие в зоны боевых действий, не имели права подвергать риску жизнь членов команды. В связи с этим он запретил американским судам входить в зоны боевых действий. Другие торговые суда, взявшие на себя риск, должны были предвидеть возможные последствия. Я попытался затронуть вопрос о моральной стороне такого равнодушия, однако нам так и не удалось прийти к единому мнению. Дёниц был твердо убежден, что любой военный моряк мира думает так же, как он. Что же касается ответственности за развязывание войны, то это, по мнению Дёница, вопрос чисто политический.

Послеобеденное заседание.

Сэр Дэвид завершил перекрестный допрос, заключив, что Дёниц выступал за оккупацию Испании по причине наличия в этой стране морских портов и активно поддерживал Гитлера во многих вопросах, касавшихся ведения войны любыми средствами.

Камера Дёница.

— Ну и что вы теперь скажете? Я доказал, что был на вашей стороне. Перед капитуляцией я весь свой флот отправил в западные акватории. Поэтому русские так расвирепели на меня. Я доказал, что друг Запада. И на суде заявил, что Германия — часть христианского Запада.

Затем Дёниц поведал мне, как один американский адмирал из числа присутствовавших на процессе прислал к моему адвокату своего адъютанта, чтобы тот сообщил ему мнение адмирала: по поводу ведения войны на морс к Дёницу никаких претензий быть не может.

— Я попросил Кранцбюлера, чтобы тот рассказал ему, что русские попытались захватить специалистов, разработавших новую подлодку, способную без единого всплытия обойти весь мир.

Я предупредил Дёница, что его линия поведения на процессе может быть истолкована как попытка столкнуть Запад с Востоком ради собственной выгоды. Дёниц ответил мне, что понимает это, и посему практически уже принял решение не обращаться к адвокату с просьбой рассказать об этом адъютанту адмирала.

— Вы должны ему об этом рассказать, — наседал на меня Дёниц. — Вы ведь обязаны это сделать. С самой капитуляции русские постоянно пытаются любыми средствами заполучить наших специалистов, имеющих отношение к подводной лодке «Х». Вы понимаете, почему? Да потому, что эта подлодка может совершить кругосветное путешествие без единой подзарядки аккумуляторов, кроме того, она неуязвима для любых видов вооружений — включая и атомную бомбу!

Он набросал мне эскиз этой подлодки, пояснив, что она сконструирована таким образом, чтобы, поднявшись до глубины 20 метров, быть способной, выпустив на поверхность специальную телескопическую трубу, осуществлять забор кислорода воздуха для дизелей, которые, в свою очередь, приводят в движение генератор подзарядки аккумуляторов. Ее напоминающая рыбу форма позволяет ей достичь скорости в «Х» миль в час, что делает ее самой быстрой из всех существующих подводных лодок.

— И если Сталин не поскупится, а он, как мне известно, в подобных вещах никогда не скупится, то для него построить пару тысяч таких субмарин — раз плюнуть. Тогда, считай, контроль над всеми морями и океанами у него в кармане. А что вы сделаете с подводной лодкой, которой нет необходимости всплывать? Тут вам и атомная бомба не поможет. Я вам предоставил эту информацию, и ваш долг оповестить о ней адмирала. Потому что полгода спустя я расскажу о том, что сообщил вам обо всем, вам ведь явно не хочется носить эту тайну в себе.

Что же, весьма ловкий маневр для того, кто считает себя настоящим солдатом и не упускает случая убедить в этом и других. Я заверил его, что непременно передам то, что услышал от него, в соответствующие структуры военной разведки, однако пусть он не рассчитывает на то, что мы заинтересованы в войне с русскими.

15 мая. Защита Редера. Золотые зубы в Рейхсбанке

Утреннее заседание.

Перед тем как начать собственно рассмотрение дела Редера, потребовалось ликвидировать кое-какие неясности в деле Функа.^[19]

Свидетель Пуль, дававший показания о захваченном СС золоте, подвергся допросу защитника Функа, что дало возможность доказать, что Функ не был информирован о том, что на хранилище в Рейхсбанке находились золотые зубные коронки, оправы для очков, обручальные кольца, изъятые у заключенных и снятые с жертв в концентрационных лагерях.

Затем свидетель Томе сообщил, что факт сдачи золота и других ценностей действительно имел место. Томе занимал в банке должность мелкого служащего и с наивным видом описал процесс переплавки зубных коронок. Но его словам, он своими глазами видел этикетки с названиями концентрационных лагерей Освенцим и Люблин, кроме того, Томе рассказал о хранившихся в Рейхсбанке ценностях и допрошенному перед ним свидетелю Пулю, однако при этом

подчеркнув, что не верит, что Рейхсбанк способен на нечистые дела. Томе считал, что хранившееся в Рейхсбанке золото обнаружено и изъято СС в ходе боевых действий, например в Варшаве, поскольку обнаруженное в ходе боевых действий золото всегда помещалось на хранение в Рейхсбанк. Пего заместитель, вице-президент Пуль знал об этом, что же касается его самого, то он ни к чему подобному отношения не имел.

Затем Редер начал свою защитительную речь заявлением, что Германия была вынуждена в обход Версальского договора наращивать военную мощь своего флота в связи с угрозой агрессии со стороны Польши. Необходимо было ввести в строй новые военные корабли и вооружить торговые и другие суда.

Тюрьма. Вечер.

Камера Йодля. Йодль не стал уделять внимания началу защитительной речи Редера, поскольку считал его не суть важным. По мнению Йодля, суд не собирался вникать в такие мелочи, как, например, сколько пушек или пулеметов установил на том или ином корабле его владелец. Зато Йодль всячески пытался подчеркнуть, насколько авторитет и мораль военных выше, чем у политиков, за которыми вскрываются все эти грязные махинации с запятнанным кровью золотом. Возможно, конечно, Функу и на самом деле не были известны детали хранения в Рейхсбанке золотых зубов. Тем не менее эта история — наглядный пример поведения нечистых на руку штатских. Естественно, вермахт сдавал все захваченное золото в Рейхсбанк, но в данном случае речь шла о «чистом» золоте, то есть том, которым завладел вермахт в ходе боевых действий, иными словами, о военном трофее. А золото из концлагерей — мерзость и вечный позор гитлеровского руководства.

— В крайнем случае, я могу понять, что можно было так возненавидеть этих людей, что умертвить их. Злоба иногда бывает настолько сильна, что, отправив их на тот свет, человек ничего кроме удовлетворения не испытывает. Но хладнокровно обирать покойников

— такого я понять не в состоянии. Мне действительно хотелось бы знать, кто же был инициатором всего этого. Наверняка Гитлер или Гиммлер — кто-нибудь из них.

Покачивая головой, Йодль мрачно уставился в пол камеры.

Я вновь поднял вопрос, как можно до сих пор руководствоваться таким понятием, как верность фюреру, естественно, имея в виду Геринга. По мнению Йодля, Геринг по самые уши увяз во всей этой грязи, и ему уже ничего больше не остается, как только попытаться скрыть свою вину за позой верности фюреру.

Камера Фриче. Фриче снова пребывал в отчаянии, заявив мне, что, скорее всего, до конца процесса не выдержит. Каждый новый день оборачивается для него новыми страданиями.

— Что с того, если с Функа сняли часть вины, состоявшей в том, что он знал о хранимом в Рейхсбанке золоте из концлагерей? Зато с Германии никто не снимал вины! Эта цепочка частичной ответственности, протянувшаяся через все правительственные структуры. Нет, больше я просто не в состоянии этого выносить.

Фриче упомянул о том, что ни у одного из обвиняемых не хватило мужества сказать всей правды и назвать суду главного виновника всего этого — Гитлера. Шахт попытался заявить нечто в этом роде, однако перегнул палку, и все перестали ему верить.

Мы коснулись темы расовой политики. Фриче считал, что теперь уже на века всем станет ясно, что расовые предрассудки равноценны замышляемому геноциду. И всякий, кто продолжает им следовать — есть духовный отец нарождающегося геноцида. Я напомнил ему о том, что большинству людей подобные умозаключения недоступны. Фриче никак не мог поверить в то, что до сих пор где-то еще могут существовать люди, способные хоть чуточку усомниться в справедливости его слов. На прощание он пообещал мне, что непременно вставит эту мысль в свою защитительную речь, если, конечно, выдержит до дня своей защиты.

16 мая. Показания Редера

Утреннее заседание.

Редер подтвердил, что Гитлер не желал состязаться с англичанами в том, что касалось создания военного флота, поэтому и заключил с ними в 1935 году договор о флоте, согласно которому тоннаж судов Германии и Англии должен бы составлять 3:1 в пользу Англии. Естественно, это было нарушением Версальского договора, причем обеими сторонами. Редер не отрицал, что Гитлер нарушил даже этот договор, превысив тоннаж своего военного флота.

Редер попытался оспорить агрессивные последствия, которые возымела речь Гитлера, на которую ссылался Хосбах, признав, что, поскольку присутствовал во время ее произнесения, помнит и все высказывания Гитлера.

17 мая. Дело «Атении»

Утреннее заседание.

Редер охарактеризовал планы оккупации Польши и Чехословакии, как чисто превентивные меры. Затем он признал факт «непреднамеренного» потопления судна «Атения», как и наличие составленного по указке Гитлера официального опровержения, хотя Гитлер был оповещен о потоплении. Редер заявил, что его возмутила опубликованная в «Фёлькишер беобахтер» статья, в которой Черчилль обвинялся в том, что из пропагандистских соображений потопил собственное судно. Редер заявил, что Фриче сообщил ему, что Гитлер приказал написать и опубликовать эту статью, из чего Редер мог понять, что речь идет о факте сознательной фальсификации правды Гитлером.

Обеденный перерыв. Когда обвиняемые поднимались в столовую, Геринг успел кое-что шепнуть Фриче. В свой отсек для приема пищи Фриче вошел взбешенным.

— Вы не слышали, что мне заявил Геринг? Вот что: «Как вы можете говорить Редеру подобные вещи о фюрере?» Да не будь вас поблизости, я бы ему сказал, кто он есть. Я бы ему сказал, что да, Гитлер *на самом деле* лгал в этом вопросе! И могу заявить об этом под

присягой! Я месяц радио не включал, я слышать не мог этих пропагандистских бредней по делу «Атении». Ведь и меня оклеветали!

Обвиняемые оживились, когда стало известно о новых попытках Геринга затушевать вину фюрера и заодно свою, поскольку в противном случае он — соучастник, не вызывало сомнений, что Геринг скорее готов был пойти на запугивание Редера и Фриче, нежели допустить, что кто-то во всеуслышание заявит об очередном «подвиге» Гитлера, которому Геринг продолжал хранить верность. Шпеер и Фриче решили вытащить на свет божий эту попытку склонить их к обману — немецкий народ обязан знать правду.

Послеобеденное заседание.

Редер продолжил свое выступление, охарактеризовав оккупацию Норвегии, как чисто превентивную меру — дать надлежащий урок англичанам. По словам Редера, Гитлер сумел внушить ему, что не вынашивает никаких агрессивных планов. Гитлер нарушил Версальский договор, приведя в качестве причин, побудивших его к этому, искаженные до неузнаваемости факты и пойдя на неприкрытый обман.

В конце допроса Редера Шахт выразил свое мнение так:

— Агрессивных войн не одобрял и был введен в заблуждение Гитлером. Однако агрессивные войны планировал и развязывал. Но попробуйте назовите его милитаристом!

18 мая. Отношение Редера к Гитлеру

Утреннее заседание.

Редер заявил для протокола, что вместе с Гитлером подталкивал Японию напасть на Сингапур, чтобы предотвратить вступление в войну США. Что же касается бомбардировки Пёрл-Харбора, то она оказалась для всех полной неожиданностью. Завершил Редер свои показания заявлением о том, что ему приходилось весьма нелегко

работать с Гитлером; в конце концов, единственным выходом из создавшегося положения мог стать его уход в отставку.

Редер дал понять, что хотя ему время от времени и удавалось настоять на своем, Гитлера он считал и считает человеком неразумным, с которым было просто невозможно работать.

(Сидевший на скамье подсудимых Дёниц, оставался безучастным. Затем вдруг выкрикнул одно-единственное слово: «Трус!»)

Тюрьма. Вечер

Камера Дёница. Я поинтересовался у Дёница, что он желал сказать своей репликой.

— Как я уже говорил вам, я терпеть не могу, когда люди превращаются во флюгер. Почему, черт побери, нельзя оставаться честным? Я прекрасно помню, как Редер рассуждал, когда был на флоте большим начальником, а я всего лишь подчиненным. Он тогда рассуждал по-другому, должен признаться. И мне просто невыносимо слышать, как они все теперь горазды убеждать всех, что, мол, *всегда* были против Гитлера. И у Шахта та же болезнь. Спору нет, сегодня нам известно куда больше, но нельзя же отрицать, что тогда мы все были за него. Вы понимаете меня? Вот поэтому у меня нет охоты нападать на Гитлера.

Камера Франка. Франк придерживался мнения, что процесс затягивается, что его высокая миссия постепенно оттесняется на задний план показаниями свидетелей.

— Конечно, все это придает мужества некоторым, кто пытается уберечь свою шею от петли, и чем дольше будет этот процесс, тем для них лучше.

Тем самым Франк давал мне понять, что и его «высокая миссия» позабыта всеми, и что он с мрачным злорадством взирает на царящую в мире неразбериху. Поэтому и затянул старую песню о русской угрозе, втихомолку торжествуя, что Америке приходится заниматься проблемами Европы.

Так наша беседа коснулась темы перемещенных лиц из числа поляков.

— Своих поляков я уж знаю. Закоренелые лентяи! Ха-ха-ха! (Смех Франк все более уподоблялся истерическому.) Четыреста тысяч их живут в Германии за счет ООН. В Польшу их не заманить. Да что им там делать? Они обеспечены питанием, работать их не заставляют. Твердят о том, что, мол, проклятые нацисты изгнали их со своей родины. А кто им мешает сейчас туда вернуться? А зачем? Жить за счет американской благотворительности куда проще! Америка богатая! Почему бы не воспользоваться этим? Ха-ха-ха! Вам еще всю Европу предстоит содержать! Ха-ха-ха! *Влезли вы по самые уши!* Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Напавшая на Франка истерическая смешинка заставила налиться кровью его физиономию. Распровавшись, я предпочел уйти.

19 мая. Убийца Гесс

Я нанес Гессу еще один визит, желая убедиться в наличии у него садистских наклонностей, о которых свидетельствовали результаты проведенного мною теста Роршаха. Я спросил его, не руководствовался ли Гиммлер при назначении его на должность коменданта Освенцима какими-нибудь особыми соображениями? Не повлияло ли на его решение прошлое? (В прошлом Гесс совершил убийство.)

— О нет, нет, — убеждал меня Гесс, — ничего подобного. Он вполне мог назначить на эту должность и любого другого офицера СС. Нас всех одинаково натаскивали беспрекословно исполнять любой приказ свыше. Я оказался на должности коменданта Освенцима чисто случайно, когда он решил превратить этот лагерь в базовый для уничтожения евреев. И мне ничего не оставалось, как только исполнять приказы. Каждый член СС действовал бы на моем месте так же. Как действовал Эйхман, которому было поручено исполнение всей этой программы уничтожения, как действовали командиры эйнзатцгрупп, Олендорф, например. Нам было впечатано в мозги повиноваться приказам, и что евреи — наши злейшие враги. Тогда нам это не казалось пропагандистскими измышлениями. Это вошло нам в плоть и кровь. Если Гитлер отдал приказ окончательно решить еврейский

вопрос так, а не иначе, ничего не оставалось, как повиноваться ему. Каждый член СС действовал бы так же.

Гесс был убежден, что если и повинен в убийствах, так оттого, что в СС убивали все; их всех учили убивать, не испытывая при этом угрызений совести.

20 мая. Сообщник Редер

Утреннее заседание.

Сэр Дэвид Макссуэлл-Файф в ходе перекрестного допроса вскрыл факт нарушения нацистами заключенного между Германией и Великобританией в 1935 году договора о флоте, целью которого было вынудить Германию ограничить производство подводных лодок. Редер смешался, когда ему было предложено подтвердить свое утверждение из сделанного им в Москве заявления, касавшееся Геринга. Редер заявил, что скандал с женитьбой Бломберга и надуманное обвинение Фрича в мужеложстве Геринг использовал в качестве повода для устранения соперников в верховном командовании вермахта. Это весьма неожиданное заявление Редера подтверждало показания Гизевиуса.

Редер, хоть и не сразу, однако вынужден был признать, что в тот период не сомневался в истинности выдвинутых против Фрича обвинений и понимал мотивы отставки Бломберга. Однако сэр Дэвид указал на то, что серия скандалов преследовала совершенно иную и неблагоприятную цель: устранить обоих главнокомандующих, как потенциальных противников развязывания агрессивной войны.

Затем сэр Дэвид напомнил Редеру некоторые из обстоятельств, которые могли помочь разгадать агрессивные замыслы Гитлера. Речь Гитлера от 5 ноября 1937 года, на которую ссылался свидетель Хосбах, была отвергнута Редером, как не могущая быть воспринята всерьез. О намерении Гитлера «разнести с куски Чехословакию» Редер

высказался следующим образом: «Он очень часто употреблял выражение «разнести в куски» в отношении чего угодно».

Речь Гитлера от 23 марта 1939 года (речь, на которую ссылался Шмундт) Редер назвал «чисто теоретической» дискуссией, где, по его мнению, не скупилась на «преувеличения». Затем обвинитель поинтересовался у бывшего адмирала, какое же значение имел приказ от 27 августа 1939 года о начале наступления на Польшу. Редер, потоптавшись, бросил обеспокоенный взгляд на часы, явно рассчитывая, что его, как не выучившего урок гимназиста, «от расправы спасет звонок», и принялся что-то невнятно лепетать о сноровке Гитлера избегать войн и о том, что он тогда все еще не верил, что дело дойдет до войны, даже имея на руках приказ Гитлера начать наступление на Польшу.

(Возвращаясь на свое место на скамье подсудимых, Редер казался не на шутку удрученным. Кейтель и Риббентроп попытались подбодрить его. Дениц никак не реагировал на его появление, сидя словно изваяние. «Да, все было именно так, — нервно произнес бывший адмирал. — Мне очень неприятно, что я вынужден был задеть Геринга, но все именно так и было».)

Обеденный перерыв. Шахта развеселило, что теперь Редер не желал подтверждать свое же высказывание о том, что главным инициатором нечистоплотных интриг против генерала Фрича был Геринг.

— Отчего люди так боятся сказать правду? Мне в высшей степени наплевать, что обо мне подумает Геринг. Он гнусный тип!

Нейрат нашел весьма показательной оценку, данную Редером, речи, на которую ссылался Хосбах.

— У меня совершенно иное мнение об этой речи, — заявил он. — Она отнюдь не носила «теоретический» характер, как сейчас это пытается изобразить Редер.

Папен поведал о том, что его больше всего тревожило в связи с нападением на Россию.

— Этот договор о ненападении с русскими — чистейший вздор! Они называли его договором о ненападении, а к нему еще имелся и

секретный протокол, в соответствии с которым они собирались поделить Польшу!

Внизу на скамье подсудимых, как мне сообщила охрана, Заукель вступился за Редера, когда тому поставили в вину факт его присутствия при произнесении Гитлером речи, на которую ссылался Хосбах. Заукель в этой связи напомнил Кейтелю, Риббентропу и Шираху, что все они присутствовали на том самом собрании гауляйтеров (Кейтель вспомнил, что это было 31 мая), когда Гитлер впервые заявил об искоренении евреев. Риббентроп, вспомнив об этом, произнес следующее:

— Да, если бы мы тогда ему возразили, нам пришлось бы куда хуже тех евреев.

Послеобеденное заседание.

Сэр Дэвид заставил Редера признать, что он, руководствуясь надуманными причинами, признавал атаки судов нейтральных государств в военное время, хотя это, по сути, являлось не чем иным, как пиратством. Кроме того, даже за шесть дней до нападения на Россию Редер выступал за атаку советских подводных лодок. Именно он был сторонником неограниченной подводной войны против британских кораблей и судов любых нейтральных государств, что же касалось соблюдения международного права, он признавал его лишь в тех случаях, когда это представлялось ему целесообразным. Редер попытался оправдаться, утверждая, что, мол, во время войны подобные меры вполне объяснимы.

Затем обвинитель от Советского Союза полковник Покровский поинтересовался у Редера его малозначительными разногласиями с Гитлером, которые, в конце концов, все же привели к его отставке. Редер заявил, что скорее был готов подать в отставку, нежели одобрить факт женитьбы одного из его офицеров на женщине из неподходящих кругов. Обвинитель Покровский желал знать, не могла ли его отставка иметь более серьезные причины, например, запланированное нападение на Советский Союз,

которое Редер не одобрял. Редер не готов был согласиться с этим — дело в том, что причина, указанная им в качестве первой, носила принципиальный характер. А решать, нападать на Россию или нет, не его ума дело.

Наконец, были приведены отрывки из заявления, представленного Редером в русском плену. В нем Геринг был подвергнут резкой критике, присутствовали и нелестные высказывания в адрес других лиц, в том числе Дёница и Кейтеля. Адвокат Редера выразил протест против зачтения данного заявления, и суд удалился на совещание для вынесения решения по данному протесту.

Тюрьма. Вечер

Камера Дёница. Свидетельские показания прошедшего дня окончательно расстроили Дёница, он был явно удручен утверждениями в свой адрес, содержащимися в московском заявлении Редера. Но в данный момент его интересовали показания, которые предстояло дать адмиралу Нимицу. Его поведение позволяло сделать вывод, что он придерживается мнения, что других непременно повесят, так что ему в принципе их мнение о нем должно быть безразлично.

Камера Редера. Редер, судя по его виду, еще не успел оправиться от волнения, вызванного перекрестным допросом, но был рад тому, что этот этап наконец остался позади. Этим и объяснялась его беспрецедентная за все полгода процесса словоохотливость. Он заявил мне, что, подписывая в Москве свое заявление, был уверен, что не будет привлечен к суду, как военный преступник. Русских он считал прекрасными людьми, но способными на беспардонную ложь по политическим мотивам. Редер признался, что в своем заявлении был довольно откровенен, а перед тем как подписать этот документ, поинтересовался, не представят ли его военным преступником, на что получил ответ, что, мол, ничего подобного не произойдет. Как бы то ни было, все, о чем он написал, правда, и коль некоторым она не по вкусу, ничего не поделаешь.

Редер никогда не сомневался в том, что нападать на Россию — безумная затея; у Германии были все возможности продолжать жить с русскими в мире. Они на самом деле весьма дружелюбные люди. И вполне естественно, что сейчас претендуют на то, чтобы командовать Европой, — неудивительно, на их долю столько всего выпало. Это будет означать и контроль над Средиземным морем, но вот только в морском деле они самые настоящие профаны.

(Мне вдруг вспомнилось, отчего Геринг в разговоре со мной хитровато заметил, что, мол, русские не допустят вынесения Редеру смертного приговора, видимо, желая таким образом намекнуть, что русские найдут Редеру более полезное применение. И Дёницу, вероятно, тоже было вполне ясно, что *его* судьба была в руках американцев, ему предстояло убедить их найти и *ему* более полезное применение. Чувствовалось, что начинается закулисная игра по срабатыванию Запада с Востоком, причем эти адмиралы даже сейчас, еще до подписания мирного договора после только что отгремевшей войны, решили для себя, на чьей стороне намерены сражаться в следующей.)

Редер между тем смирился с мыслью, что ему вынесут смертный приговор.

— У меня нет никаких иллюзий относительно исхода этого процесса. Разумеется, меня или повесят, или расстреляют. Я пытаюсь внушить себе, что меня все же расстреляют, во всяком случае, я намерен об этом ходатайствовать. В моем возрасте никакого срока уже не отсидеть полностью.

21 мая. Московское заявление Редера

Я запасся копией сделанного Редером в Москве заявления, которое по психологическим причинам внесло сумятицу в ряды бывших военных, пребывавших на скамье подсудимых. Именно поэтому Редер даже в разгар процесса не спешил высказывать свое мнение о других обвиняемых.

«Личность Геринга оказала разрушительное воздействие на участь германского рейха. Его отличительными чертами являлись непомерное тщеславие и честолубие, в сочетании с гипертрофированным чувством

собственной значимости, хвастовством, неискренностью, упрямством и эгоизмом. И Геринг всячески поощрял в себе вышеназванные черты, даже если это шло наперекор благу государства и его граждан. В своей ненасытной жадности и расточительстве, в своей совершенно чужеродной военному человеку изнеженности он воистину не имел себе равных.

По моему убеждению, Гитлер не мог не замечать всех этих порочных черт в Геринге, однако предпочитал использовать их в своих собственных, узкоэгоистических интересах, поручая ему одно задание за другим и преследуя при этом единственную цель — обезопасить себя от этого человека. Геринг, в свою очередь, ревностно внушал всем окружающим мысль о своей безраздельной преданности и верности своему фюреру, однако в своем отношении к нему нередко проявлял совершенно непостижимую бестактность и неотесанность, на что фюрер сознательно закрывал глаза.

Поначалу он пытался внушить мне, что его отношение к военно-морскому флоту пронизано чувством товарищеского участия и уважения; однако вскоре, пойдя на поводу у своего тщеславия, принялся алчно перенимать у военно-морского флота все ценное или попросту приворовывать у нас решения и идеи с целью последующего их внедрения во вверенных ему люфтваффе, нанося тем самым ущерб военно-морским силам и способствуя падению их авторитета.

Фюрер сознавал, насколько важным для него было сохранять ко мне хотя бы внешне уважительное отношение. Он понимал, что в определенных кругах германского народа, в тех, к мнению которых он привык прислушиваться, мне удалось снискать высокий авторитет и завоевать всеобщее доверие — в отличие от Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Геббельса, Гимmlера, Лея...

(О Дёнице). Наши с ним отношения можно охарактеризовать как весьма прохладные, поскольку мне явно не импонировала его манерность и некоторое отсутствие у него такта. Ошибки, совершенные им вследствие стремления настоять на своей личной точке зрения и хорошо известные офицерскому корпусу, не замедлили обернуться негативными последствиями для военно-морских сил.

Шпеер всегда стремился потакать тщеславию Дёница — и наоборот. В результате отдельные опробованные временем и положительно зарекомендовавшие себя в военно-морских силах

методы отвергались, с тем, чтобы в критический момент проторить путь иным методам и иным людям. Бросавшаяся в глаза склонность Дёница к участию в политической жизни доставляла ему, как командующему военно-морскими силами, немало хлопот. Его последнее выступление перед членами «гитлерюгенда», ставшее всеобщим посмешищем, обеспечило ему кличку «гитлерюгондовец Дёниц», что, естественно, вряд ли могло способствовать повышению его авторитета.

С другой стороны, Дёниц пользовался определенным доверием фюрера, ибо назначение его на должность главы гражданского управления северной Германии невозможно объяснить причинами иного толка. Его согласие принять этот пост, совместив его с должностью главнокомандующего военно-морскими силами, дает основания полагать, насколько мало его интересовали вопросы, относившиеся к сфере флота и насколько малосведущим главнокомандующим он был. Своим призывом сражаться до конца он не только поставил себя в нелепое положение, но и навредил флоту.

В данной связи необходимо упомянуть и о личности совершенно другого рода, также занимавшей весьма влиятельный пост и также крайне неблагоприятно повлиявшей на судьбу вермахта — начальнике ОКВ, генерал-фельдмаршале Кейтеле, человеке, отличавшемся несопоставимой со статусом офицера слабыхарактерностью; в конечном итоге именно благодаря ей он и удерживался на данном посту столь длительное время. Фюрер мог относиться к нему как угодно — и Кейтель сносил подобное отношение...»

Когда утром обвиняемые занимали места на скамье подсудимых, было отчетливо заметно, что московское заявление Редера, с которым они успели ознакомиться, смазывало благопристойный облик военных. Дёниц выглядел помрачневшим и не желал ни с кем разговаривать. (Геринг по причине легкого недомогания, к сожалению, пока что в зале не присутствовал.)

Кейтель сидел, выпрямившись, не говоря ни слова, он протянул своему защитнику записку, в которой просил его ни в коем случае не задавать Редеру вопросов, связанных с его негативными высказываниями. Охранникам удалось подслушать, как Ширах сказал Редеру, что отнюдь не собирается упрекать его за сказанное им в заявлении о Геринге. «Рейхсмаршал был в курсе всего происходившего

в Германии больше, чем кто-либо другой из сидящих сейчас на этой скамье. И хотя он признал большую часть своей ответственности, он повинен куда больше остальных на этой скамье». Это спонтанное высказывание Шираха, в недавнем прошлом почитателя героической фигуры бывшего рейхсмаршала, указывало на изменение его отношения к Герингу, даже если принять во внимание, что это говорилось в отсутствие последнего.

Утреннее заседание.

Вызывал споры вопрос, в полном ли объеме включить в протокол сделанное Редером в Москве заявление. Адвокат Редера возражал против зачитания заявления, в то время как полковник Покровский настаивал на этом.

(Пока спорили представители правосудия Йодль и Кейтель что-то возбужденно говорили своим защитникам. Йодль громко произнес: «Оставьте его!», а Кейтель сказал: «Нет!» Дёниц, насупившись, откинулся на спинку стула и молчал. Гесс заливался идиотским смехом и, будто король над шутами, от души потешался над почившим в бозе авторитетом военных. Риббентроп, перегнувшись через барьер, о чем-то бойко говорил с доктором Хорном. Адвокаты, сгрудившись, что-то активно обсуждали.)

Наконец, суд пришел к решению, что в зачитании заявления необходимости нет. Доктор Зимерс сразу же завершил повторный опрос Редера.

Обеденный перерыв. За обедом Кейтель дал волю своему недовольству по поводу письменного заявления Редера. Он считал невероятным, что Редер позволил себе высказаться в его адрес подобным образом, и со стороны судей было весьма тактичным не позволить огласить этот документ перед судом.

Дёниц пытался скрыть свое раздражение, заметив лишь, что с каждым днем он становится *мудрее*. Ощущая потребность в оправдании, он впервые за несколько недель заговорил с Шахтом, Нейратом и Папеном, как с *политиками*, и в разговоре с ними предположил, что на Редера в Москве, вероятно, оказывалось давление.

Скорее всего, Редер так и не понял, что он, Дёниц, стремился оттянуть срок капитуляции с единственной лишь целью — обеспечить немцам отход на запад, но уж никак не ради затягивания войны.

Йодль пояснил мне, почему он был бы не против оглашения этого документа. Он списал для себя фрагмент московского заявления, касавшийся непосредственно его самого, и прочел мне, подчеркнув, что даже Редер сумел понять, что он, Йодль, в отличие от Кейтеля, во взаимоотношениях с Гитлером неизменно проявлял твердость характера и нередко даже настаивал на своем.

Я показал Йодлю статью в «Старз энд страйнс», посвященную процессу в Дахау о расстреле 500 американских военнопленных на участке фронта под Мальмеди и на других участках. В этой статье приводилось высказывание Зеппа Дитриха. Он сообщил, что 6-я танковая армия СС получила приказ Гитлера «сражаться, позабыв о всякой человечности».

Йодль заявил, что считает абсолютно невозможным, что Зепп Дитрих мог получать или же отдавать приказы на расстрел военнопленных. Это сразу бы стало известно ему, Йодлю, или Рунштедту, а, узнав об этом, ни тот, ни другой, разумеется, ничего подобного не потерпели бы. Фактически на этом участке было взято в плен около 74 000 англо-американских солдат и офицеров (цифра явно преувеличена, причем во много раз!), что может служить лишним подтверждением тому, что такого приказа не было.

Йодль считал Зеппа Дитриха честным и порядочным солдатом, а гиммлеровские теории «нордического превосходства» вызывали у командующего 6-й танковой армией лишь смех. Кальтенбруннер тоже готов был вступить за СС. Йодль и Кальтенбруннер считали, что все дело в пресловутых монологах Гитлера, которые он имел обыкновение произносить в ставке ОКХ, в них фюрер неизменно призывал «позабыть о всякой пощаде врагу». Естественно, кое-что могло просочиться и до командующих низового уровня. И кое-кому из них захотелось блеснуть перед Гитлером, и они под свою личную ответственность отдали приказ о том, чтобы пленных не брать. Кальтенбруннер даже попытался воспроизвести эти призывы Гитлера: борьба с фанатичным упорством, вас ничто не должно сдерживать, жертвуйте собой ради фатерланда, покажите миру свое бесстрашие и решимость идти до конца и т. п.

Именно такими, по их мнению, были обстоятельства зверской расправы над американскими летчиками под Мальмеди.

Тюрьма. Вечер

Камера Дёница. Дёниц сокрушался по поводу московского заявления Редера. Переодеваясь в тюремную одежду, он жаловался мне:

— Повторяю вам без конца одно и то же. Я просто понять не могу, отчего тот, кто готов был пойти за Гитлером в огонь и в воду, вдруг пытается представить все совершенно в ином свете. Из его высказываний в мой адрес можно понять лишь одно: русские оказывали на него давление. Я ему сегодня утром сказал, что он ни в коем случае не должен был ничего писать. Я всегда избегал и слова написать или заявить нечто такое, что навредило бы кому-нибудь из нас... Он утверждает, что я превратил флот в посмешище, приняв руководство над северным участком; ведь каждому известно, что я вынужден был пойти на это из-за наличия на севере портов, без которых флоту никак не обойтись... Потом он обвиняет меня в проволочках, якобы допущенных мною при подписании капитуляции. Все это писано под давлением русских. Вероятно, ему захотелось произвести на них хорошее впечатление.

Я попытался выяснить некоторые детали его личного отношения к Редеру, но Дёниц на мои уловки не поддавался и лишь заявил, что они никогда не были друзьями — Редер на 16 лет старше его.

22 мая. Адмиралы

Обеденный перерыв. За обедом Дёниц не скрывал своей радости по поводу полученных им от адмирала Нимица ответов на некоторые свои вопросы.

— Знаете, что он сказал? Он уже на следующий день после Пёрл-Харбора распорядился о «неограниченном ведении войны» на всей акватории Тихого океана! Изумительный документ!

Сидевшие неподалеку Риббентроп с Редером также восторгались документом, который показал им Дёниц.

— Смотрите-ка, — не скрывал своего удовлетворения Редер, — «неограниченное ведение войны»! Победитель вправе позволить себе всё! Вот только побежденному воспрещается!

Риббентроп, судя по всему, замыслил сослаться на распоряжение Нимица для оправдания нарушения Мюнхенского соглашения.

— Вот вам, пожалуйста — «неограниченное ведение войны» на всей акватории Тихого океана, где Америке и делать нечего! А когда мы сделали своим протекторатом Богемию и Моравию, тысячу лет принадлежавшие нам, это, оказывается, агрессия!

— Если исходить из обстановки в целом, различие все же есть, — пояснил я. — Вами в Мюнхене было подписано соглашение, что вы претендуете лишь на Судетскую область, а нас в Тихом океане атаковали без предупреждения. Должно же быть, наконец, различие между нападением и обороной.

Риббентроп отказывался признать такое различие.

В отсеке для младших обвиняемых Шпеер в самом конце обеда, несмотря на очередную истерику Геринга, все же посоветовал Шираху не скрывать правды. Я успел услышать, как Ширах заверил его, что в своей защитительной речи будет придерживаться точки зрения Шпеера.

Тюрьма. Вечер

Камера Дёница. Я вошел в камеру Дёница, имея при себе копию московского заявления Редера.

— Вот, адмирал, взгляните на это, я уж и не знаю, можно ли мне дальше с вами общаться! Ваш начальник, судя по всему, весьма невысокого мнения о вас!

Ошарашенный Дёниц скрупулезно анализировал каждую фразу за — явления. И вышел из себя:

— Вы только посмотрите на это, капитан, это же ложь от начала до конца! Не забывайте, все это писалось пожилым, растерянным человеком, да еще в Москве, да еще вскоре после его попытки совершить самоубийство. Эта идея про меня и Шпеера. Знаете, почему он это написал? Из зависти — нам удалось существенно увеличить

производство подлодок, что ему при его устаревшем подходе не удавалось! Зависть! Я поинтересовался у него сегодня утром: «Что больше — 21 или 44?» Да именно благодаря кое-каким усовершенствованиям мы довели выпуск подводных лодок до 44 вместо прежних 21, которые выжимал он, да и то с великим трудом... А эта история с «гитлерюгендовцем»! Ложь, и ничего кроме лжи! Никто и никогда меня так не называл.

Поймите же, наконец, Редер — мучимый завистью старик, оскорбленный тем, что я не только сменил его на его посту, но и сумел сделать на нем больше, и вдобавок еще оказался во главе государства, хотя всегда был у него в подчинении. А там, где он утверждает, что я, мол, приказал войскам сражаться до конца — мы ведь уже говорили об этом! Это было сделано лишь с одной целью — убереечь два миллиона немцев от русского плена, кроме того, я успел заручиться поддержкой генералов Монтгомери и Эйзенхауэра. Я предупредил моего адвоката Кранцбюлера, чтобы тот не вздумал цитировать бредни этого выжившего из ума завистливого кретина...

Редер и сам сгорает от стыда, что мог написать такое. Он уже не одну неделю пытается изъять свое заявление из обращения, но об этом и рта не раскроет. Все надеется на то, что как-нибудь пройдет. А заявить открыто перед судом, что на него оказывали давление русские, этого он тоже не может — его семья до сих пор у них в руках. И все же как-то придется с ним общаться на скамье подсудимых. По крайней мере, в мои планы не входит доставить суду удовольствие, попытавшись раскроить ему череп. Если уж попал на эту скамью, то приходится мириться со всеми человеческими типажам. Достаточно вспомнить о двух антиподах — о Шахте и о Геринге. Но вы же видите эти пометки на полях документа, побывавшего у всех нас в руках: *ревность, задетое самолюбие, завистливые бредни*. Ну что взять, скажите на милость, с этого завистливого старого хрыча?

Я сказал, что, по-видимому, тема исчерпана, и мы, посмеявшись, поставили на ней точку. Дёниц вновь напомнил мне о том, что американский адмирал самого высокого мнения о нем. Мол, даже прислал к его защитнику своего адъютанта, чтобы тот передал Дёницу, что питает к нему самое высокое уважение.

Послеобеденное заседание.

Ширах начал свою защитительную речь с заявления о своей ответственности за воспитание немецкой молодежи. В приступе болезненного упоения своей образованностью, с которым ему так и не удалось справиться, он напыщенно заявил к сведению всех присутствующих, что, дескать, пропагандировал не один только национал-социализм, а Гёте, и заодно всю немецкую литературу. Судьям приходилось несколько раз прерывать его, напоминая о том, чтобы он говорил по существу. «Гитлерюгенд» Ширах силился представить некоей одержимой спортом бойскаутской организацией, ничего общего с военной подготовкой не имевшей. Тем не менее это отнюдь не помешало ей, с ведома Шираха, принять самое активное участие в погромах 1938 года. Перейдя к изложению вопроса по существу, Ширах поведал о своем пути к антисемитизму, не забыв упомянуть и о неизгладимом впечатлении, которое произвела на него книга американского автора «Еврей-космополит».

В ходе этого дня заседаний доктор Тома, адвокат Розенберга, заявил мне, что сыт по горло пронизанной ненавистью позицией своего подзащитного. По словам Тома, Розенберг изводит его своими бесконечными напоминаниями о необходимости доказать всем, что преследование евреев — дело правое. Например, упорно требует с него предъявить документ Потоцкого. «Я говорю ему: «Ради всего святого, Розенберг, вы требуете от меня, чтобы я вдолбил всем, что вы не одобряли программу уничтожения евреев, что вообще ничего о ней не знали, но, с другой стороны, вы требуете от меня предъявить суду документ, доказывающий, что уничтожение евреев — вполне оправданная мера!» Нет, он мне просто отвратителен!»

Я поинтересовался у Тома, а что, собственно, должен доказывать пресловутый документ Потоцкого. Он разъяснил мне, что речь идет о заявлении бывшего польского посла в США, в котором говорится, что евреи из окружения Рузвельта крайне враждебно относились к нацистской Германии. «Но если вы хотите знать, — продолжал Тома, — то такое заявление только на пользу самим евреям, они вовремя сумели разгадать всю гнусность национал-социализма,

повергшего Европу в хаос опустошения и осознают необходимость от него избавиться. Могу признаться: многие порядочные христиане и приняли эту войну только потому, что она ознаменовала конец национал-социализма».

Он рассказал мне, как сложно ему осуществлять защиту Розенберга, назвав его претенциозным язычником. Розенберг упорно ищет в истории оправдания войне и преследованию евреев, осыпая своего адвоката упреками, что, дескать, тот неправильно его защищает. Он не брезгует никакими средствами, чтобы уберечь свою шею от петли. «Ничего, пусть радуется, что я еще не стал предъявлять суду кое-какие его опусы, среди них есть и такие, что уже никто не сможет усомниться, что он злобный и непримиримый юдофоб. Я сумел отыскать документы, которые уничтожили бы его, и пусть он радуется, что я не стал предъявлять их суду.

24 мая. Ширах обвиняет Гитлера

Утреннее заседание.

Ширах говорил о своих антисемитских убеждениях; и он, и немецкая молодежь надеялись на решение «еврейского вопроса» мирным путем. Он не имел отношения к «нюрнбергским законам», а скорее считал данную проблему решенной, а сами «нюрнбергские законы» — излишними. Решать эту проблему — дело правительства, заявил Ширах, а что до немецкой молодежи, она вряд ли могла серьезно повлиять на это. *(Когда Ширах произнес эту фразу, Фрик бросил на него недобрый взгляд.)*

Что же касается иттрейхеровского «Штюмера», то это издание немецкая молодежь отвергала. (Злорадная усмешка Штрейхера.)

Ширах охарактеризовал погромы 1938 года, как урон культуре и преступление. И тут же выдвинул идею о том, что участь евреев была бы легче, если бы они поселились где-нибудь на Востоке. Он признал, что, будучи гауляйтером Вены, одобрил насильственный вывоз венских евреев, что

выразил поддержку этой акции в своей речи в Вене 15 сентября 1942 года. Вот что сказал Ширах: «Я произнес то, в чем сейчас искренне раскаиваюсь. Я морально поддержал данную акцию, руководствуясь ложными побуждениями хранить верность фюреру. Я пошел на это. И не могу этого отрицать». Говоря о своем разрыве с Гитлером, Ширах в качестве основания для этого привел серьезные разногласия по вопросам культуры и антисемитизм.

Затем Ширах заклеил антисемитизм и Гитлера. О показаниях Гесса и концентрационном лагере Освенцим он заявил следующее: «Это самый сатанинский и крупнейший по своим масштабам геноцид в мировой истории. Но в этом геноциде повинен не Гесс. Приказ исходил от Адольфа Гитлера, о чем тот и заявил в своем политическом завещании. Это завещание — подлинное. Мне пришлось держать в руках его фотокопию. Это преступление, совершенное им в сговоре с Гиммлером, навеки останется несмываемым пятном позора в нашей истории. Это преступление наполняет стыдом каждого немца». (Напряжение на скамье подсудимых стало почти осязаемым. Франк, Функ и Редер, вслушиваясь в слова Шираха, постоянно вытирали глаза. Смешки Штрейхера становились все злораднее.)

«...отныне я несу вину перед Богом, перед моим немецким народом за то, что воспитывал германскую молодежь для и во имя человека, которого на протяжении многих лет считал непогрешимым, как фюрера и главу государства, требуя того же и от своих воспитуемых. Я несу свою вину за то, что возвращал германскую молодежь для и во имя человека, который оказался убийцей миллионов... И, если на почве расовой ненависти и антисемитизма стало возможным появление Освенцима, тогда пусть тот же Освенцим ознаменует собой и конец расовой политики, и антисемитизма».

В перерыве заседания Розенберг попросил своего адвоката не задавать ему никаких вопросов. Тот предупредил Розенберга, что

впредь он уже не станет утверждать, что геноцид евреев можно каким-либо образом оправдать. Позиция Шираха воспринималась, как позиция человека, искренне, без уверток признавшего свою вину и обвинившего Гитлера в раздувании антисемитизма и геноциде. То, что Ширах, вопреки давлению на него Геринга, все же набрался мужества заявить на суде правду, произвело весьма глубокое впечатление на Фриче и Шпеера.

Я заметил, что упорное нежелание Геринга воспринимать данный процесс всерьез, достойно лишь сожаления. На что Шахт ответил:

— Что тут говорить! На эту толстокожую свинью ничего не действует!

Фриче и Шпеер энергичными кивками подтвердили свое согласие с мнением бывшего банкира.

Франк явно нервничал — осознание того, что кто-то, кроме него самого, претендует на искреннее раскаяние, лишало его покоя, и он поспешил осудить Шираха, считая, что не ему высказываться в подобном тоне о Гитлере. Я сказал ему, что весьма удивлен слышать такое *от него* — ведь *он сам* так часто и так откровенно честит Гитлера в наших с ним частных беседах, что я даже невольно задаю себе вопрос, а почему бы ему не заявить об этом у свидетельской стойки. Франк возразил мне, сославшись на то, что это, мол, чисто юридический вопрос, тут же добавив, что, стоя перед судьями, негоже пытаться брать на себя их роль.

Обеденный перерыв. Уже в конце утреннего заседания вопрос адвоката Розенберга способствовал прояснению еще одного, довольно любопытного факта: Ширах так и не прочел «Миф XX столетия» Розенберга. Автор опуса взъярился на своего адвоката за его якобы идиотский вопрос.

Когда обвиняемые направлялись наверх обедать, я опросил их всех на предмет выяснения, знаком ли кто-нибудь с трудом Розенберга «Миф XX столетия». Оказалось, что никто. У большинства название вызывало смех, лишь Штрейхер утверждал, что это, по его мнению, глубокое и серьезное исследование, однако, на его взгляд, слишком «заумное». Я попытался успокоить Розенберга, мол, не все, так не все.

— Я пишу книги, чтобы их читали! Кто тащил за язык этого дурака адвоката задавать такой вопрос? — кипел от ярости Розенберг.

В отсеке, где обедали младшие обвиняемые, все приветствовали признание Шираха, считая его победой над цинизмом Геринга и добрым делом для немецкого народа. Фриче, Функ и Шпеер от всей души поздравляли Шираха.

И сам Ширах явно возрадовался, став объектом всеобщего уважения.

— Ну, как мне кажется, легенде о Гитлере положен конец. Я сказал им, что завещание Гитлера — подлинное, что он тем самым сам признался в своих ужасных преступлениях, что действительно ненавидел всех венцев, что антисемитизм — преступление, а каждый, кто до сих пор не отказался от своих антисемитских убеждений — преступник. Это освободит германскую молодежь от конфликта совести.

Ширах прекрасно сознавал, что этим он обвинил и замешанный на ложной героике цинизм Геринга. Шпеер считал, что Шираху предстоит поставить и последнюю точку — вскрыть и то, что Гитлер стремился уничтожить немецкий народ. И, кроме того, признать, что не сумел сразу разгадать тщеславные замыслы Гитлера.

В отсеке пожилых обвиняемых Папен, Нейрат и Шахт единодушно разделяли позицию Шираха в отношении Гитлера.

— Он был величайшим из злодеев и убийц всех времен! — возмущенно воскликнул Папен. — А, поняв, что конец его не за горами, он заявляет, что неполноценные остатки немецкого народа лишили себя права на существование!

Я спросил у Дёница, не разделяет ли он эти чувства, и тот в ответ принялся торопливо уверять меня:

— Конечно, конечно!

После чего снова погрузился в молчание.

Штрейхер оставил выступление Шираха «без комментариев». Риббентроп усердно закрывался от меня газетой.

Послеобеденное заседание.

Обвинитель Додд в ходе перекрестного допроса доказал, что у Шираха были все основания для раскаяния. Обвинителем были вскрыты факты, неупомянутые Ширахом: к началу войны он горел желанием превратить немецкую

молодежь в «бойцов-патриотов». Боевой дух членов «гитлерюгенда» Ширах поднимал сочиненной им же песней, восхвалявшей милитаризм и антисемитизм. Бесчисленное множество членов этой молодежной организации упражнялись в стрельбе из малокалиберной винтовки и планерном спорте. Всеми средствами членов «гитлерюгенда» стремились отвратить от религии и церкви. В заключение стало известно и о договоренности Шираха с Гиммлером о рекрутировании из членов «гитлерюгенда» бойцов дивизии СС «Мертвая голова» (осуществлявшей среди прочего и охрану концентрационных лагерей), и что ему на стол поступали еженедельные сводки обо всех акциях геноцида, проводимых СС.

В конце судебного заседания Ширах вновь удостоился критики Франка, уже порицавшего его в тот же день с утра пораньше за резкий тон высказываний в адрес Гитлера. По мнению Франка, Ширах сознательно упустил весьма важные вопросы, имеющие самое непосредственное отношение к его, Шираха, вине. Фрик, как всегда, демонстрировал позицию приспособленца:

— Этот донос на самого себя ему все равно не поможет! Обвинитель все равно его доконает!

25–26 мая. Тюрьма. Выходные дни

Камера Шираха. Ширах был удовлетворен впечатлением, которое произвели признание им своей вины и высказавшие в адрес Гитлера обвинения. Он снова решил вернуться к теме своего разрыва с Гитлером, вновь указав на неблагодарность и вероломство Гитлера.

— Вообразите себе! Стоило мне только заикнуться о творимых жестокостях, как меня, стоявшего у создания этой молодежной организации, взяли и отстранили, да так, что я вынужден был опасаться за жизнь моих близких и свою собственную. И он еще советовался с Гиммлером, не отдать ли меня на съедение «народному суду». Вовсю нахваливая «гитлерюгенд», он уже раздумывал, как бы ликвидировать меня, когда во мне уже не будет нужды.

Ширах стал распространяться на тему скованности Гитлера в отношениях с женщинами. Он давно заметил, что в их присутствии Гитлер чувствовал себя явно не в своей тарелке, что выражалось в его преувеличенной обходительности и галантности. Он взял в привычку целовать руки дамам, как это было принято в светских кругах и как это кое-где до сих пор принято в среде офицерства.

— В наших кругах было принято целовать руки женщинам *замужним*. Я вполне допускаю, что я мог бы поцеловать руку супруге министра или офицера, но *никогда*, если это молодая девушка! Можете представить, как неловко мне становилось при виде того, как наш глава государства целовал руку какой-нибудь молодой, случайно представленной ему девчонке! Он представления не имел о нормах этикета, о том, что допустимо, а что — нет. Он был невоспитанным выскочкой.

Сославшись на свою супругу, Ширах поведал мне, что отношения Гитлера и Евы Браун не были обычными, нормальными отношениями мужчины и женщины, да и ему самому не раз бросалась в глаза искусственность, присущая этой паре. Ширах отказывался верить, что между ними существовали интимные отношения. Ему казалось, что Ева Браун служила некоей куклой-марионеткой для создания видимости нормальных отношений.

Мы заговорили о том, какое воздействие на немецкую молодежь могло оказать выдвинутое Ширахом в адрес Гитлера обвинение. Ширах не сомневался, что его взгляды непременно получат поддержку в среде немецкой молодежи. Это превратилось у него в своего рода манию. Он тем самым рассчитывал хотя бы частично загладить свою вину за неблагоприятные деяния. Он передал мне сделанные его рукой записи своих показаний и попросил меня показать их свидетелям Хёпкену и Висхоферу. Ширах считал, что эти экс-фюреры гитлеровской молодежи, прочитав это заявление Шираха, убедившись, что их бывший шеф искренне раскаивается во всем содеянном, распространят эти записи в массах немецкой молодежи.

Я пообещал ему выполнить его просьбу.

Помещение для свидетелей. Я передал заявление Шираха, в котором он обвиняет антисемитизм и Гитлера, предавшего немецкую молодежь, указанным свидетелям из числа бывших предводителей

«гитлерюгеида». Документ Шираха произвел на них впечатление. По их словам, в этом документе содержится именно то, что испытывают они сами. Они были убеждены, что данное заявление благотворно подействует на сотни тысяч молодых людей, для которых Ширах по-прежнему остается истинным авторитетным лидером. Сила этого документа в том, что Ширах признает в нем, что длительное время, будучи соратником Гитлера, сам исповедовал антисемитские взгляды, как и все они, однако нашел силы фундаментально изменить свое мировоззрение, придя к убеждению, что проводимая Гитлером политика сеет лишь смерть и разрушение. Хёпкен и Висхофер попросили разрешения сделать копии данного документа, чтобы с ними имели возможность ознакомиться и другие бывшие предводители «гитлерюгеида».

Позже у меня состоялся разговор с 31-летним Фрицем Висхофером, бывшим фюрером «гитлерюгенда» Австрии. Он повторил мне, что обрадован и вдохновлен заявлением Шираха и теперь считает своим долгом распространить среди немецкой молодежи это обвинение нацизма и антисемитизма. Немецкая молодежь, убеждал он меня, пребывает сейчас в глубоком отчаянии, она совершенно дезориентирована, поэтому силу слов бывшего ее предводителя трудно переоценить.

— А как обстоят дела в *вашей* стране? — спросил он. — Я поражен, что кое-кто из американских офицеров даже сейчас не считают необходимым скрывать свои антисемитские взгляды. Неужели мир так и не сумел извлечь для себя урок, даже имея перед глазами такой впечатляющий пример, как Германия? Как вообще до сих пор могут существовать антисемиты, после того что произошло в Германии? Конечно, многие скажут, что они, мол, не знают, где и в чем искать корни расовых предрассудков. Да, но *теперь*? После того, что Ширах рассказал об Освенциме? Немецкая молодежь, вне всякого сомнения, получила свой меморандум. Они пишет абсолютно правильные слова: «То, что Гитлер *сделал с еврейским и немецким народами*». Невзгода заставили нас понять, откуда берутся расовые предрассудки. Но неужели весь остальной мир так и не удосужился этого попятить?

Камера Шираха. Вернувшись в камеру Шираха, я рассказал ему о том, что его обращение весьма положительно было воспринято обоими бывшими фюрерами немецкой молодежи.

— Вот видите! — не скрывал радости Ширах. — Я был уверен, что наши мнения совпадут! Знаете, что сказал мне один из обвиняемых, когда я после своего выступления вернулся на скамью подсудимых? Он сказал мне, что немецкая молодежь не поверит мне, потому что продолжает верить в Гитлера и сочтет меня изменником. Я ему на это ответил, что знаю свою немецкую молодежь куда лучше его и остальных, не скупившихся на высокие слова. А Розенбергу я сказал вот что: «Если вы думаете, что немецкая молодежь до самого конца продолжала верить Гитлеру, то вы глубоко заблуждаетесь. Не забывайте, я принадлежу к тому поколению, которое отправили на фронт, вы же, сидя дома, строчили свои прилизанные идеологические речи. Те, кто детьми считал Гитлера великим человеком, пробыв от двух до шести лет на фронте, уже таковым его не считали. Они достаточно насмотрелись, как гибли их товарищи; их самих после полученных ими ран отправляли домой, но лишь для того, чтобы подлечиться, а йотом снова на фронт! Конечно, они до самого конца оставались послушными, но у них похитили юность, вот что я вам скажу!»

Ширах был убежден, что сделанное им заявление высвобождает его из-под моральной опеки Гитлера и что американцы, если они достаточно сметливы, непременно извлекут из этого огромную выгоду для себя.

— По-видимому, американцу это может показаться странным, как это целое поколение могло попасть под влияние Гитлера. Все оттого, что в немцах всегда воспитывался дух подчинения своему фюреру; в будущем это вполне может возыметь и положительные стороны; во всяком случае, это куда лучше, чем вот так свалиться как снег на голову и тут же начать рассуждать о демократии, в то время как другие еще не успели опомниться, а не то что с ходу поверить в очередную идею...

И патетически добавил:

— Ну, вот теперь я сказал все, теперь можно считать свою жизнь завершенной. Надеюсь, мир поймет, что я действовал лишь из добрых побуждений.

Я ответил на это, что, учитывая сделанное им признание своей вины, весьма удивлен тем, что он подвергает сомнению полученные в ходе перекрестного допроса Доддом многочисленные доказательства. Я дал Шираху понять, что вижу, как до сих пор на формирование его точки зрения заметное влияние продолжает оказывать его эгоизм, хотя ему никак не откажешь в искренности. Я уверил его в том, что его позиция вызывает у меня несравненно больше уважения, чем, скажем, лицемерное позерство Геринга. Ширах предпочел не углубляться в эту тему, сказав лишь:

— Конечно! Я отлично понимаю, что моя точка зрения найдет одобрение у немецкой молодежи, в особенности у матерей моего народа, и те скажут: «Он хоть что-то сделал для того, чтобы указать моему мальчику способ избавиться от этой всеобщей растерянности!» Конечно, я, будучи все же политиком, прекрасно это понимаю... Но я хотя бы стремлюсь уйти со сцены вежливо.

Он даже считал вполне возможным, что однажды немецкая молодежь воздвигнет памятник евреям, павшим жертвам безумца Гитлера.

— Разумеется, это всего лишь символ, но немецкая молодежь воспитана на символах и мыслит символами.

Камера Розенберга. Розенберга обозлило, что Ширах оценил оказанное им, Розенбергом, влияние на него как малозначительное. Розенберг утверждал, что никого не принуждал читать «Миф XX века», но удивился, узнав, что с этой книгой знакомо столько людей, причем из самых разных социальных прослоек. Я поинтересовался у него, что он думает по поводу осуждения Ширахом антисемитизма. Розенберг ответил, что, мол, сейчас, когда геноцид евреев стал общеизвестным фактом, только лентяй не осуждает антисемитизм. Что же до расовой идеологии, доказывал он, то она на протяжении многих столетий существовала в очень многих странах.

— А в Германии вдруг перешла в разряд преступлений, и только потому, что немцы воплотили ее в жизнь!

Я вновь спросил у него, не вдаваясь в причины его прежних взглядов и верований, не признает ли он всю опасность расовых предрассудков и разве не прав Ширах, утверждая, что каждый, кто до

сих нор, после геноцида Освенцима, продолжает цепляться за них — преступник.

Розенбергу очень не хотелось с этим соглашаться, и он куда охотнее ударился в отыскание исторических параллелей. Католическая церковь тоже исповедует фанатичную идеологию, вот поэтому-то внешняя политика Польши на протяжении последних 150 лет была направлена против Германии. Мартин Лютер исповедовал антикатолическую идеологию, и вполне оправдано, если судить по тем временам, однако, в конце концов, все закончилось кровопролитной Тридцатилетней войной. Духовные отцы идеологических течений за последствия этих учений ответственности не несут. В заключение я задал ему еще один вопрос: не согласится ли он со мной, что *все* замешанные на фанатизме идеологии одинаково опасны и что человечество окажется перед необходимостью признать, что здравый смысл и терпимость необходимы ему, просто чтобы уцелеть на этой планете. Розенберг заявил, что теоретически такой эмоциональный порыв вполне достоин похвалы, однако ему не выдержать испытания практикой. Наш мир кишит расами, национальностями, и борьба их между собой — неотъемлемая часть природы человека! Англо-американский, или, точнее, американо-английский народ играет в мире ведущую роль. И он обязан позаботиться о ее сохранении, в противном случае мир придется отдать на закланье русским!

Что касалось ООН, то Розенберг отводил этой организации роль лишь инструмента в руках тех, кто борется за мировое господство. От «принципа фюрерства» не уйти. Впрочем, Америке самой еще предстоит разбираться с расовой проблемой, как многократно и оптимистически повторил Розенберг...

Камера Геринга. Геринг продолжал сидеть в своей камере, сетуя на изменников и ишиас. По мнению майора Гольдензона, осмотревшего Геринга, бывший рейхсмаршал весьма удачно использовал свой недуг в качестве средства, позволившего ему не присутствовать в зале заседаний, избавив себя, таким образом, от выслушивания показаний Редера и Шираха, которые доставили бы ему мало удовольствия. Служителя культа, психиатра и меня, психолога, участвовавших в ежедневном обходе камер обвиняемых, Геринг поставил в известность

о том, что он, мол, давно знал о существовании сделанного в Москве заявления Редера, как и о намерениях Шираха.

Даже в условиях строгой изоляции он никак не мог избавиться от своей привычки сталкивать людей лбами, стремясь извлечь из этого выгоду для себя. Он чернил психолога в беседе с психиатром, католического священника, общаясь с протестантским пастором, и наоборот. Мы с майором Гольдензоном считали, что Геринг так и не избавился от своего пагубного пристрастия к наркотикам, хоть и не получал их. Также мы пришли к заключению, что Геринг, будучи человеком лабильным, вынужден был прибегать к сильнодействующим средствам ради бегства от донимавших его сомнений. Пастор Тереке уже оставил бесплодные попытки внушить хоть каплю богобоязненности в этого самонадеянного язычника.

27 мая. Ответственность Шираха

Утреннее заседание.

Обвинитель Додд вынудил Шираха признать, что он, никогда не упускавший случая заявить о своем почитании культуры, обратился к Борману с инициативой подвергнуть бомбардировке один из культурных центров Великобритании и полностью очистить Вену от проживавших там чехов, объявив все это акцией возмездия за убийство Гейдриха. Далее, Ширах признал, что совместно с Гиммлером и Франком принимал участие в насильственной эвакуации из Вены в Польшу 50 тысяч евреев. Министр Франк выразил протест против данной акции, мотивировав это тем, что в Польше этих евреев негде разместить. Входе судебного заседания выяснилось, что именно Ширах отвечал в рейхе за трудовую повинность немецкой молодежи. При рассмотрении некоторых других вопросов Ширах попытался отрицать свою причастность, например, в вопросе эксплуатации 10–14-летних детей-иностранцев на предприятиях военной промышленности. Ширах отрицал, что прочитывал поступающие к нему отчеты о ходе

уничтожения евреев и партизан на оккупированных восточных территориях.

В перерыве ко мне обратился Шахт:

— «Министр Франк выразил протест» — вы слышали эту фразу? Понимаете, что я имею в виду? Похоже, он не такой уж и безвинный и всеми преданный, как это могло показаться в пятницу, как вы считаете? Не забывайте, какими бы напыщенными ни были все эти речения, они ничуть не способны преуменьшить вину!

Я позволил себе заметить о совершенно диких способах, к которым прибегали нацисты для насильственного перемещения многих десятков тысяч человек, будто речь шла о поголовье скота, но никак не о людях, что вызвало бурю возмущения у Франка и Зейсс-Инкварта. Мол, русские действовали точно так же. Но американцы, конечно же, им все прощают.

В ходе перекрестного допроса советским обвинителем генералом Александровым Ширах заявил, что во вверенном ему «гитлерюгенде» не уделялось столько времени начальной военной подготовке, как в соответствующих молодежных организациях Советского Союза.

(Франк смеялся чуть ли не до слёз.)

Тюрьма. Вечер

Камера Франка. Франк заявил мне в тот вечер о своем отношении к защитительной речи Ширах.

— Удивляетесь, что я в пятницу раскритиковал Ширах? Думаете, Франк сегодня думает о Гитлере одно, а завтра другое? Но все не так просто. Я знаю ситуацию и понял, что Ширах попытается облегчить себе защиту, охотно признавая одно за другим выдвинутые против него обвинения. Вы заметили, как на перекрестном вопросе наружу полезла вся эта грязюка? Именно этого я и ожидал! Он стремился всем внушить, что он, дескать, невинный *мальчуган*. И вел себя так, будто за Освенцим должен нести ответ Генри Форд! Не вышло... Я помню, как он льнул к Гитлеру, как боялся упасть в его глазах. Как вы думаете,

почему он отстучал эту телеграмму Борману, в которой предложил разбомбить город в Англии? Да потому, что боялся упасть в глазах Гитлера, боялся, что Борман станет высмеивать его, назовет слабаком. Поэтому и решил проявить инициативу.

Как я взбесился, узнав об этом! Я-то рассчитывал, что мы всегда сможем ткнуть носом союзные державы в руины наших городов — вот, полюбуйтесь, что вы натворили! Ротенбург, и тот в развалинах! И тут это! А теперь нам ничего не остается, как молчать в тряпочку. Я чувствовал, что во всем этом его театрализованном признании есть гнильца. Естественно, в плане пропаганды — куда там! Очень действительно! Но не забывайте, что и он был частью системы, и если уж ты действительно пожелал признать свою вину, так признавай все без остатка! А то вот здесь мы свою ответственность признаем — моральную! А вот там от признания уголовной — увильнем.

Камера Риббентропа. Риббентропа приводили в ужас высказывания Шираха в адрес фюрера. Я позволил себе спросить, лгал Ширах или же говорил правду.

— Гм, не знаю, но то, каким тоном это говорилось... Нельзя же просто так фиксировать вину на ком-то.

По-видимому, он хотел меня убедить, что нельзя просто сказать — Гитлер виновен, Риббентроп виновен — виновны в подготовке и развязывании захватнической войны. Все, оказывается, куда сложнее. Невилл Гендерсон обвинил Риббентропа в том, что тот играл роль Талейрана и убеждал Гитлера в том, что эти балансирующие на грани упадка британцы отпора дать не смогу. И вдруг Риббентроп, призвав на помощь все свое красноречие, принялся всех убеждать, что, дескать, указывал Гитлеру на то, что, если «мы после нарушения нами Мюнхенского соглашения и дальше будем продолжать в том же духе, британцы возьмутся за оружие». (Все это происходило уже после того, как Риббентроп прожужжал мне уши, внушая, что Германия никогда не нарушала Мюнхенского соглашения, что не имелось ни малейших оснований опасаться, что британцы станут воевать из-за минимальных и вполне оправданных территориальных претензий, предъявленных ею к Польше.)

Камера Деница. Я предъявил Дёницу заголовок одной из немецких газет, сообщавший, что Ширах заклеил Гитлера, как убийцу. Адмирал согласился с таким утверждением, но все же считал, что Ширах попытался затушевать слишком многое, в первую очередь воспитание гитлеровской молодежи в антихристианском духе.

— С этими экс-фюрерами вечно одно и то же. Они заварили всю эту кашу, а мы, солдаты, которые только исполняли свой долг, остаемся в дураках. Взять хотя бы вопрос христианства и немецкой молодежи. Я воспитал своих детей добрыми христианами. Я крестил их, они приняли и конфирмацию. Оба моих сына, которых я потерял на войне, были добрыми христианами и хорошими солдатами. Я тоже был хорошим солдатом, и ваши адмиралы были ими. Мы все из одного теста. Мои дети приняли крещение, но несмотря на это, оказались в «гитлерюгенде», в организации подчеркнуто антихристианской. В этом я не сомневаюсь! И возмущен этим. Но с этими политиками вечно одно и то же.

Поймите, я не стремлюсь обвинить Шираха особо. Но возьмите Фрика. Он самый старый из всех нацистов на этой скамье подсудимых. Он двигал партию к власти, он усадил Гитлера в кресло рейхсканцлера. Мы, солдаты, исполняли наш воинский долг по отношению к нашему верховному главнокомандующему и главе государства. А Фрик теперь ищет лазейку!

Дёниц едва владел собой от охватившего его гнева и настолько убедительно жестикулировал, будто в его камере действительно имелась некая таинственная лазейка.

— Он до сих пор никак не может набраться смелости, встать и принять на себя ответственность за то, в чем участвовал. Вместо этого он, прибегнув к помощи этого Гизевиуса, старается изобразить себя чуть ли не противником нацизма. Но ведь кто-то привел Гитлера к власти! Кто-то развязал эту войну! И этот кто-то — они! Они замыслили все эти ужасные преступления, а теперь мы должны вместе с ними сидеть на этой скамье и разделять их ответственность за все! Среди тех, кто находится на этой скамье подсудимых две категории людей — солдаты и политики. Мы, солдаты, лишь исполняли свой долг, и я за это не получил ни пфеннига, за исключением причитавшегося мне жалованья, а политики, такие, как Ширах, Фрик и

т. д., регулярно получали и дорогостоящие презенты, и все, что душа ни пожелает.

Я любопытствовал у Дёница, к какой из вышеназванных категорий он относит Геринга, на что адмирал, не скрывая презрения, пояснил мне, что Геринг принадлежит к разложенцам-политикам.

Камера Фриче. Фриче снова был охвачен депрессией, причина которой состояла в том, что Ширах, оказывается, куда глубже увяз в преступной трясине, чем предполагалось. Попытки Шираха уйти от ответственности в связи с этими отчётами СС о творимом геноциде евреев, о расправах с партизанами на восточных территориях, его сознательное нежелание признать антирелигиозный характер «гитлерюгенда» все более убеждали Фриче в том, что в нацистской Германии действительно не оставалось ничего, что не основывалось бы на лжи и обмане. Он до сих пор не мог с определенностью сказать, сумеет ли выдержать, пока не начнут разбирать его дело.

Я указал на то, что признание Шираха и его обвинения в адрес нацизма и Гитлера весьма любопытны в пропагандистском плане, что разоблачения Шпеера также внесли существенный вклад в дело установления истины, и что из всего этого, вероятно, сможет извлечь определенную пользу для себя и он, если сумеет дать показания, не позабыв и о пропагандистской их направленности. В ответ на это Фриче вяло заверил меня, что, мол, по его мнению, абсолютно все равно, что он скажет.

Камера Шпеера. Критика, с которой Ширах обрушился на Гитлера, и рухнувший «единый фронт» Геринга явно способствовали подъему настроения Шпеера. По его словам, отныне они с Ширахом на «ты».

— Как же все изменилось с тех пор, когда Геринг присылал его ко мне с предостережениями, чтобы я, не дай Бог, не наговорил лишнего в адрес Гитлера. Я сегодня напомнил ему об этом. Тогда я ответил Шираху, чтобы Геринг со своей трепотней на темы героизма и верности убирался подальше; было бы лучше, если бы он проявил свой героизм во время войны и не побоялся брать на себя больше ответственности, а не стал бы накачивать себя разной дрянью, в то время как Германия шла навстречу гибели. В конце концов, Ширах

признал мою правоту — и вот теперь мы с ним на «ты». Ну, погодите, Геринга хватит удар!

1–2 июня. Эйхман

Камера Поля. Показав фильм о творимых в концлагерях зверствах, я среди зрителей обнаружил и обергруппенфюрера Поля, недавно арестованного начальника управления концентрационного лагеря.^[20] Сразу же после показа я направился в его камеру, желая узнать его мнение об увиденном им. Поль знал об ужасных условиях в концентрационных лагерях, но, по его словам, он никогда не думал, что все настолько ужасно, как в этом фильме.

Поль исполнял снабженческие функции, он знал, что поставки продовольствия были крайне ограниченными и постоянно урезались, и вряд ли могли спасти заключенных от голодной смерти. Однако предпринять что-либо существенное, как заявил Поль, он не имел возможности, кроме того, как обращаться с соответствующими просьбами к Гиммлеру. Поль собирался оставить лагерь наступавшему противнику. Вследствие эвакуации в тыловые районы Рейха погибло больше заключенных, чем от голода. Поль уверял меня, что не имел отношения к уничтожению евреев, хотя в Германии не было таких, кто об этом бы не знал. Такие вопросы к сфере его компетенции вообще не относились. За это несли ответственность Эйхман и Мюллер, работавшие под началом Кальтенбруннера.

Я сообщил ему, что Кальтенбруннер отрицает свою причастность к массовому уничтожению евреев, ссылаясь на то, что вместе с Мюллером работали Эйхман и Поль. В ответ на это Поль вежливо заверил меня, что Кальтенбруннер — лжец. Кальтенбруннер, будучи начальником РСХЛ, отвечал за всю подчиненную ему организацию. Поль был обязан обращаться лично к нему за санкцией даже в тех случаях, когда требовалось освободить кого-либо из концентрационного лагеря. Именно Кальтенбруннер был вторым после Гиммлера человеком в аппарате полиции безопасности.

— И у вас нет оснований обвинять меня в том, к чему я не имел отношения. Я занимался исключительно поставками продовольствия и вообще снабжением.

— Но вы знали, что осуществляете поставки для организации, ответственной за геноцид, или нет?

— Ну — знал я или нет — знали все. Каждому было хорошо известно, что на Востоке евреев уничтожают. Но в этом я не...

— Почему вы просто не прикончили этого выродка, а продолжали работать на него? — не выдержав, перебил его я. Поль посмотрел на меня с таким видом, будто счел мой вопрос оскорбительным.

— Убить его? Ну да, но я не знаю, что и сказать, — пожал плечами Поль. — не знаю, это хороший вопрос. Я не могу на него ответить. Почему никто из нас его не убил? Естественно, это был бы единственный выход. Но никто из нас на это не пошел. Не знаю, почему.

— Да потому что вам было наплевать на гибель людей, пока, разумеется, лично вам ничего не угрожало! Я прав или нет?

— О нет, нет, я ничего подобного не одобрял!..

И т. д.

3 июня. Защита Йодля. Показания Йодля

Утреннее заседание.

(Когда Йодль выходил к свидетельской стойке, Геринг шепнул Гессу: «На него последняя надежда».)

В начале своей защитительной речи Йодль заявил, что он — прирожденный солдат, что вопросы партийной политики никогда его не интересовали. Его отношение к Гитлеру на момент мюнхенского путча и прихода его к власти оставалось весьма скептическим. Ему самому приходилось иметь дело с евреями. Когда у власти оказался Гитлер, Йодль утешал себя, что в нацистском правительстве были и такие люди, как Папен, Нейрат и Шверин-Крозигк.

Послеобеденное заседание.

В ходе послеобеденного заседания Йодль охарактеризовал Гитлера, как непревзойденного мастера

напускать таинственность и непревзойденного объекта для манипулирования в руках Гиммлера.

(Высказывания в подобном духе не могли нравиться Герингу. Когда Йодль стал излагать суть своего спора с Гитлером в 1942 году, отмстив, что с тех пор ему было крайне затруднительно работать с ним, сидевший на скамье подсудимых Геринг пробурчал: «Так уж и плохо все было!» В ходе выступления Йодля Геринг время от времени бубнил про себя что-то, ожидая, когда Йодль перейдет к обоснованию своих высказываний. «Если бы он только говорил чуть живее и поскорее бы перешел к делу. Он мне уже на нервы действует».)

Йодль отрицал утверждения свидетеля Гизевиуса, согласно которым он, Йодль, утаивал часть сведений от Гитлера. Фактически же, по его словам, он сразу же докладывал Гитлеру обо всех бесчинствах, случавшихся в ходе ведения боевых действий, например, о расстрелах в Мальмеди. Наоборот, Йодль даже сожалел, что, в общем, утаить от Гитлера что-либо было весьма непросто, поскольку его постоянно окружали бесчисленные всезнайки-фотографы и им подобные субъекты, которым он верил куда охотнее, чем самой достоверной информации, исходящей от военных. Затем Йодль резко отрицательно высказался в адрес тех, кто замыслил заговоры, в то время как солдаты гибли на фронтах.

(Дёниц, Геринг и Риббентроп довольно кивали. Дёниц с видом победителя повернулся ко мне, будто желая сказать: ну, вот вам!)

В отношении себя Йодль заявил, что принадлежал к числу тех немногих, у кого хватало смелости противоречить Гитлеру, причем, иногда в резком тоне.

Выпад Йодля против заговорщиков послужил новым поводом для перепалки между политиками и военными. Геринг и Дёниц торжествовали по поводу удара, который был нанесен Шахту. Франк, до сих пор считавший себя офицером, театрально заявил:

— Это заявил германский офицер! Немцы — народ солдат, герр доктор. Это вам не что-нибудь. Кто, как не они, защищал нас все эти тысячу лет.

Мнение Шахта и Шпеера было диаметрально противоположным. Они полагали, что подобные высказывания на руку лишь тому, кто стремится переложить тяжкое бремя вины на немецкий народ. Разжигать в стране политическую революцию — ни в коем случае. Но некоторые умы в правительстве обязаны были хоть как-то обуздать этого безумца Гитлера.

Когда Йодль собрался подробнее остановиться на сущности Гитлера, суд прервал его. Однако он все же успел упомянуть, что после расправы над пятьюдесятью британскими летчиками, совершившими побег из концентрационного лагеря, у него отпали последние сомнения, и он воочию убедился, что Гитлер нарушает права человека. После июля 1944 года он, Йодль, следил за тем, чтобы впредь гражданские права не нарушались. (После покушения на Гитлера в его подчинение перешло ведомство Канариса.) Когда обвинитель упомянул случаи обогащения офицеров, Йодль категорически заявил о своем несогласии с данным утверждением, считая его клеветой на доброе имя германского офицерства.

(После этих слов Йодля на лицах всех обвиняемых из числа бывших военных, кроме Геринга, читалось удовлетворение.)

Тюрьма. Вечер

Камера Йодля. Я любопытствовал у Йодля, что он хотел заявить о Гитлере, когда его прервали. Оказывается, он собрался заявить, что его отношение к Гитлеру балансировало между восхищением и ненавистью.

— Я ненавидел Гитлера по причине его презрения к буржуазии, к которой отношу и себя, из-за его неприязни к дворянскому сословию, с которым меня связывают узы брака, из-за его открытой нелюбви к генеральному штабу, в состав которого вхожу.

Я спросил у Йодля, в чем причина такой нелюбви Гитлера к вышеупомянутым сословиям. Он объяснял это тем, что буржуазия раздражала Гитлера, поскольку тот считал ее трусливой и невосприимчивой к революционным идеям, дворянство — за его влияние в обществе, за его связи и хорошие манеры, о которых Гитлер и мечтать не мог, а генштаб служил у него просто козлом отпущения, на тот случай, чтобы было на кого свалить вину за очередной собственный промах.

Я стал расспрашивать Йодля об его отношении к участникам заговора.

— Откровенно говоря, меня удивило, что вы так накинулись на заговорщиков. Что же, после всего, что вам довелось узнать о Гитлере, вы по-прежнему склонны винить их за то, что они планировали устранить его?

Йодль настолько озадачил мой вопрос, что он так и застыл, не успев до конца высморкаться. С полминуты он молчал, видимо, обдумывая, как мне лучше ответить, после чего заговорил:

— Гм, если они уже тогда знали то, что мы знаем сейчас, тогда дело другое. Но я все же не склонен так считать, если речь идет об офицере, с самого начала не одобрявшем национал-социализм, но потом все же решившем подчиниться избранному политиками главе государства. А они готовы были посчитать все величайшей ошибкой, а вермахт, мол, должен избавиться от него. Вот эта их неискренность и отталкивает меня. Как можно с улыбкой отвечать на его рукопожатие и тут же у него за спиной подбивать офицеров отправить его к праотцам?! Терпеть не могу приспособленцев.

Этот намек был адресован явно Шахту.

— То есть вы хотите сказать, что однажды избранному фюреру следует оставаться верным до самого горького конца? Почему же политики, поняв, что ошиблись, не попытались эту свою ошибку каким-то образом исправить?

— Это отдельный вопрос. Тогда им пришлось бы отвечать за последствия.

Йодль заявил, что и думать не желает, как бы поступил, узнай он тогда то, что ему известно сейчас. В любом случае он действовал бы корректно, а не исходя из сиюминутной выгоды, как последний приспособленец. Он не сомневается, что повел бы себя корректно,

поскольку всегда мог возразить Гитлеру, когда тот замышлял воплотить в жизнь свой очередной преступный замысел, например, отдав этот свой приказ о расстреле пленных из числа диверсионной группы. Бывший начальник штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил пообещал мне завтра подробнее остановиться на этом.

4 июня. Безумие войны

Утреннее заседание.

Йодль рассказал о том, как Гитлер вынуждал его издать приказ о расстреле всех взятых в плен бойцов диверсионных групп. Йодль заявил адъютанту Гитлера генералу Шмундту, что никогда не сможет подписать подобный документ, на что Гитлер ответил тем, что самолично отдал соответствующий приказ. Впоследствии Йодль, не поставив в известность ни Гитлера, ни Кейтеля, распорядился рассматривать неприятельских диверсантов как обычных военнопленных и обращаться с ними соответственно.

Йодль заявил под присягой, что не знал о терроре и геноциде, творимых в концентрационных лагерях, как и о планах Гитлера и Гимmlера уничтожить всех евреев Европы. Хотя ему и было известно об отправке евреев из Дании, он велел своим генералам не вмешиваться в данную акцию. Лишь однажды деятельность Гимmlера возбудила его подозрение, когда тот заговорил о «восстании» в варшавском гетто, для подавления которого вынужден был применить силу.

В сегодняшнем выпуске «Старз энд страйпс» был помещен снимок казни Карла Германа Франка. Нейрат за обедом заявил, что ничего иного тот не заслужил, поскольку постоянно его обманывал и держал в страхе всю Чехословакию. Нейрат признался, что никак не мог на него воздействовать, поскольку Франк подчинялся не ему, а непосредственно Гимmlеру. Собственно, поэтому Нейрат и решил уйти с поста имперского наместника. По-видимому, отношение к СС —

единственное, что не вызывает разногласий милитаристов и политиков. Дёниц придерживался той же точки зрения, что и Нейрат.

— СС были государством в государстве, — заявил Дёниц. — Речь шла исключительно о том, кто кого — Гитлер Гиммлера, или же наоборот. А ближе к концу уже стало совсем непонятно, кто кого арестует. Когда я прибыл на совещание в верховное командование сухопутных войск (ОКХ. — *Примеч. перев.*) меня посчитали за сумасшедшего, поскольку я передвигался без личной охраны.

Дёниц пытался представить себя невинным ребенком, вдруг по неведению забредшим в логово бандитов и политиков.

Послеобеденное заседание.

Входе послеобеденного заседания трибунала Йодль заявил, что Германия абсолютно не была готова к войне за мировое господство. Хотя и удалось победить Польшу, о том, чтобы одолеть мощь союзных держав, и речи быть не могло. Для него совершенно непостижимо, отчего Франция и Англия, располагая 110 дивизиями, так ничего и не предприняли против 23 германских дивизий у линии Мажино, пока немцы занимались Польшей.

В перерыве Кейтель заявил мне, что все было именно так, как утверждает Йодль. В 1939 году он накануне польской кампании указывал Гитлеру, что боеприпасов хватит всего лишь на 6 недель боевых действий, пояснив, что надеется только на то, что дело до войны не дойдет, поскольку 6 недель спустя у них не останется буквально ни патрона. Кейтель полагал, что Гитлер ничего бы не стал предпринимать, если бы Запад не шел бы с такой легкостью на уступки в Мюнхене. Германия никогда бы не решилась развязать войну из-за подобных разногласий. Дёниц отказывался понять, как это политики в подобных обстоятельствах могли затеять войну.

Ширах шепнул Заукелю:

— Вся наша внешняя политика была воплощением безумия! (В этот момент Риббентроп обсуждал со своим адвокатом какой-то малозначительный вопрос и «посему не мог выразить свою точку зрения по данному вопросу».)

— Понимаете, вот поэтому мы просто не хотели верить, что Гитлер всерьез намеревался воевать — в особенности после того, как удалось достичь договоренности с русскими, — продолжал Кейтель. — Мы ничуть не сомневались, что все это — чистейший блеф!

Франк заявил, что начинать войну было чистое сумасшествие. Со стороны Гитлера, поспешил уточнить я, причем иного мнения быть не может — он, и только он стремился к этой войне. Франк поддержал меня, однако Розенберг не желал с этим соглашаться.

— Америке было начхать, хотела ли Германия решить данцигский вопрос или же нет, — с издевкой заметил он.

На другом конце скамьи подсудимых Шахт вновь втолковывал своему защитнику, каким безумием было начинать войну, не испросив на то решения кабинета министров, причем будучи явно не готовыми к этой самой войне.

Йодль признал, что в 1936 году, когда было принято решение ввести войска в Рейнскую область, немецким генералам, имевшим в своем распоряжении всего-навсего 3 батальона, было «явно не по себе, как тому игроку в рулетку; поставившему все свое состояние на один цвет... Ни о каких агрессивных намерениях и речи быть не могло — одна французская «армия прикрытия «мокрого места от нас не оставила бы».

Йодль признался также, что план оккупации Австрии представлял собой не что иное, как импровизацию, подготовленную от силы за два часа. Однако ей суждено было стать триумфальным маршем, население Австрии с цветами встречало вермахт. Судетская область была выторгована у западных держав в Мюнхене, и никто не удивился, когда немецкие войска вошли и туда. Что касается Йодля, он никак не рассчитывал, что Номер на этом не остановится, поэтому аннексия Чехословакии стала для него громом среди ясного неба. Как и последовавшая в 1939 году польская кампания.

5 июня. Вина за развязывание войны

Утреннее заседание.

Йодль заявил, что оккупация Норвегии предпринималась с целью упредить намерения англичан. В Голландию и Бельгию также необходимо было ввести войска, чтобы не позволить французам оккупировать эти страны. Вышеупомянутые акции никакого отношения к морали не имеют, цинично заметил Йодль. По его мнению, глава государства не осмелился бы на такой шаг, как наживание врагов, если бы он не диктовался стратегической необходимостью! Йодль высказался в защиту повиновения армии главе государства, утверждая, что и предъявленное ему обвинение возникло как раз вследствие повиновения подчиненных ему солдат.

В перерыве Кейтель снова стал уверять меня, что Гитлер и словом не обмолвился ни о каких гарантиях, обещанных Польше Англией и Францией. Я спросил Риббентропа, почему генштаб оставался в неведении относительно внешнеполитической ситуации, явно указывавшей на возможность развязывания новой войны. Риббентроп, повернувшись к Кейтелю, пробурчал вопрос:

— Война была ведь объявлена 1 сентября. Может, вы просто что-то упустили?

Очень занятно было наблюдать, как бывший министр иностранных дел вместе с бывшим начальником генштаба ОКВ разыгрывают неведение.

— Мне кажется, вы придерживались мнения, что политические аспекты вас не касались, — сказал я Кейтелю.

Кейтель заявил, что Гитлер единолично принимал решение о начале польской кампании, а позже взял на себя и командование всеми вооруженными силами. (После ухода Браухича в декабре 1941 года.)

— Гитлер имел над нами власть и не упускал случая лишний раз напомнить нам об этом. И никогда ни в чем перед нами не отчитывался.

— Как мог он принять решение, сопряженное с таким политическим риском, да и в военном отношении риск был ничуть не меньшим, если, как утверждает Йодль, ваша армия было совершенно не готова к ведению войны в Европе?

— Мы никогда всерьез не верили, что французы ввяжутся в драку, — ответил Кейтель. — С какой стати нам было в это верить? Они вели себя вполне прилично, хотя все же выставили у линии Мажино парочку своих дивизий. Все выглядело так, будто французам просто лень воевать. Да и нам это было, в общем, тоже ни к чему. Я ни на минуту не сомневался, что обе стороны отчаянно блефуют и что, в конце концов, Гитлер получит все, что пожелает.

Далее Йодль признал, что в июле 1940 года имел с Гитлером беседу, на которой обсуждалась возможность войны с Россией. Гитлер тогда поинтересовался мнением Йодля на тот счет, следует ли им быть готовыми к отражению возможного удара русских осенью того же года. Гитлер приказал ему тщательно изучить все стратегические возможности на Востоке и, если потребуется, внести соответствующие улучшения. В Польшу были переброшены две дивизии с приказом быть готовыми «к обороне подступов к румынским нефтяным скважинам».

Гитлер был убежден, что Россия уже очень скоро доставит им массу хлопот или даже нападет на Германию, а Англия постарается вдохновить ее на это. Участились инциденты на демаркационной линии Польша — Россия. Стали поступать сообщения о концентрации советских войск вблизи границы с Польшей. Йодль заявил, что ему никогда не приходило в голову, что Гитлер станет нападать на Россию, не имея серьезных на то оснований. И все же вопреки всем рекомендациям он настоял на этом. В феврале 1941 года советских войск у границы стало столько, что Гитлер готов был напасть на Россию чуть ли не 1 апреля. Разумеется, это была «превентивная война».

Обеденный перерыв. Дёниц вместе с Герингом выразили удовлетворение защитительной речью Йодля. Дёниц был доволен прежде всего потому, что в выступлении Йодля прозвучала мысль о том, что в развязывании войны целиком и полностью виноваты эти политики, а солдатам ничего не оставалось, как исполнять приказы.

— Лучше, чем он, о германской внешней политике и не скажешь — это же просто приговор им всем! — возмущался Шахт за обедом. —

Развязать войну! Вы это слышали? И при этом утверждать, что мы, мол, с какой-то жалкой парой дивизий ввязались в эту войну, а йотом этот наглый блеф в вопросе с Польней! Говорю вам, доктор, это преступление, которому нет равных! Причем не против *вашей* страны, а против *немецкого народа!* Строго говоря, это *нам* стоило пригвоздить их, а не *вам!*

Папену в присутствии Дёница приходилось выбирать выражения, высказывая свою точку зрения. Покачав головой, он заявил, что был крайне удивлен и даже поражен, что союзные державы позволили Гитлеру так долго водить себя за нос. Я уже раскрыл было рот, чтобы вернуть вопрос о том, почему же *германские дипломаты* позволили водить себя за нос, но Папен, почувствовав это, скоренько перевел разговор на другую тему, начав пересказывать нам события дня.

Послеобеденное заседание:

В ходе послеобеденного заседания Йодль стал отрицать факт наличия каких-либо потайных устремлений и задних мыслей. В 1939 году существовал лишь план нападения на Польшу и войны с ней. Сначала никаких намерений оккупировать Норвегию или Голландию у Германии не было, военная необходимость в этом обозначилась лишь позже. Далее Йодль сообщил, что генералы фон Рунштедт и Роммель еще в 1944 году пытались склонить Гитлера заключить мир, поскольку было ясно, что война проиграна. Того же мнения придерживалась и часть генералитета. Однако Гитлер от своего решения вести войну до горького конца отказываться не собирался.

Тюрьма. Вечер

Камера Йодля. Вечер мы с Йодлем посвятили обсуждению деталей его защиты. Он сожалел, что ему так и не дали высказать мнение о «военном гении» Гитлера. В этом вопросе у них с Кейтелем существовали расхождения принципиального порядка, хотя Йодль был немало удивлен тем, что Гитлер безошибочно предугадал успех кампании на Западном фронте.

Он повторил, что не сомневался в том, что Гитлер не решится начать войну, помня о гарантиях, выданных Польше Англией.

— Можете быть уверены — мы, генералы, этой войны не хотели. Мы, ветераны Первой мировой, досыта этого нахлебались. Узнав о гарантиях англичан, я понял, что вопрос решен и что Гитлер, предвидя новую мировую войну, никогда не отважится помериться с ними силами. Поверьте, что у нас, у генералов, вытянулись лица, когда мы узнали об объявлении войны.

— Вы хотите тем самым сказать, что только Гитлер, он один, стремился к войне и мог ее начать, а его генералы готовы были забастовать из-за этого?

Перестав жевать, Йодль жестко и назидательно произнес:

— В этом нет и не может быть ни малейшего сомнения! В этом смысле воля Гитлера решала все! Могу лишь предположить, что он был одержим этой идеей, а все эти переговоры предпринимались лишь к тому, чтобы ввести всех в заблуждение. Точно утверждать не берусь, но все говорит именно за это. Кто знает, что творилось у него в голове.

Йодль желал создать впечатление, что ему внушили, что все военные приготовления имели лишь одну цель — ввести всех в заблуждение. И все же казалось, он уразумел, что *политические* переговоры на самом деле были блефом и что Гитлер водил генералов за нос.

— Я думал, что он исключительно хитрости ради придал такой апломб всей этой затее, только из желания заполучить то, к чему так стремился, и никогда всерьез не думал начать войну только из-за этого. Когда Англия недвусмысленно заявила, что вмешается, я не сомневался, что он тут же притихнет и усядется за стол переговоров. Вместо этого он отдаст приказ о начале наступления, отлично зная, что это означало если не мировую, то уж, во всяком случае, большую европейскую войну. И когда он отдал нам этот приказ, нам ничего не оставалось, как только повиноваться ему. Войны начинают политики, но никак не солдаты. Может быть, в будущем, прежде чем начать очередную войну, и будут интересоваться мнением генштабистов. А в этой войне виноват только он один — *Адольф Гитлер!*

Утреннее заседание.

Обвинитель Робертс подверг перекрестному допросу генерала Йодля, начав с того, что подверг сомнению его честь офицера. Покраснев, Йодль, подняв взор вверх, обвел глазами зал заседаний, после чего, судорожно вцепившись в перила, с огромным трудом овладел собой. Он признал, что способствовал нагнетанию напряженности, создав инцидент, использованный в качестве предлога для нападения на Чехословакию, однако так и не смог объяснить необходимость подобных мер, поскольку считал данное нападение вполне оправданным фактами дурного обращения с судетскими немцами. Обвинитель Робертс поинтересовался у него, считает ли Йодль допустимым сначала соблюдать заявленный Бельгией и Люксембургом нейтралитет, затем утверждать о необходимости оккупации этих стран, ибо это даст возможность начать агрессию и против Франции. Йодль ушел от ответа на данный вопрос, поскольку он, по его мнению, носит чисто политический характер.

Обеденный перерыв. «Старз энд страйпс» посвятили целую колонку второй годовщине высадки союзных войск в Нормандии. За обедом я показал эту статью Йодлю.

— Да, мы примерно на такие сроки и рассчитывали, — сказал он. — Мне как и не удалось узнать, каково было число ваших потерь.

— Мне тоже, — ответил я.

— Ваши войска на некоторых участках оказались в чертовски скверном положении, — продолжал Йодль с ноткой злорадства в голосе.

Когда мы уже стояли в проходе между двумя отсеками столовой, к нам присоединился и Риббентроп.

— А к чему вы вступили в войну? — легкомысленным тоном спросил он меня.

— А к чему вы ее *начали*? Господин министр иностранных дел изволили запамятовать, что Германия объявила Соединенным Штатам войну?

— Ах, это же было простой формальностью. Мы уже находились в состоянии войны. Рузвельт не скрывал враждебного к нам отношения.

Решивший вмешаться Розенберг бросил несколько реплик в том же духе, утверждая, что объявление войны было, дескать, формальностью — все до одного ополчились на бедняжку Германию.

— Вас это удивляет? — спросил я. — Когда Гитлер, нарушив Мюнхенское соглашение, нарушил и собственное обещание, всему миру стало ясно, что он на этом не успокоится, что он одержим идеей развязать войну. Вы подписали для Гитлера Мюнхенское соглашение, а потом взяли да нарушили его.

— Нет, нет, ни в коем случае! В соглашении ни о каких гарантиях не было ни строчки. Так что, когда мы создавали протекторат Богемии и Моравии, в строго юридическом смысле и речи быть не могло ни о каком нарушении.

И продолжал дальше распространяться в том же духе.

Розенберг и Фрик издевательски усмехнулись, будто Риббентроп своими безупречными в строго юридическом смысле, однако достаточно изощренными доводами ухитрился решить столь спорный вопрос в свою пользу. Йодль поначалу помалкивал, не вмешиваясь в нашу дискуссию, однако позже, уже вечером во время нашей очередной беседы в его камере, назвал все эти ухищрения «грязными махинациями».

Ознакомившись со статьей в сегодняшней газете, темой которой стало высказывание в парламенте Эрнеста Бевина о том, что он разделяет мнение министра Бирнса, предостерегавшего от опасности возникновения «системы государств-саттелитов России», Риббентроп, снова заострив мое внимание на страшной угрозе, исходившей от коммунизма, обратился ко мне с вопросом:

— Неужели Америке будет действительно безразлично, если Россия проглотит Европу?

Послеобеденное заседание.

Перекрестный допрос Йодля постепенно приобретал остроту. На вопрос о бомбардировке незащищенного Роттердама Йодль ответил, что число жертв при бомбардировке Лейпцига авиацией союзников, понимавших, что победа у них в кармане, было несравнимо больше. И нападение на Россию произошло лишь потому, что

«политиканы» придерживались мнения, что русские нарушат договор о ненападении. Обвинитель Робертс спросил Йодля, не считает ли он, что такое изобилие нарушенных договоров станет синонимом позора Германии на сотни лет вперед.

«Если историческая наука обнаружит доказательство тому, что Россия не вынашивала планов напасть на нас или оказывать на нас политическое давление, тогда да, в противном случае — нет».

Йодль считал необходимым использование суровых мер при расправе с партизанами, но приказ о расстреле вредителей, как он заявил, не одобрял. Расстрел совершивших побег пятидесяти британских летчиков был, по его мнению, неприкрытым убийством. В завершение допроса обвинитель Робертс хотел услышать от Йодля, как совместить нарушение взятых на себя обязательств с честью офицера. Йодль с горечью ответил, что, будучи офицером, он не одобряет никакого вероломства; однако в политике ко всему приложимы иные масштабы.

Тюрьма. Вечер

Камера Геринга. Какой бы смысл Геринг ни вкладывал в свою «последнюю надежду» — защита Йодля и его выпады против грязных махинаций и вероломства, его заверения о неподкупности и честности офицерского корпуса германского вермахта и т. д. вряд ли могли пролить хоть каплю бальзама на душу бывшего рейхсмаршала. Выслушав перекрестный допрос Йодля, он вернулся в свою камеру мрачнее тучи. Заметив мое появление, он, явно довольный, заявил мне, что восхищен тем, как Йодль отбивал атаки обвинителя Робертса, подкидывавшего ему довольно каверзные вопросы. Но высказывания Йодля относительно аморальности «отдельных людей» не могли не задеть его. Что и побудило нас вернуться к прерванной теме — моральной стороне вопроса. Сегодня Геринг превзошел себя в своем цинизме.

— Черт возьми, а что такое мораль вообще? Что такое «честное слово»? — возмущенно вопрошал Геринг. — В коммерции, ну да,

разумеется, там может идти речь о соблюдении контрактов, если они касаются своевременных поставок тех или иных товаров. А как обстоят дела, если речь заходит об *интересах нации*? Боже мой, да тогда всякая мораль замирает! Так на протяжении сотен лет считала Англия, так действовала и Америка, так сегодня ведет себя и Россия! Как вы думаете, почему Россия не уступит и клочка территории на Балканах? Может, из этических соображений?

Он начал переодеваться, чувствовалось, что в нем вскипала злоба.

— *Бог ты мой!* не можете же вы всерьез думать, что государство, имея возможность укрепить свое могущество за счет соседа послабее, способно отказаться от своих намерений, руководствуясь трогательными мотивами вроде верности однажды данному слову? Если хотите, *долг* любого государственного деятеля — действовать в подобных случаях во благо собственного народа!

— Именно во благо, — перебил я его. — Вот поэтому-то и не стихают конфликты эгоистических национальных интересов, приводя в конце концов к войнам. Ваг поэтому ООН — надежда, на которую уповают все ответственные государственные деятели мира...

— Да начхать нам на ваше ООН! Вы что же, считаете, что хоть один из нас хоть на секунду воспримет эту организацию всерьез? Вы же видите — Россию не запугать. А почему? Может, еще ваша атомная бомба и способна удержать русских в рамках. Но погодите — пройдет пять лет и у них будет своя! Англия в Балканском вопросе на уступки идти не собирается, в противном случае это означало бы прямую угрозу Средиземноморью со стороны русских, а во что, черт побери, превратится Англия без Средиземного моря? Какая, к дьяволу, тут может быть мораль! Вы, американцы, делаете большую глупость с вашими вечными рассуждениями о демократии и морали. Вы думаете, что, упрятав за решетку нацистов, можно за сутки всех превратить в демократов? Вы что же, думаете, что немцы сейчас хоть на секунду забудут о своем чувстве национального самосознания только из-за того, что большинство голосов собирают так называемые христианские партии? Боже мой, да нет же! Партия (национал-социалистическая) запрещена. Что другого им остается? Ни к коммунистам, ни к социал-демократам их не затанешь, вот они и спрячутся ненадолго за пасторские сутаны. Так что не думайте, что немцы в один присест

стали добрыми христианами и позабыли о своем чувстве национального самосознания...

Этот процесс возымел лишь один результат — на готовности выполнять приказ можно ставить крест. Неудивительно, что в Германии сейчас не отыскать действительно способных людей на ответственные посты в правительстве. А почему, не знаете? Потому что руководящая элита, которую отличало национальное самосознание, находится в тюрьмах, а остальные не спешат занимать эти посты. Они же не дураки и понимают — где гарантия, что через десяток лет, когда отгремит эта ваша денацификация, американцы не уберутся восвояси или же ситуация не изменится в корне после новой войны между Востоком и Западом? Они же не хотят предстать перед судом, тогда уже немецким, национальным. Там им уже не отговориться, сославшись на то, что ты, мол, лишь выполнял приказ. Вот они и задают себе вполне резонный вопрос — а с какой стати именно нам класть голову под топор?

А что думает немецкий народ? Один раз я вам уже говорил: «Самые худшие времена у нас связаны с демократией!» Пусть у вас не будет на этот счет никаких иллюзий: немецкий народ знает, что до войны, пока Гитлер был у власти, ему было лучше. И то, что он делал, было вполне правильно, если исходить из национальных интересов, не считая, конечно, геноцида, который и с точки зрения национальных интересов ни в какие ворота не лезет!

— И тем не менее вы так и не желаете признать, что в этом пункте Гитлер был неправ. Вы оставались верным ему, хотя знали, что он — убийца.

— *Боже великий! Черт возьми!* Ну не могу же я, как самый распоследний подонок, встать и сказать: фюрер погубил миллионы, как этот дуралей Ширах! Я могу осудить деяние, но не того, кто это деяние совершил! И не забывайте, Гитлер значит для нас куда больше, чем кто-нибудь еще!

— Но если речь идет об убийстве, то тот, кто его совершил, — убийца, вы с этим не согласны?

— Это уже нечто совершенно другое. И не нам решать, кто есть кто. Не забывайте и то, что этот несчастный Ширах в конечном итоге и выжил лишь благодаря его милости. Нельзя же вдруг, повернувшись

спиной к тому, кто тебе столько дал за все эти 23 года, начать его охаивать!

— И все же я считаю, что он поступил совершенно правильно, однозначно дистанцировавшись от Гитлера, сделав это ради немецкой молодежи, которая до сих пор пожинает плоды этой неверно понятой верности.

Этой фразой, похоже, я наступил на любимую мозоль Геринга — задел самое нутро преисполненного чувством национального сознания героя.

— Вы всерьез считаете, что немецкой молодежи есть дело до того, что там сейчас сочиняет в своей камере этот сбрендивший предводитель молодежи? Вы и вправду считаете, что ей есть дело до всех этих зверств, когда у нес сейчас своих хлопот полон рот? Нет, следующее поколение выберет себе фюрера из своих рядов: оно помнит и будет помнить, что в свое время под угрозой оказались национальные интересы! А что до вашей морали, раскаяния и вашей демократии — да на кой черт они ему!

Камера Йодля. Йодль в рубашке с короткими рукавами сидел в камере, опоминаясь от жаркого перекрестного допроса. Он сообщил мне, что изошел потом, но все же считал, что его защита удалась и что на судью произвело впечатление им сказанное. Далее Йодль признался, что пару раз ему с величайшим трудом приходилось сдерживать себя. И вообще, обстановка весьма напоминала ту, которая царила в штабе ОКХ на совещаниях у Гитлера, где его очень часто перебивали на полуслове. Там-то он и постиг науку сохранять невозмутимость.

Не приходилось сомневаться, что его атака на политиков была тщательно продуманной акцией.

— Я высказал им все, что думаю об их двуличии и неискренности. Но мне это было легче, чем Герингу, — я куда слабее был связан с партийными делами. Одно вам скажу: я мыслю иначе, чем эти политики, которые сегодня во время обеда пытались доказать вам, что никакого Мюнхенского соглашения не нарушали. Независимо от того, что в этом соглашении записано, оно, вне всякого сомнения, было нарушено! Каждому известно, какие цели преследовало это соглашение, а что до юридических тонкостей — мне до них дела нет! Я тогда был буквально огорошен, узнав о приказе Гитлера занять и

остальную часть Чехословакии. Даже Геринг, и тот сказал мне, что, мол, пытался убедить Гитлера не идти на это из-за сильного общественного резонанса, которое этот шаг неизбежно вызвал бы в мире. Он уговаривал его попытаться решить все мирным путем, поскольку остальной Чехословакии все равно без нас не обойтись.

Йодль повторил, что не сомневался, что Гитлер вполне сознательно начал эту войну. И был удивлен, что в ходе перекрестного допроса этот момент так и не был затронут, зато масса времени была потрачена на то, чтобы подвергнуть сомнению его честь офицера, что в конечном итоге так и не удалось.

Йодль вернулся к теме заговора 20 июля 1944 года, тема которого также прозвучала в ходе перекрестного допроса, еще раз повторив, что он, Йодль, по вполне объяснимым причинам не питает особой симпатии к заговорщикам, поскольку покушение едва не стоило жизни и ему самому. Он готов был согласиться, что граф фон Штауфенберг и генерал Бек действовали из идеалистических побуждений; однако было довольно много и таких, кто решил поучаствовать в этом заговоре, преследуя чисто меркантильные цели, и они вызывают у него отвращение. Кое-кто из генералов (имен Йодль не назвал) уже готовы были поддержать путч, однако не успели.

7 июня. Сражаться до конца

Камера генерала фон Рунштедта. Пока полковник Покровский проводил свой, в общем, малорезультативный перекрестный допрос Йодля, я спустился в ту часть здания тюрьмы, где помещались свидетели, чтобы побеседовать с генералом фон Рунштедтом. Фон Рунштедт подтвердил, что они вместе с Роммелем в 1944 году заявили Гитлеру о том, что подошло время ставить точку. Тогда еще сам адъютант Гитлера генерал Блюментритт сказал, что кого-нибудь другого Гитлер поставил бы к стенке и расстрелял бы за «пораженчество». Гитлер был не из тех, кто любит правду. Ему бы еще в 1943 году после Сталинграда следовало понять, что война проиграна, самое позднее, после высадки союзников в Нормандии в июне 1944 года.

Рунштедт вновь подчеркнул, что так называемое наступление Рунштедта декабря 1944 года на самом деле было контрнаступлением Гитлера и полнейшей авантюрой с точки зрения стратегии. И фон Рунштедта неизменно задевает, если кое-кто продолжает утверждать, что замысел данной операции принадлежит ему, тем более что проводилась она тогда, когда поражение было лишь вопросом времени.

— Старик Мольтке перевернулся бы в гробу, только предположив, что я мог задумать подобную операцию.

По его словам, высадка союзников на юге Франции не была полнейшей неожиданностью, хотя пропаганда позаботилась о том, чтобы все ждали союзников на северном побережье. Им крепко-накрепко вдолбили, что действие наших «фау» настолько разрушительно, что фон Рунштедт готов был поверить, что британцы, невзирая ни на какие потери, попытаются уничтожить пусковые установки на северном побережье Германии. И Гитлер, в точности так же, как и в случае со Сталинградом, оставался неумолим — «Сражаться до конца!»

«Сражаться до конца!» — легко сказать. И сражались, пока все не очутились в русском плену. И в случае с так называемым «наступлением Рунштедта» все повторилось. Контрнаступление? Прекрасно, но ведь необходимо и располагать соответствующими возможностями для него. Наши люфтваффе были разгромлены, что сильно ограничивало нас. Мы с грехом пополам могли действовать, да и то до тех пор, пока Паттон не пустил в бой свои танки, которые круглые сутки утюжили наши позиции. От наших войск почти ничего не осталось. Одни только измотанные старики, которые уже физически не могли воевать, да иностранцы, сплошь дезертиры. А Гитлер продолжал в своем духе — «Сражаться до конца!» Взять хотя бы такой пример, как Бастонь. Кошмар, что там творилось! И этот человек претендовал на роль величайшего в истории полководца! Он представления не имел о том, что такое стратегия! Только и умел что блефовать.

В словах фон Рунштедта сквозила подавленность человека, который, будучи на склоне лет, не находит в себе сил дать выход своему негодованию. Я спросил его, была ли эта война, по его мнению, необходимой или неизбежной.

— Из-за этого проклятого коридора? — с улыбкой спросил меня фон Рунштедт. — Ничего подобного. Они все могли уладить переговорным путем. Поляки просто не могли сами управлять страной. Можно было подключить сюда и Россию, договориться с ней о предоставлении нам коридора, а мы бы им за это позволили поступать с Польшей по своему усмотрению. Эта Польша рано или поздно все равно рухнула бы — они же не могут управлять страной без помощи извне. Но начинать войну из-за такой ерунды? Это же сумасбродство! Вся эта война — сумасбродство!

Фон Рунштедт вполне созрел, чтобы признать, что в развязывании войны виновен Гитлер, однако отмстил, что накануне западной кампании ему совершенно неожиданно было передано командование всеми вооруженными силами, действовавшими на западном направлении. А вообще, со стороны Гитлера непростительно было уйти от ответственности, совершив самоубийство.

Камера Йодля. Я вновь беседовал с Йодлем, вернувшимся из зала заседаний, и снова перевел разговор на тему никому не нужного затягивания войны.

Йодль многозначительно улыбнулся.

— После всего, что было на совести у Гитлера и Геббельса, неудивительно, что они настаивали на продолжении борьбы. Теперь мне понятно. Они знали, что их повесят в любом случае, так что давно приняли решение в случае поражения свести счеты с жизнью. В подобных обстоятельствах легко требовать от других продолжать сражаться до последнего солдата. Теперь мне это понятно.

— Но счет человеческих жертв шел уже на тысячи, и все лишь ради того, чтобы они оставались на этом свете на пару дней больше. На тысячи!

Йодль был со мной согласен и сказал, что не знает, как бы поступил, знай он уже тогда то, что знает сегодня. Он придерживался того же мнения, что и генерал фон Рунштедт, утверждавший, что после высадки союзников в Нормандии самое время было прекращать бойню; собственно, война была проиграна еще в Сталинграде.

Камера Папена. Папен сообщил мне, что Геринг последними словами обругал его по завершении субботнего заседания. Я поинтересовался, с какой стати он зол на него.

— Из представленных мною бумаг ясно, что я имел отношение к заговорщикам 20 июля. Я выполнял роль посредника. Поэтому Геринг возмущенно спросил меня, как я мог поносить фюрера и считать покушение на него оправданным. И, знаете, что я ему на это ответил? «Геринг, — сказал я, — я уважал вас, как старого офицера из хорошей семьи. И всегда верил, что если Гитлер пойдет слишком далеко, вы его просто возьмете за шиворот и вышвырнете вон. Я считал вас сильным и прямым человеком, причем не один я». Так и сказал.

И что же мне он ответил? Вот что: «Я кое-что предпринимал, но мне понадобились бы три психиатра, чтобы объявить его недееспособным». На что я ему сказал: «Дорогой Геринг, вам и вправду нужны были три психиатра, чтобы уяснить, что Гитлер ведет Германию в никуда?» Какая чушь! Нет, правда, мы все очень его уважали! Но после того как он стал нацеплять на себя эти побрякушки, брать взятки направо и налево, забросил свои обязанности в то время, как Германия исходила кровью...

Папен пренебрежительно махнул рукой.

Он говорил о бессмысленном затягивании войны. В январе 1945 года он предложил пойти на переговоры с западными державами. Папен обратился к заместителю Риббентропа с просьбой отправить его, Папена, в качестве посредника убедить западные державы предпринять мощное наступление с запада, чтобы помешать русским оккупировать Германию.

Камера Риббентроппа. Риббентроп лихорадочно строчил кое-какие мысли касательно еврейского вопроса. Судя по всему, силы его были на исходе, и он снова ударился в пространные тирады, постоянно противоречил себе, лгал, изворачивался и пытался оправдаться. То, что он наплел мне незадолго до этого, он явно успел позабыть, поэтому решил удивить меня сказочками поновее. Еще в 1943 году он, оказывается, обращался к Гитлеру, через посредника, разумеется, с предложениями в духе политики примирения. Это свидетельствует, что он никакой не антисемит, что стремился покончить с этой войной и т. д. Нет, нет, он определенно не антисемит, однако мировое еврейство и

союзники своим отношением к Германии совершили огромнейшую ошибку. Германия ведь ключ к миру в Европе. И так далее.

Я спросил его, отчего у него вызывает сожаление нынешнее состояние, в котором оказалась и Германия, и вся Европа. В конце концов, причину катастрофы следует искать именно в той бессовестной дипломатии, инициатором которой были они с Гитлером. Риббентроп многозначительно улыбнулся в ответ.

Он уверял меня, что я ничегошеньки в этом не смыслю. Гитлер изначально руководствовался исключительно добрыми намерениями. И так далее. Я обратил его внимание на то, что он уже, наверное, один во всем зале заседаний до сих пор продолжает отвергать тезис о вине Гитлера в развязывании мировой войны. В ответ посыпались возражения: виновата Англия, потому что не сумела убедить Польшу уступить нам.

А как насчет геноцида?

Гм, по-видимому, кто-то склонил его к этому, хотя в своем завещании он ясно выразился, что берет вину на себя. Как бы то ни было — Гитлер желал только добра; нелегко понять, почему все сложилось именно так.

Все очень печально, очень запутанно, а союзники совершили ужасную ошибку. И так далее.

10 июня. Защита Зейсс-Инкварт. Австрия и Голландия

Утреннее заседание.

Зейсс-Инкварт начал свою защитительную речь с того, что представил аншлюс так, будто Австрия сама пожелала присоединиться к Германии. Сам же он, по его словам, и подозревать не мог, что присоединение Австрии к Германскому рейху осуществлялось насильственным путем и что Австрия тем самым окончательно лишалась автономии. Зейсс-Инкварт отрицал свою причастность к убийству Дольфуса, заявив, что он с самого начала дал понять Гитлеру, что не имеет намерений «въезжать в Австрию на троянском

коне». Гитлер пообещал уважать право Австрии на самоопределение.

Обеденный перерыв. Между Зейсс-Инквартом, Франком, Кейтелем и мною завязалась дискуссия об аншлюсе Австрии. Я считал, что Австрия горько сожалеет об этом и предпринимает все, чтобы после этого нацистского эксперимента порвать всякую связь с Германией. Франк отказывался верить в такое развитие событий и поинтересовался мнением Зейсс-Инкварта. Зейсс-Инкварт утверждал, что Австрия, вполне возможно, и продемонстрирует подобную позицию, не желая разделять участь нацистской Германии, но в глубине души австрийцы — те же немцы и рассматривают себя как часть германской культуры.

— В конце концов, и Моцарт, и Гайдн, и Штраус считаются немецкими композиторами, хотя они и австрийцы.

Заукель, для которого любая дискуссия на тему культуры была чем-то запредельным, все же рискнул высказать свое мнение: Гитлер на самом деле войны не хотел, он лишь хотел распространить *германскую культуру*.

Франк и Кейтель поправили его, сославшись на предостережения Чемберлена, Даладье и Рузвельта. Три политика предостерегали Гитлера не начинать войну и до последней минуты были готовы сесть за стол переговоров. Заукель, похоже, был немало удивлен слышать нечто подобное из уст именно этих своих коллег по скамье подсудимых. Хотя вовсе не исключалось, что они высказались бы по-другому, не будь рядом меня.

— Я не имею в виду *мировую войну* — пояснил свою мысль Заукель.

— Нет, он должен был понимать, что развязывает именно мировую войну, — не сдавался Франк. — Решающий момент наступил, когда Англия предъявила ультиматум. В этот момент он уже точно знал: это война. Он *не мог не понимать* этого, тем не менее отдал приказ наступать. Одному Богу известно, почему он так поступил! Но он поступил именно так, и не может быть никаких сомнений в этом. Я даже спрашивал по этому поводу нашего уважаемого фельдмаршала Кейтеля — мог ли Гитлер остановить войска...

— Разумеется, мог! — заверил присутствующих Кейтель. — Нам уже приходилось до этого дважды приказывать войскам остановиться.

Несомненно, он мог отдать такой приказ. По-видимому, он был совершенно уверен в том, что ни Англия, ни Франция не нападут. Собственно, они и не напали. Для нас это так и осталось загадкой.

— Да, — продолжал Франк, — когда Гитлер решил напасть на Польшу, настал один из самых важных моментов истории. Он не посмотрел ни на ультиматумы, не прислушался к себе, понимая, что это безоговорочно означает мировую войну. А следующий такой момент наступил, когда Гиммлер отдал свой жуткий приказ об уничтожении евреев. Почему он на это пошел — сложнейшая проблема психологического порядка.

Тут наша дискуссия смолкла, участникам ее явно не хотелось углубляться в столь щекотливую тему, как геноцид евреев.

Послеобеденное заседание.

Зейсс-Инкварт рассказывал о своей деятельности на посту наместника в Голландии. Он отрицал, что в его намерения входило насаждать нацизм в Голландии, однако признался, что являлся наделенным соответствующими полномочиями посланником нацистского режима. Германские оккупационные власти допустили две ошибки: они уверовали в то, что только их политические взгляды единственно верны и что в оккупированной стране может сформироваться независимое общественное мнение.

По словам Зейсс-Инкварта, весьма много проблем доставляла ему полиция безопасности, которая ему не подчинялась. Однако даже несмотря на это ему приходилось санкционировать расстрелы заложников и иные меры террористического характера ради подавления движения сопротивления гитлеровскому режиму. Зейсс-Инкварт также признал и факт творимых в концлагерях зверств, однако подобные вещи неизбежны во время войны.

Он признал, что способствовал отправке на принудительные работы в Германию 250 тысяч человек из числа голландцев. Что же касалось еврейского вопроса, то здесь он в целом одобрял проводимую начальником гестапо и СД Гейдрихом политику, суть которой сводилась к тому, что

евреи рассматривались как нежелательные иностранцы. Однако сам Зейсс-Инкварт стремился ограничить их пребывание в Голландии лишь двумя регионами. Но в 1942 году Гейдрих получил приказ об отправке всех евреев в концентрационный лагерь Освенцим. Тогда Зейсс-Инкварта заверили, что их ничего ужасного не ожидает.

17 июня. Убийство Дольфуса

Утреннее заседание.

В ходе утреннего заседания Зейсс-Инкварт продолжил говорить об отправке евреев в Освенцим. По его словам, он уже тогда понимал, что все не так просто, и его худшие опасения подтвердились, несмотря на многочисленные заверения о том, что их отправка лишь одна из предупредительных мер, связанных с возможной высадкой союзников. В 1943 году лично Гитлер заверил его, что евреи будут расселены на восточных территориях. В 1944 году у него состоялся разговор с Гиммлером, который заявил ему тогда, что евреи — лучшие его работники.

Зейсс-Инкварт признался, что в тот период у него просто не укладывалось в голове, как одних евреев можно использовать на каких-либо работах, а других их соплеменников подвергать геноциду. Далее Зейсс-Инкварт указал, что все вопросы, связанные с конфискацией ранее принадлежавших евреям ценностей и предметов искусства, в частности, картин, в значительной степени облегчались.

О приказах в духе «тактики выжженной земли» он придерживается мнения Шпеера, считавшего, что подобной безрассудной политике должен был быть положен конец.

Обеденный перерыв. Я зачитал Зейсс-Инкварту статью в одной из газет на тему его вчерашнего выступления. Заголовок гласил: «Зейсс-Инкварт утверждает, что Гитлер нарушил свое обещание». Зейсс-Инкварт признал, что действительно утверждал подобное, хоть и в не столь длинной форме. С ним согласился и Кейтель. В газете

приводилось и высказывание Зейсс-Инкварта о «троянском коне»: «Но «троянский конь» уже успел прибыть на место. В день, когда в Австрию вошли части вермахта, полицейские натянули на рукав повязки со свастикой. По меньшей мере любопытно было бы узнать, как выглядели бы результаты свободных выборов — как бы отнеслись к аншлюсу национал-социалисты, социал-демократы и христианские социалисты? Национал-социалистическая партия была в Австрии самой сильной, однако ей вряд ли удалось бы собрать большинство голосов».

В ответ на упрек в том, что он решил отпраздновать убийство Дольфуса, Зейсс-Инкварт заметил, что торжества по поводу гибели тех, кто расправился с Дольфусом, никак нельзя приравнять к празднованию гибели самого Дольфуса. Я спросил его, а разве сам факт такого мероприятия — не оправдание убийцы Дольфуса?

— Ха-ха! — смеялся Франк. — Вы безжалостный логик, герр доктор.

И хитро подмигнул, поняв, что уловил суть моего вопроса.

Зейсс-Инкварт пояснил, что лично он не считает особой трагедией убийство Дольфуса. Ведь Дольфус был всего-навсего карликовым диктатором, поддержанным незначительным меньшинством и воспользовавшимся чрезвычайными законами 1917 года.

— Не забывайте, Дольфус стрелял из пушек по рабочим, — напомнил мне Франк.

Зейсс-Инкварт повторил сказанное им у свидетельской стойки относительно ошибок союзников, с улыбкой добавив:

— Теперь у вас есть возможность повторить их. Брать на себя формирование нового правительства — ужасающая ответственность.

Послеобеденное заседание.

Входе перекрестного допроса, проводимого обвинителем де Бене, Зейсс-Инкварт признал, что одобрял стерилизацию евреев, хотя советовал СС не проводить стерилизации женщин-евреек. Он также признал, что имел отношение к расстрелам заложников, однако считал, что пытался облегчить участь несчастных тем, что уменьшил количество жертв с 25 до 5, достигнув, таким образом, компромисса. Что

же касалось рабского труда, он повторил, что организовывал отправку в Германию 250 человек.

В конце сегодняшнего заседания Франк, поцокав языком, покачал головой:

— Вы слышали? Вот уж никогда бы не подумал такого о Зейсс-Инкварте!

Я спросил его, не имеет ли он в виду расстрелы заложников или истребление евреев.

— Нет, — ответил Франк, — я имею в виду стерилизацию. Он никогда мне ни о чем подобном не говорил.

Франк с Кейтелем пояснили мне, что католическая церковь весьма негативно относилась к подобным вещам.

Тюрьма. Вечер

Камера Зейсс-Инкварта. Впервые я заметил у него признаки нервного напряжения. Перекрестный допрос второй половины дня вырвал его из стоического спокойствия, в котором он пребывал. Он даже попросил меня организовать для него снотворное на ночь. Зейсс-Инкварт повторил, что Гитлер не только не сдержал данного ему обещания, а поступил совершенно наоборот. Я поинтересовался у него, почему он не заявил об этом на процессе, почему не назвал Гитлера лжецом.

— Ну, мне кажется, будет лучше, если другие сами разберутся, что к чему, — пояснил Зейсс-Инкварт, — в противном случае скажут, что я, мол, от слишком многого отказываюсь. Нехорошо получится.

Затем Зейсс-Инкварт рассказал мне о том, что предоставил полную свободу действий своему защитнику доктору Штейнбауэру. В конце концов, ему нужно возвращаться в Австрию на постоянное местожительство. Доктор Штейнбауэр назвал Австрию первым государством, на суверенитет которого замахнулся Гитлер.

— Вот Геринг разозлился, — вспоминал Зейсс-Инкварт. — Сразу же ко мне с вопросами: «Да как вы смеее позволять вашему адвокату высказываться в адрес фюрера в подобном духе?» — «А потому и смею, что это вы лично отдавали приказ войскам вступить на

территорию Австрии! — ответил я. — Почему вы не дали австрийцам выразить свою волю голосованием? Тогда бы мне не пришлось никого обвинять!»

Я рассказал ему, что Геринг впадал в бешенство, и когда в зале звучали намеки на его «конфискации» и «закупки» картин, поинтересовавшись у Зейсс-Инкварта, не было ли это попыткой Геринга придать легальный характер хищениям предметов искусства.

Зейсс-Инкварт полностью со мной согласился, именно так Геринг и действовал поначалу, а позже он уже не считал необходимым даже создавать хоть какую-то видимость законности.

Камера Шираха. И Ширах пожаловался мне о продолжавшихся попытках Геринга запугать обвиняемых, допустивших, по его мнению, высказывания, способные выставить нацистский режим в дурном свете. Раньше я заметил, как Геринг что-то сказал Шираху, после чего тот покраснел как рак. Дело было в том, что Геринг, зачитав Шираху его же свидетельские показания, явно пытался прочесть бывшему предводителю нацистской молодежи пространную нотацию за его словоохотливость.

Когда я напомнил ему об этом эпизоде, Ширах ответил мне следующее:

— Этот великий манипулятор до сих пор пытается командовать. Но я ему сказал — не ваше дело. В свое время надо было использовать свое влияние по назначению, чтобы хоть как-то попытаться улучшить положение. А теперь пусть говорит, хоть заговорится. На него уже никто не обращает внимания!

12 июня. Сторонник партии

Утреннее заседание.

В завершение перекрестного допроса обвинитель де Бене склонял Зейсс-Инкварта представить разъяснение того, почему он не протестовал против отправки евреев в концентрационные лагеря. Зейсс-Инкварт настаивал на том, что их участь была ему неизвестна. Обвинитель Додд, также

подвергнув Зейсс-Инкварту перекрестному допросу, сумел установить, что Зейсс-Инкварт еще задолго до вступления в нацистскую партию являлся сторонником Гитлера и его партии. По вопросу о торжественном поминовении убийц Дольфуса Зейсс-Инкварт пытался прибегнуть к тем же оговоркам, что и ранее, во время нашей беседы в столовой.

Он признал, что имел разговор с Гитлером на тему аншлюса еще за год до его осуществления. Но о речи Гитлера, упомянутой в документе Хосбаха, он услышал на процессе впервые. Зейсс-Инкварт не отрицал возможность того, что кое-кто из политических противников Гитлера кончил свои дни в концлагере и что Австрия, оказавшись вовлеченной в войну, возможно, пожалела, что оказалась присоединенной к нацистской Германии.

Камера Зейсс-Инкварт. Зейсс-Инкварт всеми силами пытался опровергнуть факт того, что на нем лежит доля ответственности за установление в Германии нацистского режима. Он не желал оказаться причисленным к тем, кто помогал нацистам в их борьбе за власть, кто потом пожинал плоды их прихода к власти и кто теперь пытался снять с себя долю своей вины. Под такими нацистами он понимал Фрика и Риббентропа.

О Риббентропе Зейсс-Инкварт сказал следующее:

— Хотя бы в эти немногие оставшиеся нам часы он мог бы принять на себя часть ответственности, даже если ему до сих пор ничего подобного делать не приходилось. И этот человек в глазах всего мира — образцовый глава германского внешнеполитического ведомства!

И безрадостно покачал головой.

Вопросы судьи Биддла, по его мнению, доказывают то, что этот человек проникает в самую глубь ради воссоздания объективной картины событий, о которых ему предстоит вынести решение. Биддл спросил Зейсс-Инкварт, верит ли он в то, что не нарушал прав народов, даже прибегая в Голландии к применению самых жестоких мер.

— Я ответил ему, что вынужден был подчинить права народов тому факту, что Германия вела борьбу не на жизнь, а на смерть... Но

если рассуждать честно — я понимаю, что действовал вразрез с правом народов. — И с лукавой улыбкой, будто действительно желает в чем-то признаться, добавил: — Даже тогда я это понимал!

— Вы понимали, что в один прекрасный день вам придется за все это отвечать?

— Да, мне не раз приходило в голову; что в конце концов другие, то есть антинацисты, одержат верх и скажут всем нам: «Давайте-ка рассмотрим все по порядку. Что вы тут натворили?»

— Вы имеете в виду, в случае, если в Германии изменится государственный строй? А на случай ее поражения в войне? Вам никогда не приходило в голову, что вам придется держать ответ перед Международным трибуналом за военные преступления и преступления против человечества?

— Уверяю вас, что в случае нашего поражения мне было бы уже все равно. Что такое моя особа в сравнении с катастрофой такого масштаба?

— Вы хотите сказать, что ваша личная судьба уже не играла бы для вас роли на фоне крушения нации, неотъемлемой частью которой вы себя ощущали?

— Именно!

Я попытался вообразить себе, как он представлял себе весь путь от зарождения антисемитизма до окончательного краха.

— Все это всего лишь конечный результат развития антисемитизма, — начал я, — сначала речи, призывы, затем «нюрнбергские законы», а потом и гетто.

— Нет, созданию гетто предшествовала «хрустальная ночь» 9 ноября 1938 года, — поправил меня Зейсс-Инкварт. — Вот поэтому нам и пришла мысль о необходимости организовать гетто. И это показалось нам единственным разумным решением избавить себя от подобных бесчинств в будущем.

— Вы никогда не задумывались над тем, что необходимо положить конец подобным явлениям и начать уважать права человека?

— Ну, должен признаться, это был тот случай, когда правовые принципы были отданы на откуп озверелой толпе, тут сомневаться не приходится.

— Значит, теперь все выглядит так: от организованных бесчинств толпы к созданию гетто, от гетто к созданию концентрационных

лагерей... А затем и к «окончательному решению еврейского вопроса» — к газовым камерам. Вполне пристойная на вид цепочка событий получается, если принять во внимание изначальные и вполне безобидные расовые предрассудки в качестве исходной точки.

Зейсс-Инкварт, пожав плечами, кивнул, будто я пытаюсь поведать уже давным-давно знакомую ему историю. Я спросил бывшего наместника в Голландии, как он воспринимал отправку евреев в Освенцим.

— Должен сказать, что в то время меня занимали другие проблемы, и их было столько, что я просто не имел возможности думать еще о чем-то, к тому же еврейский вопрос был выведен из сферы моей компетенции. Как антисемит, я рассматривал эту отправку как логически оправданную акцию Германии — необходимо было удалить враждебно настроенных чужаков из зоны ведения боевых действий. Но, повторяю, я был слишком поглощен решением других вопросов, чтобы задумываться еще и над этим.

— Хотите сказать, что как только евреев отделили от той группы, от немецкого народа, неотъемлемой частью которого вы считали себя, ваш интерес к этой теме угас?

Зейсс-Инкварт понимал психологическую подоплеку этого вопроса и на минуту задумался. Потом, снова пожав плечами, ответил:

— Мне кажется, да, именно так!

13 июня. Крушение мифа о Гитлере

Утреннее заседание.

В ходе утреннего заседания трибунала выяснилось наличие разногласий принципиального характера по внесенному предложению не уделять столько времени представлению обвиняемыми доказательств, поскольку доказательный материал уже собран в полном объеме.

В перерыве, когда многие из представителей защиты заявили, что им требуется больше времени на сбор доказательств, Геринг вставлял реплики типа: «Прекрасно! Так и надо! Народ заметит, что это не процесс, а бессмысленный политический фарс! Пусть, пусть у нас

будет еще меньше времени — так и надо!» Свою тираду Геринг повторил несколько раз.

— Обычный дешевый маневр нацистского фюрера, стремящегося уйти от ответственности за зверства, геноцид и войну, — заметил я.

— Зверства! Вечно вы суетесь со своими зверствами и жестокостями! Только и знаете, что повторять одно и то же. Что вы вообще смыслите в политике? Это политический процесс победителей над побежденными, и веем в Германии это ясно!

— Хладнокровным убийствам миллионов человек оправдания быть не может. Я просто представить себе не могу, что немецкий народ желал смерти этим миллионам и что он будет благодарен клике нацистских фюреров за то, что по их милости оказался вовлечен в истребительную войну!

— Чушь это все! Нет такого, кто одобрял бы геноцид. Вы просто пытаетесь вплести в политику и эти вопросы!

— Вы что же, отрицаете, что Гитлер отдавал приказы на геноцид, если он сам об этом заявляет в своем завещании?

— Это не доказательство! Я считаю, что он, в конце концов, все же взял на себя вину за все. Гиммлеру каким-то образом удалось втянуть его во все это, и то, что он покончил жизнь самоубийством, как раз и говорит в пользу того, что он взвалил на свои плечи всю эту ответственность.

Подобная аргументация была настолько смехотворна, что чувствовалось, что и самому Герингу высказывать подобные вещи было стыдно. Не вызывало сомнений, что все уже загодя было обсуждено с Риббентропом — в конце концов, кто еще, кроме них, вступится за доброе имя фюрера.

— Вот видите, — торжествовал Риббентроп. — Я вам совсем недавно говорил то же самое! Я тоже так считаю.

— Да, да, понимаю. Любопытно, что вы решили дуэтом распространять эту легенду о Гитлере. Уж не хотите ли сказать, что ваш фюрер, несмотря на свою неограниченную власть, которой удостоился в вашем «фюрерском государстве» и которая, в конце концов, стала главным аргументом вашей защиты, так вот, неужели ваш фюрер и понятия не имел о таких мелочах, как, например, уничтожение части населения?

— Ну, знать-то знал — но не в таких масштабах, — вполголоса отозвался Геринг, заметив укоризненные взгляды остальных обвиняемых.

Обеденный перерыв. В перерыве спор продолжился. Гвидо Шмидт, бывший министр иностранных дел Австрии, один из свидетелей Зейсс-Инкварта, заявил во время допроса адвокатом Папена, что Шушниг предложил послать к Гитлеру не дипломата, а психиатра для переговоров по вопросу об Австрии.

Уцепившись за это, Геринг вновь попытался запугать Папена накануне его защитительной речи. Перед самым уходом на обед Геринг негодуя возопил: «Да как вы могли позволить, чтобы кто-то в такой форме высказывался о Гитлере?! Он же был главой нашего государства!»

— Предводителем нацистов! — возмутился в ответ Папен. — Главой государства, погубившим шесть миллионов человек!

— Такого нельзя утверждать. Разве сам Гитлер отдавал такие приказы? — мрачно осведомился Геринг.

— А кто еще, кроме него, мог санкционировать геноцид? — вопросом на вопрос ответил Папен. В его голосе звучали гневные нотки. — Может быть, вы сами?

Слегка ошарашенный Геринг пробормотал в ответ:

— Нет, нет, я — нет. Не я, а — Гиммлер!

Было видно, что бывший рейхсмаршал заметно смущен — все обвиняемые, уходя из зала, даже не удостоили его взглядом.

За обедом Папен жаловался на наглость, с какой этот толстяк предписывал ему, что говорить, а что нет. И все исключительно ради того, чтобы замазать вину нацистов.

Шпеер, Фриче и Ширах уже не сомневались, что отныне даже боязливый и не тяготевавший к категоричности Папен перестал быть мишенью для улещиваний и запугиваний Геринга. Ширах заметил, что толстяк понемногу уходит от дискуссий на скамье подсудимых. Фриче весьма иронично заметил:

— Нет, конечно, Гитлер приказа на геноцид не отдавал. Это за него делал какой-нибудь безымянный фельдфебель.

В смежном отсеке Кейтель с Франком стали обсуждать тему того, как Гитлер поправил вековые традиции вермахта.

— Простите, Зейсс-Инкварт, мои слова, — начал Франк, — но Гитлер сам был австрийцем, и все основанные на чести прусские традиции были чужды ему.

— Кто может в этом усомниться! — горячо воскликнул Кейтель. — Он обвел нас всех вокруг пальца. Для него было само собой разумеющимся, что верховному главнокомандующему все должны доверять, что он никого и никогда не обманет! Тем, что он разыграл против нас карту Гиммлера и СС, допустив, что они вопреки всем своим заверениям отхватили себе куда больше полномочий, чем следовало, он вызвал раскол в вермахте. Теперь мне стало наконец понятно, для чего ему это понадобилось. СС были необходимы ему для претворения в жизнь своих преступных и бесчестных планов, за которые мы теперь в ответе.

Как мне доложила охрана, Заукель сказал Кейтелю, что, мол, подобные высказывания явно не красят *фатерланд*. Из своего угла высказался и Геринг, призывая всех «не распускать язык при этом Джильберте». Эти американцы, по его мнению, вообще люди неученые, и образ мышления немца недоступен их пониманию...

14 июня. Защита Папена. Кавалер старой школы

Утреннее заседание.

Папен начал свою защитительную речь, представив себя религиозным человеком консервативных убеждений, выросшим в принадлежавшем его предкам вот уже в течение девяти веков имении. Когда разразилась Первая мировая война, он находился в Мексике, оттуда направился в Соединенные Штаты для ведения переговоров о военных поставках. С тех пор по вине лживой пропаганды он подвергался нападкам, нанесшим урон его доброму имени. Папен страстно осудил подброшенное пропагандой прозвище «мастер-шпион».

Обеденный перерыв. Когда обвиняемые направлялись в столовую, Риббентроп сдавленно заметил:

— Да, меня они тоже оклеветали!

В завязавшейся за обедом беседе со мной Папен, не стесняясь в выражениях, клеймил позором скандал с «Блэк Томом». Штреземан был готов выплатить США затребованную сумму в 50 миллионов долларов, лишь бы не портить с ними отношения.

— И тогда я говорю Штреземану: «Если вы хоть пфенниг им заплатите, я заявлю об этом на заседании рейхстага!»

Если верить утверждению Папена, адвокат фирмы, выставившей иск, получил 2 миллиона долларов в виде гонорара за решение дела в пользу вышеупомянутой фирмы. Сенатский комитет по расследованию признал требования фирмы необоснованными.

Послеобеденное заседание.

Во второй половине дня Папен продолжил рассказ о том, как порочилось его доброе имя. Он заявил, что, примкнув к Католической партии центра, сотрудничал с ней на консервативной основе ради предотвращения послевоенного разброда в партийных рядах. Папен заявил, что если Геринг выступал от лица партии нацистов, то он, Папен, выступает от лица «Другой Германии».

Папен защищал Веймарскую республику, назвав Гинденбурга «последним великим германским государственным деятелем». Далее он описал свои попытки решить проблему безработицы и инфляции, поставивших на грань выживания средний класс. На Лозаннской конференции 1932 года предпринимались попытки улучшить положение, в котором оказалась Германия, и скорректировать некоторые несправедливые для нее пункты Версальского договора, однако эти попытки успеха не имели.

Успех Гитлера Папен приписал отказу от обязательств стран-участников Версальского договора дать Германии хоть какую-то надежду. Папен напомнил, что когда он собрался выступить с речью в рейхстаге, Геринг помешал ему. В конце концов, у Папена просто не хватило сил сдерживать национал-социализм, и он был вынужден назначить Гитлера рейхсканцлером. По настоятельной просьбе Гинденбурга Папен сохранил за собой место в кабинете министров.

Камера Риббентропа. Под впечатлением автопортрета, представленного Папеном, где тот предстает в образе видного государственного деятеля и культурного человека, Риббентроп также пожелал наделить себя чертами, присущими этому типу людей. Он увяз в затянутом, сбивчивом и путаном изложении своей концепции «политической динамики»: динамика однопартийной системы России неизбежно привела к распространению коммунизма в Европе в точности так же, как и национал-социалистическая динамика должна была привести к утверждению национал-социализма на оккупированных территориях. Америка, напротив, с ее двухпартийной системой являет собой пример более сбалансированной динамики, в то время как динамика британской империи... И так далее. В заключение он спросил меня, понятно ли мне, о чем он говорил. Чтобы избавиться себя от дискуссии, я ответил положительно. Риббентроп настолько воодушевился, что на него даже напала икота. Даже самый непроницательный не мог не заметить, что он и сам толком ничего не понимал.

Затем Риббентроп осведомился, читал ли я Отто Шпенглера (он, несомненно, имел в виду *Освальда Шпенглера*). И тут же известил меня о том, что в корне не согласен с тем, как Отто Шпенглер представляет себе будущее Запада, частью которого, несомненно, является и Америка. И нам не следует забывать, что...

После этого он вдруг возомнил, что французы должны быть благодарны ему за то, что Париж не подвергся бомбардировке с воздуха. Я спросил, а разве французы не объявили Париж «открытым городом»? Ну, в общем, объявили, конечно, но Гитлер тем не менее собрался подвергнуть его бомбежке. И он, Риббентроп, а не кто-нибудь другой, вступился за Париж, собрав в кулак все свое влияние, и сумел-таки переубедить фюрера, и, что важно, еще до того, как столица Франции была объявлена «открытым городом». Мне показалось, что он даже и не задумывался над тем, верю я ему или нет. Воистину, последняя оставшаяся радость — послушать самого себя...

Еще один, по мнению бывшего министра иностранных дел Рейха, вполне приемлемый сценарий из прошлого: катастрофы можно было избежать, если бы Америка прислушалась к нему. В 1940 году он

отправил кого-то в США с миссией втолковать людям из «Стандарт ойл» и евреям-банкирам, чтобы те не допустили вступления в войну Америки. И если бы только все они тогда не ополчились на Германию...

Риббентроп снова пожаловался мне на непрерывные головные боли и даже шутил — мол, у него в голове уже, наверное, можно выгравировать слово «еврей» — причина этих болей в том адском нервном напряжении, в котором он пребывает еще с 1941 года, после своей отчаянной попытки уговорить Гитлера отказаться от проводимого им антисемитского курса.

— Я понимаю, Гитлер был убежден, что именно евреи начали эту войну, но это было совершенно неверно, и я всегда говорил ему, что это неверно.

Риббентроп как раз завершил изложение на бумаге своих пуганых и пространных выкладок на тему еврейского вопроса, предназначавшихся для его защитника. И попросил меня взять их у него. Пусть я прямого отношения к этому процессу не имею, тем не менее миру необходимо знать, что он в самом деле не антисемит и никогда таковым не был, так что ни к каким зверствам касания не имеет.

17 июня. Христиане и иудеи

Утреннее заседание.

Папен продолжил свою защитительную речь. Он заявил, что закон о предоставлении Гитлеру чрезвычайных полномочий, позволивший ему сосредоточить в своих руках всю полноту власти, был продиктован крайне сложной политической ситуацией в стране. Но все были убеждены, что закон этот основывался на решении социальных проблем христианским путем. Папен заключил с Ватиканом конкордат, однако Гитлер считал этот документ лишь клочком бумаги. Отношение Папена к еврейскому вопросу — типичное для любого добропорядочного католика. Он отрицал свою причастность к бойкоту принадлежавших

евреям магазинов в 1934 году, дав понять, что Гитлер и Геббельс ввели его в заблуждение относительно мирного способа решения еврейского вопроса.

В перерыве католики и не принадлежавший к ним Розенберг заспорили об отношении католической церкви к антисемитизму. Розенберг утверждал, что Папен выразил мысль о том, что в христианской стране влияние евреев не должно быть чрезмерным. Зейсс-Инкварт сообщил к сведению присутствующих, что 85 % всех венских адвокатов — евреи, а затем и о том, что между пасторством и антисемитизмом, дескать, прямая связь — большинство пасторов по сути своей — антисемиты, и в первую очередь в Польше, где еврейские погромы происходят вот уже несколько столетий — и поныне! Ввоз польских евреев в Германию поднял волну антисемитизма.

Франк согласился с Зейсс-Инквартом, однако исторические корни решил представить несколько иначе.

— Да, да, пасторы еще со времен инквизиции в принципе были настроены против евреев. Ха-ха-ха! Они из-за своей религиозной нетерпимости подвергали пыткам людей по всей Европе, позже дошло и до сожжения ведьм на кострах.

Розенберг, воодушевленный утверждением Франка о том, что инквизиция представляла собой позорную главу в истории католической церкви, вернул свое:

— Да, и подобное творилось на протяжении четырех или даже пяти веков! Разве можно назвать это спонтанным взрывом эмоций?

Слегка опомнившись, Франк продолжал:

— Предшественники тех, кто организовывал и руководил Освенцимом, орудовали в камерах пыток инквизиции. Это действительно был черный период нашей истории!

Фрик и Розенберг были уверены, что Гитлер в сравнении с палачами инквизиции был просто агнцем. Франк с этим не согласился, но оспаривал их утверждение без особого рвения:

— Нет, агнцем он, конечно, не был! И все же был воистину ад! Ха-ха-ха! Видите, профессор, человечество испокон веку пребывало в кошмаре! Бестия, что внутри человека, время от времени вылезает из него наружу.

Розенберг и Кальтенбруннер упивались перечислением подробностей методов пыточных дел мастеров периода инквизиции, о деяниях и авантюрах Торквемады и т. д. Чтобы придать всей картине оттенок достоверности, Франк заострил внимание на том, что именно непревзойденные в своем религиозном фанатизме протестантские правители северной Германии положили начало процессам о ведовстве и кострам. Судя по всему, интерес Франка, как адвоката, имел чисто профессиональную подоплеку.

— Мне приходилось держать в руках некоторые протоколы подобных процессов XV–XVI веков. Они там вполне серьезно расспрашивали старух, как часто тем случалось вступать в половую связь с дьяволом! Ответы в точности заносились в протокол, йотом их пытали, чтобы они рассказали побольше. Ха-ха! Вот уж гротескная картина!

Обеденный перерыв. Во время обеда в отсеке для пожилых обвиняемых продолжилась дискуссия об отношении католической церкви к антисемитизму, однако Папен высказался в более христианском духе:

— О том, как католическая церковь относится к антисемитизму, известно всем, — сказал он, обращаясь ко мне и Шахту. — Суть в том, что все люди равны перед Богом и что расистские предубеждения средствами оценки служить не могут.

Папен предположил, что вначале Гитлер, признавая Германию христианской страной, признавал и это. Однако впоследствии выяснилось, что Гитлер был лжецом, патологическим лжецом.

Шахт был убежден, что Гитлер был лжецом изначально, но вот как лжеца патологического разоблачить его было крайне непросто — он всех одурачивал.

— Нет, правда, я сам присутствовал, когда он произносил речь по поводу назначения его рейхсканцлером. Говорю вам, его заявления о созидательном идеализме звучали очень честно и убедительно, он говорил от души, никто и усомниться в этом не посмел. Поверьте, тогда его слова так запали нам в душу, что мы все почувствовали — в Германии грядет новая эпоха.

Послеобеденное заседание.

Когда нацистское правительство обернулось диктатурой, а не коалицией, Папен в своей марбургской речи в 1934 году попытался обратиться к немецкому народу. Он клеймил позором попрание прав человека, свободу слова и вероисповедования, материализм безбожников, отказ от духовного, беззаконие, византинизм, бюрократизацию общества и многое другое, что нацисты пытались затушевать, ссылаясь на революционную необходимость. (На скамье подсудимых оба адмирала единодушно сочли Папена изменником.)

Геббельс наложил запрет на опубликование этой речи. Папен заявил Гитлеру о своей отставке. Однако Гитлер считал все недоразумением и уговорил его остаться. Но Гитлер обманул его, потому что Функ получил от него приказ сообщить Гинденбургу о самоуправстве Папена и передать ему о желании Папена уйти со своего поста.

(Описывая в деталях свой арест во время путча Рема, Папен сумел вогнать в краску Геринга, который, с напускным равнодушием откинувшись на спинку стула — заученная поза в моменты волнения или смущения, — продолжал пристально следить за ходом его речи.)

В этой чистке погиб один из адъютантов Папена, а еще двое были брошены в концентрационный лагерь. Три дня спустя после их ареста Геринг представил все как досадное недоразумение. Папен, добившись аудиенции у Гитлера, потребовал от него принять заявление об его отставке.

В перерыве Шахт подтвердил, что все в речи Папена соответствует истине. Однако, продолжал бывший управляющий имперским банком, он готов спорить на что угодно, что обвинитель не замедлит спросить Папена, почему же тот после столь возмутительного инцидента опять решил вернуться в правительство Гитлера.

Функ подтвердил, что действительно получал соответствующий приказ Гитлера и поставил в известность Гинденбурга. Реакция престарелого Гинденбурга была лаконичной: «Каждый, кто проявит недисциплинированность, должен уйти!»

Ширах в беседе со своим адвокатом недоумевал, как Папен мог вернуться в нацистское правительство. Единственным, по его мнению, объяснением, может служить то, что он решился на подобный шаг под давлением католической церкви, чьи интересы в этом правительстве представлял.

Папен продолжил свою защитительную речь: вскоре после ухода его в отставку ему был предложен пост посла в Ватикане, однако он отклонил это предложение. В день убийства Дольфуса от Папена в категоричной форме потребовали занять пост посла в Вене. В качестве предварительного условия Папен выдвинул отзыв Хабихта, нацистского подстрекателя, на чьей совести было убийство Дольфуса.

(При этих словах Геринг, оживившись, сказал Гессу: «Это гнусная ложь — Хабихта отозвали еще раньше!»)

Далее Папен заявил, что согласился принять этот пост лишь из соображений долга.

(Геринг продолжал злиться: «Я слышать не могу эту ерунду, эту ложь от начала и до конца!» Далее последовали проклятья в адрес Папена: «Трус! Трусливый заяц! Лжец!»)

Когда Папен вернулся на свое место на скамье подсудимых, кое-кто из обвиняемых, в том числе и Франк, выразили ему свою благодарность за речь, но их мнению, вполне достойную государственного деятеля. Но не успел Папен покинуть скамью подсудимых, чтобы уйти в свою камеру, как Франк заявил остальным обвиняемым: «Теперь легко говорить... Теперь он разыгрывает из себя человека чести, значимую персону. Какого же дьявола он не перебрался в Соединенные Штаты сразу же после 30 января? Теперь бы вернулся оттуда тоже значимой персоной — сидел бы в зале среди публики и посмеивался над нами».

Франк и Фрик продолжали бубнить о попытках Папена откреститься и от партии, и от Гитлера, ревностным почитателем которого он был всегда.

Камера Франка. Вечером в беседе со мной Франк представил другую версию оценки Папена:

— Ах, этот добрый старина Папен! Будто лисица в капкане! Ха-ха-ха! Пытался, видите ли, делать все от него зависящее, как настоящий националист. А у него любой обязательно спросит: «Почему же вы оставались, когда Гитлер черт знает что творил?» Ха-ха-ха! Ему самое место в Швейцарии возле этого Гизевиуса, они бы там сообща ковали планы покушений и заговоров против Гитлера! До 1934 года он вел себя, как подобает, до самой своей отставки, а потом вернулся и подумал, а может, я еще и пригожусь им. Но вот сплоховал! Ха-ха-ха-ха! Перепутал в драме конец с началом. Надо было по-другому заключительный акт изобразить. Комедия-то стала трагедией! Ха-ха-ха-ха-ха!!!

И снова уже ставшая знакомой и привычной смешинка. Раскрасневшись, Франк в образной форме решил поведать мне, как Папен пытался переиграть свою жизнь.

Потом снова вернулся к теме Гитлера:

— Он наверняка понимал, что в 1941 году стоял перед угрозой проиграть войну, и сказал тогда: «Во всем виноваты евреи, и я их уничтожу всех до одного!»

Сжав зубы и шипя, Франк замолотил по худосочному тюремному столику кулаком.

— *Я их уничтожу!* — выкрикнул он, явно копируя своего фюрера. — Вам не кажется, что все именно так и было? Это колоссальная проблема психологического порядка! У людей будущих веков волосы дыбом встанут, и они скажут: «Боже мой! Как такое могло случиться?» Это даже преступлением не назовешь! Преступление — слишком мягкое слово. Украсть — преступление, убить человека — преступление. А это что? Такое просто ни в какие рамки не лезет, не укладывается ни в какие людские представления! Придать убийству конвейерный характер! По две тысячи в день приканчивать. Золотые зубы и ценности — в Рейхсбанк! Волосы — для набивки матрацев! *Боже всемогущий!* И приказ этот исходил от дьявола в человеческом обличье! Послушали бы вы, какие речи он толкал перед женской аудиторией! Вы бы тут же заключили — вот оно,

само воплощение добра. А он хладнокровно творил такие зверства. Нет, ничего подобного нельзя было допускать, как бы ты ни обожал свой немецкий народ...

Вскоре Франк снова был спокоен и сменил патетику на мистику:

— Неужели Бог позволял такое? Что же, он шесть миллионов раз согласно кивнул, когда евреев шали в газовые камеры? — Тряхнув головой, Франк спокойно и торжественно добавил: — Тут уж поневоле усомнишься в справедливости небесной! Нет, один американский или английский писатель, не помню, как его зовут, выразился очень точно: «Будьте уверены, на сей раз Бог возмущен не меньше человечества!» Лучше и не скажешь. Все это подлинно было делом рук дьявола!

18 июня. Папен и заговор 20 июля

Утреннее заседание.

Папен рассказал, как по инициативе Геринга незадолго до вступления в Австрию германских войск был отозван из Вены. Его адъютант Кепплер был зверски убит, в этой связи он обратился к Герингу, тогдашнему шефу гестапо, однако безрезультатно.

(На протяжении выступления Папена Геринг продолжал что-то неразборчиво бормотать и качать головой, до моих ушей доносились фразы, адресованные Риббентропу: «История с Кепплером — чистейшая ложь! Этому старичку лучше вообще не заговаривать об этом! К тому же тогда я уже не был во главе гестапо и могу это доказать. Ничего, я еще найду способ рассказать обо всем».)

Факт вручения ему золотого значка НСДАП Папен объяснял стремлением Гитлера сгладить таким образом существовавшие между ними разногласия. Вероятно, следовало бы отказаться от этой награды, но он все-таки принял ее из опасений, что отказ приведет к новому конфликту с Гитлером.

(На скамье подсудимых Геринг будто заведенный продолжал бубнить: «Лжец... трус...» Досталось и адвокату Папена за то, что ставил неподходящие, но мнению Геринга, вопросы; бывший рейхсмаршал не замедлил уведомить об этом защитника в посланной ему записке.)

Далее Папен рассказал, как обращался с предложениями к Риббентропу в попытке воспрепятствовать развязыванию войны, однако тот дал ему понять, что именно он, но никак не Папен стоит у кормила германской внешней политики.

(Как мне доложили, Риббентроп шепнул Герингу: «Его давно следовало бы расстрелять!»)

Папен добавил, что предостерегал Риббентропа об опасности мировой войны.

(Теперь Геринг в упор разглядывал публику в зале, Риббентроп же, покосившись на нес, с надутым видом неохотно кивнул — да, мол, было такое.)

Должность германского посла в Турции Папен, по его словам, принял лишь ради того, чтобы прорвать кольцо изоляции вокруг Германии и избежать войны. Начало войны стало для него полнейшей неожиданностью, он был в смятении. Спровоцировать эту войну — самое серьезное преступление и самое большое безумие, на какое оказались способны Гитлер и его окружение. Германия изначально была обречена на поражение. «Все мы погибнем под ее руинами», — сказал он тогда одному своему приятелю, дипломату, которому доверял. Но Папен оставался в Турции, потому что ничего другого ему просто не оставалось. И все же он часто поднимал вопрос, а не бросить ли пробный шар относительно мирных переговоров. Но Риббентроп неизменно отвечал, что Гитлер ни о каком мире и слышать не хочет и никогда не пойдет на подобные шаги.

(Геринг снова напустил на себя важность, время от времени откидываясь на спинку стула, всем своим видом желая продемонстрировать, что и Риббентроп, по его мнению, вел себя с этим Папеном отнюдь не лучшим образом.)

Нападение на Россию Папен рассматривал как преступление. В своей речи он огласил план заговора, участником которого являлся и в соответствии с которым штаб-квартира фюрера должна была быть блокирована, а сам он арестован. Предполагалось отдать его под суд. После этого адвокат Папена предъявил Трибуналу данные под присягой показания внука Бисмарка, из которых явствовало, что заговорщики 20 июля намеревались предложить Папену должность министра иностранных дел.

(Качая головой, Геринг посмеивался. Йодль наливался краской, могло показаться, что он и происходящее в зале видел будто сквозь красное стекло.)

Обеденный перерыв. За столом Риббентроп выглядел взвинченным и рассерженным:

— Отстирывать это грязное белье перед судом! Это неправильно! Это действительно неправильно! Есть вещи, о которых не упоминают... Да, да, верно, он никогда не был хорошим национал-социалистом, это так. Но вытаскивать на всеобщее обозрение это грязное белье...

Правда, при этом не упомянул главную причину своего недовольства: разоблачение его упрямого и тупого цепляния за внешнюю политику Гитлера, приведшую к катастрофе.

Как заявил сам Папен, он высказал им все до конца.

— Толстяку этого ох как не хотелось. Даже кричал на меня, угрожал, что, мол, он еще сам по этому поводу кое-что заявит и отомстит мне.

Еще один вопиющий случай попытки оказать «моральное давление», о чем уже упоминал Шпеер. Я заверил Папена, что суд отнюдь не собирается даровать Герингу какие-то там особые привилегии и бесконечно заслушивать его, речь может идти лишь о его нраве на последнее слово. Шахт считал, что Геринг всегда был заодно с гестапо, несмотря на то что на посту шефа этой организации пробыл

относительно недолго. Дёниц безмолвно сидел в своем углу, выражая таким образом свою решимость дистанцироваться от политиков.

В смежном отсеке Штрейхер через дверной проем произнес напыщенный монолог, адресованный Йодлю, в котором нацистский идеолог сетовал на такую страшную неуместность, как нападки на исторических личностей вроде Гитлера.

— Существуют метафизические силы, творящие подобных лидеров истории! Они неподсудны никому... А ходом этого процесса управляет мировое еврейство. Мировое еврейство сосредоточило в своих руках дьявольски сильную власть, оно использовало все свое могущество, чтобы инициировать этот процесс.

И тут же обратился ко мне:

— Помните, что я написал на копии обвинительного заключения, которую вы мне дали? *«Этот процесс — триумф мирового еврейства»*. И это так! Обвинители — все до одного евреи!

И тут Йодль, демонстративно повернувшись к Штрейхеру спиной, стал высказываться о защите Папена:

— Что касается приведенных сегодня доказательств — тут у вас никакой неуверенности быть не должно. Если бы я допустил гибель троих своих адъютантов, то уже потом не мог бы служить этому режиму! Да после такого вам следовало проглотить яд!

Послеобеденное заседание.

В ходе перекрестного допроса сэр Дэвид-Максуэлл-Файф привел Папена в явное замешательство, приведя выдержки из его речей, в которых тот характеризовал Гитлера, как ниспосланного Германией небесами лидера, которому суждено вывести страну из нищеты.

(Геринг рассмеялся и едва удержался от того, чтобы не показать Папену нос. Дениц с серьезным видом уставился поверх своих сползших на нос очков прямо на меня, будто желая сказать: «Ну что? Убедились?» Он всегда прибегал к подобной мимике, когда требовалось выразить свое презрение к подхалимам-политиканам.)

Папен в ответ промямлил, что тогда, мол, у него создавалось впечатление, что Гитлер стремится сохранить

коалицию.

Сэр Дэвид-Максуэлл-Файф предъявил Папену и другие документальные доказательства, говорившие в пользу создания Гитлером коалиции.

Сэр Дэвид своими неумолимыми вопросами продолжал выяснять мотивы, которыми руководствовался Папен, пойдя на сотрудничество с шайкой бандитов. Неужели ему, Папену, ничего не было известно о том, что тысячи политических оппонентов Гитлера были брошены в концентрационные лагеря сразу же после прихода нацистов к власти? Папен попытался оспорить это число, конечно, кое-кто там оказался, но речь могла идти, вероятно, о нескольких сотнях.

(Геринг на скамье подсудимых пробормотал: «Не сотни, а тысячи!»)

Почему он обращался к католикам с просьбой поддержать Гитлера? Он заключил конкордат, потому что рассчитывал, что Гитлер поддержит религию, заявил Папен.

В перерыве Йодль с ухмылкой говорил о том, как абвер использовал германское посольство в Анкаре в целях шпионажа.

— Те тоже неплохо делали свое дело! Однажды стащили у английского агента бумаги, в которых указывалось, что Англия пыталась оказать на Турцию давление, чтобы та предоставила аэродромы в распоряжение Англии.

Розенберг и Франк не сомневались, что многие из тех, кто оказался в концлагерях, *заслужили это*, поскольку оскорбляли национальные символы — как, например, эта «свинья Карл фон Оссецки» (пацифист, публицист и лауреат Нобелевской премии мира 1935 года). И этот Пискатор тоже был из тех, кто агитировал против выступавших за национальное единение немцев, не говоря уж о том, сколько евреев в этом участвовало.

— Для Германии оставался лишь один выбор — *либо национал-социализм, либо коммунизм*, — уверял меня Франк. — Даже Шахт с Папеном с этим согласны.

Сэр Дэвид продолжил вскрывать мотивы того, почему Папен покинул свой пост сразу же после путча Рема, а по прошествии трех недель принял новое назначение. Сэр Максуэлл-Файф зачитал письмо Папена, в котором тот вновь заверял Гитлера в своей поддержке, воздавая хвалу его мужеству и решимости, с которой он «героически подавил путч Рема». «Вы были готовы выслуживаться перед этими убийцами, лишь бы только вашему авторитету в их глазах ничто не угрожало!» — бросил сэр Дэвид Максуэлл-Файф в лицо Папену. Папен отверг данное обвинение, как подтасовку фактов.

(Геринг хихикал: «Все верно!» Кивками выражал свое согласие и Риббентроп.)

Сэр Дэвид: «Вы же понимали, что после резни, вызвавшей такой международный резонанс, поддержка экс-канцлера, который пользуется в католических кругах определенным авторитетом, была неоценима для Гитлера». Сэр Дэвид продолжил: Папен мог способствовать свержению Гитлера уже хотя бы тем, что работал бы против него. «Хотя это и так, — помедлив, ответил Папен, — однако начни я работать против него, меня бы неизбежно ожидала участь моих пропавших коллег».

Сэр Дэвид дошел до кульминационного момента перекрестного допроса: невзирая на подавление путча Рема, невзирая на убийство его адъютанта, невзирая на убийство Дольфуса, невзирая на проводимую милитаристскую внешнюю политику, Папен все же оставался в этом правительстве. Почему? Папен смог лишь — вначале усталым голосом, к концу, не скрывая раздражения, — повторить, что поступил так из чувства долга.

Тюрьма. Вечер

Камера Папена. Письмо, оглашенное на процессе сэром Дэвидом, на самом деле лишило Папена покоя. Когда я вошел в его камеру, он

встретил меня смущенной улыбкой:

— Знаете, я совершенно забыл об этом письме. Между прочим, мой секретарь тоже! Естественно, теперь смотришь на все совершенно по-иному, чем тогда, да еще после трехсуточного ареста. Все эти вопросы — почему да отчего я остался в правительстве... Я еще раз хочу вас спросить — ну что мне еще оставалось, когда разразилась война? Вернуться в Германию, записаться в солдаты и отправиться на фронт? Уехать за границу и писать там книгу? Что мне на самом деле оставалось?

Задавая эти вопросы, Папен беспомощно разводил руками, желая продемонстрировать мне таким образом абсолютную неосуществимость предложенных им вариантов.

— Я был поражен, что суд предпочел не рассматривать мой турецкий период работы. Это должно означать, что они не верят в мое участие в заговоре, потому что, если бы верили, им бы понадобилось больше знать об этом периоде... Разумеется, задача дипломата в том и состоит, чтобы добиться поддержки других стран. Дипломаты для этого и существуют.

Далее он рассказал мне, как спас от отправки из Франции в концентрационный лагерь 10 тысяч евреев. Речь шла о бывших гражданах Турции, и он тогда просто предупредил, что этот жест будет расценен турецким правительством как посягательство на национальные интересы Турции.

В конце концов, Папен дал мне понять, что предпочел бы беседовать на более актуальную тему: о проходившей сейчас в Париже встрече министров иностранных дел четырех держав. Папен считал, что мир в Европе будет зависеть от того, проявит ли Россия готовность к сотрудничеству со своими бывшими союзниками. Бевин и Бирнс демонстрируют сбалансированную позицию, а вот как будет обстоять дело с Молотовым?

19 июня. «Троянский конь» для католиков»

Утреннее заседание.

Сэр Дэвид продолжил представление доказательств, заявив, что Папен, занимая должность германского посла в Вене, оказывал поддержку австрийским нацистам, что он действительно стал для католиков «троянским конем», в задачу которого входило представлять интересы нацистов в Австрии. Будучи дипломатом, он вынужден был действовать только так, но не иначе, заявил на это Папен. Он никогда не отрицал, что на Шушнига оказывалось давление, чтобы склонить его к аншлюсу. (Что, по утверждению сэра Дэвида, отрицалось Риббентропом.)

В перерыве Франк и его группировка, сгрудившись, высказывались в защиту аншлюса.

— Что это значит — «троянский конь» для католиков»? — негодовал Франк. — Против закона природы не пойдешь! Австрийский и немецкий народы неразделимы! И выступать против этого — все равно что пытаться отрицать любой всеобщий закон природы.

— Я не верю, что сэр Дэвид действительно способен верно разобраться в австрийской ситуации, — полагал Фрик.

— Нет, нет, как раз в этом он разбирается лучше всех, — иронически отозвался Розенберг. — Этому англичанину и карты в руки — он один все понимает и во всем разбирается! Так вот, со стороны этого англичанина самое настоящее бесстыдство попытаться объявить преступлением даже то, что одни национал-социалисты поддерживали других! А чего они хотели? Для германского посла в Австрии совершенно нормально, если он сотрудничает с местными национал-социалистами.

Зейсс-Инкварт повторил сказанное им совсем недавно о Дольфусе: Дольфус — не кто иной, как диктатор, которого поддерживала ничтожная кучка духовенства и который никак не подходил для роли выразителя воли народа.

Франк ухватился за старый и беспроницаемый аргумент — за Россию.

— Мне бы очень хотелось, чтобы они столь же скрупулезно исследовали проблему присоединения Азербайджана к России! Ха-ха-ха! — И, ткнув пальцем в сторону судей, продолжал: — Пусть, пусть они все проверят, а мы посмотрим, кто покраснеет первым!

И, уже погромче, чтобы все услышали, стал сыпать примеры из истории — тут тебе и тираны-короли времен Средневековья, и Ренессанс, и натравливание одних народов на других и так далее.

Сэр Дэвид желал знать, как Папен в июле 1935 года, то есть два года спустя после заключения конкордата, мог представить Гитлеру официальный отчет, в котором обозначил свою дипломатию как «ловкую руку, выключавшую политический католицизм, не затрагивая при этом христианский фундамент Германии».

(Геринг, хихикнув, выдал: «Сейчас он будет выдумывать ответ поумнее!»)

Папен ушел от ответа на этот вопрос. После этого сэр Дэвид процитировал представленное Папеном описание преследований, которым подвергалась церковь при нацистах. Папен, признав, что подобные преследования действительно имели место, пытался утверждать, что политический католицизм и христианский базис государства — суть совершенно разные вещи. Он вновь подтвердил свою мысль, что Гитлер рассматривал конкордат как ничего не значивший клочок бумаги и подвергал преследованиям и католиков, и иудеев. Папен знал о преступном вмешательстве в дела церкви кардинала Инницера, подвергшейся разграблению нацистских бандитов, однако, будучи гражданским чиновником, не имел возможности воспрепятствовать этому.

Сэр Дэвид нанес свой последний удар: снова задал Папену вопрос о том, почему он, видя, что нацисты устраняли со сцены оппозицию, несогласных с Гитлером ведущих политических деятелей Германии, да что далеко ходить за примерами — даже его, Папена, подчиненных, — тем не менее оставался в нацистском правительстве. Папен принялся горячо убеждать суд в том, что, дескать, поступал так из чувства патриотизма, и в этом смысле его совесть чиста.

Обеденный перерыв. За столом Папен, явно выбитый из колеи, заявил:

— У сэра Дэвида нет никаких фактов против меня, поэтому он и пытается втоптать меня в грязь! Я сказал ему, что был и останусь патриотом Германии, как это ни тяжело для меня!

— Да, как мне понятны подобные терзания совести, — утешал его Шахт. — Когда на одной чаше весов патриотизм, а на другой — все остальное. Как хорошо я понимаю это! Я столкнулся с той же проблемой.

Папен с готовностью ухватился за слова Шахта.

— Вот-вот, именно терзания совести, — повторил он. Раскинув в стороны руки, нахмурил кустистые, как у Мефистофеля, брови. — Боже мой! Застрелить моего адъютанта! И тем не менее я вынужден был сказать себе: «Тебя пока что никто не освобождал от твоего долга перед фатерландом!» Думаете, легко мне было? Это был ужасный конфликт!

В других отсеках столовой многие из обвиняемых качали головой, припоминая себе любопытные детали перекрестного допроса, кое-кто язвительно шутил по поводу «политического католицизма», бывшие военные стремились подчеркнуть, что никому, кто поднял бы руку на их адъютантов, безнаказанно уйти бы не удалось.

Послеобеденное заседание.

Главный судья Лоуренс в ходе послеобеденного заседания задал довольно каверзный вопрос: как может Папен приписывать себе факт спасения 10 тысяч евреев, если он, по его же собственному утверждению, ничего не знал о творимом в отношении евреев геноциде? Внятного объяснения этому Папен дать не смог.

(Когда к свидетельской стойке направлялся свидетель Ганс Кроль, Геринг шепнул Гессу: «Вот идет папенский жополиз!») Дёниц, зевнув, высказался, что, мол, ему скучно и что он, наверное, через три месяца будет дома. Затем они с Герингом стали обсуждать достоинства одной белокурой переводчицы, придя к заключению, что она весьма недурна собой. Геринг добавил, что не прочь и переспать с ней, однако,

принимая во внимание вынужденное длительное воздержание, потенцию не гарантирует.)

20 июня. Защита Шпеера. Шпеер обвиняет

Утреннее заседание.

Шпеер сообщил о том, как осуществлял руководство германской военной промышленностью, как в период с 1942 по 1944 год сумел увеличить ее производительность, что в ней было задействовано около 14 миллионов рабочих. Шпеер признал, что определенный процент из них составляли военнопленные, однако, по его словам, здесь не во всех случаях речь может идти о нарушении Женевской конвенции. Также он признал, что часть рабочей силы составляли иностранцы, хотя у него с Заукелем нередко возникали трения по вопросу их использования и занятости. Шпеер не сомневался, что внутренние резервы рабочей силы Германии были далеко не исчерпаны, с другой стороны, он считал далеко не обязательным доставку в Германию работников из оккупированных территорий, полагая, что они вполне могут выполнять те же функции и у себя на родине. Кроме того, Шпеер признал, что в качестве рабочей силы использовались и узники концентрационных лагерей, однако они составляли всего 1 % от общего числа рабочих военной промышленности.

Обеденный перерыв. За обедом, как доложила мне охрана, Кейтель высказал Заукелю, Франку и Зейсс-Инкварту следующую мысль: если бы только кто-нибудь набрался мужества и еще в 1943 году заявил Гитлеру о том, что война проиграна, очень многое можно было предотвратить. Шпеер был единственным, кто имел такую возможность, потому что он один знал размеры нехватки танков, самолетов и боеприпасов, без которых никакая победа невозможна.

Заукель злился на Шпеера за то, что тот выставил его в столь неприглядном свете при обсуждении вопроса об использовании принудительного труда, не скрывая раздражения, Заукель сетовал на то,

что, мол, Гитлер со Шпеером только и знали, что рассылать приказы да распоряжения, единственной целью которых было выжать побольше ресурсов рабочей силы для военной индустрии из вермахта, из оккупированных территорий. И Заукель, и Кейтель склонны были возложить всю полноту ответственности именно на Шпеера.

Утреннее заседание.

Шпеер заявил о готовности взять на себя свою долю ответственности, «тем более что сам глава предпочел вообще уйти от нее».

(Услышав это заявление Шпеера, сидевшие на скамье подсудимых Розенберг и Геринг переглянулись, будто говоря друг другу: «Ну вот, сейчас начнется!»)

Война, начиная с 1943 года, могла считаться проигранной в стратегическом отношении, заявил Шпеер, но самое позднее в январе 1945 года, располагая статистическими данными о военной промышленности, он пришел к заключению, что положение Германии безнадежно. Однако Гитлер, невзирая ни на что, приказывал стоять до конца, а при отступлении из оккупированных территорий уничтожать промышленные объекты.

В большинстве случаев Шпееру удавалось саботировать исполнение данного распоряжения.

Ситуация была и на самом деле безнадежной. «Но Гитлер сбивал нас всех с толку». Усиленно распространялись слухи о некоем «чудо-оружии», имевшие целью поддерживать и насаждать в населении неkritичный оптимизм. Постоянно звучали ссылки на какие-то мифические дипломатические шаги, лишь дезориентировавшие всех. Генерал Гудериан неоднократно заявлял Риббентропу о том, что война проиграна, однако последний устойчиво цитировал Гитлера, считавшего, что подобные пораженческие настроения будут расцениваться как измена фатерланду и соответствующим образом наказываться. По распоряжению Гитлера в прессе была

развернута шумная кампания под девизом: «Не сдадимся никогда!», исключавшая всякую возможность предпринять мирные дипломатические инициативы.

Еще в своей речи перед гауляйтерами в 1944 году Гитлер указывал на то, что германский народ, если проиграет эту войну, лишит себя, таким образом, права на выживание. Гитлер был склонен винить в катастрофе немецкий народ, но не себя лично. Он неумолимо повторял: победа или полное уничтожение! До тех пор, пока не осталось одно только уничтожение.

Тактика «выжженной земли» широко использовалась при отступлении войск даже на территории Германии. Как теперь становится очевидным, Гитлер действительно стремился к одному: чтобы вместе с ним в небытие ушел и весь немецкий народ. Шпеер в отчаянии видел единственный выход в физическом устранении Гитлера. На деталях этого замысла ему останавливаться явно не хотелось, однако суд потребовал от него рассказать обо всем подробнее в ходе послеобеденного заседания.

В перерыве вся скамья подсудимых бурлила. Франк, как водится, разрывался между поклонением и ненавистью к фюреру. Сначала он заявил всем, что, дескать, необходимо вытащить на свет Божий правду, позже принялся клеймить позором попытку покушения на фюрера. Розенберг считал, что Шпееру следовало попридержать язык, поскольку его замыслы все равно так и остались неосуществленными.

Герингу, как можно было заключить по выражению лица бывшего рейхсмаршала, приходилось из последних сил сдерживать себя, чтобы не разразиться обличениями в адрес Шпеера.

Шпеер ознакомил суд с планом, заключавшимся в отравлении Гитлера ядовитым газом, который предполагалось подать в вентиляционную систему его бункера. В тот период уже не составляло труда отыскать решительно настроенных людей, готовых сотрудничать с кем угодно и пойти на все ради скорейшего завершения этой бессмысленной бойни. Однако Гитлер продолжал отдавать свои приказы, один страшнее другого, суть которых

сводилась к одному — разрушать. В этой связи Шпеер привел отрывок из своего письма, в котором описывал одну из бесед с Гитлером. Тогда Гитлер заявил: «Если война будет проиграна, это будет означать и гибель для всего народа. Такова его неотвратимая участь. И незачем раздумывать над примитивными основами, необходимыми для дальнейшего существования тех, кто уцелел. Напротив, и эти основы необходимо уничтожить. Поскольку народ проявил себя слабым, будущее в руках более сильного, восточного народа. Уцелевшие после битвы, без сомнения, неполноценны, ведь гибнут всегда лучшие».

Гитлер настаивал на продолжении войны, невзирая ни на какие последствия для населения. Шпеер вынужден был предпринять шаги для защиты промышленных объектов Германии, в отдельных случаях приходилось даже раздавать оружие людям, чтобы предотвратить попытку нацистских гауляйтеров взорвать заводские цеха или уничтожить оборудование. «Жертвы обеих сторон после января 1945 года были совершенно бессмысленны. И погибшие тогда еще вынесут свое обвинение всем виновникам, и в первую очередь Адольфу Гитлеру, за продолжение этой кровавой бойни последнего этапа войны, за уничтожение городов, гибель культурных ценностей, разрушение жилого фонда. Многие из тягот, выпавших сейчас на долю немецкого народа, есть прямой результат разрушения мостов, транспортных объектов, путей сообщения. Немецкий народ до последней минуты оставался верен Адольфу Гитлеру, сознательно обманувшему его и пытавшемуся низвергнуть его в небытие.

Шпеер считал свои действия оправданными его сочувственным отношением к немецкому народу и желанием облегчить выпавшую на его долю тяжкую участь. Когда Гитлер предал немецкий народ, безответственно поставив на карту его судьбу, долг каждого ответственного лица государства состоял в том, чтобы действовать.

В перерыве заседания звучали мнения как за, так и против Шпеера...

— Мастерски выстроенная защитительная речь! Именно в таком положении оказались все достойные уважения немцы! — убеждал Шахт.

— Да, да, именно в таком — даже голову со стыда не поднимешь! — Функ, казалось, вот-вот расплачется.

Геринг покинул скамью подсудимых, не сказав ни слова. Когда обвиняемые дожидались своей очереди разойтись по камерам, Розенберг в пух и прах разносил Шпеера и брошенное им нацистскому руководству обвинение:

— Ха, у него даже не хватило пороку пойти и пристрелить Гитлера, о чем он тут еще рассуждает? Легко сейчас плакаться в жилетку, признаваясь в том, что ты *пытался* совершить!

Тюрьма. Вечер

Камера Шпеера. Шпеер отлеживался на нарах после тяжелого для него дня, досадуя на боли в желудке.

— Да, пришлось сегодня попотеть! Но теперь все позади. Это была *правда*, только и всего. Я не был бы так сердит на Геринга, не попытайся он передернуть историю и слепить из всей этой трухи героическую сагу. Кому-кому, а ему явно не пристало корчить из себя героя — он сам струсил, причем самым позорным образом и в самый решающий момент.

21 июня. Перекрестный допрос Шпеера

Утреннее заседание.

На перекрестном допросе, устроенном Шпееру обвинителем Джексонем, обвиняемый признал, что санкционировал использование заключенных концентрационных лагерей для производства работ на оборонных объектах и грозил нерадивым работникам

заклЮчением в концлагерь. Шпеер также признал факт договоренности с Гиммлером, согласно которой 5 % объема всего производимого оружия должно было приходиться на долю заключенных концентрационных лагерей. Далее, он признал, что антисемитизм исключительно пагубно сказывался на наращивании объемов военного производства. Им был признан и факт использования на предприятиях принудительного труда иностранцев и военнопленных, при этом законодательная сторона подобных решений, как правило, не интересовала его.

Далее, вскрылись планы Гитлера вопреки всем протестам генералитета применить на войне отравляющие газы; вермахт признавал, что в первую очередь от этого пострадает сама Германия. По утверждению Шпеера, все приказы о продолжении боевых действий исходили от Гитлера и немногочисленной группировки фанатиков — его ближайшего окружения, большинство же генералов давно поняло, что война проиграна окончательно. Когда Шпеер привел одно из высказываний Гитлера в адрес Геринга — «человек, полностью зависимый от опиума», — бывший рейхсмаршал смущенно заерзал на стуле. Далее Шпеер упомянул и о том, как Геринг в приказном порядке запретил генералу Голланду сообщать истинные цифры о боевой мощи противника.

В перерыве Франк вещал:

— Одно могу сказать — по мне, лучше уж сидеть здесь, чем отвечать перед немецким судом за измену. Не забывайте, что Шпеер тоже внес свою лепту в то, чтобы повсеместно распространять веру в победу — в своих высокопарных речах, когда хвастал, что его новые самолеты, дескать, сметут с небес отжившие свой век вражеские самолеты. А что кроме веры в победу германской армии поддерживало нас в этом Кракове?

Не остался в стороне и Йодль.

По его словам, еще когда русская кампания увязла в осенней распутице, он, Йодль, уже тогда знал, что отныне все усилия пойдут прахом. Но все же не к лицу Шпееру вынашивать планы устранения

Гитлера, в то время как тот всегда отмечал его заслуги, с таким вниманием относился к его детям. Йодль намекнул, что никогда не дошел бы до того, чтобы просто так взять да избавиться от Гитлера, хотя не хуже Шпеера понимал, что исход этой войны предрешен. Шпеер был одним из ближайших друзей Гитлера, подчеркнул Йодль.

Франк заявил Папену, что и с ним на перекрестном допросе обошлись бы куда милосерднее, заяви он о том, что, мол, вынашивал планы устранить Гитлера. Далее, он попытался просветить меня на тему понятия верности немецкого народа и о том, что немецкий народ никогда бы не одобрил покушения на верховного главнокомандующего. И тут же предостерег меня от того, чтобы я не воспринял его слова слишком уж односторонне.

Геринг бормотал угрозы и проклятья в адрес изменника. Дёниц робко пытался объяснить, что Шпеер, скорее всего, пытается представить истину такой, какой она ему видится, на что взбешенный Геринг бросил:

— Все равно незачем было говорить такое обо мне! Думаю, он хочет мне отомстить!

Обеденный перерыв. За столом Папен с долей удовлетворения отметил:

— Ну, теперь пусть наш толстяк отдохнет малость! Нет, вы только вообразите себе — отдать приказ офицеру; чтобы тот утаивал ото всех правду!

Шахт и Нейрат были едины во мнении, что Геринг в глазах немецкого народа перестал существовать.

В отсеке, где обедали младшие обвиняемые, Ширах, Фриче и Шпеер торжествовали по поводу заката эры Геринга и, одновременно, финала героического эпоса о Гитлере — Геринге, хотя Ширах, судя по его виду, чувствовал себя явно неуютно.

В отсеке неподалеку, погрузившись в себя, помалкивал Геринг. Но, уже спустившись в зал заседаний, он на ходу бросил Дёницу и Гессу:

— Ему нельзя было доверять!

Пройдя к центру скамьи подсудимых, он сообщил Розенбергу и Йодлю о том, что Шпеер лжет, утверждая, что у него не было возможности самому убить Гитлера — гитлеровская охрана никогда не проверяла портфель Шпеера. Будь у него мужество, он бы сам его мог застрелить. Отойдя в свой угол, Геринг пробурчал:

— Ну ладно, подождите — это еще совсем не конец!

Послеобеденное заседание.

После перекрестного допроса Шпеера представителем советского обвинения судья Биддл обратился к Шпееру с вопросом, что тот понимает под солидарной ответственностью, потребовав его привести примеры. Шпеер заявил, что все члены правительства в равной степени несут ответственность за проводимую политику и за принятие таких важных вопросов, как начало или окончание войны.

Тюрьма. Вечер

Камера Шпеера. Вечером Шпеер в беседе со мной признался, что признание им своей доли солидарной ответственности явно вызвало переполох на скамье подсудимых. Все обвиняемые, кроме Зейсс-Инкварта, неизменно выражавшего солидарность со Шпеером, не стеснялись в выражениях, несмотря на увещевания своих же защитников.

— Они бесятся, потому что на карту поставлены их собственные головы. Но вы вообразите себе, как бы они орали и пыжились, расписывая свой вклад в дело победы, окажись эта война победоносной для Германии!

Вопрос судьи Биддла застал его слегка врасплох, не скрывал Шпеер, и он раздумывал, не послать ли ему объяснение в письменном виде с указанием всех деталей. Шпеер полагал, что высшие правительственные чиновники должны нести солидарную ответственность, причем не только по таким вопросам, как начало или завершение войны, но и за все проявления антисемитизма и попрания законности. Вступив на пост министра, Шпеер автоматически возложил на себя и ответственность за деяния правительства в целом, того самого правительства, которое сделало антисемитизм, нарушение законов и прав, концлагеря средствами проводимой им политики.

Его вина состоит в том, что он принимал подобные вещи как данность, хотя, пусть и с запозданием, но все же сумел опомниться.

Шпеер решил подробнее изложить этот аспект в своем последнем слове. И, поскольку Геринг уже сегодня нападал на него, не веря в серьезность заявления Шпеера о солидарной ответственности, он лишь укрепился в своем решении пойти на этот шаг. Геринг заявил остальным обвиняемым, что, мол, Шпееру легко сейчас говорить о солидарной ответственности за начало и завершение войны, он-де к ее началу касания не имеет, а что же до ее конца, то в тот период его измены следовали одна за другой.

Что же касалось его обвинения в адрес Геринга, то, как заявил мне Шпеер, он еще не все сказал, сознательно опустив некоторые детали, как, например, факт того, что Геринг, и никто другой своим аморальным поведением подрывал боевой дух вермахта.

22–23 июня. Тюрьма. Выходные дни

Камера Геринга. Геринг изо всех сил пытался умерить свой пыл, отзываясь о содержащихся в защитительной речи Шпеера обвинениях в его адрес:

— Что за трагикомедия? *Это меня* фюрер в финале ненавидел, *это меня* он приказал расстрелять. Если уж кому и набрасываться с обвинениями на фюрера, то *мне*. Я первый имею на это право, но никак не люди вроде Шпеера и Шираха, которым фюрер благоволил до самого последнего дня! Как *они* могут предъявлять ему такие обвинения? Я на это не пошел, даже имея моральное право на это! Но не пошел на это из принципа, только и всего! Уж не считаете ли вы, что во мне хоть капля доброго отношения к фюреру осталась? Ни в косм случае! Уверяю вас, все дело в принципе!

(Примечание: слово «принцип» следует заменить словом «позерство».)

— Я давал ему клятву верности, и я не могу от нее отказаться! Тут от личного и капли не осталось. Дело в *моем принципе*! И следует отделять одно от другого. То же самое относится к Шираху. Он не имел права называть Гитлера убийцей. Ладно, я знаю, что вы сейчас скажете: но ведь это так. Я все же считаю, что ему следовало выразиться по-другому.

Если я присягаю кому-нибудь на верность, я не имею права просто так нарушить данную мною клятву. И для меня, признаюсь, было адски тяжело не нарушить ее! Попробуйте в течение 12 лет изображать из себя кронпринца, преданного и верного своему монарху, не соглашаться со многими его деяниями, но при этом не иметь права и слова поперек сказать, ни на минуту не забывая, что и на мою голову может свалиться эта монаршая корона, и всегда стоять перед необходимостью извлекать лучшее из любой ситуации. Но на покушение или заговор против него я пойти не мог, не мог я травить его газом, подкладывать бомбы ему под задницу или, как последний трус, идти на иные хитроумные уловки! Единственным честным выходом мне представлялось открыто порвать с ним, сказав ему в глаза, что снимаю с себя все обязательства хранить ему верность и при этом остаться на высоте положения...

— То есть, вы хотите сказать, ударить ему в лицо перчаткой и вызвать на дуэль? — перебил я Геринга.

— Бросить перчатку ему к ногам! — резко поправил меня он, всем своим видом показывая, что я постиг его замысел в рыцарском духе, но явно сплеховал, пытаясь определить эпоху, где буйствовали его фантазии.

— Тут речь шла бы о смертельном поединке. Но я не мог позволить себе ничего подобного, в то время как нам приходилось сражаться в войне на четыре фронта. Не мог я позволить внутренним распрям расколоть наше единство. Предположим, я решился бы на нечто подобное сразу же после провала нашей русской кампании. За мной пошли бы тысячи. Но для Германии это бы означало хаос.

К тому же Гитлер был не один — за ним стояли Гиммлер и СС. Смысла в этом не было. А после победоносной французской кампании кто бы за мной пошел — жалкие пару сотен, окажись я настолько идиотом, что отважился бы пойти на разрыв с ним. А перед войной? Тогда бы все сочли меня просто за умалишенного и упрятали бы в сумасшедший дом. Нет, уверяю вас, не было у меня никакой возможности!

— Но известно ли вам, что история и ваш народ были бы лучшего мнения о вас, если бы вы у свидетельской стойки открыто заявили о том, что да, вы хранили верность Гитлеру, но он предал и вас, и немецкий народ, посему вы впредь считаете себя свободным от каких-

либо обязательств по отношению к нему. Разве не так поступил Ширах?

— Ну уж нет — я лучше вас разбираюсь в немецких традициях, можете мне поверить! Как я вам уже говорил, германским героям отнюдь не всегда приходилось легко, однако несмотря ни на что они продолжали хранить верность.

— Вы не находите, что все эти средневековые представления о верности и национальном долге отжили свое и что люди в будущем станут мыслить иными категориями?

— Ну, вероятно, все так и будет, что касается людей будущего — да. Но я, с вашего разрешения, кем был, тем и останусь: *последним представителем Ренессанса*.

Цитируя эту характеристику, данную ему его свидетелем Кернером, он невольно улыбнулся. Я мог на что угодно спорить, что Кернер произнес это в зале заседаний по настоянию самого Геринга.

— Разве можно ожидать, что в свои 52 года я вдруг фундаментально изменю свои взгляды?

Было видно, что Геринг весьма обеспокоен тем, что сегодня, принимая во внимание то, как все складывалось, открыто заявил о своей безоговорочной поддержке убийцы, а теперь пытается подобрать новые идеи для своего последнего слова.

Геринг сообщил, что непременно упомянет в финале своей защиты о массовых расстрелах польских офицеров в Катыни, в виде дописка к своему делу. Я недоумевал — какое это может иметь отношение к его делу? И снова эта хитроватая ухмылка:

— Да ровным счетом никакого, но я поступлю так из той особой любви, которую питаю к русским.

И снова лукавая улыбка, когда он решил добавить:

— Вы ведь не верите, что подобное мне удастся без помощи со стороны не-немцев, верно?

Я попросил его пояснить эту мысль.

— Ну, я не знаю. Но не забывайте, что в Лондоне все еще находится польское правительство в изгнании.

Затем Геринг возобновил попытки убедить меня, что он человек определенного культурного уровня. По его словам, он прочел книгу Дейла Карнеги «Как завоевать друзей», поскольку в нем внезапно пробудился интерес к американской культуре. Он обратился к своему

адвокату с просьбой снабдить его немецким переводом и американского бестселлера «Унесенные ветром». Далее последовали заявления и уверения в том, что он вовсе не был таким фанатиком-юдофобом, как Розенберг или Штрейхер. Спору нет, и к нему кое-что пристало. Не могло не пристать — вся партия насквозь пропиталась антисемитизмом.

— Это все они, Геббельс, Лей и еще один философствующий, фамилии которого я здесь называть не хочу, хоть он тоже из нас, обвиняемых. Именно он и заводил свою шарманку о том, что, мол, все коммунисты — евреи и даже советские народные комиссары — и те евреи, что, как я выяснил позже, ерунда. Но так как он сам прибыл из России, мы верили ему, считая его экспертом в подобных вещах.

Наконец, он признался, что испытывает определенный интерес к психологии. Ему очень хотелось бы еще раз вернуться к обсуждению того самого теста с кляксами, которым занимались в начале процесса, и узнать побольше о прогрессе американской психологии.

Камера Шпеера. Едва Геринг отыграл свою роль культурного и образованного, как Шпеер известил меня о последней бандитской вылазке бывшего рейхсмаршала:

— Он во весь голос, так, чтобы слышали все, в том числе и я, заявил, что даже если я и уцелею после этого процесса, меня все равно казнят за измену некий «суд чести», — нервно усмехнувшись, поведаль мне Шпеер.

Он расценивал это заявление Геринга, как предупреждение всем излишне словоохотливым обвиняемым.

— Геринг не дурак и понимает, что они должны запомнить крепко-накрепко, что сейчас, когда процесс близится к своему завершению, и нервишки у всех сдают, и вежливо-допропорядочные маски вот-вот начнут спадать, они должны держать язык за зубами, а не разоблачаться перед всеми.

Шпеер поллюбопытствовал, не заметил ли я, как бойко Геринг в присутствии представителей прессы или американских офицеров умеет переключаться на образ эдакого довольного собой обаятельного хвастуна. Я подтвердил, что заметил. Шпеер уверен, что и его пресловутая *угроза расправы* полностью отвечала натуре Геринга.

Шпеер рассчитывал на то, что в своих угрозах и в своем последнем слове Геринг проявит еще большую низость, и вот тогда он, Шпеер, посчитает себя свободным от всего и заявит во всеуслышание, какой трус и подлец этот Геринг на самом деле. Шпеер повторил, что никогда бы не стал ни в чем обвинять его, если бы Геринг хотя бы имел совесть признать свою вину, вместо того чтобы фальсифицировать историю в своих попытках затушевать омерзительную черствость, эгоизм, бездушие и порочность всей нацистской системы.

— Он думал, что запугал всех нас настолько, что мы только и будем, что молчать себе, а он на нашем фоне предстанет во всем великолепии, и мы все возопим: «Браво, Геринг!»

Тюремный врач-немец рассказал ему, что Геринг назвал эту пятницу самым черным днем своей жизни. Своему защитнику и кое-кому еще Геринг признался, что намерен изменить концепцию своей защиты в своем последнем слове.

Заключительные речи

3 июля. Расовое учение

Обсуждая вместе со своим адвокатом проект заключительной речи защиты, Фрик заявил своему защитнику, что никогда не был антисемитом и не испытывал ненависти к евреям. «Нюрнбергские законы» составлялись им исключительно в научных целях и направлены были на защиту немецкой крови. Фрик не желал, чтобы его адвокат выдвигал оправдательные доводы в пользу «нюрнбергских законов», заострив его внимание на том, что его задача — разъяснить суду, что цель их — научная, но никак не разжигание ненависти.

За обедом «нюрнбергские законы» снова оказались в эпицентре внимания. Фрик и Розенберг настаивали на том, что они основываются на фундаментальных законах природы. Немецкая кровь должна оставаться чистой. Если эти фундаментальные законы природы применимы к животным, отчего они не могут распространяться и на людей? Идея подхода к людям, как к животным, равно как и мои попытки убедить Фрика и Розенберга в том, что в действительности эта псевдонаука не имеет и не может иметь под собой никакой маломальски прочной научной основы, нисколько не смущали их.

Когда я указал им на то, что выделение евреев в особую расу вообще недопустимо, они, сменив слово «раса» на «народ», продолжали рассуждать о выведении живого инвентаря. Я сослался на недавнее заявление Фриче о том, что на самом деле «нюрнбергские законы» были просто навязаны народу. Розенберг и Фрик сочли это утверждение несправедливым, поскольку в соответствии с «принципом фюрерства» лишь высшим вождям партии дано решать, что хорошо для народа, а что плохо.

5 июля. Характер Геринга

В то утро доктор Штамер выступил с заключительным словом по защите Геринга. За обедом Шпеер заявил, что Геринг отрицает всякую

моральную и правовую ответственность за преступления нацистов.

Он считал это любопытным по двум причинам: первое — это свидетельствовало о крайне низком уровне сознательности бывшего рейхсмаршала, а второе — доказывало, что он, как и все остальные, стремился лишь к тому, чтобы спасти свою шкуру, и что его поза героя и готовность ответить за все — не более чем фарс.

Доктор Штамер настоятельно попросил меня выслушать его заключение по этому поводу, поскольку речь шла о характеристике Геринга, что было бы небезынтересно для меня как психолога. Судя по всему, эта инициатива исходила от самого Геринга, потому что Штамер никогда ничего не предпринимал без настоящего желания своего подзащитного.

«Интересная с точки зрения психологии» характеристика Геринга сводилась к средневековой трактовке им понятия верности и национальной гордости. Доктор Штамер поинтересовался моим мнением на этот счет. Характер Геринга имеет и еще одну сторону, им не упомянутую, ответил я. Доктор Штамер, засмеявшись, сказал:

— Разумеется, но заняться ею больше к лицу представителю обвинения.

8 июля. Исполнительный Риббентроп

Доктор Хорн завершил представление своей заключительной речи по защите Риббентропа. Все уверяли бывшего министра иностранных дел рейха, что его адвокат сумел подготовить квалифицированную защиту. За обедом сам Риббентроп заявил, что доволен тем, что доктор Хорн заявил о том, что фактически не он, Риббентроп, а Гитлер принимал внешнеполитические решения, и что вопрос об агрессии весьма спорен. Несмотря на это Риббентроп выглядел удрученным, и причину следовало искать в том, что адвокат так и не использовал ничего из сочиненной Риббентропом пространной статьи по проблеме антисемитизма, имевшей целью доказать всем, что он, Риббентроп, в действительности никогда не был юдофобом.

Сам автор заявил мне, что готов хоть сейчас передать эту статью мне, но, по его мнению, лучше было бы переписать ее набело, подправив стилевые недоработки. Риббентроп страстно желал, чтобы

люди наконец убедились, что он никаким антисемитом не был, даже если учесть и то, что входил в состав антисемитского правительства! Тут к нам подошел Штрейхер и заверил Риббентропа, что его никто и никогда антисемитом не считал. Искренне обрадованный такой рекомендацией, Риббентроп сказал мне:

— Вот пожалуйста, можете убедиться — это вам говорит специалист!

В сегодняшнем выпуске «Старз энд страйпс» был помещен броский заголовок: «Геринг собирался прикарманить 50 миллионов долларов». Заголовок приковал к себе внимание всех обвиняемых. По мнению Шираха, этот факт — смертоубийственный для Геринга. Немецкий народ рассвирепеет, узнав о том, что Герингу захотелось отложить себе в Америке «чуть-чуть на черный день», чтобы уберечься от царившей в Германии разрухи.

Шпеер, смеясь, заметил:

— Как я вижу, теперь я обрел в Геринге коллегу по части измены. Единственное отличие в том, что мотивы у нас больно разные!

У Геринга явно испортилось настроение после того, как я рассказал ему о газетной статье, ссылавшейся на интервью с ним. Подлость, возмущался он, самая настоящая подлость публиковать в прессе подобное. Он никогда больше не ответит ни на один вопрос и не даст ни одного интервью.

Тюрьма. Вечер

Камера Функа. Заключительные речи адвокатов Геринга, Риббентропа и Кейтеля пробудили в Функе чувство стыда за моральную безответственность крупных политических деятелей Третьего рейха. Функ сам настоял на моем приходе, поскольку его что-то мучило. И когда я вечером появился в его камере, он грустно заверил меня, что я единственный, от кого исходила человечность.

— Я хотел сказать вам о том, что среди всех нас нет ни одного, кто с чистой совестью мог бы заявить, что не несет никакой моральной ответственности за содеянное. Я уже говорил вам, что совесть не оставляет меня в покое с тех пор, как я подписал этот закон об отчуждении принадлежащей евреям собственности. Виновен ли я

перед законом за это, или нет, это вопрос другой. Но вот моральная ответственность за это лежит на мне. Сомнений этому никаких.

В свое время мне стоило прислушаться к мнению моей супруги. Она тогда предлагала мне бросить к чертям собачьим этот министерский портфельчик и переехать в какую-нибудь трехкомнатную квартиру, это куда лучше, чем участвовать в таких позорных делах. Перед судом я упомянул о возникавших у меня недобрых предчувствиях. Но, разумеется, ничего не сказал о том, что жена стала моим голосом совести.

Все они в равной степени виновны. Я не хочу сказать, что вина Папена больше, чем, скажем, Геринга, нет, она меньше. И Фриче был всего лишь крохотным винтиком. Но не забывайте, даже ему было куда больше известно, чем мне. Он получал объективные сведения, а потом перевирал их. Это хуже некуда — нас всех обманывали.

Даже Шахту и тому никуда не деться от моральной ответственности. Он же все-таки был президентом Рейхсбанка и министром без портфеля. И не ушел с этих должностей. Если бы мы все действовали заодно и в один прекрасный день отказались участвовать в этом безобразии, возможно, нам удалось бы предотвратить наихудшее. Моральная вина никого из нас не обошла. Я даже представить себе не могу, что этот суд кого-либо из нас оправдает.

9 июля. Погромы в Польше.

Утреннее заседание.

Доктор Целте завершил заключительное слово защиты Кейтеля, а доктор Кауфман начал произносить заключительное слово защиты Кальтенбруннера. Защита доктора Нельте строилась главным образом на «принципе фюрерства». Кейтелю приходилось ох как тяжело в общении с Гитлером. Но даже слабоумный способен понять, что солдат подчиняется приказам, но уж никак не своей совести. К тому же за все позорные деяния ответственность несут СС, но ни в коем случае не вермахт.

Доктор Кауфман произнес проповедь во славу достоинств своего подзащитного, нет, нет, конечно, он не собирается утверждать, что Эрнст Кальтенбруннер представлял собой воплощение всех мыслимых добродетелей, но все же у него была масса достоинств. И когда он — к сожалению! — погубил в концлагерях миллионы людей, то в этом повинен в первую очередь Гиммлер.

Обеденный перерыв. Когда обвиняемые отправились обедать, ко мне обратился Кальтенбруннер:

— Я видел, как полковник Эймен держался за живот от хохота. Можете поздравить его от меня с победой надо мной, потому что именно он обеспечил меня таким блестящим защитником!

За столом я прочитал Франку статью из газеты на тему еврейских погромов в польском городе Кельце и редакционную статью из парижского издания «Нью-Йорк геральд трибюн», в котором решительно осуждалась новая волна преследования евреев, когда мир едва опомнился от ужаса нацистского геноцида еврейского народа.

Франк не согласился со мной в том, что касалось причин этих беспорядков — он не считал их следствием проводимой нацистами политики, сославшись на то, что еврейские погромы в Польше происходят, мол, на протяжении нескольких столетий.

Франк приписал их предрассудкам, которым в сильной степени подвержены поляки. Зейсс-Инкварт высказал мнение, что всему виной средневековое суеверие. И привел старый, как мир, призыв: «Бей жидов, спасай веру!» Франка такое объяснение не удовлетворило, так что Зейсс-Инкварт решил прибегнуть к другой версии — антикоммунистические предрассудки. И все же Франк склонялся объяснить антисемитизм поляков их особого склада ментальностью. Зейсс-Инкварт ничего против не имел, добавив объяснение антропологическое: поляки — смешанная раса.

— Да, — согласился Франк, — это беспородная смесь татар, немцев, славян и русских. Поляки — народ воинственный. Вечно друг с другом враждуют. Что объединяет их — так это ненависть к евреям, немцам и русским.

— А каким же образом можно заставить ужиться религию и ненависть, — полюбопытствовал я.

— Религия к этому касания не имеет, — отрезал Франк. — Из религии люди берут только то, что им самим привычнее. Для немца католическая вера — нечто совершенное иное, нежели для новообращенного китайца, это очевидно. Большинство поляков — люди, обуянные страстями и предрассудками. Помните, в прошлом году они убили епископа и всех его ксендзов. Нет, церковь к этим погромам отношения не имеет!

Франк сопровождал свою тираду энергичной жестикуляцией, Кейтель предпочел выйти, а Зейсс-Инкварт и Заукель, сидя в сторонке и иронически улыбаясь, прислушивались к нашей перепалке.

— Например, кто-то распускает слух о якобы совершенном евреями ритуальном убийстве — и все! Все хватаются за оружие и начинают призывать «пустить жидам кровь»! Могу спорить, что после они падают на колени в костелах и на исповеди раскаянно бормочут ксендзу о своих прегрешениях, мол, Боже великий, в каком же грехе я участвовал! Грехи отпущены, они обещают впредь ничего подобного не допускать, но три месяца спустя история повторяется. Франк живописал все это так правдоподобно, будто речь шла о его собственных истерических припадках раскаяния...

Затем обсуждение коснулось «нюрнбергских законов», Франк полагал, что теперь, задним числом, понимает всю их ненужность. А вообще, если быть откровенным до конца, все дело было в трудолюбии и успехах евреев! Именно это возбуждало зависть в немцах, которые кос в чем от них отставали — в коммерции, например, или же во части свободных профессий.

Идеальным выходом из положения Франк считал переселение евреев во Францию. Там отчаянное положение с рабсилой, так что прилежание евреев оказалось бы там в цене. Французы ведь закоренелые лентяи — как и поляки.

Я спросил его, а что, если бы и французы, по примеру немцев, воспылали бы завистью к трудолюбивым и прилежным евреям. Однако Франк продолжал разглагольствовать о поляках, но не о Германии, считая, что во Франции все же подобных сложностей не возникло бы — французы, в отличие от поляков, народ культурный.

Утреннее заседание.

Доктор Маркс выступал с заключительной речью по защите Штрейхера. К великому неудовольствию Штрейхера, он представил своего клиента как человека, одержимого антисемитизмом, которого немецкий народ и всерьез не воспринимал. На самом деле даже и Гитлер не воспринимал Штрейхера всерьез, хоть и до самого конца поддерживал «Штюмер». Естественно, Штрейхер не имел и не мог иметь ни малейшего отношения к проводимому нацистами геноциду еврейского населения, даже не знал ни о чем подобном, хотя смутно догадывался.

Обеденный перерыв. Невинность «агнца Божьего» стала уже анекдотичной среди обвиняемых, обедавших в отсеке для младших. Ну, сами посудите — министр иностранных дел — подмастерье; начальник ОКВ — просто мелкий чиновник; все юдофобы фанатики, оказывается, испокон веку выступали за гуманное решение «еврейского вопроса», понятия не имея об «окончательном», даже сам шеф гестапо Кальтенбруннер, и тот не знал, с чем его едят, а что же касалось Геринга — тот был вообще вне всякой критики, особой неприкосновенной.

События, произошедшие в тот день в мире, возбудили не меньший интерес, чем выслушанные утром речи представителей защиты. Протест Молотова против разделения Германии стал своего рода маленькой сенсацией!

Папен, немо уставившись в заголовок, заверил всех, что глазам своим не верит. Но минуто спустя все же обрел дар речи и уточнил, что замысел русских, несомненно, предусматривает не дать Франции превратиться в сильную державу, где в настоящий момент благодаря расколу коммунистов и социалистов голоса достались христианским демократам. Риббентроп, обедавший в соседнем отсеке, также некоторое время пребывал в ступоре, затем погрузился. Нет сомнения, что русские рано или поздно приберут к рукам всю Германию, поэтому и не хотят допустить, чтобы ее сейчас разорвали на куски.

Большинство обвиняемых высказывали сходные мнения, но склонны были объяснять такой ход конем русских скорее их стремлением как можно дальше продвинуться на запад Европы, нежели каким-либо планам, касавшимся отдельно Германии. Все это, по их мнению, было довольно неуклюжей аргументацией в пользу территориальной целостности Германии.

13 июля. Расовое учение Штрейхера

Камера Штрейхера. По завершении заключительного выступления адвоката Штрейхера у меня состоялась краткая беседа с самим обвиняемым. Штрейхер повторил мне кое-что из своих прежних утверждений: нет сомнений в том, что Гитлер отдал приказ на истребление евреев, и что такие намерения высказывались еще до войны.

К началу войны он, по-видимому, почуяв, что конец его скор, решил прихватить с собой на тот свет и евреев. Однако все оказалось совсем не простым делом — необходимо было истребить *всех евреев поголовно*, а между тем в других странах их было столько, и размножались они такими темпами, что срочно потребовалось измыслить что-то сверхрадикальное. Так что идея Гитлера искоренить всю эту расу, как можно догадаться, была изначально неосуществимой.

Гитлер совершил одну ошибку, уничтожив столько евреев, потому что превратил их тем самым в народ мучеников, а это отодвинуло «окончательное решение еврейского вопроса» как минимум лет на 100. К такому решению необходимо было подойти по-государственному, действовать сообща — ведь на то немцы и люди одной крови, чтобы действовать сообща.

Один из законов природы гласит — люди одной и той же крови тянутся друг к другу, а разве можно идти против законов природы? Я спросил Штрейхера, что он, собственно, понимает под «кровью», «расой», «законами природы». Он пробормотал в ответ что-то о 24 хромосомах. Я ответил, что в курсе, что такое хромосома, как и о том, у кого сколько их, тем не менее сгораю от любопытства узнать, существуют ли некие отличительные признаки, характерные черты,

присущие исключительно евреям. Пока что современной науке ни о чем подобном неизвестно.

Штрейхер упорно настаивал на наличии особых анатомических особенностей, встречающихся только у евреев, хотя и тут полно всякого рода исключений, нередко лишь специалисту удастся их определить.

В первую очередь это глаза, ответил он. Еврейские глаза совершенно другие. Я поинтересовался, какие именно, но он лишь продолжал утверждать, что другие. Но как установил лично он, Штрейхер, зад еврея в этом смысле куда показательнее глаз.

Я осведомился, какими же типично еврейскими чертами природа решила одарить мягкое место иудея.

— О, задница у них совершенно отлична от остальных задниц, — ухмыльнулся он с видом спеца, чувствовалось, что к этому Штрейхер относился в высшей степени ответственно. — Еврейская задница, она, знаете, такая женственно-округлая, мягонькая, словом женственная, — пояснил он, порочно поблескивая глазами и рисуя в воздухе женственные и мягонькие, на его взгляд, пропорции. — А еврейская походка? С первого взгляда ты уже видишь, что перед тобой еврей. Помню, когда я находился в Мондорфе, меня допрашивали четверо — и все евреи. По их задницам, но тому, как они двигались, ходили по комнате я и определил то, чего другие не могли.

А этот их язык жестов? Конечно, не у всех это проявляется! И если иногда трудно бывает определить еврея по строению тела, то поведение обязательно выдаст его. Немец ведь всегда такой открытый — совершеннейший ребенок. А еврей — тот насквозь фальшив...

Я 25 лет жизни посвятил изучению этого, и нет другого такого специалиста, который разбирался бы в этом лучше меня. Я вот, например, хорошо изучил этих людей в зале, я в одну секунду еврея определяю, а некоторым надо целый день глаз с него не спускать, чтобы раскусить в нем еврея и убедиться, что я прав. Возьмите хотя бы представителей обвинения — там же еврей на еврее.

Я спросил, уж не считает ли он евреем обвинителя Джексона. Штрейхер с издевкой уведомил меня, что настоящее его имя не Джексон, а какой-нибудь Якобзон, и он — еврей, как и все остальные. (То же самое уже высказывалось им недавно и Гольдензону.)

Утреннее заседание.

Доктор Заутер завершил заключительную речь по защите Шираха, подчеркнув тот факт, что Ширах полностью отказывался от национал-социализма и антисемитизма.

В перерыве и перед обедом Геринг все время задевал Шираха и подыскивал сообщников среди других обвиняемых, из тех, кто, как и он, осуждал Шираха за отказ от национал-социализма. Поскольку взаимоотношения на геринговском конце скамьи подсудимых заметно охладились, бывшему рейхсмаршалу пришлось передислоцироваться поближе к центру ее, в надежде обрести единомышленников в лице Заукеля, Розенберга и Франка.

И Франк кос в чем поддался влиянию.

— Я вообще-то тоже против угодничества перед судьями. Все равно что строить защиту человека ныне женатого на том, что он когда-то был холостяком.

Обеденный перерыв. Кейтеля и Йодля не на шутку напугала новость о том, что все 75 служащих подразделений «ваффен СС» были признаны виновными в расправе над американскими военнопленными. 43 человека были приговорены к смертной казни, 30 — к различным срокам тюремного заключения. Приговоренный к смерти полковник Пейпер, по утверждению Кейтеля, был хорошим командиром.

Я заметил, что он, видимо, очень добросовестный офицер, с особым рвением исполнявший приказы и распоряжения начальства. Кейтель ответил, что Пейпер, несмотря на расправу с пленными, которая по его, Кейтеля, мнению совершенно непростительна, все-таки был очень хорошим подчиненным. Йодль в соседнем отсеке успокаивал себя тем, что генерал Зепп Дитрих, командующий дивизией, в которой служил Пейпер, отделался всего лишь пожизненным заключением. Это говорило в пользу того, что вина офицера высокого ранга все же могла быть расценена, как менее серьезная, чем вина его подчиненных, непосредственно участвовавших в исполнении приказа, то есть совершении преступления.

Йодлю показалось любопытным и то, что генерал Штудент отделался сравнительно легко, а потом его и вовсе оправдали в связи с прохождением по другому делу.

— Потому что один из американских офицеров заявил о том, что он — человек порядочный! — со значением добавил Йодль. После обеда неугомонный Геринг продолжал вербовать себе сторонников по принципу общности объектов ненависти. Мне доложили, как он с Дёницом и другими протестантами распинался о том, что евреи буквально наводнили зал судебных заседаний и что католическая церковь готова благословить и большевизм, однако трудновато ей потом будет угождать и нашим, и вашим.

Затем он снова вернулся к центру скамьи подсудимых — необходимо было повторить ту же самую байку и Франку, однако в беседе с ним Герингу пришлось воздержаться от всяких нападок на католическую церковь, ограничившись бранью в адрес евреев и коммунистов.

23 июля. США и СССР.

Обеденный перерыв. Вчерашний парижский номер «Нью-Йорк геральд трибюн» вышел под заголовком «Мак-Нарни призывает союзников к экономическому объединению бывшего рейха». Кроме того, в газете были помещены отзывы на книгу посла Буллита «The Great Globe Itself». За обедом Шахт зачитал и статью и отзывы Дёницу, Папену и Нейрату. Вся троица выразила удовлетворение признаками наступившего похолодания в отношениях между Россией и Америкой. Обсуждение книги Буллита вызвало куда больший интерес, нежели призыв Мак-Нарни, о котором обвиняемые, судя по всему, уже были информированы.

Все внимательно слушали Шахта: *«Позабудьте о нескольких миллионах человеческих жизней».*

«Президент Рузвельт, как теперь заявляет м-р Буллит, потребовал самую ерундовую цену за помощь. Вряд ли президент США мог совершить ошибку страшнее, как считает м-р Буллит; и тут же довольно безответственно

добавляет, что «имена тех американских граждан, внушивших президенту мысль, что Сталин — это, мол, смесь Авраама Линкольна и Вудро Вильсона, украсят любой черный список». В качестве обоснования этому Буллит отваживается утверждать, что мы, дескать, ничего не просили и «ничего» не получали. Верно, ничего, если полагать, что 5 или 6 миллионов человеческих жизней — ничто. Неужели это действительно «ничто» для американцев?»

Шахт заявил:

— Разумеется, это всего лишь ироничное отношение критика. Остальные закивали головами, и Шахт продолжил чтение.

«В своем заявлении касательно истоков советской политики м-р Буллит совершенно забывает о вероятно неразумных, однако совершенно искренних страхах русских, что Запад уничтожит их. Как совершенно справедливо замечает м-р Буллит, страх этот, начиная с 1919 года, не был таким уж и безосновательным; события же 1938 года подтвердили наихудшие опасения. Эта наивная, истеричная книжонка послужит очередным подтверждением этих опасений».

*Программа, означающая войну».

«Именно это и представляет собой предложенная Буллитом «конструктивная политика прекратить все виды помощи странам, оказавшимся под господством Советского Союза; создание «Демократического объединения европейских государств в которое войдет как можно больше вышедших из-под советского влияния стран; четкая и ясная антисоветская направленность внешней политики».

— Гм, стало быть, новый «Антикоминтерновский пакт», — ухмыльнулся Нейрат, как бы утверждая: «Значит, опять все сначала».

Папен высказал мысль о том, что необходимо добиваться взаимопонимания и сотрудничества с Россией, а не грозить ей войной, поскольку Германия однажды уже совершила подобную ошибку.

Шахт читал дальше:

«Разумеется, это означает войну. Но м-р Буяпит пытается это двояким образом отрицать. «Давайте себе со всей определенностью представим, что мы задумали напасть на Советский Союз», начинает он свои рассуждения. «Благодаря наличию у нас атомной бомбы и мощной авиации мы сегодня сильнее Советского Союза настолько, что в состоянии сокрушить его», продолжает он... По-видимому, м-р Буллит чуточку не в себе, если позволяет себе подобные безответственные призывы и утверждения!»

Дёниц лишь усмехнулся, но предпочитал помалкивать. Он лишь бросил мне один из своих многозначительных взглядов, затем, подойдя к окну, покачал головой с таким видом, будто погружен в тяжкие раздумья. Однако теперь для меня уже не составило труда догадаться, о чем он размышлял: вот теперь-то американцам и понадобится та самая субмарина «Х»! Вот теперь-то они найдут и ему самому куда лучшее применение, нежели отправлять в тюрьму за военные преступления.

Внизу, уже на скамье подсудимых Геринг с Риббентропом, почуяв, что подул новый ветерок, ударились в дискуссию со мной. Бывший рейхсмаршал утверждал, что, мол, всегда знал, что Буллит настроен против русских, но и против нацистов тоже, что, по мнению Геринга, заключает в себе мощное противоречие — национал-социализм испокон веку боролся со своим антиподом по имени большевизм. Эта мысль вывела из коматозной дрёмы даже Гесса:

— Верно, верно, это не что иное, как противоречие! — подтвердил он.

Риббентроп впервые за все эти недели искренне рассмеялся, услышав о том, что Буллит за то, чтобы применить атомную бомбу, заставить «этих русских обделаться со страху!» Когда Риббентроп перевел фразу о том, что Россия спит и видит, как создать свою собственную атомную бомбу, чтобы напасть на нас, Геринг прямо-таки встрепенулся:

— Да, да, несомненно! Это и ребенку понятно, да и вообще любому, кто хоть самую малость смыслит в политике... Максимум через пять лет она у них будет...

Мое присутствие явно не располагало их к откровенности на эту тему. Однако по их расплывшимся в довольстве физиономиям и

самодовольным улыбкам без труда можно было понять, что малейший признак напряженности в отношениях между США и СССР был для них, что бальзам на душу.

26 июня. Заключительные речи обвинения.

Утреннее заседание.

Обвинитель Джексон выступил с заключительной речью, как представитель американского обвинения:

«Мы можем быть уверены в одном. Будущим поколениям никогда не придется с недоумением вопрошать, что же могли сказать нацисты в свое оправдание. История будет знать, что все, что они могли сказать, им было позволено сказать. Они получили возможность предстать перед судом такого рода, право на который в дни их процветания и славы они не предоставляли никому...

Важная и разносторонняя деятельность Геринга носила полумилитаристский и полубандитский характер. Он тянулся своими грязными руками за каждым куском пирога...

Он также стоял за истребление оппозиции и за инсценировку скандальных инцидентов для того, чтобы избавиться от упрямых генералов. Он создал военно-воздушные силы и бросил их на своих беззащитных соседей. Он был одним из самых активных участников изгнания евреев из страны...

Фанатик Гесс, перед тем как его обуяла страсть к странствованиям, был инженером, управлявшим механизмом партии, передававшим руководящему составу партии пропагандистские установки, осуществлявшим надзор над всеми сторонами деятельности партии и сохранявшим ее наготове, как преданное и послушное оружие власти.

Когда за границей начинали осознавать положение вещей и тем самым ставился под угрозу успех нацистских захватнических планов, на сцену выступал двуличный Риббентроп — торговец ложью, который должен был лить

масло на взволнованную подозрениями воду, выступая с проповедями об ограниченных и мирных намерениях.

Кейтель, безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии — вооруженные силы и направлял их при выполнении поставленных перед ними преступных задач.

Кальтенбруннер, великий инквизитор, принял от Гейдриха его кровавый плащ с тем, чтобы задушить оппозицию и добиться покорности террором; он утвердил власть национал-социализма на трупах безвинных жертв.

Розенберг, духовный отец и высокий проповедник теории «расы господ», явился создателем доктрины ненависти, которая послужила первым импульсом к уничтожению еврейства и вызвала применение его атеистических теорий на практике на восточных оккупированных территориях.

Фанатик Франк утвердил нацистский контроль путем установления новой власти, основанной на беззаконии, тем самым превращая волю партии в единственный критерий законности; он экспортировал свою систему беззакония в Польшу, которой он правил с тиранией Цезаря, и сохранил в живых лишь жалкие остатки ее населения.

Фрик, безжалостный организатор, помогал партии при захвате власти, руководил полицейскими учреждениями с тем, чтобы сохранить для нее власть, и приковал экономику Богемии и Моравии к германской военной машине.

Штрейхер, ядовитый пошляк, составлял и распространял непристойные расовые пасквили, которые побуждали народ одобрить все усиливавшиеся по своей безжалостности операции по «расовому очищению» и содействовать их проведению.

В качестве министра экономики Функ ускорял темпы вооружения, а в качестве президента имперского банка он помещал на хранение в банк золотые коронки с зубов жертв концентрационных лагерей. Это, по всей вероятности, самый жуткий источник дохода в истории банков.

Шахт, скрываясь под личиной накрахмаленной респектабельности, ранее служил удобной ширмой (приманка, на которую ловились сомневающиеся элементы); впоследствии его махинации дали возможность Гитлеру финансировать колоссальную программу перевооружения, сохраняя при этом полную секретность.

Дёниц, принявший от Гитлера в качестве наследства поражение, способствовал успеху нацистских агрессий, инструктируя свою свору убийц с подводных лодок вести морскую войну с незаконной свирепостью джунглей.

Редер, политический адмирал, украдкой построил военно-морской флот Германии, вопреки Версальскому договору, и затем предоставил его для использования в серии агрессий, в планировании которых он принимал большое участие.

Фон Ширах, отравивший целое поколение, посвятил германскую молодежь в суть нацистской доктрины, подготовил ее в легионах для службы в СС и вермахте и передал нацистской партии как фанатичную, послушную исполнительницу воли последней.

Заукель, самый крупный и самый жестокий работороговец со времен египетских фараонов, добывал остро необходимую рабочую силу путем угона народов других стран в страну рабства, причем в таких масштабах, которые были неизвестны даже в древние дни тирании в царстве на Ниле.

Йодль, предатель традиций своей профессии, руководил вооруженными силами, нарушая их собственный кодекс военной чести для того, чтобы осуществлять варварские цели нацистской политики.

Фон Папен, благочестивый агент атеистического режима, держал стремя, когда Гитлер вскакивал в седло, помог аннексировать Австрию и посвятил свою дипломатическую изворотливость делу достижения нацистских целей за границей.

Зейсс-Инкварт, возглавивший пятую колонну в Австрии, возглавил правительство своей собственной страны лишь для того, чтобы преподнести ее Гитлеру в качестве подарка, и

затем, двинувшись на север, принес террор и угнетение в Нидерланды и разграбил их экономику ради германского неумолимого бога Кришна.

Фон Нейрат, дипломат старой школы, который метал бисер своего опыта перед нацистами, руководил нацистской дипломатией в ранние годы, успокаивал опасения будущих жертв и, как имперский протектор Богемии и Моравии, укрепил позицию Германии для будущего нападения на Польшу.

Шпеер в качестве министра вооружения и военной промышленности начал сотрудничать в планировании и проведении в жизнь программы принудительной доставки военнопленных и иностранных рабочих для германской военной промышленности, добившись того, что выпуск продукции этой промышленности повышался, в то время как рабочие таяли, вымирая от голода.

Фриче, начальник радиопропаганды, подтасовывая факты, добивался от германского общественного мнения яростной поддержки режима и таким образом парализовал у населения способность к самостоятельному суждению, так что оно, ни о чем не спрашивая, подчинялось приказам своего хозяина.

Борман, который не принял нашего приглашения на это собрание, управлял регулятором огромных и мощных моторов партии, направляя ее во всех областях безжалостного проведения нацистской политики, начиная от бичевания христианской церкви и кончая линчеванием захваченных союзных летчиков.

В своей деятельности все эти подсудимые, несмотря на их различное происхождение и способности, присоединились к усилиям других заговорщиков, которые сейчас не находятся на скамье подсудимых, но которые тем не менее играли важную роль в выполнении других задач общего плана. Они представляли собой хорошо слаженный, четко работавший механизм, движимый стремлением к общей цели: перекроить карту Европы силой оружия...

Эти люди уничтожили свободное правительство в Германии, а сейчас просят освободить их от ответственности, потому что они стали рабами. Они находятся в положении мальчика из сказки, который убил своего отца и мать, а затем просил о снисхождении, потому что остался сиротой. Но эти люди не заметили того, что действия Адольфа Гитлера — это их действия. Именно эти люди из миллионов других, руководя миллионами других, создали Адольфа Гитлера и облекли эту психопатическую личность властью принимать не только решения по многочисленным общим вопросам, но также и разрешать важнейший вопрос о войне и мире. Они допьяна напоили его властью и заставили людей заниматься перед ним низкопоклонством.

Они разжигали его ненависть и вселяли в него чувство страха. Вложив в протянутые руки Гитлера заряженное ружье, они именно ему предоставили нажать курок, и когда он это сделал, все они это в то время одобрили.

Его вина признается одними подсудимыми неохотно, другими — с чувством мести. Но его вина — это вина всех вместе и каждого из них в отдельности, кто находится на скамье подсудимых. Защита убеждает нас, что эти подсудимые не могли создать общий план или быть соучастниками одного и того же заговора, потому что между ними происходила борьба, и они принадлежали к различным фракциям и юшкам. Нет необходимости в том, чтобы люди были согласны абсолютно по всем вопросам для того, чтобы они сумели сговориться между собой в такой степени, что их сговор можно рассматривать как преступный заговор.

Без сомнения, были заговоры и внутри заговора, так же как интриги, соперничество и борьба за власть. Шахт и Геринг разошлись во мнениях по вопросу о том, кто из них должен осуществлять контроль над хозяйством страны, но у них не было разногласий в отношении того, что все хозяйство должно быть регламентировано для проведения подготовки к войне.

Геринг заявляет, что он действовал помимо общего плана, аргументируя это тем, что через Далеруса он вел

некоторые переговоры с влиятельными людьми Англии как раз перед польской войной. Однако совершенно ясно, что это было сделано не для того, чтобы предотвратить агрессию против Польши, а имело своей целью обеспечение успеха и безопасное проведение этой агрессии, добившись нейтралитета Англии, Розенберг и Геринг, быть может, были не во всем согласны по вопросу о том, как распределять награбленные произведения искусства, но в отношении того, как следует производить этот грабеж, у них никаких разногласий не было.

Йодль и Геббельс, быть может, расходились во мнениях по вопросу о том, следует ли денонсировать Женевскую конвенцию, но у них никогда не было разногласий по поводу нарушения ее. Подобным же образом обстоит дело на всем протяжении подлой истории их заговора. Мы не встретили ни единого случая, когда бы один из подсудимых поднялся и заявил против остальных: «Это неправильно, я не буду делать этого». Как бы они ни расходились во мнениях, спорным вопросом всегда являлся лишь вопрос о методе или компетенции, но эти разногласия никогда не выходили за рамки общего плана».

Обеденный перерыв. Большинство обвиняемых чувствовали себя задетыми и даже оскорбленными тем, что представители обвинения до сих пор рассматривали их как преступников. Папен, сбросив свою обычную в общении со мной маску дружелюбия, осудил речь Джексона:

— Это больше похоже на речь демагога, но никак не ведущую представителя американской юриспруденции... Для чего, в таком случае, мы торчали здесь эти восемь месяцев? Представителям обвинения в высшей степени безразлично мнение нашей защиты! Им все еще хочется называть нас лжецами и убийцами!

Дёниц, забросив на время обличение лицемерных политиков, вторил Папену, от всего сердца поддерживая его — ему и самому досталось от Джексона.

Шахт принял участие в обсуждении речи Джексона, выложив и свои личные претензии к представителям обвинения и горячо

поддержав Папена и Дёница.

— Мне кажется, от меня ждут, что я должен был заявить ему в лицо, что, мол, собираюсь его убить! Речь эта достойна всяческого сожаления! Уровень ее никуда не годится!

И все тут же сошлись во мнении, что уровень речи Джексона ниже некуда.

Геринг в ответ на неоспоримые доказательства, задевавшие его гордыню, лишь, как обычно, пожимал плечами.

— О, нечто подобное я и ожидал. Пусть, пусть себе вволю поливает меня грязью, если ему охота! Я ничего иного от него и не ждал!

Его точку зрения можно было бы свести к пословице: «Хоть горшком называйте, да только в печь не сажайте!», хотя он об этом и не говорил открыто. Но то, что и его недруги получили по заслугам, вызывало в бывшем рейхсмаршале злорадное удовлетворение:

— Во всяком случае, те, кто расстилался перед судьями, обвиняя нацистский режим во всех смертных грехах, получили свое. И поделом. Они рассчитывали улизнуть, отмазавшись.

Тем самым Геринг намекал на Шпеера, Шираха и Шахта, которые, по его мнению, заключили с представителями обвинения некий пакт о том, что, мол, если выступят на процессе с обвинением в адрес нацистов, то отделаются сравнительно легко. Я возразил ему, сказав, что он и сам прекрасно понимает, что подобные домыслы — чистейший абсурд.

— Ладно, ладно, согласен, но они все равно думали, что это им зачтется и они сумеют улизнуть!

Я снова не согласился с Герингом, заявив о том, что хотя бы обвинение нацизму Шпеера и Шираха было результатом горького разочарования и попыткой раскрыть глаза немецкому народу на вину своего бывшего фюрера.

Геринга такая трактовка явно не устраивала, и он стал защищать себя, сравнив себя с Шахтом:

— Верно! Но но мне уж лучше предстать перед всеми в образе убийцы, а не приспособленца и подхалима, как Шахт! И в глазах всех я выглядел лучше! Теперь любой о нем скажет: «С одной стороны вы — предатель, с другой — сами разоблачили себя, как угодника!» Нет уж, я как-нибудь останусь тем, кто есть.

Продолжая бормотать о «недостойных оскорблениях» Джексона, Геринг надеялся, что представители обвинения Великобритании поведут себя куда более по-джентльменски. И все же весь этот процесс — фарс, да и только. Ибо представителям обвинения наплевать на представленные ими в своей защите доводы.

Я напомнил Герингу, что у них на защиту было целых полгода и что остается еще и последнее слово. Он категорически не согласился со мной:

— Нет, тут вы ошибаетесь — последнее слово всегда за *судьей*.

И тут же, чтобы у меня, не дай бог, не создавалось впечатления, что он все же признает себя виновным, торопливо добавил:

— А победитель, как я уже вам говорил, *всегда прав!*

Штрейхер пребывал в приподнятом настроении оттого, что те, кто поддерживал представителей обвинения, все же получили свое. Удостоившийся эпитета Джексона *ядовитый пошляк*, Штрейхер, нимало не смущаясь, толкнул очередную торжественную речугу, на сей раз, правда, он решил осваивать принципиально иную область. Продолжавшиеся в Палестине восстания убедили его в том, что, оказывается, евреям никак не занимать ни мужества, ни высокого боевого духа, и теперь он, Штрейхер, преисполнен к ним самого высокого уважения. Ей-богу! Он даже готов сражаться в их рядах за их правое дело!

Загибая пальцы, Штрейхер принялся перечислять достоинства евреев:

— Каждый, кто способен сражаться, противостоять врагу, защищать себя, оставаться верным своим убеждениям — вызывает мое глубокое *уважение!* Да что я — сам Гитлер, будь он жив, вынужден был бы признать, что евреи — раса мужественных! И теперь я готов к ним присоединиться и помочь им в их борьбе! Нет, нет, я не шучу!

Йодль и Розенберг, слушая эту не совсем обычную тираду Штрейхера, весело глядели на него.

— Это точно, поверьте — я не шучу! И, знаете, почему? Да потому что этот демократический мир обессилел, он уже неспособен на дальнейшее существование! Я целых 25 лет предостерегал мир от них, а теперь вижу, что евреи преисполнены решимости и мужества. Они еще покорит мир, запомните мои слова! И я был бы рад помочь им одержать эту победу за то, что они сильны и несгибаемы. А уж я знаю

евреев! И мужества мне тоже не занимать! И нестигаемости! И если евреи готовы принять меня в свои ряды, я буду сражаться на их стороне — если я действительно верю во что-то, я способен и постоять за это!

Йодль и Розенберг уже хохотали буквально до слез.

— Я так долго изучал их, что мне уже не составит труда адаптироваться среди них — во всяком случае, в Палестине я мог бы возглавить группировку. Я серьезно говорю. Если понадобится, могу и написать им об этом. *Выступить с предложением!* Так, мол, и так, позвольте мне произнести речь в Нью-Йорке, в Медисон-сквер-гарден!

Я, правда, позволил все же спросить у него, каким образом евреям завоевывать мир, если нацисты уничтожили большую часть евреев в Европе. Розенберг и Йодль, услышав это, усмехнулись. А Фрик, Кальтенбруннер и Риббентроп, внимательно слушавшие наш разговор, внезапно отвернулись.

— Ну, я не думаю, что большую часть, как они утверждают, — ответил Штрейхер. — Не думаю, что речь может идти о шести миллионах, в крайнем случае, *о четырех*. А по моим подсчетам, в мире их целых 16 миллионов — естественно, это не считая полукровок! Но они ведь на всех ключевых постах в мире и настроены этим миром управлять. А так как я хорошо понимаю их намерения, я мог бы очень им пособить. Разумеется, для этого необходимо, чтобы после объявления приговора мне выдали *отпускное*.

Послеобеденное заседание.

С заключительной речью выступил представитель обвинения Великобритании сэр Хартли Шоукросс:

Не подлежит сомнению, что эти подсудимые принимали участие и несут моральную ответственность за преступления, столь ужасающие, что при самой мысли о них воображение отказывается их постичь...

...большие города — от Ковентри до Сталинграда, — стертые в прах; опустошенные деревни и неизбежные последствия такой войны — голод и болезни, гуляющие по всему миру, миллионы бездомных, искалеченных, обездоленных. И в могилах своих вопиют не о мщении, а о том, чтобы это больше никогда не повторилось, десять

миллионов тех, кто мог бы сейчас жить в мире и спокойствии, десять миллионов солдат, моряков, летчиков и мирных людей, павших в боях, которых не должно было быть...

Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более шести миллионов, по данным самих убийц...

Доказательства, говорящие о том, что эти территории являлись местом, где в масштабах, непревзойденных в истории, господствовали убийство, рабство, террор и грабеж в нарушение всех элементарных правил оккупации воюющей стороной. Эти доказательства не были ничем серьезно опровергнуты. Эти преступления не являлись ни в коей мере случайными или совершенными в результате садизма какого-нибудь Коха в одном месте или жестокости какого-нибудь Франка в другом. Они были неотъемлемой частью преднамеренного и систематического плана, в котором мероприятия в отношении рабского труда были лишь побудительным симптомом. Чтобы создать «тысячелетнюю империю», они приступили к истреблению или ослаблению расовых и национальных групп в Европе или таких прослоек, как интеллигенция, от которых в главной мере зависит существование этих групп...

Эта ужасная попытка прекратить существование свободных и древних наций проистекает из всей нацистской доктрины о тотальной войне, которая отказывается от понятия, что войны являются лишь войнами государств и армий, как это предусматривает международное право. Нацистская тотальная война явилась также войной против гражданского населения, против народа в целом. Гитлер заявил Кейтелю в конце польской кампании: «Жестокость и суровость должны лежать в основе этой расовой борьбы для того, чтобы освободить нас от дальнейшей борьбы с Польшей». Эта цель биологического истребления расы (геноцида) была сформулирована Гитлером в его разговоре с Германом Раушнингом в следующих выражениях: «После войны французы жаловались, что немцев на 20 миллионов больше, чем нужно. Мы соглашаемся с этим заявлением. Мы

приветствуем регулирование численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы каким-либо другим образом разрешим вопрос об этих двадцати миллионах. После всех этих веков хныканья о защите бедных и угнетенных пришло время для нас решиться защищать сильных против слабых. Одна из основных задач германского государственного управления заключается в том, чтобы навсегда предотвратить всеми возможными средствами развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам не только необходимость побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал прерогативу на уничтожение целых племен, целых народов. Осуществляя это постепенно и без кровопролития, мы демонстрируем нашу гуманность.

Сэр Хартли представил обзор сосредоточения нацистами власти в своих руках, агрессии против других государств, военные преступления, преступления против человечности, заклеив обвиняемых, как «подлых убийц».

В конце судебного заседания Геринг сказал Риббентропу:

— Дожили, нечего сказать — будто мы и не представили свою защиту!

— Да, это пустая трата времени, — согласился с ним Риббентроп.

Кейтель, не глядя ни на кого, с остекленевшим взглядом проследовал к лифту, спеша спуститься вниз первым и вообще уйти с глаз долой.

Тюрьма. Вечер

Камера Риббентропа. Беспорядок в камере был еще ужаснее, чем обычно. На койку была брошена груда белья, стол завален листками бумаги, на которых бывший глава внешнеполитического ведомства рейха суетливо набрасывал свои мысли, в углу кучей были свалены книги, белье и бумаги, неопрятность самого обитателя камеры поражала.

— Так вы слышали сэра Хартли Шоукросса? — после продолжительной паузы спросил меня Риббентроп и удрученно поцокал языком. Мне показалось, что ему приходится делать над собой усилие, чтобы говорить. — Джексон по сравнению с ним сегодня утром был сама любезность. Сказать о нас такое! Это уже просто неблагородно! Вы считаете это допустимым? Я тут кое-что записал на память!

И бросился к столу разгребать листки бумаги, чтобы зачитать мне кое-какие фразы Джексона.

— Вот здесь он говорит о том, что якобы я в присутствии министра Бонне допустил высказывание в антисемитском духе. Я не мог сказать ничего подобного уже хотя бы потому, что всегда считал самого Бонне евреем. Так что такого и быть не могло! Далее, он утверждает, что я оказывал давление на Шушнига. Да мы с ним всего два часа беседовали — и кто-то берется утверждать, что я мог оказать на него давление!

— Папен заявил, что именно так все и было, причем сказано это не в частной беседе, а у свидетельской стойки во время перекрестного допроса сэром Дэвидом — если вы, конечно, помните.

— О, так он об этом и правда заявил? Ну, может, он просто путает меня с Гитлером. Мне кажется, тот с ним говорил без обиняков. Но я — нет! То есть я *предполагаю*, что Гитлер мог такое сказать, но знать это точно — нет, не знаю.

Риббентроп и далее продолжил представлять свои путанные оправдания в тщетной попытке снять с себя ответственность за развязывание войны, за агрессии против других стран. Он упомянул о бесстыдной позиции, занятой Польшей в вопросе о данцигском коридоре. Но суд ведь доказал, что Гитлер заранее планировал нападение на Польшу, возразил я. Пограничный инцидент в Глейвице — лишь провокация, которой он воспользовался для развязывания войны.

Риббентроп принялся уверять меня, что на тот момент ничего подобного ему известно не было, что же касается инцидента в Глейвице, он даже решил занести его в свою личную «Белую книгу», поскольку не сомневался, что это провокация самих поляков.

На тему преследования евреев он заявил мне следующее:

— Никто не потратил столько нервов, переубеждая Гитлера изменить курс, как я! По этому поводу у нас с ним было четыре или даже пять серьезных споров — я же вам о них рассказывал, помните? Но он просто ни в какую не хотел идти ни на какие уступки! Что тут можно было поделаться? Сначала еще я поднимал эту тему, но потом он даже упоминать о ней запретил.

Стычка Риббентропа с Гитлером 1940 года по какому-то явно малосущественному вопросу разрослась в воображении бывшего министра иностранных дел до масштабов серьезнейшего конфликта по принципиальному вопросу отношения к евреям, причем он отводил себе роль радетеля за интересы евреев и их главного в Третьем рейхе заступника. Потом из одного конфликта их стало уже «четыре или даже пять».

Камера Геринга. Когда я проходил мимо, он зазвал меня к себе.

— Все сказанное мною сегодня за обедом беру назад, — заявил мне Геринг. — Джексон был еще снисходителен, если сравнить его речь и речь Шоукросса. (Мне сразу же стало ясно, чье мнение выражал Риббентроп.) Да, льстить нам и говорить нам комплименты они явно не настроены! Вы не заметили, как он сказал такое, отчего я просто пришел в бешенство? Нет, я должен вам это показать! Эта история о 50 английских летчиках. Я же *доказал*, что меня там вообще не было! Были и другие высказывания, но тут уж приходилось делать вид, что я спокоен.

Знаете, а ведь кое-кто из нас даже составлял таблицы, в которых указывалось, сколько раз каждого из нас упомянул Джексон. Я на первом месте — 42 раза! А Шахт — только на жалком втором, и то с огромнейшим отрывом. Но я убежден, что вел себя все равно порядочнее, чем он, как я вам уже говорил сегодня днем! Мне тут дали прочесть вторую часть речи сэра Хартли — завтра с утра пораньше он даст жизни остальным! По сравнению с ними я вообще мальчик из церковного хора. Обязательно послушайте, что он скажет завтра утром.

Знаете, когда Джексон задал свой вопрос о том, как бы все выглядело, если бы здесь, в этом зале, представил бы свою защиту сам Гитлер, — а я вам точно могу сказать как! Первое, Гитлер взял бы на себя всю полноту ответственности. Второе, уверяю вас, кое-кто из нас, обвиняемых, уже не храбрился бы так. Им бы уже не удалось

отговориться своими бреднями о том, что они, мол, всегда были против него. Другое дело — Гиммлер.

Окажись он здесь, он, поняв, что ему уже терять нечего, позаботился бы о том, чтобы прихватить с собой на виселицу и парочку генералов вермахта. Он бы сказал — вон тот знал, и этот тоже. Вон тот совершил это зверство, а этот — то. И так далее.

— Как я понимаю, и против вас у Гиммлера нашлось бы кое-что из того, отчего вам не поздоровилось бы, — мимоходом бросил я.

Геринг, инстинктивно почуяв, что забрел на опасную территорию, тут же лихо дал задний ход.

— Не знаю, не знаю. Он никогда не был настроен против меня. Все это лишь политическое соперничество.

И рассмеялся.

— Но здесь, на этой скамейке, он бы мне, вне сомнения, уступил первенство. Я, например, всегда говорил, что первые 48 часов после гибели Гитлера были бы для меня самыми страшными, потому что он бы непременно попытался организовать мне либо «автокатастрофу», либо «инфаркт» вследствие «потрясения от смерти дорогого фюрера», или что-нибудь еще в том же духе. В таких делах он был настоящим докой! Но если бы мне присягнул вермахт, считайте, я в безопасности, а вот с *Гиммлером* было бы раз и навсегда покончено.

Камера Шахта. По мнению Шахта, обе речи — и Джексона, и Шоукросса — были отвратительными.

— Такая предвзятость и такая бестактность!

Что касалось его защитительной речи, так се словно и не было вовсе. Он же привел в ней убедительные доказательства своей невиновности. Я спросил у Шахта, неужели представители обвинения не имеют права отдельным пунктом обвинить его в тайном финансировании ремилитаризации.

— Но я ведь *сказал* им, что здесь моей вины нет. Я был только президентом имперского банка. Если министру финансов не хотелось об этом сообщать, это его вина. И если он не желал оплачивать подлежащие оплате счета — это самое настоящее преступление! Но я никогда не совершал ничего, что можно было бы назвать аморальным!

Подняв руку вверх, Шахт приложил се к груди слева, где сердце, будто принося клятву.

— Вот в чем отличие меня от Папена и Нейрата. Их можно спросить, почему они и дальше продолжали служить гитлеровскому режиму, даже узнав и поняв, что он за человек. Но не меня! После 1939 года я уже не занимал никакого поста. О, я скажу вам, этот суд покроет себя вечным позором, это будет удар по международному праву, если я не буду оправдан!

— Да, но вначале вы были в восторге от гитлеровских игрищ!

— *В восторге?* Ничего подобного! Я ведь говорил вам, что надеялся умерить его пыл... Мне *многое* можно поставить в упрек! Кто-то даже скажет, что, дескать, этот умница господин Шахт дал себя одурачить Гитлеру. Но вы никогда меня не упрекнете в том, что я *хотел* войны! И клеветой на меня будет, если вы станете утверждать, что, мол, я вступил в партию, когда она была на подъеме, а стоило ей покатиться под горку, как я тут же бросил ее в беде. На самом же деле я предпочел отойти от них как раз тогда, когда они были на пике могущества!

— Потому что поняли, что они стремятся к войне, — высказал мнение я.

— Нет, для подобного рода умозаключений тогда, в январе 1939 года, у меня еще не было оснований, я ушел из соображений *морального* порядка.

— Какие же могут быть моральные соображения, кроме угрозы войны?

— А такие, что Гитлер пожелал вооружаться, прибегнув к *инфляционным мерам*. Ему хотелось больше и больше денег, и он потребовал от меня, чтобы я просто взял да напечатал их побольше. А я отказался!

Камера Шпеера. Шпеер заявил, что он весьма доволен речью обвинителя, после того как прослушал всю чушь, представленную защитой, — каждый из адвокатов пытался выставить своего подзащитного эдаким невинным, маленьким человечком, отмыть всех обвиняемых в глазах немецкого народа. Шпеер понимал, отчего Геринг взбешен и почему утверждает, что именно по его, Шпеера, милости обвинение продолжает раскрывать версию заговора.

— Его убеждения мне ясны. У него уже есть агнец на заклание на случай вынесения смертного приговора, которого, по его мнению,

заслуживает большинство. И тогда он сможет сказать: «За это мы должны быть благодарны Шпееру». Геринг готов на все, лишь бы прикрыть свою собственную вину.

Шпеер был доволен тем, что Джексон не стеснялся в выражениях, разделяваясь с этим лицемером Герингом. Он считал, что речь была блестяще продумана и сформулирована — вина предъявлялась тому, кто ее заслуживал, — иными словами, *всем им*.

— Разумеется, они делали все, что в их силах, чтобы спасти свои головы от плахи. Но глупцы-адвокаты, похоже, так и не уяснили себе, что ведь речь идет об ответственности перед немецким народом и их самих. Вы только представьте себе, защитник Заукеля попытался оправдать рабский труд, лишь бы уберечь шею своего подзащитного от петли! И прими этот суд его доводы, в этом случае у союзников были бы все основания обречь на рабский труд *миллионы немцев*. Но если подобный замысел был квалифицирован как преступление, тогда и вы вынуждены удерживать себя в строгих рамках!

27 июня. Продолжение заключительной речи

Утреннее заседание.

Сэр Хартли Шоукросс продолжил свою заключительную речь, перейдя к перечислению зверств, творимых по отношению к евреям; цитировались Штрейхер, Франк и Гесс: «Геноцид принял характер производственного процесса с соответствующими побочными продуктами!» — заметил сэр Хартли.

(Скамья подсудимых забеспокоилась, обвиняемые, куда угодили меткие стрелы сэра Хартли, метали враждебные взгляды. Папен спрятал лицо в ладонях, когда сэр Хартли перешел к описанию того, как срезанный женский волос тщательно упаковывался, а золотые зубные коронки и пломбы отправлялись в имперский банк. Франк, Геринг, Штрейхер и Розенберг углубились в чтение предоставленного обвиняемым экземпляра речи.)

«Без криков и плача эти люди, раздетые, стояли вокруг семьями, целовали друг друга, прощались и ожидали знака от другого эсэсовца, который стоял около насыпи также с кнутом в руке. В течение 15 минут, пока я стоял там, я не слышал ни одной жалобы, ни одной мольбы о милосердии. Я наблюдал за семьей, состоявшей из восьми человек: мужчины и женщины — в возрасте около 50 лет с детьми, около 8 и 10 лет, и двумя взрослыми дочерьми, около 20 и 24 лет. Старая женщина со снежно-белыми волосами держала на руках годовалого ребенка, пела ему и играла с ним. Ребенок ворковал от удовольствия. Родители смотрели на него со слезами в глазах. Отец держал за руку мальчика приблизительно лет 10 и что-то мягко говорил ему. Мальчик боролся со слезами. Отец указывал на небо, гладил рукой его по голове и, казалось, что-то объяснял ему. В этот момент эсэсовец у насыпи крикнул что-то своему товарищу. Последний отсчитал около двадцати человек и приказал им идти за насыпь. Среди них была и та семья, о которой я говорил. Я запомнил девушку, стройную, с черными волосами, которая, проходя близко от меня, показала на себя и сказала: «23». Я обошел вокруг насыпи и оказался перед огромной могилой. Люди тесно были сбиты друг к другу и лежали друг на друге, так что были видны только их головы. Почти у всех по плечам струилась кровь из голов. Некоторые из расстрелянных еще двигались. Некоторые поднимали руки и повертывали головы, чтобы показать, что они еще живы. Яма уже была заполнена на две трети. По моему подсчету, там уже было около 1000 человек. Я поискал глазами человека, производившего расстрел. Это был эсэсовец, сидевший на краю узкого конца ямы; ноги его свисали в яму. На его коленях лежал автомат, он курил сигарету. Люди совершенно нагие сходили вниз по нескольким ступенькам, которые были вырублены в глиняной стене ямы, и карабкались по головам лежавших там людей к тому месту, которое указывал им эсэсовец. Они ложились перед мертвыми или ранеными людьми, некоторые ласкали тех, которые еще были живы, и тихо говорили им что-то. Затем я

услышал автоматную очередь. Я посмотрел в яму и увидел, что там бились в судорогах люди; их головы лежали неподвижно на телах, положенных до них. Кровь текла из затылков».

(Лицо Кальтенбруннера оставалось каменным. Заукель то и дело отирал выступивший на лбу пот; побледневший Фриче кусал губы. Геринг сидел, устало подперев голову ладонью, время от времени беспокойно ерзая на своем стуле. Ширах, сдвинув брови, сидел, точно изваяние. Франк и Розенберг продолжали читать речь Шоукросса, Фрик сидел с безучастно-угрюмым видом, пока обвинитель не назвал его фамилию в связи с эвтаназией больных, стариков и психически больных; после этого покраснел и опустил голову.)

«Много лет тому назад Гёте сказал про германский народ, что однажды судьба его накажет... «Накажет его, потому что он предал самого себя и не хотел оставаться тем, что он есть. Грустно, что он не знает прелестей истины; отвратительно, что ему так дороги туман, дым и отвратительная неумеренность; достойно сожаления, что он искренне подчиняется любому безумному негодяю, который обращается к его самым низменным инстинктам, который поощряет его пороки и поучает его понимать национализм как разобщение и жестокость...»

Как пророчески звучат его слова, так как ведь именно они — эти безумные негодяи, совершили эти деяния», — добавил сэр Хартли Шоукросс.

(Франк звучно выругался — «этот окаянный англичанин»! Розенберг что-то пробурчал, а Фрик тоже выругался, но потише, как бы про себя.)

«Какое имеет значение тот факт, что некоторые заслужили стократную смерть, тогда как другие заслужили миллион смертей?

В некотором отношении судьба этих людей значит очень немного: их личная возможность творить зло навсегда уничтожена. Они обвиняли и дискредитировали один другого

и в конце концов уничтожили легенду, которую они создали вокруг образа своего фюрера. Но от их судьбы может еще зависеть очень многое, так как будущее правды и справедливости в отношениях между народами всего мира, надежда на международное сотрудничество в будущем в деле совершения правосудия находятся в ваших руках. Этот процесс должен стать краеугольным камнем в истории цивилизации, принеся не только возмездие этим преступникам, не только показав, что, в конце концов, право торжествует над злом, но также показав, что все люди во всем мире (и здесь я не делаю разницы между друзьями и врагами) теперь будут определенно знать, что отдельный человек должен стоять выше государства. Государство и закон созданы для человека с тем, чтобы он с их помощью мог более полно пользоваться жизнью, жить более целесообразно и более достойно. Государства могут быть великими и могучими. В конечном итоге права человека, созданного, как все люди, по образу и подобию божьему, являются самыми важными. Когда какое-нибудь государство либо потому, что, как в данном случае, его руководители жаждали власти, территорий, либо под тем благовидным предлогом, что цель оправдывает средства, нарушает этот принцип, он, возможно, временно придет в забвение и останется в тени. Но он вечен, и в конечном итоге он станет еще более непоколебимым, и вечная его сущность станет еще более очевидной. Итак, после этой голгофы, через которую заставили пройти человечество, человечество, которое борется теперь за то, чтобы восстановить во всех странах мира самые обычные и простейшие вещи: свободу, любовь, взаимопонимание, обращается к настоящему Трибуналу и восклицает: «Вот наши законы, пусть они восторжествуют».

И тогда, как мы должны надеяться, не только для германского народа, но и для всего сообщества народов будут претворены в жизнь слова Гёте: «Так должен вести себя германский народ, даря миру и принимая от него дары, держа свои сердца открытыми для всех плодотворных чудесных источников, будучи великим, благодаря своему пониманию

других и любви, благодаря общению и духовной близости с людьми — таким он должен быть, таково его предназначение».

...И когда подойдет время вынести свой приговор, вспомните историю у могилы, но не из жажды отмщения, а в твердой убежденности, что ничему подобному в грядущем повториться не суждено!

Отец тогда — помните? — указывал на небо и, казалось, что-то объяснял мальчику».

Послесловие

В ожидании приговора

Процесс продолжался еще месяц, и представители обвиненных нацистских организаций взаимно обвиняли друг друга в творимых зверствах и военных преступлениях. 31 августа всем обвиняемым было предоставлено право сказать последнее слово. Геринг предал Гитлера, представив суду пространное заверение о своей невиновности, в котором призвал Бога и немецкий народ в свидетели, что он в своих поступках руководствовался исключительно патриотизмом. Столь неприкрытое лицемерие так взъярило Папена, что за обедом он, не выдержав, подошел к Герингу и гневно спросил:

— Кто же тогда, черт возьми, повинен во всех этих разрушениях, если не вы! *Вы* — второй человек в Рейхе! Неужели здесь некому за это ответить?

За окном столовой уныло громоздились развалины Нюрнберга.

Геринг с ухмылкой скрестил руки на груди:

— Ну, а почему бы *вам* не взять на себя ответственность за это? Вы же были вице-канцлером!

— А я взял на себя свою долю ответственности! — отпарировал покрасневший от волнения Папен. — А как же насчет вас? Вы даже каплю ее взять не пожелали! Только и знаете, что ораторствовать впустую! Это стыд и позор!

Ярость этого старика вызывала у Геринга лишь смех.

Большинство обвиняемых признали факты изуверств, продолжая, однако, ссылаться на то, что, мол, они лично действовали из самых высоких побуждений. Генералы исполняли приказы, адмиралы действовали так, как любой другой адмирал любого другого флота, политики трудились на благо фатерланда, а финансисты раскручивали гешефты.

Розенберг признался, что искоренение расы — есть преступление, одновременно заявляя, что и вообразить не мог, что политика «радикальной изоляции» обернется такими последствиями. Франк

считал, что нацисты даже не задумывались, насколько губительным для них окажется отказ от веры в Бога.

Шпеер обращался к миру с предостережениями по поводу тех катастрофических разрушений, которые принесет с собой будущая война, если она разразится: управляемые ракеты, сверхзвуковые самолеты, атомные бомбы способны превратить в пустыню все живое, а применение в войне боевых отравляющих веществ и бактериологического оружия уничтожит цивилизацию на всей планете.

Гесс на момент произнесения последнего слова внезапно (уже в третий раз) вновь обрел память и освободился от своих параноидальных провалов, после чего вновь окунулся в безмолвие в четырех стенах своей камеры.

Вообще, день ото дня обстановка в тюрьме становилась все тягостнее — подсудимые ожидали приговора, и эту тягостную атмосферу не изменили даже значительные послабления тюремного режима — встречи обвиняемых с женами, разрешение посещать друга.

Геринг признал свое поражение.

— Насчет легенды о Гитлере можете отныне не беспокоиться, — вяло заверил он меня. — Когда немцы узнают обо всем, что вскрылось в ходе этого процесса, не будет нужды осуждать его — он и так сам себя осудил.

По мере приближения знаменательного дня объявления приговора нервозность бывшего рейхсмаршала росла, теперь ему было уже явно не до смеха. Кейтель, полностью осознавая позор своего положения, выглядел весьма подавленным и даже отказался от встречи с супругой.

— Я ей в глаза посмотреть не смогу!

Заукель, Розенберг, Фриче и Функ часами ходили взад вперед по камере, после чего снова ложились на койку и замирали, пустым взглядом уставившись в потолок. Редер повторил, что у него нет никаких иллюзий рассчитывать на что-то, кроме смертной казни, что же до пожизненного заключения, то он расценил бы подобный приговор как благодать.

Шахт, единственный из обвиняемых, кто не терял уверенности в благоприятном исходе этого процесса лично для себя, ответил на вопросы относительно перспектив других германских промышленников, которым предстояло пройти через следующий процесс. По этому поводу он посмеивался:

— Если обвинить всех тех промышленников, кто способствовал ремилитаризации Германии, то вам следовало бы привлечь к ответственности и кое-кого из своих, — заявил он мне. — Заводы «Опель», например, ничего, кроме военной продукции не производившие, принадлежали вашему «Джснерал моторе». Нет, так поступать нельзя. Разве промышленники виноваты во всем этом?

На Риббентропа было просто больно смотреть и тем более слушать — он окончательно заиклился на своих старых перепевах. Страх смерти, не покидавший его ни на минуту, успел наложить отпечаток на его лицо. За день до вынесения приговора он дал мне понять, что мог бы написать книгу об ошибках нацистов, возможно, даже и не одну — если, конечно, ему дадут на это время. Он даже договорился до того, что предложил мне сделать жест исторического значения — выступить на процессе в защиту всех их, молить суд о пощаде, и тогда бы он обязательно смог завершить написание своих мемуаров...

Наконец, в течение двух дней — 30 сентября и 1 октября — 21 обвиняемому были вынесены приговоры:

Шахт, Папен и Фриче были оправданы.

Все остальные были признаны виновными по одному или нескольким пунктам обвинения.

И вот последняя дневниковая запись.

1 октября. Приговоренные

Пока все обвиняемые, кого Трибунал признал виновными, готовились выйти в зал для выслушивания своего приговора, я побеседовал с теми, кто был оправдан — Шахтом, Папеном и Фриче, собиравшими вещи для переселения в камеры на третьем этаже здания.

У Фриче налицо были симптомы самого настоящего нервного срыва — он был просто оглушен и настолько измотан событиями этих двух дней, что даже чуть было не свалился в обморок от накатившего на него приступа сильнейшего головокружения.

— Я дошел до ручки, — прошептал он мне, — поверить не могу, что выйду отсюда! Как и в то, что меня снова не отправят в Россию! Я уже ни на что не надеялся!

Папен был в приподнятом настроении, он явно не ожидал такого исхода:

— Надеяться — я, конечно, надеялся, но, честно говоря, не ожидал такого исхода.

И тут извлек из кармана апельсин, который решил придержать после обеда, и в приливе чувств попросил меня передать его Нейрату. Фриче попросил меня отдать его апельсин Шираху. Шахт решил вкусить свой десерт сам.

Затем после объявления приговора по одному стали прибывать и другие обвиняемые. На мне лежала обязанность доставить каждого в его камеру. Я спрашивал каждого из них, каков его приговор.

Первым вниз спустился Геринг. С остекленевшим от ужаса взором он размашистой походкой направился в свою камеру.

— Смерть! — проговорил он, мешком падая на койку. Потом схватил какую-то книгу. Хотя он отчаянно пытался сохранить обычную бесшабашность, я заметил, как сильно тряслись у него руки. Глаза его повлажнели, он тяжело дышал, будто стараясь справиться с начинавшимся душевным коллапсом. Неуверенным голосом он попросил меня оставить его на какое-то время одного.

Гесс, будто на ходулях, прошествовал в свою камеру, на ходу бросив мне, что, мол, не слушал, что там эти наговорили, посему понятия не имеет, каков его приговор. Да ему и наплевать на это, уверил он меня. И нервно усмехнулся. Но когда охранник надевал на него наручники, он все же спросил, к чему эти процедуры и отчего наручников достаивают только его, а не Геринга. Я ответил, что, скорее всего, его перепутали с первым заключенным. Гесс, снова усмехнувшись, с таинственным видом сообщил мне, что, мол, *понимает*, почему. (Охранник сообщил мне, что Гесс приговорен к пожизненному заключению.)

Объятый ужасом Риббентроп ввалился в свою камеру и, пошатываясь, будто пьяный, сразу же принялся мерить ее шагами, непрерывно шепча:

— Смерть! Смерть! Теперь мне уже не завершить эти дорогие мне мемуары! Что значит ненависть!

Потом, плюхнувшись на койку, невидящим взором уставился в пространство — он был полностью сломан...

Кейтель уже был в камере и, едва я вошел, демонстративно повернулся ко мне спиной. Но тут же вдруг снова четко, по-военному сделав поворот кругом, не разжимая кулаков, отдал мне честь. В его глазах стоял неприкрытый ужас.

— Смертная казнь *через повешение* — хрипло и пристыженно объявил он мне. — Я-то думал, что, по крайней мере, от этого буду избавлен! Нет, я не упрекаю вас за то, что вы даже не хотите подойти поближе. Понимаю, что вам неприятно общаться с приговоренным к смертной казни через повешение. Но я тот же, что и был. Так что все же заходите ко мне в эти оставшиеся дни.

Сцепленные руки Кальтенбруннера свидетельствовали о переживаемом им страхе, хотя лицо его оставалось, как всегда, непроницаемым.

— Смерть! — лишь прошептал он, не в силах больше говорить.

Франк вежливо улыбнулся мне и старательно отводил взгляд.

— Смертная казнь через повешение! — тихо произнес он, сопроводив сказанное преданным кивком. — Я ее заслужил и ожидал, я вам всегда говорил. И рад, что мне предоставили эти два месяца, чтобы подготовить свою защиту и все как следует обдумать.

Розенберг, натаскивая на себя тюремную робу, злобно прошипел:

— Виселица! Виселица! Они ведь к этому стремились, разве нет?

Штрейхер глумливо посмеивался:

— Разумеется, смертная казнь! Чего еще можно было ожидать! Да и они с самого начала это знали.

Функ тупо созерцал, как охранник снимает с него наручники. Оказавшись в камере, он, обойдя крохотное пространство, стал бормотать, будто не в состоянии до конца осознать случившееся:

— Пожизненное заключение! А что это такое? Не продержат же они меня в тюрьме до самой моей смерти или все же продержат? Они явно не это имели в виду, или...

Затем Функ пробормотал, что не удивлен тем, что оправдали Фриче, но вот что Шахта и Папена — это просто поразительно!

Дёниц не знал, что и думать по поводу своего приговора:

— Десять лет! Я ведь честно действовал на своих подлодках! Ваш же адмирал Нимиц сказал об этом. И вы это слышали.

Дёниц выразил уверенность, что его коллега адмирал Нимиц поймет его.

Уже у дверей камер Редер, изо всех сил стараясь выглядеть беззаботно, каким-то неестественно высоким голосом осведомился у охранника, дадут ли ему возможность после обеда выйти на прогулку. После этого заковылял в свою камеру, но когда я подошел к дверям, адмирал жестом дал мне понять, что в данный момент не расположен к беседе. Не заходя в камеру через дверное окошечко я спросил его, каков его приговор.

— Не знаю, не помню, — ответил он, жестом велел мне уйти. (Как мне доложил охранник, Редера приговорили к пожизненному заключению.)

Шагая к своей камере, Ширах выглядел серьезным, чувствовалось, что он напряжен до предела.

— Двадцатка, — объявил он мне, когда охранник снимал с него «браслеты». Я ответил, что его жена будет довольна, что ее супруга не приговорили к смерти, чего она так страшилась.

— Нет уж, лучше скорая смерть, чем медленная. — Ширах поинтересовался у меня, каковы приговоры остальных, и они его не удивили — примерно так он и предполагал.

Заукель обливался потом и трясся как осиновый лист, когда я вошел в его камеру.

— Меня приговорили к смертной казни! — выдавил он. — Я считаю, что такой приговор слишком суров. Я никогда и ни в чем не проявлял жестокости. Я старался ради рабочих. Но я — мужчина! И снесу это!

Сказав это, он заплакал.

Йодль, стараясь не встретиться со мной взглядом, четко, строевому проследовал в камеру. Когда с него были сняты наручники и я стоял перед ним, он, помедлив несколько мгновений, будто преодолевая немоту, произнес:

— Смертная казнь через *повешение*! Такое я уж никак не заслужил! Смертный приговор — пусть, ладно. Но такое...

Впервые я увидел, как у Йодля подрагивают губы. Слова давались ему с трудом.

— Я этого не заслужил!

Зейсс-Инкварт улыбался. Как он ни старался произвести на меня впечатление, голос выдавал его.

— Смертная казнь через повешение! — И снова улыбнулся, пожав плечами. — Ну, если принимать во внимание все в целом, ничего иного я ожидать не мог. Все верно.

Затем он спросил меня, будет ли он получать табак, и тут же, будто устыдившись, что в такой момент обратился к прозе жизни, осекся на полуфразе.

Шпеер нервически рассмеялся.

— Двадцать лет! Ну, должен сказать, это справедливо. Вы бы не дали мне меньше, если учесть все факты. Мне грех жаловаться. Я сам говорил, что приговоры должны быть строгими, и я признал свою долю ответственности. Было бы просто смешно сетовать на такое наказание. Но я от души рад, что Фриче оправдали.

Нейрат лепетал:

— Пятнадцать лет! — Говорить он не мог, но очень обрадовался присланному Папеном гостинцу.

Фрик, пожав плечами, безучастно констатировал:

— Повесят. Ничего иного я не ожидал.

Он спросил меня, как дела у остальных, и я сообщил ему, что одиннадцать человек приговорены к смертной казни.^[21]

— Так. Одиннадцать смертных приговоров. Я рассчитывал, их будет четырнадцать. Теперь остается надеяться, что они все организуют быстро!

Когда Геринг справился с собой настолько, что мог общаться, он признался мне, что, разумеется, ожидал смертного приговора и рад, что его не приговорили к пожизненному заключению, потому что тем, кому такой приговор вынесли, участь мученика не грозит. Но в его голосе уже не было прежней самонадеянности. Наконец Геринг осознал, что смерть — не какое-то комичное событие, если умирать предстоит тебе самому.

Трем оправданным торжествовать было рано — свобода оставалась для них понятием символическим. Едва прозвучали оправдательные приговоры, как немецкие гражданские власти объявили, что все трое будут арестованы и преданы суду за преступления перед немецким народом. Полиция Нюрнберга взяла Дворец юстиции в плотное кольцо на тот случай, чтобы сразу арестовать Фриче, Папена и Шахта, как только те попытаются покинуть здание.

Трос суток по своему желанию оправданные Трибуналом оставались в тюрьме, страшая предстать перед своим собственным народом. Папен заявил:

— Я как загнанная дичь! Они должны оставить меня в покос!

Фриче в отчаянии попросил у меня дать ему пистолет, на случай, если не выдержит мук.

Наконец глубокой ночью они все же отважились покинуть здание тюрьмы. Их арестовали, отпустили, а йотом снова арестовали.

Франк, узнав об этом, прервал свои медитации раскаяния и от души хохотал:

— Ха-ха-ха! Они думали, что останутся на свободе! Они думают, что от гитлеризма можно освободиться! От него освободили только нас! Нам больше всех повезло! Ха-ха-ха!

Но Герингу было уже не до смеха. Он валялся на койке и весь как-то съежился. В наших с ним беседах он по инерции пытался строить из себя персонаж героической саги, как ребенок, на глазах у которого только что лопнул новенький, цветастый воздушный шарик, и он растерянно перебирает жалкие обрывки его. Несколько дней спустя после объявления приговора он снова стал расспрашивать меня, о чем говорили результаты тот самого психологического тестирования, в частности, теста с кляксами. Судя по всему, он об этом не забывал.

На этот раз я был с ним откровенен:

— Честно говоря, тест показал, что вы, несмотря на вашу деятельную, активную и агрессивную натуру, так и не смогли найти в себе мужества честно и открыто признать свою вину и заявить о своей ответственности. И вот, при проведении этого теста, одна мелочь, допущенная вами, сказала все.

Геринг недоумевающе уставился на меня.

— Помните ту карточку с пятном красного цвета? Так вот, невротики нередко принимают это пятно за кровь. Но предпочитают утаить это от того, кто проводит тестирование. И при этом иногда пытаются украдкой соскоблить это пятнышко. Это очень напоминает ваше поведение на этом процессе. Вы снимали наушники, чтобы не слышать неопровержимых доказательств вашей вины. И во время войны вы поступали так же, ища утешение в наркотиках, пытаясь избавить себя от ужаса, терзавшего вас от осознания творимых зверств.

У вас не хватало мужества взглянуть фактам в лицо. Вот в чем ваша вина. Я придерживаюсь мнения Шпеера. Вы — *моральный трус!*

В ответ Геринг лишь сверкнул глазами, но промолчал. Затем заявил, что все эти психологические тесты ровным счетом ничего не значат, а что до этого изменника Шпеера, так ему с высокой башни наплевать на то, что он там говорит.

Несколько дней спустя он мне сообщил, что отдал своему адвокату доктору Штамеру заявление, что все, что наговорили нам в камерах эти психологи — сплошная дребедень и предвзятость... Стало быть, пробрало!

Вечером перед казнью Геринг обратился к тюремному капеллану с просьбой об отпущении грехов и последнем вкушении по лютеранскому обычаю. Капеллан Тереке, ожидавший очередного спектакля, отказался дать ему отпущение, мотивировав это тем, что не станет потворствовать желанию тех, кто ни во что не верит и желает устроить очередное шоу. Геринг ни словом ни жестом не дал понять, что раскаивается в содеянном им. А еще сутки спустя, когда Геринг уже успел всем доказать, что его пожелание — не более чем насмешка над таинством, поскольку сразу же после описанных событий он совершил акт самоубийства, — капеллан Тереке убедился, что не ошибся в отношении Геринга. Как и я.

Ибо Геринг отправился в мир иной так же, как и жил, как психопат, измывавшийся над всеми общечеловеческими ценностями, непрерывно пытавшийся одурачить всех своими актерскими выходками.

В ночь с 14 на 15 октября Геринг, по примеру Гитлера, Гиммлера, Геббельса и Лея, совершил самоубийство. Остальные десять приговоренных к смертной казни в соответствии с решением Трибунала были казнены.

На следующий после казни последнего из высших нацистских фюреров день я спросил одного адвоката, немца, что думает по поводу такого бесславного конца Третьего рейха немецкий народ. После короткого раздумья он мне ответил:

— Если сказать вам честно, они думают то, что и предполагалось. Если один вдруг узнает о том, что его собеседник до сих пор поддерживает нацистов, он скажет: «Разве это не позор, что победители так мстят нашим фюрерам! Ну, ничего, еще дождутся

своего!» Те, кто понял, что нацизм ничего кроме разрушений, беспросветного отчаяния и нищеты им не принес, торжествуют: «Поделом этим негодяям! Но смерть — слишком легкое наказание для них!» Знаете, доктор, боюсь, что эти 12 лет гитлеризма в смысле морали сломали хребет нашему народу

Геринг

Геринг обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Установлено, что после Гитлера он являлся наиболее выдающимся деятелем нацистского режима. Он был главнокомандующим военно-воздушного флота, уполномоченным по четырехлетнему плану и имел огромное влияние на Гитлера, по крайней мере, до 1943 года, когда их взаимоотношения ухудшились и закончились его арестом в 1945 году. Он показал, что Гитлер информировал его по всем важным военным и политическим вопросам.

Преступления против мира

С момента, когда он вступил в партию в 1922 году и стал во главе организации, созданной для «борьбы за улицу», — СА, Геринг являлся советником и активным агентом Гитлера, а также одним из главных руководителей нацистского движения. В качестве помощника Гитлера по политическим вопросам он в большой степени способствовал захвату национал-социалистами власти в 1933 году и прилагал все усилия к тому, чтобы укреплять эту власть и расширять военную мощь Германии. Он организовал гестапо и создал первые концентрационные лагеря, которые передал Гиммлеру в 1934 году; в том же году провел так называемую «чистку Рема» и инсценировал судебные процессы, в результате которых фон Бломберг и фон Фрич были удалены из армии. В 1936 году он стал уполномоченным по четырехлетнему плану и фактически экономическим диктатором Германии. Вскоре после Мюнхенского пакта он объявил, что он в пять раз увеличит военно-воздушный флот и ускорит процесс перевооружения, делая упор на наступательное оружие.

Геринг был одним из пяти ведущих руководителей, присутствовавших на «совещании Хосбаха» 5 ноября 1937 года, а также присутствовал на других важных совещаниях, о которых уже упоминалось в настоящем приговоре. Во время аншлюса Австрии он фактически был центральной фигурой и верховодил событиями. Он

заявил на суде: «Я должен взять на себя стопроцентную ответственность... Я даже отвергал возражения фюрера и привел все к окончательному разрешению». При захвате Судетской области он сыграл свою роль в качестве главы воздушного флота, планируя нападение с воздуха, которое оказалось ненужным, а также в качестве политического деятеля усыпляя бдительность чехов ложными заверениями в дружбе. В ночь перед вторжением в Чехословакию и захватом Богемии и Моравии, на совещании с Гитлером и президентом Гаха, он угрожал бомбить Прагу, если Гаха не уступит. Он признал факт угрозы в своих показаниях на суде.

Геринг участвовал на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 года, когда Гитлер сказал своим военным руководителям: «Поэтому не может быть и разговора о том, чтобы жалеть Польшу». Он также участвовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 года. Представленными доказательствами устанавливается, что он принимал активное участие в последовавших за этим совещанием дипломатических маневрах. С ведома Гитлера он использовал шведского коммерсанта Далеруса как посредника в переговорах с Англией; как показал Далерус на суде, для того чтобы попытаться предотвратить выполнение правительством Великобритании его обязательств по отношению к Польше.

Он командовал воздушными силами при нападении на Польшу и во время агрессивных войн, которые последовали за этим.

Даже если он и возражал против планов Гитлера в отношении Норвегии и Советского Союза, как он это утверждал, совершенно ясно, что он делал это только по стратегическим соображениям, и когда Гитлер решил этот вопрос, он последовал за ним без колебаний. При допросе на суде он заявил, что эти разногласия никогда не носили идеологического или правового характера. Он «пришел в ярость» после вторжения в Норвегию, но только потому, что не получил достаточно своевременного предупреждения о необходимости подготовки воздушных сил к нападению. Он признал, что он одобрил нападение: «Мое отношение было абсолютно положительным». Он принимал активное участие в подготовке и проведении югославской и греческой кампаний и показал, что «План Марита» (нападение на Грецию) был подготовлен задолго до этого. Советский Союз он рассматривал как «наиболее страшную угрозу Германии», но заявил, что

непосредственной военной необходимости для нападения не было. На самом деле единственно, против чего он возражал, это выбор момента для нападения на СССР. По стратегическим соображениям он хотел отложить его до победы над Великобританией. Он показал: «Моя точка зрения определялась только политическими и военными соображениями».

После его собственных признаний перед Трибуналом, при учете положения, которое он занимал, характера совещаний, в которых участвовал, публичных речей, которые произносил, не может оставаться никакого сомнения в том, что Геринг был движущей силой агрессивной войны, уступая в этом только Гитлеру. Он был составителем плана и его главным исполнителем во время военной и дипломатической подготовки к войне, к которой стремилась Германия.

Военные преступления и преступления против человечности

Протоколы судебных заседаний полны признаний Геринга о его причастности к использованию рабского труда. «Мы использовали этот труд по причинам безопасности с тем расчетом, чтобы эти рабочие не могли в своей собственной стране активно действовать против нас. С другой стороны, они оказывали помощь в экономической войне». И далее: «Рабочие принудительно вывозились в Германию. Этого я никогда не отрицал». Человек, произносивший эти слова, был уполномоченным по четырехлетнему плану, в обязанности которого входила вербовка и распределение рабочей силы. В качестве главнокомандующего военно-воздушными силами он требовал от Гиммлера новые партии рабов для своих подземных авиационных заводов. «Тот факт, что я просил предоставить мне заключенных из концентрационных лагерей для производства авиационного вооружения, является правильным, и это следует считать в порядке вещей».

В качестве уполномоченного по четырехлетнему плану Геринг подписал директиву относительно обращения с польскими рабочими в Германии и дополнил ее указаниями СД, включая указание о «специальном обращении». Он издал директивы об использовании советских и французских военнопленных в промышленности

вооружения; он говорил о захвате поляков и голландцев, если потребуется, в качестве военнопленных и использовании их на работах. Он признает, что русские военнопленные использовались для комплектования расчетов зенитных батарей.

В качестве уполномоченного Геринг был активным руководителем разграбления захваченных территорий. Он разработал планы разграбления советской территории задолго до начала войны с Советским Союзом. За два месяца до вторжения в Советский Союз Гитлер дал Герингу подробные указания об экономическом управлении на этой территории. Для этой цели Геринг создал экономический штаб. Он был рейхсмаршалом Великой германской империи, а «приказы рейхсмаршала относятся ко всем экономическим отраслям, включая пищевую промышленность и сельское хозяйство». В его так называемой «зеленой папке», изданной вооруженными силами Германии, говорится об учреждении «оперативного экономического штаба на Востоке». Этой директивой предусматривались разграбление всей промышленности и прекращение ее деятельности в районах, где не хватало продовольствия, и вывоз продовольствия для нужд Германии из районов, где оно имелось в избытке.

Геринг утверждает, что назначение этой директивы было неправильно понято, но признает, что: «Это было в порядке вещей, нашей обязанностью было использовать Россию в наших целях». Он принимал участие в совещании 16 июля 1941 года, когда Гитлер сказал, что национал-социалисты не намереваются когда-либо покинуть оккупированные страны и что должны быть предприняты «все необходимые меры — расстрелы, переселение и т. д.».

Геринг преследовал евреев, особенно после ноябрьских погромов в 1938 году, и не только в Германии, где он наложил на евреев штраф в один миллиард марок, как это указывалось выше, но также и на захваченных территориях. Согласно его собственным словам и показаниям, он был заинтересован в этом прежде всего с чисто экономической точки зрения, чтобы завладеть их собственностью и устранить их из экономической жизни Европы. По мере того как эти страны захватывались германской армией, он распространял на них имперские антиеврейские законы: «Рейхсгезетцблатт» за 1939–1940—1941 годы содержит несколько антиеврейских декретов, подписанных Герингом. Хотя уничтожение евреев находилось в ведении Гиммлера,

Геринг был не безучастен и не бездеятелен, хотя он и отрицал это при допросе его на суде. Декретом от 31 июля 1941 года он предложил Гиммлеру и Гейдриху «полностью закончить решение еврейского вопроса в германской сфере влияния в Европе».

Смягчающих вину обстоятельств нет, потому что Геринг был часто — почти всегда — движущей силой событий, уступая первое место в этом только фюреру. Он был главным подстрекателем агрессивной войны как в качестве политического, так и военного руководителя. Он руководил проведением программы рабского труда и был создателем программы угнетения евреев и других рас как внутри страны, так и за границей. Совершение всех этих преступлений он открыто признал. В некоторых конкретных случаях, быть может, показания и противоречивы, но если брать их в целом, то его собственных признаний более чем достаточно для того, чтобы сделать определенный вывод о его виновности. Его вина не имеет себе равных по своей чудовищности. По делу не установлено никаких обстоятельств, которые могли бы оправдать этого человека.

Заключение

Трибунал признает подсудимого Геринга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Гесс

Гесс обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1920 году и принимал участие в Мюнхенском путче 9 ноября 1923 года; отбывал тюремное заключение вместе с Гитлером в 1924 году в Ландсбергской крепости, где стал ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, оставаясь таковым вплоть до своего отлета на Британские острова. 21 апреля 1933 года он был назначен заместителем фюрера и 1 декабря 1933 года — имперским министром без портфеля. Он был назначен членом тайного совета 4 февраля 1938 года и членом совета министров по обороне империи 30 августа 1939 года. В сентябре 1939 года Гесс был официально объявлен Гитлером преемником фюрера после Геринга. 10 мая 1941 года он вылетел на самолете из Германии в Шотландию.

Преступления против мира

В качестве заместителя фюрера Гесс принадлежал к верхушке нацистской партии, нес ответственность за разрешение всех партийных вопросов и был облечен полномочиями принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам партийного руководства. В качестве имперского министра без портфеля Гесс имел полномочия предварительно санкционировать все законопроекты, предложенные различными имперскими министрами, прежде чем они могли войти в силу в качестве утвержденных законов. Занимая эти посты, Гесс активно поддерживал подготовку к войне. Его подпись имеется на законе от 16 марта 1935 года, введившем обязательную воинскую повинность. В течение ряда лет он во многих своих речах поддерживал гитлеровскую политику энергичного перевооружения. Он говорил народу о том, что каждый должен приносить жертвы для вооружения, повторяя при этом лозунг: «пушки вместо масла».

Хотя в период с 1933 по 1937 год Гесс произносил речи, в которых он выражал желание сохранить мир и пропагандировал идею международного экономического сотрудничества, однако ничто в этих речах не может изменить того факта, что из всех подсудимых никто

лучше, чем Гесс, не знал, насколько непоколебима была решимость Гитлера осуществить свои цели, каким фанатиком и убежденным сторонником необузданной грубой силы он был и как маловероятно было, что он воздержится от обращения к силе, если это явится единственным путем, при помощи которого он сможет достичь своих целей.

Гесс был осведомленным и добровольным участником германских агрессий против Австрии, Чехословакии и Польши. Он поддерживал контакт с подпольной нацистской партией в Австрии в течение всего периода между убийством Дольфуса и аншлюсом и инструктировал ее в течение этого периода. Гесс был в Вене 12 марта 1938 года, когда туда вошли германские войска, а 13 марта 1938 года он подписал закон о воссоединении Австрии с Германской империей. Закон от 10 июля 1939 года предусматривал его участие в управлении Австрией. 24 июля 1938 года он произнес речь в память неудавшегося путча австрийских национал-социалистов, попытка проведения которого имела место за четыре года до этого, восхваляя меры, приведшие к аншлюсу, и защищая захват Австрии Германией.

Летом 1938 года Гесс поддерживал постоянный контакт с Генлейном — руководителем партии судетских немцев в Чехословакии. 27 сентября 1938 года во время мюнхенского кризиса он организовал вместе с Кейтелем проведение в жизнь инструкций Гитлера, согласно которым аппарат нацистской партии предоставлялся для целей секретной мобилизации. 14 апреля 1939 года Гесс подписал декрет о введении системы управления Судетской областью, как неотделимой частью империи, а 10 июня 1939 года был издан указ, предусматривающий участие Гесса в управлении Судетской областью. 7 ноября 1938 года Гесс включил партию судетских немцев, руководимую Генлейном, в состав нацистской партии и произнес речь, в которой подчеркнул, что Гитлер готов прибегнуть к войне в случае, если это окажется необходимым для того, чтобы получить Судетскую область.

27 августа 1939 года, когда временно было отложено нападение на Польшу в связи с попыткой склонить Великобританию отказаться от ее гарантий Польше, Гесс публично восхвалял «великодушное» предложение Гитлера Польше и нападал на Польшу, обвиняя ее в агитации за войну, и на Англию, как на страну, ответственную за эту

позицию Польши. После вторжения в Польшу Гесс подписал декреты, в силу которых Данциг и некоторые польские территории были включены в империю и было учреждено генерал-губернаторство (Польша).

Эти конкретные меры, которые предпринял подсудимый для поддержки гитлеровских планов агрессивных действий, не определяют полную степень его ответственности. До своего отлета в Англию Гесс был ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, отношения были такими, что Гесс должен был быть информирован об агрессивных планах Гитлера тогда, когда они возникали, он действовал для проведения этих планов там, где это действие было необходимым. Улетая в Англию, Гесс вез с собой некоторые мирные предложения, которые, как он утверждал, Гитлер был готов принять. Примечательно, что этот полет произошел всего лишь через десять дней после того, как Гитлер назначил точную дату для нападения на Советский Союз — 22 июня 1941 года.

В беседах, которые он вел по прибытии в Англию, Гесс искренне поддерживал все агрессивные действия Германии, которые имели место до того времени, и пытался оправдать действия Германии в отношении Австрии, Чехословакии, Польши, Норвегии, Дании, Бельгии и Нидерландов, возлагая на Англию и Францию ответственность за войну.

Военные преступления и преступления против человечности

Имеются доказательства, показывающие, что партийная канцелярия под руководством Гесса принимала участие в распространении приказов, связанных с совершением военных преступлений, что Гесс, даже если он не принимал участия в преступлениях, которые были совершены на Востоке, мог быть осведомлен о них, что он предложил дискриминирующие законы против евреев и поляков и что он подписал декреты, принуждавшие некоторые группы поляков принять германское подданство. Трибунал, однако, не считает, что эти обстоятельства определенно указывают на причастность Гесса к этим преступлениям, для того чтобы можно было признать его виновным в них.

Как указывалось ранее, Трибунал после тщательного медицинского освидетельствования и доклада о состоянии подсудимого решил, что он должен предстать перед судом без какой-либо отсрочки слушания его дела. С того времени были поданы дальнейшие ходатайства о том, чтобы он был снова подвергнут медицинскому освидетельствованию. Трибунал отклонил эти ходатайства после получения доклада тюремного психиатра. Тот факт, что поведение Гесса является ненормальным, то обстоятельство, что он страдает потерей памяти, и то, что его психическое состояние ухудшилось за время этого процесса, возможно, является правильным. Но ничто не указывает на то, что он не осознает характера выдвинутых против него обвинений или что он не способен защищать себя. Его интересы были должным образом представлены на этом процессе защитником, назначенным Трибуналом для этой цели. Ничто не указывает на то, что Гесс не находился в здравом рассудке в период совершения тех действий, которые ему инкриминируются.

Заключение

Трибунал признает подсудимого Гесса виновным по разделам первому и второму и невиновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Риббентроп

Риббентроп обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1933 году был назначен советником Гитлера по вопросам внешней политики и в том же году — уполномоченным нацистской партии по вопросам внешней политики. В 1934 году он был назначен специальным уполномоченным по вопросам разоружения, а в 1935 году полномочным министром с чрезвычайными полномочиями; именно в этой должности он вел переговоры об англо-германском морском соглашении в 1935 году и антикоминтерновском пакте в 1936 году. 11 августа 1936 года он был назначен послом в Англию, 4 февраля 1938 года он стал преемником фон Нейрата на посту имперского министра иностранных дел, что явилось частью общей перетасовки кабинета, которая сопровождала увольнение фон Фрича и фон Бломберга.

Преступления против мира

Риббентроп не присутствовал на «совещании Хосбаха», созванном 5 ноября 1937 года, но 2 января 1938 года, он, будучи все еще послом в Англии, направил Гитлеру меморандум, в котором изложил свою точку зрения относительно того, что изменение статус-кво на Востоке так, как этого хочет Германия, может быть достигнуто только путем применения силы, и внес свои предложения относительно методов, которые могут помешать Англии и Франции вмешаться в европейскую войну, ведущуюся с целью достижения этого изменения. Когда Риббентроп стал министром иностранных дел, Гитлер сообщил ему, что Германии все еще предстоит разрешить 4 проблемы: Австрия, Судетская область, Мемель и Данциг, и указал на возможность «своего рода раскрытия карт» или «разрешения военным путем» этих проблем.

12 февраля 1938 года Риббентроп присутствовал на совещании между Гитлером и Шушником, на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил Шушника сделать целый ряд уступок, предназначенных для того, чтобы укрепить положение нацистов в

Австрии, в том числе назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности и внутренних дел, с передачей ему контроля над полицией. Риббентроп находился в Лондоне в тот момент, когда фактически осуществлялась оккупация Австрии, и на основе сведений, полученных им от Геринга, информировал британское правительство, что Германия не предъявляла Австрии ультиматума и ввела свои войска в Австрию лишь для того, чтобы предотвратить гражданскую войну. 13 марта 1938 года Риббентроп подписал закон, согласно которому Австрия включалась в Германскую империю.

Риббентроп принимал участие в агрессивных планах против Чехословакии. Начиная с марта 1938 года он поддерживал тесный контакт с партией судетских немцев и инструктировал их с тем, чтобы судето-немецкий вопрос оставался актуальным, что могло послужить предлогом для нападения, которое Германия планировала против Чехословакии. В августе 1938 года он принял участие в совещании, имевшем своей целью получение поддержки Венгрии на случай войны с Чехословакией.

После Мюнхенского пакта он продолжал оказывать дипломатическое давление с целью оккупации остальной части Чехословакии. Он играл решающую роль в побуждении словаков к тому, чтобы они объявили свою автономию. Он присутствовал на совещании 14–15 марта 1939 года, на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил президента Гаха согласиться на оккупацию Чехословакии Германией. После того как германские войска вступили в страну, Риббентроп подписал закон, учреждавший протекторат Богемии и Моравии.

Риббентроп играл особенно значительную роль в дипломатической деятельности, которая привела к нападению на Польшу. Он принимал участие в совещании 12 августа 1939 года, имевшем своей целью получение поддержки Италии в том случае, если это нападение приведет к всеобщей европейской войне. Риббентроп обсуждал с британским послом требования Германии в отношении Данцига и Польского коридора в период с 25 по 30 августа 1939 года, когда ему уже было известно, что германские планы нападения на Польшу лишь временно отложены с тем, чтобы попытаться побудить Британию отказаться от ее гарантий Польше. Те методы, которыми он вел эти переговоры, делают совершенно ясным тот факт, что он не

начал их добросовестно с целью добиться урегулирования трудностей, возникших между Германией и Польшей.

Риббентроп был заранее информирован о нападении на Норвегию и Данию, а также о нападении на Нидерланды, и подготовил официальный меморандум министерства иностранных дел, являвшийся попыткой оправдать эти агрессивные действия.

Риббентроп присутствовал на совещании 20 января 1941 года, на котором Гитлер и Муссолини обсуждали предполагавшееся нападение на Грецию, а также — на совещании в январе 1941 года, на котором Гитлер получил от Антонеску на разрешение германским войскам на проход через территорию Румынии для осуществления этого нападения. 25 марта 1941 года, когда Югославия присоединилась к тройственному пакту стран оси, Риббентроп заверил Югославию, что Германия будет уважать ее суверенитет и территориальную целостность. 27 марта 1941 года он присутствовал на совещании, состоявшемся после государственного переворота в Югославии, на котором были разработаны планы осуществления объявленного намерения Гитлера уничтожить Югославию.

Риббентроп присутствовал в мае 1941 года вместе с Гитлером и Антонеску на совещании, на котором обсуждался вопрос об участии Румынии в нападении на СССР. Он также консультировался с Розенбергом по вопросу о предварительном планировании политической эксплуатации советских территорий и в июле 1941 года, после начала войны, убеждал Японию напасть на Советский Союз.

Военные преступления и преступления против человечности

Риббентроп принимал участие в совещании 6 июня 1944 года, на котором было решено начать проведение программы, согласно которой союзные летчики, производившие атаки на бреющем полете, должны были подвергаться линчеванию. В декабре 1944 года Риббентроп был поставлен в известность о планах убийства одного из французских генералов, находившегося в плену, и дал указание своим подчиненным следить за тем, чтобы подготовка к совершению этого акта проводилась таким образом, чтобы помешать странам, представлявшим интересы воюющих сторон, узнать об этом факте.

Риббентроп также ответственен за военные преступления и преступления против человечности в результате своей деятельности в отношении оккупированных стран и сателлитов стран оси. Высшим должностным лицом Германии как в Дании, так и во Франции Виши был представитель министерства иностранных дел, и поэтому Риббентроп несет ответственность за общий экономический и политический курс, осуществлявшийся при оккупации этих стран. Он настаивал на том, чтобы итальянцы проводили безжалостную оккупационную политику в Югославии и Греции.

Риббентроп сыграл важную роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса, проводившемся Гитлером. В сентябре 1942 года он приказал германским дипломатическим представителям, аккредитованным при правительствах сателлитов стран оси, ускорить депортацию евреев на Восток. В июне 1942 года германский посол в Виши потребовал у Лаваля передачи 50 000 евреев для депортации на Восток. 25 февраля 1943 года Риббентроп заявил Муссолини протест против медлительности итальянцев в депортации евреев из зоны итальянской оккупации во Франции.

17 апреля 1943 года он участвовал на совещании между Гитлером и Хорти по вопросу о депортации евреев из Венгрии и информировал Хорта о том, что «евреи должны быть либо истреблены, либо заключены в концентрационные лагеря». На том же совещании Гитлер сравнил евреев с «туберкулезными бациллами» и сказал, что, если они не будут работать, их нужно расстрелять.

В качестве защитительного довода в ответ на выдвинутые против него обвинения Риббентроп ссылается на то, что все важнейшие решения принимались Гитлером и что он, Риббентроп, настолько преклонялся перед Гитлером и был таким его верным последователем, что никогда не подвергал сомнению неоднократные заявления Гитлера о том, что он хочет мира, равно как и не сомневался в правдивости оснований, выдвигавшихся Гитлером в оправдание своих агрессивных действий.

Трибунал не считает это объяснение соответствующим действительности. Риббентроп участвовал во всех нацистских актах агрессии, начиная с оккупации Австрии и до вторжения в Советский Союз. Хотя он лично имел отношение в большей степени к дипломатической, чем к военной стороне этих актов, его

дипломатические усилия были настолько тесно связаны с войной, что он не мог оставаться в неведении относительно агрессивного характера действий Гитлера. Риббентроп также оказывал содействие в проведении преступной политики и при управлении территориями, над которыми, вследствие незаконного вторжения, Германия получила контроль, в частности в политике истребления евреев.

Более того, имеются многочисленные доказательства, устанавливающие, что Риббентроп был вполне согласен с основными положениями национал-социалистического кредо и что его сотрудничество с Гитлером и подсудимыми по настоящему делу в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности было искренним и добровольным. Риббентроп служил Гитлеру добровольно до конца именно потому, что политика Гитлера и его планы соответствовали его собственным убеждениям.

Заключение

Трибунал признает Риббентропа виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Кейтель

Кейтель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он был начальником штаба с 1935 года по 4 февраля 1938 года при фон Бломберге, когда тот был военным министром; в этот день Гитлер принял на себя командование вооруженными силами, назначив Кейтеля начальником верховного командования вооруженными силами. Кейтель не имел командных прав над тремя родами вооруженных сил, командующие которыми пользовались прямым доступом к верховному командующему. Верховное командование вооруженными силами являлось по существу военным штабом Гитлера.

Преступления против мира

Кейтель вместе с двумя другими генералами присутствовал на совещании с Шушнигом в феврале 1938 года. Их присутствие, как он признал, было «военной демонстрацией», но, поскольку он был назначен начальником ОКВ только за неделю до того дня, он не знал, зачем он был вызван. Затем Гитлер и Кейтель продолжали оказывать давление на Австрию при помощи ложных слухов, радиопередач и военных маневров. Кейтель провел все военные и иные мероприятия, и в дневнике Йодля по этому поводу записано: «Они подействовали быстро и сильно». Когда Шушниг назначил плебисцит, Кейтель в ту же ночь сообщил об этом Гитлеру и его генералам, и Гитлер издал директиву «план Отто», под которой Кейтель поставил свои инициалы.

21 апреля 1938 года Гитлер и Кейтель обсудили вопрос об использовании возможного «инцидента», как, например, убийства германского посла в Праге, в качестве прелюдии к нападению на Чехословакию. Кейтель подписал много директив и меморандумов по «плану Грюн», включая директиву от 30 марта, содержащую заявление Гитлера:

«Моим неизменным решением является разгромить Чехословакию вооруженными силами в ближайшем будущем». После Мюнхена Кейтель поставил свои инициалы под директивой Гитлера о нападении

на Чехословакию и издал два дополнения к ней. Во втором дополнении говорилось, что это нападение должно предстать перед внешним миром «лишь как акт умиротворения, но не как мероприятие военного характера». Начальник ОКВ присутствовал при переговорах Гитлера с Гаха, когда последний уступил требованиям Гитлера.

Кейтель присутствовал 23 мая 1939 года, в день, когда Гитлер объявил о своем решении «напасть на Польшу при первой удобной возможности». К этому времени он уже подписал директиву, предписывавшую вооруженным силам представить ОКБ к 1 мая плановую таблицу проведения «варианта Вейсс». 12 декабря 1939 года он обсуждал с Гитлером, Йодлем и Редером вопрос о вторжении в Норвегию и Данию директивой от 27 января 1940 года проведение плана в отношении Норвегии было передано под «непосредственное личное руководство» Кейтеля. Гитлер заявил 23 мая 1939 года, что он будет игнорировать нейтралитет Бельгии и Нидерландов, и Кейтель подписал приказы о нападении на эти страны 15 октября, 20 ноября и 28 ноября 1939 года. Все 17 последовательных приказов об отсрочке этого нападения, изданные до весны 1940 года, были подписаны Кейтелем или Йодлем.

Составление конкретных планов действий в отношении Греции и Югославии началось в ноябре 1940 года. 18 марта 1941 года Кейтель слышал, как Гитлер сказал Редеру, что полная оккупация Греции является предпосылкой общего урегулирования; он также слышал, как 27 марта Гитлер распорядился о разгроме Югославии «с безжалостной суровостью».

Кейтель показал, что противился вторжению в Советский Союз по военным соображениям и также потому, что это было бы нарушением пакта о ненападении. Тем не менее он поставил свои инициалы под планом «Барбаросса», подписанным Гитлером 18 декабря 1940 года, и участвовал в совещании ОКВ с Гитлером 3 февраля 1941 года. В приложении, изданном Кейтелем 13 марта, устанавливался порядок взаимоотношений между представителями армии и политическими работниками. Он издал плановую таблицу по вторжению 6 июня и участвовал 14 июня в инструктивном совещании, на котором генералы представляли свои окончательные доклады перед нападением. Он назначил Йодля и Варлимонта представителями от ОКВ по вопросам, касающимся восточных территорий, при министерстве Розенберга.

16 июня он распорядился о том, чтобы все соединения армии проводили экономические директивы по эксплуатации русской территории, продовольствия и сырьевых материалов, изданные Герингом в так называемой «Зеленой папке».

Военные преступления и преступления против человечности

4 августа 1942 года Кейтель издал директиву о том, что парашютисты должны передаваться СД. 18 октября Гитлер издал приказ о «коммандос», который в нескольких случаях был проведен в жизнь. После высадки в Нормандии Кейтель подтвердил этот приказ и позднее распространил его на специальные отряды союзных «коммандос», сражавшихся вместе с партизанами. Он признает, что не считал этот приказ законным, но утверждает, что не мог помешать Гитлеру издать его.

Когда 8 сентября 1941 года ОКВ издало свои жестокие правила в отношении советских военнопленных, Канарис написал Кейтелю, что в соответствии с международным правом СД не должна иметь к этому никакого отношения. На этом меморандуме рукой Кейтеля сделана пометка, датированная 23 сентября, под которой он поставил свои инициалы: «Возражения возникают из военного представления о рыцарском ведении войны. Это является разрушением идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры». Кейтель в своих показаниях заявил, что на самом деле он был согласен с Канарисом и спорил с Гитлером, но безуспешно. Начальник ОКВ распорядился о том, чтобы военные власти сотрудничали с эйнзатцштабом Розенберга в разграблении культурных ценностей на оккупированных территориях.

Лахузен показал, что 12 сентября 1939 года Кейтель, в то время как они находились в штабном поезде Гитлера, заявил ему, что польская интеллигенция, дворянство и евреи должны быть ликвидированы. 20 октября Гитлер сказал Кейтелю, что нельзя допускать, чтобы интеллигенция могла стать руководящим классом, что жизненный уровень должен оставаться низким и что Польша будет использована только как источник принудительного труда. Кейтель не помнит этого разговора с Лахузеном, но признает, что такая

политическая линия существовала; и что он заявлял свои протесты Гитлеру по этому поводу, но безрезультатно.

16 сентября 1941 года Кейтель приказал в качестве ответной меры, в случаях нападения на солдат на Востоке, казнить от 50 до 100 коммунистов за каждого немецкого солдата, добавив, что человеческая жизнь на Востоке не имеет никакой цены. 1 октября он приказал, чтобы военные командующие всегда имели в своем распоряжении заложников для того, чтобы казнить их в случае нападений на солдат. Когда Тербовен, имперский уполномоченный в Норвегии, написал Гитлеру, что предложение Кейтеля о привлечении к ответственности родственников лиц, виновных в совершении диверсионных актов, окажет действие только тогда, если будет санкционирован расстрел, Кейтель написал на этом меморандуме: «Да, — это лучшее решение», 12 мая 1941 года, за пять недель до вторжения в СССР, ОКВ настойчиво требовало от Гитлера издания командованием сухопутных сил директивы о ликвидации политических комиссаров армий. Кейтель признал, что эта директива была передана командирам в действующую армию.

13 мая Кейтель подписал приказ о том, что лица из числа гражданского населения, подозреваемые в преступлениях против войск, должны расстреливаться без суда и что судебное преследование германских солдат за преступления против гражданского населения не является необходимым 27 июля был издан приказ о том, чтобы все копии этой директивы были уничтожены. Но, несмотря на это, она оставалась в силе. За четыре дня до этого он подписал другой приказ о том, что вынесение наказаний в результате судебного разбирательства не отвечает требованиям обстановки и что войска должны применять террор.

7 декабря 1941 года, как уже указывалось в данном приговоре, за подписью Кейтеля был издан так называемый декрет «Мрак и туман», который предусматривал, что на оккупированных территориях лицам из гражданского населения, обвинявшимся в преступлениях по оказанию сопротивления оккупационным войскам, может быть предоставлено право предстать перед судом только в тех случаях, если предполагалось вынесение смертного приговора; во всех других случаях лица из числа гражданского населения должны были передаваться гестапо для отправки в Германию.

Кейтель распорядился о том, чтобы русских военнопленных использовали в германской военной промышленности. 8 сентября 1942 года он приказал, чтобы французские, голландские и бельгийские граждане работали на строительстве Атлантического вала. Он присутствовал 4 января 1944 года, когда Гитлер приказал Заукелю добыть четыре миллиона новых рабочих с оккупированных территорий.

Перед лицом этих документов Кейтель не отрицает своей связи с этими действиями. Он скорее строит свою защиту на том, что он был солдатом, и на доктрине «выполнения приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована в качестве защитительного довода.

Смягчающих вину обстоятельств нет. Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как смягчающие вину обстоятельства, где сознательно, безжалостно, без всякой военной необходимости или цели совершались столь потрясающие и широко распространенные преступления.

Заключение

Трибунал признает Кейтеля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Кальтенбруннер

Кальтенбруннер обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию Австрии и в СС в 1932 году. В 1935 году он стал руководителем СС в Австрии. После аншлюса он был назначен статс-секретарем по вопросам безопасности в Австрии, и когда в 1941 году эта должность была упразднена, он был назначен высшим руководителем СС и полиции. 30 января 1943 года он был назначен начальником полиции безопасности и СД и главой главного имперского управления безопасности (РСХА) — должность, которую раньше занимал Гейдрих, до его убийства в июне 1942 года. Кальтенбруннер имел чин обергруппенфюрера СС.

Преступления против мира

В качестве руководителя СС в Австрии Кальтенбруннер принимал активное участие в подрывной деятельности нацистов, направленной против правительства Шушнига. В ночь на 11 марта 1938 года, после того как Геринг приказал национал-социалистам Австрии захватить контроль над австрийским правительством, 500 австрийских эсэсовцев под командой Кальтенбруннера окружили государственную канцелярию, а специальный отряд под командой его адъютанта ворвался в здание этой канцелярии в то время, когда Зейсс-Инкварт вел переговоры с президентом Микласом.

Однако нет никаких доказательств о причастности Кальтенбруннера к планам ведения агрессивной войны на каком-либо другом фронте. Аншлюс, хотя он и был актом агрессии, не инкриминируется как агрессивная война, и доказательства против Кальтенбруннера по первому разделу не указывают, по мнению Трибунала, на его непосредственное участие в каких-либо планах ведения подобной войны.

Военные преступления и преступления против человечности

Когда Кальтенбруннер стал начальником полиции безопасности и СД и главой РСХА, 30 января 1943 года, он возглавил организацию, которая включала главные отделы гестапо, СД и уголовной полиции. В качестве начальника РСХА Кальтенбруннер имел право отдавать приказы о превентивном заключении в концентрационные лагеря и об освобождении из них. Приказы такого характера были обычно скреплены его подписью. Кальтенбруннер был осведомлен об условиях содержания в концентрационных лагерях. Он, несомненно, посещал Маутхаузен, и свидетели показали, что он видел, как убивали заключенных, применяя различные способы казни: повешение, расстрел в затылок, умерщвление газом, что являлось частью демонстрировавшихся перед ним экзекуций.

Кальтенбруннер лично отдавал приказы о казни заключенных в этих лагерях, и его управление обычно использовалось для передачи в эти лагеря приказов о казнях, исходивших из отдела Гиммлера. В конце войны Кальтенбруннер принимал участие в подготовке к эвакуации заключенных концентрационных лагерей и к уничтожению значительного числа этих заключенных с тем, чтобы предотвратить освобождение их союзными армиями.

Во время пребывания Кальтенбруннера на должности начальника РСХА эта организация была занята выполнением обширной программы по совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Эти преступления включали и жестокое обращение с военнопленными и их убийство. Эйнзатцкоманды, действовавшие под контролем гестапо, производили отбор советских военнопленных. Сведения о евреях, комиссарах и других лицах, которые считались идеологическими противниками нацистской системы, передавались в РСХЛ, которое направляло этих лиц в концентрационные лагеря, где они умерщвлялись.

Приказ РСХЛ о введении в действие декрета «Пуля» был издан в период правления Кальтенбруннера; по этому приказу некоторые военнопленные, совершавшие побег и захваченные вновь, направлялись в Маутхаузен и там расстреливались. Приказ о казни бойцов отрядов «коммандос» был распространен гестапо на парашютистов в тот период, когда Кальтенбруннер был начальником РСХЛ. Приказ, подписанный Кальтенбруннером, предлагал полиции не

вмешиваться в расправы над союзными летчиками, выбросившимися с парашютами.

В декабре 1944 года Кальтенбруннер принимал участие в убийстве одного из французских генералов, который содержался в качестве военнопленного.

В тот период, когда Кальтенбруннер возглавлял РСХЛ, гестапо и СД на оккупированных территориях продолжали жестоко обращаться с населением и совершать убийства, используя методы, которые включали пытки и заключение в концентрационные лагеря; обычно это делалось согласно приказам, подписанным именем Кальтенбруннера.

Гестапо несло ответственность за введение жестокого режима трудовой дисциплины для лиц, использовавшихся для рабского труда, и Кальтенбруннер организовал для этой цели ряд исправительно-трудовых лагерей. Когда СС приступили к выполнению своей программы рабского труда, гестапо использовалось в качестве поставщиков необходимой рабочей силы путем отправки рабочих в концентрационные лагеря.

РСХЛ играло руководящую роль в «окончательном решении еврейского вопроса» путем истребления евреев. Для обеспечения выполнения этой программы был создан специальный отдел РСХЛ, входивший в ведение АМТ IV. По его указаниям было убито приблизительно 6 миллионов евреев, из которых 2 миллиона были убиты эйнзатцгруппами и другими частями нотации безопасности. Кальтенбруннера информировали о деятельности этих эйнзатцгрупп, когда он был высшим руководителем СС и полиции; они продолжали свою деятельность и тогда, когда он стал начальником РСХЛ.

Убийство примерно четырех миллионов евреев в концентрационных лагерях было описано ранее.

Эта часть программы осуществлялась также под наблюдением РСХЛ, когда Кальтенбруннер возглавлял эту организацию, и специальные команды РСХЛ рыскали по оккупированным территориям и различным государствам — сателлитам держав оси, обеспечивая отправку евреев в эти «фабрики уничтожения». Кальтенбруннер был осведомлен об этих мероприятиях. В своем письме от 30 июня 1944 года он описывал отправку с этой целью 12 000 евреев в Вену и давал указания о том, что все нетрудоспособные должны были содержаться в готовности для «применения к ним

специальной меры», означавшей убийство. Кальтенбруннер отрицал, что он поставил свою подпись под этим письмом, так же как и еще под многими приказами, на которых его подпись была напечатана на машинке или факсимилирована и лишь в редких случаях написана от руки. Невероятно, чтобы при разрешении вопросов такой важности его подпись могла появиться столько раз без его ведома.

Кальтенбруннер заявлял, что, когда он взял на себя обязанности начальника полиции безопасности и СД и главы РСХА, он сделал это согласно договоренности с Гиммлером, по которой его деятельность сводилась к вопросам, касающимся иностранной разведки, а не к всестороннему контролю над деятельностью РСХА. Он заявляет, что преступная программа была введена в действие до того, как он приступил к своим обязанностям, и что он редко знал о том, что происходило, и что, когда он узнавал об этих фактах, он делал все возможное для того, чтобы предотвратить их совершение. Правильно, что он проявлял особый интерес к вопросам, связанными с иностранной разведкой. Однако он осуществлял контроль над деятельностью РСХА; он знал о преступлениях, которые оно совершало, и он был активным участником многих из них.

Заключение

Трибунал признает Кальтенбруннера невиновным по разделу первому и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Розенберг

Розенбергу предъявляется обвинение по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он стал членом нацистской партии с 1919 года, принимал участие в Мюнхенском путче, имевшем место 9 ноября 1923 года, и пытался предотвратить распад нелегальной нацистской партии в то время, когда Гитлер находился в тюрьме. Будучи признанным идеологом партии, он развивал и распространял нацистские доктрины в редактировавшихся им газетах «Фелькишер Беобахтер» и «Национал-социалистише монатсхефте», а также в многочисленных книгах, которые были им написаны. Его книга «Миф двадцатого столетия» была издана и распространена тиражом более чем в 1 000 000 экземпляров.

В 1930 году Розенберг был избран в рейхстаг и стал представителем партии по вопросам внешней политики. В апреле 1933 года он был назначен рейхслайтером и заведующим управлением внешней политики НСДАП (АПА). В январе 1934 года Гитлер назначил Розенберга своим заместителем по вопросам всесторонней духовной и идеологической подготовки членов НСДАП. В январе 1940 года ему было поручено создать «Хоэ шуле» — центральный научно-исследовательский институт национал-социалистской идеологии и воспитания; в связи с этой задачей им был организован «Эйнзатцштаб Розенберга». 17 июля 1941 года он был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных территорий.

Преступления против мира

В качестве руководителя АПА Розенберг стоял во главе организации, агенты которой активно участвовали в нацистских интригах во всех частях света. Он в своих собственных отчетах утверждает, например, что АПА в большой степени ответственно за присоединение Румынии к странам оси. В качестве главы АПА он играл важную роль в подготовке и планировании нападения на Норвегию.

Розенберг вместе с Редером являлся одним из авторов плана нападения на Норвегию. Розенберг стал проявлять интерес к Норвегии еще в июне 1939 года, когда он совещался с Квислингом. Квислинг указывал на важность Норвежского побережья в случае конфликта между Германией и Великобританией и высказал свои опасения по поводу того, что Великобритания может добиться поддержки со стороны Норвегии. В результате этого совещания Розенберг разработал такую систему, согласно которой Квислинг тесно сотрудничал с национал-социалистами и получал поддержку со стороны нацистов по политическим вопросам.

Когда началась война, Квислинг начал выражать опасения по поводу возможности вторжения Британии в Норвегию. Розенберг поддерживал эту точку зрения и передал Редеру план использования Квислинга для совершения переворота в Норвегии. Розенберг оказал содействие при созыве совещаний, имевших место в декабре 1939 года между Гитлером и Квислингом, которые привели к подготовке нападения на Норвегию и во время которых Гитлер обещал Квислингу финансовую поддержку. После этих совещаний Гитлер поручил Розенбергу организовать политическую эксплуатацию Норвегии. Через две недели после оккупации Норвегии Гитлер сообщил Розенбергу, что его решение напасть на Норвегию основывалось «на неоднократных предостережениях со стороны Квислинга, о которых ему сообщал рейхслайтер Розенберг».

Розенберг несет главную ответственность за создание и проведение в жизнь оккупационной политики на оккупированных восточных территориях. 2 апреля 1941 года Гитлер сообщил ему о предстоящем нападении на Советский Союз, и Розенберг изъявил согласие оказывать содействие этому мероприятию в качестве «советника по политическим вопросам».

20 апреля 1941 года он был назначен уполномоченным по центральному контролю над проблемами, связанными с восточноевропейским районом. При подготовке планов проведения оккупации Розенберг провел многочисленные совещания с Кейтелем, Редером, Герингом, Функом, Риббентропом и другими высшими должностными лицами империи. В апреле и мае 1941 года он подготовил ряд проектов инструкций по вопросам создания администрации на оккупированных восточных территориях. 20 июня

1941 года, за два дня до нападения на СССР, он обратился к своим ближайшим помощникам с речью по вопросам о проблемах и политике, связанных с оккупацией. Розенберг участвовал на совещании у Гитлера 16 июля 1941 года, на котором рассматривались вопросы администрации и оккупационной политики. 17 июля 1941 года Гитлер назначил Розенберга имперским министром по делам оккупированных восточных территорий и возложил на него полномочия по руководству гражданской администрацией на этих территориях.

Военные преступления и преступления против человечности

Розенберг несет ответственность за систему организованного грабежа как общественной, так и частной собственности во всех захваченных немцами странах Европы. Действуя по приказу Гитлера от января 1940 года о создании «Хоз шуле», он организовал «Эйнзатцштаб Розенберга» и руководил им; этот штаб грабил музеи и библиотеки, конфисковал произведения искусства и коллекции, грабил частные дома. Его собственные отчеты отражают размеры произведенных конфискаций. По мероприятию «М» (мебель), проведенному в декабре 1941 года по предложению Розенберга, было разграблено на Западе 69 619 еврейских домов, из которых 38 000 было разграблено лишь в одном Париже. Потребовалось 26 984 железнодорожных вагонов для того, чтобы перевезти в Германию конфискованную мебель. Начиная с 14 июля 1941 года «Эйнзатцштабом» на Востоке было захвачено более 21 903 предмета искусства, включавших знаменитые картины и музейные редкости.

С назначением Розенберга имперским министром по делам оккупированных восточных территорий 17 июля 1941 года он стал высшим должностным лицом в этих районах. Он помогал формулировать основные положения политики германизации, эксплуатации, насильственного труда, истребления евреев и противников нацистского режима и создал управление, которое проводило эту политику в жизнь. Он принимал участие в совещании от 16 июля 1941 года, на котором Гитлер заявил, что они стояли перед задачей: «Разрезать этот огромный пирог в соответствии с нашими потребностями для того, чтобы иметь возможность, во-первых,

господствовать над ним, во-вторых, управлять им и, в-третьих, эксплуатировать его». Гитлер указал, что предусматривается применение безжалостных мер. На следующий день после этого совещания Розенберг принял это назначение.

Розенберг был осведомлен о зверском обращении и терроре, которые применялись по отношению к народам восточных территорий. Он указывал, что на оккупированных восточных территориях Гаагские правила ведения сухопутной войны были неприменимы. Он был осведомлен об опустошении восточных территорий и принимал в нем деятельное участие, отсылая в Германию захваченные на этих территориях сырье и продукты питания. Он заявил, что первым в списке тех требований, которые Германия предъявила Востоку, стояла необходимость кормить германский народ, и что советский народ от этого будет страдать. Его декреты предусматривали окончательную изоляцию евреев в гетто. Подчиненные ему лица принимали участие в массовых убийствах евреев, а его гражданская администрация на Востоке считала необходимым очистить восточные территории от евреев.

В декабре 1941 года он внес предложение Гитлеру о том, что при расстреле 100 заложников следует отбирать только евреев. Розенбергу было известно о вывозе рабочих с восточных территорий, о методах «набора» рабочих и об ужасах, имевших место при транспортировках, о том, как обращались с восточными рабочими в империи. Он сообщал представителям гражданской администрации, какое количество рабочих необходимо было доставить в империю, и выполнение этой разверстки должно было обеспечиваться любыми мерами, которые оказывались необходимыми. Его виза имеется в приказе от 14 июня 1944 года, касавшемся «Акции Сено», которое заключалось в захвате 50 тыс. подростков в возрасте от 10 до 14 лет для отправки их в империю.

В отдельных случаях Розенберг возражал против эксцессов и зверств, совершавшихся его подчиненными и особенно Кохом; однако эти эксцессы продолжали иметь место, и Розенберг оставался на своем посту до конца.

Заключение

Трибунал признает Розенберга виновным по всем четырем
разделам Обвинительного заключения.

Франк

Франк обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Франк вступил в нацистскую партию в 1927 году. В 1930 году он стал членом рейхстага, в марте 1933 года — баварским министром юстиции, и когда функции последнего в 1934 году перешли к имперскому правительству, Франк стал имперским министром без портфеля. В 1933 году Франк был назначен рейхсляйтером нацистской партии по правовым вопросам и в том же году — президентом академии германского права. Франку было также присвоено почетное звание обергруппенфюрера СА. В 1942 году у Франка обнаружились временные разногласия с Гиммлером по вопросу о характере правовой системы, которая должна применяться в Германии. В том же году он был освобожден от обязанностей рейхсляйтера нацистской партии и президента академии германского права.

Преступления против мира

Представленные доказательства не убедили Трибунал, что Франк в достаточной степени был связан с общим планом ведения агрессивной войны, для того чтобы Трибунал мог признать Франка виновным по первому разделу.

Военные преступления и преступления против человечности

Франк был назначен главой гражданской администрации оккупированной польской территории. 12 октября 1939 года он был назначен генерал-губернатором оккупированной польской территории. 3 октября 1939 года он следующим образом описывал политику, которую намеревался проводить на практике:

«Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами Великой германской мировой империи». Доказательства устанавливают, что в основе этой оккупационной политики было

полное уничтожение Польши как национального целого и беспощадная эксплуатация ее человеческих и экономических ресурсов в интересах германских военных усилий. Всякая оппозиция подавлялась с крайней жестокостью. Был создан режим террора, поддерживавшийся полицейскими судами, которые предписывали проводить такие мероприятия, как публичные расстрелы групп, состоявших от 20 до 200 поляков, и широко распространенные расстрелы заложников.

Система концентрационных лагерей была введена в генерал-губернаторстве учреждением печальной известности лагерей Треблинка и Майданек. Еще 6 февраля 1940 года Франк своим циничным замечанием корреспонденту одной газеты по поводу вывешенного фон Нейратом плаката о казни чешских студентов дал представление о масштабах, в которых осуществлялся этот террор: «Если бы я хотел вывешивать плакаты по поводу расстрела каждых семи поляков, то не хватило бы лесов в Польше для того, чтобы производить бумагу для этих плакатов». 30 мая 1940 года Франк на совещании чиновников полиции заявил о том, что он использует преимущество наступления на Западе, которое отвлекло внимание всего мира от Польши, для того чтобы «уничтожить тысячи поляков, которые, вероятно, будут оказывать сопротивление господству Германии в Польше, включая ведущих представителей польской интеллигенции».

В соответствии с этими инструкциями началось проведение жестокой акции АБ, согласно которой полиция безопасности и СД проводили это истребление, лишь изредка прибегая к методу судебного преследования. 2 октября 1943 года Франк издал декрет, согласно которому лица негерманского происхождения, препятствующие мероприятиям Германии, проводимым в генерал-губернаторстве, должны были подвергаться уголовному преследованию в специальных судах нотации безопасности и СД и приговариваться к смертной казни.

Экономические требования, предъявленные генерал-губернаторству, далеко превосходили потребность оккупационной армии и были вне всякого соответствия с ресурсами страны. Продовольствие, изымавшееся в Польше, направлялось в Германию в столь значительных размерах, что норма питания населения оккупированных территорий была сокращена до голодного минимума. Широко распространены были эпидемические заболевания. Были

предприняты некоторые меры для обеспечения питанием сельскохозяйственных рабочих, которые использовались для уборки урожая, но потребности остального населения оставались без внимания.

Несомненно справедливым является заявление защиты, что некоторые лишения в генерал-губернаторстве были неизбежными как результат опустошений, вызванных войной и экономической разрухой, явившейся следствием этого. Но эти лишения были увеличены преднамеренной политикой экономической эксплуатации.

Систему вывоза людей для рабского труда в Германию Франк ввел на самых ранних стадиях своего управления. 25 января 1940 года он выразил свое намерение вывезти в Германию один миллион рабочих, предложив 10 мая 1940 года для выполнения этой разверстки устройство полицейских облав. 18 августа 1942 года Франк сообщил, что 800 000 рабочих он уже дал империи, и предполагает, что до конца года сумеет направить туда еще 140 000 человек.

Преследование евреев началось в генерал-губернаторстве немедленно. Первоначально на этой территории жило от двух с половиной до трех с половиной миллионов евреев. Их насильственно загнали в гетто, подвергли действию дискриминирующих законов, лишили пищи, необходимой для того, чтобы избежать голодной смерти, и, наконец, систематически уничтожали со зверской жестокостью. 16 декабря 1941 года Франк заявил правительству генерал-губернаторства: «Мы должны уничтожать евреев, где бы мы ни находили их, и во всех случаях, когда это возможно, для того, чтобы сохранить империю как таковую».

25 января 1944 года Франк подсчитал, что в генерал-губернаторстве осталось всего лишь 100 000 евреев.

В начале своих показаний Франк заявил, что он испытывает чувство «своей величайшей вины» за зверства, совершенные на оккупированных территориях. Однако этот защитительный довод главным образом объясняется попыткой доказать, что фактически он не является ответственным лицом, что он отдавал лишь приказания о необходимых мероприятиях для умиротворения, что эксцессы следует отнести за счет деятельности полиции, которая ему не подчинялась, и что он даже никогда не знал о том, что происходило в концентрационных лагерях. Также выдвигалось утверждение о том,

что смертность от голода объяснялась последствиями войны и политикой, проводившейся в соответствии с четырехлетним планом, утверждалось также, что политика рабского труда проводилась под руководством Заукеля и что уничтожение евреев осуществлялось полицией и СС по прямым указаниям Гиммлера.

Совершенно несомненно, что большая часть преступных действий, инкриминируемых Франку, осуществлялась через полицию, что у Франка возникли разногласия относительно сферы юрисдикции с Гиммлером по вопросу о контроле над полицией и что Гитлер решил многие из этих споров в пользу Гиммлера. Поэтому весьма возможно, что некоторые из преступлений, совершенных в генерал-губернаторстве, были совершены без ведома Франка и даже в отдельных случаях, несмотря на его противодействие. Возможно также, что некоторые из преступных планов, осуществлявшихся в генерал-губернаторстве, не исходили от Франка, а проводились в соответствии с приказами из Германии. Однако также несомненно, что Франк был добровольным и сознательным участником применения террора в Польше, в экономической эксплуатации Польши, которая привела к голодной смерти большое число людей, в угоне в Германию на рабский труд более чем миллиона поляков и в осуществлении программы, приведшей к убийству по меньшей мере трех миллионов евреев.

Заключение

Трибунал признает Франка невиновным по разделу первому и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Фрик

Фрик обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Будучи признан главным нацистским бюрократом и специалистом в области администрации, он был назначен министром внутренних дел империи в первом кабинете Гитлера. Он оставался на этом важном посту до августа 1943 года, когда получил назначение имперского протектора Богемии и Моравии. В связи с тем, что он стоял в центре всего внутреннего и хозяйственного управления страны, он стал прусским министром внутренних дел, имперским уполномоченным по проведению выборов, генеральным уполномоченным по имперской администрации, членом имперского совета обороны, членом совета министров по обороне империи и членом «Коллегии трех». После того как многие страны, присоединенные к империи, были оккупированы, он был назначен главой центрального управления, ведающего их присоединением.

Хотя Фрик официально не вступал в нацистскую партию до 1925 года, он еще до этого был связан с Гитлером и делом национал-социализма во время Мюнхенского путча, в бытность свою ответственным сотрудником мюнхенской полиции. Будучи избран в рейхстаг в 1924 году, он стал рейхслайтером, поскольку являлся руководителем фракции НСДАП в рейхстаге.

Преступления против мира

Фрик, как ярый нацист, ответствен в значительной степени за то, что немецкий народ оказался в полной власти НСДАП. После того как Гитлер стал канцлером империи, новый министр внутренних дел немедленно начал подчинять местные правительства суверенитету империи. Многочисленные законы, которые он разрабатывал, подписывал и проводил в жизнь, ликвидировали все оппозиционные партии и подготовили почву для того, чтобы гестапо и его концентрационные лагеря могли уничтожать всякое сопротивление со стороны отдельных лиц. Он в значительной степени несет ответственность за законодательство, направленное на подавление

профсоюзов, церкви и евреев. Он безжалостно и эффективно осуществлял эту задачу.

Перед началом агрессии против Австрии Фрик занимался лишь вопросами внутреннего управления империи. Доказательства не свидетельствуют об его участии в каких-либо совещаниях, на которых Гитлер намечал свои агрессивные планы. На основании этого Трибунал придерживается того мнения, что Фрик не был участником общего плана или заговора для ведения агрессивной войны, как это определяется в настоящем приговоре. Через шесть месяцев после захвата Австрии в соответствии с законом об обороне империи от 4 сентября 1938 года Фрик был назначен генеральным уполномоченным по имперской администрации. На него была возложена ответственность за администрацию во время войны во всех областях, за исключением чисто военных и экономических вопросов, в том случае, если Гитлер объявит осадное положение. Ему были подчинены имперские министерства юстиции, просвещения, вероисповеданий и управление по территориальному планированию. Выполняя возложенные на него обязанности, Фрик разработал систему администрации в соответствии с требованиями военного времени. Согласно его собственному заявлению, все это фактически было претворено в жизнь после того, как Германия решила вступить на путь войны.

Фрик подписал закон от 13 марта 1938 года, согласно которому Австрия была присоединена к империи, и был ответственным за осуществление этого закона. Учреждая германскую администрацию в Австрии, он издал декреты, которые вводили германские законы, нюрнбергские декреты, закон о воинской повинности; он также при содействии Гиммлера занимался вопросами полицейской безопасности.

Он также подписал законы, по которым к империи присоединялись Судетская область, Мемель, Данциг, Восточные территории (Западная Пруссия и Познань), Эйпен, Мальмеди и Морено. На него была возложена ответственность за фактическое присоединение этих территорий и за учреждение на этих территориях германской администрации. Он подписал закон об учреждении протектората Богемии и Моравии.

Как главе центрального управления Богемии и Моравии, генерал-губернаторства Норвегии, ему было поручено установить тесные связи между немецкими официальными лицами в этих оккупированных странах и высшими представителями имперской администрации. Он снабжал административный аппарат на всех оккупированных территориях германскими гражданскими служащими, консультируя Розенберга по вопросам о назначении их на работу в восточных оккупированных территориях. Он подписал указы, по которым Тербовен назначался имперским уполномоченным в Норвегии, а Зейсс-Инкварт — в Голландии.

Военные преступления и преступления против человечности

Ярый антисемит, Фрик постоянно разрабатывал, подписывал и осуществлял бесчисленные законы, направленные на устранение евреев из общественной жизни и экономики Германии. Его деятельность послужила основой нюрнбергских декретов, и он активно участвовал в их осуществлении. Он несет ответственность за декреты, запрещающие евреям заниматься различными профессиями, и за конфискацию их имущества; последний декрет он подписал в 1943 году, после массового уничтожения евреев на Востоке; этот декрет поставил их «вне закона» и предусматривал передачу их гестапо. Эти законы расчистили путь для «окончательного решения» еврейского вопроса и были распространены Фриком на присоединенные и на некоторые оккупированные территории.

В тот период, когда он был имперским протектором Богемии и Моравии, тысячи евреев были переведены из гетто Терезиенштадта в Чехословакии в Освенцим, где они и были убиты. Он издал декрет, предусматривавший специальные уголовные законы в отношении евреев и поляков в генерал-губернаторстве.

Полиция официально входила в юрисдикцию имперского министра внутренних дел, но Фрик фактически в незначительной степени контролировал Гимmlера и мало касался полицейских вопросов. Однако он подписал декрет, назначавший Гимmlера начальником германской полиции, а также декреты, устанавливавшие юрисдикцию гестапо над концентрационными лагерями и

регулирувшие выполнение приказов о превентивном заключении. Из многочисленных жалоб, которые получал Фрик, и на основании показаний свидетелей Трибунал делает вывод, что он знал о зверствах, совершавшихся в этих лагерях. Будучи осведомлен о методах Гиммлера, Фрик подписал декреты, дававшие последнему полномочия принимать необходимые меры безопасности на некоторых присоединенных территориях. Чем оказались эти «меры безопасности», уже говорилось выше.

Как высший представитель имперской власти в Богемии и Моравии Фрик несет общую ответственность за политику угнетения на этой территории после 20 августа 1943 года, за террор в отношении населения, угон на рабский труд и депортацию евреев в концентрационные лагеря для уничтожения. Верно, что обязанности Фрика в качестве имперского протектора были гораздо более ограниченными, чем обязанности его предшественника, и что он не пользовался законодательной властью и имел лишь ограниченные полномочия оперативного характера в протекторате. Тем не менее Фрик очень хорошо знал, какова была в то время нацистская оккупационная политика в Европе, в особенности в отношении евреев, и, приняв пост имперского протектора, он принял на себя ответственность за осуществление этой политики в Богемии и Моравии.

В то время как он был министром внутренних дел, вопросы германского подданства в оккупированных странах, так же как и в империи, входили в его юрисдикцию. Создав систему расовой регистрации лиц германского происхождения, Фрик разрешил перейти в немецкое подданство определенным группам граждан из других стран. Он несет ответственность за онемечивание Австрии, Судетской области, Мемеля, Данцига, Восточных территорий (Западной Пруссии и Познани), а также Эйпена, Мальмеди и Морено. Он насильственно вводил для граждан этих территорий немецкие законы, немецкие суды, немецкую систему образования, немецкую полицию безопасности и обязательную военную службу.

Во время войны в его юрисдикцию также входили санатории, больницы и психиатрические лечебницы, в которых практиковалась «система предания легкой смерти», уже описанная в этом приговоре. Ему было известно, что душевнобольные, больные и старики —

«лишние рты» — систематически подвергались насильственному умерщвлению. Жалобы на эти убийства доходили до него, но он ничего не сделал, чтобы прекратить эти убийства. Согласно отчету Чехословацкой Комиссии по расследованию военных преступлений, 275 000 душевнобольных и стариков, за благополучие которых он отвечал, стали его жертвой.

Заключение

Трибунал признает Фрика невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделу второму, третьему и четвертому.

Штрейхер

Штрейхер обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Один из первых членов нацистской партии, вступивший в нее в 1921 году, он принимал участие в Мюнхенском путче. С 1925 года по 1940 год он был гауляйтером Франконии. Он был избран в рейхстаг в 1933 году и был почетным генералом СА. Он приобрел позорную славу в связи с преследованием евреев. Он был издателем «Дер штюрмер» — ежедневной антисемитской газеты, с 1933 по 1945 год и ее редактором до 1933 года.

Преступления против мира

Штрейхер был убежденным нацистом и поддерживал основной политический курс Гитлера. Нет доказательств, которые бы указывали на то, что он когда-либо принадлежал к близкому кругу советников Гитлера; за время своей деятельности он никогда не был тесно связан с разработкой программы, которая привела к войне. Так, например, он никогда не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, во время которых Гитлер излагал свои решения подчиненным ему руководителям. Хотя он и являлся гаулейтером, нет никаких доказательств, которые свидетельствовали бы о его осведомленности об этой программе. По мнению Трибунала, доказательства не устанавливают его причастности к заговору или общему плану для ведения агрессивной войны, как этот заговор ранее был определен в данном приговоре.

Преступления против человечности

За 25 лет, в течение которых Штрейхер говорил и писал о ненависти к евреям и проповедовал эту ненависть, он стал широко известен как «антисемит № 1». В своих речах и статьях, неделя за неделей и месяц за месяцем, он отравлял сознание германского народа ядом антисемитизма и подстрекал его к активным преследованиям

евреев. Каждый номер газеты «Дер штюрмер», тираж которой достиг в 1935 году 600 000, был наполнен такими статьями, которые часто действовали растлевающе и были отвратительны по своему характеру.

Штрейхер руководил бойкотом евреев 1 апреля 1933 года. Он выступал за нюрнбергские декреты в 1935 году. Он несет ответственность за разрушение синагоги в Нюрнберге 10 августа 1938 года. Он открыто выступал 10 ноября с поддержкой еврейских погромов, которые происходили в то время.

Но не только в Германии этот подсудимый проповедовал свои доктрины. Уже в 1938 году он начал призывать к уничтожению еврейской расы. В качестве доказательства были представлены 23 статьи из газеты «Дер штюрмер» за период с 1938 года по 1941 год, в которых проповедовалась доктрина уничтожения и содержались призывы «вырвать с корнем» еврейскую расу. Характерным примером его «учения» была передовая статья в сентябрьском номере за 1930 год, в которой евреи назывались чумой и микробами, не человеческими существами, а «паразитами, врагами, злоумышленниками, распространителями болезней, которые должны быть уничтожены в интересах человечества». В других статьях утверждалось, что еврейский вопрос будет решен лишь тогда, когда будет уничтожено мировое еврейство, и предсказывалось, что через 50 лет еврейские могилы «оповестят весь мир о том, что этот народ убийц и преступников наконец постигла заслуженная им судьба».

Штрейхер в феврале 1940 года опубликовал письмо одного из читателей «Дер штюрмер», который сравнивал евреев с тучами саранчи, которые должны быть окончательно истреблены. Этим ядом Штрейхер отравлял умы тысяч немцев, и в результате они последовали за национал-социалистами в их политике преследования и уничтожения евреев. Передовая статья в «Дер штюрмер» за май 1939 года ясно формулирует его цели: «Необходимо направить карательную экспедицию против евреев в России, — карательную экспедицию, которая принесет им ту же участь, какой должен ожидать каждый убийца и преступник. Смертный приговор и казни. Евреи в России должны быть убиты. Их нужно вырвать с корнем».

По мере того, как война, в начале развиваясь успешно, привела к приобретению все новых территорий для империи, Штрейхер даже увеличил свои усилия в подстрекательстве немцев против евреев. В

протоколе суда имеется 26 статей из газеты «Дер штюрмер», опубликованных между августом 1941 года и сентябрем 1944 года, 12 из них писаны рукой Штрейхера; они в самых недвусмысленных выражениях требовали истребления и уничтожения. Он написал и опубликовал 25 декабря 1941 года: «Если действительно мы положим конец этому воспроизведению проклятия Божьего в еврейской крови, то это может быть сделано только одним путем — уничтожения этого народа, рожденного дьяволом». В феврале 1934 года в своей статье он заявил: «Тот, кто делает то, что делает еврей, — негодяй и преступник, а тот, кто повторяет его действия и хочет подражать ему, заслуживает той же судьбы — уничтожения, смерти».

Зная об истреблении евреев на оккупированных восточных территориях, этот подсудимый продолжал писать и опубликовывать свою пропаганду смерти. Давая показания перед этим судом, он яростно отрицал хоть какую-нибудь свою осведомленность о массовом уничтожении евреев. Однако из доказательств явствует, что он постоянно получал текущую информацию о проведении «окончательного решения». Его фотокорреспондент был направлен в гетто на Востоке весной 1943 года в период уничтожения варшавского гетто. Еврейская газета «Израилитишес вохенблатт», которую Штрейхер получал и читал, содержала в каждом номере сообщение о зверствах против евреев на Востоке и приводила цифры количества евреев, которые были угнаны и убиты. Так, например, за лето и осень 1942 года сообщалось о смерти 72 729 евреев в Варшаве, 17 542 — в Лодзи, 18 000 — в Хорватии, 125 000 — в Румынии, 14 000 — в Латвии, 85 000 — в Югославии и 700 000 — в Польше. В ноябре 1943 года Штрейхер цитировал дословно статью из «Израилитишес вохенблатт», в которой говорилось, что евреи буквально исчезли из Европы, и комментировал ее заявлением: «это — не еврейская ложь». В декабре 1942 года, ссылаясь на статью «Лондон тайме», касавшуюся зверств, имевших своей целью уничтожение, Штрейхер заявил, что Гитлер предупреждал в свое время, что Вторая мировая война приведет к уничтожению еврейства. В январе 1943 года он написал и опубликовал статью, в которой говорилось, что пророчество Гитлера сбылось — мировое еврейство искореняется; он также сказал, что «его радует сознание, что Гитлер освобождает мир от его еврейских мучителей».

В свете доказательств, представленных Трибуналу, Штрейхеру бесполезно утверждать, что разрешение еврейского вопроса, за которое он стоял, строго ограничивалось классификацией евреев как чуждого элемента и принятием дискриминирующих законов, таких, как нюрнбергские, по мере возможности дополняемых международным соглашением о создании в какой-то части света еврейского государства, куда должны были эмигрировать все евреи.

Подстрекательство Штрейхера к убийству и уничтожению в то время, когда евреи на Востоке умерщвлялись самым ужасным образом, несомненно, является преследованием по политическим и расовым мотивам в связи с совершением военных преступлений, как они определены Уставом, и является, таким образом, преступлением против человечности.

Заключение

Трибунал признает, что Штрейхер не виновен по разделу первому, но что он виновен по разделу четвертому Обвинительного заключения.

Функ

Функ обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Функ — в прошлом журналист по финансовым вопросам — вступил в нацистскую партию в 1931 году и вскоре после этого стал одним из личных советников Гитлера по экономическим вопросам.

30 января 1933 года он был назначен руководителем прессы в имперском правительстве, 11 марта 1933 года стал заместителем министра пропаганды и вскоре после этого занял руководящее положение в различных нацистских организациях, которые контролировали прессу, кино, музыку и работу издательств. Он занял пост министра экономики и генерального уполномоченного по военной экономике в начале 1938 года и президента имперского банка в январе 1939 года. Он был преемником Шахта на всех этих трех постах. В августе 1939 года он был назначен членом Совета министров по обороне империи и в сентябре 1943 года — членом Центрального управления по планированию.

Преступления против мира

Функ начал свою деятельность в области экономики после того, как ясно определялись нацистские планы ведения агрессивной войны. Один из его представителей присутствовал на совещании, имевшем место 14 октября 1938 года, на котором Геринг объявил о гигантском увеличении вооружения и дал задание министерству экономики увеличить экспорт с тем, чтобы получить необходимую валюту. 28 января 1939 года один из подчиненных Функа направил ОКВ меморандум по вопросу об использовании военнопленных с тем, чтобы компенсировать недостаток в рабочей силе, который мог возникнуть в случае объявления мобилизации 30 мая 1939 года, заместитель министра экономики присутствовал на совещании, на котором был разработан детальный план финансирования войны.

25 августа 1939 года Функ написал Гитлеру письмо, в котором выражал свою благодарность за то, что он имел возможность участвовать в таких потрясающих мир событиях, и сообщал, что его

план «финансирования войны», контроля над заработной платой и ценами и укрепления имперского банка был осуществлен, что он незаметно превратил в золото всю наличную иностранную валюту, находившуюся в распоряжении Германии. 14 октября 1939 года, после начала войны, он произнес речь, в которой констатировал, что экономические и финансовые учреждения Германии, работающие для выполнения четырехлетнего плана, уже свыше года вели тайную экономическую подготовку к войне.

Функ принимал участие в экономическом планировании, которое предшествовало нападению на СССР; его заместитель ежедневно совещался с Розенбергом по экономическим проблемам, которые могли возникнуть в связи с оккупацией советской территории. Функ лично участвовал в планировании печатания в Германии советских денежных знаков до нападения на СССР с тем, чтобы использовать их для денежного обращения на оккупированной территории СССР.

После нападения он произнес речь и в ней описывал разработанные им планы экономической эксплуатации «обширных территорий Советского Союза», которые должны были быть использованы как источники сырья для Европы.

Функ не принадлежал к числу руководящих лиц, создавших нацистские планы агрессивной войны. Его деятельность в области экономики в качестве агента генерального уполномоченного по четырехлетнему плану протекала под контролем Геринга. Он, однако, участвовал в экономической подготовке некоторых из агрессивных войн, особенно против Польши и Советского Союза, но его вина в связи с этим охватывается разделом вторым Обвинительного заключения.

Военные преступления и преступления против человечности

Занимая пост заместителя министра пропаганды и вице-президента имперской палаты культуры, Функ принимал участие в первоначальной нацистской программе экономической дискриминации евреев. 12 ноября 1938 года после ноябрьских погромов он присутствовал на совещании под председательством Геринга, на котором обсуждалось решение еврейской проблемы и на котором он

предложил декрет, запрещающий евреям участие в экономической жизни страны; этот декрет Геринг опубликовал в тот же самый день от имени Управления по четырехлетнему плану. Функ показал, что он был потрясен событиями 10 ноября, но 15 ноября он произнес речь, описывая эти эксцессы, как «бурный взрыв негодования немецкого народа, вызванного преступным наступлением евреев на немецкий народ»; он также сказал в этой речи, что устранение евреев из экономической жизни является логическим продолжением их устранения из политической жизни.

В 1942 году Функ заключил соглашение с Гиммлером, согласно которому имперский банк должен был получить известное количество золота, драгоценностей и валюты от СС, причем он предложил своим подчиненным, которые должны были разрабатывать детали соглашения, не задавать лишних вопросов.

В результате этого соглашения СС послало имперскому банку личное имущество, отобранное у жертв, которые были уничтожены в концентрационных лагерях. Имперский банк оставил у себя монеты и банкноты, а драгоценности, часы и личные вещи послал берлинским муниципальным ломбардам. Золотая оправа от очков, золотые зубы и пломбы хранились в сейфах имперского банка. Отрицая это, Функ заявлял, что он не знал, что имперский банк получал вещи подобного рода. Трибунал придерживается того мнения, что Функ или знал о том, что поступало в банк, или же он умышленно закрывал глаза на происходившее.

Функ, будучи министром экономики и президентом имперского банка, участвовал в экономической эксплуатации оккупированных территорий. Он был председателем континентальной нефтяной компании, в ведении которой находилась эксплуатация нефтяных ресурсов оккупированных восточных территорий. Он осуществлял захват золотых фондов Чехословацкого национального банка и ликвидацию Югославского национального банка, 6 июня 1942 года его заместитель послал ОКВ письмо с требованием выделить в его распоряжение для покупок на черном рынке денежные суммы из фонда издержек на оккупацию Франции.

Осведомленность Функа о немецкой оккупационной политике явствует из факта его присутствия на совещании 6 августа 1942 года, на котором Геринг обратился к представителям германской

администрации оккупированных районов, сообщил им о разверстке на поставку продуктов с их территорий, причем добавил: «Мне совершенно безразлично, если вы заявите в связи с этим, что люди у вас будут умирать с голоду».

Осенью 1943 года Функ стал членом центрального управления по планированию, которое определяло общее число рабочих, необходимых для промышленности Германии, и которое требовало от Заукеля, чтобы он их дал обычно, путем угона их с оккупированных территорий. Вероятно, Функ не был особенно заинтересован в этом аспекте программы принудительного труда, и он обычно посылал на совещания своего заместителя, часто генерала СС Олендорфа, бывшего начальника СД в самой Германии и бывшего командира эйнзатцгруппы Д. Но Функ знал, что управление, членом которого он являлся, требовало ввоза рабочих для рабского труда и распределения их по различным отраслям промышленности, находившимся под его контролем.

Будучи президентом имперского банка, Функ также был косвенно причастен к использованию труда заключенных концентрационных лагерей. Под его руководством имперский банк открыл для СС текущий счет в 12 000 000 рейхсмарок для постройки фабрик, на которых должен был использоваться труд заключенных концлагерей.

Несмотря на то что Функ занимал важные официальные посты, он никогда не играл доминирующей роли в проведении различных программ, в которых он принимал участие. Это является смягчающим обстоятельством, которое Трибунал принимает во внимание.

Заключение

Трибунал не признает Функа виновным по первому разделу, но признает его виновным по второму, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения.

Шахт

Шахт обвиняется по разделу первому и второму Обвинительного заключения. Шахт был уполномоченным по вопросам валюты и президентом имперского банка с 1923 по 1930 год. Он был снова назначен президентом банка 17 марта 1933 года, министром экономики 6 августа 1934 года и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики в мае 1935 года. Он ушел в отставку с последних двух постов в ноябре 1937 года и был назначен министром без портфеля. Он был снова назначен на пост президента имперского банка на годичный срок 16 марта 1937 года и на четырехгодичный срок — 9 марта 1938 года, но был освобожден с этого поста 20 января 1939 года. Он был освобожден от обязанности министра без портфеля 22 января 1943 года.

Преступления против мира

Шахт активно поддерживал нацистскую партию до ее прихода к власти 30 января 1933 года и поддерживал назначение Гитлера на пост канцлера. После этой даты он играл важную роль в интенсивной программе перевооружения, которая была принята, и использовал возможности имперского банка в наивеличайшей степени для германских усилий в области перевооружения. Имперский банк выполнял свои, ставшие традиционными, обязанности финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные правительственные займы, и собранные в результате фонды использовались для перевооружения. Он разработал систему, согласно которой выпущенные на пять лет векселя, известные под названием векселей «МЕФО», гарантированные имперским банком и обеспеченные фактически лишь его положением как эмиссионного банка, использовались для приобретения крупных сумм на перевооружение за счет краткосрочных денежных операций.

В качестве министра экономики и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики он активно участвовал в организации германской экономики для войны. Он разработал детальные планы

промышленной мобилизации и координации деятельности промышленности с армией на случай войны. Он был особенно озабочен дефицитом в области сырья и начал проводить в жизнь программу накопления запасов и системы контроля над валютой, которая была предназначена к тому, чтобы помешать слабости положения Германии в области иностранной валюты, препятствовать приобретению за границей сырьевых материалов, необходимых для перевооружения. 3 мая 1935 года он послал меморандум Гитлеру, в котором говорилось, что «выполнение программы вооружения в количественном отношении и в наикратчайший срок является задачей германской политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено этой цели».

В апреле 1936 года Шахт начал терять свое влияние в качестве центральной фигуры в области германского перевооружения, когда Геринг был назначен на пост уполномоченного по координации вопросов сырья и иностранной валюты. Геринг выступал за очень широкую программу производства синтетического сырья, против которой Шахт возражал на том основании, что вызванное этой политикой финансовое напряжение может привести к инфляции. Влияние Шахта далее уменьшилось, когда 16 октября 1936 года Геринг был назначен чрезвычайным уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана, с заданием «привести всю экономику в состояние готовности к войне в течение четырех лет».

Шахт протестовал против объявления этого плана и назначения Геринга на пост руководителя по проведению этого плана, и совершенно ясно, что предпринятый Гитлером шаг означал решение, что экономическая политика Шахта была слишком консервативной для решительной программы перевооружения, которую Гитлер хотел провести в жизнь.

После назначения Геринга Шахт и Геринг часто вступали в многочисленные споры. Хотя в этих спорах имелся и элемент личных разногласий, Шахт был не согласен с Герингом по некоторым основным политическим вопросам. Шахт, исходя из финансовых соображений, выступал за сокращение программы перевооружения, возражал против предполагавшегося расширения производственных возможностей, считая это неэкономным, в особенности в области синтетического производства, и настаивал на решительном

сокращении государственного кредита и на осторожной политике в области германских запасов иностранной валюты.

В результате этих споров и жестокого спора, в котором Гитлер обвинял Шахта в срыве его планов с помощью финансовых методов, Шахт 5 сентября 1937 года ушел в отпуск из министерства экономики, а 16 ноября 1937 года вышел в отставку с поста чрезвычайного министра экономики и уполномоченного по вопросам военной экономики.

В качестве президента имперского банка Шахт все еще вступал в разногласия. На протяжении 1938 года имперский банк продолжал выполнять функцию финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные займы для финансирования вооружения. Однако 31 марта 1938 года Шахт прекратил практику выпуска краткосрочных векселей, гарантированных имперским банком, на расходы по вооружению. В конце 1938 года, пытаясь получить контроль над фискальной политикой через имперский банк, Шахт отказался выполнить срочное требование имперского министра финансов на специальные кредиты для выплаты заработной платы государственным служащим, которая не могла быть покрыта за счет существующих фондов. 2 января 1939 года Шахт совещался с Гитлером и во время этого совещания убеждал его сократить расходы на вооружение. 7 января 1939 года Шахт представил Гитлеру отчет, подписанный правлением Рейхсбанка, в котором настоятельно требовал решительного сокращения расходов на вооружение и создание сбалансированного бюджета в качестве единственного средства для предотвращения инфляции. 19 января Гитлер освободил Шахта с поста президента имперского банка. 22 января 1943 года Гитлер освободил Шахта с поста министра без портфеля в связи со «всей его линией поведения во время решительной борьбы, которую вел немецкий народ». 23 июля 1944 года Шахт был арестован гестапо и заключен в концентрационный лагерь, в котором он находился до конца войны.

Совершенно ясно, что Шахт был центральной фигурой в германской программе перевооружения и что предпринятые им шаги, в особенности в первые дни нацистского режима, дали нацистской Германии возможность быстро стать военной державой. Но перевооружение, как таковое, не является преступным актом в

соответствии с Уставом. Для того чтобы оно явилось преступлением против мира, как оно предусматривается статьей 6 Устава, должно быть доказано, что Шахт проводил это перевооружение как часть нацистского плана для ведения агрессивных войн.

Шахт утверждал, что он принимал участие в программе перевооружения лишь потому, что он хотел создать сильную и независимую Германию, которая могла бы проводить внешнюю политику, способную завоевать ей уважение и равное положение с другими европейскими странами; он утверждал, что когда он обнаружил, что нацисты перевооружаются с агрессивными целями, он пытался замедлить темпы перевооружения, а также, что после отставки фон Фрича и фон Бломберга он принимал участие в заговоре, направленном на то, чтобы избавиться от Гитлера сначала путем смещения его, а позднее и путем убийства.

Уже в 1936 году Шахт начал выступать за сокращение программы перевооружения по финансовым соображениям. Если бы политика, за которую он выступал, была проведена в жизнь, Германия не была бы подготовлена к общеевропейской войне. Его настойчивые попытки провести эту политику привели впоследствии к его отставке со всех постов, имевших экономическое значение в Германии. С другой стороны, Шахт, будучи прекрасно осведомленным в германских финансах, находился в особенно выгодном положении для того, чтобы понять подлинный смысл сумасшедшего перевооружения, которое проводил Гитлер, и осознать, что принятая экономическая политика могла иметь своей целью только войну.

Более того, Шахт продолжал участвовать в германской экономической жизни и даже, в меньшей степени, — в некоторых из ранних нацистских агрессий. Перед оккупацией Австрии он установил обменный курс марки и шиллинга. После оккупации Австрии он организовал включение австрийского национального банка в систему имперского банка и произнес горячую пронацистскую речь, в которой заявил, что Рейхсбанк останется нацистским до тех пор, пока он с ним будет связан, восхвалял Гитлера и защищал оккупацию Австрии, осмеивая возражения против того, как она была проведена, и закончил свою речь возгласом: «Нашему фюреру троекратное зигхайль». Он не оспаривал, что эта речь являлась выражением его взглядов в тот период.

После оккупации Судетской области он организовал валютную конверсию и включение в имперский банк местных эмиссионных чешских банков. 29 ноября 1938 года он произнес речь, в которой с гордостью ссылаясь на свою экономическую политику, которая обеспечила высокий уровень германского вооружения, и добавил, что это вооружение сделало возможной германскую внешнюю политику.

Шахт не был причастен к планированию ни одной из агрессивных войн, которые инкриминируются разделом вторым. Его участие в оккупации Австрии и Судетской области (ни одно из этих действий не вменяется в вину как агрессивная война) было столь ограниченным, что оно не является участием в общем плане, инкриминируемом в разделе первом. Он, несомненно, не принадлежал к кругу приближенных Гитлера, который был очень тесно связан с общим планом. Он рассматривался этой группой с нескрываемой враждебностью. Показания Шпеера указывают на то, что арест Шахта 23 июля 1944 года в той же мере основывался на враждебности Гитлера к Шахту, выросшей из его поведения до войны, как и из подозрений в его причастности к покушению. Поэтому обвинение против Шахта покоится на предположении, что Шахт фактически был осведомлен о нацистских агрессивных планах.

По этому важнейшему вопросу были представлены доказательства Обвинением и значительное количество доказательств — Защитой.

Трибунал рассмотрел с величайшим вниманием все эти доказательства и пришел к заключению, что представленные доказательства не позволяют с несомненностью прийти к указанному выше выводу.

Заключение

Трибунал признает Шахта невиновным в преступлениях, перечисленных в Обвинительном заключении, и предлагает коменданту суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

Дёниц

Дёниц обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. Будучи офицером с 1918 года, в 1935 году он стал командующим первой флотилии подводных лодок, в 1936 году он стал командующим подводным флотом, в 1940 году получил чин вице-адмирала, в 1942 году — адмирала и 30 января 1943 года стал главнокомандующим германского военно-морского флота. 1 мая 1945 года он сменил Гитлера на посту главы государства.

Преступления против мира

Хотя Дёниц создал и обучил германский подводный флот, доказательства не устанавливают его причастности к заговору для ведения агрессивных войн или факта его участия в подготовке и развязывании таких войн. Он был кадровым офицером, занимавшимся исключительно тактическими вопросами. Он не присутствовал на важных совещаниях, на которых объявлялись планы агрессивных войн, и нет доказательств того, что он был осведомлен относительно решений, принятых на этих совещаниях. Однако Дёниц вел агрессивную войну в том смысле, как это определено в Уставе. Ведение подводной войны, которая началась немедленно после начала военных действий, было полностью координировано с действиями остальных составных частей вооруженных сил. Совершенно ясно, что его подводные лодки, в то время немногочисленные, были полностью подготовлены для ведения войны.

Правильно, что до его назначения в январе 1943 года главнокомандующим он не был «командующим» (обербефельехабер). Однако такого рода утверждение недооценивает значения поста, который занимал Дёниц. Он не был просто командующим армией или командиром дивизии. Подводный флот был важнейшей частью германского флота, а Дёниц был его руководителем.

В первые годы войны надводный флот совершил немного рейдов, хотя они и были эффективными, а основной ущерб противнику был нанесен почти исключительно подводными лодками Дёница, как об

этом свидетельствуют факты потопления кораблей союзных и нейтральных стран, общим водоизмещением в миллионы тонн. Этими военными операциями ведал исключительно Дёниц. Командование военно-морскими силами оставляло за собой право решать, сколько подводных лодок должно действовать в каждом отдельном секторе. При вторжении в Норвегию, например, он в октябре 1939 года составил предложения в отношении баз для подводного флота; он утверждает, что эти предложения были лишь штабной разработкой; в марте 1940 года он составил оперативные приказы для поддержки операций подводных лодок, как об этом говорилось выше в настоящем приговоре.

Тот факт, что роль Дёница в германских военных усилиях рассматривалась таким образом, красноречиво доказывается тем, что Редер рекомендовал Дёница в качестве своего преемника, а также тем, что Гитлер 30 января 1943 года назначил его главнокомандующим военно-морского флота. Гитлер также знал, что подводная война являлась существенной частью германской морской войны.

Начиная с января 1943 года Гитлер почти непрерывно консультировался с Дёницем. Есть доказательства того, что они совещались по морским вопросам примерно 120 раз в течение войны.

Уже в апреле 1945 года, когда, как он признает, Дёниц знал, что борьба стала безнадежной, он в качестве главнокомандующего убеждал личный состав флота продолжать борьбу. 1 мая 1945 года он стал главой государства и в качестве такового приказал вооруженным силам продолжать войну на Востоке, закончившуюся капитуляцией 9 мая 1945 года. Дёниц объяснил, что он издал такие приказы для того, чтобы обеспечить для германского гражданского населения возможность эвакуации, а для армии — возможность упорядоченного отступления с Востока.

По мнению Трибунала, доказательства устанавливают, что Дёниц активно участвовал в ведении агрессивной войны.

Военные преступления

Дёницу инкриминируется ведение неограниченной подводной войны в нарушение Морского Протокола 1936 года, к которому

присоединилась Германия и который вновь подтверждал правила ведения подводной войны, изложенные в Лондонском морском соглашении 1930 года.

Обвинение утверждает, что 3 сентября 1939 года германский подводный флот начал вести неограниченную подводную войну в отношении всех торговых судов, как вражеских, так и нейтральных, цинично пренебрегая правилами Протокола; оно также утверждало, что сознательно предпринимались усилия в течение всей войны скрыть этот факт лицемерными ссылками на международное право и нарушения его, якобы совершавшиеся союзниками.

Дёниц настаивает на том, что в течение всего времени военно-морской флот соблюдал ограничения международного права и Протокола. Он показал, что когда война началась, руководством для ведения подводной войны был принятый Германией порядок взятия призов, почти буквально заимствованный из Протокола, что, следуя принятой в Германии точке зрения, он приказал подводным лодкам атаковать все торговые суда в караванах и все те суда, которые отказывались остановиться или использовали радиосигнализацию при появлении подводной лодки.

Когда полученные им отчеты показывали, что британские торговые суда использовались для передачи информации по радио, вооружались и нападали на подводные лодки при их появлении, он приказал своим подводным лодкам 17 октября 1939 года нападать на все вражеские торговые суда и без предупреждения на том основании, что ожидалось сопротивление с их стороны. Уже 21 сентября 1939 года были изданы приказы о нападении на все суда, в том числе нейтральные, плавающие ночью без огней в Английском канале.

24 ноября 1939 года германское правительство издало предупреждение нейтральным судам о том, что в связи с частыми стычками, происходящими у берегов Британии и у французского побережья между подводными лодками и союзными торговыми судами, которые были вооружены и имели инструкции применять оружие, а также таранить подводные лодки, безопасность нейтральных судов в этих водах не может быть более гарантирована.

1 января 1940 года командование германского подводного флота, действуя по указаниям Гитлера, приказало подводным лодкам атаковать все греческие торговые суда в зоне вокруг Британских

островов, которая была по распоряжению правительства Соединенных Штатов запрещенной для их судов, а также торговые суда всех национальностей в запретной зоне Бристольского канала. Через пять дней после этого был издан еще один приказ по подводному флоту о «немедленном и неограниченном применении оружия против всех судов» в одном из районов Северного моря, границы которого были указаны.

Наконец, 18 января 1940 года подводные лодки получили право топить без предупреждения все суда «в тех водах у вражеского побережья, в отношении которых можно сослаться на то, что они были минированы». Следовало делать исключение лишь для судов Соединенных Штатов, итальянских судов, японских судов и судов советского флота.

Вскоре после начала войны британское адмиралтейство в соответствии с руководством и инструкциями торговому флоту от 1938 года вооружило все торговые суда, во многих случаях выделило для сопровождения их вооруженный конвой и дало приказания о передаче оперативных донесений в случае появления подводных лодок, включив, таким образом, торговые суда в систему сигнализации военно-морской разведки. 1 октября 1939 года британское адмиралтейство объявило, что британские торговые суда получили указание таранить подводные лодки, когда это возможно.

Рассматривая конкретные обстоятельства данного дела, Трибунал не намерен считать Дёница виновным в ведении подводной войны против вооруженных британских торговых судов.

Однако объявление зон военных действий и потопление нейтральных торговых судов, зашедших в эти зоны, представляет иную проблему. Такая практика была принята в войне 1914–1918 годов Германией и, в порядке контрмеры, — Великобританией. Вашингтонская конференция 1922 года, Лондонское морское соглашение 1930 года и Протокол от 1936 года были подписаны с полным сознанием того, что такие зоны были введены в той войне. Однако Протокол не делал исключения для зон военных действий. Приказ Дёница топить нейтральные суда без предупреждения в том случае, если они будут находиться в пределах этих зон, по мнению Трибунала, является поэтому нарушением Протокола.

Утверждается также, что германский подводный флот не только не выполнял правил о предупреждении и спасении утопающих, содержащихся в Протоколе, но и что Дёниц преднамеренно приказал убивать людей, спасшихся после потопления судов, независимо оттого, были ли они вражескими или нейтральными. Обвинение представило множество доказательств в связи с двумя приказами Дёница — оперативным приказом № 154, изданным в 1939 году, и так называемым приказом «Лакония» от 1942 года.

Защита утверждает, что эти приказы и подтверждающие их доказательства не доказывают существования такой политики, и представила много доказательств, свидетельствующих об обратном. Трибунал придерживается мнения, что доказательства не устанавливают с несомненностью, требуемой в данном случае, того факта, что Дёниц намеренно приказал убивать людей, спасшихся с потопленных судов. Приказы были, несомненно, двусмысленными и заслуживают серьезнейшего осуждения.

Доказательства далее устанавливают, что правила о спасении утопающих не выполнялись Германией и что подсудимый приказал не выполнять их. Утверждение защиты сводится к тому, что безопасность подводной лодки, — что является основным правилом на море, — стоит выше, чем спасение людей, и что развитие воздушного флота сделало спасательные операции невозможными. Это, возможно, и правильно, но Протокол весьма точен в формулировках. Если командир не может проводить спасательных операций, он, в соответствии с условиями Протокола, не может топить торговое судно и должен дать ему возможность безопасно пройти перед перископом. В таком случае эти приказы доказывают, что Дёниц виновен в нарушении Протокола.

Учитывая все доказанные факты и в особенности приказ британского адмиралтейства, объявленный 8 мая 1940 года, о том, что все суда, появившиеся в Скагерраке ночью, должны быть потоплены, а также ответы адмирала Нимица на опросный лист, которые гласят, что Соединенные Штаты вели в Тихом океане неограниченную морскую войну с первого дня вступления этого государства в войну, мера наказания Дёницу определяется на основании нарушения им международного права в области подводной войны.

Дёницу также инкриминировалась ответственность за приказ Гитлера относительно «коммандос» от 18 октября 1942 года Дёниц

признал, что он получил этот приказ и знал о нем, когда он был командующим подводным флотом, однако он отрицал свою ответственность. Он указывал, что в приказе было точно сформулировано, что он не распространяется на лиц, захваченных в ходе морской войны, что у флота не было морской пехоты и что командиры подводных лодок не имели возможности столкнуться с «коммандос».

В одном случае, когда он был главнокомандующим военно-морского флота, в 1943 году, команда союзного торпедного катера была захвачена германскими военно-морскими силами. Команда была допрошена в разведывательных целях по поручению адмирала, командовавшего этими судами, и затем по его приказу передана в СД и расстреляна. Дёниц заявил, что если бы эти лица были захвачены флотом, их расстрел явился бы нарушением приказа о «коммандос», что сообщения о казни в оперативной сводке вооруженных сил не было и что его никогда не информировали об этом случае. Он подчеркнул, что адмирал, о котором шла речь, не подчинялся ему по команде, а был подчиненным армейского генерала, руководившего операциями по оккупации Норвегии. Однако Дёниц оставил этот приказ в силе, когда он стал главнокомандующим, и в такой степени он несет за него ответственность.

Дёниц на совещании 11 декабря 1944 года сказал: «12 000 заключенных концентрационных лагерей будут использованы в доках в качестве вспомогательной рабочей силы». В этот период строительство судов не входило в сферу его юрисдикции, и он утверждает, что это было лишь предложение, сделанное им на совещании, о том, чтобы руководящий офицерский состав содействовал строительству судов, что он не предпринимал никаких шагов, чтобы получить этих рабочих, поскольку этот вопрос не входил в его ведение, и не знает, были ли они вообще когда-нибудь получены. Он признает, что знал о существовании концентрационных лагерей. Человек, занимавший его положение, должен был обязательно знать о том, что большое количество жителей оккупированных стран подвергалось заключению в концентрационные лагеря.

В 1945 году Гитлер запросил мнение Йодля и Дёница относительно того, следует ли отказаться от Женевской конвенции. Заметки о совещании между двумя военными руководителями 20

февраля 1945 года показывают, что Дёниц высказал свою точку зрения, сводившуюся к тому, что недостатки такой меры перевесят ее преимущества. Резюме мнения Дёница, содержавшееся в заметках, сделанных одним из офицеров, содержит следующую фразу: «Будет лучше проводить меры, которые мы сочтем необходимыми, без предупреждения и любой ценой сохранить реноме в глазах внешнего мира».

Обвинение настаивало на том, что «меры», о которых здесь говорится, означали, что от конвенции не следует отказываться, но что ее следует нарушать по усмотрению. Защита объясняет, что Гитлер хотел нарушить конвенцию по двум причинам: лишить германские войска защиты конвенции, тем самым предотвращая дальнейшие попытки сдаваться большими группами в плен британцам и американцам, а также дать возможность проводить репрессалии против союзных военнопленных в качестве контрмеры против бомбардировок союзников. Дёниц утверждает, что под словом «меры» он понимал дисциплинарные меры против германских войск с тем, чтобы предотвратить их сдачу в плен, и не имел в виду мер против союзников; он утверждает, что это было всего лишь предложение и что в любом случае никакие меры такого рода никогда не предпринимались ни против союзников, ни против немцев. Трибунал, однако, не считает это объяснение правдивым. Германия все же не отказалась от соблюдения Женевской конвенции. Защита представила несколько письменных показаний для того, чтобы доказать, что британские военнопленные из числа личного состава флота в лагерях для военнопленных, входящих в сферу юрисдикции Дёница, подвергались обращению в строгом соответствии с конвенцией, и Трибунал принимает этот факт во внимание и рассматривает его как смягчающее вину обстоятельство

Заключение

Трибунал признает Дёница невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделам второму и третьему.

Редер

Редер обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. В 1928 году он стал начальником Главного морского штаба и в 1935 году — командующим военно-морскими силами (ОКМ); в 1939 году Гитлер произвел его в звание гросс-адмирала. Он являлся членом имперского совета обороны. 30 января 1943 года по его собственной просьбе его сменил Дёниц, а он стал адмирал-инспектором военно-морского флота, без занятия какой-либо должности.

Преступления против мира

За 15 лет, в течение которых Редер командовал германским военно-морским флотом, он строил его и руководил его операциями; он принимает на себя полную ответственность за военно-морской флот до момента своей отставки, последовавшей в 1943 году. Он признает, что военно-морской флот нарушал Версальский договор, и настаивает на том, что «поступать таким образом было делом чести каждого моряка»; он утверждает, что нарушения были большей частью незначительными и что Германия построила меньше, чем ей было разрешено. Эти нарушения, так же как и нарушения англо-германского морского соглашения от 1935 года, уже обсуждались ранее в этом приговоре.

Редер получил директиву от 24 июня 1937 года от Бломберга о специальной подготовке к войне против Австрии. Он был одним из пяти руководителей, участвовавших на «Совещании Хосбаха» 5 ноября 1937 года. Он заявлял, что Гитлер созывом этого совещания хотел лишь побудить армию к тому, чтобы ускорить темпы перевооружения, и настаивает на том, что он верил, что австрийский и чехословацкий вопросы будут разрешены мирным путем, как это и случилось, и указывает на только что подписанное новое морское соглашение с Англией. Он не получал никаких приказов об ускорении темпов строительства подводных лодок, что указывало на то, что Гитлер не планировал войны.

Редер получал директивы о «плане Грюн» и «плане Вейс», начиная с директивы от 3 апреля 1939 года; последняя предлагала военно-морскому флоту поддержать армию путем высадки с моря. Он также был одним из немногих главных руководителей, которые присутствовали на совещании 23 мая 1939 года. Он присутствовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 года.

Идея вторжения в Норвегию впервые возникла у Редера, а не у Гитлера. Несмотря на желание Гитлера обеспечить нейтралитет Скандинавии, что подтверждается его директивой от октября 1939 года, еще в октябре месяце в военно-морском флоте изучались преимущества, предоставляемые наличием военно-морских баз в Скандинавии. Первоначально адмирал Карле указал Редеру на преимущества, вытекающие из получения баз в Норвегии. В главном морском штабе был циркулярно разослан вопросник, датированный 3 октября 1939 года, в котором предлагалось высказать соображения по поводу желательности приобретения таких баз. 10 октября Редер обсуждал этот вопрос с Гитлером; запись, сделанная в этот день в его «дневнике боевых действий», гласит, что Гитлер намеревался «рассмотреть этот вопрос». Несколько месяцев спустя Гитлер беседовал с Редером, Квислингом, Кейтелем и Йодлем; ОКВ начало составление планов, и военно-морской оперативный штаб работал совместно с офицерами штаба ОКВ. Редер получил директиву Кейтеля по поводу Норвегии 27 января 1940 года и последующую директиву от 1 марта за подписью Гитлера.

Редер оправдывает свои действия тем, что этот шаг был предпринят с целью предупредить действия англичан. Нет необходимости снова подвергать обсуждению этот защитительный довод, который довольно подробно рассматривался ранее, когда был сделан вывод, что вторжение Германии в Норвегию и Данию являлось агрессивной войной. В письменном обращении к личному составу военно-морского флота Редер заявил: «Операции военно-морского флота при оккупации Норвегии навсегда останутся великим вкладом военно-морского флота в эту войну».

Редер получал директивы, в том числе указания о бесчисленных отсрочках в отношении нападения на Западе. На совещании от 18 марта 1941 года, на котором присутствовал Гитлер, он призывал к оккупации всей Греции. Он заявляет, что это произошло только после

того, как англичане произвели высадку, и Гитлер отдал приказ о наступлении, и указывает, что военно-морской флот не был заинтересован в Греции. Он получил директиву Гитлера в отношении Югославии.

Редер пытался отговорить Гитлера от намерения предпринять нападение на Советский Союз. В сентябре 1940 года он настойчиво предлагал Гитлеру агрессивную политику в Средиземном море вместо нападения на Россию. 14 ноября 1940 года он призывал к войне против Англии — «нашего главного врага» — и к продолжению строительства подводных лодок и воздушных сил военно-морского флота. Он выдвинул «серьезные возражения против русской кампании до поражения Англии», согласно записям в делах германского морского оперативного штаба. Он заявляет, что его возражения были основаны на том, что это является нарушением пакта о ненападении, а также на соображениях стратегического характера. Но как только это решение было принято, он дал разрешение, за шесть дней до начала вторжения в Советский Союз, атаковать русские подводные лодки в специально указанном районе Балтийского моря, и оправдывает эти действия тем, что они пытались «разведать», какие маневры на морс предпринимали немцы. Из этих доказательств явствует, что Редер принимал участие в планировании и ведении агрессивной войны.

Военные преступления

Редер обвиняется в военных преступлениях, совершенных в открытом морс. 3 сентября 1939 года был потоплен невооруженный британский пассажирский пароход «Атения», направлявшийся в Америку. Два месяца спустя немцы обвинили г-на Черчилля в преднамеренном потоплении «Атении» с тем, чтобы возбудить враждебность американцев против Англии. В действительности этот корабль был потоплен германской подводной лодкой U 30. Редер заявляет, что командир этой подводной лодки потопил этот корабль по ошибке, приняв его, по своей неопытности, за вспомогательный крейсер, и что этот факт стал известен лишь по возвращении подводной лодки из плавания через несколько недель после опровержения его Германией, и что Гитлер затем дал указание военно-

морскому флоту и министерству иностранных дел продолжать отрицание этого факта. Редер отрицает, что он что-либо знал о пропагандистской кампании, направленной против г-на Черчилля.

Наиболее серьезным обвинением против Редера является то, что он проводил неограниченную подводную войну, включая сюда потопление невооруженных торговых судов, судов нейтральных государств, и не принимал мер к спасению лиц, уцелевших после потопления кораблей, допуская расстрел их из пулеметов, что противоречит условиям Лондонского соглашения от 1936 года. В отношении этого обвинения против Редера, охватывающего период до 30 января 1943 года, то есть до момента отставки Редера, Трибунал приходит к тому же заключению, к какому он пришел в отношении Дёница, о котором уже говорилось.

Приказ о «коммандос» от 18 октября 1942 года, который не имел прямого отношения к ведению войны на море, был передан через посредство военно-морского оперативного штаба нижестоящим военно-морским начальникам с указанием о том, что командующие флотилией и командиры соединения кораблей должны устно довести его до сведения своих подчиненных. Именно моряками военно-морского флота, а не СД, 10 декабря 1942 года были казнены два человека из состава отрядов «коммандос» в Бордо. Военно-морской оперативный штаб ответил по этому поводу, что это было сделано «в соответствии со специальным приказом фюрера, но тем не менее является чем-то новым в международном праве, поскольку солдаты были одеты в военную форму». Редер признает, что он передал этот приказ по команде своим подчиненным и не высказал Гитлеру никаких возражений.

Заключение

Трибунал признает Редера виновным по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения.

Фон Ширах

Фон Ширах обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию и СА в 1925 году. В 1929 году он стал руководителем национал-социалистского студенческого союза. В 1931 году его назначили руководителем имперской молодежи нацистской партии, причем под его контролем были все нацистские юношеские организации, включая организацию «Гитлеровской молодежи». В 1933 году, после того как нацисты взяли в свои руки контроль над правительством, фон Ширах был назначен руководителем молодежи в Германской империи; первоначально это был пост в министерстве внутренних дел, а после 1 декабря 1936 года он перешел в ведение имперского кабинета. В 1940 году фон Ширах ушел с поста руководителя «Гитлеровской молодежи» и руководителя молодежи Германской империи, но сохранил свое положение рейхсляйтера, предусматривавшее контроль над воспитанием молодежи. В 1940 году он был назначен гаулейтером Вены, имперским наместником Вены и уполномоченным по обороне империи на данной территории.

Преступления против мира

После того как нацисты захватили власть, фон Ширах, используя физическое насилие и легальный нажим, уничтожал или брал под свой контроль все молодежные группы, которые прежде соперничали с «Гитлеровской молодежью». Согласно приказу Гитлера от 1 декабря 1936 года вся молодежь Германии была включена в организацию «Гитлеровской молодежи». К тому времени, когда в 1940 году была официально введена мобилизация в эту организацию, 97 % подлежащей мобилизации молодежи были уже членами организации.

Фон Ширах использовал «Гитлеровскую молодежь» для воспитания немецкой молодежи «в духе национал-социализма» и проводил в ее рядах широкую программу нацистской пропаганды. Он сделал «Гитлеровскую молодежь» источником пополнения организации нацистской партии. В октябре 1936 года он вошел в

соглашение с Гиммлером, в соответствии с которым члены «Гитлеровской молодежи», отвечавшие требованиям, установленным СС, рассматривались как главный источник пополнения рядов СС.

Фон Ширах также использовал «Гитлеровскую молодежь» для допризывной подготовки. Были организованы специальные подразделения, главной целью которых была подготовка специалистов для различных родов войск. 11 августа 1939 года он вошел в соглашение с Кейтелем, по которому «Гитлеровская молодежь» обязалась проводить свою допризывную подготовку в соответствии с требованиями, установленными в вооруженных силах, а армия взяла на себя обязательство ежегодно подготавливать 30 000 инструкторов для «Гитлеровской молодежи». «Гитлеровская молодежь» уделяла особенно большое внимание воспитанию боевого духа, ее программа военного обучения подчеркивала важность возвращения колоний, необходимость «жизненного пространства» и «благородное» предназначение германской молодежи — умереть за Гитлера.

Однако, несмотря на такой военный характер деятельности «Гитлеровской молодежи», нельзя сказать, что фон Ширах был вовлечен в развитие гитлеровского плана территориальной экспансии путем агрессивной войны или что он участвовал в планировании или подготовке какой-либо агрессивной войны.

Преступления против человечности

В июле 1940 года фон Ширах был назначен гаулейтером Вены. В то же самое время он был назначен имперским наместником Вены и имперским уполномоченным по обороне, сначала 17-го военного округа, включая гау Вены, Верхнего Дуная и Нижнего Дуная, а после 17 февраля 1942 года только гау Вены. Будучи имперским уполномоченным по обороне, он контролировал гражданскую экономику военного времени. Занимая пост имперского наместника, он являлся главой муниципальной администрации города Вены и под руководством министра внутренних дел ведал правительственной администрацией Рейха в Вене.

Фон Ширах не обвиняется в совершении военных преступлений в Вене, а только в совершении преступлений против человечности. Как

это явствует из сказанного выше, Австрия была оккупирована согласно общему плану агрессии. Ее оккупация, следовательно, представляет собой «преступление, подлежащее юрисдикции Трибунала», как этот термин употребляется в статье 6 (с) Устава. В результате «убийство, уничтожение, порабощение, высылки и другие бесчеловечные акты» и «преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам» в связи с этой оккупацией представляют собой преступления против человечности в соответствии с этой статьей.

Поскольку фон Ширах был гаулейтером Вены, на него распространялось действие декрета Заукеля, датированного 6 апреля 1942 года, согласно которому гаулейтеры назначались уполномоченными Заукеля по набору рабочей силы и получали полномочия контролировать использование рабочих и обращение с ними в пределах своих гау. В соответствии с директивами Заукеля лица, используемые на принудительных работах, должны были получать такое питание, кров и обращение, при котором была бы возможна их наибольшая эксплуатация при наименьших затратах.

Когда фон Ширах стал гаулейтером Вены, высылка евреев уже началась и в Вене осталось лишь 60 000 евреев из прежних 190 000. 2 октября 1940 года фон Ширах присутствовал на совещании у Гитлера, где он сказал Франку, что у него в Вене имеется 60 000 евреев, которых генерал-губернаторство должно будет забрать у него. 3 декабря 1940 года фон Ширах получил письмо от Ламмерса, в котором говорилось, что после докладов фон Шираха Гитлер решил из-за недостатка жилых помещений в Вене выслать в генерал-губернаторство 60 000 евреев, все еще остававшихся в ней. Тогда и началась высылка евреев из Вены, которая продолжалась до начала осени 1942 года. 15 сентября 1942 года фон Ширах в своей речи оправдывал произведенную по его распоряжению высылку «многих десятков тысяч евреев в гетто на Восток», оценивая эту меру как «вклад в европейскую культуру».

В то время как евреев высылали из Вены, канцелярия фон Шираха получала доклады, адресованные ему по служебной линии от начальника полиции безопасности и СД, которые содержали описание деятельности эйнзатцгрупп по уничтожению евреев. На многих из этих докладов стояли инициалы одного из главных заместителей фон Шираха. 30 июня 1944 года в канцелярии фон Шираха также было получено письмо от Кальтенбруннера, в котором последний

информировал фон Шираха о том, что 12 000 евреев уже находятся на пути в Вену для использования их на важных работах военного значения и что все те, которые окажутся непригодными для работы, должны быть подготовлены для «специального обращения».

Трибунал находит, что фон Ширах, хотя он не был инициатором политики высылки евреев из Вены, участвовал в этой высылке после того, как он стал гаулейтером Вены. Он знал, что самое большее, на что евреи могли надеяться, было жалкое существование в гетто на Востоке. Бюллетени, описывающие уничтожение евреев, имелись в его канцелярии.

Будучи гаулейтером Вены, фон Ширах продолжал выполнять обязанности рейхсляйтера по воспитанию молодежи и, как таковой, был информирован об участии гитлеровской молодежи в плане, осуществлённом осенью 1944 года, согласно которому 50 000 молодых людей в возрасте от 10 до 20 лет были эвакуированы в Германию из областей, вновь отвоеванных советскими войсками, и использовались как ученики в германской промышленности и на вспомогательных работах в соединениях германских вооруженных сил. Летом 1942 года фон Ширах телеграфировал Борману и настаивал на том, чтобы английский культурный центр был подвергнут бомбардировке в качестве ответной меры за убийство Гейдриха, организовав, по утверждению Шираха, англичанами.

Заключение

Трибунал признает фон Шираха невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделу четвертому.

Заукель

Заукель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Заукель вступил в нацистскую партию в 1923 году и стал гауляйтером Тюрингии в 1927 году. Он был членом Тюрингского ландтага с 1927 года по 1933 год, был назначен имперским наместником в Тюрингии в 1932 году и тюрингским министром внутренних дел и премьер-министром Тюрингии в мае 1933 года. Он стал депутатом рейхстага в 1933 году. Он имел формальное звание обергруппенфюрера как СС, так и СА.

Преступления против мира

Доказательства не убедили Трибунал в том, что имя Заукеля в достаточной степени связано с общим планом для ведения агрессивной войны или что он был в достаточной степени причастен к планированию и ведению какой-либо из агрессивных войн для того, чтобы дать Трибуналу основания считать его виновным по разделам первому или второму Обвинительного заключения.

Военные преступления и преступления против человечности

21 марта 1942 года Гитлер назначил Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями подчинить унифицированному контролю «использование всей наличной рабочей силы, включая иностранных рабочих и военнопленных». Заукель получил указания вести деятельность в рамках управления по четырехлетнему плану, и 27 марта 1942 года Геринг в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану издал декрет о передаче всех подчинявшихся ему отделов по использованию рабочей силы Заукелю. 30 сентября 1942 года Гитлер дал Заукелю право назначать уполномоченных в различные оккупированные области и «принимать все необходимые меры для проведения в жизнь» декрета от 21 марта 1942 года.

Основываясь на полномочиях, данных ему этим декретом, Заукель разработал программу мобилизации всех имевшихся ресурсов рабочей силы для империи. Одним из важных моментов этой мобилизации была систематическая насильственная эксплуатация ресурсов рабочей силы оккупированных территорий. Вскоре после того как Заукель получил назначение на свой пост, он отдал распоряжение руководящим инстанциям в различных оккупированных областях издать декреты о введении трудовой повинности с отбытием ее в Германии. В соответствии с этими декретами уполномоченные Заукеля, поддерживаемые полицейскими властями оккупированных территорий, набирали и посылали в Германию рабочих, необходимых для выполнения разверсток, данных им Заукелем. Он сам предписывал так называемый «добровольный набор», проводившийся целой сворой агентов мужского и женского пола, точно таким же образом, как это делалось при обманной вербовке в далеком прошлом. На самом деле добровольная вербовка была скорее исключением, чем правилом, как об этом свидетельствует заявление Заукеля от 1 марта 1944 года о том, что «из пяти миллионов иностранных рабочих, прибывших в Германию, даже 200 000 не прибыло туда добровольно». Несмотря на то, что он сейчас утверждает, что это заявление неправильно, обстоятельства, при которых оно было сделано, также, как и доказательства, представленные Трибуналу, не оставляют никакого сомнения в том, что оно по существу было правильным.

Способ, которым несчастные рабочие, угоняемые на рабский труд, отбирались и транспортировались в Германию, и то, что происходило с ними после их прибытия, уже были описаны выше.

Заукель утверждает, что он не несет ответственности за эксцессы, сопровождавшие выполнение программы. Он говорит, что общее количество рабочих, подлежащих набору, устанавливалось на основании потребностей сельского хозяйства и промышленности; ответственность за набор рабочих возлагалась на оккупационные власти, транспортировка их в Германию — на управление железных дорог, а забота о них в Германии — на министерство труда и сельского хозяйства, Германский «трудовой фронт» и на различные заинтересованные в этой отрасли промышленности. Он показал, что в той степени, в которой он имел какие-либо полномочия, он всегда требовал гуманного обращения.

Не подлежит сомнению, однако, что Заукель несет полную ответственность за проведение программы рабского труда. В тот период, когда происходили рассматриваемые события, он не преминул учредить свой контроль над теми сферами деятельности, которые, как он сейчас утверждает, входили исключительно в ведение других лиц. Согласно его распоряжениям, его уполномоченные были облечены властью набирать рабочих, и он постоянно контролировал меры, которые в то время принимались. Он был осведомлен о безжалостных методах, которые применялись для вербовки рабочих, и энергично поддерживал эти методы на том основании, что они были необходимы для выполнения разверсток.

Распоряжения Заукеля также предусматривали, что он несет ответственность за транспортировку рабочих в Германию, за распределение их по местам работы и за заботу о них, и что другие заинтересованные в этих вопросах ведомства подчинялись ему. Его ставили в известность о существовавших тяжелых условиях. Нет никаких данных о том, что, выступая за применение жестокого обращения, он рассматривал его как самоцель или что он выступал за какую-нибудь программу, подобную плану Гимmlера, предусматривавшему истребление путем непосильного труда. Его точка зрения была выражена в распоряжении: «Всех людей следует кормить, размещать и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их с наибольшим эффектом при минимально возможных затратах».

Доказательства свидетельствуют о том, что Заукель руководил осуществлением программы, которая предусматривала угон на рабский труд более чем 5 000 000 человек, причем многие из них подвергались при этом жестокостям и терпели величайшие страдания.

Заключение

Трибунал признает Заукеля невиновным по разделам первому и второму Обвинительного заключения и виновным по разделам третьему и четвертому.

Йодль

Йодль обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. С 1935 по 1938 год он был начальником отдела обороны страны при верховном командовании. После года командования войсками он вернулся в августе 1939 года и стал начальником штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил. Хотя его непосредственным начальником был подсудимый Кейтель, он докладывал непосредственно Гитлеру по всем оперативным вопросам. В строго военном смысле Йодль фактически планировал войну и является в большой степени ответственным за стратегию и ведение операций.

Йодль строит свою защиту на том, что он был солдатом, давшим клятву в повиновении, а не политиком, и что в связи с его штабной работой и работой по планированию у него не оставалось времени для других вопросов. Он заявляет, что, когда он подписывал приказы, меморандумы и письма или ставил под ними свои инициалы, он делал это вместо Гитлера и часто за Кейтеля, когда тот отсутствовал. Хотя он утверждает, что, будучи солдатом, он должен был подчиняться Гитлеру, он заявляет, что он неоднократно пытался помешать проведению некоторых мер путем промедления, что часто оказывалось успешным, как, например, тогда, когда он противостоял требованию Гитлера об издании директивы о линчевании союзных «летчиков-террористов».

Преступление против мира

Записи в дневнике Йодля от 13 и 14 февраля 1938 года показывают, что Гитлер инструктировал его и Кейтеля продолжать оказывать начавшееся на совещании с Шушнигом военное давление на Австрию путем проведения ложных военных маневров и что эти маневры достигли своей цели. Когда Гитлер решил «не допускать» плебисцит Шушнига, Йодль представил на совещании «старый проект» — уже существовавший штабной план. Его запись в дневнике от 10 марта показывает, что Гитлер затем приказал готовиться к «операции Отто», и под этой директивой Йодль поставил свои

инициалы. 11 марта Йодль издал дополнительные инструкции и в тот же день поставил свои инициалы под приказом Гитлера о вторжении.

Согласно папке Шмундта, Йодль принимал активное участие в планировании нападения на Чехословакию. Он поставил свои инициалы под документами № 14, 17, 24, 36 и 37, содержащимися в папке Шмундта. Йодль признает, что он согласился с ОКХ, что «инцидент», который должен был послужить поводом для вмешательства Германии, должен был произойти не позднее 14 часов в икс день — в день перед нападением, и сказал, что он должен произойти в установленное время при наличии хорошей летной погоды. Йодль совещался с экспертом по пропаганде о «неотложных общих проблемах» — таких, как нарушения Германией международного права, использование этих нарушений врагом и опровержение их Германией. Йодль считал последнюю проблему «особо важной».

После Мюнхена Йодль писал: «Чехословакия как государство больше не существует. Гений фюрера и его решимость не остановиться даже перед мировой войной снова завоевали победу без применения силы. Можно надеяться, что скептически настроенные, слабые и сомневающиеся теперь обращены в нашу веру и останутся таковыми».

Вскоре после оккупации Судетской области Йодль занял командную должность и лишь в августе 1939 года стал начальником штаба оперативного руководства ОКВ.

Йодль обсуждал вторжение в Норвегию с Гитлером, Кейтелем и Редером 12 декабря 1939 года. Его дневник полон более поздними записями о его деятельности по подготовке этого нападения. Йодль объясняет, что своим замечанием о том, что Гитлер все еще искал «предлога» для начала операций, он хотел сказать, что Гитлер ожидал надежных разведывательных данных о британских планах, и оправдывает вторжение, как необходимый шаг для того, чтобы предотвратить осуществление этих планов. Из его показаний видно, что с октября 1939 года Гитлер планировал нападение на Запад через Бельгию, но колебался в отношении вторжения в Голландию до середины ноября. 8 февраля 1940 года Йодль, его заместитель Варлимонт и Йешоннек, осуществлявшие планирование действий военно-воздушного флота, обсуждали «новую идею» нападения на Норвегию, Данию и Голландию при обеспечении нейтралитета

Бельгии. Многие из 17 приказов, откладывавших нападение на Западе до мая 1940 года по различным причинам, в том числе в связи с условиями погоды, были подписаны Йодлем.

Он принимал активное участие в планировании действий против Греции и Югославии. Приказ Гитлера от 11 января 1941 года об интервенции в Албанию был подписан инициалами Йодля. 20 января, за четыре месяца до нападения, Гитлер заявил на совещании германских и итальянских генералов в присутствии Йодля, что войска, сконцентрированные Германией в Румынии, предназначались для использования против Греции. Йодль был в числе присутствовавших 18 марта, когда Гитлер сказал Редеру, что вся Греция должна быть оккупирована, прежде чем сможет быть достигнуто какое-либо урегулирование создавшегося положения. 27 марта, когда Гитлер сказал германскому верховному командованию, что разгром Югославии должен быть осуществлен с «безжалостной суровостью», и было принято решение бомбить Белград без объявления войны, он также присутствовал.

Йодль дал показание о том, что Гитлер опасался нападения со стороны России и поэтому напал первым. Эта подготовка началась почти за год до вторжения. Еще 29 июля 1940 года Йодль предложил Варлимонту подготовить планы, так как Гитлер решил произвести нападение. Позднее Гитлер сообщил Варлимонту, что он планировал начать наступление в августе 1940 года, но по военным соображениям отложил начало этого нападения. Он поставил свои инициалы под директивой Гитлера от 12 ноября 1940 года о том, что подготовка, приказ о проведении которой был передан устно, должна продолжаться, и также поставил свои инициалы под «планом Барбаросса» 18 декабря. 3 февраля 1941 года Гитлер, Йодль и Кейтель обсуждали это вторжение, и он присутствовал 14 июня, когда были сделаны окончательные доклады по «плану Барбаросса».

Военные преступления и преступления против человечности

18 октября 1942 года Гитлер издал приказ о «коммандос», а днем позже дополнительное разъяснение, предназначенное только для командующих. Сопроводительный меморандум был подписан Йодлем.

Более ранние проекты приказа были составлены штабом Йодля с его ведома. Йодль дал показание о том, что он усиленно противодействовал этому приказу по мотивам морального и правового характера, но не мог отказаться от издания его. Он настаивает на том, что практически он пытался смягчить его жестокость, не информируя Гитлера в тех случаях, когда он не проводился. Он поставил свои инициалы под меморандумом ОКВ от 25 июня 1944 года, подтвердив тем самым еще раз приказ после высадки в Нормандии.

Директива об уничтожении советских комиссаров была изложена в «плане Барбаросса», она предусматривала, что решение о том, подлежат ли они уничтожению без суда, должен был принимать офицер. Проект содержит написанное рукой Йодля предложение о том, что это действие должно явиться ответной мерой, он также показал, что с его стороны это была попытка обойти этот приказ.

Когда в 1945 году Гитлер рассматривал вопрос об отказе от соблюдения правил Женевской конвенции, Йодль выступил со своим мнением, заявив, что ущерб, который будет нанесен таким действием, перевесит его преимущества; 21 февраля он сказал, что соблюдение Гитлером правил конвенции несколько не мешает ведению войны, и привел как пример потопление британского госпитального судна в качестве репрессалии, которое было впоследствии объяснено ошибкой. Он заявил, что он сделал так, поскольку это было единственным соображением, которое Гитлер мог принять во внимание, так как моральные или правовые доводы не оказывали на него никакого воздействия, и он также утверждает, что таким образом он предотвратил отказ Гитлера от соблюдения правил конвенции.

Имеется мало доказательственного материала о том, что Йодль был непосредственно связан с проведением программы рабского труда, и он, очевидно, сосредоточил свое внимание на стратегическом планировании. Но в своей речи 7 ноября 1943 года гаулейтерам он сказал, что было необходимо действовать «решительно и твердо, ни в чем не раскаиваясь», в Дании, Франции и Нидерландах для того, чтобы обеспечить работу на строительстве Атлантического вала.

Телеграммой от 28 октября 1944 года Йодль приказал провести эвакуацию всех жителей Северной Норвегии и сжечь их дома с тем, чтобы они не могли оказывать помощь русским. Йодль заявляет, что он был против этой меры, но что таков был приказ Гитлера; он также

утверждает, что эта мера не была полностью проведена в жизнь. Документ норвежского правительства показывает, что такая эвакуация имела место в Северной Норвегии и что 30 000 домов были повреждены. 7 октября 1941 года Йодль подписал приказ о том, что Гитлер не примет предложения о капитуляции со стороны Ленинграда или Москвы, но, наоборот, он настаивал на том, чтобы эти города были полностью уничтожены. Он сказал, что это было сделано потому, что немцы опасались, что эти города могут быть минированы русскими так, как это имело место в Киеве. Никакого предложения о капитуляции никогда не поступало.

По существу его защита строится на доктрине «выполнение приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована как защитительный довод. Смягчающих вину обстоятельств нет. Участие в совершении преступлений, подобных этим, никогда не требовалось ни от какого солдата, и он сейчас не может прикрываться этим мифическим требованием солдатского повиновения при всех условиях в качестве оправдания за совершение этих преступлений.

Заключение

Трибунал признает Йодля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Фон Папен

Фон Папен обвиняется по первому и второму разделам Обвинительного заключения. 1 июня 1932 года он был назначен канцлером империи, а 2 декабря 1932 года его сменил фон Шлейхер. 30 января 1933 года он был назначен вице-канцлером в кабинете Гитлера и 13 ноября 1933 года чрезвычайным уполномоченным по вопросам Саара. 26 июля 1934 года он был назначен посланником в Вену и был отозван оттуда 4 февраля 1938 года. 29 апреля 1939 года он был назначен послом в Турцию. Он возвратился в Германию, когда Турция порвала дипломатические отношения с Германией, в августе 1944 года.

Преступления против мира

Фон Папен активно помогал Гитлеру в 1932 и 1933 годах в формировании коалиционного кабинета и способствовал его назначению канцлером 30 января 1933 года. В качестве вице-канцлера в этом кабинете фон Папен принимал участие в утверждении нацистского контроля в 1933 году; 16 июня 1934 года, однако, фон Папен выступил с речью в Марбурге, которая содержала осуждение нацистских попыток подавить свободную прессу и церковь, осуждение существовавшего господства террора, а также «150 % нацистов», которые принимали «жестокость за жизненную необходимость». 30 июня 1934 года во время волны жестокостей, сопровождавшей так называемую чистку Рема, фон Папен был арестован органами СС. Аппарат его учреждения также был арестован, а два его помощника, в том числе человек, который помогал ему составить марбургскую речь, были убиты. Фон Папен был освобожден в июле 1934 года. Несмотря на убийство его помощников, фон Папен принял обязанности посланника в Австрии 26 июля 1934 года, через день после того, как был убит Дольфус. Его назначение было объявлено ему письмом Гитлера, в котором ему предлагалось направить взаимоотношения между двумя странами «в нормальное и дружественное русло», и его заверяли «в полном и неограниченном доверии» Гитлера. В качестве посланника в Австрии фон Папен принимал активное участие в

попытках укрепить позиции нацистской партии в Австрии для того, чтобы добиться аншлюса. В начале 1935 года он участвовал в совещании в Берлине, на котором был принят политический курс, направленный к тому, чтобы избегать всего, что может создать впечатление о германском вмешательстве во внутренние дела Австрии. Однако он добился ежемесячной дотации в 200 тысяч марок для «мучеников национал-социализма, преследуемых в Австрии». 17 мая 1936 года он доложил Гитлеру о результатах своего совещания с капитаном Леопольдом, руководителем австрийских нацистов, и настойчиво убеждал Гитлера выступить с заявлением о признании национальной независимости Австрии, предсказывая, что это поможет формированию коалиции против Штаренберга между христианскими социалистами Шушнига и австрийскими нацистами. 27 июля 1935 года фон Папен доложил Гитлеру, что союз между Австрией и Германией не может быть осуществлен в результате давления извне, а лишь путем укрепления национал-социалистского движения. Он призывал к тому, чтобы австрийская нацистская партия изменила свой характер и, перестав быть централизованной партией германской империи, собрала под свое знамя всех лиц немецкого происхождения.

Фон Папен принимал участие в происходивших время от времени политических демонстрациях нацистов, содействовал распространению нацистской пропаганды и составлял подробные отчеты о деятельности нацистской партии и регулярные доклады о состоянии оборонительных средств Австрии. Проводимая им в Австрии политика привела к соглашению от 11 июля 1936 года, которое номинально восстанавливало взаимоотношения между Германией и Австрией и придавало им «нормальную и дружескую форму», однако соглашение имело секретное приложение, предусматривавшее амнистию австрийским нацистам, снятие цензуры с нацистских газет, возобновление политической деятельности нацистов и назначение людей, дружески настроенных по отношению к нацистам, в кабинет Шушнига.

После подписания этого соглашения фон Папен подал в отставку, но его отставка не была принята. После этого он постоянно продолжал оказывать давление на австрийское правительство с тем, чтобы добиться введения нацистов в кабинет Шушнига и получить для них влиятельные посты в «Отечественном фронте», единственно легальной

партии Австрии. 1 сентября 1936 года фон Папен писал Гитлеру о том, что антинацисты в австрийском министерстве безопасности препятствовали проникновению нацистов в правительство Австрии, и предлагал придерживаться политики «постоянно нарастающего нажима, направленного к изменению режима».

4 февраля 1938 года фон Папен был уведомлен, что он отзывается с поста посланника в Австрии; это произошло одновременно со смещением фон Фрича, фон Бломберга и фон Нейрата с занимаемых ими постов. Он выразил Гитлеру сожаление по поводу своего отъезда, ссылаясь на то, что с ноября 1937 года старался убедить Шушнига встретиться для беседы с Гитлером, и Шушниг дал понять, что он согласен на это. Действуя в соответствии с указаниями Гитлера, фон Папен затем возвратился в Австрию и договорился об этой встрече, которая и состоялась в Берхтесгадене 12 февраля 1938 года. Фон Папен сопровождал Шушнига на это совещание и в конце его посоветовал Шушнигу согласиться на требования Гитлера. 10 марта 1938 года Гитлер приказал фон Папену возвратиться в Берлин, фон Папен уже находился в канцлерстве. 11 марта, в день, когда был отдан приказ об оккупации Австрии. Не было представлено никаких доказательств того, что фон Папен был за принятие решения оккупировать Австрию силой, но сам он показал, что убеждал Гитлера не делать этого шага.

После аннексии Австрии фон Папен удалился в отставку и перешел на положение частного лица. Нет никаких доказательств того, что он принимал какое-либо участие в политической жизни. Он принял пост посла в Турции в апреле 1939 года, однако не было представлено никаких доказательств того, что его деятельность на этом посту делает его причастным к преступлению.

Доказательства не оставляют никакого сомнения в том, что основной целью фон Папена в качестве посланника в Австрии являлся подрыв режима Шушнига и укрепление позиции австрийских нацистов с тем, чтобы добиться аншлюса. Для осуществления этого плана он прибегал как к интригам, так и к запугиванию. Но Устав не определяет эти нарушения норм политической морали как преступные действия, какими бы дурными они ни были. Согласно Уставу, Папен может считаться виновным только в том случае, если он принимал участие в планировании агрессивной войны. Нет никаких доказательств того, что он был причастен к планам, рассматривавшим оккупацию Австрии как

этап на пути к дальнейшим агрессивным действиям, или даже того, что он был причастен к плану оккупации Австрии и при помощи агрессивной войны, если бы в таковой возникла необходимость. Нельзя считать несомненно установленным фактом, что именно это было целью его деятельности. И поэтому Трибунал не может считать, что он принимал участие в общем плане, инкриминируемом в разделе первом, или участвовал в планировании агрессивных войн, как это инкриминируется в разделе втором Обвинительного заключения.

Заключение

Трибунал признает фон Папена невиновным в предъявленных ему обвинениях и предлагает коменданту суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

Зейсс-Инкварт

Зейсс-Инкварт обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Зейсс-Инкварт, австрийский адвокат, был назначен государственным советником в Австрии в мае 1937 года в результате нажима со стороны Германии. Он был связан с нацистской партией Австрии, начиная с 1931 года, но часто не ладил с партийным руководством и фактически не являлся членом партии до 13 марта 1938 года. Он был назначен австрийским министром безопасности и внутренних дел с правом контроля над полицией в соответствии с одним из условий, навязанных Гитлером Шушнигу на Берхгесгаденском совещании 12 февраля 1938 года.

Деятельность в Австрии

Зейсс-Инкварт принимал участие в последних этапах развития нацистских интриг, предшествовавших германской оккупации Австрии, и был выдвинут на пост канцлера Австрии в результате того, что Германия угрожала вторжением.

12 марта 1938 года Зейсс-Инкварт встретился с Гитлером в Линце и произнес речь, приветствуя вступление германских войск и оправдывая воссоединение Германии и Австрии. 13 марта он добился издания закона, согласно которому Австрия должна была стать провинцией Германии, и сменил Микласа на посту президента Австрии, когда Миклас предпочел отставку подписанию этого закона. Титул Зейсс-Инкварта был заменен новым — титулом имперского наместника Австрии — 15 марта 1938 года, и в этот же день ему было присвоено звание генерала СС. Он был назначен имперским министром без портфеля 1 мая 1939 года.

11 марта 1939 года он посетил Словацкое правительство в Братиславе и побуждал его объявить свою автономию таким путем, который точно соответствовал бы агрессивным намерениям Гитлера в отношении независимости Чехословакии.

В качестве имперского наместника Австрии Зейсс-Инкварт ввел в действие программу конфискации еврейской собственности. В период

его правления евреев заставляли эмигрировать, посылали их в концентрационные лагеря, они являлись жертвами погромов. В конце своего пребывания у власти он сотрудничал с полицией безопасности и СД по депортации евреев из Австрии на Восток. В то время, когда он являлся наместником Австрии, гестапо направляло в концентрационные лагеря политических противников нацизма, где с ними жестоко обращались и часто убивали.

Преступная деятельность в Польше и Нидерландах

В сентябре 1939 года Зейсс-Инкварт был назначен начальником гражданской администрации в Южной Польше.

12 октября 1939 года Зейсс-Инкварт был назначен заместителем генерал-губернатора в польском генерал-губернаторстве и поставлен в непосредственное подчинение Франку. 18 мая 1940 года Зейсс-Инкварт был назначен имперским уполномоченным по оккупировавшим Нидерландам. Занимая эти посты, он нес ответственность за управление территорией, которая была оккупирована в результате агрессивных войн и управление которой имело первостепенное значение для успеха агрессивных войн, которые вела в то время Германия. В качестве заместителя генерал-губернатора в генерал-губернаторстве Польши Зейсс-Инкварт поддерживал проводившуюся там жестокую оккупационную политику. В ноябре 1939 года, находясь в инспекционной поездке по генерал-губернаторству, Зейсс-Инкварт заявил, что Польшей следует управлять таким образом, чтобы эксплуатировать ее экономические ресурсы в пользу Германии. Зейсс-Инкварт также выступал за преследование евреев и был информирован о введении в действие акции АБ, в результате чего было убито большое число представителей польской интеллигенции.

Будучи имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам, Зейсс-Инкварт был безжалостен в применении террора для подавления всяческой оппозиции германской оккупации согласно программе, которую он сам описал, как «уничтожение» своих противников. В сотрудничестве с высшими местными руководителями СС и полиции он был замешан в расстрелах заложников за преступления, совершенные против оккупационных властей, и в

отправке в концентрационные лагеря всех лиц, подозреваемых в противодействии оккупационной политике, в том числе священников и педагогов. Многих сотрудников голландской полиции принуждали принимать участие в этой программе под угрозой репрессий против их семей. Голландские суды также принуждались к участию в проведении этой программы, но когда они выразили свое нежелание выносить приговоры о тюремном заключении, потому что очень часто заключенных фактически убивали, большее значение было придано использованию полицейских судов.

Зейсс-Инкварт осуществлял управление экономикой Нидерландов, не обращая внимания на правила Гаагской конвенции, которую он называл устаревшей. Вместо этого он проводил политику, направленную на максимальное использование экономического потенциала Нидерландов, мало обращая внимание на то, как это отражалось на населении. Было широко распространено разграбление общественной и частной собственности, причем этому была придана видимость законности указаниями Зейсс-Инкварта, которому помогали своими манипуляциями финансовые учреждения Нидерландов, находившиеся под его контролем.

Став имперским уполномоченным по Нидерландам, Зейсс-Инкварт сразу же начал отправку принудительно набранных рабочих в Германию. До 1942 года работа в Германии теоретически была добровольной, но фактически имело место принуждение путем сильного экономического и административного нажима. В 1942 году Зейсс-Инкварт оформил декретом принудительный труд и прибегал к помощи полиции безопасности и СД для предотвращения уклонений от выполнения этого приказа. За период оккупации свыше 500 000 человек были высланы из Нидерландов в империю в качестве рабочей силы, и только очень небольшая часть из них фактически отправилась добровольно.

Одним из первых шагов Зейсс-Инкварта в качестве имперского уполномоченного по Нидерландам было введение в силу ряда законов, утверждавших экономическую дискриминацию евреев. Это сопровождалось рядом декретов, требовавших регистрации евреев, декретов, заставлявших их жить в гетто и носить «звезду Давида», декретов о самовольных арестах и направлении евреев в концентрационные лагеря и, наконец, по предложению Гейдриха, о

массовой депортации около 120 000 голландцев и 140 000 евреев в Освенцим и об «окончательном решении» еврейского вопроса. Зейсс-Инкварт признает, что он знал о том, что они направлялись в Освенцим, но он заявляет, что он слышал от людей, побывавших в Освенциме, о том, что евреев там содержали сравнительно хорошо, и что он считал, что их держали там с целью переселения после войны. В свете доказательств и в связи с его официальным положением невозможно поверить этому утверждению.

Зейсс-Инкварт утверждает, что он не несет ответственности за многие преступления, совершенные при оккупации Нидерландов, потому что они либо совершались согласно приказам из империи армией, которая не находилась под его контролем, либо германским высшим руководителем СС и полицией, который, согласно его заявлению, отчитывался непосредственно перед Гиммлером. Правда, за некоторые из эксцессов отвечают армия и высший руководитель СС и полиции, который, хотя находился в распоряжении Зейсс-Инкварта, мог всегда докладывать непосредственно Гиммлеру. Правильно также и то, что в некоторых случаях Зейсс-Инкварт выступал против крайних мер, к которым прибегали эти организации, как, например, тогда, когда ему удалось весьма успешно предотвратить проведение армией политики «выжженной земли» и убедить высших руководителей СС и полиции уменьшить число подлежащих расстрелу заложников. Но остается фактом, что Зейсс-Инкварт был осведомленным и добровольным участником в военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые были совершены во время оккупации Нидерландов.

Заключение

Трибунал признает Зейсс-Инкварта виновным по разделам второму, третьему и четвертому Обвинительного заключения и невиновным по разделу первому.

Шпеер

Шпеер обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Шпеер вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1934 году он был назначен архитектором Гитлера и стал близким ему человеком и доверенным лицом. Вскоре после этого он был назначен начальником отдела в Германском «трудовом фронте» и официальным главой отдела по вопросам капитального строительства в аппарате заместителя фюрера. Эти посты он занимал до 1941 года. 15 февраля 1942 года, после смерти Фрица Тодта, Шпеер был назначен главой организации Тодта и имперским министром вооружения и боеприпасов (после 2 сентября 1943 года — министром вооружения и военной промышленности). В дополнение к этим должностям в марте, а затем в апреле 1942 года он был соответственно назначен генеральным уполномоченным по вопросам вооружения и членом центрального управления по планированию; обе эти должности входили в систему четырехлетнего плана. Шпеер был депутатом рейхстага с 1941 года до конца войны.

Преступления против мира

Трибунал придерживается мнения, что деятельность Шпеера не может квалифицироваться как развязывание, планирование или подготовка агрессивных войн или как заговор, предназначенный для этой цели. Он возглавит промышленность вооружения уже много позже того, как войны были начаты и велись. Его деятельность в качестве главы германской промышленности вооружения являлась в той же мере помощью военным усилиям, в какой все другие отрасли промышленности помогали в ведении войны.

Однако Трибунал не намерен считать, что такая деятельность включает в себя участие в общем планировании для ведения агрессивной войны, как это предусмотрено разделом первым, или ведение агрессивной войны, как это предусмотрено в разделе втором Обвинительного заключения.

Военные преступления и преступления против человечности

Доказательства, представленные по делу Шпеера по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения, относятся исключительно к его участию в проведении программы рабского труда. Сам Шпеер не нес непосредственной административной ответственности за осуществление этой программы. Хотя он высказывался за назначение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, потому что он хотел создания единого центрального руководства, с которым он мог бы иметь дело по вопросам рабочей силы, он лично не добился права административного контроля над деятельностью Заукеля. Заукель был назначен непосредственно Гитлером декретом от 21 марта 1942 года, который предусматривал непосредственную ответственность Заукеля перед Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану.

В качестве имперского министра вооружения и боеприпасов и генерального уполномоченного по вооружению в системе четырехлетнего плана Шпеер пользовался широкими полномочиями в области контроля над производством. Первоначально его полномочия охватывали строительство и производство вооружения для ОКХ. Затем его полномочия были постепенно расширены таким образом, что они стали включать морское вооружение, продукцию гражданской промышленности и, наконец, с 1 августа 1944 года вооружение для ВВС. Как руководящий работник центрального управления по планированию, располагавший верховными полномочиями в области планирования германской промышленности и распределения и разработки сырьевых ресурсов, Шпеер придерживался мнения, что управление имело право давать указания Заукелю о поставках рабочей силы для тех отраслей промышленности, которые оно контролировало, и ему удалось добиться проведения своей точки зрения в жизнь вопреки возражениям Заукеля. Была установлена практика, согласно которой Шпеер передавал Заукелю заявки на общее число необходимых ему рабочих, а Заукель набирал рабочую силу и распределял ее между различными отраслями промышленности в соответствии с инструкциями, которые он получал от Шпеера.

Шпеер, направляя заявки Заукелю, знал, что они будут удовлетворены за счет иностранных рабочих, работавших по

принуждению.

Он принимал участие в совещаниях, на которых обсуждались вопросы расширения программы рабского труда с тем, чтобы удовлетворить его нужды. Он участвовал в совещаниях от 10 и 12 августа 1942 года вместе с Гитлером и Заукелем, на которых было решено, что Заукель должен был насильственным порядком привозить рабочих с оккупированных территорий в том случае, когда это было необходимо для удовлетворения потребностей в рабочей силе тех отраслей промышленности, которыми ведал Шпеер. Шпеер также участвовал в совещании в ставке Гитлера 4 января 1944 года, на котором было принято решение, согласно которому Заукель должен был набрать «по меньшей мере четыре миллиона новых рабочих с оккупированных территорий» с тем, чтобы удовлетворить требования Шпеера на рабочую силу, хотя Заукель указывал, что он может сделать это лишь с помощью Гиммлера.

Заукель постоянно информировал Шпеера и его представителей о том, что иностранные рабочие набираются принудительным порядком. На совещании 1 марта 1944 года заместитель Шпеера очень подробно расспрашивал Заукеля о том, почему ему не удалось выполнить требование на 4 миллиона рабочих, которые должны были быть доставлены с оккупированных территорий. В некоторых случаях Шпеер требовал рабочих из определенных зарубежных стран. Так, на совещании 10–12 августа 1942 года Заукелю было поручено доставить Шпееру «еще миллион русских рабочих для германской промышленности вооружения до истечения октября месяца 1942 года». На заседании центрального управления по планированию 22 апреля 1943 года Шпеер обсуждал планы набора русских рабочих для использования их в угольных шахтах и категорически отклонил предложение пополнить дефицит в рабочей силе на этих предприятиях за счет немецких рабочих.

Шпеер утверждал на суде, что он выступал за реорганизацию программы использования рабского труда с тем, чтобы обратить большее внимание на использование немецких рабочих в военной промышленности Германии и на использование рабочих на оккупированных территориях в местной промышленности по производству предметов широкого потребления, которые прежде производились в Германии. Шпеер предпринял шаги в этом

направлении, создав на оккупированных территориях так называемые предприятия закрытого типа, которые использовались для производства изделий, предназначенных для отправки в Германию. Лица, работавшие на этих предприятиях, не подлежали отправке в Германию на рабский труд, и всякий рабочий, получивший приказ отправиться в Германию, мог избежать депортации, если он поступал на работу на предприятия закрытого типа.

Эта система, хотя она несколько менее бесчеловечна, чем угон в Германию, все же является незаконной. Система предприятий закрытого типа играла лишь незначительную роль во всей системе программы рабского труда; хотя Шпеер и настаивал на ее проведении в дополнение к программе рабского труда, будучи осведомлен о способах, которыми она проводилась в жизнь, официально он был основным потребителем рабочей силы и постоянно требовал расширения этой программы.

Шпеер был также непосредственно причастен к использованию принудительного труда в качестве главы организации Тодта. Организация Тодта действовала преимущественно в оккупированных районах и ведала такими объектами, как Атлантический вал и строительство военных автострад, и Шпеер признал, что он использовал ресурсы принудительно набранной рабочей силы для комплектования этой организации рабочими. Он также использовал заключенных из концлагерей на предприятиях, находившихся под его контролем. Первоначально он предполагал использовать этот источник рабочей силы на небольших фабриках, отдаленных от центров, однако позже, опасаясь задеть ведомственное самолюбие Гиммлера, он старался как можно реже прибегать к использованию рабочей силы из концентрационных лагерей.

Шпеер также был причастен к использованию военнопленных в промышленности вооружения; однако он утверждает, что он использовал советских военнопленных лишь на предприятиях, предусмотренных Женевской конвенцией.

Шпеер занимал такое положение, что он не был непосредственно причастен к жестокостям, имевшим место при проведении программы рабского труда, хотя он и знал о том, что они имели место. Так, например, на совещаниях центрального управления по планированию его информировали, что его заявки на рабочую силу столь велики, что

они вызывают необходимость в применении насильственных методов при наборе рабочих. На заседании центрального управления по планированию 30 октября 1942 года Шпеер высказал мнение, что многие из угнанных рабочих, которые заявляли, что они были больны, на самом деле были симулянтами: «Нельзя ничего возразить против того, что СС и полиция предпринимают решительные меры и направляют уваливающих от работы в концентрационные лагеря».

Однако Шпеер настаивал на том, чтобы угнанные рабочие получали достаточное питание и необходимые условия работы с тем, чтобы они могли работать эффективно.

В качестве смягчающего вину обстоятельства следует признать, что создание Шпеером института предприятий закрытого типа дало возможность многим рабочим остаться дома, на родине, и что на последних стадиях войны он был одним из тех немногих, кто имел смелость говорить Гитлеру, что война проиграна, и предпринимать шаги с тем, чтобы предотвратить бессмысленное уничтожение производственных мощностей как на оккупированных территориях, так и в самой Германии. Он также противодействовал гитлеровской политике «выжженной земли» путем преднамеренного саботирования се, подвергаясь при этом значительному риску.

Заключение

Трибунал признает Шпеера невиновным по разделам первому и второму и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Фон Нейрат

Фон Нейрат обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он — профессиональный дипломат, находившийся на посту германского посла в Великобритании с 1930 по 1932 год. 2 июня 1932 года он был назначен на пост министра иностранных дел в кабинете фон Папена; этот пост он сохранил за собой в кабинетах фон Шлейхера и Гитлера. Фон Нейрат ушел в отставку с поста министра иностранных дел 4 февраля 1938 года и был назначен имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. 18 марта 1939 года он был назначен имперским протектором Богемии и Моравии и оставался на этом посту до 27 сентября 1941 года. Формально он являлся обергруппенфюрером СС.

Преступления против мира

В качестве министра иностранных дел фон Нейрат давал советы Гитлеру в отношении ухода с конференции по разоружению и из Лиги Наций 14 октября 1933 года, о возобновлении вооружения, об издании 16 марта 1935 года закона о всеобщей воинской повинности и секретного закона о защите империи 21 мая 1935 года. Он был одной из главных фигур при переговорах о заключении морского соглашения между Германией и Англией 18 июня 1935 года. Он играл большую роль при принятии Гитлером решения о реокупации Рейнской зоны 7 марта 1936 года и предсказал, что оккупация может быть осуществлена без противодействия со стороны Франции. 18 мая 1936 года он сообщил американскому послу во Франции, что политика германского правительства заключалась в том, чтобы ничего не делать в области внешней политики до тех пор, пока «Рейнская зона не будет освоена», и что как только укрепления в Рейнской зоне будут воздвигнуты и страны Центральной Европы поймут, что Франция не сможет вторгнуться в Германию, когда ей это вздумается, «все эти страны начнут вести совершенно иную внешнюю политику, и создадутся новые коалиции».

Фон Нейрат принимал участие в «совещании Хосбаха» 5 ноября 1937 года. Он показал, что высказывания Гитлера произвели на него такое впечатление, что с ним случился сердечный приступ. Вскоре после этого он подал в отставку, и его отставка была принята 4 февраля 1938 года, в то же самое время, когда были смещены фон Фрич и фон Бломберг. Несмотря на то что он знал об агрессивных планах Гитлера, он сохранял формальные связи с нацистским режимом, будучи имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. Он руководил министерством иностранных дел во время оккупации Австрии, заверял британского посла, что эта оккупация не явилась следствием германского ультиматума, и информировал чехословацкого посла, что Германия намеревается соблюдать соглашение об арбитраже с Чехословакией. Фон Нейрат принимал участие в последней стадии переговоров, предшествовавших Мюнхенскому пакту, но заявляет, что он принял участие в этих переговорах лишь для того, чтобы убедить Гитлера приложить все усилия к тому, чтобы разрешить эти вопросы мирным путем.

Преступная деятельность в Чехословакии

Фон Нейрат был назначен имперским протектором Богемии и Моравии. 18 марта 1939 года Богемия и Моравия были оккупированы вооруженными силами. Согласие Гаха, полученное под принуждением, не может быть рассмотрено как момент, оправдывающий оккупацию. В декрете Гитлера от 16 марта 1939 года, в котором он объявлял об учреждении протектората, говорилось, что эта новая территория «впредь принадлежит к территории Германской империи», что предполагало, что Чехословацкая республика прекратила свое существование.

Но это предположение также основывалось на концепции, заключавшейся в том, что Богемия и Моравия сохранят свой суверенитет при том условии, что этим не будут затронуты интересы Германии, требующие дальнейшего сохранения протектората. Вследствие этого, даже если полагать, что доктрина покорения может быть применена в отношении территорий, оккупированных в

результате агрессии, Трибунал не считает, что этот декрет в действительности означал присоединение этих областей, которое было достаточным для применения этой доктрины. Оккупацию Богемии и Моравии поэтому следует рассматривать как военную оккупацию, предусмотренную правилами ведения войны. Хотя Чехословакия не была участником Гаагской конвенции 1907 года, правила ведения сухопутной войны, установленные этой конвенцией, фиксировали существовавшие меры международного права, и с того времени они вступили в силу.

В качестве имперского протектора фон Нейрат учредил администрацию в Богемии и Моравии, аналогичную той, которая существовала в Германии. Свободная пресса, политические партии и профсоюзы были ликвидированы. Все группы, которые могли выступить с оппозиционными взглядами, были объявлены вне закона. Чехословацкая промышленность была включена в систему германской военной промышленности и использовалась Германией в военных целях. Нацистская антисемитская политика и антисемитские законы были также введены в действие. Евреи были изгнаны с руководящих постов в правительстве и деловом мире.

В августе 1939 года фон Нейрат издал воззвание, содержащее предупреждение относительно диверсионных актов, и заявил, что ответственность за все диверсионные акты будет возлагаться не только на отдельных исполнителей, но и на все чешское население. Когда началась война, 1 сентября 1939 года 8000 известных чешских деятелей были арестованы полицией безопасности в Богемии и Моравии и помещены в превентивное заключение. Многие из этой группы умерли в концентрационных лагерях в результате жестокого обращения. В октябре и ноябре 1939 года чехословацкие студенты провели ряд демонстраций. Следствием этого был приказ Гитлера о закрытии всех университетов, 1200 студентов были брошены в тюрьмы, а 9 руководителей демонстрации были расстреляны полицией безопасности и СД.

Фон Нейрат показал, что он не был заранее информирован об этом приказе, но последний был объявлен в обращении за подписью Нейрата, и плакаты с этим обращением были расклеены по всему протекторату, хотя, как он утверждает, это было сделано без его ведома.

31 августа 1939 года фон Нейрат направил Ламмерсу подготовленный им меморандум по вопросам, связанным с будущностью протектората, и одобренный им меморандум по тому же вопросу, подготовленный Карлом Германом Франком. Оба рассматривали вопрос о германизации и высказывали многие, что большинство чехов может быть ассимилировано в расовом отношении германской нацией.

Оба защищали необходимость ликвидации чехословацкой интеллигенции и других групп, которые могли бы в будущем оказать сопротивление германизации, причем фон Нейрат предлагал выслать их, а Франк — выслать или подвергнуть «специальному обращению». Фон Нейрат утверждал, что фактическое применение репрессивных мер осуществлялось и полицией безопасности и СД, которые находились под контролем его статс-секретаря Карла Германа Франка, назначенного на этот пост по предложению Гиммлера. Как высший руководитель СС и полиции, Франк докладывал обо всем непосредственно Гиммлеру. Далее фон Нейрат заявил, что антисемитские мероприятия и мероприятия, имевшие своим следствием экономическую эксплуатацию, проводились в протекторате в результате политики, продиктованной империей. Как бы то ни было, он являлся высшим германским должностным лицом в протекторате в то время, когда управление этой территорией играло важнейшую роль в агрессивных войнах, которые Германия вела на Востоке, причем он знал, что военные преступления и преступления против человечности совершались его именем. Смягчающим вину обстоятельством должно быть признано то, что он вмешался в действия полиции безопасности и СД, требуя освобождения большого количества чехословаков, арестованных 1 сентября 1939 года, и освобождения студентов, арестованных в конце осени того же года. 23 сентября 1941 года его вызвал Гитлер и сообщил, что он слишком либерален и что Гейдрих направляется в протекторат для борьбы с чехословацкими группами сопротивления. Фон Нейрат пытался отговорить Гитлера от назначения Гейдриха, и когда ему это не удалось, он подал в отставку. Когда его отставка не была принята, он уехал в отпуск 27 сентября 1941 года и с этого дня отказался выполнять обязанности протектора. Его отставка формально была принята в августе 1943 года.

Заключение

Трибунал признает фон Нейрата виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Фриче

Фриче обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он был более всего известен как радиокомментатор, выступавший еженедельно с обзором текущих событий в своей собственной передаче «Ганс Фриче говорит». Он начал выступать по радио с сентября 1932 года; в том же году он был назначен руководителем отдела известий по радио, представлявшего собой государственное имперское агентство. Когда 1 мая 1933 года это агентство было включено национал-социалистами в имперское министерство народного просвещения и пропаганды, Фриче стал членом нацистской партии и перешел в вышеупомянутое министерство. В декабре 1938 года он стал возглавлять отдел внутренней прессы этого министерства; в октябре 1942 года он получил чин министриаль-директора. Прослужив недолгое время на Восточном фронте в роте пропаганды, он в ноябре 1942 года был назначен главой отдела радиовещания при министерстве пропаганды и уполномоченным по политической организации германского радиовещания.

Преступления против мира

В качестве главы отдела внутренней прессы Фриче возглавил всю германскую прессу, насчитывавшую 2300 ежедневных газет. В его обязанности на этом посту входило проведение ежедневных пресс-конференций для передачи этим газетам директив министерства пропаганды. Однако он подчинялся Дитриху, руководителю имперской прессы, который, в свою очередь, подчинялся Геббельсу. Именно Дитрих получал от Геббельса и других имперских министров директивы, предназначенные для прессы, излагал их в виде инструкций и затем передавал Фриче для информации прессы. Время от времени «ежедневные информации главы имперской прессы», как кратко назывался этот инструктаж, давали указания прессе осветить в газетах вопросы, как, например, о принципе фюрерства, еврейскую проблему, проблему «жизненного пространства» и другие основные

вопросы нацистской идеологии. Перед каждым большим актом агрессии проводилась энергичная пропагандистская кампания. В то время, когда Фриче возглавлял отдел внутренней прессы, он инструктировал представителей печати по поводу того, каким образом следует интерпретировать в печати операции и войны против Богемии и Моравии, Польши, Югославии и Советского Союза. Фриче не осуществлял никакого контроля над формулированием этой политики пропаганды, он являлся лишь передатчиком в прессу тех инструкций, которые ему давал Дитрих. Так, например, в феврале 1939 года и перед присоединением Богемии и Моравии он получил от Дитриха приказ обратить внимание печати на попытки Словакии добиться автономии, на антигерманскую ориентацию и политику существовавшего в то время пражского правительства. Этот приказ Дитриха исходил из министерства иностранных дел. Отдел радиовещания, который Фриче возглавил в ноябре 1942 года, был одним из 12 отделов министерства пропаганды. В первое время Дитрих и другие начальники отделов оказывали влияние на политику, проводившуюся по радиовещанию. Однако к концу войны Фриче стал единственным лицом в министерстве, ведавшим радиовещанием. В качестве такового он составлял и издавал ежедневные «информации» по радиовещанию для всех имперских управлений пропаганды; эти «информации» составлялись в соответствии с общим политическим курсом нацистского режима, на основании указаний отдела политического контроля над радиовещанием министерства иностранных дел и подлежали лишь личному контролю Геббельса. Фриче вместе с другими чиновниками министерства пропаганды присутствовал на ежедневных совещаниях у Геббельса. На этих совещаниях они получали указания по вопросам текущих событий и линии пропаганды. После 1943 года Фриче сам иногда проводил эти совещания, но делал это лишь в тех случаях, когда Геббельс и его заместители отсутствовали. Но даже в подобных случаях его единственная задача заключалась в передаче директив Геббельса, которые сообщались ему по телефону. Таковы краткие данные относительно положения Фриче и того влияния, которым он пользовался в третьей империи. Ему не удалось достигнуть положения, достаточно значительного для того, чтобы присутствовать на совещаниях, на которых обсуждались планы, приведшие к агрессивной войне; в действительности, согласно его

собственным показаниям, которые не были опровергнуты, он даже никогда не разговаривал с Гитлером. Не имеется также никаких доказательств, свидетельствующих о том, что его информировали о решениях, принимаемых на этих совещаниях. Его деятельность не может быть отнесена по своему характеру к деятельности, которая подходит под определение общего плана для ведения агрессивной войны, как уже было сказано в настоящем приговоре.

Военные преступления против человечности

Обвинение утверждает, что Фриче подстрекал и побуждал к совершению военных преступлений путем преднамеренной фальсификации информации, в целях возбуждения у германского народа тех инстинктов, которые привели его к совершению зверств, указанных в разделах третьем и четвертом. Однако его положение и официальная должность не были достаточно значительными для того, чтобы можно было прийти к заключению, что он принимал участие в организации или разработке планов пропагандистских кампаний. Выдержки из его речей, представленные в качестве доказательства, с определенностью указывают на антисемитизм в его речах. Он заявлял по радио, например, что война была вызвана евреями и что их судьба оказалась «такой неприглядной, как это предсказывал фюрер». Однако эти речи не призывали к преследованию или истреблению евреев. Нет доказательств того, что ему было известно об истреблении евреев на Востоке. Более того, имеющиеся доказательства показывают, что он дважды пытался добиться запрещения издания антисемитской газеты «Дер штюрмер», что ему, однако, не удалось. В своих передачах по радио Фриче иногда распространял ложную информацию, однако не было доказано, что он знал о ее недостоверности. Например, он сообщил, что в районе местонахождения «Атении» в то время, когда судно было потоплено, не находилось ни одной немецкой подводной лодки. Эта информация не соответствовала действительности, однако у Фриче, получившего ее от германского военно-морского флота, не было оснований считать ее ложной. Есть данные, что Фриче иногда во время своих выступлений по радио делал решительные заявления, носившие пропагандистский характер. Однако Трибунал не намерен

считать, что они были направлены к тому, чтобы побудить немецкий народ к совершению зверств над побежденными народами, и поэтому Фриче не может быть признан участником тех преступлений, в которых он обвиняется. Он скорее ставил своей целью возбудить у народа стремление оказывать поддержку Гитлеру и германским военным усилиям.

Заключение

Трибунал признает Фриче невиновным в преступлениях, предъявленных ему Обвинительным заключением, и предлагает коменданту суда освободить его из-под стражи после окончания настоящего заседания Трибунала.

Борман

Борман обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в национал-социалистическую партию в 1925 году. С 1928 по 1930 год он являлся членом штаба высшего руководства СА и с 1933 по 1945 год возглавлял фонд помощи партии и был рейхсляйтером. С 1933 по 1941 год он являлся начальником штаба в управлении заместителя фюрера, а после отлета Гесса в Англию 12 мая 1941 года он стал главой партийной канцелярии, 12 апреля 1943 года стал секретарем фюрера. Он политически и организационно руководил фольксштурмом и был генералом СС.

Преступления против мира

Борман вначале не был видным нацистом, постепенно достиг власти и, особенно в последние дни, достиг большого влияния на Гитлера. Он принимал активное участие в приходе партии к власти, и особенно в укреплении гитлеровской власти. Он уделял много времени преследованию церкви и евреев в Германии. Нет доказательств того, что Борман знал о планах Гитлера по подготовке, развязыванию или ведению агрессивных войн. Он не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, где Гитлер последовательно развивал свои планы агрессии. И нельзя предполагать, что то положение, которое он занимал, давало ему возможность быть осведомленным об этих планах. И только тогда, когда он стал главой партийной канцелярии в 1941 году и позднее, в 1943 году, секретарем фюрера, он стал присутствовать на многих совещаниях, проводившихся Гитлером, куда он получил нужный для этого доступ благодаря занимаемому им положению. Согласно уже изложенной точке зрения, которой решил придерживаться Трибунал в отношении заговора для ведения агрессивной войны, представленных доказательств недостаточно для того, чтобы признать Бормана виновным по первому разделу Обвинительного заключения.

Военные преступления и преступления против человечности

Борман, согласно декрету от 29 мая 1941 года, принял должность и полномочия Гесса; декретом от 24 января 1942 года эти полномочия были расширены, и он получил право контроля над всеми законами и директивами, издававшимися Гитлером. Таким образом, он нес ответственность за законы и приказы, издававшиеся с этого момента. 1 декабря 1942 года все гау были преобразованы в районы имперской обороны, и гаулейтеры партии, подчинявшиеся Борману, были назначены комиссарами имперской обороны. В результате они фактически возглавили военные усилия всего гражданского населения. Так было не только в Германии, но и на тех территориях, которые были включены в состав империи из захваченных и побежденных территорий. Посредством этого механизма Борман осуществлял безжалостную эксплуатацию покоренного населения. Своим приказом от 12 августа 1942 года он подчинил все партийные агентства делу выполнения проводившейся Гиммлером программы принудительного переселения и германизации населения оккупированных стран. Через три недели после вторжения в Советский Союз он присутствовал на совещании 16 июля 1941 года в полевом штабе Гитлера, где также присутствовали Геринг, Розенберг и Кейтель; согласно отчету Бормана, там обсуждались и развивались подробные планы порабощения и уничтожения населения этих территорий. 8 мая 1942 года он совещался с Гитлером и Розенбергом по вопросу о принудительном переселении голландцев в Латвию, а также о проведении в Советском Союзе программы уничтожения и об экономической эксплуатации восточных территорий. Он был заинтересован в конфискации предметов искусства и другой собственности на Востоке. В письме от 11 января 1944 года он призывал к созданию огромной организации по вывозу товаров с оккупированных территорий для германского населения, пострадавшего от бомбардировок. Борман развил чрезвычайно активную деятельность по преследованию евреев не только в Германии, но также и в завоеванных и побежденных странах. Он принимал участие в совещаниях, которые привели к вывозу 60 000 евреев из Вены в Польшу, в сотрудничестве с СС и гестапо. Он подписал декрет от 31 мая 1941 года, который распространял Нюрнбергские законы на аннексированные восточные территории. В

приказе от 9 октября 1942 года он заявил, что проблема окончательного устранения евреев с территории Великой Германии не может больше разрешаться путем эмиграции, а лишь путем применения «грубой силы» в специальных лагерях на Востоке. 1 июля 1943 года он подписал указ, лишивший евреев защиты судов и передававший их исключительно в ведение гиммлеровского гестапо. Борман сыграл видную роль в программе рабского труда. Партийные руководители осуществляли надзор над рабским трудом в своих гау, включая наем рабочих, условия их труда, питание их и расквартирование. В своем циркуляре от 5 мая 1943 года по корпусу руководителей, разосланном до ортегруппенляйтеров включительно, он дал инструкции об обращении с иностранными рабочими, указывая на то, что по вопросам безопасности они находились в ведении СС, и приказывал прекратить существовавшее до этого жестокое обращение с ними. Отчет от 4 сентября 1942 года в отношении вывоза 500 000 женщин для работы в частных хозяйствах с Востока в Германию показывает, что контроль должен был осуществляться Заукелем, Гиммлером и Борманом. Декретом от 8 сентября Заукель дал указание крейсляйтерам осуществлять надзор над распределением и назначением этих женщин на работу. Борман также издал целый ряд приказов партийным руководителям относительно обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 года он запретил хоронить русских военнопленных достойным образом. 25 ноября 1943 года он дал указание гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 года он приказал крейсляйтерам установить связь с комендантами лагерей по вопросу использования военнопленных для принудительного труда. 20 января 1943 года он передал подчиненным ему руководителям инструкции ОКХ, в которых разрешались применение огнестрельного оружия и телесное наказание провинившихся военнопленных в нарушение правил ведения войны на суше. 30 февраля 1944 года он подписал декрет, по которому военнопленные изымались из-под юрисдикции ОКВ и передавались в ведение Гиммлера и СС. Борман несет ответственность за линчевание союзных летчиков. 30 мая 1944 года он запретил полиции предпринимать какие-либо меры или возбуждать уголовное преследование против лиц, которые принимали участие в линчевании союзных летчиков. Это сопровождалось пропагандистской кампанией

Геббельса, подстрекавшей немецкий народ к действиям подобного рода. Борман также присутствовал на совещании 6 июня 1944 года, где обсуждались положения о применении линчевания. Его защитник, которому пришлось столкнуться с рядом трудностей, не смог опровергнуть эти доказательства. Перед лицом документов, на которых имеется подпись Бормана, трудно представить себе, как бы он мог сделать это, если бы даже подсудимый присутствовал на суде. Защитник выдвигал довод о том, что Бормана нет в живых и что Трибунал не должен прибегать к статье 12 Устава, которая даст право судебного преследования в отсутствие подсудимого. Но доказательства о смерти не являются убедительными, и Трибунал, как это уже отмечалось ранее, решил судить его заочно. Если Борман жив и будет арестован впоследствии, Контрольный Совет Германии, согласно статье 29 Устава, может рассмотреть любые смягчающие обстоятельства и изменить или ослабить вынесенный ему приговор, если он это найдет нужным.

Заключение

Трибунал не признает Бормана виновным по первому разделу, но признает его виновным по третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании статьи 27 Устава Международный Военный Трибунал приговорил:

- 1) Германа Вильгельма Геринга — к смертной казни через повешение.
- 2) Рудольфа Гесса — к пожизненному тюремному заключению.
- 3) Йоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение.
- 4) Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение.
- 5) Эрнста Кальтенбруннера — к смертной казни через повешение.
- 6) Альфреда Розенберга — к смертной казни через повешение.
- 7) Ганса Франка — к смертной казни через повешение.
- 8) Вильгельма Фрика — к смертной казни через повешение.
- 9) Юлиуса Штрейхера — к смертной казни через повешение.

- 10) Вальтера Функа — к пожизненному тюремному заключению.
- 11) Карла Дёница — к тюремному заключению сроком на десять лет.
- 12) Эриха Редера — к пожизненному тюремному заключению.
- 13) Бальдура фон Шираха — к тюремному заключению сроком на двадцать лет.
- 14) Фрица Заукеля — к смертной казни через повешение.
- 15) Альфреда Йодля — к смертной казни через повешение.
- 16) Артура Зейсс-Инкварта — к смертной казни через повешение.
- 17) Альберта Шпеера — к тюремному заключению сроком на двадцать лет.
- 18) Константина фон Нейрата — к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет.
- 19) Мартина Бормана — к смертной казни через повешение.

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение четырех дней после оглашения приговора через Генерального Секретаря Трибунала. Приговор составлен в четырех экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала и их заместители: от Великобритании — Председательствующий Джеффри Лоуренс, Норман Биркет;

от Союза Советских Социалистических Республик — Иона Никитченко, Александр Волчков;

от Соединенных Штатов Америки — Фрэнсис Биддл, Джон Паркер; от Французской Республики — Доннедье де Вабр, Робер Фалько.

Нюрнберг, 1 октября 1946 года.

Летопись организации и деятельности Международного военного трибунала

1. 8 августа 1945 г. В Лондоне представителями СССР, США, Великобритании и Франции было подписано соглашение об организации Международного Военного Трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран оси и утвержден Устав этого Трибунала.

2. Для сбора доказательств и поддержания обвинения был создан Комитет обвинителей в составе Главных обвинителей: от СССР — Р.А. Руденко, от США — Р. Джексона, от Великобритании — Х. Шоукросса и от Франции — де Ментона.

3. 18 октября 1945 г. В Берлине состоялось заседание Международного Военного Трибунала, на котором от Комитета обвинителей был принят обвинительный акт против главных немецких военных преступников: Геринга, Гесса, Риббентропа, Лея, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Шахта, Функа, Дёница, Редера, Зейсс-Инкварта, Йодля, Заукеля, Шираха, Нейрата, Шпеера, Папена, Фриче и Бормана, а также о признании преступными организациями руководящего состава НСДАП, имперского правительства, ОКВ и генерального штаба, СА, СС, СД и гестапо.

4. 20 ноября 1945 г. В Нюрнберге, в здании Дворца юстиции, состоялось первое открытое заседание Международного Военного Трибунала. Судебное заседание открылось вступительным словом председательствующего — лорда Лоуренса. Был оглашен обвинительный акт.

5. 21 ноября 1945 г. Председательствующий опросил всех подсудимых, которые на вопрос: «Признают ли они себя виновными?», ответили отрицательно. Главный обвинитель от США Джексон произнес вступительную речь.

6. 22 ноября 1945 г. Представитель американского обвинения полковник Стори доложил Трибуналу порядок представления доказательств американским обвинением и представил доказательства подлинности немецких трофейных документов. Судебно-

психиатрическая экспертиза в отношении подсудимого Штрейхера. Оглашение решения Трибунала о признании Штрейхера вменяемым. Американские обвинители начали представление доказательств по разделу обвинения: «Общий план, или заговор».

7.23 ноября 1945 г. Американские обвинители представляли доказательства по разделам обвинения: «Экономическая подготовка Германии к агрессивной войне» и «Агрессивная война». Оглашение решения Трибунала о порядке представления документальных доказательств и заявления ходатайств.

8. 26–28 ноября 1945 г. Продолжение представления доказательств американским обвинителем Олдерменом по разделу обвинения: «Агрессивная война».

9.29 ноября 1945 г. Американский обвинитель Олдермен представил доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Австрии». В качестве доказательства демонстрировался документальный фильм «Нацистские концентрационные лагеря».

10. 1 декабря 1945 г. Оглашение решения Трибунала о признании подсудимого Гесса вменяемым.

11.4 декабря 1945 г. Главный обвинитель от Великобритании Шоукросс произнес вступительную речь.

В ходе процесса Главный обвинитель от Франции де Ментон был заменен французским правительством Шампстьс де Рибом.

25 октября 1945 г. Лей в тюрьме покончил жизнь самоубийством. В отношении Круппа Трибунал 15 ноября 1945 г. вынес постановление о приостановлении дела в связи с болезнью обвиняемого.

12.5 декабря 1945 г. Заместитель главного обвинителя от Великобритании Файф представлял доказательства по разделу обвинения: «Общие договоры».

13.6 декабря 1945 г. Английский обвинитель представил документы, относящиеся к обвинению в агрессии против Польни, Великобритании и Франции.

14. 7 декабря 1945 г. Английские обвинители представляли доказательства по разделам обвинения: «Вторжение в Данию и Норвегию», «Агрессия против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга». Американский обвинитель Олдермен выступил по разделу обвинения: «Агрессия против СССР».

15. 10 декабря 1945 г. Выступление американского обвинителя Олдермена по разделу обвинения: «Германское сотрудничество с Италией и Японией и агрессивная война против США».

16. 11 декабря 1945 г. Демонстрация в качестве документального доказательства фильма «Нацистский план».

17. 11–13 декабря 1945 г. Американские обвинители представляли документальные доказательства по разделам обвинения: «Нацистская политика рабского труда» и «Гитлеровские концентрационные лагеря».

18. 17–20 декабря 1945 г. Представление обвинением документальных доказательств преступности организаций гитлеровского режима: «Руководящий состав НСДАП», «Имперское правительство», «СА», «СС», «Гестапо» и «СД».

19. 3 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Отто Олендорфа представителями обвинения полковником Эйменом (США) и полковником Ю.В. Покровским (СССР). Олендорф признал, что руководимая им эйнзатцгруппа «Д» уничтожила на оккупированной территории СССР свыше 90 тысяч мирных жителей. Перекрестный допрос Олендорфа адвокатами. Допрос Олендорфа членом Международного Военного Трибунала от СССР генерал-майором И.Т. Никитченко, членом Трибунала от США Фрэнсисом Биддлом и Председателем Трибунала Джеффри Лоуренсом.

20. 4 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Вальтера Шелленберга американским обвинителем, а также членом Трибунала от СССР И.Т. Никитченко. Представление обвинением документальных доказательств преступности гитлеровского генерального штаба ОКВ.

21. 7 января 1946 г. Допрос «свидетеля» Бах-Зелевского представителем обвинения от СССР полковником Ю.В. Покровским.

22. 8 января 1946 г. Выступление представителя обвинения от Великобритании майора Элвина Джонса на тему «Агрессия как база нацистской идеологии» и представление им в качестве доказательства книги Гитлера «Майн кампф».

23. 8–10 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Геринга, Риббентропа, Розенберга, Франка, Штрейхера.

24. 11 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Шахта и Функа. Допрос представителями обвинения от СССР, США и Франции свидетеля

Франца Блаху — бывшего узника гитлеровского концентрационного лагеря в Дахау.

25. 14–16 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Дёница, Редера, Шираха, Бормана, Зейсс-Инкварта, Фрика.

26. 17 января 1946 г. Главный обвинитель от Франции де Ментон произнес вступительную речь. Представитель французского обвинения представил доказательства по разделу обвинения: «Экономическое разграбление».

27. 18–19 января 1946 г. Представитель обвинения от Франции представлял доказательства по разделам обвинения: «Принудительный труд при оккупации Франции», «Экономическое разграбление Дании, Норвегии и Нидерландов», а также индивидуальной ответственности подсудимого Заукеля.

28. 23 января 1946 г. Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Фриче, Папена и Нейрата. Председательствующий огласил решение Трибунала о принятии в качестве доказательства письменных показаний банкира фон Шредера.

29. 24 января 1946 г. Представитель обвинения от Франции представил доказательства по разделу обвинения: «Нарушение законов и обычаев войны».

30. 25 января 1946 г. Допрос свидетеля Мориса Лампа Главным обвинителем от СССР Р.А. Руденко. Допрос в качестве свидетеля Мари Вайян-Кутюрье о злодеяниях в гитлеровских концентрационных лагерях.

С 20 декабря 1945 г. до 2 января 1946 г. судебных заседаний не было в связи с объявлением рождественских каникул.

31. 29 января 1946 г. Допрос Главным обвинителем от СССР Р.А. Руденко свидетеля Франсуа Буа — очевидца массового истребления советских военнопленных.

32. 31 января 1946 г. Представление французским обвинителем доказательств по разделу обвинения: «Террористические действия против патриотов».

33. 1 февраля 1946 г. Выступление представителя обвинения от Франции на тему: «Юридическая квалификация преступлений».

34. 6–7 февраля 1946 г. Выступление французского обвинителя на тему: «Определение понятия преступного заговора». Представление обвинением доказательств индивидуальной ответственности подсудимых Шпеера, Кейтеля, Йодля и Гесса.

35. 8 февраля 1946 г. Главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко произнес вступительную речь. Представитель обвинения от СССР полковник Д.С. Карев доложил Трибуналу порядок представления доказательств советским обвинением.

36. 8–11 февраля 1946 г. Советский обвинитель полковник Ю.В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии».

37. 11 февраля 1946 г. Представление советским обвинителем доказательств по разделу: «Агрессия против СССР». Главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко допрашивал в качестве свидетеля бывшего фельдмаршала германской армии Паулюса.

38. 12 февраля 1946 г. Перекрестный допрос Паулюса защитой, членом Трибунала от СССР И.Т. Никитченко, членом Трибунала от США Биддлом и председательствующим. Допрос советским обвинителем свидетеля Бушенгагена — бывшего генерала гитлеровской армии.

39. 13–14 февраля 1946 г. Советский обвинитель полковник Ю.В. Покровский представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступное попрание законов и обычаев войны при обращении с военнопленными».

40. 14–18 февраля 1946 г. Советский обвинитель Л.Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления против мирного населения».

41. 19 февраля 1946 г. Представление советским обвинителем Л.Н. Смирновым вещественных доказательств (мыла, изготовленного из человеческого жира, изделий из человеческой кожи) и демонстрация в качестве доказательства документального фильма о зверствах гитлеровцев на оккупированной территории СССР. Оглашение решения Трибунала об отклонении ходатайства защиты о назначении перерыва в судебных заседаниях.

42. 20 февраля 1946 г. Советский обвинитель Л.Р. Шейнин представил доказательства по разделу обвинения: «Разграбление и

расхищение государственной, частной и общественной собственности».

43.21 февраля 1946 г. Советский обвинитель М.Ю. Рагинский представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей». Демонстрация в качестве доказательства документального фильма «Разрушение произведений искусства и памятников национальной культуры на оккупированной территории СССР».

44.22 февраля 1946 г. Советский обвинитель М.Ю. Рагинский представил доказательства по разделу обвинения: «Разрушение сел и городов». Демонстрация в качестве доказательств документальных фильмов о разрушении Лидице в Чехословакии и разрушениях, произведённых гитлеровцами на оккупированной территории СССР. Допрос советским обвинителем М.Ю. Рагинским свидетеля академика И. А. Орбели.

45.22 февраля 1946 г. Представление советским обвинением доказательств по разделу обвинения: «Угон в рабство».

46. 23 февраля 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко с возражениями против некоторых ходатайств защиты о вызове свидетелей и приобщении ряда документов.

47. 25 февраля 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко с возражениями против ходатайства защитника Риббентропа о вызове некоторых свидетелей.

48. 25–27 февраля 1946 г. Советский обвинитель Л.Н. Смирнов представлял доказательства по разделу обвинения: «Преступления против человечности».

49.26 февраля 1946 г. Допрос советским обвинителем Ю.В. Покровским свидетелей Григорьева и Кивелиша.

50. 27 февраля 1946 г. Допрос советским обвинителем Л.Н. Смирновым свидетелей Суцксвера, Ройзмана и протоиерея Ломакина. Представление обвинением некоторых дополнительных документов, относящихся к разделу обвинения: «Экономическая сторона заговора».

16 и 17 февраля судебных заседаний не было.

51.28 февраля 1946 г. Выступления Главных обвинителей по вопросу о рассмотрении дела в отношении преступных организаций.

52. 2 марта 1946 г. Повторное выступление Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко по вопросу о преступных организациях.

53.4 марта 1946 г. Оглашение представителем советского обвинения Л.Н. Смирновым некоторых пунктов официального отчета английского правительства, касающегося расстрела 50 английских летчиков.

54.5 марта 1946 г. Оглашение решения Трибунала об отклонении ходатайства всех подсудимых о выделении дела в отношении преступных организаций гитлеровского режима в отдельное производство и удовлетворении ходатайства адвоката Бергольда о рассмотрении дела в отношении Бормана после рассмотрения дела всех других подсудимых.

55. 6–7 марта 1946 г. Трибунал заслушал заключения обвинителей по ходатайствам защитников подсудимых об истребовании документов и вызове свидетелей.

56. 8 марта 1946 г. Защита начала представление доказательств.

57. 11 марта 1946 г. Перекрестный допрос «свидетеля» Мильха — бывшего фельдмаршала гитлеровской армии Главным обвинителем от СССР Р.А. Руденко.

58. 12 марта 1946 г. Перекрестный допрос Главным обвинителем от СССР Р.А. Руденко и Главным обвинителем от США Р. Джексоном «свидетеля» Кернера.

59. 13 марта 1946 г. Перекрестный допрос американским и английским обвинителями свидетеля Кессельринга — бывшего гитлеровского фельдмаршала.

60. 18 марта 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга Главным обвинителем от США Джексоном.

61. 20 марта 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга заместителем Главного обвинителя от Великобритании Файфом.

62. 21–22 марта 1945 г. Перекрестный допрос подсудимого Геринга Главным обвинителем СССР Р.А. Руденко. Выступления Главных обвинителей по вопросу об оглашении документов, представляемых защитой. Возражения Р.А. Руденко против оглашения и представления адвокатом Штамером выдержек из так называемой «Белой книги».

63. 25 марта 1946 г. Выступления представителей советского и английского обвинения с возражениями против некоторых документов, представленных адвокатом Зейделем. Перекрестный допрос

обвинителями «свидетеля» Боле — одного из основных руководителей шпионско-диверсионных организаций нацистской партии за границей.

64. 26 марта 1946 г. Оглашение решения Трибунала об отклонении третьего тома документов подсудимого Гесса, представленных его защитником Зейделем.

65. 27 марта 1946 г. Перекрестный допрос представителями советского, английского, американского и французского обвинения «свидетеля» Штейнграхта — гитлеровского дипломата, вызванного защитником Риббентропа.

66. 28 марта 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко с возражениями против заявления адвоката Зейделя и поставленных им вопросов свидетельнице Маргарите Бланк (секретарь Риббентропа).

67. 1 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Риббентропа заместителем Главного обвинителя от Великобритании Файфом.

68. 2 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Риббентропа французским обвинителем, представителем обвинения от США и Главным обвинителем от СССР Р.А. Руденко.

69. 5–6 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля Главным обвинителем от СССР Р.А. Руденко.

70. 8 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кейтеля представителями обвинения от Великобритании и США.

71. 9 апреля 1946 г. Выступление представителя обвинения от СССР с возражениями против некоторых документов, представленных защитником Розенберга. Перекрестный допрос советским обвинителем Ю.В. Покровским свидетеля Ламмерса.

72. 10 апреля 1946 г. Перекрестный допрос советским обвинителем Ю.В. Покровским свидетеля Вестхофа. Выступления Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко и представителя обвинения от США с протестом против нарушения защитой порядка представления доказательств.

73. 12 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера представителем обвинения от США

74. 13 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Кальтенбруннера советским обвинителем Л.Н. Смирновым.

Выступление советского обвинителя М.Ю. Рагинского с возражениями против представления показаний Данкера по делу Розенберга.

75. 15 апреля 1946 г. Перекрестный допрос обвинителями свидетеля Рудольфа Гесса — гитлеровского палача, коменданта концентрационного лагеря Освенцим, где было злодейски умерщвлено три миллиона человек.

76. 17 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Розенберга Главным обвинителем от СССР Р.А. Руденко. Выступления представителей советского обвинения М.Ю. Рагинского и Ю.В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатами Тома и Зейделем.

77. 18 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Франка представителем советского обвинения Л.Н. Смирновым и американским обвинителем Доддом.

78. 23 апреля 1946 г. Перекрестный допрос советским обвинителем Л.Н. Смирновым свидетеля Бюллера.

79. 25–26 апреля 1946 г. Допрос свидетеля Гизсвиуса Главным обвинителем от США Джексоном и представителем советского обвинения Г.Н. Александровым.

80. 29 апреля 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Штрейхера английским обвинителем Гриффит-Джоунсом.

81. 2 мая 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко с возражениями против принятия некоторых документов, представленных защитником Шахта. Перекрестный допрос подсудимого Шахта Главным обвинителем от США

82. 3 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шахта представителем советского обвинения Г.Н. Александровым.

83. 6 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Функа обвинителем от США Доддом.

84. 7 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Функа советским обвинителем М.Ю. Рагинским. Выступление представителя советского обвинения Ю.В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных адвокатом Кранцбюлером в защиту Дёница.

85. 9 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Дёница английским обвинителем Файфом.

86. 10 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Дёница советским обвинителем Ю.В. Покровским.

87. 11 мая 1946 г. Выступление советского обвинителя Ю.В. Покровского с заключением по дополнительному ходатайству подсудимого Геринга о вызове свидетелей.

88. 16 мая 1946 г. Выступление представителя советского обвинения Ю.В. Покровского с возражениями против принятия некоторых документов, представленных защитником Редера.

89. 20 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Редера английским обвинителем Файфом и советским обвинителем Ю.В. Покровским.

90. 21 мая 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко с возражениями против некоторых вопросов, заданных адвокатом Зейделем свидетелю Вейцзеру — гитлеровскому дипломату. Перекрестный допрос английским обвинителем Элвином Джоунсом свидетеля Зеверинга.

91. 22 мая 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем свидетеля Вейцзера.

92. 24 мая 1946 г. Перекрестный допрос американским обвинителем Доддом подсудимого Шираха.

93. 27 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шираха представителем советского обвинения Г.Н. Александровым. Допрос Шираха председателем Трибунала.

94. 28 мая 1946 г. Представление американским обвинителем дополнительных документов по делу подсудимого Функа.

95. 29–30 мая 1946 г. Перекрестный допрос французским обвинителем подсудимого Заукеля.

96. 30–31 мая 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Заукеля представителем советского обвинения Г.Н. Александровым. Допрос Заукеля членом Трибунала от США Биддлом.

97. 3 июня 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко с заключением по ходатайству подсудимого Геринга о вызове дополнительных свидетелей. Допрос свидетеля Егера — немецкого врача, давшего показания о рабском труде и массовой гибели военнопленных и мирных граждан, угнанных гитлеровцами с оккупированных территорий, на предприятиях Круппа в Эссене.

98. 6 июня 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем Робертсом подсудимого Йодля. С 19 по 22 апреля судебных заседаний Трибунала не было в связи с объявлением пасхальных каникул.

99. 7 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Йодля советским обвинителем Ю.В. Покровским. Допрос Йодля членом Трибунала от США Биддлом.

100.10–12 июня 1946 г. Допрос подсудимого Зейсс-Инкварта.

101. 13 июня 1946 г. Оглашение решения Трибунала о заключительных речах адвокатов.

102.17–19 июня 1946 г. Допрос подсудимого Папена.

103. 21 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Шпеера Главным обвинителем от США Джексоном и советским обвинителем М.Ю. Рагинским. Допрос Шпеера членом Трибунала от США Биддлом.

104. 25 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Нейрата заместителем Главного обвинителя от Великобритании Файфом.

105.25–26 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Нейрата советским обвинителем М.Ю. Рагинским. Допрос Нейрата членом Трибунала от СССР И.Т. Никитченко, членом Трибунала от США Биддлом и председательствующим.

106.28 июня 1946 г. Перекрестный допрос подсудимого Фриче Главным обвинителем от СССР Р.А. Руденко.

107.29 июня 1946 г. Допрос подсудимого Фриче председательствующим Лоуренсом и членом Трибунала от США Биддлом.

108.1 июля 1946 г. Допрос советским обвинителем Л.Н. Смирновым и членом Трибунала от СССР И.Т. Никитченко свидетеля Арнса — участника злодеяний гитлеровцев над польскими военнопленными.

109. 3 июля 1946 г. Представление защитой и обвинением дополнительных доказательств.

110.4–25 июля 1946 г. Защитительные речи адвокатов.

111. 26 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от США Джексона.

112. 26–27 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Шоукросса.

113. 29 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от Франции де Риба.

114. 29–30 июля 1946 г. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко.

115. 30 июля 1946 г. Защитники преступных организаций начали представление доказательств.

116. 31 июля 1946 г. Представление советским обвинителем М.Ю. Рагинским дополнительных документов в доказательство преступности НСДАП.

117. 1 августа 1946 г. Представитель обвинения от СССР Д.С. Карев дополнительно представил некоторые документы о преступной деятельности гестапо.

118. 5–7 августа 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем Элвином Джонсом и советским обвинителем Л.Н. Смирновым свидетелей по делу СС Бриля, Хаузера и Рейнеке.

119. 8–9 августа 1946 г. Перекрестный допрос английским обвинителем и членом Трибунала от США свидетеля по делу СС Зиверса. Перекрестный допрос свидетеля Браухича представителем советского обвинения Г.Н. Александровым и представителем обвинения от США генералом Тейлором.

120. 12 августа 1946 г. Перекрестный допрос свидетеля Манштейна представителем советского обвинения Г.Н. Александровым. Допрос защитой свидетеля Рунштедта.

121. 16 августа 1946 г. Выступление Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко в связи с заявлением адвоката Штамера о непричастности Геринга к преступным медицинским опытам над заключенными в гитлеровских концентрационных лагерях.

122. 22–28 августа 1946 г. Защитительные речи адвокатов по делу преступных организаций.

123. 26 августа 1946 г. Допрос генерал-майора медицинской службы гитлеровской армии профессора военно-медицинской академии Вальтера Шрайбера представителем советского обвинения Г.Н. Александровым. Шрайбер дал подробные показания о подготовке гитлеровцами бактериологической войны.

124. 28–29 августа 1946 г. Заключительная речь английского обвинителя Файфа по делу преступных организаций.

125. 29–30 августа 1946 г. Заключительные речи американских обвинителей Додда и Тейлора и Главного обвинителя от Франции де Роба по делу преступных организаций. Обвинение представляло

доказательства против преступных организаций одновременно с представлением доказательств по делам отдельных подсудимых. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко по делу преступных организаций.

126. 31 августа 1946 г. Последние слова подсудимых. Трибунал удалился на совещание для постановления приговора.

127. 30 сентября — 1 октября 1946 г. Оглашение приговора Международного Военного Трибунала. Трибунал приговорил Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инкварта и Бормана (заочно) к смертной казни через повешение; Гесса, Функа и Редера — к пожизненному тюремному заключению; Шираха и Шпеера — к 20 годам тюремного заключения; Нейрата — к 15 годам тюремного заключения и Дёница — к 10 годам тюремного заключения. Объявление председательствующим о занесении в протокол судебного заседания особого мнения члена Трибунала от СССР И.Т. Никитченко в связи с оправданием Шахта, Папена и Фриче, неприменением смертной казни к Гессу и непризнанием преступными организациями имперского правительства, ОКВ и генерального штаба.

128. 16 октября 1946 г. Приговор Международного Военного Трибунала, приговорившего к смертной казни через повешение Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Кальтенбруннера, Фрика, Франка, Штрейхера, Йодля, Заукеля и Зейсс-Инкварта, приведен в исполнение в здании Нюрнбергской тюрьмы. Геринг за два часа до казни покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий.

Пояснение отдельных терминов и сокращений

АБВЕР — военная разведка (контрразведка).

АМТСЛЯЙТЕР — нацистский руководитель отдела (управления).

АНЕНЭРБЕ — «институт по изучению наследственности» — расистское учреждение, находившееся в непосредственном ведении Гиммлера. Преступная деятельность этого «института» была вскрыта на процессе во время допроса руководителя «института» штандартенфюрера СС Зиверса.

АНШЛЮСС (присоединение) — насильственный захват Австрии гитлеровской Германией, осуществленный 12 марта 1938 г.

АЛА — Аусландполитишеамт — внешнеполитический отдел нацистской партии.

АУШВИЦ (АУШВИТЦ) — немецкое название концентрационного лагеря Освенцим — лагеря смерти.

АФФИДЕВИТ — письменное показание, данное под присягой.

БАТАЛЬОН РИББЕНТРОПА — специально организованное подразделение при министерстве иностранных дел для разграбления особо ценных предметов искусства на оккупированных гитлеровцами территориях. Командовал батальоном эсэсовец фон Кюнсберг, который находился в непосредственном подчинении Риббентропа. На процессе в Нюрнберге фигурировали показания одного из видных сотрудников батальона — оберштурмфюрера СС Форстера — непосредственного участника разграбления ряда музеев.

БАУЕРНФЮРЕР — фашистский руководитель в сельской местности.

БЕРХТЕСГАДЕН — личная резиденция Гитлера.

БЛИЦКРИГ — молниеносная война.

БЛОКЛЯЙТЕР — квартальный организатор нацистской партии.

БРИГАДЕНФЮРЕР — генеральский чин в войсках СС (соответствует бригадному генералу).

ВЕРМАХТ — вооруженные силы фашистской Германии.

ГАУЛЯЙТЕР — руководитель нацистской организации в гау (гау соответствовало области).

ГАУПТПАРФЮРЕР СС — унтер-офицерский чин в войсках СС.

ГАУПТШТУРМФЮРЕР СС — офицерский чин в войсках СС, соответствует капитану.

ГЕБИТСКОМИССАР — руководитель гитлеровской администрации на оккупированной территории. Гебит соответствовал округу.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР — нацистский наместник на территории оккупированной Польши; сама же оккупированная Польша именовалась нацистами генерал-губернаторством.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР — руководитель генерал-комиссариата — гитлеровской администрации на оккупированной территории. Генерал-комиссариат соответствовал области юга нескольким областям.

ГЕНОЦИД — истребление отдельных групп населения — национальных, религиозных, этнических или расовых. Преступления геноцида органически связаны с фашизмом и расистскими «теориями», проповедующими расовую и национальную ненависть, господство так называемых «высших» рас и истребление так называемых «низших» рас, послужившее толчком к заключению Конвенции о предупреждении и наказании преступления геноцида как международного преступления, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года.

ГЕСТАПО — тайная государственная полиция гитлеровской Германии.

ГИТЛЕРЮГЕНД — (гитлеровская молодежь) — молодежная фашистская организация Германии.

ГРУППЕНФЮРЕР — генеральский чин в СС и СА, соответствует генерал-майору.

ДАФ — «Германский трудовой фронт» — гитлеровская организация, созданная нацистами после их прихода к власти вместо ликвидированных ими профессиональных союзов.

«ДНЕВНИКИ ФРАНКА» — дневники Ганса Франка — одного из главных немецких военных преступников, бывшего генерал-губернатора Польни, обнаруженные в мае 1945 года у него в доме — пансион «Бергхоф» возле Нейгауза (Бавария). Всего было обнаружено 36 томов, содержащих протоколы заседаний управления генерал-губернаторства, различных совещаний, а также личные записи Франка.

Большую часть записей «Дневников» составляют речи и высказывания Франка, охватывающие период с 1939–1945 гг. Дневник, который вели день за днем Франк и его секретарь, явился неопровержимым документом, разоблачившим злодеяния фашистских главарей.

ЗИПО — полиция безопасности в гитлеровской Германии.

«ЗОНДЕРБЕХАНДЛУНГ» — «особое обращение» — так зашифровывали гитлеровцы распоряжение об уничтожении своих жертв, в частности советских военнопленных.

ЗОНДЕРКОММАНДО — специальный отряд полиции, СД или СС, который занимался массовым уничтожением мирного населения и военнопленных на оккупированных территориях.

ИМПЕРСКИЙ КОМИССАР (РЕЙХСКОМИССАР) — высший руководитель гитлеровской администрации на оккупированной территории, ему принадлежала вся полнота гражданской власти.

ИМПЕРСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ (РЕЙХСПРЕЗИДЕНТ) — имеется в виду Пауль фон Гинденбург, бывший президентом Германии с 1925 по 1934 год.

«КОРИЧНЕВАЯ ПАПКА» — сборник распоряжений и приказов так называемого министерства Розенберга по «управлению» оккупированными районами Советского Союза; продолжение и дополнение «зеленой папки» Геринга.

КРЕЙСЛЯЙТЕР — руководитель окружной организации нацистской партии.

«КУГЕЛЬ» («ПУЛЯ») — приказ гитлеровского верховного командования о немедленном расстреле военнопленных, бежавших из лагерей, при их поимке. Этот приказ распространялся на всех военнопленных, за исключением американских и английских.

ЛЕБЕНСРАУМ — «жизненное пространство» — один из лозунгов, оправдывавших территориальную экспансию германского фашизма.

МЕФО — («Металлургише Форшунгегезельшафт») — сомнительная банковская операция, проведенная Шахтом для перевооружения Германии и создания фашистской военной машины, давшая гитлеровцам 12 миллиардов марок.

«МРАК И ТУМАН» («НАХТ УНД НЕБЕЛЬ ЭРЛАС») — изуверская гитлеровская директива от 7 сентября 1941 г., согласно которой все лица, в какой-либо мере выступавшие против фашистских захватчиков, если они не подвергались казни на месте, вывозились

тайно в Германию и там бесследно исчезали. Об их судьбе ничего не сообщалось родственникам, чтобы держать их все время в состоянии беспокойства и тревоги.

НСДАП — «Национал-социалистическая германская рабочая партия» — так в целях обмана народных масс именовали германские фашисты гитлеровскую партию.

«НЮРНБЕРГСКИЕ ЗАКОНЫ» — расистские законы гитлеровцев о преследовании евреев в Германии.

ОБЕРГРУППЕНФЮРЕР — генеральский чин в СС и СА, соответствует генерал-лейтенанту.

ОБЕРШТУРМБАННФЮРЕР СС — подполковник СС.

ОБЕРШТУРМФЮРЕР СС — старший лейтенант СС.

ОБЕРБЕФЕЛЬСХАБЕРЫ — обладатели высшей исполнительной власти. В данном случае — группа высших военных командиров — командующие армией и приравненные к ним по рангу.

ОКВ — верховное командование гитлеровских вооруженных сил.

ОКЛ — верховное командование военно-воздушных сил.

ОКМ — верховное командование военно-морских сил.

ОКХ — верховное командование сухопутных сил.

ОПЕРАТИВНЫЕ ГРУППЫ — специальные отряды полиции, СД и СС, занимавшиеся массовым истреблением мирного населения на оккупированных территориях.

«ОПЕРАЦИЯ АБ» — нацистский план уничтожения польской интеллигенции.

«ОПЕРАЦИЯ АТТИЛА» — операция по захвату неоккупированных районов Франции.

«ОПЕРАЦИЯ КОТБУС» — массовое истребление еврейского населения Белоруссии и Прибалтийских Советских Республик.

«ОПЕРАЦИЯ МАРИТА» — фашистский план захвата Греции и Югославии.

«ОПЕРАЦИЯ СЕНО» — фашистский план захвата на оккупированных территориях СССР 40–50 тысяч подростков от 10 до 14 лет и вывоза их в гитлеровскую Германию для онемечивания.

«ОПЕРАЦИЯ ФЕЛИКС» — нацистский план захвата Гибралтара.

«ОПЕРАЦИЯ ШУЛУНГ» — фашистский план ремилитаризации Рейнской зоны.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОДТА — широко разветвленная военно-строительная организация гитлеровской Германии, названная по имени ее руководителя — военного инженера Фрица Тодта. После него во главе организации стал министр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер.

ОРТСГРУППЕНЛЕИТЕР — руководитель местной (районной) организации гитлеровской фашистской партии.

«ОСТДЕЙЧЕР БЕОБАХТЕР» — название газеты, фашистского официоза, издававшегося в Восточной Германии.

ОСТМАРК — так нацисты именовали Австрию после аншлюса (см. АНШЛЮС).

«ПЛАН БАРБАРОССА» — («ОПЕРАЦИЯ БАРБАРОССА») — нацистский план нападения на Советский Союз.

«ПЛАН ОТТО» — нацистский план захвата Австрии.

ПОДЖОГ РЕЙХСТАГА — беспрецедентная провокация, с которой нацисты начали свою «деятельность» после захвата ими власти в Германии и назначения Гитлера рейхсканцлером. На 5 марта 1933 г. были назначены выборы в рейхстаг и прусский ландтаг. Гитлеру и его приспешникам понадобился повод, чтобы оправдать необузданный террор в стране против оппозиции. С этой целью по заранее разработанному Геббельсом, Герингом и Гитлером плану в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. гитлеровцы подожгли здание рейхстага. В пылающем здании был задержан один из нацистских поджигателей — наймит-бродяга, извращенный психопат Маринус ван дер Люббе, которого пытались представить «голландским коммунистом», чтобы свалить вину за поджог рейхстага на коммунистов и расправиться с Коммунистической партией. За час до начала пожара рейхстага штурмовики устроили «демонстрацию протеста» против коммунистов, которые «подожгли» рейхстаг, и таким образом инсценировка поджога рейхстага «коммунистами» сразу же безнадежно провалилась. На Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников были выявлены новые материалы о фашистской провокации 1933 года. В частности, гитлеровский генерал Франц Гальдер показал, что в 1942 году Геринг говорил ему о своем личном участии в поджоге рейхстага.

ПРОТЕКТОР — лицо, возглавляющее протекторат. Протекторатом гитлеровцы называли захваченную ими Чехословакию. Протектором на территории Чехословакии, которая именовалась нацистами

протекторат Богемия и Моравия, Гитлер назначил барона фон Нейрата, которого сменил Гейдрих.

РЕЙХСВЕР — название германской армии после окончания мировой войны 1914–1918 гг.

РЕЙХСКАНЦЛЕР — имперский канцлер — глава правительства в Германии до мая 1945 года.

РЕЙХСКОМИССАР — см. ИМПЕРСКИЙ КОМИССАР.

РЕЙСЛЯТЕР — высший ранг руководителя нацистской партии.

РЕЙСМАРШАЛ — высшее воинское звание в гитлеровской Германии, которое имел только Геринг.

РЕЙСФЮРЕР — глава СС — Генрих Гиммлер.

РСХА — главное управление имперской безопасности.

«РУКОВОДСТВО МОРСКОЙ ВОЙНОЙ» — главный штаб военно-морских сил гитлеровской Германии.

СА — штурмовые отряды нацистской партии.

СС-ШУТЦШТАФФЕЛЬН — охранные отряды гитлеровской партии, позже — подразделения СС.

СД — служба безопасности при рейхсфюрере СС.

УНТЕРШТУРМФЮРЕР СС — младший лейтенант СС.

ФАТЕРЛАНД — отечество (применительно к нацистской Германии).

ФЕРБАНДЕСФЮРЕР — нацистский руководитель какого-либо союза, объединения.

ФОЛЬКСШТУРМ — народное ополчение, созданное Гитлером в последние дни фашистского режима.

ЦЕЛЛЕНЛЯЙТЕР — руководитель низовой организации гитлеровской фашистской партии.

«ЧЕЛОВЕК № 2» — так именовал себя Геринг.

«ЧЕЛОВЕК № 3» — имеется в виду Гесс, который после Гитлера и Геринга занимал третье место среди заправил гитлеровской Германии.

ШАРФЮРЕР СС — унтер-офицерский чин в войсках СС.

ШТАНДГЕРИХТ — гитлеровский чрезвычайный «суд» на оккупированных территориях.

ШТАНДАРТЕНФЮРЕР СС — полковник СС.

ШТУРМБАННФЮРЕР СС — майор СС.

ШТУРМФЮРЕР СС — лейтенант СС.

ЭЙНЗАТЦГРУППА — специальный отряд полиции, СД и СС, на который возлагались карательные функции на оккупированных территориях.

notes

Примечания

Вначале функции эксперта-психолога были возложены на майора Дугласа М. Келли, которого месяц спустя после начала процесса и практически до его завершения заменил майор Леон М. Гольдензон. Капитан Ричард Уортингтон и подполковник У. Данн также в течение короткого периода исполняли вышеупомянутые функции.

Автор излагает свои первые впечатления о самых заметных из обвиняемых. *(Примеч. ред.)*

В ходе процесса данный документ упоминается как «документ Хосбаха». *(Примеч. авт.)*

Демон — в восточной мифологии. (*Примеч. авт.*)

5

Дѣниц не подпадал под пункт 4 обвинения.

Reichsicherheitshauptamt (*нем.*) — Главное управление имперской безопасности. (*Примеч. перев.*)

Президент Рузвельт составил список стран и пытался убедить Гитлера в том, что он не должен нападать ни на одну из них. Палестина была также включена в этот список.

Эрнст фон Рат, третий секретарь германского посольства в Париже, был убит 7 ноября 1938 года 17-летним поляком Хершелем Гриншпаном.

Документ Хосбаха — см. заседание от 26 ноября.

См. материалы процесса от 26 ноября.

Фр. *rapprochement* — сближение. (Примеч. перев.)

Имеется в виду заверение Чехословакии в том, что на нее не нападут ко времени аншлюса; Геринг пояснил, что данное заявление относится исключительно к этому обстоятельству. (*Примем. авт.*)

Начиная с этого дня я распорядился, чтобы все беседы обвиняемых контролировались сотрудниками тюремной администрации, владеющими немецким языком, с последующим представлением подробных отчетов. Термин «под контролем» далее употреблен мною для обозначения подобных бесед под вышеупомянутым контролем. В этой связи мне хотелось бы выразить признательность Байеру, Конраду, Альбрехту, сержантам Олеру и Грюнеру.

Вследствие отказа Гесса рассчитывалось, что его защита не займет более двух часов и на послеобеденном заседании выступит Риббентроп. Доктор Заутер, первоначально взявший на себя защиту Риббентропа, уже в начале процесса отозвал свой мандат.

Риббентроп в статусе уполномоченного по особым поручениям вел в 1936 году переговоры о заключении антикоминтерновского пакта. Министром же иностранных дел он стал только два года спустя.
(Примеч. авт.)

Геринг, хоть и будучи уроженцем Баварии, всегда отождествлял себя с пруссачеством, общаясь с представителями прусской военщины, поскольку получил военное образование в Пруссии. *(Примеч. авт.)*

Приписывая вину за развязывание Второй мировой войны мировому еврейству, в своем так называемом «Политическом завещании» Гитлер пишет: «После меня ни у кого не осталось сомнений, что на этот раз истинным преступникам от расплаты не уйти, пусть даже этой расплатой станет не война, а более гуманный способ». *(Примеч. авт.)*

Сын Кейтеля был женат на дочери Бломберга от первого брака, и скандал с женитьбой фельдмаршала фон Бломберга затронул и семью Кейтелей.

Защите Функа, Заукеля, фон Нейрата и Фриче автор решил не выделять в данной книге места в целях ограничения ее объема. Выделение соответствующих разделов не добавило бы каких-то новых деталей в психологические портреты этих обвиняемых, какие стали известны автору в процессе общения с ними в их тюремных камерах. Американское издание автор решил дополнить разделом «Защита Зейсс-Инкварта», поскольку изложенное в нем существенно проясняет вопрос об Австрии, и включил в него беседы о деле Эйхмана, которым в первом американском издании уделяется меньше внимания.

Освалд Поль был начальником Главного административно-хозяйственного управления, в которое входила Управленческая группа «Д» — Концентрационные лагеря под руководством бригадефюрера СС Глюкса.

Трибунал вынес смертный приговор 12 обвиняемым — Мартин Борман был приговорен к смертной казни заочно.